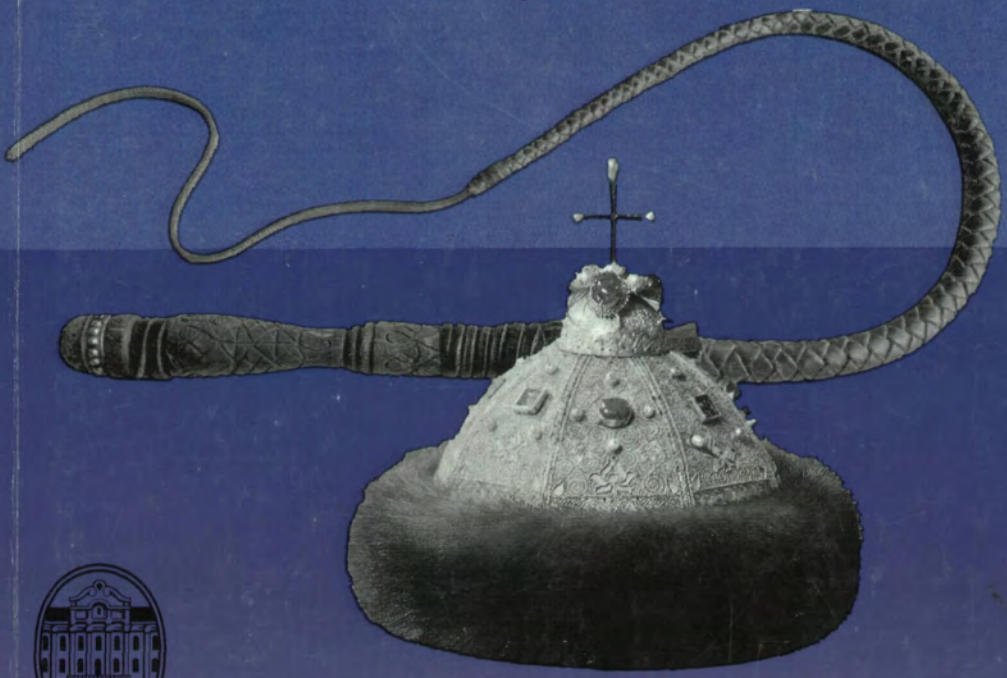
ХРЕСТОМАТИЯ ПО ПОЛИТИЧЕСКОЙ АНТРОПОЛОГИИ

АНТРОПОЛОГИЯ ВЛАСТИ

ТОМ 2

ПОЛИТИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА И ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ



ИЗДАТЕЛЬСТВО С.-ПЕТЕРБУРГСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

ХРЕСТОМАТИЯ ПО ПОЛИТИЧЕСКОЙ АНТРОПОЛОГИИ

АНТРОПОЛОГИЯ ВЛАСТИ

2 ТОМ





ПОЛИТИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА И ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ



9 785288 041983

ИЗДАТЕЛЬСТВО С.-ПЕТЕРБУРГСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

2 тт
30[illegible].00

АНТРОПОЛОГИЯ ВЛАСТИ

ПОЛИТИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА И ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ

ТОМ 2

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

АНТРОПОЛОГИЯ ВЛАСТИ

Хрестоматия по политической антропологии

Том 2

ПОЛИТИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА И ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ



ИЗДАТЕЛЬСТВО С.-ПЕТЕРБУРГСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
2007

ББК 66.0
А72

Рецензенты: чл.-кор РАН *В. А. Тишков* (Ин-т антропологии и этнологии РАН),
д-р ист. наук *Н. Н. Крадин* (Дальневост. отд. ин-та археол РАН)

Печатается по постановлению
Ученого совета Восточного факультета и УНЦ социологии
С.-Петербургского государственного университета

А72 **Антропология власти. Хрестоматия по политической антропологии:** В 2 т. / Сост. и отв. ред. В. В. Бочаров. Т. 2. Политическая культура и политические процессы. — СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2007. — 518 с.

ISBN 978-5-288-04198-3 (т. 2),
ISBN 978-5-288-04196-9

В предлагаемую читателю двухтомную хрестоматию по политической антропологии включены тексты известных отечественных и зарубежных авторов

Второй том посвящен проблемам политогенеза, политической культуры, взаимодействия политических культур, а также истоков и форм проявления этнических конфликтов

Книга предназначена для студентов и аспирантов, обучающихся по специальностям социальная антропология, социология, этнография, политология, а также может представлять интерес для широкого круга гуманитариев

ББК 66.0

© В В Бочаров, сост , 2007

© Издательство С.-Петербургского университета, 2007

ISBN 978-5-288-04198-3 (т. 2),
ISBN 978-5-288-04196-9

ТРАДИЦИОННАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА (ТПК)

Понятие «политическая культура» (ПК) является основополагающим для ПА. Традиционная политическая культура (ТПК) мыслится, как сложившаяся естественным образом система отношений по поводу власти и управления, регулируемая посредством традиции. ТПК полностью господствовала на ранних стадиях социогенеза, когда отсутствовала политика как специализированная сфера человеческой деятельности. В то же время элементы ТПК присутствуют на всех последующих стадиях развития общества, они носят неформальный характер, регулируя властно-управленческие отношения преимущественно на периферии социально-политического организма (в семье, социальных группах, субкультурах и т. д.).

Т. Б. Щепанская в статье «Странные лидеры. О некоторых традициях социального управления у русских» рассматривает процесс возникновения лидерства у русских на примере странника. Феномен лидера-странника, как считает автор, появляется в условиях неопределенности, которые нарастают в период перемен, а также всегда присутствуют в маргинальных областях социальной структуры (прорывах неопределенности). Именно здесь обычно фиксируется взлет иррациональности. Лидерами неопределенности являются пророки, знахари, ведьмы и т. д. В статье используются обширные этноисторические и современные этнографические материалы.

Н. М. Гиренко в статье «Вождь — охотник и земледелец» анализирует ТПК преимущественно на африканском материале. Автор приходит к выводу, что отношения власти складывались прежде всего в процессе производственно-хозяйственной деятельности. В частности, у земледельцев, как показывает автор, возникновение лидерства тесно связано с функцией расчистки земельного участка и подготовки его к севу, вызыванием дождя, заботой о плодородии почвы, что находит отражение в титуле вождя.

Приводятся также данные о том, что традиционное лидерство могло возникать в связи с такой наиболее архаичной формой хозяйственной деятельности, как охота. В ней участвовали, как правило, неженатые мужчины (молодежь), а также проявившие талант в военных дей-

ствиях Последние типы деятельности обнаруживают генетическую взаимосвязь

Прослеживается также связь лидерства с наиболее ранними идеологическими представлениями культа предков Опираясь на них, старшие пользовались авторитетом, благодаря которому разрешали назревшие в социуме конфликты

С. В. Дмитриев в статье «Политическая культура тюрко-монгольских кочевников в историко-этнографической перспективе», раскрывая ТПК тюрко-монгольских кочевников, первоначально сосредоточивает внимание на анализе политической терминологии, посредством которой власть обретает легитимность Анализируя термин *«сульде»*, обозначавший, в частности, харизму Чингис-хана, он приходит к выводу, что его значение восходит к охотничьей культуре, в которой он символизировал *«удачу»* охотника Впоследствии же *«сульде»* превратилось в широкое культовое понятие, приобрело теологический характер, связанный с персонифицированным культом Чингис-хана

Далее автор анализирует представление о *«голове»* как вместилище души «Головой» часто именуют лидеров в различных культурах Широко известны варианты изготовления из черепной коробки человеческого черепа чаш, голову именитого противника оправляли в золото и серебро, этой голове оказывали почести, перед ней разыгрывали умилостивительные представления, перед ней плясали и т д Отсюда отсечение головы было наиболее болезненным наказанием для политических оппозиционеров, терявших, таким образом, право на загробную жизнь Практика разорения могил восходит к древним представлениям культа предков Умершие переходили в разряд предков при условии соблюдения погребальных обрядов Разорение могил лишало умерших сверхъестественной силы Поэтому так поступали с могилами политических противников

Автор также анализирует знаменный комплекс как символ власти в ТПК, доказывая, что знамя не столько служило символом власти, сколько олицетворяло саму власть

Т Б ЩЕПАНСКАЯ

СТРАННЫЕ ЛИДЕРЫ. О НЕКОТОРЫХ ТРАДИЦИЯХ СОЦИАЛЬНОГО УПРАВЛЕНИЯ У РУССКИХ*

Эта статья о тайне как средстве социального управления, о ее роли в процессах самоорганизации сообществ Мы касаемся проблемы управления в условиях неопределенности, и в особенности роли иррациональных механизмов Главная фигура здесь — странник, профессионал в области использования иррациональных средств воздействия Странничество — не только социальное явление, но также и эзотерическая традиция Явление это чрезвычайно характерно для русской истории, по мнению Н А Бердяева, оно даже дает ключ к этнической специфике [Бердяев 1990 47] Тот же Бердяев, а также и Вл Вейдле видят здесь разгадку некоторых политических процессов — прежде всего, периодически повторяющихся «катастроф», менявших политическую организацию общества в России [Бердяев 1990 46, Вейдле 1991 32] Примечательно, что странник, как показывают исторические наблюдения, появляется в роли лидера в периоды перемен и в маргинальных областях социальной структуры — т е в прорывах неопределенности И в периоды перемен, и в маргинальных областях обычно фиксируется взлет иррациональности Итак, эта статья — о русских странниках как «профессионалах» иррационального управления и о специфике социальной самоорганизации в условиях неопределенности

I. Тайна и власть

Незадолго до распада СССР в его пределах наблюдался мистический бум Афиши на Невском очевидец расскажет о встрече с НЛО, лекции по трансцендентальной медитации, обучение оккультным практикам Открываю ежедневную газету, там заметка в воинскую часть к солдатам-строителям повадился снежный человек

* Этнические аспекты власти / Под ред В В Бочарова СПб , 1995 (печатается с сокращениями)

© Т Б Щепанская 2007

женского пола. Снарядили экспедицию — чудовище пропало, оставив, правда, в ближнем лесочке кучу экскрементов, по величине не имеющую аналогов. Под Пермью обнаружилась аномальная зона: там оранжевые шары, читающие мысли и предвещающие важные события. Желающие могут попасть туда, наняв проводника, организованы специальные туристические маршруты.

Что-то общее есть между экзотическими чудовищами пригородного леса и оранжевыми шарами из иного измерения; древними змеями, всплывающими в озерах; астральными силами экстрасенсов; зеленокожими пришельцами — то карликами, то гигантами. Общее — тайна: о них принципиально не может быть известно что-то определенное. Всегда должна быть загадка — или, скажем по-другому, точнее — семантическая пустота. «Снежные люди», «пришельцы», «НЛО» — образования не материального, а знакового мира: это символы тайны, способы маркирования семантической пустоты.

Семантическая пустота, упакованная в оболочку символа, — то, чем уже можно оперировать и чем в действительности оперируют. Не пришельцы, конечно, — люди.

Как любое знаковое образование, НЛО с пришельцами существуют в социальной среде и на нее воздействуют, обладая социорегулирующей функцией. Существование НЛО или снежного человека, сколь бы оно ни было призрачным, имеет по крайней мере один вполне видимый результат: определяет социальный статус (роль, авторитет) некоторых людей. Иван Иванович Ш. в преклонные уже годы вступил в астральный контакт с Главным (который «оттуда» управляет земными делами). Главный открыл Ивану Ивановичу, что к Земле приближается Вторая Луна. Иван Иванович теперь ездит по России с лекциями на эту тему, а кроме того, и с оздоровительными сеансами, поскольку общение с иными мирами открыло в нем дар целителя [Каленикин 1992: 252–272]. Главный и вся эта Надмировая конструкция — символические средства, с помощью которых сформировался новый статус Ивана Ивановича, обоснование его новых социальных ролей: лектора, знахаря, — и символическая основа его авторитета.

То есть во всяком случае социальной реальностью все эти чудеса обладают: формируют социальные ячейки, например. Кроме того, они играют роль символов, вокруг которых консолидируются сообщества: мы уже упоминали такие, как экспедиция для поисков снежного человека (реклама на ТВ, финансирование, пресса); школа медитации; НЛО (UFO) становится ядром таких сообществ, как Уфологическая ассоциация или экспедиция в Пермскую зону. В общем, все эти таинственные явления оказывают вполне видимое влияние на социальную жизнь, формируя как отдельные статусные ячейки, так и целые сообщества.

Вот эта социальная жизнь тайны и будет занимать нас в данной статье. Уже в первом приближении можно заметить связь тайны с управлением, властью. Все роли ее носителей — контактер, экстрасенс, уфолог — есть роли организаторов и лидеров, обязателен компонент особого влияния на окружающих, особых сил, авторитета. Это и понятно: ведь люди вокруг тайны — ее интерпретаторы, а интерпретация всегда предполагает возможность навязывания программ поведения [Щепанская 1989: 110].

Достаточно давно уже обнаружилась связь мистических бумов с периодами перемен и разного рода социальных сдвигов. В. Тэрнер описывает такую связь на обширном этнографическом материале из самых разных регионов — мифология и ритуальные формы пышным цветом расцветают в маргинальных и периферийных областях социальной структуры, а в периоды перемен такие области расширяются [Страхов 1988: 199]. П. А. Мюнх специально рассматривал ситуации или состояния аномии (anomie), т. е. недостаточности или отсутствия регулирующих норм: в качестве одного из механизмов компенсации он выделил ритуализацию взаимоотношений [Munch 1974]. В общем, иррациональные явления в общественном дознании, видимо, связываются с социальной неопределенностью.

Итак, мы обозначили основную тему нашей статьи: тайна и ее роль в социальной регуляции. На этом покинем современность, реалии которой помогли нам сформулировать и проиллюстрировать проблему. Собственно наша статья посвящена на русской традиционной культуре (деревенской в особенности). Одна ее область — культура дороги — была непосредственно связана с неопределенностью: здесь концентрировался опыт поведения в условиях неопределенности, а также ее «профессионалы» — странники [Шептаев 1972: 23]. Культура дороги — все те приспособления, ценности, представления, которые относились к пребыванию в пути (в странствии; во время переселений, передвижений, путешествий).

Источниками послужили главным образом записи, сделанные во время экспедиций на Русский Север в 1980-е гг. Наши полевые материалы хранятся в Архиве МАЭ (Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого) в Санкт-Петербурге, фонд К-1, опись 2. Дальше, ссылаясь на них, мы будем писать просто: МАЭ, указывая номер архивного дела и листа в нем. Привлекаются также материалы Этнографического бюро кн. В. Тенишева, собранные на стыке XIX и XX столетий. Сейчас они хранятся в архиве Государственного музея этнографии в Петербурге, в фонде 7, опись I (далее — ГМЭ)*.

---

* Ныне ГМЭ переименован в Российский этнографический музей (РЭМ), но мы сохраняем прежнюю аббревиатуру

II. Лидеры-странники

1. Загадочное влияние чужака

Странники — нищие оборванцы, бродяги без имени, пользовались в определенные моменты необъяснимым влиянием на крестьян. Бродяга, самовольно ушедший из казачьего войска, странствовал несколько лет по России. Добрался до западной границы, потом пошел обратно. Останавливался в старообрядческих скитах, а то просто просился в дома Христовым именем. Вернулся на Волгу, оттуда отправился на Яик, уже под видом купца. Все это происходит в 1772 г., когда на Яике не прекращается брожение среди казаков после неудавшегося восстания. Казацкие старшины заинтересовались странником, который показался им сообразительным и инициативным, объявили его над собою главным. Вскоре он объявляет себя Петром III (настоящий Петр III был убит в июле 1762 г.), чудесно спасшимся и теперь пришедшим постоять за справедливость. Нетрудно догадаться, что в документах странника было записано. «Объявитель сего, вышедший из Польши... веры раскольнической, Емельян Иванов сын Пугачев...» [Мамсик 1982: 142]. Далее следуют известные события крестьянской войны. Как вышло, что неизвестный бродяга, оборванец, вдруг объединил под своей рукою целый регион? В чем тайна его влияния?

Подобного рода крупные народные движения, конечно, единичны, но странники — лидеры разного масштаба являлись постоянно тут и там, создавая сообщества своих сторонников — от религиозных общин до бунтовских отрядов; они же возглавляли обычно переселенческие группы, соблазняя крестьян сниматься с мест и уходить на жительство в далекие неизвестные края.

Ем. Пугачев — не первый и не единственный, кто явился под именем Петра III. В 1765 г. в Воронежской губ. какие-то три странника «открыли» под большим секретом хозяевам, у которых остановились, что один из них — император Петр III; два другие — верные ему вельможи. Впоследствии «император» оказался беглым солдатом ландмилиции Гавриилом Кремневым. Однако самозванцам удалось собрать отряд из двухсот крестьян-однодворцев, которые выступили вскоре против гусарской команды, присланной арестовывать Лжепетра [Мамсик 1982: 5].

В 1847 г. на Оке, за Нижним Новгородом, в с. Павлов Перевоз, появился, по донесению занимавшегося этим делом должностного лица, «некий мужик, его же зовут Христом и яко Христа почитают» [Клибанов 1965: 42]. Мужик этот приобрел большое влияние и основал, по определению того же лица, «толк, глаголемый христовщина» [Клибанов 1965: 42]. С ним ходила «богородица» и 12 «апостолов».

Крестьяне, а особенно крестьянки окружающих деревень, стекались к нему на поклонение. Тоже лидер-странник.

Ходили такие во множестве, называясь то Христами, то святыми угодниками, то царями, странствующими инкогнито, а некоторые — их посланниками. В общем, отождествляли себя с источником высшей санкции (царем, Богом): это был символический код роли лидера.

Мы будем называть этих людей «странными лидерами». Во-первых, потому что они странники, люди дорог, термином «странный» мы определяем вообще все, что относится к культуре дороги, как говорят вместо «странники» — «странные люди». Дорожные нормы — «странные нормы», дорожное сообщество — «странное сообщество», там есть специфическое «странное управление» и «странные лидеры». А во-вторых, все эти нормы, сообщества, управление и лидеры действительно странные, в прямом смысле: они резко отличаются от привычных (как нам, так и носителям традиционной культуры) норм, лидеров и проч. Они казались странными окружающим. Разве оборванец и попрошайка может быть авторитетным человеком?

И, в-третьих, эти люди специально казались странными — странность была их управленческим инструментом. Они нарочно старались шокировать. «В городе Пензе, — пишут в Тенишевское бюро корреспонденты, — появилась артель странников, члены которой носят названия такие: Александр Невский, Иван Купала, Василий Блаженный и т. п. Все эти странники отличаются от обыкновенных людей своею внешностью. Так, Александр Невский представляет собой чудовище двухсаженного возраста (роста — *Т. Щ.*), в плечах аршина полутора, одет в семьдесят семь одеж рваных. Поверх висят железные и чугунные кресты, иконки, на шапке находятся жестяночки, из которых самая видная та, которая висит как раз надо лбом и гласит: “Страховое от огня общество”» (ГМЭ, д. 1290, л. 29. Пензенская губ., Городищенский у.). И мои информанты, вспоминая прежних своих странников, говорят об их странностях и чудачествах. Коля-Лепяшок нашивал на свою одежду лоскуты и еще облепливал ее «лепяшками» коровьего помета, откуда и прозвище. На Кокшенге был нищий Тумба, который распевал все время бессмысленную песенку: «Тумба-тумба-тумба я Тумба родина моя!» Еще была Лизавета Славна на Ваге, отличавшаяся мужской повадкой, грубым голосом и шокирующими привычками. И они все специально демонстрировали свои странности — это был знак их бродяжьего статуса; странности непостижимым способом способствовали их авторитету и увеличивали подаяние, т. е. были основой их влияния.

Из-за всего этого мы и называем их «странными лидерами». Сюда входит представление о трех странностях: странности как принадлеж-

ности миру дорог и странников; странности как необычности моделей лидерства; странности, наконец, в прямом смысле, т. е. нарочито демонстрируемой необычности поведения и вида.

2. Три роли странника

Обратим внимание на то, какие роли играли люди дорог. Странник интересует нас как специалист в области иррационального, поэтому рассмотрим три его роли, сами по себе включающие иррациональный компонент: знахарь; пророк; «леший» (странника иногда принимали при встрече за лешего или другую нечистую силу).

Чаще всего, когда прохожий появлялся в деревне, ему предназначалась ячейка знахаря: уже заранее предполагали, что он знает. «Курочки у меня, бывало, примирают, — вспоминает при мне старушка с Ваги. — А тут бабушка проходила — они, нищие, брались за любую вещь: "Я вам помогу". Пошла, в уголке пошептала на хлеб. Дает: "Нате, эти коржички скормите курочкам, они перестанут помирать!" Нищие за любую вещь брались...» (МАЭ, д. 1569, л. 30. Архангельская обл., Шенкурский р-н.). «У одной женки ребенок ревит, — записываю я от другой старушки, тоже с Ваги. — А нищий... говорит: "Открой подпол, да низом кверху дверцу-то подпола". И окатил водой ребенка (с этой дверцы. — *Т. Щ.*). Перестал ревить» (МАЭ, д. 1569, л. 21. Архангельская обл., Шенкурский р-н.)... В общем, прохожему страннику уже заранее была подготовлена социальная ниша знахаря — и он, как правило, её охотно занимал: это был заработок, уважение, возможность пожить в доме, иногда несколько дней, пока длилось лечение.

Вторая роль — это пророки и самозванцы. Сюда входит, собственно, целая группа статусов: странники — «святые угодники», «Иисусы Христы», «императоры», а также их «посланники и пророки». Мы уже приводили несколько примеров из этой серии, а теперь рассмотрим поближе один случай, чтобы понять, как именно и когда, при каких условиях странник является и принимается в этой роли.

В материалах Тенишевского бюро есть корреспонденция из Пензенской губ. По словам корреспондента, в одном селе появился прохожий и остановился на ночлег. Хозяева дома заметили некоторые странности в его поведении: от ужина отказался и почти всю ночь молился. Наутро по селу пошли разговоры: «Что это за человек такой, который молился и ничего не ел?» Вот встречаются на улице бабы и прямо заговаривают о страннике: «О страннике-то слыхала?» — спросила одна. — «Как же, слыхала! А что?» — «Да больно чудно что-то: ничего не ест... ведь это беда!..» — «Смотри, не колдун ли какой?» — «Ой, что ты, колдун!.. А как же он Богу-то молится... Говорят, всю ночь

стоял на молитве, а колдун молиться разве станет?» — «В самом деле, — отвечает та, — колдун молиться не станет... уж это не угодник ли какой?!» — «То-то я мекаю...» (ГМЭ, д. 1301, л. 28. Пензенская губ., Городищенский у.). Довольно скоро в селе и округе установилось общее убеждение, что странник на самом деле святой угодник. Я хочу отметить этот момент: он не сам назвал себя святым, эту роль ему приписало общественное мнение. Так обычно и бывает, судя по сохранившимся описаниям. Поэтому понятие «самозванец» несколько условно. Уже потом, когда крестьяне стали стекаться к нему на поклонение как святому, наш странник принял этот статус, заявив: «...вам открою тайну, которою крепко дорожите. Я давно хожу по белу свету странником, а странничать пошел по повелению Самого Иисуса Христа... Не странник я, а пророком называюсь...» (ГМЭ, д. 1301, л. 31. Пензенская губ., Городищенский у.). Вот и мы договоримся называть эту роль (даже группу ролей) — пророк. Пророк — представитель высшей санкции, действующий ее именем. И все наши самозванцы — представители высшей власти и авторитета: объявляют себя Богом, царем либо их посланниками (здесь различна степень самоидентификации с высшим началом).

Самозванчество (самоидентификация с высшей санкцией) — способ добиться авторитета: странник символически совмещается с ячейкой лидера. Использование полученного таким образом влияния бывает различно. В наших материалах есть такие варианты: странник организует отряд переселенцев и уводит его на поиски лучших мест; создает религиозную общину, как Лжехристос из Нижегородской губ. [Клибанов 1965: 42]; подвигает народ на бунт, возглавляет народное движение, как Пугачев и сотни мелких лидеров того же типа. Правда, в подавляющем большинстве случаев до этого не доходит: странник ограничивается кратковременной властью над умами в той только деревне, где остановился; смысл — получение обильных приношений...

Подобного рода пророки и самозванцы занимали ячейку, уже подготовленную для них: в народней среде бытовали представления о том, что святые, а то и сам Христос ходят по земле в облике странника (поэтому, между прочим, надо всегда хорошо, уважительно обходиться с прохожими людьми: рассказывали страшные случаи, как девица, грубо прогнавшая странника, окаменела на несколько лет — он оказался св. Никола угодник; стоило труда потом найти его, вернуть и умолить снять свое заклятье) (МАЭ, д. 1337, л. 102. Кировская обл., Яранский р-н). Периодически появлялись слухи о скрытном хождении «справедливого царя». К. В. Чистов [1967] определяет этот жанр как «легенды об избавителях», подробно анализируя их в известной монографии о социально-утопических легендах.

После углического убийства долгое время ходили слухи, что царе-

вич Димитрий жив, скрывается в монастыре, а достигнув зрелых лет, начал странствовать по Русской земле, он видит все творимые несправедливости, чтобы в свое время прийти на престол и наказать неправедных [Чистов 1967: 45]. К. В. Чистов анализирует цикл легенд о Константине-избавителе (в дореформенное время — о Константине Павловиче, а накануне восстания в Бездне — о Константине Николаевиче)...

Третья из иррациональных ролей странника — это роль «лешего». Лешим или другой нечистой силой, блазью, его считали в пути: эта роль приписывалась страннику вне сообщества (а знахарь и пророк — его статусы в деревне). На Ваге я записала рассказ о встрече с лешим: «Пугбло раньше, — вспоминает женщина. — В лес иду — вдруг идет какой-то: я его (прежде) не видела. Напереди котомка, на заду котомка. Я стала креститься...» (МАЭ, д. 1570, л. 6. Архангельская обл Шенкурский р-н). А как же иначе отвязаться от нечистой силы? Но почему же этот человек — леший, а не просто прохожий? Кстати говоря, именно так — с двумя котомками — обычно ходили нищие странники... Короче, женщина с Ваги встретила в лесу, вероятно, нищего — и стала креститься, т. е. отреагировала на него как на лешего, и запомнила этот ужас на всю жизнь, и мне рассказывала как о встрече с лешим. Незнакомцев вообще часто принимали за нечистую силу, достаточно было любого необычного признака в одежде или поведении. «Мы выезжали в пять часов пахать, — записываю я другой рассказ. — Одна женщина пошла. А по деревне мельница была. А у мельницы лбвы (перекидной мостик. — *Т. Щ.*). Вижу — сидит девка, чешет волосы, а волоса длинные... Я боюсь: идти вперед или назад? Пошла вперед. А та бух! — в воду». Рассказчица уверена, что то была русалка. Я спрашиваю, почему? — «А как? Это ж только солнышко всходит. А она уже сидит на реке. Как не русалка?» (МАЭ, д. 1568, л. 50. Вологодская обл., Тарногский р-н).

Итак, три статуса странника, так или иначе связанные с иррациональным: «леший», знахарь, пророк. Все три — лидерские. И знахарь, и «леший», и пророк манипулируют поведением тех, с кем взаимодействуют. Различны масштабы: знахарь программирует поступки только того человека, который к нему обратился за помощью; ну, может быть, еще его ближайшего окружения, поскольку знахарь нередко формирует общественное мнение. Пророк оказывает влияние уже на целое сообщество. Иногда и сам организует сообщество: переселенческую группу, бунтовской отряд, религиозную общину. «Леший» воздействует обычно на одного человека — того, с кем встретился в диком месте: выгоняет из лесной избушки, отваживает от ягодных мест. Короче, «леший» — лидер для одного человека, причем вне сообщества; знахарь — для одного или его близких — в сообществе; пророк — лидер целого сообщества. Но все эти три роли — роли лидера. Как только

странник использует иррациональные механизмы, тут же просматривается функция управления. Теперь нам предстоит поближе посмотреть, как действуют эти иррациональные механизмы и так ли уж они иррациональны (во всяком случае, для самого странника)?

III. Управляющие символы

> В один из тех дней, когда Он учил народ
> в храме, и благовествовал, приступили
> первосвященники и книжники со старейшинами
> и сказали Ему скажи нам, какою властью
> Ты это делаешь, или кто дал Тебе власть сию?
>
> (Лука 20, 1–2)

Если следовать традиционному взгляду, то власть странника основана на его тайных силах и сверхъестественных способностях. С. В. Максимов писал об одном вероучителе, обосновавшемся в лесном скиту. К нему сбегались армейские дезертиры, а еще больше — бабы, спасавшиеся от мужниных побоев. Вскоре образовалась целая община. И манила их всех в лес вера в необычное свойства учителя. «За Татьяной, — пишет С. В. Максимов, — повадились и другие бабы, потому что прошли слухи и сказывали... что учитель их чудеса творит: вот прознало про него начальство, везде его ищут, но ни его, ни сына, ни баб поймать не могут: все это знают и видят. А отчего не изловят? — У него така рубаха есть, что наденет он ее на себя и бывает невидим» [Максимов: 337]. Про Степана Разина — типичного странного лидера — записан целый цикл легенд; обобщая их, Л. С. Шептаев фиксирует множество сюжетов о чудесных способностях народного героя: «Сюжеты "Разин стряхивает оковы", "Разин выходит из заключения", "Разин отводит глаза"»... рассказ о волшебном камне Разина. Этот камень имеет свойство насыщать человека и вводить его в тайны природы. На вопрос царя, чем они кормятся, разинцы отвечают: «А у нас три камня есть. Первый камень облизнули — все станем сыты. Второй камень — в любые магазины сразу зайдем и никто нас не заметит. 15 или 20 человек сразу войдут, и никто их не видит. Третий камень облизнут — на всякие языки догадаются. Все, что говорят между собой и звери, и птицы на ихнем языке, всякая птица, кошка, мышка, пчела или шмель, и змея — все понимают и догадаются» [Шептаев 1972: 239]. В общем, традиция видит секрет влияния захожего странника (учителя из леса, Разина и пр.) в обладании сверхъестественными силами — теми же, что использует и знахарь. Л. С. Шептаев на своем материале (Разинский цикл фольклорной прозы) отмечает: «Раньше эти сюже-

ты укрепляли авторитет и власть колдунов, их влияние в быту. Теперь же волшебные ситуации осмысляются как конфликт атамана с врагами восставшего народа» [Шептаев 1972: 241] и как основа его власти среди бунтовщиков. Короче говоря, странник в обоих случаях использует тайну — и именно для достижения влияния, власти. А суть этой тайны — манипуляция символами.

1. Знахарь, сглаз, порча и мелкие бесы-помощники

Первое, с чего обычно начинает знахарь, — это введение символа: он символически определяет исходную ситуацию. Женщина простудилась и занемогла; «решили позвать знахаря. Приехал тот и сразу сказал, что боль приключилась от сглазу...» [Этнографические материалы... 1876: 2]...

Все начинается с иррационального определения несчастья: «сглаз», призор, прикос, порча, «сделано», напущены бесы и т. п. — знахарь вводит символ. А затем наполняет его содержанием. Разберем для примера характерный эпизод, который я записала в Вологодской области. В одном дворе всё время гибли коровы и овцы — «не велась скотина». Приходит какой-то старичок-странник и говорит: «Бедные эти люди! У них на дворе сделано!» Вот и первое звено: введение символа — «сделано». Далее его интерпретация: знахарь наполняет эту оболочку содержанием, объясняет, что же тогда делать дальше. «Будешь навоз вычищать, — говорит он хозяйке, — этот человек подойдет обязательно» (тот, кто "сделал", колдун.— *Т. Щ.*). «И действительно, подошла — Клавдюхина свекровка» (МАЭ, д. 1417, л. 21. Вологодская обл. Харовский р-н). Интерпретацией символа оказывается определенная программа поведения. Знахарь вначале предлагает символическую оболочку, а затем вкладывает туда программу — это средство сформировать поведение обратившихся к нему людей, особенно их отношения с окружающими. Вот и в данном случае: знахарь предлагает такую процедуру выявления колдуна, что колдун должен обнаружиться в близком окружении — среди тех, кто может подойти к хозяйке во время чистки хлева. Часто еще говорили, ведьма (а это может быть кто-то из родни или соседей) придет чего-нибудь попросить. То есть здесь знахарь вмешивается в семейные либо соседские отношения. Обвинение в колдовстве имело реальное влияние на эти отношения... Обвинение могло иметь для обнаруженной таким образом «ведьмы» весьма чувствительные последствия: ее били, иногда даже прогоняли из деревни, доходят неясные слухи и об убийствах (сжигание, забивание кольями, закапывание живьем в землю). Но это, конечно, случаи редкие, единичные. А чаще всего ограничивалось социальной изоляцией:

невестка, обнаружив, что свекровь — колдунья, перестает с нею разговаривать, не подчиняется ей — и главное, общественным мнением это принимается. Обвинение в колдовстве — это программа разрыва или резкого ограничения отношений. Существовали поверья, что можно «испортить» взглядом, прикосновением, просто во время разговора или встречи. Поэтому старались поменьше встречаться и разговаривать с тем, кого считали колдуном, и даже не здоровались с ним за руку. Порча могла быть передана через какую-нибудь вещь или если колдун что-то сделает с вашей вещью. Поэтому ему ничего не давали — на практике, как показывают наши материалы, это приводило нередко к прекращению соседской или родственной помощи...

2. Пророк и полчища дьяволов

Являясь в роли пророка (самозванного Христа, царя и пр.), странник тоже начинал с введения символа. Прислушаемся к его проповедям. Уже знакомый нам пензенский «святой угодник» рассуждал в таком духе: «Я давно хожу по белу свету странником, а странничать пошел по повелению Самого Иисуса Христа; послан для того, чтобы посмотреть, как живет народ православный, — спасается, как грехи на нем владеют, чтобы научить, как от грехов избавиться. Не странник я, а пророком называюсь... И вижу я, чего вам не видать, и слышу я, чего вам не слыхать. Вижу, как дьяволы заполонили всю вселенную, везде таскаются полчищами в ликах человеческих» (ГМЭ, д. 1301, л. 31. Пензенская обл., Городищенский у.)...

А дальше пророк использовал эти символы уже знакомым нам способом: для программирования поведения. Ярославская странница красочно описывает грядущие катаклизмы — и объясняет, что делать в такой ситуации: побольше молиться Богу, заботиться о душе. Пензенский странник тоже: вначале о нашествии дьяволов, а вывод — надо больше заботиться о душе, подавать милостыни, можно и прямо ему, а он отнесет в Иерусалим... В общем, страннические проповеди подвигали к вполне видимым поступкам; странник специально программировал такую реакцию — именно через введение непонятных образов, а потом их наполнение, кодирование.

Впрочем, пророки и самозванцы программировали и куда более значительные события, нежели только обильное себе подаяние. Проповеди на темы «конца света» и «прихода антихриста» побуждали к следующим действиям:

— к переселениям, причем поднимались и уходили в новые места целые деревни, а иногда и регионы... [Гурьянова 1988: 116; Мальцев 1989: 74–75; Ливанов 1873: 338];

— к бунту против властей [Чистов 1967: 89–90];

— к свертыванию материально-производственной деятельности; это касается и производства, по выражению К. Маркса, «средств к жизни», и «самой жизни» — снижалась рождаемость, фиксировались явления инфантицида, а также суицида по религиозным соображениям. Все странные лидеры в один голос призывают отказываться от тленных богатств сего мира и заботиться о душе...

Общий смысл всех программ, заложенных в символы «конца света», — выход из социальной системы, разрыв всех связей с нею. Способ разрыва — то физический, географический, уход, то коммуникативная самоизоляция. Бегуны, наиболее последовательно воплотившие эсхатологический комплекс, отказывались от паспортов, вообще любых государственных документов, служб, бумаг — даже денег: на всем этом, по их верованию, печать антихриста. Избегали в особенности переписей — от них чаще всего и бежали в глухие лесные места, основывая новые поселения. Но и обычные, не принадлежавшие к бегунскому согласию странники в большей или меньшей мере склоняли своими проповедями к самоизоляции от общества, особенно начальства, и свертыванию материальной сферы жизни. И основным средством передать населению такого рода программы были именно проповеди конца света. Кстати сказать, и в 1990-х гг., перед распадом Союза ССР, очень явственны были эсхатологические ожидания. В моих записях, сделанных не в деревнях, а в Ленинграде, есть предсказания: прилета астероида, который упадет то ли в Балтику, то ли в Ладогу, — и в Питере будет потоп; Балтийская плита расколется и — тоже потоп; будут страшные аварии на химических производствах, Ленинград опустеет и проч. Особенно усердно эсхатологические сюжеты излагали «странные лидеры» — знахари, экстрасенсы, контактеры и тому подобные специалисты по иррациональному.

Итак, символы типа «сглаз», «порча» и т. п. у знахаря или «конец света», «антихрист» — у пророков оказываются в их руках инструментами управления. Это слова с достаточно неопределенным значением, куда странник может вложить нужную ему программу действий.

3. Тайна символа

И вот здесь, наконец, мы подходим к разрешению проблемы, обозначенной в самом начале статьи: проблемы тайны и ее роли в управлении.

Вернемся к моменту введения символа. Когда знахарь обозначает ситуацию (например, гибель скотины) термином «сглаз» или «порча», он нисколько не уменьшает неопределенность. Наоборот: неопределенность в глазах окружающих еще увеличивается. Одно дело про-

сто падеж, другое — порча. Здесь тайна, опасность, тревожное ощущение близости неуправляемых потусторонних сил. «У вас сделано», «напущено»... После такого определения обыкновенному человеку (не знахарю) вовсе не становится яснее, что делать, наоборот: оно должно как раз обозначить бессмысленность обычных усилий, бесполезность обычных средств. Раз сглазили — здесь уже у врача не вылечишься. Надо ладить.

Иррациональное определение ситуации есть снабжение ее ярлычком-символом, значение которого еще менее понятно, чем сама ситуация. Все слышали о колдунах и порче, но невозможно точно объяснить, как все это действует. Никто не может — кроме знахаря. У него монополия интерпретации.

Символ вообще отличается тем, что его невозможно точно и однозначно объяснить. Принципиально невозможно, а если можно, то это не символ. В нем обязательна тайна — пустое семантическое пространство. Вот эта тайна символа, эта неопределимая часть его значения и позволяет при необходимости его произвольно кодировать. Тайна — это та пустота, которую знахарь заполняет в момент интерпретации. Он объясняет, как найти колдунью и как себя с нею вести — т. е. заполняет семантическую пустоту конкретными программами. Именно благодаря пространству тайны символ может быть средством управления, программирования действий. В некотором смысле он только пустая оболочка, а смыслы, вкладываемые в нее, меняются. Оболочка эта обязательно яркая — символ должен впечататься, — впечатать и прочно запечатлеться; только в этом случае вложенные туда программы будут работать, побуждать к действиям. Символ — «упаковка» программ и вместе с тем стимул, побуждающий к их реализации...

Пустота символа используется и в политических манипуляциях. Немецкий ученый В. Дикманн посвятил несколько работ изучению «лозунговых слов» — понятий, которыми обычно оперируют политики [Dieckmann 1969]. Основное свойство таких слов-манипуляторов — неоднозначность и туманность, и именно это, по В. Дикманну, обеспечивает способность этих слов «конденсировать политические программы»...

В общем, тайна есть атрибут управления через символы. Такое управление внешне предстает как магия, мистика, — появляется волшебный ореол. Характерное ощущение неясной тревоги возникает от столкновения с чем-то необъяснимым. Символ, вроде «порчи» или «лешего», таинствен не потому, что вы или я не знаем его точного смысла, а кто-то, подразумевается, знает; точного смысла таких понятий не может быть принципиально. Их семантическое наполнение возникает в момент интерпретации, а интерпретирует тот, кто имеет (либо сам берет) на это право.

IV. Символы неопределенности

Я хочу заметить, что такие пустые символы рождаются только в некоторых ситуациях; и только в их пределах странный лидер имеет свою власть. В общем, надо поговорить о среде, порождающей эти символы.

1. Социальная неопределенность

Обратим внимание на то, какие ситуации маркированы символами типа «порчи» или «антихриста».

Женщина простудилась, заболела. Перепробовали домашние средства — не помогло. Сходили к соседкам-шептухам — без пользы. Тогда заподозрили, что дело нечисто, поехали к известному знахарю, привезли — тот сразу заявил, что болезнь «от глазу» [Этнографические материалы... 1876: 2]. О сглазе речь пошла тогда, когда убедились в неэффективности обычных программ и приемов. То есть это ситуация, выходящая за рамки предусмотренного обычая... Именно такие ситуации обозначались иррационально.

А что обозначают (в смысле — какие ситуации) такие термины, как «антихрист» или «конец света»? На Двине, говорят, была одна старуха — предсказывала: «Я-то не доживу, а вы доживете: придут последние времена, будут девицы — бесстыжие лица. Что мужчины, что женщины — не отличить» (МАЭ, д. 1623, л. 63. Архангельская обл., Виноградовский р-н)... Вообще, во всех случаях, доказывая наступление последних времен, говорят о нарушении, крушении, преступлении основ нравственности — т. е. «последние времена» есть символическое определение выхода за рамки до того общепринятых норм и установлений.

«Нечистая сила» и «сглаз» знахаря так же, как «антихрист» и «конец света» пророков, таким образом, маркировали однотипные ситуации: ситуации вне норм...

Мелкие бесы знахаря и глобальные «полчища дьяволов» с «антихристом» различаются масштабами. «Мелкие бесы» — определение неопределенности в точечных ячейках социальной структуры: знахарь занимается делами одного человека или его ближайшего окружения. Это точечные вспышки неопределенности. А если она охватывает все обозримое социальное пространство, то речь идет уже о нашествии дьявольских полчищ. В общем, символы антимира маркируют сферу распространения неопределенности, ее границы.

2. Ячейка для лидера

Итак, символы, которыми странные лидеры пользуются в управлении, порождаются хаосом, неопределенностью. Заметим: лидера еще нет, знахаря еще не позвали. А символ уже есть. Уже есть орудие — и очерчена сфера, в пределах которой этим орудием можно пользоваться. То есть уже сформирована ячейка, социальная ниша для лидера. Его ждут или прямо призывают.

Женщина долго болела, её не могли излечить, подозревают, что ее сглазили. А раз так — надо звать знахаря, простыми средствами не помочь. То есть иррациональное определение ситуации есть уже сигнал к приглашению знахаря: ячейка для знахаря.

То же и с пророками-самозванцами. Слухи о последних временах возбуждали и разговоры о скором приходе Спасителя. Ропот населения и жалобы на несправедливость властей часто сопровождались слухами о скором появлении справедливого царя-избавителя: будто бы он пока скитается по земле, скрытно наблюдая народные бедствия; но наступит момент, и он объявится. К. В. Чистов фиксирует жанр — «легенды об избавителях» (конкретные лица были разные: такие легенды ходили относительно Петра III, царевича Димитрия, о Великих князьях Константине Павловиче и Константине Николаевиче и др.). «Легенды об избавителях» — не что иное, как ячейка для странника-лидера: они подготавливали общественное мнение к принятию того, кто придет и объявится долгожданным Петром (Димитрием, Константином...).

Цепочка одна и та же у пророка и знахаря: ситуация неопределенности — символ (сглаз, конец света, неправедность властей) — ячейка для лидера. Или проще: ситуация — символ — статус.

Итак, вот откуда берется тайна символа: он возникает как символ тайны, порождается неопределенностью. Он оформляет неопределенность, маркируя границы ее распространения в сообществе, а тем самым, обозначая сферу действий и власти лидера-странника, его роль: если неопределенность точечная, то это роль знахаря; если охватывает все сообщество, то — пророка (лжецаря, лжесвятого или другого самозванца).

3. Прагматическая тройственность

С участием символа в управлении связано еще одно его свойство — тройственность, или «трехвалентность», его семантики: способность соединяться с тремя разными интерпретирующими множествами, полями потенциальных значений. Например «сглаз» — что он обозначает? Во-первых, ситуацию: ребенок без конца плачет, молодая же-

на тоскует и худеет — говорят, *сглазили*. Это марка ситуации. Во-вторых, «сглаз» — сигнал к поиску знахаря: он, следовательно, обозначает ячейку для знахаря, указывает социальный статус. В-третьих, «сглаз» — это уже некоторая программа действий: надо искать тех, кто сглазил, а отыскав, вести себя с ним осторожно, избегать с ним лишних контактов. Впрочем, знахарь в разных случаях подставлял разные программы. Итак, символ (здесь «сглаз») одновременно обозначает ситуацию; программу реакции; статус человека, который задает эту программу.

Иначе говоря, символ интерпретируется из трех разных интерпретирующих множеств: ситуаций, моделей поведения, статусов. Можно говорить о трех ключах (ситуативном, актуальном, социальном). Тройственность обнаруживается в момент раскодирования символа, поэтому точнее назвать ее даже не семантической, а прагматической. Благодаря этому качеству символ служит мостиком от ситуации к реакции (во-первых) и к определению статуса (во-вторых). Или средством перекодирования исходной ситуации — в реакцию и статус.

Схема такая:

РЕАКЦИЯ → СИТУАЦИЯ →

(символ) → СТАТУС

V. Власть дороги

И сказал: истинно говорю вам: никакой пророк не принимается в своем отечестве... (Лука, 4, ТА)

Но почему он, этот лидер неопределенности, должен быть странник? Почему его ждут с дороги? В «легендах об избавителях» избавитель, скрываясь, странствовал и должен был прийти именно как странник. Странники и объявляли себя Петрами Третьими, Христами — это было заложено уже в легенде. И ячейку знахаря дорожному человеку занять легче: деревенский знахарь должен долго доказывать свою особую силу, а потом её постоянно подтверждать; а приходит прохожий незнакомец — и в нем априори видят знахаря. Как будто дорога накладывает какую-то печать?

1. Культ неопределенности

Надо представить себе место дороги в традиционной картине мира: дорога в ней — сфера небытия... Дорога — не самостоятельный мир, а перерыв между поселениями: провал, пустой безымянный хаос. Там нет организации, названий, значений. Этнический миф-

самоописание у русских — «домашний», этнос видит себя как оседлый. То, что связано с дорогой, оказывается как-то вне этого мифа, а точнее — в теневой, потусторонней части.

Все это вполне определенным образом сказывалось на поведении. Пребывание в пути воспринималось как жизнь вне сообщества, а вместе с тем — и вне сферы досягаемости его норм, вне регуляции. И вели себя там так, как будто «закон не писан».

Характерно, что артели нищих, в деревне мирно собиравшие подаяние, на лесных дорогах нередко занимались настоящим разбоем: как сообщали корреспонденты Этнографического бюро кн. В. Тенишева, дорога преображала «божьих детушек» в разбойников, причем это даже мало кого удивляло, скорее было обычным. Из Пошехонья сообщали, что местные крестьяне совсем не осуждают вора, промышляющего на стороне, даже находят это выгодным: можно дешево покупать вещи (ГМЭ, д. 1772, л. 14. Ярославская губ., Пошехонский у.). Деревни, стоявшие на большой дороге, нередко в полном составе промышляли разбоем — и это никак не отражалось на семейной и родственной репутации добропорядочных отцов семейств. [Криничная 1987: 179].

Общественное мнение контролировало и управляло поведением только в пределах общины; выходя в дорогу, человек совершенно выпадал из сферы действия норм и оказывался вне всякого контроля. Поведение менялось иногда просто разительно. В конце прошлого (XIX) века вологодские девушки из деревень ходили на заработки в Питер: их так и звали — «питерянки». Перед отъездом, в своей деревне, они вели себя очень церемонно, соблюдали положенные ритуалы прощания и заботились о своей репутации. «Дня за два до отъезда, — пишут в Этнографическое бюро, — ходят по родным и знакомым прощаться. Накануне устраивают прощальный обед, служат молебен и отправляются» (ГМЭ, д. 333, л. 42. Вологодская губ., Сольвычегодский у.). И тут нормы и правила как будто совершенно забываются: «Дорогой питерянки, даже девки, забывают всякие приличия. Дома они держат себя хорошо: опасаются знакомых и, кроме того, их сдерживает желание выйти замуж, но дорогою они развертываются “вовсю”, в особенности на пароходах и на железной дороге. Там они пользуются репутацией легких женщин и за ними “прихлестывают” все — служащие, учащаяся молодежь и прочие проезжающие и редко без успеха» (ГМЭ, д. 333, л. 42. Вологодская губ., Сольвычегодский у.). Носители традиции очень хорошо чувствовали, что в дороге они оказываются вне норм...

Дорога, отменяя обычные и привычные нормы, становилась сферой неопределенности. Неясно, как вести себя; непредсказуемо и поведение встречного человека (раз он не подчиняется нормам). Именно в таком качестве, как сфера неопределенности, и воспринималась дорога с точ-

ки зрения традиции, — именно потому, **что эта традиция основана на** представлении о себе как об оседлой.

2. Управление неопределенностью

Управление в условиях неопределенности — особая проблема. Как можно управлять человеком, выпавшим из системы статусов и норм? Обязанности и права его неясны, повлиять на него обычными средствами (давление общественного мнения, поощрение — наказание и пр.) нельзя. Как общество может регулировать его поведение? Как регулировать поведение в пути, когда он оказывается недоступен прямому воздействию, да в родной деревне и вообще о нем могут не знать ничего?

Но если не сообщество, то традиция все-таки продолжает регулировать поведение и такого, выпавшего, ушедшего из привычных социальных структур, человека. Средство регуляции — символ, т. е. символ неопределенности.

В дороге, в лесу — вне сообщества человек попадает в мир, регулируемый именно такими символами. Вот, скажем, существовала такая норма — запрет кричать и вообще громко разговаривать, петь на дороге, особенно если в лесу, далеко от домашних пространств. Но все-таки кричали, перекрикивались, распевали песни... И все-таки традиция имела средства воздействия. «Я коней пасла, по ночам ходила, — вспоминает пожилая женщина с Ваги о тех временах, когда была еще девочкой. — Пасу — такой ельник, темень такая. А я все песни пою, чтобы зверь не пришел. Ну, надоело, видно (многозначительная пауза, крестится: надоело ему, лешему, — но лучше его имени не произносить. — *Т. Щ.*)... Потом за мной как запело, поет и ветер, а даже лес нагибает. Что же мне делать? Бежать домой — я ему навстречу пойду. Я три раза перекрестилася: "Господи, благослови!" Я к огню прижалася... Ну, я перестала петь после того» (МАЭ, д. 1570, л. 15. Архангельская обл., Шенкурский р-н).

Что произошло в этом эпизоде? Ситуация (страшный шум и ветер в лесу) определяется в терминах иррационального: «лешему надоело», леший пришел. И такое определение — сигнал к реакции, программа реакции: «Ну, я перестала петь после этого»... «Леший», следовательно, — символ, посредством которого традиция управляет ее поведением, но не с помощью внешних рычагов, а как-то «изнутри» ее собственного «я». Такого рода управление — пожалуй, одно из немногих средств регулирования поведения в условиях неопределенности. Находясь в пути, человек погружается в мир управляющих символов.

3. Переход на «ту» сторону

А если он там пребывает достаточно длительное время, если это профессиональный странник, то он может перейти к активному использованию этих символов. Люди, по роду деятельности часто бывшие *вне дома* — пастухи, охотники, *профессиональные нищие*, — не только убегали от лешего, но иногда и искали с ним встречи, чтобы «договориться» и чтобы он им помогал. На Ваге лешего ищут так: «Возьми свой крест, пойди на просеку, крест положи под пятку, наклонися, меж ног (надо) глядеть. И пройдет человек, один, второй. А третий пройдет — он спросит: Что тебе надо? Среди ночи, после двенадцати. Это — крест под пятку — дак ясно: нечистой силе отдаешься» (МАЭ, д. 1570, л. 22. Архангельская обл., Шенкурский р-н). В общем, человек символически переступал грань «этого» мира (где Бог, нормы, дом), идентифицируясь с миром леших и прочей потусторонней блази. Такая самоидентификация превращала его в том мире из объекта лешачьих шуточек в субъекта: он сам уже был как леший. Это открывало ему возможность манипулирования поведением других людей — и именно посредством символов типа «лешего»...

В общем, пребывание в дороге вовлекало человека в мир неопределенности и, более того, — позволяло освоить там активную, лидерскую роль.

VI. Ядерные структуры

1. Испускающий символы

Итак, мы рассматривали процессы, происходившие в пустотах (разрывах, переходах, промежуточных областях) социальной структуры. Там распались межличностные связи или не установлены их нормы. Теперь главный вопрос: как организуется образовавшееся социальное пространство? Иными словами, нужно реконструировать тип возникающей там структуры связей.

Это можно сделать, зная, как осуществляется социальное управление — в зонах неопределенности для этой цели служит символ. Такая модель управления порождает социальную структуру, которую принято называть ядерной: в центре ее находится лидер, и все связи замкнуты на него. Получается что-то похожее на звезду.

Действительно, рассмотрим хотя бы пример знахаря (обращая внимание на направление коммуникативных потоков и управляющих воздействий). Знахарь, определяя несчастье как результат сглаза, колдовства или иным иррациональным образом, тем самым передает пациенту (и одновременно всем окружающим) символ, пока еще «пустой»

в семантическом смысле. Затем его кодирует — вкладывает свою программу действий. Ее воспринимают все, кто так или иначе заинтересован в деле. Скажем, в случае конфликта невестки со свекровью, о котором мы выше писали, знахарь создает условия, при которых невестка высказывает в адрес свекрови обвинение в колдовстве; знахарь ритуально подтверждает обвинение, переводя его в статус общественно признанного факта. В результате вся деревня узнает, что старуха «портит» людей; невестка перестает (по возможности) с нею общаться, причем общественное мнение относится к этому одобрительно. Здесь можно видеть не одно, а сразу множество управляющих воздействий, распространившихся от знахаря фактически ко всем, кто так или иначе (по родству или интересу) причастен к конфликту. Они восприняли эти воздействия вместе с символом, которым знахарь обозначил исходное несчастье («колдовство»). В данном случае перед нами типичная коммуникативная «звезда», потоки информации в ней текут центробежно от знахаря. По сути, каждый знахарский акт есть мгновенное создание такой «звезды».

Ее организующим ядром служит символ (здесь — «колдовство»): именно он объединяет общественное мнение против свекрови, после того как она отмечена этим символом. Чтобы выполнять функции лидера, знахарь должен занять это место в центре коммуникативной структуры, а для этого — идентифицироваться с символом. Точнее — утвердить свое право интерпретации: управляет тот, кто заполняет пустоту символа, а значит, передает свои программы.

Традиция выработала средства самоидентификации знахаря с используемыми им символами. Прежде всего это «демонстрация бесов» и сверхъестественных способностей, связанных с владением нечистой силой. Это был целый пласт знахарской практики.

В Вологодской обл., на р. Кокшенга, рассказывают про тамошнего знахаря: «Придешь — он забе́гает, засвишшет, двери откроет. А то дак: — У меня, мол, помощники заняты или — отдыхают...» (МАЭ, д. 1568, л. 84. Вологодская обл., Тарногский р-н). На р. Вага в Архангельской области до сих пор вспоминают бродившего там Степу Коддунчика. Он подрабатывал знахарскими услугами и по печному делу. Когда Степа клал печку, то все время бормотал что-то, как будто к кому-то обращался: «Вот эту кирпичину клади туда, эту туда, эту туда». — «Трем работу, значит, давал,» — пояснила мне старушка (МАЭ, д. 1569, л. 37. Архангельская обл., Шенкурский р-н)... Способ демонстрации «бесов» — как правило, соответствующая интерпретация случайных и неожиданных событий. Зайчики, кошечки, выбежавшие на лесную дорожку, внезапно вылетевшая птица — любое событие знахарь мог интерпретировать как явление нечистой силы, а тем самым и доказать свою власть над нею... В общем, с помощью такого рода

приемов и фокусов знахарь занимает место, обозначенное символом: становится в центре, к которому стягиваются и от коего расходятся коммуникативные потоки. Это и есть место лидера в ядерной структуре.

Пока мы описали ее работу в центробежном режиме: информация (программы) течет от знахаря к периферии, там воплощаясь в реальные действия. Однако процесс образования ядерной структуры начинается раньше. Управлению предшествует сбор предварительной информации, центробежной фазе — центростремительная: информация вначале стягивается с периферии к знахарю.

Итак, странствующий знахарь приходит в деревню. В материалах Тенишевского бюро есть запись, позволяющая лучше представить себе, как это происходило. Пишут из Вологодской губ.: «Есть женщина Настасья Иванова (46 л.), которая тем и живет, сама кормится и мужа и троих детей кормит, что ходит по различным местностям России и сбирает... Она куда ни придет, кого ни встретит, всем ворожит, узнает судьбу и даже мысли человека. Ходит она постоянно не одна, а вместе с другою какою-нибудь Марьею или даже двумя избранными навсегда у нее товарками... Не известно, как она угадывает судьбу людей. Известно только то, что... одну свою товарку под видом простой странницы-богомолки посылает вперед. Она, заходя в различные дома, узнает, каков в деревне народ, кому можно поворожить, что это за человек, каковы его настоящие дела, и все эти сведения она передает мнимой юродивой. Когда же та приходит в эту деревню, то ей уже все известно и потому и идет прямо в такой дом, где есть желающий погадать и где можно пробыть несколько времени безопасно от начальства... » (ГМЭ, д. 154, л. 46. Вологодская губ., Вологодский у.)...

Что происходит в коммуникативном смысле? Вначале странствующий знахарь находит тех, у кого несчастья, — т. е. обнаруживает в деревне зоны неопределенности. Намечаются будущие связи с потенциальными клиентами. Когда потом знахарь начинал ворожить и отвораживать, эти связи актуализировались. Возникнет реальная ядерная структура, о которой говорилось выше. Она закладывается еще до того, как знахарь начинает действовать.

Потом, когда пациент придет к знахарю с конкретным делом, тот прежде всего реализует свое предварительное знание. Характерный момент знахарской магии — демонстрация ясновиденья... Демонстрация ясновиденья — момент, когда потенциальная связь становится актуальной. Знахарь оживляет уже заложенный в период сбора информации канал связи с пришедшим человеком. Теперь он воспользуется этим каналом уже для центробежной передачи информации, т. е. управления.

В общем, право управлять подготовлено предварительным сбором сведений о потенциальных клиентах и зонах неопределенности. Поэтому знахарь должен был появляться в местах скопления такой информации. Не случайно знающие люди посещали едва ли не каждую свадьбу и похороны, а профессиональные странники тяготели к святым местам — пунктам сосредоточения множества паломников со всей округи. Надо заметить, что паломничество совершали обычно в ответ на кризисную ситуацию — по поводу болезни кого-то из близких, неладов в семье или падежа скотины. То есть паломники — носители информации, связанной с ситуациями кризиса, — той самой, которая входила в сферу интересов знахаря. Хорошую возможность сбора информации имел пастух, поочередно ночуя в разных домах. Не случайно пастухи довольно часто подрабатывали знахарскими услугами. Кстати сказать, ячейка пастуха предназначалась обычно для прохожего нищего, так как свои избегали этой роли — она считалась позорной. Поэтому нередко человек зимой бродил в качестве нищего, а на лето нанимался пасти.

Таким образом, в сфере своей деятельности (а это, как мы помним, была зона неопределенности) знахарь формирует ядерную структуру межличностных связей и сам становится ее ядром. Вначале эта структура работает в центростремительном (сбор информации), а затем в центробежном (программирование поведения) режиме. То есть ядерная структура становится как бы средством стягивания социальных пустот.

2. Странные сообщества

Такие же структуры странник создавал и когда выступал в роли пророка, самозванца — в общем, лидера более или менее длительно существующего сообщества. Мы оставили его в тот момент, когда он организовал секту, возглавил бунтовскую ватагу или соблазнил крестьян переселяться и сам стал во главе переселенческого отряда. Что касается структуры всех этих образований, то она однотипна — держится на авторитете лидера. Из Пензенской губ. в самом конце XIX в. сообщали о том, как происходят крестьянские переселения. После всех приготовлений «формируется переселенческий отряд; имущество продают, оставляя только лошадей... и необходимую одежду... исключаются из общества по приговору, выбирают из среды своей старосту и назначают день выезда» (ГМЭ, д. 1982, л. 4. Пензенская губ., Инсарский у.). То есть прежде всего новоиспеченное сообщество обзаводится лидером... Бунтовские отряды, разбойничьи ватаги, нищенские артели — все имели ядерную структуру, т. е. связи замыкались на лидере, а рядовые члены были между собой слабо или совсем не связаны. Во

всяком случае, горизонтальные связи не имели значения для консолидации таких сообществ. Мы их назвали «странными», поскольку они существовали в зонах неопределенности, которая в русской традиции ассоциировалась с дорогой. А часто это и в прямом смысле были дорожные, странствующие, сообщества (например бунтари, беглецы-старообрядцы, нищие или переселенцы). Короче, и здесь мы имеем то же, что в случае знахаря, — зона неопределенности стягивается ядерной структурой.

3. Тайна и эволюция неопределенности

Пришло время собрать воедино наши наблюдения неопределенности, управляющих символов и ядерных структур и вернуться к проблеме тайны.

Можно говорить о двух типах связей, консолидирующих сообщество и обеспечивающих его целостность. «Нормальное», достаточно длительно существующее и, главное, производящее (материальные блага и самое жизнь) сообщество держится на материальных связях его членов. Его консолидируют отношения, возникающие в связи с материальным производством: брачные (производство, если можно так выразиться, и К. Маркс уже выразился, жизни) и хозяйственные. Это первый тип связей в сообществе. А как обстоит дело в условиях неопределенности в социальных пустотах? Материальные отношения отсутствуют, есть некоторая неструктурированная среда — и в ней начинается процесс самоорганизации. Возникают сообщества — что их цементирует? В отсутствие материальных связей общность может держаться только на силе символа. И действительно, мы видели, как в социальных пустотах, в зонах неопределенности, возникают ядерные структуры: люди в них стягиваются вокруг ядра — символа (он может быть персонифицирован фигурой лидера). Это второй тип связей и сообществ. Может быть, надо говорить о ядерных структурах как о форме первичной социальности, в которой начинается процесс самоорганизации. А символ — средство самоорганизации. Первичная структура, возникающая в зонах неопределенности, держится силою символа. А атрибут символа (в его управляющей роли) — тайна: семантически пустое пространство для кодирования, капсула для программ. Тот, кто владеет монополией или просто правом заполнять эту пустоту, интерпретируя символ, получает возможность передавать остальным членам сообщества свои программы поведения, т. е. управлять. Поэтому тайна — это еще и ограничение права интерпретации символа.

В общем, роль тайны должна быть больше там, где больше неопределенность социальной ситуации. Чем слабее материальные связи, тем больше роль символа как консолидирующего начала сообщества. А

значит, и роль тайны. Поэтому везде, где рушится производство, семьи, вообще отношения по поводу материальной стороны жизни, нужно ожидать роста ядерных (авторитарных, жестко централизованных) структур, основанных на контроле за потоками информации и производстве символов. Именно так происходит обычно после разного рода революций и войн. Причем ядерные процессы тем заметнее, чем сильнее разрушены материальные связи.

И наоборот: по мере эволюции сообщества в нем складываются брачные или хозяйственные взаимодействия, при этом соответственно снижается «ядерность», а вместе с тем роль символов, тайн и центральных лидеров.

Можно привести несколько примеров. Один из них — эволюция разбойников Разбойничьи ватаги (от 4–5 до 40–50 человек) — весьма характерная в прошлом деталь российского ландшафта И сейчас в редкой деревне не сохранились воспоминания о разбойниках, живших когда-то на ближней горе. Чаще всего по происхождению это были дезертиры из армии или осколки бунтовских ватаг. Много разбойников, например, разбрелось после разинского восстания. Нередко в этой же роли оказывались просто отряды переселенцев, подыскивавшие место для жилья или специально высланные для этого группы разведчиков-ходоков. Иногда они находились в бродячем состоянии несколько лет, по пути промышляли нищенством, а при удобном случае не гнушались и ограбить прохожего. Местное население воспринимало их как разбойников, что зафиксировали и некоторые источники (см.: ГМЭ, д. 477, л. 1. Казанская губ., Спасский у.; д. 1342, л 233–23. Пензенская губ., Краснослободский у). Вначале они вели бродячую жизнь, потом селились где-нибудь на высоком мысу у слияния рек или скрещенья дорог (т. е. в месте, удобном с точки зрения контроля над коммуникациями и обороны) В это время у них обязательно был атаман, обладавший ярко выраженной единоличной властью, вплоть до распоряжения жизнью и смертью своих собратьев. То есть на этом этапе структура ядерная, а сообщество непроизводящее. Дальнейшую судьбу разбойничьих сообществ источники (преимущественно предания) рисуют однотипно: они основывают поселение и переходят к обычной жизни хлебопашцев... Некоторые из них основывают даже и монастыри и скиты. На новом месте бывшие разбойники распахивали землю, строились, наконец, женились — женщин брали либо из местных либо приводили с места исхода. Иными словами, постепенно разворачивалась материальная сфера, сообщество превращалось в производящее, начинало держаться на брачных и хозяйственных связях — и теряло ядерную структуру. никакого атамана больше не было Это, так сказать, типовая модель обживания новых мест... По тому же пути надо ожидать развития событий после, например, революю-

ции или любого другого события, связанного с разрушением материальных отношений. Первое время должны будут возникать ядерные структуры, держащиеся силою символа Эволюция идет в направлении материализации сообщества — развития производства, сложения производственных связей, а вместе с тем на снижение роли ядра и центральных символов. Но это при условии, что есть время на эволюцию То есть систему нужно оставить в покое. Если развитие прервать новой революцией, то опять все сначала. Лучшее средство сохранить авторитарность, таким образом, — свергнуть ее, а лучшее средство избавиться — оставить в покое. Революции — способ организации неопределенности, а значит, и ядерных структур.

ЛИТЕРАТУРА

Бердяев Н А Русская идея, основные проблемы русской мысли XIX века и начала XX века // О России и русской культуре Философы русского послеоктябрьского зарубежья М , 1990

Вейдле Вл Три России // Смена 1991 №8 С 30–45

Гурьянова Н С Крестьянский антимонархический протест в старообрядческой эсхатологической литературе периода позднего феодализма Новосибирск, 1988

Каленикин С Грядет нечто // Смена 1992 №1 С 252–272

Клибанов А И История религиозного сектантства в России (60-е годы XIX в — 1917 г) М , 1965

Криничная Н А Русская народная историческая проза // Вопросы генезиса и структуры Л , 1987

Ливанов В. Ф Раскольники и острожники Т IV СПб , 1873 С 75

Мальцев А И Странники-безденежники в первой половине XIX в // Христианство и церковь в России феодального периода (материалы) Новосибирск, 1989 С 330–357

Максимов С В Бродячая Русь // Отечественные записки Кн 229

Мамсик Т С Беловодцы и Беловодье (по материалам следственного дела о побеге 1827–1828 гг) // Источники по культуре и классовой борьбе феодального периода (Археография и источниковедение Сибири) Новосибирск, 1982 С 135–164

Мыльников А С Искушение чудом «Русский принц», его прототипы и двойники-самозванцы Л , 1991

Соколова В К. Типы восточнославянских топонимических преданий // Славянский фольклор Л , 1972 С 202–233

Страхов А Б О пространственном аспекте славянской концепции небытия // Этнолингвистика текста Символика малых форм фольклора М 1988 С 92–95

Чистов К В Русские народные социально-утопические легенды XVII–XIX вв М , 1967

Шептаев Л С Древние традиции разинской прозы // Славянский фольклор М , 1972 С 234–241

Щепанская Т Б Культура дороги на Русском Севере // Полевые исследования ГМЭ народов СССР 1985–1987 гг Тез докл науч сессии Л , 1989 С 79–80

Щепанская Т К Культура дороги на Русском Севере Странник // Русский Север Ареалы и культурные традиции СПб , 1992 С 102–126

Этнографические материалы из области народного знахарства в Олонецкой губернии // Олонецкие губернские ведомости 1876 № 70 С 2

Dieckmann W Sprache in der Politik Einfuhrung in die Pragmatik und Semantik der politischen Sprache Heidelberg, 1969

Munch P A Anarchy and anomie in an atomistic community // Man 1974 Vol 9 N 2 P 243–261

Н М ГИРЕНКО

ВОЖДЬ — ОХОТНИК И ЗЕМЛЕДЕЛЕЦ*

Наиболее сложные системы социального устройства у народов группы банту представлены в районах, которые, по всей вероятности, можно определить как контактную зону различных хозяйственно-культурных типов Это зона контакта хозяйственно-культурного типа земледельцев (или земледельческо-скотоводческих этносов) и хозяйственно-культурного типа преимущественно скотоводов.

Несомненно то, что в зоне контакта достаточно четко прослеживается наслоение традиционных форм организации масаи и орома (группа барон) на общинно-родовые общественные формы ряда этнических групп банту. Это выражается в заимствовании ритма циклов включения в систему возрастных классов (синхронизация инициации) с принятием соответствующей номенклатуры для обозначения возрастных степеней, а также внешних атрибутов, как это наблюдалось у того Танзании [Mnyampala 1954: 84–85, Rigby 1969 19, 177] Система возрастных классов оказала существенное влияние на группу этносов банту, имеющих общие этногенетические легенды, связанные с исходом из Шунгвайа — легендарной прародины покомо, теита, диго, гирьяма, шамбала, сегеджу и др [Prins 1952] Последние примеры имеют важное теоретическое значение Они достаточно точно указывают, благодаря лингвистической определенности сходства соответствующих категорий при контрасте контактирующих лингвистических семей, какие институты были заимствованы и получили соответствующее (заимствованное) название, какие не являются заимствованием, так как имеют аналоги в других (отдаленных) этносах банту и соответствующий параллелизм в содержании обозначенных социальных категорий. Сопоставление этих обозначений показывает, в частности, что сам принцип формирования возрастной группы (называемой *рика, зика, илика)* для банту характерен, но предполагает преимущественно

* *Гиренко Н М* Социология племени СПб Наука, 1992 (печатается с сокращениями)

© Н М Гиренко, 2007

группу одновременно инициируемых, в то время как возрастной класс у скотоводов предполагает наличие множества таких групп в рамках одного поколения... Обратимся к характеристике вождя племени у народов группы ньямвези — сукума — кимбу — гого.

В свете основной характеристики традиционного земледелия ньямвези — переложного — интересна этимология названия лидера племени как максимальной структурной единицы социальной организации народов этой группы — *нтеми* (вождь). Слово образовано от основы-*тема* — «рубить», «расчищать», «взращивать» и употребляется в сочетаниях, например: *-тема исанзу* — «делать огород», «устраивать поселение» и проч. [Dahl 1915]. Основа слова распространена гораздо шире, нежели обозначение лидера (в указанном выше значении). В современном языке суахили, где отсутствует такое название для лидера, сохранилось слово *мтема*, в сочетании *мтема купи*, используемое практически только в выражении: *утапата ча мтема купи* — «узнаешь, где раки зимуют». Дословный перевод — «получишь то, что рубящий хворост». Помимо этой поговорки основа *-тема* не используется, она вытеснена основой *-ката* — рубить, резать. В других языках, как центральной, так и восточной групп языковой семьи банту, эта основа со значением «расчищать участок от зарослей» (в целях дальнейшей эксплуатации его) используется продуктивно (например, в языках луба, сафва, гого, кикуйу). Интересно, что в устной традиции кикуйу словом *ндеми* обозначалась одна из двух групп, которые сменяли друг друга с интервалом примерно в 35–40 лет. Этим словом якобы было названо поколение, начавшее очистку земли от зарослей и введшее традицию земледелия. Впоследствии поколения сменяли друг друга, и получились две группы — *мванги* и *ирунгу*. Верховная власть передавалась через упомянутый интервал от одного поколения другому на церемонии *итвика* [Kenyatta 1938: 85, 186–189]. Аналогичную смену можно видеть в исходе у ньякьюса [Wilson 1967a: 45], в бинарной структуре «младших вождей» покомо [Prins 1952: 27].

На прямой вопрос миссионера Ф. Боша о том, кто был первым «королем» *(мтеми)*, ньямвези отвечали, используя социально-возрастные групповые термины: *баханья, бекулу* — «предки-мужчины» и «предки-женщины» [Тревер 1947]. Тем не менее, Бош приводит подобие легенды о появлении человека, который стал первым вождем. Этот человек, которого ньямвези назвали Бошу Мгоколо, пришел с клюкой в земли ньямвези и заявил, что земля принадлежит ему и только с его разрешения жители могут обрабатывать ее, пасти скот, рубить деревья, пользоваться водными источниками. До этого каждый мог делать выбор участков земли по своему собственному желанию [Bosch 1930: 318–319]. Кроме Боша, никто этой легенды не зафиксировал. В ней настораживает резкое отличие от генеалогических легенд других на-

родов Восточной и Центральной Африки. Поздние исследования устной традиции также не подтверждают такой версии возникновения института вождя. Кроме того, легенда очень сильно напоминает рассказы суахилийских работорговцев о былых днях, когда они с одним посохом могли ходить всюду в Уньямвези и делать то, что им было угодно [Стенли 1874: 217]. Следует заметить, что и непосредственно перед образованием на территории Танганьики колониального общества, и еще в колониальное время ньямвези в известной мере жили именно в соответствии с принципом, который разрушил легендарный Мгоколо, так как о покупке, продаже земли, как и о нехватке ее, речи не было, т. е. версия о Мгоколо представляется относительно поздним и имеющим только узкое локальное распространение произведением фольклора ньямвези.

Термином *мтеми* (вариант *нтеми*, множественное число только *батеми*) мог обозначаться не только вождь, но практически глава любого поселения. По описаниям европейских путешественников, по записям рассказов суахилийских торговцев, заметно, что таковым было обращение ко всякому лицу, имевшему право дать разрешение на стоянку каравана. Факт применения одного термина в отношении лиц, относящихся к различным социальным уровням (слоям), — явление, типичное для племенной формы общественного устройства. Так, например, титул *кабака*, переводимый часто как «король», деспот-правитель Уганды, мог употребляться и для обозначения главы поселения, так как имел общее значение «хозяин», «независимый» [Roscoe 1921: 167–168]. То же самое можно сказать и относительно таких широко распространенных терминов, как *мвене* или *мвинйи*, такое же широкое употребление имели титулы *казембе, касонго*, т. е. большинство так называемых титулов правителей. В связи с этим и такой привнесенный суахили титул, как *султани*, во внутренних районах употребляется в XIX–XX вв. столь же вольно. Перевод этой титулатуры в европейских этнографических источниках обычно зависит от того, с какой политической единицей в европейской традиции отождествляется в каждом конкретном случае политическая или социальная общность, на которую распространяется авторитет (в конкретном вопросе) данного «титулованного лица». Игнорирование возможности использования одного термина для обозначения разных лиц и, соответственно, обозначения одного лица разными социальными терминами в зависимости от обозначения разных функций ведет к смешению социальных категорий.

Хорошим примером полного смешения социальных категорий (структура племени, структура эпигамной общности, структура хозяйственной группы) может быть, например, описание К. Т. Вилсона: «Страна (Уньямвези. — *Н. Г.*) подразделяется на ряд областей, каж-

дая из которых управляется верховным вождем (?) *монунгва*, ниже которого имеются несколько меньших вождей, называемых *ньямпара, или* "внуки"» [Wilson 1880: 19].

Широкое использование титулатуры имело вполне реальную основу, которая заметна достаточно ясно. Любое лицо, в какой-то степени претендующее на именование *мтеми*, должно быть прежде всего из группы первопоселенцев в том районе, на который распространяется его власть, стоять во главе такой группы, традиционно считавшейся первой освоившей эту территорию, расчистившей землю для использования, обнаружившей водоем [Abrahams 1967: 57]. Даже в колониальный период старостой деревни (хозяином земли) мог быть только член группы первооткрывателей территории. Этими свойствами обладал глава практически любого поселения у ньямвези, кимбу, гого. В целом титулатура верховных правителей у банту достаточно прозрачна по семантике (ср. *каземба* — «большой дом», *мтва* — «голова», *мвиньи* — «обладатель» и др.), что, с одной стороны, позволяет определенно говорить о местном происхождении титулатуры, а с другой — способствует достаточно вольному использованию ее самими носителями языков.

Логику термина правителя у ньямвези можно сформулировать следующим образом: из первых (или первый), следовательно, главный, наиболее уважаемый. Учитывая семантику самого слова *мтеми*, основу возникновения института вождя в данном случае довольно сложно видеть непосредственно в его военных функциях.

Известно, что ко времени проникновения европейских путешественников и торговцев во внутренние районы современной Танзании вожди имели подобие военных дружин, или телохранителей. Для руководства военными отрядами, собираемыми в засушливый сезон из неженатых молодых людей, был специальный чин — *мтвале* (примерно — «голова»). Сам вождь традиционно не мог отлучаться за пределы своего племени. Действия «воинствующего» вождя — политика и торговца — Мирамбо, подчинившего себе на некоторое время военными набегами значительное количество других вождей, не следует считать типичным или традиционным явлением у ньямвези — сукума даже для этого периода. Причины возникновения и упадка «империи» Мирамбо могут быть объяснены через рассмотрение состояния караванной торговли и политических процессов в этой части Африканского континента во второй половине XIX в., что выходит за рамки нашей работы.

Традиционно функциями *мтеми* были скорее ритуальные — связь с предками, вызывание дождя, забота о плодородии, решение внутренних конфликтов, контакт с иноземцами, оборона угодий и т. д. Социальная группа, на которую распространялась такая «опека» *мтеми*, называлась *бутеми*. Этой общностью *мтеми* и правил. Конкретные

хозяйственные вопросы (землепользование, наследование и др.) решались старейшинами на уровне общины, и к авторитету *мтеми* прибегали только в случае неразрешимых конфликтов, как к последней инстанции. Существенно, что традиционно (как практически все африканские правители) *мтеми* правил людьми, а не землей [Abrahams 1967: 130–132].

Территория, которая считалась территорией предков *мтеми*, определялась специальным термином *чало*. Соотношение терминов *бутеми* и *чало* примерно такое же, как, например, соотношение терминов «государство» и «страна». Слово *чало* в том же значении присутствует, например, у дамба и бемба (современная Замбия). Так, у бемба *ицало* — территория с определенными границами и традиционным наименованием, подчиненная доминирующей на ней матрилатеральной группе. «Эти подразделения, — сообщает О. Ричардс, — являются территориями, выделенными членам правящей семьи, но, однажды поделенные, они никогда позднее не подразделялись, дабы не образовывались более мелкие вождества новых поколений принцев, как это случалось в некоторых областях Южной Африки» [Richards 1940: 91]. *Читимукулу* (значение — трон) — верховный вождь бемба — имел свое *ицало*, именовавшееся Лубемба, и правил другими («районными») вождями — *мфуму* с их *ицало*.

Выделение *бутеми* и *чало* в качестве двух самостоятельных категорий представляется важным. Неправомерно считать, что это две стороны одного явления. Дело в том, что в состав одного *бутеми* могло включаться несколько *чало*, главы которых по отношению к группам и лицам, не входящим в *бутеми*, сами могли претендовать на титул *мтеми*. В то же время по отношению к лидеру *бутеми* они считались *мванангва*, или в более поздний период, *мваначало* (граждане). Уже, собственно, в колониальный период появляется особый термин *мтемива*, т. е. «сделанный вождем». Вмешиваться в вопросы, связанные с землепользованием, *мтеми* имел право только в отношении той территории, которая признавалась территорией предков правящей группы родственников. По отношению к этой правящей группе все население *бутеми* подразделялось на две категории: *биса-либе* и *базенги*. Традиционно в европейской литературе эти социальные категории сопоставляются с категориями «знать» *(бисалибе)* и «простолюдины» *(базенги)*. Первое слово восходит к основе *-сала* [Velton 1901] — «владеть», «наследовать» и может быть переведено на русский язык как «владетельные», «наследные». Второе слово имеет основу *-зенга* — «строить» и определяется как «построившиеся», «пристроившиеся». Для обозначения такой категории, как «сосед» (вне оппозиции к *бисалибе*, используется «взаимный» термин *нзенганва* (множественное число *базенганва)*. Термины *бисалибе* и *базенги* вне этой оппозиции не используют-

ся, что служит некоторой основой для соотнесения их с аналогичной оппозицией, представленной категориями «знать» и «простолюдины» в системе социальных категорий классового (например, феодального) общества.

Мтеми всегда избирался из большой группы лиц, которые относились к категории *бисалибе,* возводящих свои «генеалогии» к первопоселенцам на территории основного *чало* данного *бутеми* (племени). Следует заметить, что и группа *бисалибе,* в свою очередь, делилась на две категории — *вана* (условно — дети) и *базукулу* (внуки) по отношению к главным предкам. Здесь также представлена оппозиция социальных категорий. Преимущественными правами, или «большей знатностью», в данном случае обладали в соответствии с традиционными представлениями не дети, а внуки. Помимо такого критерия, как принадлежность к группе потенциальных претендентов, *мтеми* должен был обладать качествами. которые способствовали бы процветанию соплеменников. Он должен был иметь авторитет, знания в столь важной отрасли традиционного хозяйства, как охота, сбор меда, а в период расцвета караванной торговли — в этой новой сфере. Авторитет он должен был заслужить до вступления в должность вождя *бутеми.*

Изобилие дичи и меда постоянно упоминается в ранних европейских источниках о внутренних районах континента [Dapper 1686: 397]. На большую роль охоты в прошлом прямо указывают произведения фольклора, генеалогические легенды ньямвези и близкородственных этносов [Mnyampala 1954: 3–4]. Это находит свое отражение и в таких ритуалах, как, например, возведение в сан вождя. Охота, как отрасль традиционного хозяйства, осталась наименее зафиксированной в этнографических описаниях. Наиболее подробно описание охоты ньямвези представлено в монографии В. Блома [Blom 1931: 3–4]. Фрагментарность описания традиционной охоты вызвана рядом причин. К одной из них относится то, что в период расцвета караванной торговли (примерно середина XIX в.) большинство мужского населения, до этого занимавшегося в засушливый сезон охотой, переключалось на самое активное участие в караванной торговле, нанималось в качестве носильщиков в караваны своих или в караваны суахилийских торговцев.

Особую роль играл такой вид традиционной охоты, как охота на слонов. Ньямвези полагают, и, вероятно, не без основания, что до возникновения рыночного спроса на слоновую кость на восточноафриканском побережье охота на слона велась преимущественно в целях получения мяса. Бивни практически во всем регионе банту традиционно считались: один — собственностью вождя, на территории которого убито, второй — собственностью группы охотников. Члены такой группы охотников на слонов (с копьями) в районе Уньямвези именовались *баеге* [Blom 1931: 99; Shorter 1972: 28]. Группы *баеге* могли уходить на

значительные расстояния от территории собственного племени, особенно в период повышения спроса на слоновую кость, который вел к истреблению животных на обширных территориях. Об интенсивности этой охоты говорит наблюдение М. Гийена о том, что уже в середине XIX в. основная масса слоновой кости восточноафриканского побережья шла из районов Уньямвези [Guillain 1856: 389]. Европейские путешественники отмечали, что во второй половине XIX в. в областях, прилегающих к основным караванным путям, слоны встречаются крайне редко, хотя жители еще помнят о временах, когда их было много [Thomson 1881: 177]. Видимо, не случайно именно в этот период (середина XIX в.), когда основными районами охоты на слонов стали области к западу от Великих озер, произошла миграция группы из района Уньямвези в район Катанги (современный Заир).

Нам представляется, что основной целью миграции был поиск новых промысловых районов, хотя группа, вероятно, воспользовалась путем, по которому шла меновая торговля медью [Roberts 1968: 134]. Там под руководством «деспота из племени гаренганзе» (искаженное ньямвезийское *галаганза)* по имени Мшили (Мсири) была организована своеобразная военно-политическая организация. Отряды Мсири, вооруженные к этому времени уже и огнестрельным оружием, подчиняли окрестные племена, отнимали слоновую кость. Ряд вождей был вынужден принять имя Мсири в качестве титула [Doke 1930: 41]. В упомянутой работе К. Дока Мсири именуется «Великий *йеке*». В основе этого названия, по всей вероятности, лежит самоназвание группы Мсири, если эта группа представляла собой группу охотников с копьями на слонов и крупную дичь. Известно, что Мсири по происхождению был из сумбва. Насколько можно судить без специального анализа, слово имеет значение «отдельные», «другие» [Dahl 1915]. Если приведенные доводы справедливы, то в примере с *йеке* Мсири мы имеем случай, когда название отдельной социальной категории (социальной группы) в специфических условиях трансформируется в этноним. Такие примеры этнографии известны [Чернецов 1983: 18–45; Чеснов 1973: 142–145].

Это могла быть группа неженатых молодых людей, выступающих под предводительством наиболее энергичного или наиболее сильного из них, их лидера. Такие охотничьи группы могли создавать относительно самостоятельные поселения в местах наиболее продуктивной охоты и в пределах плато Уньямвези, если была возможность организовать земледелие, имелся водный источник. Следы представлений об организации таких поселений сохраняются в традиции практически всех правящих родственных групп в районе Уньямвези [Abrahams 1967: 31–32]. С рассказа о том, как некто (с группой охотников) пришел на такое-то место и его собака нашла источник воды, начинаются

типичные для банту «генеалогические» легенды, как, например, у гого [Mnyampala 1954: 21, 35]. Легенда о переселении — мотив у большинства народов банту. Примечательно распространенное у народов на плато Уньямвези обращение к вождю: *ва ньяма,* так как по обычаям прошлого он являлся распределителем мяса, пищи. По крайней мере, так трактуют этимологию такого обращения сами ньямвези [Abrahams 1967: 103]. *Слово ньяма действительно имеет во многих языках этой* группы банту значение «зверь», «мясо».

Обязательную принадлежность вождя к охотничьей семье, а точнее — к группе охотников на крупную дичь, можно усматривать не только в династических традициях, но и в самом ритуале возведения в сан. Здесь мы ограничимся только перечислением таких моментов, которые, по нашему мнению, относятся к этому качеству и, кроме того, указывают на то, что вождь является лидером (вероятно, до избрания) или отождествляется в мировоззрении с лидером возрастной группы и группы охотников.

1. Ритуальное избиение кандидата на пост вождя членами его возрастной и одновременно производственной группы. Такой процедуре подвергался, например, вождь Уньяньембе по имени Фундикира, когда до его сотоварищей по каравану, где он в это время пребывал, дошел слух, что в Уньяньембе его намерены выбрать вождем [Burton 1961: vol. 2: 31–32].

Обычай избиения был распространен широко в Уньямвези и в последнее время объяснялся следующим образом: это испытание, сможет ли вождь с достоинством и твердостью нести все тяготы своей нелегкой должности [Yongolo 1953: 33].

2. У ног вождя помещают собаку с желтыми пятнышками над глазами (так называемую «четырехглазую»). Собака носит имя одного из предков вождя. Эта деталь должна как бы подтверждать, что претендент связан родством с предками, бывшими удачливыми охотниками [Bosch 1930: 497]. Здесь уместно снова вспомнить об упомянутой роли собаки в поиске водного источника.

3. После избрания и посажения на шкуру льва (считалось, что дотрагиваться до нее имеют право только охотники и вожди) вождь не бреет голову до тех пор, пока не поступит подтверждения, что предки-охотники приветствуют выбор, т. е. пока в пределах племени не будет убит слон. Если такого подтверждения нет, то считалось необходимым начать войну с целью получения головы другого вождя (или его главной жены) — свидетельство преуспевания в военных походах [Yongolo 1953: 34–35].

В рассматриваемом регионе почти всюду вождь является олицетворением военной силы племени. Он всегда лидер (или из лидеров) воинов-копьеносцев. Примечательно, например, в ритуале возведения в

сан вождя уха (Западное Уньямвези) обязательно произносится фраза при окроплении претендентов магическими снадобьями: «...подойди ближе... ты, являющийся вождем (*мвами*) копий». Только после ряда процедур, включая и посещение священной рощи, где похоронены предки-вожди, он становится не «вождем копий», а полным вождем — отцом племени [Tripe 1935: 54]. Следует заметить, что военные рейды, как правило, совершались группами неженатых молодых людей. Именно они и составляли основу боевых отрядов Мирамбо *руга-руга*. На это среди прочих свидетельств указывает и то, что *руга-руга* имели такие же магические отметки, как и охотники на слонов (*баяга*) [Shorter 1968: 241]. Отряды *руга-руга* составляли основную военную силу вождей региона. Название предположительно восходит к *улуга* — «война» и в таком случае обозначает собственно «воины». Есть и такое предположение, что слово образовано от *илуга* (мужские половые органы) [Dahl 1915: 520]. *Руга-руга* отрезали их у врагов и украшали свои головные уборы в знак воинской доблести [Shorter 1968: 241], что напоминает обыкновения скотоводов оромо.

В данном случае можно предполагать, что название восходит и к более традиционному институту молодых воинов при дворе вождя, фактически к дружине, как она была представлена у анколе. Как сообщает К. Оберг, в краале правителя *(мугаба)* в Анколе всегда находилась группа молодых людей, известная как *абагарагва,* состоявшая из родни «короля». Эти молодые люди были сыновьями наиболее знатных лиц в подчинении «короля» и следовали за ним повсюду в его передвижениях по подвластной ему территории. Из их состава позднее назначался военный лидер. Группа делилась на старших и младших воинов. Старшие составляли ударную силу в рейдах за скотом и одновременно являлись телохранителями вождя [Oberg 1940: 139].

4. Возведение в ранг вождя, как правило, сопровождается процедурой его бракосочетания. Кандидат — женщина, так же как и сам вождь, назначается советом старейшин после консультаций с колдунами и духами предков. Эта главная жена *(мголи в 'иханга* — дословно «девица-двойняшка») участвует во всех процедурах ритуала возведения в сан вождя, кроме предварительных, например ритуального избиения. Ритуал бракосочетания в данном случае можно рассматривать как инициацию при переходе личности вождя из группы неженатых (воинов и одновременно охотников) в группу старшего, «оседлого» поколения.

Мтеми правил соплеменниками не только в силу своей причастности к группе, имеющей преимущественные права первенства, не только благодаря сакральным качествам, приобретенным им при инициации его на этот пост, не только потому, что, по гаданиям колдунов, предки племени благоволили ему. Кроме всего этого, он должен был постоян-

но подтверждать, что все это действительно так, и своими личными действиями, своими качествами. Если подтверждения не следовало, то для всех становилось очевидным, что предки отвернулись от вождя или что кто-то напустил на него порчу. В последнем случае могли следовать обвинения в колдовстве и кровавые расправы над мнимыми злодеями (как правило, родственниками), как это было в случае заболевания вождя Уньяньембе Исико [Thomson 1881: 258]. Вождь, не отвечавший возлагавшимся на него надеждам или неспособный справляться со всеми своими обязанностями по болезни или по старости, иногда убивался. Так, если верить устной традиции, был ритуально задушен заболевший и потерпевший поражение от туей знаменитый Мирамбо. Эта же участь постигла и его преемника Мпандачало [Abrahams 1967: 34, 43; Bennet 1971: 150–159]. Такой же мотив устранения вождя есть и в традиции кимбу [Shorter 1972· 107]. Вождь при всей своей сакральности, а скорее — именно благодаря ей, не имел права быть физически или духовно немощным. Его сила — это сила предков, его магия — магия предков, его победы — победы тех, кто жив, и всех их предков.

Генетическая связь таких социальных ролей, как вождь и лидер группы охотников, прослеживается и в ритуале похорон. С кончиной ни вождь, ни охотник на крупную дичь — в отличие от простых людей — не оплакиваются, но в обоих случаях организуется *нгома я байеге* (северный вариант — *баяга*) и *нгома я бакота* — «пляски охотников на слонов» и «пляски старых женщин» [Wittfogel 1957: 61]. Аналогичные ритуалы вплоть до последнего времени совершались (кроме указанных двух категорий лиц) в отношении главной жены вождя *(мголи в 'иханга)* и колдунов *(бафуму)*, т. е. тех, кто относился к категории *балилва на нгома* — «оплакиваемых барабаном» (и пляской) [Wittfogel 1957: 63].

Ритуальное убиение или изгнание правителя широко распространено у многих этносов на Африканском континенте. Традиция науки, восходящая к исследованиям немецкой школы культурных кругов, связывала его с заимствованием в целом института вождя от «хамитов», в частности из районов Межозерья [History of East Africa 1966: vol. 1, 194–195]. Здесь можно отметить об упоминании этого обычая в описаниях, касающихся народов Восточной Африки в средневековой арабской литературе [Толмачева 1972· 59-64], что ставит под сомнение идею заимствования обычая — из Межозерья, а в связи с этим — и в принципе идею заимствования института вождя. Существенным моментом является и то, что, как отмечала М. А. Толмачева, по сведениям, относящимся к IX–X вв., в районах, прилегающих к Индийскому океану, «царь» избирался, и его потомки (с точки зрения арабской традиции) исключались из числа претендентов на власть [Толмачева

1972: 60]. Вместе с тем этнографические материалы не позволяют согласиться с предположением, высказанным в указанной работе, о том, что «этот обычай возник в связи со стремлением нарушить установленный порядок, при котором право на власть не сохранялось пожизненно» [Толмачева 1972: 63]. Нам представляется, что возникновение ритуального убиения или изгнания может относиться к гораздо более ранней стадии образования потестарной организации и существовать как отголосок существования неформального лидерства.

В колониальный период ритуал возведения в сан вождя довольно быстро деградирует в своих деталях, но перечисленные, с нашей точки зрения, одни из основных, опорных звеньев ритуала сохраняются дольше всего [Tanner 1957a: 209].

Помимо того, что представления о большой хозяйственной (а через это и сакральной) важности охоты сохраняются в фольклоре и ритуале, это же заметно и по развитой охотничьей технике, описанной в начале XX в., и по существованию разного рода тайных союзов помимо упоминавшегося ранее союза *байеге*. Для этого региона можно отметить важную роль таких объединений, как тайный союз змееловов *(байейе)* и тайный союз охотников на дикобразов *(вангунгули)*.

Создание обществ по «профессиональной ориентации» можно объяснить тем, что здесь как никогда необходимы не только практика, но и «теория» обращения с объектом [Yongolo 1953. 44–52]. Следует заметить, что это тайные союзы (в которых практически могли участвовать все, кто подходил по возрасту и полу), где новые члены союза обучались традиционным методам охоты, самолечения, а отсюда и элементам знахарства.

Тайные союзы имели и хозяйственные, и сакральные функции. Вся жизнь местного жителя, все основные события происходили при участии членов тайных союзов, в которых он состоит. Участие в том или ином тайном союзе могло зависеть от пола, возраста и от индивидуальных способностей. Отношения между членами одного тайного общества частично формулировались в терминах родства (старший — младший брат, отец, дитя). Частично эти общества повторяли иерархичность организации племени в аналогичных категориях [Bosch 1930 175–176: Malcolm 1953: 40–42]. Роль тайных союзов в жизни племени (особенно в развитых формах) очень велика, однако рассмотрению этого явления должна быть посвящена специальная работа.

ЛИТЕРАТУРА

Abrahams R G The political organization of Unyamwezi London, 1967.
Bennet N P Mirambo of Tanzania London, 1971
Blom W. Die Nyamwezi Bd 1 Land und Wirschaft Hamburg, 1931

Bosch F Les Banyamwezi, peuple de L' Afrique Orientale **Munster, 1930**

Burton R F The lake regions of Central Africa New York, **1961**

Dahl E Nyamwesi-Worterbuch Hamburg 1915

Dapper O Description de L'Afrique Amsterdam, 1686

Doke C M The Lambas of Northern Rhodesia London, **1930**

Guillain M Document sur I histoire la geographie et **le commerce de L'Afrique** orientale Paris, 1856

History of East Africa London 1966 Vol 1

Kenyatta J Facing mount Kenya London, 1938

Malcolm D Sukumaland London, 1953

Mnyampala M Historia mila na desturi za Wagogo Tanganyika Kampala, 1954

Oberg K The kingdom of Ankole in Uganda// African political systems London, 1940

Prins A H The Coastal Tribes of the Northern Eastern Bantu // ESA, 1952 Pt 3

Richards A The Bemba of North Eastern Rhodesia // African political systems London, 1940

Rigby P Cattle and kinship among the Gogo A semi-pastoral society of Central Roberts A The Nyamwezi // Tanzania before 1900 Nairobi, 1968

Roscoe J Twenty five years in East Africa Cambridge, 1921

Shorter A Chiefship in Western Tanzania A political history of the Kimbu Oxford 1972

Shorter A Nyungu ya Mawe and empire of Ruga rugas // JAH 1968 Vol 9 N 2

Tanner R The installation of Sukuma chiefs in Mwanza district // African studies 1957a Vol 16

Tanzania Ithaka London, 1969

Thomson J To the Central African and back Vol 2 London, 1881

Tripe W B The installation of the chief of Uha // Man 1935 N 4

Velton C Grammatik des kinymwezi Gottingen, 1901

Wilson M Nyakusa kinship // African systems of kinship and marriage London, 1967

Wilson C T A journey from Kageri to Tabora and back // Proceedings of the Royal Geographical Society N 2 London, 1880

Wittfogel K A Oriental Despotism A comparative studies of total power New Haven, 1957

Yongolo N D Maisha na desturi za wanyamwezi London, 1953

Стенли Г Как я отыскал Левингстона СПб 1874

Толмачева М А Нормы наследования государственной власти у зинджей // АЭС 1972 №9

Тревер К В Древнеиранский термин «париа» // Изв АН СССР Сер История и философия, 1947 №1

Чернецов С Б Кто такие амхара? Опыт исторического обзора термина и его содержания // Этническая история Африки М , 1983

Чеснов Я Н Название народа откуда оно? // СЭ 1973 №6

С В ДМИТРИЕВ

ПОЛИТИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА ТЮРКО-МОНГОЛЬСКИХ КОЧЕВНИКОВ В ИСТОРИКО-ЭТНОГРАФИЧЕСКОЙ ПЕРСПЕКТИВЕ *

Непосредственным объектом данного исследования служит традиционная политическая культура центрально-азиатских кочевников в широком ретроспективном аспекте Хронологические рамки в разных разделах статьи различны но в общих чертах их можно определить началом новой эры и концом XIX в

Конкретной задачей исследования в указанных выше рамках является попытка проследить историко-этнографические аспекты процессов формирования и функционирования некоторых чрезвычайно важных архетипов политической культуры тюрко-монгольских кочевников

Исследование политической культуры, ее генетических аспектов — это, прежде всего, исследование терминов, применяемых в первую очередь для легитимации власти конкретного лидера или династии, если речь идет о монархической форме правления Одним из таких ключевых терминов в политической культуре средневековых кочевых народов центрально-азиатских степей является термин *сульде*

Сульде: к проблеме истории формирования политической терминологии кочевников Центральной Азии

Проблема изучения этого термина уже имеет свою длительную историю, в первую очередь связанную с *сульде* Чингис-хана Открыл тему, связанную с изучением этого феномена, акад Б Я Владимирцов В своих работах [Владимирцов 1922, 1927, 1934] он выдвинул тезис о

* Кочевая альтернатива социальной эволюции М Центр цивилизационных исследований РАН, 2002 (печатается с сокращениями)

© С В Дмитриев, 2007

том, что *сульде* в виде «девятиножного белого знамени», которое было воздвигнуто во время коронации Чингис-хана и, будучи главным атрибутом государственного культа в Монгольской империи, являлось «хранителем гения рода Чингиса», которое «оберегает его войска, водит их к победам, покоряет всех, все страны, потому что Чингис-хану Вечное Синее Небо повелело править всеми народами». *Сульде*, трактуемое как гений-хранитель, значит, по словам Б. Я. Владимирцова, «собственно душа» великого человека, в данном случае Чингис-хана, который и становится собственно «гением-хранителем» своего рода, племени и народа, воплощенном в знамени.

Эти основные положения гипотезы Б. Я. Владимирцова развивались в дальнейшем другими исследователями, в том числе в последнее время Т. Д. Скрынниковой [1989; 1997], которая однозначно переводит тюрко-монгольский термин *сульде* как *харизма*. По ее словам, термины *sülde*, *suu jeli* и другие «первоначально обозначали один и тот же феномен — харизматическую сакральную субстанцию (правителя) солнечной природы, выполняющую функцию организации природы и социума». Локализовалась она, по ее мнению, в голове и проявлялась в виде сияния или нимба. Носителем харизмы являлся глава рода (племени). «Сульде — обозначение субстанции, защищавшей собственный социум и устрашавшей и побеждавший чужой» [Скрынникова 1993: 164, 165, 188–189]...

Но так ли бесспорно это направление?

...У монголов этим термином обозначается «голова жертвенного животного, освежеванная вместе с дыхательным горлом, легкими, печенью, сердцем» [Бертагаев 1961: 132], «часть туши животного, состоящая из головы с дыхательным горлом, с легкими и печенью» [Номинханов 1975: 304, пр. 4], жертвуемая огню грудная часть с внутренностями и челюстью (по его словам, также вырезали *зюльду* и алтайские охотники: они приносили его в дом и вешали на запад от входа, «где у алтайцев висят пенаты»). Очистив мясо, грудную часть (*зюльду*) вместе с мясом варили в котле, некоторые присутствующие вынимали кости из котла, а оставшуюся мелочь (сердце, легкое и проч.) завертывали в *зюльду* и завязывали белым шерстяным шнурком (Потанин 1893а: 90). Развивая этот сюжет, Л. П. Потапов пишет, что охотник, сразивший зверя, получал сверх равного пая еще сердце, легкие и нижнюю челюсть убитого зверя на том основании, что охотник должен был «угостить» наиболее лакомыми частями добычи своих «духов-покровителей»... Утром провисевшее всю ночь мясо крошили, варили и съедали всей семьей; шорцы объясняли ... эту привилегию представлением об «охотничьем счастье» [Потапов 1949: 35, 36].

Эти ритуальные куски жертвенного животного, отходящие духам, имея значение «содержащие суть, душу животного», как правило, не

самые вкусные и лучшие... Однако именно в них заключена изначальная, ритуально значимая «удача, охотничье счастье > судьба». Корень *сул/сул/сог/сотт/сойюу/саја/сајал/суг/сала/зој/шола/зъвъ/салх/шулх* и т. д. является общеалтайским с базовым значением «свежевать тушу животного», «сдирать шкуру с тела животного». В охотничьей культуре этот термин связан непосредственно: *жолдук* (казах.) «доля, на получение которой имеется право» > *съј* (кирг.) «подарок», *sorus* (кирг.) «подарок в виде животного» и т. д.

Последняя тема — охотничьего подарка — выводит нас на тему ритуального охотничьего поведения и жертвоприношения, где коммуникативный аспект между мирами выступает особенно отчетливо... Диалоговый характер взаимоотношений имеет выход в теме награды, которая тесно связана с жертвой: *зал (кирг.)/дьал (алт.)/жал* (казах.) и др.: «награда, вознаграждение, заработок».

Именно этимологические разыскания в тюрко-монгольских языках вкупе с этнографическим материалом дают нам возможность проследить историю формирования концепции «удачи» в условиях охотничьего общества и эволюцию ее в дальнейшем... Как это часто бывает, многие понятия, выработанные на ранних этапах существования общества... в процессе общественно-исторического развития переходят, адаптированные к новым условиям, в культуру и лексикон более поздних эпох...

С изменением социально-политической ситуации и общей мировоззренческой концепции естественным образом возникла необходимость адаптировать и ранние космологические представления к условиям более позднего времени. В данном случае речь идет о смене субъекта, дающего блага. В охотничьем обществе таковым выступает хозяин местности, зверей и т. д., и именно от него охотник получает удачу в ее материальной форме — добытых зверей. На этом моменте «удачливости» зиждется вся так называемая охотничья экономика догосударственного общества. Приобретая с помощью своей «удачи» материальные блага в виде охотничьей добычи, потенциальный лидер, чтобы получить больший авторитет внутри общины, щедро их раздает соплеменникам. Чем больше он раздаст, тем больше возрастет его престиж, тем весомее представлялись его аргументы при управлении...

Легитимность в форме благодати лидера в условиях формирования монархического правления и монархического пантеона должна быть получена от высшей сакральной власти... В монгольском варианте, как и в более ранней кочевой традиции, таковой выступает власть Неба и небожителей. Именно они даровали государю счастье, благодать (в конкретном, а не абстрактном смысле), подтверждая его легитимность. И с помощью этой «удачи», «благодати» он правил, раздавая ее результаты подданным, а последние обязаны отдавать часть

приобретенной, в том числе в военных операциях, добычи лично лидеру — как бы в виде платы за пользование его благодатью.

Основной наш вывод заключается в том, что в этой ситуации обладатель *сул* выступает в качестве *сульде*, т. е. собственно «сульдедержателя» (афф. *-де/-дэ/-д* и т. д. в тюрко-монгольских языках означает «обладание каким-либо свойством, вмещение чего-либо»)...

В процессе эволюции общества и возникновения объединений протогосударственного и государственного типа терминологический аппарат, обозначающий и более общие понятия, которые выработала охотничья культура, был использован для формирования концептуальных понятий сословно-классового общества, где возникла необходимость в развитии и абстрагировании ранее конкретных, нередко натуралистических представлений. Итогом развития понятий, связанных с *сул/сульде* у монголов, явилось формирование концепции *сульде* Чингис-хана, которое превратилось в широкое культовое понятие, и в условиях правления «золотого рода» чингизидов приобрело теологический характер, связанный с персонифицированным общемонгольским культом этого великого правителя.

К семантике некоторых конкретных форм ритуально-политического насилия у кочевников Центральной Азии

Еще древние и средневековые авторы описывали сюжеты, связанные с отрубленной головой или головой, существующей автономно от тела и утилизированной определенным образом... Интересен мотив... отрубленной головы, связанный с правовыми представлениями народов Центральной Азии, который мы здесь и рассмотрим.

Источники говорят, что приобретение головы неприятеля, убитого во время сражения, тесно связывали с правами при разделе добычи. Геродот приводит следующие сведения на этот счет относительно скифов:

«То, что имеет отношение к войне, у них (скифов, — *С. Д.*) устроено следующим образом... Сколько человек он убьет в битве — головы он принесет царю. Если он принесет голову, то получит долю в добыче, которую захватят, если не принесет — не получит» [Геродот IV, 64].

Мы имеем интересный пассаж другого древнего автора, творившего в рамках иной культурной традиции, но писавшего о том же историко-культурном регионе, что и Геродот, — Сыма Цянь, китайского историка древности: «Тот, кто в сражении отрубит голову неприятелю или возьмет его в плен, жалуется одним кубком вина, ему же отдают

захваченную добычу, а взятых в плен делают (его) рабами и рабынями» [Материалы... 1968: 41].

Четкость изложения в том и другом случае, возможно, указывает и на определенную юридическую кодификацию, вероятно зафиксированную письменно и, может быть, послужившую материалом для обоих историков... Источники прямо-таки пестрят сообщениями о доставляемых государям головах. Их дружинники и вассалы как бы устраивают соревнования с целью получения награды и подтверждения своей боевой мощи. Огузский эпос приводит следующую формулу, характеризующую удальца: «Он отрубил головы, пролил кровь, получил награду, достиг славы» [Бартольд 1962]. Тот же юридический мотив платы за голову убитого противника звучал еще в XVIII в. из уст турок, которые удивлялись, что у «гяуров» (неверных, т. е. русских) нет обычая «выдавать по червонцу награды за каждого пленника, каждую голову, отрезанную Аллах весть где и у кого» [Ресми 1842: 109]. А в Средней Азии А. Вамбери наблюдал во время своего путешествия наградные халаты, которые посылались в воинский лагерь героям. Эти халаты были четырех сортов: их называли «четырех-», «двенадцати-» «двадцати-» и «сорокоголовыми» и давались они за предоставление соответствующего числа голов убитых врагов [Вамбери 1874: 123–124]. Назывались такие подарки *ин'ам* — «подарок за голову или пару ушей» [Брегель 1961: 183].

Как повествует тот же огузский эпос «*Деде Коркуд*», «в тот век юноше не давали имени, пока он не отрубил голову, не пролил крови» [Бартольд 1962: 33]. По обычаю, молодой человек не мог жениться, пока не добудет чьей-то головы. Э. К. Пекарский в своем «*Словаре якутского языка*» приводит пример фразеологического оборота из якутского эпоса: «Если принесет его голову с шеей, пойду замуж за победителя» [Пекарский 1959: 1582].

В древности в китайской армии никому не платили жалования, но солдаты получали награду за каждую предъявленную голову убитого ими неприятеля... [Скачков 1879: 266].

Видимо, при таких требованиях и столь конкретных формах вознаграждения были нередки и злоупотребления. Например, головы похищались и отбирались у непосредственных «добытчиков». Поэтому в китайской юридической практике, согласно опубликованному в 1044 г. военному трактату «*У цзинь цзун яо*»... за присвоение головы противника, добытой другим, с целью получения награды полагалась смертная казнь [Кычанов 1986: 246].

Особую ценность представляли головы «именитых» противников, т. е. людей, известных победителю по имени. Обычно в эпосе победитель после единоборства задает вопрос побежденному о его имени — и только после этого процедурного момента его убивает. Нередко этим

именем нарекают сына победителя. Например, Чингис-хан, до получения этого имени-титула. звался Темучином — по имени татарского вождя, убитого его отцом [Козин 1941: 85–86]. Это напоминает мотивировки охотников за головами маринд-аним (Юго-Восточная Азия) — они обычно стремились захватывать людей живыми и узнавать их имена, так как в противном случае голова считалась «обесцененной». «Головные» имена у них также давались детям [Иванова 1980: 122–123].

В фольклоре народов Северной и Центральной Азии широко распространен мотив автономного существования головы (или черепа) (Богораз 1939: 182; Эскимосские сказки 1988: 272;). Та же тема присутствует и в мифологизированной политической истории народов этого региона. В *«Описании киданей»* Е. Лунли приводится рассказ о неком киданьском владетеле, который представлял собой «всего-навсего череп, находившийся в куполообразной юрте... Люди не могли видеть его. Когда у государя появлялись важные дела, то убивали белую лошадь и серого быка для жертвоприношения, и только тогда он принимал вид человека и выходил смотреть. По окончании дела входил в куполообразную юрту и снова превращался в череп».

Исторические источники, повествующие об отношениях в центрально-азиатской степи в начале XIII в., в ходе политической борьбы, приведшей в возвышению Темучина, называемого в дальнейшем Чингис-ханом, описывают любопытную ситуацию, связанную с именем одного из его основных соперников, а именно с Ван-ханом кереитским, и с его кончиной. Разбитый, всеми покинутый, он пил воду из источника и, будучи неузнанным, был убит одним найманом. Слухи о его кончине достигли Таян-хана найманского, и мать последнего сказала: «Ван-хан ведь был древнего рода. Пусть привезут сюда его голову. Если это действительно он, принесем ей жертву». Голову Ванхана доставили в ставку найманов и опознали. После чего «разостлали большую белую кошму и, положив на нее голову, стали совершать перед нею жертвоприношение, сложив молитвенно ладони и заставив невесток, совершая положенную для них церемонию, петь под звуки лютни-хура. Как вдруг голова при этом жертвоприношении рассмеялась. "Смеешься!" — сказал Таян-хан и приказал вдребезги растоптать голову ногами», и это было истолковано окружающими как признак его слабости, что и подтвердилось впоследствии поражением от Чингис-хана [Козин 1941: 141–142; Палладий 1866: 100; Рашид ад-дин 1952: 132, 137].

Сибирские и центрально-азиатские материалы близки представлениям об отрубленной голове из других регионов Евразии. Вячеслав Иванов, анализируя этот мотив, выделил еще один круг представлений, связанных с ней, а именно представление о ее пророческой силе

[Иванов 1923: 122]. Такова голова Иоанна Крестителя, голова Орфея, приплывающая от устья Стримона к берегам Лесбоса и там пророчествующая, а также, можно добавить, голова Адама, которую отталкивает Василий Буслаев, герой русской былины, прибывший с дружиной в Иерусалим и там «буянивший» [Веселовский 1880: 3]. Отделенная голова выступает в роли советчика [Пропп 1946: 136]. В эддической саге голова Мимира, убитого Ванами, сохранена Одином от разрушения и способна говорить, и Один с нею часто беседует и советуется [Беовульф 1975: 188; Эдда 1917: 106].

На Востоке широко распространена сказка о выловленном в воде черепе. От порошка, в который истолчают череп, обычно происходит зачатие героиней с последующем рождением воплощения умершего владельца черепа. Сюжет сказки, правда, может быть и не связан с водой, но с плодородием связан обязательно.

Эта последняя функция мертвой головы связывается у разных народов с представлениями о голове как о вместилище половой, возбуждающей силы. В дионисийском и родственных с ним культах бог умерший и его голова, как его воплощение, почитались «как мужское начало подземной растительной мощи и нового возврата из сени смертной на лицо земли». Вяч. Иванов в связи с этим считает, что именно поэтому «в Лерну сеяли мужские головы, как зрелые плоды, несущие в себе зародыш новой жизни, долженствующие возродиться и воскреснуть как семена, оплодотворяющие лоно подземной ночи» [Иванов 1923: 120, 121; см. также о связи головы с плодородием земли и людей: Иванов, Топоров 1974: 181, 194, 207; Назаренко 1995: 79].

Тема аграрного плодородия, связанного с отчлененной головой, типологически прямо сближает культ головы с охотой за головами, которая фиксируется очень широко и которая, по мнению некоторых исследователей, существовала в Северной и Центральной Азии.

По мнению В. А. Шнирельмана, охота за головами являлась особым социоритуальным комплексом, требовавшим непременного осуществления вооруженного нападения. В ходе исторического развития смысл охоты за головами, видимо, неоднократно подвергался переинтерпретации, некоторые идеи забывались, другие, напротив, усиливались, что и порождало неоднозначную картину [Шнирельман 1994: 130–134].

В связи с этим автор считает нужным подчеркнуть, что культ отрубленной головы и, как следствие, охота за головами, является одним из проявлений общего мировоззренческого комплекса, свойственного человеку, существующему в рамках определенной культурной традиции. Возможно, что в разных концах мира основные посылки для создания первоначального представления, связанного с головой, были весьма похожи друг на друга. Наиболее общими вопросами, которые

стояли перед людьми, были вопросы жизни и смерти, отношения к природе, представления о месте человека в природе, отношение с животным миром, землей, другими людьми, т. е. все то, что составляет в конечном счете культуру как целостную систему. В зависимости от того, как решались эти общие вопросы, каким образом создавалась мировоззренческая схема, можно сказать, «основной миф», вокруг которого объединялись другие, вторичные мотивы такового было и конкретное проявление; в нашем случае — отношение к голове и сопутствующие ей темы.

Можно отметить, что мотив плодородия земли и человека, связанный с головой, один из наиболее распространенных в культурах мира. Но в системе жизни/смерти, возрождения=воплощения этот мотив является только вариантом, проявлением более общего понятия — существования общей жизненной силы. Эта сила может уходить, приходить, концентрироваться, и в таком последнем виде ее могут использовать в разрешении ряда вопросов, в том числе и вопросов власти. Видимо, поэтому так часты случаи концентрации большого количества голов и черепов в какой-то определенной точке пространства, зафиксированные источниками на протяжении эпох со времен неолита до конца XIX в. (например, в виде пирамид из голов).

По многим признакам, создавая такие концентрации голов, инициаторы этих сооружений хотели получить ту силу, близкую той, о которой мы уже говорили, силу, которая суммирует силы разных людей, одновременно изымая ее у противника. Эта сила выступает у разных народов под разными названиями (харизма, фарн, дэ, мана и т. д.). Каждая из них концептуально обоснована с точки зрения господствующей мировоззренческой схемы, типичной для конкретных историко-культурных областей. В зависимости от основных установок с этой силой могут бороться, разрушать, добывать, концентрировать, использовать для собственной цели. Аналогично ее, вместе с головой, могут скрывать, охранять в рамках этнической политической или иной общности. С утратой головы эта сила или часть ее, которая воплощается после смерти одного из ее носителей в каком-либо другом члене того же общества, покидает социум, уходя, вместе с именем человека, в другой этносоциальный организм. Утрата головы члена общества, морально оцениваемая как позор, инициирует стремление вернуть ее с целью приобщения. Впрочем, можно добыть голову аналогичного социально-политического «качества» для компенсации нарушения равновесия в социуме, утратившем ее, т. е. для повышения жизнестойкости социального организма (с возможным последующим подзахоронением к чужому для нее телу).

Особая тема, связанная с отрубленной головой, — ее утилизация. Широко известны варианты изготовления из черепной коробки чело-

ческого черепа чаш; голову именитого противника оправляли в золото и серебро, этой голове оказывали почести, перед ней разыгрывали умилостивительные представления, перед ней плясали и т. д.

Тема отсеченной головы тесно связана с темой расчленения трупа. Считается, что человек, пройдя жизненный путь на этом свете, должен быть готов к возрождению в новой ипостаси. Состояние готовности в таком случае обычно заключается в наличии целостного скелета. Отсутствие хотя бы одной кости (а иногда и всех ногтей, зубов и волос, которые поэтому собирались на протяжении всей жизни) влечет за собой невозможность возрождения. Тем более это касалось наличия головы как основного вместилища души. Отсюда отсечение головы и расчленение тела было наиболее болезненным наказанием для преступников и могло быть использовано в физической и духовной расправе с политическим противником.

Как видно из представленных материалов, центрально-азиатские данные органично вписываются во многие общеазиатские сюжеты, часто их дополняя, и эту вплетенность в контекст мировой культуры надо учитывать при общих интерпретациях. В нем есть общая для Евразии тема исключительного положения головы в теле и космосе, тема наличия в ней особой силы, способствующей организации космоса и социума, основанная, в свою очередь, на теме плодородия как проявления общей жизненной силы и, соответственно, попытки лишить этой силы конкурирующий этнополитический организм. Отмечается наивное желание суммировать силы разных голов — и с этим своим контекстом «идея головы» инкорпорируется в политический контекст и традиционную политическую культуру. При этом необходимо отметить, что эти представления поразительно близки в самых отдаленных уголках Евразии, так же как и формы их проявления, которые в принципе достаточно органичны, вполне вычленяемы при помощи аллюзий и аналогий и достаточно логичны с точки зрения по-своему националистического взгляда на мир...

Интерпретация универсалии единства живых и мертвых в этнополитическом пространстве (практика разорения могил)

Реальные насильственные действия часто носят как прямой, так и опосредованный характер. Прямые действия, например физическое наказание за содеянное, часто легко объяснимы. Труднее понимать действия опосредованные, которые могут носить и отвлеченный характер... Здесь автор рассматривает именно отвлеченно-ритуальные формы насилия, обычно непрямого действия, направлен-

ные как против отдельных личностей, так и против групп людей (династии, родоплеменной группы).

Среди видов символического насилия, имеющих форму ритуала, автор останавливается на практике разорения могил, в основном на материалах по тюрко-монгольским кочевникам...

Происхождение выявляемой универсалии теряется в глубине тысячелетий. Она фиксируется археологами на огромной территории Евразии. При рассмотрении вопросов интерпретации этого феномена археологи фрагментарно используют и этнографический, т. е. более поздний для них, материал. В результате возникает значительный временной и содержательный разрыв, и возникающие «пустоты» заполняются логическим домысливанием. Привлечение исторического материала достаточно редко. В данной работе автор пытается в какой-то степени ликвидировать этот разрыв, проследив функционирование интересующего мотива в сквозной историко-этнографической ретроспективе в рамках политической культуры в основном кочевников Евразийских степей и сопредельных территорий.

Проблемы, которые выявляются в связи с этой темой, весьма неравномерно разработаны в науке. Во-первых, это проблема своих/чужих в конкретных этносоциальных организмах; во-вторых, вера в возможность злокозненных действий со стороны мертвецов и, в-третьих, единство живых и мертвых в рамках единого этносоциального организма и этнополитического пространства.

Династийные и родовые кладбища в системе традиционной культуры относятся к числу священных объектов. К останкам предков относились с высшим пиететом, и борьба за могилы приобретала политический оттенок. Обычно охраняются «свои» могилы, в то время как «чужие» могут быть легко подвергнуты разорению.

Широко распространена вера в возможность «порчи» со стороны мертвецов. Особенно это касается в отношении умерших, которые при жизни были людьми чем-либо выдающимися. Такой человек мог поддержать членов своего рода в каких-нибудь начинаниях и после своей смерти, но может и вредить и им, и другим, посторонним для рода людям, в том числе по «заказу» живущих родственников и потомков. С целью нейтрализации его действия могилу обычно раскапывали, а кости умершего разрубали или выбрасывали из нее. В политической культуре такие эпизоды встречаются нередко и тем самым служат примером продолжения существования этнографических реалий бытового характера на политическом уровне.

Третий пункт — единство мертвых и живых в рамках единого социально-политического организма. Здесь целый комплекс раннематуралистических представлений. Во-первых, идея перерождения умерших в своих потомках; во-вторых, общая сила социально активных

членов общества, которая составляется из суммы отдельных сил. Утрата части их ведет к ослаблению этого общественного организма.

Суммируя все эти три пункта, приходим к выводу о том, что в описываемом нами акте при его оценке и осмыслении на первое место следует поставить причинно-следственную логическую схему, основанную на комплексе шаманистических представлений. Убитый, являясь членом коллектива, социально-политического организма, представляется обладателем определенной части совокупной силы; организм этот состоит не только из ныне живущих, но и из их предков. Он представляется в качестве закрытой системы, в которой существует свой реестр имен; достаточно часто потомок представляется новым воплощением какого-либо предка, именем которого его и называют, и обращаются к нему соответствующим образом. Уходя в «тот мир», человек может вернуться. Условием его возвращения является обычно, или чаще всего, непотревоженный костяк, наличие всех костей в целом виде. Нарушение этого положения, с точки зрения такой логики, необходимо приводит к мысли о возможности выхватывания из совокупного социально-политического организма каких-либо его частей. Ритуально-магические аспекты политической культуры здесь выходят на первый план в действиях противников и их по-своему рационально сформулированных целях.

Вероятно, массовое уничтожение захоронений и костяков предков противника могло иметь этот оттенок, и таким образом совершался как бы акт насилия над целым социально-политическим организмом, правящим родом и т. д., умалялась его совокупная сила, копившаяся на протяжении ряда поколений, способствующая удержанию этим родом власти. Уничтожение родовых и династийных кладбищ являлось внешним признаком упадка силы старой династии и освоения реального географического и политического поля династией новой.

По всей видимости, поэтому в XIII в. монголы, преследуя султана Джалал-ад-Дина, выкапывали из земли и сжигали кости всех погребенных султанов, «так как они считали, что все эти султаны одного происхождения» [Насави 1973: 242].

С целью защиты своей совокупной социально-политической силы от ритуального политического насилия применялись различные способы. Одними из наиболее распространенных являлись тайные захоронения и охрана кладбищ специально выделенных для этой цели группами людей (подробнее по этой теме см. [Дмитриев 2001б]).

Знаменный комплекс в военно-политической культуре и вопросы его семантики

Существование знамени имеет значительную историческую ретроспективу, уходящую в глубь тысячелетий. Идеологически обусловленный характер знаменного комплекса имел особую роль в системе оформления власти и в военно-политической культуре вообще.

В системе политических отношений знамя маркировало суверенитет или же, напротив, зависимость местного лидера. Оно вручалось правителем вассалу как признак делегирования власти. Внутри объединений знамя являлось одним из священных атрибутов власти. По представлению монголов, если знамя будет похищено, то в этом случае невозможно будет противостоять неприятелю [Потанин 1899: 305].

У казахов каждый род имел свое большое знамя, а каждое объединение — свой значок, которые вывозились только на войну. В этом случае султан выставлял знамя у своей кибитки, в союзных аймаках поднимались значки и к ним собиралось ополчение, которое, сойдясь в одном месте, разделялось на «круги» и выбирало военачальников. Последние выбирали двух предводителей, один из которых становился во главе войска, а другому поручалось хранение главного знамени [Левшин 1832: 51]. С принятием решения о войне старейшина или султан, управлявший родом, выставлял у своей кибитки знамя; тотчас весь род спешил вооружиться, в союзные аулы спешили гонцы. Соединившись в одном месте, ополчение разделялось на «круги», во главу которых выбирался военачальник. Эти военачальники выбирали двух предводителей, известных мужеством и опытом. Один из них становился во главе войска или, по словам А. Гейнса, был «председателем и правителем совета», без которого никакое предприятие не производилось, а другому поручалось хранение родового знамени. Если в военном предприятии участвовало несколько родов, то избиралось четыре верховных полководца, из которых двое хранили главное знамя собравшегося войска, а остальные управляли советом [Гейнс 1897: 72–73].

Войско обычно измерялось в *тугах*, т. е. в знаменах. По мнению Э. Хара-Давана, это были «частные армии» [Хара-Даван 1929: 73] — так в его времена называли «большие корпуса», на которые расчленялись большие армии. Главнокомандующий большой армией ставил в рамках «общей цели» на всем театре военных действий так называемые »частные цели» отдельным частям, для достижения своих целей им предоставлялась свобода выбора действий [Леер 1877: 39].

Распространены были в кочевых объединениях «великие знамена», обычно огромных размеров, которые возились на специальных повоз-

ках [Ларичев, Тюрюмина 1975: 103; Иоанн Киннам 1859; Рерих 1962: 440].

У разных объединений и их частей, если объединения были достаточно крупные, были знамена различных цветов. В разных ситуациях цвет имел как политическое, так и тактическое значение (маркируя отдельные части войска).

Церемония начала войны у кочевников была чрезвычайно сакрализована. В число ритуальных действий обязательно входило принесение жертвы знаменам; нередко эти жертвы были человеческими. По представлениям кочевников, кропление знамени возбуждало духа войны, он начинал проявлять активность в помощь окропившему знамя.

Как уже было упомянуто, знамена, наряду с другими средствами, были основным способом управления войсками. В отношении кочевников эпохи Монгольской империи исследователи отмечают удивительную слаженность действий их конницы. Обычно она маневрировала «в немую», т. е. в соответствии с условными знаками, подаваемыми флагом начальника. Главные события в сражении развивались вокруг главного знамени, расположенного в центре главных сил противника. Его старались опрокинуть, растоптать, а навершие воткнуть в землю и разломать (в фондах Российского этнографического музея в Санкт-Петербурге хранится знамя с таким обломанным навершием — № 6772–128).

Присутствие в войске «коронованной» особы оказывало огромное моральное воздействие на менее именитых соперников, которые часто просто уклонялись от сражения. Этот обычай был широко распространен, так как именно в личном споре решались вопросы власти, владения областью и т. д. Это положение довольно часто использовалось, в том числе в качестве военных хитростей с применением знамен. Иногда хан находился в тактическом резерве, и его появление в решающий момент под своим знаменем оказывало решающее воздействие на ход сражения. Были случаи, когда правитель, даже не обладая в определенный момент превосходящими силами, просто ставил свое знамя, чем способствовал сумятице и панике в лагере противника.

Здесь нами рассмотрен ряд функциональных характеристик знамени, намечены некоторые, далеко не исчерпанные данной работой, идеологические категории, которые знаменный комплекс обслуживает. Было определено место знамени в системе военно-политических координат. Это, прежде всего, знамя как символ власти, маркировка системообразующего центра с идеологическими функциями в системе племенных и, далее, государственных культов. Как представляется автору, являясь одним из центров социально-политической маркировки социума и пространства, знамя, с одной стороны, вбирает в себя, втягивает в орбиту своего влияния и не связанные с ним первона-

чально многие представления, с другой — распространяет на другие сферы культуры свои энергетические (ритуальные) функции, способствуя консолидации социума и его идеологии в своем конструируемом поле политической культуры. Многоаспектность функционирования знамени определяется тем, что оно достаточно мобильно, в отличие от так называемых «сакральных мест», которые, являясь стационарными объектами культуры, привязаны к определенным географическим точкам. Знамя же может перемещаться и внезапно возникать в неожиданных местах, неся с собой целый комплекс идеологических представлений, что немаловажно, так как способы консолидации усилий социума, и, соответственно, части социума войск, в нужный момент, в нужном месте относятся к числу основных в системе военно-политической культуры. Обычно в сражении знамя является основной целью, объектом главного удара, утрата которого приводит к полной дезорганизации и дезориентации войсковой единицы и далее — к поражению. Воинская, военно-политическая обрядность, ритуальным центром которой является знамя, возбуждение сил, которые, по традиционным представлениям, находятся в знамени или через которые их можно призвать (например, «помощь неба»), имеет сильное психологическое значение. Борьба за сакральный организующий центр в ходе сражения являлась основной целью такого ритуала политической культуры, военной игры, как сражение. В трудах военных теоретиков древности, так называемых *«Тактиках»* и *«Стратегиях»*, имеющих рекомендательный для военачальников характер и используемых для военного образования лидеров, в том числе кочевых, описываются разные пути к достижению одних и тех же целей... Описывая прежде всего сигнальную функцию знамени, авторы этих трудов, будучи всем своим существом вплетенными в определенную систему культурных ценностей, отлично осознавали и их культовое значение. Поэтому утрата знамени имела обычно ритуально негативный характер — наказания были адекватно радикальны, так как с утратой ритуального комплекса — знамени социально-политический культ, как полагается, терял определенную, а нередко и главную силу. Такие культурно-политические дефиниции, связанные со знаменем и его культом, определяли особое к нему отношение как со стороны политической элиты общества, так и со стороны рядовых его членов.

Рассмотренные элементы политической культуры тюрко-монгольских народов, относящиеся к области политической символики и политического (военно-политического) поведения, выражают общие представления о существе самой политической власти — они носители живительной, жизненной силы индивида и общества, частью которой этот индивид или группа (род, социальная общность) являются. Поэтому обладатель этих атрибутов — символической концентрации этой

силы.. выступает выразителем некоего сакрального пространства, сакрального мира, легитимирующего его поступки и дающего основание для подчинения других его политической воле...

Соответственно борьба за власть не может игнорировать эти центры символического поля и в значительной мере выражается в борьбе за захват этих центров. Их разрушение или захват, выражающиеся в разрушении захоронений, ломке или захвате знамен, собирании голов и прочем, в целом символизирует один и тот же процесс — истребление жизнеспособности оппонента и накопление, подчас — для дальнейшего перераспределения среди единомышленников или соратников, живительной силы, которой некогда обладал противник...

Политическая борьба в условиях традиционной культуры, кроме своих явственно физических проявлений, идет на уровне символического противоборства и освоения политического и географического пространства. Освоение этого пространства символическими средствами, которые произрастают из культурно-натуралистических представлений традиционной культуры, в народных представлениях и в устном народном творчестве имеет оттенок магического действия Тем самым образуется симбиоз символико-магического характера или пласт магической символики. Чаше всего такие проявления традиционной ментальности, с точки зрения представлений европейского Нового времени, называются предрассудками. Следует иметь в виду, что «предрассудки эти санкционированы авторитетом традиции» (о теории предрассудков см. [Гадамер 1988]). По словам М. Лившица, «иной предрассудок выше иного рассудка и превосходно служит прозрачной формой для глубокого рационального содержания» [Лившиц 1980]...

ЛИТЕРАТУРА

Бартольд В В (перев) Книга моего деда Коркута Огузский героический эпос М , Л Изд-во АН СССР, 1962

Беовульф Беовульф Старшая Эдда Песнь о Нибелунгах Вступ статья А Я Гуревича М Художественная литература, 1975

Бертагаев Т А К исследованию лексики монгольских языков Опыт *сравнительно-статистического исследования лексики бурятских говоров* Улан-Удэ АН СССР, 1961

Богораз В Г Чукчи Т II Л Главсевморпути, 1939

Брегель Ю Э Хорезмийские туркмены в XIX в М Восточная литература, 1961

Вамбери А Путешествие по Средней Азии М , 1874

Веселовский А Н Разыскания в области русских духовных стихов Т 2 СПб , 1880

Владимирцов Б Я Чингис-хан Берлин, СПб , М , 1922

Владимирцов Б Я Этнолингвистические исследования в Урге, Ургинском и Кентейском районах Л Изд-во АН СССР, 1927

Владимирцов Б Я Общественный строй монголов Монгольский кочевой феодализм Л Изд во АН СССР, 1934

Гадамер Г-Х Истина и метод Основы философской герменевтики М Прогресс, 1988

Гаджиев К С (ред) Политическая культура Теория и национальные модели М Интерпракс, 1994

Гейнс А К Киргиз кайсаки (в Зауральской степи) Собрание литературных трудов Александра Константиновича Гейнса Т I СПб , 1897

Дмитриев С В Практика разорения могил в политической культуре евразийских кочевников Антропология насилия, 2001 / Отв ред В В Бочаров, В А Тишков М , 2001б

Иванов Вяч Вс Дионис и прадионисийство Баку, 1923

Иванов Вяч Вс , Топоров В Н Исследования в области славянских древностей М Наука, 1974

Иванова Л А Охота за головами у марнид аним и время ее возникновения Символика культов и ритуалов народов зарубежной Азии / Отв ред Н Л Жуковская, Г Г Стратанович М Наука, 1980 С 117–143

Иоанн Киннам Краткий обзор царствования Иоанна и Мануила Комнинов (1118–1180) Труд Иоанна Киннама Византийские историки СПб , 1859

Козин С А (перев) Сокровенное сказание Монгольская хроника 1240 г М , Л Изд во АН СССР, 1941

Кычанов Е И Основы средневекового китайского права (VII–XIII вв) М Наука, 1986

Ларичев, Тюрюмина Военное дело киданей (по сведениям из «Ляоши») Сибирь, Центральная и Восточная Азия в Средние века / Отв ред В Е Ларичев Новосибирск Наука, 1975 С 99 112 (История и культура Востока Азии Т III)

Левшин А Описание киргиз казачьих или киргиз-кайсацких орд и степей Ч 1 Этнографические известия СПб , 1832

Леер Прикладная тактика Т 1 СПб , 1877

Лившиц М Мифология древняя и современная М Искусство, 1980

Материалы по истории сюнну (по китайским источникам) Предисл , пер и примеч В С Таскина Вып 1 М Наука, 1968

Назаренко Ю А Феномен человека в славянской традиционной культуре голова Кунсткамера №8/9 СПб , 1995 С 75–97

Насави Шихаб ад-Дин Мухаммад ан-Насави Жизнеописание султана Джалал ад-Дина Манкбурны / Пер с араб , предисл , коммент , примеч и указ З М Буниятова Баку Элм, 1973

Номинханов Ц-Д Материалы к изучению истории калмыцкого языка М Наука, 1975

Палладий Си ю цзи, или Описание путешествия на Запад / Пер с кит , с примеч архимандрита Палладия Труды членов Российской духовной миссии в Пекине Т IV Б м , 1866

Пекарский Э К Словарь якутского языка 2-е изд Т 1–3 М , 1959

Потанин Г Н Ордынские параллели к поэмам лонгобардского цикла Этнографическое обозрение Кн XVIII М , 1893а

Потанин Г Н Восточные мотивы в средневековом европейском эпосе М , 1899

Потапов Л П Черты первобытно-общинного строя в охоте у северных алтайцев Сборник МАЭ Т XI М , Л Изд во АН СССР, 1949

Пропп Н Я Исторические корни волшебной сказки Л Изд-во ЛГУ , 1946

Рашид ад дин Сборник летописей Т I Кн 1 М , Л Изд-во АН СССР, 1952

Рерих Ю Н Упоминание о бунчуке в «Ригведе» Древний мир Посвящ В В Струве / Отв ред Н В Пигулевская и др М Восточная литература, 1962

Ресми Ресми, Ахмед-Эфенди Список достопримечательного / Пер с тур О Сенковского Библиотека для чтения Т 51 Ч 1 М , 1842

Скачков К А Исторический обзор военной организации в Китае с древних времен до воцарения манджурской династии Труды третьяго международного съезда орьенталистов в Санкт-Петербурге 1876 Т I СПб , 1879

Скрынникова Т Д Сакральность правителя в представлении монголов XIII в // Народы Азии и Африки 1989 № 1 С 67–75

Скрынникова Т Д Идеи «сокровенного сказания» о власти в летописях XVIII в Mongolica К 750-летию «Сокровенного сказания» М , 1993

Скрынникова Т Д Харизма и власть в эпоху Чингис-хана М Издат фирма «Восточная литература», 1997

Хара Даван Э Чингис-хан как полководец и его наследие Культурно-исторический очерк монгольской империи XII–XIV веков Белград, 1929

Шнирельман В А У истоков войны и мира Война и мир в ранней истории человечества Т I М , 1994 С 3–176

Эдда М , 1917

Эскимосские сказки Эскимосские сказки и мифы Сост , предисл и примеч П А Меновщикова М Наука, 1988

ЧАСТЬ II

ПЛЕМЯ И ГОСУДАРСТВО

КОЛОНИАЛИЗМ КАК ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ПОЛИТИЧЕСКИХ КУЛЬТУР

Данный раздел содержит материалы, касающиеся одной из важных проблем, рассматриваемых в рамках ПА, а именно взаимодействия традиционных политических структур (племенных) и современного государства. Колониализм — наиболее характерный пример данного взаимодействия. Колониальный процесс активно осуществлялся в XIX–XX вв., когда афро-азиатские социумы завоевывались европейскими государствами. Иными словами, социумы с ТПК насильственно включались в государственные структуры. В результате имело место столкновение ПК, построенных на различных принципах. С одной стороны, ТПК, сформировавшаяся естественным образом, бессознательно, и регулировавшая властно-управленческие отношения посредством традиции, с другой — ПК рационального типа (РПК), в которой данные отношения стали уже специализированной сферой человеческой деятельности и регулировались на базе целерационального мышления. В практическом смысле это управленческая проблема, когда государственным чиновникам пришлось создавать колониальные управленческие структуры, построенные на различных принципах.

Взаимодействие «племенных» и государственных структур имеет место и в современных государствах, прежде всего развивающихся. Здесь государство европеизированного типа как бы возвышается над территорией, население которой организовано на принципах ТПК. Причем государство не только воздействует на племенные структуры (кланы, линиджи, мужские и охотничьи союзы и т. д.), но и само видоизменяется под их влиянием.

Элементы ТПК сохраняются и в развитых индустриальных обществах. Здесь они располагаются на периферии социума, определяя неформальные властно-управленческие отношения как в государственных структурах, так и в различного рода сообществах: социальных группах, субкультурах, организациях и т. д.

В статье **В. В. Бочарова** «Колониализм: общественный и культурный процессы» анализируется колониальный опыт европейцев в XX в. по организации управления в своих колониях. Здесь впервые проблема управления «племенами» вышла на теоретический уровень.

Возникают концепции «прямого» и «косвенного» управления, которые противоположным образом решали данную проблему, хотя на практике, как утверждает автор, различия не были столь существенны При этом политику *косвенного* управления можно трактовать как «научный эксперимент», который дал отрицательный результат

Статья **Д. И. Раскина** «Российская империя как специфический тип полиэтнического государства» анализирует в общих чертах российский опыт по организации управления покоренными народами Главные принципы, лежавшие в его основе, имеют тесные аналогии со стратегиями Запада Это объясняется схожестью объективных условий и задач, решавшихся государством

Д. В. Васильев («Управление коренным населением Туркестанского края в Российской империи») на конкретном примере раскрывает логику действий и анализирует мероприятия, осуществлявшиеся государством в процессе организации управления *племенами* Туркестанского края, включенного в состав Российской империи в XIX в

В В БОЧАРОВ

КОЛОНИАЛИЗМ: ОБЩЕСТВЕННЫЙ И КУЛЬТУРНЫЙ ПРОЦЕССЫ*

Процесс колонизации Тропической Африки крупнейшими европейскими державами того времени ознаменовал качественно новый этап в политическом развитии обществ, населявших Африканский континент В результате африканские социумы были насильственно включены в мировую экономику Экономическое принуждение в условиях Африки не могло быть использовано в качестве основного механизма эксплуатации местного населения, хотя бы вследствие того, что отсутствовал рынок рабочей силы который является необходимым условием капиталистического способа производства Поэтому главным стало внеэкономическое принуждение, осуществляемое за счет организации соответствующей системы командно-административного управления

Только при капитализме управление выделяется в самостоятельную область человеческих отношений, а также становится объектом научного познания Именно на данном этапе общественной эволюции складывается понимание управления как специфической деятельности людей, направленной на получение определенного результата Американский инженер Ф У Тэйлор (1903 г) и французский инженер А Файоль были первыми авторами работ по научному управлению

«Рациональная» программа деятельности предполагает теоретическое вычленение целей и средств, воспроизведение способов подчинения средств целям, обоснование целесообразности в программе отдельных актов Индивидуальное сознание оказывается здесь правомочным не только теоретически воспроизводить требование системы, но и выбирать тот или иной вариант их реализации» [Левада 1966 69] Вычленяя себя из общества, человек способен к самосознанию и самоанализу, к оценке своего знания, нравственного облика и интересов, идеалов и

* *Бочаров В В* Власть Традиции Управление Попытка этноисторического анализа политических культур современных государств Тропической Африки М Наука, 1992 (печатается с сокращениями)

© В В Бочаров, 2007

мотивов поведения, к целостной оценке себя как деятеля... Здесь люди также осознают свою принадлежность к тому или иному классу или группе, поднимаются до понимания своего положения в системе производственных отношений, своих общих интересов [Миронов 1966: 135].

Черты индивидуального и общественного сознания, присущие эпохе индустриального общества, были обусловлены, в свою очередь, глубокими изменениями в сфере социальных взаимодействий, характерными для данного этапа общественной эволюции. Прежде всего имеется в виду процесс социальной индивидуализации, выражавшийся в отчуждении индивида от прежних социальных связей докапиталистической эпохи, фундамент которых составляли родственные отношения. Разрыв таких связей произошел, как известно, в ходе становления капиталистического способа производства, в результате которого возникла огромная армия людей, лишенных всяких средств производства, с одной стороны, и владельцев этих средств — с другой...

Здесь традиция как основной регулятор общественной жизни уступает место праву, поскольку здесь управление возможно только за счет применения одинакового масштаба к различным людям. Коренным образом изменяется и характер управленческой деятельности, которая в этих обществах приобретает бюрократический характер. М. Вебер сформулировал идеальный тип бюрократической организации... обладающий следующими свойствами.

Аппарат управления (организация) есть рационально созданный инструмент или средство для достижения ясно выраженных групповых целей. Структура и принципы организации должны отвечать этим целям.

Организация строится строго по иерархическому принципу. Каждый служащий подчиняется вышестоящему должностному лицу и несет ответственность как за свои действия, так и за действия своих подчиненных.

Задачи аппарата расчленяются на возможно простейшие операции.

Деятельность всех служащих регламентируется системой правовых предписаний, определяющих объем их служебных полномочий.

Отправление властных функций основывается на факте пребывания в должности, а также на специальных знаниях и навыках служащего. Служащие действуют беспристрастно, «обезличенно». Это необходимо как гарантия того, чтобы цели организации не подменялись и не искажались по произволу отдельных должностных лиц и лидеров харизматического типа, и для обеспечения заменяемости служащих (при оставлении ими должности) без заметного ослабления организации [Лебедев 1973: 46–47].

Этот тип политической культуры (ПК) по своим социальным, идео-

логическим и социально-психологическим свойствам в известной мере противостоит ПК докапиталистических обществ, в которых она была основным регулятором общественной жизни, т. е. традиционной политической культуре (ТПК)...

Действительно субъектами политической деятельности в рамках ТПК доколониальных африканских обществ были естественно возникшие общественные коллективы (род, племя, клан, община и т. д.). Основными принципами, определявшими корпоративность такого коллектива, были половозрастной и по родству. Любая корпоративная общность в рамках традиционной политической культуры доколониальных африканских обществ непременно осознавала себя коллективом родственников, половозрастной принцип играл важную роль в организации внутренней структуры такой общности. Индивид на данной стадии общественной эволюции не являлся автономным субъектом деятельности и свои интересы тесно ассоциировал с интересами коллектива, к которому принадлежал, причем общественный интерес был первичным по отношению к интересу индивидуальному. Чувство корпоративности возникало не в результате осознания общности интересов индивидами, входившими в тот или иной коллектив, а на базе формирования чувства сопричастности посредством использования общих символов и ритуалов, являвшихся мощным средством эмоционального воздействия. Все члены такого коллектива — субъекта политической деятельности в ТПК — были связаны между собой различными социальными обязательствами, которые жестко закреплялись традицией. Мужчины в доколониальных африканских обществах играли основную роль в управлении общественными делами, причем старшие имели преимущественные права. Харизматический тип авторитета также был широко распространен.

Колониализм представлял собой взаимодействие двух выше обозначенных типов ПК: с одной стороны, ТПК, свойственной доколониальным африканским обществам, с другой — ПК капиталистических общественных систем-метрополий. Проанализируем субъективную сторону этого процесса.

Особенностью политического развития африканских обществ в колониальный период является сознательная и целенаправленная деятельность европейцев по формированию систем социального управления. Уровень развития общественного сознания в тех капиталистических государствах, которые выступали в качестве метрополий, определил тот факт, что в этом процессе была активно задействована наука. Более того, сама колониальная практика вызвала к жизни целое научное направление — социальную антропологию. Известный английский антрополог Б. Малиновский жестко увязывал возникновение этнологии (антропологии) с практическими задачами по управлению коло-

низованными народами [Malinovskey 1929: 4]. О тесной взаимообусловленности колониальной практики и антропологии писал в конце XIX в. журнал Этнологического общества [Foster 1969: 182]. Эта взаимосвязь политики и науки еще более категорично была обозначена В. Флауэром в его послании президиуму Антропологического института в 1884 г, где он писал: «Предмет этнологии... наиболее важен в практическом отношении. Он важен для того, кто должен управлять» [Foster 1969: 184].

Одним из самых важных моментов в научно-практической деятельности европейцев был вопрос об отношении к африканским доколониальным политическим структурам при создании систем управления. Л. Мэир отмечала: «Европейское управление в Африке вызвало радикальные изменения. В ряде областей общественной жизни эти изменения не были заранее предусмотрены. Однако в сфере управления европейские правительства были вынуждены определить свое отношение к традиционным властям, здесь теоретически четко определялась их позиция» [Mair 1958: 125].

В результате в конце XIX — начале XX в. возникли своего рода научные концепции или «философии» колониального управления. Основным дифференцирующим признаком таких концепций был опять же вопрос отношения к традиционным институтам социального управления. Наиболее известные из них — теории прямого и косвенного управления. Под косвенным понимался такой тип колониального управления, который предусматривал использование доколониальных властно-управленческих структур. Под прямым же — такое управление, при котором эти структуры полностью разрушались, а на их месте создавались новые, по образу и подобию европейских. Классическими представителями первого типа считались англичане, второго — французы.

Возникает закономерный вопрос, почему именно этот аспект колониальной практики европейцев вызывал столь бурные теоретические дискуссии? Отвечая на него, отметим, что, во-первых, организация политико-административной структуры при отсутствии возможности экономической эксплуатации имела первостепенное значение, точнее, была единственным рычагом, посредством которого эта эксплуатация могла вообще осуществляться. Во-вторых, для понимания данного явления следует учитывать и политические традиции самих обществ колонизаторов, в данном случае Англии и Франции. ПК англичан, как известно, более традиционна, в ней по сей день сохраняются многие элементы, характерные для докапиталистической стадии эволюции... Эта «традиционность» не могла не сказаться и на отношении к африканским «монархиям», которые англичане стремились сохранить и в колониальном управлении...

В то же время, как показывает анализ практики колониального управления в Африке, оба варианта в действительности не имели тех существенных различий, которые декларировались в теории. Х. Дешамп отмечал, что французские колониальные администраторы на практике в конце XIX в. проводили политику косвенного управления, которая была близка идеям Лугарда [Descamps 1963: 306]. Представляется, что... наличие определенных общих черт в колониальной практике Англии и Франции были обусловлены объективными причинами, определявшими взаимодействие одинаковых по уровню социально-экономической эволюции общественных систем... Различия же в политических традициях метрополий, и прежде всего в их отношении к традиционным институтам власти, отразились в теоретических воззрениях на колониальное управление... Если во французских колониях эксплуатация традиционных институтов носила преимущественно стихийный характер в повседневной практике колониальных чиновников, то у англичан опора на эти институты была возведена в ранг государственной политики. Как справедливо отметила Ю. Н. Зотова, «приемы колониального управления были детально разработаны, и целесообразность их применения всесторонне обоснована. Во всяком случае, они были скрупулезно зафиксированы в обширных постановлениях, положениях, инструкциях, проведены на практике и в результате превращены в тщательно отрегулированную систему» [Зотова 1979: 4].

Результаты этой политики нашли свое научно-теоретическое осмысление в рамках политической антропологии, сформировавшей определенный взгляд на политическое развитие африканских обществ в колониальный период. Поэтому представляется важным подвергнуть проверке выводы, сделанные политическими антропологами, их понимание роли и места традиций в колониальном политическом развитии.

Идейным отцом политики косвенного управления является Ф. Лугард, изложивший ее основные принципы в «Политическом меморандуме», опубликованном в 1916 г. [Lugard Papers... 1913–1918]. В этой работе он обобщил весь предшествовавший опыт Великобритании по организации управления в своих колониях, и в частности в Индии, а также свой собственный опыт, полученный в Нигерии, где он с 1900 по 1919 г. служил губернатором. Впоследствии разработанная им система была введена на шестнадцати африканских территориях, в том числе и в колониях Восточной Африки. Таким образом, если при организации управления в Нигерии деятельность Ф. Лугарда была мотивирована прежде всего практическими потребностями и объективными обстоятельствами, то его последователи действовали на основании разработанной им теории... Как показывает ее анализ, пред-

полагалась не только адаптация традиционных институтов к новым условиям, но и активное их использование в качестве основного элемента для формирования принципиально нового типа общественных отношений. П. Хэйли так определял роль доколониальных институтов в новой системе управления: «Признанные традиционные институты власти должны стать не просто частью управленческой машины, но жизнеспособной ее частью, что дало бы возможность направлять энергию и способности туземцев на сохранение и развитие своих собственных институтов» [Hailey 1951: 10]. Таким образом, создатели теории не проводили качественного различия между известными им европейскими системами и теми, которые они встретили в Африке. Они, таким образом, исходили из того, что африканские правители обладают такой же властью, как и европейские эпохи феодализма, и тем самым уровень их реальной власти существенно завышался.

Именно такая установка послужила методологической основой теории косвенного управления. В соответствии с ней было вполне логичным считать, что для управления народом достаточно контролировать его традиционного правителя, заставить его действовать в интересах метрополии... Один из создателей этой теории, Д. Камерон, видел ее суть в преданности и верности народа своему традиционному лидеру [Cameron 1924: 7–9]. Одним словом, согласно этой теории, в системе колониального управления возможно использование традиционных правителей, но при этом необходимо возложить на них те функции, которые обеспечивали бы эксплуатацию местного населения в интересах метрополии. Считалось, что таким образом удастся легитимировать колониальные власти, оптимизировать сам процесс колониального управления.

Здесь довольно легко просматривается связь методологических посылок, на которых сознательно или бессознательно основывалась теоретическая связь политики косвенного управления с прагматизмом — философским направлением, возникшим в конце XIX — начале XX в. и оказавшим сильное влияние на общественную мысль Запада [Джемс 1911: 55]. В частности, политика управления через туземных правителей предполагала затрату гораздо меньших средств, чем через белых чиновников. Так, губернатор Танганьики Д. Камерон писал: «Необходимо помнить, что для нас совершенно невозможно управлять такой большой страной, как Танганьика, прямо через английских чиновников, если мы не увеличим их численность во много раз, что невозможно по финансовым причинам» [Cameron 1939: 94].

Методологической основой этой теории являлся также функционализм. Д. А. Ольдерогге отмечал: «Использование "туземных институтов" в целях колониального управления требует от колониальных чиновников знания этих институтов и тех функций, которые они выпол-

няют в родовом обществе. Из этой потребности колониального управления родилась функциональная школа в этнографии» [Ольдерогге, Потехин 1951: 44–45]...

В соответствии со взглядами функционалистов общество состоит из определенным образом организованных форм человеческой деятельности — институтов. В любом обществе имеется, следовательно, постоянный набор таких институтов, обладающих теми или иными функциями, которые изменяются по мере развития общества [Malinovskey 1945: 49–50]. Точнее, сам процесс общественного развития есть не что иное, как изменение функций, составляющих это общество институтов. Соответственно в рамках политики косвенного управления предполагалось сознательное, целенаправленное воздействие на функциональное содержание доколониальных африканских институтов социального управления таким образом, чтобы они могли действовать в направлении достижения задаваемых целей. Б. Малиновский так писал о косвенном управлении: «Колонии, где осуществляется косвенное управление, это колонии, в которых была сделана попытка использовать туземных монархов, вождей, собрания, суды, признанных и поддержанных европейской администрацией, которая и определила их функции: одни аннулировала, другие расширила, третьи придала вновь» [Malinovskey 1929: 142].

Итак, отражение в сознании колониального процесса развития постепенно дифференцировалось, все более приближалось к научно-теоретическому осмыслению на базе определенного философского осмысления. Если в период становления теории косвенного управления основным методом было наблюдение за результатами практической деятельности, то на следующем этапе, и в частности ко времени реализации этой политики в Восточной Африке, таким методом можно считать эксперимент, осуществлявшийся на научно-теоретической базе. Б. Малиновский, выделяя собственно познавательные цели в процессе реализации политики косвенного управления, писал: «В колониальной политике мы имеем, возможно, самое близкое приближение к эксперименту, а временами почти к контролируемому эксперименту, какой только может быть обнаружен в общественной науке. Политика косвенного управления, к примеру, является областью, в которой ожидаются определенные практические результаты на хорошей теоретической основе» [Malinovskey 1945: 7].

Осмысление результатов этого эксперимента нашло свое отражение в рамках политической антропологии... Отметим, что проблема «влияния процесса модернизации на африканские традиционные политические системы» является одной из основных, решаемых в рамках этого научного направления [Cohen 1974: 861]. В целом для политической антропологии характерен вывод о том, что *африканские «монархиче-*

ские институты были в состоянии не только приспосабливаться к новым условиям, но и активно формировать принципиально новые социально-экономические и политические отношения» [Lemarshand 1977: 3]. Таким образом, политическая антропология дает, по сути дела, положительную оценку эксперименту, который представляла собой политика косвенного управления... Согласно ее апологету П. Хэйли, в результате косвенного управления «удалось дать Африке достижения западной цивилизации, не разрушая африканские политические институты» [Hailey 1951: 10]...

Действительно, осмысление процесса развития африканских обществ в колониальный период имеет принципиальное значение, прежде всего для нашего понимания современных политических процессов в государствах Черного континента, и в частности роли традиций в их ПК... Колониализм в Африке способствовал формированию там особого типа социально-политической структуры, которую Д. А. Ольдерогге определил как «колониальное общество» [Ольдерогге 1973]. Ее уникальность объясняется тем, что она возникла в результате взаимодействия общественных систем, имевших глубокие стадиальные различия.

Однако было бы ошибочным рассматривать африканские общества в этом взаимодействии в качестве пассивных адептов вводимых европейцами инноваций, а возникшие в результате колониальные системы лишь как сочетание элементов различных культур. В целом же в африканистике сложилось именно такое представление об этом процессе. Поэтому исследование «колониальных обществ» сводилось к изучению изменений, возникавших в африканских социумах под европейским влиянием. Методология такого подхода основывалась на широко распространенном представлении об африканских обществах как внеисторических образованиях, лишенных собственной внутренней логики эволюции. Таким образом, колониальный общественный процесс сводился, по существу, к изучению деятельности европейцев в Африке.

Наиболее отчетливо эта тенденция проявилась при освещении политических процессов колониального общества, где зачастую предпочтение отдавалось анализу субъективного фактора, т. е. анализу деятельности тех или иных европейцев по организации колониального управления в своих колониях. В целом такой подход способствовал формированию представления, что политический процесс в Африке начинается в колониальную эпоху как бы с нуля, благодаря деятельности европейцев, которые, используя те или иные приемы и методы, продиктованные в первую очередь их собственной логикой политической эволюции, стремились к достижению поставленных перед собой целей. Африканским же доколониальным социумам отводилась лишь

роль пассивного материала для экспериментаторской деятельности европейцев, которая, как представлялось, и составляла содержание их политического развития в колониальный период. Именно эта идея, как мы могли заметить, и пронизывала возникшие в ходе колониальной практики концепции управления. Между тем имеющиеся в распоряжении материалы дают все основания несколько иначе посмотреть на этот процесс. В частности, можно констатировать, *что развитие африканских обществ в колониальный период было обусловлено, может быть, не столько внешним фактором, сколько их внутренней логикой эволюции, определявшей динамику в доколониальный период... Уже с первых шагов колонизации динамическая структура доколониальных африканских обществ, по сути дела, диктовала ту форму, в которой она осуществлялась.*

Из истории мировой колонизации хорошо известно, например, что захватчики сеяли вражду среди местного населения, действуя в соответствии с принципом «разделяй и властвуй». Однако такая деятельность европейцев, с нашей точки зрения, не вполне правомерна. Дело в том, что во многих регионах, в том числе в Восточной Африке доколониального периода, традиционные вожди сами были не менее изощренными политиками. Они умело боролись за власть, используя противоречия между различными социальными группами. Колониальная же ситуация лишь резко обострила этот процесс... традиционные конкуренты стали ее использовать для укрепления своей власти. Они старались, в частности, заручиться поддержкой колонизаторов для борьбы со своими традиционными конкурентами. Суахилийский купец Селим бин Абакари в начале XX в. записал историю, из которой видно, как африканский вождь васафва (этноса, населяющего современную Танзанию) Мерере умело использовал немецкие войска против вахехе (этническая группа, с которой васафва находились в традиционной вражде) [Velten 1901: 77–78]. Верховному вождю марангу Мареале удалось убедить немцев в том, что остальные вожди настроены против насаждаемых ими порядков, в результате чего 19 вождей были казнены [Grassa 1971].

Достигнув при помощи европейцев своих политических целей, африканские правители зачастую вступали в военную конфронтацию со своими бывшими союзниками. В частности, вожди баганда, использовав таким образом англичан, затем вступали с ними в конфликт [Benett 1969: 68]. Словом традиционные лидеры, взаимодействуя с европейцами, действовали прежде всего в интересах своей системы, активно используя вновь возникшие дополнительные ресурсы. Поэтому постулат теории косвенного управления, предусматривавший использование доколониальных политических структур в системе администрации, регулировавшей качественно иной тип общественных отно-

шений путем простого возложения дополнительных функций на эти структуры, представляется весьма сомнительным

В обеих концепциях колониального управления речь шла, прежде всего, об отношении к традиционным институтам управления *надобщинного уровня* К примеру, если французы считали, что необходимо «подавлять наиболее развитые традиционные системы власти, которые всегда служат барьером между нами и нашими подданными» [Panty 1910 24], то англичане стремились «либерализовать и модернизировать традиционные иерархические структуры» [Cameron 1939 98]

Словом, в теории прямого управления, с нашей точки зрения, *нашел преимущественно отражение этап колониального процесса, связанный с необходимостью разрушения надобщинных структур, служивших препятствием для эксплуатации общины*

В ходе проникновения в Западную Африку французы активно вступали в союз с одними политическими объединениями для подавления других Однако управление через традиционных лидеров-союзников было невозможно, так как те, как было показано, стремились к достижению своих собственных целей Поэтому впоследствии французы подавляли и своих бывших союзников Д А Ольдерогге и И И Потехин так оценивали процесс французской колонизации «Договоры, заключенные ею (Францией — *В Б*) с вождями племен, были нужны ей лишь на период оккупации как средство установления господства Укрепившись, Франция стала бесцеремонно нарушать их она смещала представителей традиционной власти и вместо них назначала своих ставленников, кроила и перекраивала административную карту, не считаясь с границами королевств и племен, разрушала их, вмешиваясь во внутреннюю жизнь племен» [Народы Африки 1954 302]

В целом политика прямого управления господствовала с 1904 по 1914 г В дальнейшем же практическая политика французских колонизаторов мало чем отличалась от проводимой англичанами с той лишь разницей, что она не была утверждена в качестве основной политической доктрины В период между мировыми войнами, по сведениям Ж Сюре-Каналя, французы использовали вождей при сборе налога, прибегали к их помощи при получении рабочей силы для нужд администрации и предпринимателей Вожди же, в свою очередь, все чаще стали использовать традиционный крестьянский труд на своих полях в корыстных, личных целях Это поощрялось колониальной администрацией, а тех, кто игнорировал распоряжения вождя, могли быть ею наказаны Однако все это осуществлялось спонтанно, без какой-либо юридической базы Как указывает французский ученый, те же самые действия могли служить и поводом для смещения вождя с должности, если он чем-нибудь не устраивал администрацию В этот период

вожди официально не признавались французами, но инструкции, получаемые колониальными чиновниками на местах из центра, ориентировали их на уважение вождей А 21 декабря 1934 г был издан первый декрет, согласно которому вожди получали официальное признание и стали получать жалованье за свой труд Однако они так и остались лишь агентами администрации, не став официально ее чиновниками [Suret-Canale 1970 98]

Английская же теория косвенного управления дает нам в некотором роде обратное явление В ней нашел отражение тот этап колониального политического процесса, который связан с воспроизводством прошлых элементов в качественно новом образовании, т е с исторической преемственностью В то же время этап, связанный с разрушением традиционных структур надобщинного уровня, не стал объектом теоретического осмысления в рамках этой концепции Тем не менее, как свидетельствует колониальная практика, он также необходимо предшествовал в регионах, в которых воплощалась эта политика Так, организация управления в эмиратах Северной Нигерии, на базе обобщения опыта которой сложилась, как известно, эта теория, осуществлялась уже на фоне разрушенных прежних политических образований Деятельность Ф Лугарда в данном регионе представляла собой, по его собственным словам, «восстановление престижа фульбских эмиров, в значительной степени утерянного в результате завоевания» [Lugard Papers 1913–1918 227] Окончательное разрушение прежних структур завершалось уже после установления господства В частности, известно, что находившиеся у власти в период британской экспансии правители почти повсюду были смещены [Зотова 1979 32] Другими словами, подавив политические структуры, необходимо было уничтожить и лидеров, воспитанных этими структурами и не способных в силу этого служить в интересах европейцев

Жестокое обращение колонизаторов с африканскими лидерами нельзя рассматривать в отрыве от традиционной политической культуры африканских обществ В рамках данной культуры осуществление властных функций увязывалось общественным сознанием непосредственно с персоной руководителя, обладавшей в силу тех или иных причин определенным магическим потенциалом, который и давал ему право на власть Поэтому лишение такого лидера власти не могло быть осуществлено через устранение его с занимаемой должности, что достаточно в политической культуре рационального типа, а только через физическое устранение его с политической арены Более того, колонизаторы, как правило, не позволяли подданным хоронить казненных правителей на своих территориях, увозя останки далеко за пределы Это также диктовалось традиционной политической культурой, так как в соответствии с представлениями культа предков мертвые пра-

вители в известной степени сохраняли свою власть над подданными, что могло быть использовано оппозиционерами. В период правления Ф Лугарда в Северной Нигерии колониальной администрацией был принят закон «О высылке низложенных вождей» (1917 г.). Правители высылались навсегда [Зотова 1979: 34].

Разрушение политических структур надобщинного уровня в начальный период колонизации вызвало интенсивные дезинтеграционные процессы в африканских обществах. Быстро распадались крупные раннеполитические объединения. Жители покидали деревни, возникшие здесь в ходе активной военной деятельности, и селились в менее доступных районах, пытаясь тем самым избежать уплаты налога, который вводился колонизаторами. Устранение традиционных лидеров усугубляло этот процесс. По выражению губернатора Танганьики Д. Камерона, «люди оставались без вождей, вожди — без людей» [Cameron 1939: 169].

Однако задачи, которые ставили перед собой колонизаторы на следующем этапе, т. е. после подавления сопротивления туземцев, не могли быть решены без привлечения значительных трудовых ресурсов. Рабочая сила нужна была для производства сельскохозяйственных культур, потребность в которых испытывала европейская экономика. В Восточной Африке, в частности, активно внедрялось производство каучука, сизаля, хлопка, чая, кофе, табака. Для решения этих проблем необходимо было создать такую систему управления, которая бы отвечала этим императивам. Внеэкономическое принуждение должно было стать основным методом для привлечения трудовых ресурсов.

Однако упование только на методы физического принуждения не могло обеспечить эффективного управления. Появилась объективная потребность в использовании психологического принуждения, содержащегося в традиционном регулировании общественных отношений в доколониальный период. На практике это означало частичное восстановление, реанимацию ряда элементов надобщинных структур, которые могли быть адаптированы к целям колониального управления. Тенденцию к их использованию отчетливо можно фиксировать в любом варианте колониальной практики европейцев, независимо от их теоретических воззрений на этот счет...

Тем более, что инновации, внедрявшиеся ими в жизненный уклад африканских народов, зачастую абсорбировались общинным сознанием и сами начинали восприниматься ими как традиции. Иными словами, эти нововведения не меняли основного алгоритма мышления африканцев, ориентированного в прошлое, для которого воспроизводство заданного образа поведения оставалось основным законом существования.

В докладе комиссара дистрикта Танга в вышестоящие органы в

1926 г. говорилось: «После опроса старейшин различных племен, живущих в районе Танга, было установлено, что ранее не существовало обычая, в соответствии с которым член племени по приказу властей должен был безвозмездно трудиться по поддержанию в должном состоянии близлежащих дорог или на других работах... Однако немцы ввели обычай неоплачиваемого труда по поддержанию состояния дорог: и с тех пор его соблюдали. В настоящее время он рассматривается туземцами как укоренившийся... Введенный немцами обычай был тщательным образом обсужден со старейшинами и старостами, представлявшими различные племена, и все они настаивали на том, что обычай должен существовать и далее» [Ingle 1972: 72].

Итак, получив мандат Лиги Наций на управление территориями бывшей Германской Восточной Африки, англичане столкнулись с обществами с разрушенной военной организацией, в которых деградировали надобщинные управленческие структуры, в то время как община с характерными для нее социальными, идеологическими и социально-психологическими отношениями продолжала существовать почти в неизменном виде, хотя за этот период они были «обучены» новым формам деятельности.

Создавая «туземные власти», англичане конструировали такую управленческую структуру, которая бы могла, с одной стороны, сохранить общину как целостный социальный организм, а с другой — наиболее эффективно осуществлять внедрение хозяйственных инноваций в ее деятельность. Важным моментом при достижении этой цели стало использование традиционных правителей в системе колониального управления. Несмотря на разрушение европейцами надобщинных управленческих структур, лидеры этого уровня продолжали пользоваться авторитетом у населения. Поэтому они нередко выступали в качестве альтернативных, неформальных лидеров, противостоя колониальным властно-управленческим структурам. Причем, как свидетельствует материал, воспроизводство традиционных систем власти могло происходить в условиях, совершенно отличных от тех, в которых они функционировали в доколониальное время [Gluckman 1970; Lumley 1976: 190]

Тот факт, что авторитет традиционных лидеров доколониального времени сохранялся даже в условиях, когда разрушались социальные предпосылки, определившие в свое время их возникновение, можно объяснить прежде всего характером ТПК, в рамках которой лидерство было тесно увязано со всем комплексом идеологических представлений, определявших, в частности, исключительную персонификацию власти. Соответствующие диспозиции, как установлено психологами, являются наиболее устойчивым компонентом психологической структуры личности. Известно, например, что верования и идеалы в силу

их меньшей ситуативности сохраняются и при изменении социальных форм поведения и даже в стрессовых ситуациях, решительно изменяющих отдельные мнения [Festinger 1964].

Более того, выяснилось, что даже в социумах, в которых иерархические структуры, разрушенные немцами, находились в упадке в течение нескольких десятилетий, в памяти людей они не были утрачены. Б. Малиновский отмечал, что при реализации политики косвенного управления в бывшей Германской Восточной Африке не составляло труда найти законных вождей и восстановить их власть [Malinovskey 1945: 85]. В одном из колониальных отчетов отмечалось, что уважение к вождю «в крови у банту». Даже туземцы, получившие образование и никогда не бывшие под властью традиционного вождя, настаивали на реставрации его власти [Malinovskey 1945: 35]. Создавая системы управления в рамках политики косвенного управления, англичане старались вовлекать в ее сферу людей, имевших право на лидерство в соответствии с нормами традиционной политической культуры. При этом они ориентировались на мнение старейшин, основных хранителей и толкователей традиции. Однако, чтобы эти люди могли функционировать в колониальной системе управления, их необходимо было соответствующим образом подготовить. Подготовка должна была включать в себя не только овладение определенными навыками и умениями, диктуемыми новой управленческой структурой, но и воспитание соответствующей шкалы ценностей.

Анализ практики колониальной деятельности европейцев в Африке свидетельствует о том, что они все сталкивались с этой проблемой. Смещая традиционных вождей на первом этапе колонизации и назначая на их место других, более лояльных новому режиму, европейцы, таким образом, не достигали тех целей в управлении, которые они перед собой ставили. Эти лидеры в условиях сохранившейся социальной организации доколониального типа либо продолжали в конце концов действовать в интересах своего народа, что, как правило, противоречило интересам колонизаторов, либо теряли ценности, регулировавшие поведение их в доколониальный период. Утрата этих ценностей не восполнялась новыми ценностями, которые бы осуществляли функцию внутреннего контроля за их деятельностью в качестве колониальных чиновников. Это превращало их во внесоциальные элементы, лишенные общественных идеалов, активно нарушавшие нормы поведения, предписываемые традиционной политической культурой и неспособные в то же время плодотворно действовать в интересах колониальной администрации из-за отсутствия соответствующей профессиональной и психологической подготовки. Социальная деградация этих вождей, дезинтеграция структуры их личности вела зачастую и к их биологической деградации, наступавшей вследствие злоупотребления алкого-

лем, наркотиками и т. д. Такими примерами изобилует вся колониальная история Африканского континента.

Подготовка или обучение традиционных руководителей, направленная на овладение ими необходимыми для выполнения колониальных функций навыков и умений, а также на воспитание у них соответствующей шкалы ценностей, были составной частью колониального процесса развития политических отношений. На протяжении только немецкого периода колонизации в Танганьике насчитывалось около 100 школ, в которых обучалось приблизительно 60 тыс. африканцев, среди которых были и традиционные лидеры [Biedelman 1967]. Со временем помимо лояльности британской короне стала учитываться соответствующая подготовка преемника. В Сокоте, Кацине, Кано, Кадуне, Джое были созданы школы для сыновей эмиров [Зотова 1979: 35].

Практика специальных школ для подготовки будущих «традиционных» вождей получила широкое распространение по всей Тропической Африке... Общий курс в таких школах длился шесть лет. В течение первых трех лет обучаемые получали элементарные знания на языке суахили... В последующие три года их знакомили с английским языком. Будущие правители изучали в школах бухгалтерское дело применительно к задачам, возлагаемым в рамках политики косвенного управления на «туземные казначейства» и «туземные суды», а также знакомились с более прогрессивными методами ведения сельского хозяйства, обеспечивавшими его большую продуктивность.

Создавая управленческие структуры, которые включали элементы ГПК, англичане всячески старались укреплять авторитет своих, по сути дела, ставленников у народа. Это, в частности, вменялось в обязанности колониальным чиновникам, было важным элементом проводимой англичанами политики. Взаимоотношения администратора и вождя регламентировались «ордонансом» (постановлением) о «туземных властях», где администратору приписывалось направлять деятельность вождя советами и воздерживаться от метода директивного управления местным населением [Brown 1935: 13]. В колониальной практике распоряжения и постановления администрации доводились до населения и выполнялись как распоряжения непосредственно вождя [The Native Authority... 1926: 95–100].

Однако необходимо было не только научить вождей управлять, по существу, новым процессом, но и научить управляемых подчиняться этим вождям. Д. Камерон, описывая свой опыт пребывания в качестве губернатора Танганьики, свидетельствовал: «Я всегда придавал огромное значение разъяснению обязанностей вождей перед народом, особенно в вопросах обеспечения охраны жизни и неприкосновенности собственности, их деятельности в суде, а также обязательств подчиненных перед властями, поставленных над ними» [Cameron 1939: 82].

Политика англичан на первых порах привела к положительным результатам. В частности, восстановление института «традиционного» вождя способствовало реинтеграции всего комплекса доколониальных идеологических представлений, связанных с функционированием объединений типа вождеств (союзов племен). Б. Малиновский отмечал, что это способствовало возрождению племенного строя на всех уровнях социальной иерархии [Malinovskey 1945: 85] «Возродились чувства верности своему племени и племенная гордость» [Culwick 1935: 142]. В то же время английская политика коренным образом видоизменила характер социально-управленческих отношений между общиной и новыми надобщинными «традиционными» структурами относительно доколониального периода.

Смещение и назначение вождя на должность практически освободили его от жесткого контроля, который местное общество ранее осуществляло за его деятельностью. Поэтому в колониальное время деградировали и те традиционные социальные институты, которые осуществляли контроль. Вожди, действовавшие в рамках «туземных властей», переставали удостаивать своим посещением традиционные собрания, на которых раньше они доводили до народа свои указы. Вербальный механизм информирования людей в условиях неграмотности населения о решениях администрации должен был быть основным и в колониальное время [Perry 1973: 139]. Соответственно девальвация традиционных ценностей в сознании вождей, чему способствовало «обучение» их европейцами, при отсутствии контроля снизу привела к тому, что «традиционные» вожди начали использовать свое положение в личных целях. Например, эксплуатируя традицию общественных работ на полях верховного вождя, они требовали обработки и своих полей, урожай с которых использовали для собственного обогащения [Little 1965: 91]. Словом, вожди начали злоупотреблять своим положением как с точки зрения традиционных ценностей доколониальных африканских социумов, так и колониальной управленческой иерархии: «Ни жесткий контроль, ни тюремное заключение, ни лишение титула вождя или старосты не могли остановить злоупотреблений родоплеменной верхушки» [Карпов 1973: 43].

В результате созданные англичанами структуры не могли служить в качестве канала обратной связи, поставлять информацию в центр управления. Во-первых, оторвавшись от своего народа, «традиционные» вожди сами в полном объеме не владели такой информацией, т. е. не знали всех проблем, которые возникали в «гуще народных масс». Во-вторых, и это основное, вожди не были заинтересованы в поступлении отрицательной информации в вышестоящие колониальные инстанции, так как это грозило им смещением с занимаемой должности и заменой их другими лицами, которые, с точки зрения колонизаторов,

смогли бы более эффективно проводить в жизнь их решения. Смещение же с должности означало для вождей лишение денежных средств, которые они получали от администрации за службу. Причем если основные массы населения жили в условиях натурального хозяйства, то образ жизни «туземных властей» в этот период во многом стал определяться рыночными отношениями, представленными в европейском секторе экономики. Заметим, что и колониальная судейская система, которая теоретически была также ориентирована на осуществление функций обратной связи, их не выполняла. В частности, она предусматривала в качестве высшей судебной инстанции суд европейцев, который обязан был рассматривать апелляции, поступившие из «туземных судов», что должно было обеспечить движение осведомительной информации в центральные органы.

Однако практика показала, что апелляции очень редко поступали из «туземных судов» в суды белой администрации, воспринимаемые местным населением как чужие, поскольку оно не понимало тех актов и директив, которыми эти суды руководствовались в своей деятельности. В качестве реакции на слабую информационную сопряженность, которую обеспечивали официальные управленческие структуры между иерархией и общиной в системе колониального общества, можно рассматривать возникновение неформального института так называемых «брокеров». П. Н. Лебедев отмечает: «В тех случаях, когда формальная структура органа управления не вполне отвечает его задачам или им не соответствуют подбор и расстановка должностных лиц, как правило, ответной реакцией органа в целом на эти несоответствия является образование неформальной структуры» [Лебедев 1973: 102]. «Брокеры» — это люди из числа местного населения, которые в силу тех или иных причин, связанных прежде всего с особенностями их индивидуального жизненного опыта, довольно свободно ориентировались как в традиционной системе ценностей, так и в правовой культуре колонизаторов. Обладая информацией, они за определенную мзду помогали местным жителям корректировать свое поведение в соответствии с новыми нормами, оптимально используя их для удовлетворения своих жизненных нужд. Однако один этот институт не мог в полной мере обеспечить необходимую циркуляцию информации, при которой эффективно осуществлялся бы процесс управления.

Ущербность созданной англичанами системы проявилась в полную силу уже в 30-х гг. нынешнего столетия. Поэтому они попытались решить проблему обратной связи в созданной ими системе колониального управления за счет внедрения в нее антропологов-профессионалов. Например, Б. Малиновский писал: «Администратор должен сформулировать, какие знания ему необходимы по первобытному праву, экономике, обычаям, институтам. Затем он должен направить научную

деятельность антрополога в нужном направлении и тем самым заполучить информацию, без которой он вынужден действовать на ощупь» [Malinovskey 1929 22]

Словом, ученые антропологи стали активно использоваться европейцами в практике управления, чтобы компенсировать недостаток в информации, поступавшей в центр по принципу обратной связи Предпринимались попытки найти наиболее оптимальные формы взаимодействия между колониальными чиновниками-практиками и учеными [Brown 1935 1]

Однако можно констатировать, что все попытки европейцев решить проблему обратной связи в процессе управления, в том числе и путем внедрения элементов анализа ситуации специально подготовленных научных кадров, не увенчались успехом Это в конечном счете привело к деградации колониальных систем социального управления После Второй мировой войны политика косвенного управления, проводимая в английских колониях, практически повсеместно была отменена

Таким образом, можно оценить соотношение субъективного и объективного в колониальном процессе, в частности в английской политике косвенного управления, как одной из форм его отражения в общественном сознании Общественная практика опровергла вывод политических антропологов о способности традиционных институтов эффективно функционировать в принципиально новом (колониальном) социально-политическом контексте Созданные же в рамках этой политики институты («туземные власти») коренным образом отличались от доколониальных аналогов Их формированию необходимо предшествовал «перерыв постепенности», в ходе которого разрушались доколониальные управленческие структуры надобщинного уровня Поэтому теоретики не смогли спрогнозировать противоречия, которые возникли после реализации данной политики Они сводились прежде всего к противоречиям между общиной и «туземными властями» Последние, несмотря на первоначальный успех, в конечном итоге были отвергнуты населением, что означало гибель политики косвенного управления

ЛИТЕРАТУРА

Джемс У Прагматизм М , 1911

Зотова Ю Н Традиционные политические институты Нигерии М , 1979

Карпов В К Методы английского колониального управления в Танганьике в 1918–1939 гг Автореф канд дис М , 1973

Лебедев П Н Очерки теории социального управления Л , 1973

Левада Ю А Сознание и управление в общественных процессах // Вопросы философии М , 1966 №5

Миронов Б А Историческая психология и историческое знание // Общественные науки М , 1966 № 1

Народы Африки М , 1954

Ольдерогге Д А , Потехин И И Функциональная школа в этнографии на службе британского империализма // Англо американская этнография на службе империализма М , 1951

Ольдерогге Д А Колониальное общество — этап в этническом развитии народов Африки // Проблемы населения и хозяйства стран Африки М , 1973

Benett G Tribalism in Politics // Tradition and Transition in East Africa California, 1969

Biedelman T O Tanganyika A Study at an African Society of National and Local Level // Contemporary Change in Traditional Society London, 1967

Brown G Anthropology in Action London, 1935

Cameron D The Principals of Native Administration and Their Application Lagos, 1924

Cameron D My Tanganyika Service and Some Nigeria London, 1939

Cohen R Political Anthropology// Handbook of Social and Cultural Anthropology New York, 1974

Culwick G M Ubena of the Rivers Б м , 1935

Descamps N Et maintenant Lord Lugard // Africa 1963 Vol 33 N 4

Festinger L Conflict Decision and Dissonance Stanford, 1964

Foster M Applied Anthropology California, 1969

Gluckman M Tribalism in Modern British Central Africa// African Politics and Society New York, 1970

Grossa G S The German Intervention and African Resistore in Tanzania// A History of Tanzania London, 1971

Hailey P Native Administration in British African Territories Pt 4 London, 1951

Ingle R From Village to State in Tanzania London, 1972

Little K The Study Of Social Change in British West Africa // Africa Social Problems of Change and Conflict San Francisko, 1965

Lemarshand R Introduction // African Kingships in Perspective London, 1977

Lugard Papers Revision of Instructions to Political Officers on Subjects Chifly Political and Administrative 1913–1918 MS Brit Emp S 64

Lumley E K Forgotten Mandate London, 1976

Mair L African Chiefs Today // Africa 1958 Vol 28

Malinovskey B Practical Anthropology // Africa 1929 Vol 1 N 1

Malinovskey B The Dynamics of Culture Change London, 1945

Panty M Governor-General // Afrique francaise 1910 N 7 Juillet

Perry A G The Broker in a Rural Leshoto Community // African Studies 1973 Vol 32 N 3

Suret-Canale J The End of Chieftancy in Guinea // African Politics and Society New York, 1970

The Native Authority Ordinance 1926 N 18 // Report for the year 1926 35 Velten C Safari za Waswahili Berlin, 1901

Д. И. РАСКИН

РОССИЙСКАЯ ИМПЕРИЯ КАК СПЕЦИФИЧЕСКИЙ ТИП ПОЛИЭТНИЧЕСКОГО ГОСУДАРСТВА*

Подход к истории России как к истории многонациональной империи стал после 1991 г. одним из самых популярных среди историков. Отметим прежде всего фундаментальный труд А. Каппелера [Каппеллер, 1997], работы Дж. Хоскинга [Hosking 1997], М. Хагена [Hagen 1997], Р. Суни [Суни 2001] и др. Эта проблематика рассматривается и в специальной главе монографии автора настоящей статьи, посвященной истории Российской империи [Раскин, 2001а].

Но поскольку в этих работах (не исключая и монографии А. Капеллера, большинство тезисов которой представляются вполне обоснованными) история многонациональной Российской империи рассматривается в основном в аспекте социальной или политической, а также этнической истории или с позиций типологического изучения империй как особого исторического феномена [After empire 1997], есть смысл еще раз рассмотреть основные закономерности истории Российской империи как специфического типа полиэтнического государства с точки зрения истории государственных учреждений. Как представляется, именно анализ историко-правовых реалий позволяет выявить те специфические особенности российской имперской государственности, которые позволили многонациональной империи в течение исторически значимого (почти 3 столетия) периода успешно расширяться и сохранять свое существование, но в конечном счете не смогли предотвратить ее гибель.

Московская Русь как централизованное государство с сословно-представительной монархией сложилась (подобно другим феодальным империям) в результате присоединения отдельных княжеств и земель. Этот процесс превращения московского великого князя в царя московского и Всея Руси отразился в полном императорском титуле [Лакиер

* AD HOMINEM. Памяти Николая Гиренко. СПб.: МАЭ РАН, 2005.

© Д. И. Раскин, 2007

1847: 81–156]. Приказный строй управления предусматривал наличие центральных учреждений, ведавших отдельными присоединенными территориями (Казанский, Сибирский, Смоленский, Малороссийский и т. п. приказы), а присоединение Левобережной Украины создало в рамках Московской Руси автономное государственное образование со своим правом и системой органов управления. Став царем казанским, астраханским и сибирским, царь Всея Руси оказался владетелем территорий с иноверным населением, но исповедующие ислам татары, а также языческие народы Поволжья входили в состав территорий Великого княжества Московского и ранее. А сосуществование ислама и православия в одном государстве было подготовлено еще во времена Золотой Орды.

Таким образом, от других «лоскутных» феодальных монархий Европы Московскую Русь отличали, видимо, несколько большая степень веротерпимости и отсутствие на присоединенных территориях развитой системы местных прав и вольностей, подтвержденных договорами и обычаями.

Реформы Петра I превратили Московскую Русь в Российскую империю.

С нашей точки зрения, «регулярное государство» Петра I, «законная монархия» Екатерины II и империя Николая I, управлявшаяся «в твердых основаниях положительных законов, учреждений и уставов, от самодержавной власти исходящих» [Свод законов 1832: ст. 47] — это этапы развития одного и того же типа государственности, претерпевшего некоторые изменения в результате реформ 1860-х гг. и вступившего на путь эволюции в направлении правового государства (в форме конституционной монархии) в 1905–1906 гг. Этот тип государственности (при всех присущих ему заимствованиях с Запада) был глубоко укоренен в основах российской жизни. Он обеспечивал (до поры до времени) развитие российского общества, причем развитие именно в том направлении и именно в тех пределах, которые исторически возобладали в России. Он отличал Российскую империю и от государств Западной Европы (хотя в очень многих чертах приближался к государственным порядкам в абсолютистских Австрии или Пруссии), и от Османской империи или Китая.

Важнейшей стороной российской имперской государственности были отделение личности монарха от государственных учреждений и дифференциация функций законодательства, верховной власти и административного управления. Условием для функционирования этого типа государства была замена отдельных учреждений и должностных лиц, деятельность которых основана на личном поручении или отдельном узаконении, системой государственных учреждений, вся деятельность которых основана на систематизированном законодательстве и

этим законодательством регламентирована*. Эта система была немыслима также без универсальной иерархии сравнимых между собою военных и гражданских чинов, производство в которые определялось формальными и упорядоченными узаконениями, и без системы также созданных государством и регулируемых им сословий.

Российская государственность Нового времени — это государственность, демонстративно порывающая с предшествующей традицией, непрерывно реформирующая политические, социальные и экономические институты и обеспечивающая их функционирование при постоянном расширении территории империи. Главным типологическим свойством этой государственности было стремление провести необходимые и достаточные реформы, обеспечивавшие модернизацию государства и вытекающее из этого преодоление экономического и культурного отставания, но при этом совместить эти реформы с сохранением основ социально-экономического строя России, хотя и стимулируя дальнейшую эволюцию этого строя. Но ряд институтов европейской цивилизации, обеспечивавших ее превосходство в экономической, культурной и, конечно, в военной области, был не заимствован, а заменен сугубо российскими, обеспечивавшими (до поры до времени) тот же результат, но на основе местных условий и традиций [Раскин 2001: 11–25]. Принципы «регулярного государства» действовали и в области регулирования этнических и конфессиональных отношений.

В течение всего XVIII — 1-й пол. XIX в. в государственном устройстве Российской империи сосуществовали две тенденции. Первая — это постепенное устранение всех местных особенностей управления, подчинение национальных окраин общероссийским учреждениям и законам. Такая унификация управления соответствовала рационалистической идеологии «регулярного государства», исходящего из универсализма всех государственно-правовых принципов и тяготеющего к упрощению и единообразию системы государственных учреждений, сословий и т. д.

Вторая тенденция, порожденная своего рода прагматизмом власти, — сохранение местных особенностей управления, а там, где имелась развитая система местного права и сословных учреждений, и сохранение местных «вольностей» и привилегий, т. е. своего рода асимметрия государственного устройства империи.

В XVIII в. первой тенденции соответствовало уничтожение власти гетманов с передачей их функций Малороссийской коллегии (с временным отступлением от этой политики в 1750–1764 гг., когда должность гетмана была восстановлена), упразднение прежнего деления

* Именно это дало основание М. Раеву назвать это государство Reglamentstaat [Raeff 1979].

Малороссии на полки и, наконец, введение на Левобережной Украине общероссийского губернского устройства. При этом характерно, что существовавшее в Киеве магдебургское право действовало вплоть до 1834 г. [Цветкова 2004: 320–323]. Но параллельно упразднению гетманщины шел процесс включения малороссийских войсковых чинов* в состав российского дворянства и распространения на Левобережную Украину крепостного права.

В то же время, в соответствии со второй тенденцией, при включении Лифляндии и Эстляндии (а в конце XVIII в. и Курляндии), а также части Финляндии в состав Российской империи местному дворянству были гарантированы прежние привилегии, что на уровне управления означало существование в этих провинциях дворянских сословных органов (задолго до Жалованной грамоты российскому дворянству 1885 г., вводившей такие органы в России), дворянского управления и суда, старинных городских органов самоуправления, а также создание специальных центральных учреждений — Юстиц-коллегии лифляндских и эстляндских и финлядских дел и Камер-конторы лифляндских, эстляндских и финляндских дел. Существование «особого остзейского порядка» [Блуменбах 1899; Егоров 1981] не было поколеблено екатерининской губернской реформой, при введении которой в Остзейских губерниях были сохранены местные дворянские административно-полицейские и судебные учреждения, а также органы прокуратуры. А крестьянская реформа начала XIX в. в Остзейских губерниях только подчеркивала «особость» местных порядков. Издание в 1845 г. Свода местных узаконений Остзейских губерний, несколько ограничив привилегии остзейского дворянства, кодифицировало правовые нормы, обеспечивавшие обособленность региона. Целостности Российской империи «особый остзейский порядок, однако, не угрожал. Верность остзейского дворянства правящей династии и его успешная служба в Российской империи на военном, административном и ученом поприще общеизвестны.

В первой половине XIX в. в основном преобладала вторая тенденция. Особенности местного управления были сохранены в присоединенных от Польши губерниях, в Закавказье, в Бессарабии. Формой реализации асимметрии государственного устройства империи стал институт генерал-губернаторов на окраинах [Институт генерал-

* Генерального обозного, генерального судьи, генерального подскарбия, генерального писаря, генерального есаула, генерального хорунжего, генерального бунчужного, полковника войскового правления, бунчукового товарища, обозного полкового Артиллерийского правления, есаула Артиллерийского правления, хорунжего Артиллерии генеральной Артиллерийского правления, полкового есаула, хорунжего и сотника Войскового правления, атамана Артиллерии генеральной, войскового товарища полкового и писаря полкового Статского правления, а также подкомория, земского судьи и подсудка [Раскин 2001. 281].

губернаторства... 2001] и создание особого законодательства для управления окраинными регионами.

Образцом для такого законодательства стало разработанное М. М. Сперанским Учреждение для управления Сибирских губерний и областей, а также Учреждение о управлении инородцев Сибири. Эти «учреждения» послужили образцом для других «особенных» учреждений: для управления Кавказской области, Закавказского края, Бессарабской области, Учреждения о управлении сибирских киргизов, Учреждения о управлении инородцев в губерниях Астраханской, Таврической и Оренбургской, а также Учреждения для управления земель войск Донского, Черноморского, Уральского, Оренбургского, Астраханского казачьих и Ставропольского калмыцкого. Все эти особенные учреждения вошли в Свод законов издания 1832 г. [Свод законов 1832].

Наряду с такими особенностями, как подчинение входящих в край губерний и областей генерал-губернаторам, объединение гражданского управления с военным, наличие при генерал-губернаторах советов, объединяющих глав местных учреждений различных ведомств [Раскин 2004: 207–210], важнейшим отличием местных учреждений от общероссийских был особый порядок управления инородцами. Для управления сибирскими инородцами М. М. Сперанский разработал специальную классификацию, делившую инородцев на так называемых бродячих, кочевых и оседлых инородцев.

Бродячие инородцы управлялись родовыми князьцами или старостами, подчиненными местной администрации, но творившими суд и расправу над соплеменниками по местным обычаям и собиравшими с них ясак. К разряду бродячих инородцев были отнесены охотничьи и оленеводческие народы Сибири.

Для кочевых инородцев была разработана система управления, предусматривавшая сочетание территориального родоплеменного самоуправления с подчинением губернской (областной) администрации. Низшим звеном этой системы было родовое управление, учреждавшееся на каждое стойбище, улус или род. Это управление состояло из старосты и его помощника, выбранного из «почетных и лучших родовичей», а нередко просто передававших эти должности по наследству. Несколько улусов или стойбищ образовывали инородную управу. Управа разбирала мелкие судебные дела между инородцами, приводила в исполнение приговоры, занималась раскладкой налогов и повинностей, сбором недоимок и осуществляла ряд других административно-полицейских и судебных функций. Инородная управа состояла из головы и нескольких выборных, избиравшихся на 3 года и утверждавшихся губернатором (или областным начальником).

Для некоторых народов (бурят, якутов, хакасов) были созданы бо-

лее крупные административно-территориальные органы — степные думы. К компетенции степных дум было отнесено «народоисчисление», раскладка повинностей, распространение земледелия и «инородной промышленности», а также ходатайства перед высшими властями о пользах родовичей. Степные думы возглавляли главные родоначальники (тайши) и избранные заседатели (тайши, зайсанги, шуленги и т. п.). Звание почетных инородцев (князьцы, топпы, тайши, зайсанги, шуленги и т. п.) было наследственным, если оно было наследственным до 22 июля 1822 г., и выборным, если оно было выборным до этого дня.

Исковые дела между инородцами разбирались в родовых управлениях. Судопроизводство было словесным и основывалось на обычаях. Апелляционной инстанцией по отношению к суду родового управления была родовая управа. Степные думы выступали в исковых делах только как посредники (по соглашению сторон). Жалобы на словесную инородческую расправу (суд родового управления и родовой управы) можно было приносить в окружной суд, решения которого были уже **окончательными и обжалованию** не подлежали.

Местное управление оседлыми инородцами Сибири осуществлялось через волости, так же как и русскими крестьянами.

Принципы, заложенные в Учреждение о управлении инородцев Сибири, были в дальнейшем применены в учреждениях для управления народами Кавказа, а в дальнейшем и Средней Азии. Они положили основу особого управления инородцами и закрепили особый статус инородцев в Российской империи.

Вопреки бытовому словоупотреблению, инородцы отличались от прочих подданных империи не столько по национальному и вероисповедному признакам, сколько по способу налогообложения (ясак), исполнению других государственных повинностей (освобождение от рекрутской, а с 1874 г. — воинской повинности) и особенностям организации местного самоуправления, а также применением обычного народного права в судопроизводстве по гражданским и мелким уголовным делам. К концу XIX в. инородцы составляли всего 6,6% населения империи [Капеллер 1997: 296].

Типичным административным институтом на национальных окраинах в Азии было так называемое военно-народное управление. Это управление предусматривало сосредоточение военной и гражданской власти в управлении областями и округами в сочетании с местным самоуправлением (на уровне селений) и судом (по гражданским и мелким уголовным делам) по нормам местного обычного права (адатам). Этими нормами руководствовались словесные суды, апелляционной инстанцией по отношению к которым были губернские (а после судебной реформы — окружные) суды.

Таким образом, в Российской империи сложилась своеобразная система «непрямого управления», до поры до времени достаточно эффективная.

Другим фактором, обеспечивавшим стабильность империи, стало включение местных элит в состав привилегированного сословия империи. Наряду с русским дворянством в состав этого сословия вошли дворянство остзейское, малороссийская старшина, польская шляхта (хотя в 1831 г. безземельные и не служащие шляхтичи были записаны в мещане [Раскин 2001: 279]), татарские мурзы, а также многочисленные высшие сословия народов Кавказа и Закавказья. В результате, например, грузинские дворяне составили наибольшую (по сравнению с другими народами империи) долю населения среди грузин: 5,29% потомственных дворян (при средней доле потомственного дворянства по империи 0,97%) [Капеллер 1997: 296]. В среднем у кавказских горцев процент потомственного дворянства составил на 1897 г. 0,58%, но у разных народов он очень сильно различался. Свое дворянство было, например, у осетин и кабардинцев. А у чеченцев и ингушей, в наибольшей степени сохранивших черты родоплеменного строя, национальная аристократия отсутствовала. Это предопределило и степень инкорпорации верхушки разных народов в общеимперскую элиту [Линден 1917]. Так, например, осетины заняли прочное место среди российского офицерства (вплоть до последнего командующего войсками Петроградского военного округа округа генерала С. С. Хабалова). А чеченцы и ингуши, как правило, оставались вне российской военной элиты (хотя некоторые из них служили в офицерских чинах в Собственном конвое е. и. в., а в годы I Мировой войны в так называемой Дикой дивизии).

В соответствии с традициями феодального права законодательство Российской империи учитывало только конфессиональную и сословную принадлежность своих подданных. «Малороссиянин» в XVIII в. означало не этническую, а своего рода сословную принадлежность, а «еврей» в XIX — нач. XX в. — иудейское исповедание. Но в 60-е гг. XIX в. в связи с подавлением Польского восстания 1863–1864 гг. и политикой «обрусения» западных губерний в законодательстве появляется указание на «русское происхождение» как основание для привилегий перешедшим на службу в эти губернии чиновникам и для приобретения в этих губерниях недвижимости. А начиная с 1883 г. можно найти случаи дискриминации по этническому признаку евреев, перешедших в христианские исповедания (например, отказ в утверждении в профессорском звании принявшему православие М. Я. Герценштейну). Но в основном вплоть до 1917 г. все привилегии, как и ограничения в правах (для иудеев, старообрядцев, католиков, сектантов), исходили исключительно из конфессионального признака.

В пореформенное время процесс нобилизации местных элит при присоединении новых территорий прекратился. Так, например, все коренные жители Туркестана именовались в законодательстве туземцами. Им были предоставлены права, аналогичные инородцам в Сибири или на Кавказе (самоуправление на уровне поселений, суд низшей инстанции на основе адатов, свобода от воинской повинности). Это способствовало обособлению верхушки среднеазиатских народов от имперской элиты [Капеллер 1997: 147]. А на части территорий Средней Азии господство имперского правительства было опосредовано сохранением автономных Бухарского эмирата и Хивинского ханства, в которых были законсервированы традиционный общественный строй и порядок управления.

Еще одной областью законодательства, в которой проявились особенности Российской империи как полиэтнического государства, было употребление национальных языков в народном образовании и в печати.

Система народного образования и учебных заведений в Российской империи была создана сверху как неотъемлемая часть системы институтов «регулярного государства». Получение высшего и даже среднего образования открывало, независимо от сословного происхождения, возможности для карьеры на государственной службе и устраняло ряд сословных и вероисповедных (для евреев) ограничений. В то же время все учебные заведения были либо государственными, либо находились под контролем государства. Эта система допускала употребление национальных языков в светской школе лишь в таких «исторических провинциях», как Польша, Финляндия и Остзейские губернии. В пореформенное время стали появляться низшие и средние специальные (педагогические) учебные заведения с преподаванием части предметов на языках местных народов. Такие учебные заведения действовали в Поволжье, на Кавказе, в Туркестане. Они содействовали формированию национальной интеллигенции и росту национального самосознания, но в то же время позволяли удовлетворять ряд существенных этнокультурных потребностей народов Российской империи в рамках этой империи. Одновременно происходило вытеснение немецкого языка из средней и высшей школы в Прибалтике, запрещение польского языка не только в западных губерниях, но и в бывших губерниях Царства Польского. Не были допущены языки коренного населения в учебные заведения Остзейских губерний. Таким образом, прагматичная политика в отношении народов Поволжья, Средней Азии и отчасти Кавказа стала сочетаться с жестким подавлением национальной школы на Западе.

Издание книг и периодики на национальных языках в принципе российским законодательством не ограничивалось. Но ограниче-

ния печати на украинском языке (который императорское правительство упорно отказывалось признать самостоятельным языком), запрещения театральных постановок на идише и т. п. распоряжения порождали и усугубляли оппозиционные настроения на национальной почве.

В пореформенное время, а в особенности после революции 1905–1907 гг. происходит уменьшение числа генерал-губернаторств, унификация местных административно-полицейских и судебных учреждений и правовых норм [Институт генерал-губернаторства... 2001: 246–247]. В частности, с введением земских учреждений, новых судов, а также с проведением ряда преобразований (в развитие крестьянской реформы) в Прибалтийских губерниях был значительно потеснен «особый остзейский порядок». Приблизился к общероссийскому порядок управления губерниями Закавказья. Но характерно, что новые суды были повсеместно введены лишь к 1899 г., а земские учреждения к 1916 г. действовали лишь в 43 губерниях и областях империи из 94. В начале XX в. наряду с общим губернским учреждением в Российской империи действовали специальные Учреждение управления губерний Царства Польского, Учреждение управления Кавказского края, Положение об управлении Туркестанского края, Временное положение об управлении Закаспийской областью и Учреждение Сибирское, а также Положение об инородцах.

Существенной чертой национально-государственного устройства Российской империи было почти повсеместное несовпадение административно-территориальных границ с этническими, наличие многочисленных диаспор у ряда народов империи (немцы, армяне, татары и т. д.).

В целом можно констатировать, что если особый порядок управления в Сибири, Средней Азии и некоторых областях Кавказа в целом не носил дискриминационного характера по отношению к местному населению, то в западных губерниях порядок управления носил характер чрезвычайного режима, затянувшегося на десятилетия. Лишь в 1911 г. в шести западных губерниях были введены земские учреждения, но основанные на выборах по национальным куриям, с повышенной нормой представительства от сельского населения и явными преимуществами для «русского» (т. е. православного) населения. Система управления в губерниях Северо-Запада, Юго-Запада и бывшем Царстве Польском была направлена главным образом на подавление польских стремлений к независимости. Одновременно перед польским дворянством открывались широкие возможности военной и административной карьеры в империи, а для польской промышленности и торговли отсутствие таможенных барьеров предоставляло немалые преимущества как по части сбыта продукции, так и при получении дешевого сырья. Отсюда

заметная роль поляков в военной и бюрократической, а также банковской и промышленной элите России.

Генерал-губернаторское управление в Прибалтике в пореформенное время и в особенности в начале XX в. предусматривало наряду с политикой обрусения «окраин России» лавирование центральной власти между остзейской (немецкой) элитой и эстонским и латышским населением, что давало (вплоть до событий революции 1905 г.) формирующимся элитам местных коренных народов основания видеть в центральной власти защитника своих интересов.

Наиболее последовательно дискриминационным российское законодательство было в отношении евреев. Но характерно, что это законодательство было весьма фрагментировано и в значительной степени выступало в форме временных правил (якобы вплоть до общего урегулирования еврейского вопроса) и отдельных административных распоряжений. До начала 1880-х гг. политика правительства, в общем, была ориентирована на «просвещение» евреев, устранение их замкнутости, приобщение к «полезным» занятиям (земледелию, ремеслу и т. д.). В результате в 1851–1870 гг. евреям, соответствующим этим требованиям (купцам 1-й гильдии, ремесленникам, лицам с высшим образованием), было предоставлено право повсеместного жительства в империи. В этот период «просветительная» политика российского правительства могла опираться на часть еврейской элиты («просветители», крупные финансисты). Но с 1881–1883 гг. политика правительства в еврейском вопросе однозначно перешла к ограничению прав евреев (причем, прежде всего, приобщившихся к европейскому светскому образованию и включенных в российскую экономику), вытеснению их из экономической и культурной сферы, побуждению к эмиграции [Эльяшевич 1999: 32–36]. Такая политика загоняла в оппозицию правительству все российское еврейство. Но в силу специфики расселения евреев в диаспоре эта оппозиционность проявлялась главным образом в поддержке общероссийской либеральной оппозиции и социально-революционных движений и лишь во вторую очередь в поддержке сионистского движения.

Обострился в XX в. и финляндский вопрос. Великое княжество Финляндское, присоединенное к России в 1809 г., пользовалось полной автономией и существовало в составе империи обособлено, но вполне лояльно к центральной власти. Наступление на права великого княжества (начиная с 1898 г.) привело к преобладанию в финском обществе лозунгов полной независимости, борьба за которую успешно завершилась в декабре 1917 г.

В целом же можно констатировать, что асимметрия государственного устройства Российской империи, выражавшаяся в наличии специальных «учреждений» для управления отдельными регионами и на-

родами, и включение национальных элит в общероссийскую были эффективным способом консолидации полиэтнической империи применительно к народам и регионам с традиционным укладом (племенным или феодальным), т. е. к народам Азии, а также к регионам, в которых действовало «историческое» (в основе своей феодальное) право, но не было сильных традиций самостоятельной государственности (Прибалтика, Финляндия). Но даже в никогда не мирившейся с потерей независимости Польши часть общества (делавшее карьеру на русской службе дворянство, а начиная со 2-й половины XIX в. и значительная часть предпринимателей) была существенно заинтересована в сохранении целостности империи.

«Регулярное государство», созданное Петром I и получившее свое завершение при его наследниках, было приспособлено к включению в свой состав новых территорий и к удержанию их в составе империи. Но эти же принципы государственного устройства в эпоху реформ и пробуждения национального самосознания, тем более в эпоху революции, оказались **гораздо** менее эффективными, хотя центростремительная инерция еще долго влияла на развитие национальных отношений в Российской империи.

Процесс консолидации национальных элит у «молодых наций» [Капеллер 1997: 156–158] совпал с ослаблением сословного начала в российском обществе и появлением интеллигенции, ориентированной на внесистемные ценности [Раскин, 2001б.. 227–250]. Формирование же национальных интеллектуальных элит, усвоившихй, наряду с национальным самосознанием, русскую (европейскую по своей сути) образованность и систему ценностей русской интеллигенции, стало возможным во многом благодаря тем формальным правам, которые предоставляло как «природным российским подданным», так и инородцам государственное устройство Российской империи

Но в принципе имперское государственное устройство обладало достаточным запасом прочности, и понадобился ряд грубых ошибок и внешнеполитических поражений правительства, а также общее обострение всех социальных конфликтов, чтобы этот запас прочности был исчерпан.

В частности, переход правительства Александра III к «национальной политике» и следование этому курсу в царствование Николая II способствовали формированию оппозиционных национальных движений в большей степени, чем любые объективные предпосылки в виде особенностей государственного устройства и даже экономических и культурных проблем национальных регионов.

Тем не менее важно отметить, что (за исключением Польши и Финляндии) до 1917 г. ни одно национальное движение, как правило, не ставило вопрос о выходе из России. Лозунги политической и

культурно-национальной автономии, национального равноправия не носили сепаратистского характера.

И только общий коллапс империи в 1917 г. породил попытки национального самоопределения в виде отделения. В основном эти попытки были успешно подавлены большевиками, восстановившими империю в форме Советского Союза. Но этому сопутствовали административно-территориальное размежевание по этническому признаку, провозглашение «титульных» наций и т п. мины замедленного действия, взорвавшиеся уже в наше время.

ЛИТЕРАТУРА

After empire Multi-ethnic societies and nation-building The Soviet Union and the Russian, Ottoman and Habsburg empires / Ed by Barkey K , Yagen M von Boulder, 1997

Hagen M von Writing the history of Russia as empire The perspective of federalism // Казань, Москва, Петербург М , 1997

Hosking G Russia People and empire London, 1997

Raeff M The bureaucratic phenomena of imperial Russia, 1700–1900 // Amer hist rev 1979 Vol 84 N 2 S 410

Блуменбах Е Гражданское состояние (сословие) в России, и в частности в Прибалтийских губерниях его права и обязанности Рига, 1899

Дубровский Д В Проект Этнические меньшинства в Санкт-Петербурге итоги и перспективы //Семинар «Национальные меньшинства в контексте общественного сознания» Санкт-Петербург 12–13 мая 2001 Сборник материалов СПб , 2001

Егоров Ю А История государства и права Эстонской ССР Дооктябрьский период (13 в — октябрь 1917 г) Таллин, 1981

Институт генерал-губернаторства и наместничества в Российской империи Т 1 Науч ред тома Д И Луковская, Д И Раскин СПб , 2001

Капеллер Андреас Россия — многонациональная империя Возникновение История Распад М , 1997

Лакиер А История титула государя России // ЖМНП 1847 Ч 56

Линден В Высшие классы коренного населения Кавказского края и правительственные меры по определению их сословных прав Исторический очерк Тифлис, 1917

Раскин Д И Российская империя XIX — начала XX века как система государственных учреждений, службы, сословий, государственного образования и элементов гражданского общества Lewiston, Queenston, Lampeter The Edwin Mellen Press, 2001а Гл 4 «Окраины России» (асимметрия государственного устройства России как система сохранения многонациональной империи) С 179–198

Раскин Д И Сословия в Российской империи и типовые сценарии жизненного пути россиян в XIX — начале XX в // Английская набережная, 4 Ежегодник Санкт-Петербургского научного общества историков и архивистов СПб , 2001б

Раскин Д И Принцип коллегиальности в российском государственном реформаторстве XVIII — начала XX в // Актуальные проблемы теории и истории государства и права Материалы IV международной научно-теоретической конференции, Санкт-Петербург, 29 декабря 2004 г СПб , 2004

Свод законов 1932 г Т 1 СПб , 1932

Суни Р Империя как она есть Имперская Россия, «национальное» самосознание и теория империи // Ab Imperio Казань, 2001 № 1–2

Цветкова А. В История магистратской системы управления в Киеве (XVIII — XIX вв) по нормам магдебургского права // Проблемы истории государственного управления Государственный аппарат и реформы в России (к 200-летию министерской системы управления в России) Материалы международной научной конференции 24–25 октября 2002 г , Санкт-Петербург Ч 1 СПб , 2004

Эльяшевич Д. А Правительственная политика и еврейская печать в России 1797–1912 Очерки истории цензуры СПб , Иерусалим, 1999

Д. В ВАСИЛЬЕВ

УПРАВЛЕНИЕ КОРЕННЫМ НАСЕЛЕНИЕМ ТУРКЕСТАНСКОГО КРАЯ В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ*

Население присоединенных к России во второй половине XIX в. среднеазиатских владений во времена ханского владычества не имело одинакового административного деления. Кочевники делились на роды, роды — на отделения, а последние — на подотделения. Оседлые жители делились на аксакальства. В основании такого деления у кочевников лежал родовой принцип, между тем как оседлые туземцы группировались в мелкие административные единицы по принципу единства поселения. Родовыми группами у кочевников управляли родоначальники, называвшиеся манапами, султанами или старшими биями. В подчинении у последних находились бии, которым вверялись отделения, а тугачи управляли подотделениями. Звание манапов, султанов и биев, как старших, так и управлявших отделениями, признавалось наследственным. Исключение составляли лишь редкие случаи, когда род или отделение признавали данных лиц недостойными управлять народом. В подобных случаях по усмотрению старейшин избирались другие родоначальники и бии, которые утверждались представителями хана — беками [Пален 1910: 3].

Хотя по обычаю бекам принадлежало только право утверждать избранных населением родоправителей, они часто смещали по своему усмотрению неудобных должностных лиц, назначая на их место приемлемые для себя кандидатуры.

Из упомянутых лиц только тугачи почти всегда избирались старейшинами, причем звание это не считалось наследственным.

Первоначально в руках всех этих родоправителей сосредоточивалась лишь полицейская власть, в то время как власть судебная осуществлялась особыми судьями, должности которых мог занять любой,

---

* Кочевая альтернатива социальной эволюции М Центр цивилизационных исследований РАН, 2002

© Д В. Васильев, 2007

пользовавшийся уважением народа. Со временем, по мере роста влияния султанов и биев, последние захватили и судебную власть, лишь изредка предоставляя возможность тяжущимся избирать посредника для решения своих споров. Тугачи судебной властью не пользовались, оставаясь исключительно полицейскими органами.

Иной была форма управления оседлого населения. Каждое оседлое селение или квартал в многолюдном селении управлялись аксакалами, избираемыми населением и утверждавшимися беками. В руках аксакалов находилась вся полицейская и распорядительная власть, а также отчасти и заведование взиманием податей. Порядок и срок полномочий беков ни законом, ни обычаем не регулировались.

Свои властные полномочия аксакалы делили с другими органами. В многолюдных селениях находились назначавшиеся беками раисы, следившие за строгостью соблюдения Корана, религиозных обрядов и за правильностью торговли на базарах. Раисы обладали также правом разбирать и семейные дела.

Ведавший податным делом штат служащих был гораздо многочисленнее. Сбором земельных податей заведовали особые правительственные чиновники — серкеры, нанимавшие себе помощников — мирабов. Заметную роль во взимании податей играли и арык-аксакалы, наблюдавшие за равномерным распределением воды. Налог с движимого имущества взимали назначавшиеся беками или ханами зякетчи под контролем мирза-баши. Сбор податей с кочевого населения был организован вообще неудовлетворительно.

Вскоре после присоединения Средней Азии к Российской империи новая власть, занятая решением политических проблем, не могла уделять достаточного внимания решению вопросов внутреннего управления коренного населения. Действительно, первоначально все должностные лица из коренного населения были оставлены на занимаемых должностях. Не было внесено никаких серьезных изменений и в порядок назначения родоправителей и аксакалов.

Однако уже Временное положение об управлении Туркестанской областью 1865 г. продемонстрировало стремление к вовлечению среднеазиатских владений в орбиту внутренней жизни Российской империи. Управление коренным населением военный губернатор области осуществлял на основании общих правил, установленных для губернаторов. При этом он имел право назначать и смещать лиц из коренного населения, заведующих местным управлением. Для кочевников сохранялись родоправители, бии и манапы, а для оседлых — аксакалы, раисы, базар-баши и казии. Непосредственными начальниками всей местной администрации стали управляющие туземным населением. Подчинялись они непосредственно начальникам отделов, на которые делилась Туркестанская область. На управляющих возлагались следующие

обязанности: надзор за работой народных судов, забота о неприкосновенности караванов, об охране лесов и оросительных систем, наблюдение за исправностью взимания податей, исполнением повинностей и предписаний администрации со стороны местного населения [ПСЗРИ II Отд. I. 1865. Т. 40. № 42372].

В 1867 г. область была преобразована в Туркестанское генерал-губернаторство, и принятый в том же году проект Положения об управлении Семиреченской и Сырдарьинской областей стал первым шагом в деле упорядочения управления местным населением. Он делил все коренное население края по условно-этническому признаку: на сартов (оседлых) и киргизов (кочевников).

Кочевое население в каждом уезде* делилось на волости**, волости — на аулы. Волости управлялись волостными управителями, аулы — аульными старшинами. Волостные и аульные избирались населением сроком на 3 года на аульных сходах и волостных съездах. Таким образом, выборы должностных лиц туземной администрации были двухступенчатыми, а их результаты утверждались представителями царской администрации. Волостные управители и аульные старшины сосредоточили в своих руках полицейскую и распорядительную власть. Волостные управители подчинялись уездному начальнику (представителю российской администрации) и обязаны были заботиться о сохранении общественного порядка, о приведении в исполнение судебных решений и постановлений народных судов, налагали административные взыскания за незначительные поступки.

В местах жительства оседлого населения местная полицейская и распорядительная власть находилась в руках аксакала, должность которого учреждалась в каждом значительном селении или городском квартале. Процедура выборов устанавливалась в том же виде, что и у кочевого населения. Аксакал селения или квартала в городе в полицейском отношении пользовался властью волостного управителя кочевого населения.

Интересно, что в 1867 г. была установлена система поощрений для туземных должностных лиц. Особо отличившиеся представители местного населения могли награждаться званием почетного гражданина, медалями, почетными халатами и денежными премиями. Таким образом, туркестанская наградная система приняла вид, наиболее соответствующий традиционным местным взглядам, что делало ее более эффективной и привлекательной для новых российских подданных [Материалы... 1960: 289–293].

---

* Административно-территориальная единица, группа волостей, как правило, тяготевших к городу

** Административно-территориальная единица, подразделение уезда в сельских местностях России

Разработанный в недрах туркестанской администрации в 1871 г. новый проект Положения об управлении в Туркестанском генерал-губернаторстве структуру волостного управления, его права и полномочия оставил практически без изменений. Изменения коснулись лишь процедуры выборов аульного старшины в сторону ее ограничения. Положение же волостного съезда и волостного управителя осталось без изменений [РГВИА 1871–1872: 22–24].

Неутвержденный проект Положения об управлении в областях Туркестанского генерал-губернаторства 1873 г. вместо принятого прежде деления местного населения на киргизов и сартов предполагал установить более общее деление коренного населения по хозяйственно-социальному признаку на оседлых и кочевых, отнеся к числу первых и киргизов, у которых земледелие стало постоянным и преобладающим над кочевым промыслом. Тем и другим предполагалось дать совершенно единообразную полицейско-административную организацию по образцу двухступенчатого киргизского управления. Аксакальские управления в местных селениях предполагалось заменить сельскими в первой инстанции, соответствующей аульному управлению у кочевников, и дополнить волостными во второй (высшей) инстанции в соответствии с такими же у киргизов [РГВИА 1873: 34–36].

Разработанный в 1881 г. очередной проект Положения об управлении в Туркестанском генерал-губернаторстве пришел к выводу, что местное население Туркестанского края по своему положению больше всего подходило к низшему податному сословию империи — к состоянию сельских обывателей и не должно было пользоваться никакими особыми преимуществами. Проект освобождал коренных жителей от отправления воинской повинности, от телесных наказаний и предоставлял льготы в отношении гербового сбора. Новый законопроект приравнивал туркестанских сельских и аульных старшин и волостных управителей в их правах и обязанностях к соответствующим должностным лицам в сельских обществах империи. Учреждение сельских сходов и волостных съездов для заведования общественными, хозяйственными делами и выбора должностных лиц допускалось, применяясь к местным условиям, на основаниях *Положения 19 февраля 1861 г.* [Объяснительная записка... 1881: 53–59].

Направленная в Туркестан сенатская ревизия Ф. Гирса подготовила очередной проект Положения об управлении Туркестанским краем 1883 г., который лишь подтвердил общую тенденцию к приближению коренного населения генерал-губернаторства по своему положению к низшим податным сословиям внутренней империи. Новый проект Положения предполагал разрешить военным губернаторам в городах и многолюдных селениях назначать особых полицейских аксакалов (курбаши), обязанностью которых должно было стать сохра-

нение общественной безопасности и порядка [Положение 1883: 5–9].

Составленный в 1884 г. очередной проект Положения об управлении Туркестанским краем не внес существенных изменений в положение коренного (и особенно кочевого) населения за одним, пожалуй, исключением. Продолжительность службы на должностях волостных управителей, сельских и аульных старшин предлагалось определить в пять лет [Положение 1884: 7–8, 11]

Рассмотренные выше законопроекты 1871, 1873, 1881 и 1883 гг., хотя и не получили законодательного утверждения, совершенно определенно продемонстрировали два направления в развитии институтов туземной администрации. С одной стороны, это приобщение к общеимперским порядкам, а с другой — осторожность и постепенность каких-либо изменений, опасение вызвать противодействие и отторжение со стороны местного населения.

Новое Положение об управлении Туркестанского края было законодательно утверждено в 1886 г. В нем была представлена усовершенствованная система организации власти у оседлого коренного населения. Вызвано это было тем, что с течением времени неуклонно возрастала доля именно оседлого населения среди местных жителей, поскольку на переход к оседлости и была нацелена политика русской власти в этой части империи. Положение 1886 г. окончательно утверждало единообразную двухступенчатую административную систему для кочевников и оседлых жителей края. Однако нельзя обойти вниманием тот факт, что по новому Положению участниками сельского схода становились все домохозяева общества, а не выборные от 10 дворов (как в 1867 г.). Это нововведение полностью соответствовало *Общему положению о крестьянах 1861 г.* Кроме того, в Положении 1886 г. подчеркивалось, что права, обязанности и круг деятельности волостного управителя, сельского старшины, волостного съезда и сельского схода определялись Общим губернским учреждением, хотя и с некоторыми дополнениями [ПСЗРИ III. 1886. Т. 6. №3814].

Следует обратить внимание на тот факт, что представители русской власти, приступая к организации управления коренным населением, подчеркивали необходимость взять за образец систему управления, сложившуюся у кочевников [Кауфман 1885: 51; Гирс 1883: 60]. Новая власть активно стремилась привлечь кочевников на административную службу, создавала благоприятные условия для получения ими среднего и специального образования. [Кауфман 1885: 440–442]. Такое особое расположение к кочевникам объясняется тем, что они, по мнению представителей царской администрации, были далеки от исламского фундаментализма, в большей степени расположены к установлению твердой русской власти, гарантировавшей им покой и стабильность [Гирс 1883: 7, 8]. Следовательно, именно кочевое население

призвано было стать опорой для царской администрации в Центральной Азии. Кочевники рассматривались в перспективе как проводники политики царского правительства в Туркестане.

Исследование динамики туркестанского законодательства наглядно показывает, как, начав с робких попыток внедрения лишь некоторых элементов общеимперской административной системы, царское правительство в 1886 г. перешло к созданию в крае управленческой структуры, весьма близкой к общегосударственной. Некогда весьма разноликая местная администрация кочевников и оседлого населения постепенно приобретала все более стройные черты. И к исходу первых двух десятилетий российского правления вполне стала европейской по характеру, вплотную приблизившись к положению органов местной администрации остальной России.

Дальнейшее развитие административной системы и государственности в Центральной Азии вплоть до сего дня показало тенденцию к симбиозу европейской традиции государственности с догосударственными и раннегосударственными формами иерархии Это в общем-то и было заложено царской администрацией в первые годы российского правления в Туркестане.

ЛИТЕРАТУРА

Гирс Ф. К. Объяснительная записка к проекту Положения об управлении Туркестанским краем Б м , 1883

Кауфман Проект всеподданнейшего отчета генерал-адъютанта К П фон Кауфмана I по гражданскому управлению и устройству в областях Туркестанского генерал-губернаторства 7 ноября 1867 — 25 марта 1881 г СПб , 1885

Материалы по истории политического строя Казахстана Т I Алма-Ата, 1960

Объяснительная записка к проекту Положения об управлении в Туркестанском генерал-губернаторстве Б м , 1881

Пален Отчет по ревизии Туркестанского края, произведенной по высочайшему повелению сенатором гофмейстером графом К К Паленым Сельское управление русское и туземное СПб , 1910

Положение об управлении в Туркестанском генерал-губернаторстве Б м , 1883

Положение об управлении Туркестанским генерал-губернаторством Б м , 1884.

ПСЗРИ II Полное собрание законов Российской империи Собрание второе. 1867 Т 40 Отделение первое №42372 СПб , 1865

ПСЗРИ III Полное собрание законов Российской империи Собрание третье. Т 6 №3814 СПб , 1886

РГВИА Российский государственный военно-исторический архив 1871–1872 Ф 400 Оп 1 Д 261

РГВИА Российский государственный военно-исторический архив 1873 Ф 400 Оп 1 Д 334

ТРАДИЦИОННАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА И СОВРЕМЕННОЕ ГОСУДАРСТВО. АФРИКАНСКИЙ ОПЫТ

В главе рассматривается взаимодействие ТПК и ПК рационального типа на африканском материале. Это взаимодействие началось в колониальный период и происходит по сей день. В современных ПК африканских государств отчетливо представлена ТПК, во многом определяющая функционирование властно-управленческих отношений как на низших этажах социально-политической иерархии, так и самих государственных структур.

В. В. Бочаров в статье «Индивид и власть в Тропической Африке (К проблеме иррационального в политике)» раскрывает механизмы воспроизводства ТПК в ПК современных государств Тропической Африки, используя преимущественно танзанийский материал. ТПК, как показывает автор, в значительной мере определяет поведение как властителей, так и подданных. Причем это поведени, зачастую реализуется бессознательно, вопреки официально закрепленным политико-правовыми актами поведенческим моделям.

В. Р. Арсеньев в статье «Охотничьи союзы и государственное управление Мали» на примере Мали рассматривает влияние ТПК на современную ПК государства. Речь идет о социальных образованиях, возникших вокруг охоты — древнейшей формы хозяйственной деятельности людей, характерных для ТПК этнических групп бамбара и малинке в доколониальный период. Охотничьи союзы объединяли, прежде всего, мужчин, которые сосредоточивали в своих руках управленческие функции как светские, так и магические: «Каждый охотник бамбара или малинке является колдуном, а сами союзы, соответственно, — их объединениями». Автор, используя собственные полевые материалы, показывает, что «охотничьи союзы» и сегодня тесно вплетены в политическую жизнь современного Мали, включая высшие этажи государственной иерархии.

В статье **В. А. Попова** «К пробемам становления политических культур...» на примере Ганы показано, что ТПК этнических групп доколониального и колониального периодов оказала наиболее серьезное воздействие на становление и функционирование своеобразной ПК

данного государства. Автор считает актуальным изучение конкретных компонентов (параметров) традиционной ППК (потестарно-политической культуры) аканского региона и механизма их адаптации в новую политическую систему, сначала созданную британскими колонизаторами, а затем преобразованную в государственную структуру независимой Ганы. В частности, он выделяет основные параметры ТПК (или ППК в номинации автора) аканов, составляющих основу населения Ганы, раскрывая процесс их адаптации к колониальным и постколониальным административно-управленческим структурам.

В В БОЧАРОВ

ИНДИВИД И ВЛАСТЬ В ТРОПИЧЕСКОЙ АФРИКЕ
(К проблеме иррационального в политике)*

Мировой политический процесс даже при самом беглом его анализе включает в изрядной мере иррациональное, реализуемое в повседневном поведении людей, принимающих в нем участие. Это выражается в действиях как лидеров, так и народных масс, действиях, содержащих в себе мощное эмоциональное начало, подчас неподвластное тем рациональным устремлениям, которые они формируют в качестве целей своей деятельности и стремятся их осуществить. Более того, складывается впечатление, что зачастую иррационализация политического поведения развивается в соответствии со своей внутренней логикой, проявляя значительную автономию от теоретических и идеологических постулатов действующих в нем лиц. Достаточно, например, вспомнить революционные события, имевшие место в разные времена и в различных регионах мира, чтобы убедиться полученные в ходе этих действий результаты порой не только значительно отличались от преследуемых революционерами целей, но нередко составляли их полную противоположность. Н. Бердяев мудро подметил в этой связи: «Революция иррациональна, она свидетельствует о господстве иррациональных сил в истории. Деятели революции сознательно могут исповедовать самые рационалистические теории и во имя их делать революцию, но революция всегда является симптомом нарастания иррациональных сил» [Бердяев 1990 106].

Связь политики с глубинным и социально-психологическим пластами личности многие соотечественники имели возможность почувствовать на себе в годы «перестройки». Это нарастание иррациональных сил, невозможность избавиться от эмоциональных переживаний, связанных с политикой, известный советский писатель В. Конецкий, весьма образно и, по-моему, справедливо, сравнил с политической «бормотухой». Многим пришлось испытать и чувство разочарования достиг-

* Околдованная реальность / Под ред И В Следзевского М Наука, 1996

© В В Бочаров, 2007

нутыми в ходе «перестройки» результатами, увидеть вместо ожидаемого «нового» воспроизводство «старого», хотя и в новой идеологической оболочке...

Весьма концентрированно иррациональные формы поведения людей, участвующих в политическом процессе, представлены в авторитарных формах правления или их крайних проявлениях — тоталитарных. Сакрализация власти, вождизм, помпезная театрализованность ритуалов, пронизывающих всю политическую жизнь, приоритет формы над содержанием, зачастую лишенный элементарного здравого смысла, а также отсутствие признаков формальной логики в идеологических конструкциях и клише — необходимо закономерные проявления этих режимов в самых различных социально-экономических условиях.

По вполне понятным причинам проблемы авторитаризма (тоталитаризма) привлекают сейчас особенное внимание отечественных исследователей. Не подвергая их тщательному разбору, отметим лишь главную тенденцию, которая отчетливо прослеживается в преувеличении, а порой и абсолютизации субъективного фактора в ходе возникновения и функционирования подобного рода режимов. Иными словами, причины их появления на свет зачастую усматриваются в злой воле некой политической группировки, партии, организации, а то и одного человека, т. е. политического вождя. При этом народные массы (управляемые) представляются в качестве пассивного элемента указанного процесса, обманом и репрессиями удерживаемого в рамках этих режимов. Здесь мы, по-видимому, имеем дело с одним из вариантов реализации того социально-психологического закона, в соответствии с которым одна крайность обязательно переходит в свою противоположность, т. е. тоже крайность, но с обратным значением. Вспомним, что еще вчера мы ставили политику в жесткую зависимость от экономического базиса общества, а авторитарные (тоталитарные) режимы рассматривали в тесной связи с капиталистическими отношениями или их кризисными формами функционирования.

Однако мировая политическая практика убедительно опровергает рациональность политических клише тоталитарных режимов. Режимы подобного толка могут возникать в различные времена в обществах, находящихся на разных стадиях социально-экономической эволюции и имеющих глубоко отличные культуры. Египтолог, например, без труда усмотрит немало тождественного в организации властных отношений в древнем Египте за несколько тысяч лет до нашей эры и в стране «победившего социализма» конца XX в. Эти же свойства отчетливо просматриваются в, казалось бы, столь отличных политических системах, как западноевропейской (германский или итальянский фашизм) и восточной (маоцзэдуновский Китай).

Мировой политический опыт опровергает и попытки объяснить

возникновение авторитарных и тоталитарных форм злой волей того или иного субъекта политики. Африканисту хорошо известно, к примеру, что после политической эмансипации Африки в начале 60-х годов многие вновь образовавшиеся государства выбрали тип политического устройства, свойственный бывшим метрополиям, т. е. буржуазно-демократический: вскоре с очевидной закономерностью эти формы были заменены военными диктатурами и однопартийными режимами. Там же, где демократические институты сохранились, они носят преимущественно декоративный характер, почему подобного рода формы правления получили название парламентского авторитаризма.

Все это дает основания утверждать: в любом обществе существует потенциальная возможность перехода к авторитарным формам политического устройства, что свидетельствует о наличии в них определенного запаса «общечеловеческих ценностей» иррационального порядка, способных в определенные моменты времени актуализироваться, служить социально-психологической основой таких режимов. В этой статье делается попытка установить содержание этих «общечеловеческих ценностей», т. е. определить происхождение и роль иррационального в политических процессах данного типа. Эта, на мой взгляд, чрезвычайно важная теоретическая проблема будет исследоваться в рамках настоящей статьи на африканском материале...

Главным носителем иррациональных идейно-политических представлений является община, которая продолжает оставаться основой социальной организации африканского населения, занятого преимущественно в традиционном секторе экономики. Комплекс мировоззренческих и идеологических представлений обнаруживает известное тождество у самых различных народов, у которых община является фундаментом социальной организации. Эти представления, в свою очередь, возникают на определенной индивидуальной и общественной психологической базе, которая обладает идентичными свойствами в обществах ранних стадий социально-экономической эволюции. В частности, представления о власти, характерные для общинного мировоззрения, неразрывно связаны здесь с особенностями индивидуального мышления, которое Л. С. Выготский определял как комплексное мышление, или мышление в комплексах. Характерной его особенностью является способ классификации реалий окружающего мира. Эта классификация осуществляется им не по сущностным критериям, а по ситуативным, в результате чего предметы и явления, зафиксированные однажды этим мышлением в одной ситуации, могут рассматриваться в причинно-следственной обусловленности. Таким образом, комплексное мышление способствует возникновению у субъекта психологической взаимосвязи между этими предметами и явлениями, а также между

ним и окружающими его реалиями. Это, в свою очередь, служит психологической основой для зарождения магии или магических идеологических представлений. По мнению Л. С. Выготского, «преобладание связи субъективной, возникающей из непосредственного впечатления над связанностью объективной. Отсюда получается объективная бессвязанность и субъективная всеобщая связанность» [Выготский 1983: 256]. Эта связь в принципе и есть та магическая сила, представления о которой этнографы обнаружили у всех народов ранних стадий эволюции.

Именно в данном типе мышления и связанными с ним магическими идеологическими представлениями коренится иррациональное отношение человека (в нашем случае африканца) к власти. Оставаясь в рамках данных представлений, любой индивид может воздействовать на окружающую его действительность и других людей, используя магическую (психологическую) силу, соединяющую его с остальным миром. Однако некоторые, как считается, обладают в этом смысле особым даром, что и выдвигало таких людей на лидерские позиции. Они становятся знахарями, колдунами, пророками, вождями. Точнее говоря, любые претензии на лидерство должны включать в себя и демонстрацию индивидом своего магического потенциала. В этих условиях и вполне рациональные способности таких людей к каким-либо видам общественно полезной деятельности рассматриваются как проявления особого расположения к ним магических сил. Возвышение, например, военного авторитета в Восточной Африке накануне колонизации сопровождалось, с одной стороны, появлением могущественных вождей-лидеров, а с другой — резким усилением сакрализации их власти. Выдвинувшись в лидеры зачастую благодаря своему военному таланту, они тем не менее обязаны были укреплять в глазах людей и свою сакральную (иррациональную) власть. Аналогичные представления у бамбара зафиксированы В. Р. Арсеньевым в 80-х гг. [Арсеньев 1991: 146]. Как свидетельствуют этнографические материалы, эти вожди руководили обрядами, связанными с вызыванием дождя (важнейшая магическая функция лидера в этом регионе Африки), занимались приготовлением чудодейственных напитков, обеспечивавших безопасность их воинам во время боя, выявляли колдунов, излечивали больных и т. д. При этом, утверждая свой авторитет, они запрещали подчиненным себе лидерам выполнять сакральные функции [Skeat 1900: 314].

Показательно, что в колониальный период европейское техническое превосходство рассматривалось африканцами в рамках магического мышления: европейцы наделялись сверхъестественными возможностями влиять на судьбы местного населения. Ачебе, крупный нигерийский писатель, устами героев романа «Стрела бога» достаточ-

но точно вскрывает этот мировоззренческий пласт в мышлении африканцев:

« — Когда вас посещает дух, носящий маску, вы должны умилостивить следы его ног щедрыми дарами. Сегодняшний дух в маске — это белый человек.

Истинная правда, — подхватил Акуэбуе, — в наше время дух, носящий маску, — это белый человек и его посланцы» [Ачебе 1979: 175].

Подобными представлениями во многом и был обусловлен престиж белого человека в Африке, авторитет его образования, веры, культуры. Поэтому главный герой романа Ачебе, сакральный вождь Эзеулу, «видя, что белый человек пришел как завоеватель и обладает огромным могуществом, счел необходимым, чтобы некоторые из его соплеменников изучили обряды поклонения божеству белых» [Ачебе 1979: 64]. Представления о власти, характерные для мышления африканцев, определяли в известной степени и их отношение к колониальным европейским чиновникам. Белый начальник, с их точки зрения, был обязан не только выполнять распоряжения вышестоящих органов, но и обеспечивать подвластным ему людям жизненное процветание, оберегая от засухи, эпидемий и т. д. Пример этому мы находим в работе Леви-Брюля. В ней он приводит материалы В. Скита: «Хороший урожай или недород риса приписывали переменам в настроении управляющего округом. Однажды мне пришлось слышать, когда крокодилы-людоеды вдруг почему-то начали особо свирепо нападать на людей, что виноват в этом представитель правительства, несомненно, способный, но, может быть, мало симпатичный» [Skeat 1900: 36].

Политическая культура населения в известной мере определяла и форму легитимации колониальных властных структур, что, в частности, выражалось в усилении их ритуализации. По наблюдениям С. Драке, европейцы часто окружали своих высокопоставленных чиновников «многочисленными ритуалами и помпезностью, чтобы иметь возможность влиять на африканцев, вызывая у них благоговейный ужас» [Drake 1965: 519]. Сам же ритуал в обществах ранних стадий эволюции всегда есть форма выражения сакральности. Нарастание же сакрализации власти в этих культурах, в свою очередь, сопровождалось усложнением соответствующих ритуалов ради оказания психологического воздействия власти на управляемых [Бочаров 1992: 23–91].

Соответствующее отношение среднего африканца к власти наблюдается и сегодня. Руководитель, с его точки зрения, не только управленец, но и носитель магических свойств, которые он использует при контроле над природными и социальными процессами. С этой точки зрения естественно, что верховный руководитель обладает наибольшим магическим потенциалом. Держатель верховной власти в современных государствах Тропической Африки может выступать и в традицион-

ном обличье, и в современном, т. е. по форме, напоминающий соответствующие властные структуры развитых демократий, однако в любом случае для африканца он прежде всего фигура магическая. В Свазиленде, например, «король» вполне официально совершает магические обряды, обеспечивая тем самым процветание своей стране и народу. Отправление такого ритуала довольно подробно описал С. Ф. Кулик в начале 80-х гг. во время местного празднования Инчвала [Кулик 1983: 195–199]. По наблюдениям Л. Киндровой, пробывшей несколько лет в Того, «современные африканские государственные деятели... станут властителями только тогда, когда докажут, что находятся в союзе со сверхъестественными силами и представляют собой нечто большее, чем простые смертные... необходимо доказать, что она (власть. — *В. Б.*) ниспослана магическими силами» [Киндрова 1985: 34]. Автор рассказывает о том, каким образом нынешний президент Того Эйадема «организовал» такое доказательство. Речь идет об авиационной аварии, в которую попал президент. Летчики погибли, а генерал Эйадема и несколько сопровождавших его лиц остались живы. Однако о последних обычно умалчивается, спасение же президента приписывается добрым духам (магическим силам). В этот день (авария произошла 24 января 1974 г.) в Того происходят пышные торжества, приносят жертвы предкам в знак благодарности за спасение жизни президента [Киндрова 1985: 41–44].

Президент Заира Мобуту, принимая визитеров, предлагает им вылить из стакана на землю остаток прохладительного напитка, чтобы в соответствии с обязанностями политического лидера обеспечить хороший урожай [Винокуров 1986: 206].

Архаические пласты мышления и связанные с ними представления об отношениях власти закрепляют за политическим лидером позитивный магический потенциал, т. е. тот, который используется на благо людей, любые же события, наносящие вред людям, объясняются действиями ведунов — «врагов народа». Ведуны являются носителями отрицательного магического потенциала, и отношение к ним традиционного общества всегда было весьма суровым. Лица, заподозренные в ведовстве, как правило, наказывались смертной казнью. Борьба с колдунами была одной из важных обязанностей вождей в доколониальный период. Имеющиеся этнографические материалы свидетельствуют о том, что вожди зачастую обвиняли в ведовстве своих политических соперников [Hodgson 1931: 226, 270]. Поиск ведунов (вредителей) является важным элементом политических культур, возникших при посредстве иррациональных пластов сознания. В противном случае в обществе могут возникнуть подозрения в магической импотенции вождя, неспособного оградить людей от различного рода невзгод. Зарубежные исследователи показывают, что после обретения бывшими

африканскими колониями политической независимости сила религиозно-идеологических комплексов ведовства не только не уменьшилась, но возросла [Westerlund 1980: 153]. Причем они во многом определяют поведение не только остающегося в большинстве своем неграмотным крестьянства, но зачастую и образованных слоев общества [Pelt 1981: 154]. Политические лидеры также могут использовать эти представления в борьбе за власть. Известно, например, что в 1973 г. в Чаде по приказу президента страны Томбалбая было арестовано тридцать человек, которые обвинялись в совершении «политического колдовства». Традиционный суд «черной овцы» в феврале 1975 г. приговорил Г. Генбонг, одну из заговорщиц, к смертной казни. В ходе разбирательства выяснилось, что она и ее сообщники, среди которых был и генерал Маллум (будущий правитель Чада), живьем закопали в землю черную овцу, которую они предварительно ослепили. Суд постановил, что колдовской ритуал имел целью уничтожить президента страны [Jeune Afrique 1975].

Мировоззренческие представления африканцев обусловливают и такое явление, как персонификация власти. Магический потенциал связывается этим мышлением с конкретной персоной, которая либо благодаря своим исключительным свойствам (харизматическое лидерство), либо, являясь представительницей сакрального рода, может оказывать всесторонние воздействия на природные и социальные процессы. Здесь же отметим, что возникновение сакральных родов также изначально определялось этим мышлением, которое уподобляло физическое сходство потомков того или иного харизматического лидера наследованию ими и магического потенциала предка. Этнографические материалы свидетельствуют об отчетливой тенденции к закреплению магических свойств лидера за его родственной группой.

Европейцы столкнулись с этой проблемой в колониальный период при организации управления заморскими территориями. Первоначальные их попытки замещать традиционных вождей своими ставленниками вызывали сильные дезинтеграционные процессы в африканских обществах. Поэтому колонизаторы были вынуждены на их место назначать лиц, имевших на это традиционное право, т. е. обладавших необходимыми магическими свойствами. Наиболее последовательно эту политику проводили англичане. При замене того или иного лидера европейцам приходилось не только убить его, но и вывезти останки за пределы родины. Не проводя резкой границы между жизнью и смертью, африканцы продолжали поклоняться своему вождю, считая, что магический потенциал лидера обеспечит им успех в борьбе с европейцами. Поэтому нередко по мере нарастания национально-освободительного движения они обращались к представителям коло-

ниальной администрации, требуя вернуть останки своего лидера для захоронения на родине.

И сегодня в центре политического процесса в государствах Тропической Африки стоит не партия со своей программой действий, а конкретная личность, с которой африканцы связывают свои чаяния и надежды.

Важным элементом политических культур государств Африки является бесчисленное тиражирование портретов и монументов политического лидера. Этот обычай также неразрывно связан с архаическими пластами менталитета. Факты колониального периода свидетельствуют о том, что даже случайные предметы иной культуры, по форме напоминавшие святыни племени, вызывали у африканцев те же эмоции, причем главным их составляющим был страх [Culwick 1935: 110]. Поэтому для африканца изображение его вождя — это не просто произведение искусства, а нечто большее, несущее в себе частицу его самого, всегда обладающего, о чем речь шла выше, признаками сакральности. Эти портреты и монументы обязательно присутствуют в кабинетах руководителей и перед зданиями, в которых располагаются государственные (или партийные) органы власти. Тем самым их обитателям как бы делегируется часть магической силы (власти), присущей верховному политическому лидеру. Неудивительно поэтому, что смена власти в рамках традиционной культуры, которая связывается в сознании африканца прежде всего со сменой конкретного лидера, предполагает уничтожение изображений прежнего вождя как лишившегося этой силы.

Важным элементом африканской авторитарной политической культуры являются имя и титул, или титулы, главы государства или партии. Имя в традиционной культуре всегда было связано с изменением социально-политического статуса индивида. Иными словами, меняя в процессе жизненного цикла свой статус, индивид получал и новое имя. Именно в имени, как предполагалось, заключались те свойства, которыми должен обладать индивид, получивший новый статус. Истоки такого отношения к титулу опять же лежат в системе мышления: «Слово употреблялось как имя собственное, как звук, ассоциативно связанный с тем или иным индивидуальным предметом» [Выготский, Лурия 1930: 97]. Главный герой уже упомянутого мной выше романа Ачебе, сакральный вождь, говорит: «Если еще хоть раз ты услышишь, что я спрашиваю тебя про это, возьми мое имя и отдай его псу» [Ачебе 1979: 27]. Материалы, собранные Р. Янгом о культуре народности лугуру (Восточная Африка), также свидетельствуют о том, что у них имя означало некую абстракцию свойств власти, воплощаемую в лицах (живых и мертвых), принадлежавших к правящей родственной группе. По его словам, лугуру никогда не скажут, что вождь

управляет людьми: «О нем говорили — он правит именем» [Young 1980: 56].

Этот пласт мышления, в соответствии с которым восприятие персоны лидера, его магических свойств осуществляется в тесной связи со словом, т. е. его именем (титулом), и определяет роль последнего в политических культурах государств Тропической Африки. По свидетельству Л. Киндровой, «его (президента. — *В. Б.*) имя можно увидеть на плакатах в самых отдаленных уголках страны. Некоторые традиционные вожди носят шапки с надписью "Avec Eydema"» [Киндрова 1985: 40–41]. Именно этим объясняется и устойчивая для авторитарных систем традиция присваивать окружающим реалиям имена вождей. В Африке это явление выступает особенно отчетливо. Герой другого, не менее известного романа Ачебе «Человек из народа» замечает: «Проехав по широким, хорошо освещенным улицам, названным в честь наших известных политических деятелей, мы свернули в мрачные переулки, носящие имена всякой безвестной мелюзги. Даже самым незначительным членам городского муниципалитета... были отведены свои улочки» [Ачебе 1979: 302].

Присвоение имени-титула верховному лидеру нации также широко практикуется в политических культурах африканских государств. Часто это осуществляется официально и закрепляется в соответствующих правовых документах. Например, президент Малави носит титул «нгвази», т. е. «Лев нации». Как известно, лев является высшим существом в африканском фольклоре, наделенным соответствующими моральными, физическими и сверхъестественными свойствами. Этот титул был широко распространен среди традиционных лидеров африканских обществ в доколониальный период. Такой же титул присваивается верховному правителю Свазиленда.

В этой связи отметим, что кампании по африканизации имен, получившие широкое распространение на континенте в 70–80-х гг., нельзя расценивать только как тягу африканцев к своим культурным корням. Они имеют в первую очередь политический смысл, закодированный в системе мировоззрения, характерной для соответствующего типа менталитета. В начале 70-х гг. президент Чада сменил свое христианское имя Франсуа на имя-титул «Нгарта», которое означало «верховный вождь». Такой же титул «форма» носил и лидер Демократической партии Гвинеи Секу Туре. Сменили свои христианские имена и генерал Эйадема в Того и президент Мобуту в Заире. Последний вместо имени Жозеф Деаире принял имя-титул, означающий «воин, не знающий страха и разбивающий все преграды на своем пути» [Винокуров 1986: 205].

В современных политических культурах государств Тропической Африки титул лидера партии или государства может не только за-

имствоваться из традиционных культур, но и образовываться на базе новых культурных реалий Однако это не меняет его основных функций, характерных для данных политических культур, связанных с оказанием воздействия на поведение управляемых Обратимся к такому широко представленному среди верховных руководителей авторитарных режимов титулу, как «учитель» Мы помним, в частности, что он фигурировал среди остальных в приведенной выше характеристике К Нкруме Бывшему же лидеру Танзании Дж Ньерере титул «мвалиму» («учитель» на языке суахили) был присвоен официально, стал как бы частью его личности

Отметим, что европейское образование, как, впрочем, и другие элементы культуры, мышление африканца воспринимало в соответствии со свойственным ему алгоритмом В результате сама система мировоззрения в целом почти не менялась, хотя в ней появлялись новые символы Получая европейское образование, индивид, с точки зрения африканца, овладевал магическими силами европейцев, престиж которых был весьма высок из-за впечатляющих технических достижений белых людей, поражавших воображение туземцев Именно такое отношение к образованию и определяло признание за образованными людьми права на власть Весьма показателен в этом смысле монолог уважаемого старейшины — традиционного африканского лидера из романа «Человек из народа», который он произнес в ответ на выступление доверенного лица кандидата в парламент в ходе предвыборной кампании «Я хочу поблагодарить человека за его прекрасные слова Я всегда говорю что в наше время важен не возраст, не звание, а ученость Я хочу поклониться молодому человеку за его ученость Много мудрого сказал он, но одно запало мне в душу, не знаю, все ли поняли это так, как я мы должны получить свою долю, и сын нашей Деревни принесет ее нам» [Ачебе 1979 359] Отсюда видно, что, с одной стороны, он сакрализуя, по сути дела, образованность, традиционный авторитет, с другой стороны, полностью воспроизводит традиционный для архаических структур поведенческий стереотип

Авторитет титула «мвалиму», президента Танзании, базировался на культе образования, вобравшего в себя принципы других сторон культа харизматических лидеров Одним из главных символов культа стал сертификат о получении образования, который ассоциировался с правом на место в управленческой иерархии

Отметим, что и сама президентская должность воспринимается массовым сознанием как имя-титул, которое подчас функционирует в полном соответствии с принципами традиционной политической культуры С Ф Кулик сообщает об одной из «абсурдных выдумок нгвази» был «издан декрет, в соответствии с которым слово “президент” может употребляться только применительно к Хестингсу Камузу Банде

Поэтому люди оказывались за решеткой лишь за то, что на визитных карточках они значились "президентами" — ну, скажем, какого-нибудь клуба или спортивной организации» [Кулик 1983 140] Как правило, в архаических культурах было запрещено упоминать всуе имя традиционного вождя, однако здесь для меня интересна оценка (' Ф Куликом данного декрета как «абсурдной выдумки» Интересно это тем, что об абсурде запретов подобного рода, характерных для авторитарных (тоталитарных) режимов, говорится часто, но при этом не видно понимания того, что эти запреты представляют собой элемент определенной политической культуры, в рамках которой осуществляется, большей частью бессознательно, т е иррационально, отбор поведенческих норм, обеспечивающих эффективное психологическое воздействие (принуждение) управляющих на управляемых и гарантирующих, таким образом, интегральность социума [Бочаров 1992 23–91] Поэтому в данном случае декрет президента Малави представляет собой абсурд с формально-логической точки зрения, но он же в полной мере соответствует внутренней логике той политической культуры, в рамках которой он был принят

Верховный правитель в государствах Тропической Африки — это, как правило, «отец нации» Так он именуется в официальных документах, средствах массовой информации, в общении между людьми Одним словом, титулатура такого руководителя содержит указание на главный принцип, определяющий социально-политическую дифференциацию общины, — принцип возрастной иерархии Он возник на заре человеческой истории, обусловливая лидирующую роль старших по возрасту как основных хранителей и передатчиков социальной информации, обеспечивавших ее воспроизводство Однако этот принцип имеет и свой иррациональный аспект Архаическое мышление воспринимало и возрастные преимущества индивида, связанные с жизненным опытом, в соответствии с присущим ему алгоритмом, приписывая им сверхъестественную силу Это нашло отражение в идеологических представлениях культа предков, распространенного в Африке В их основе лежит поклонение умершим членам социума, мистическая сила которых служила, как предполагалось, гарантом благополучия общества Считалось также, что старшие по возрасту действовали от лица предков, важной составляющей их авторитета был страх членов социума перед возможными санкциями со стороны предков по отношению к тем, кто нарушил социальную норму

Хотя культ предков — это прежде всего идеология локальной общины, он оказался способен обслуживать и общенациональные властные структуры, обеспечивая им соответствующий авторитет В современной Танзании, например, это выражается в поклонении Мунгу, который выступает в качестве верховного божества или бога, не совпадая

при этом с верховными субъектами поклонения ни в христианстве, ни в исламе, т е с двумя наиболее распространенными в этой африканской стране мировыми религиями Мунгу является одним из важных политических символов государства, широко представленным в различного рода политических ритуалах Гимн Танзании звучит так

Мунгу, благослови Африку,
Благослови ее руководителей,
Мунгу, благослови Танзанию,
Даруй независимость и единство
Мунгу, благослови Танзанию и ее народ

В песне, исполняемой парламентом страны каждый раз перед очередным заседанием, также фигурирует Мунгу «Всемогущий Мунгу, милостивый и полный величия, Господин всего сущего, создатель небес и суши, мы покорно просим тебя, чтобы наша страна ОРТ была под твоим вечным вниманием и «защитой» И далее устанавливается прямая связь между Мунгу и президентом страны «Даруй нашему президенту здоровье, долгой жизни и мудрости чтобы он мог управлять справедливо и мирно для процветания ОРТ» [Westerlund 1980 65–66]

Представление о Мунгу как о своего рода магической силе получило широкое распространение среди народов, населяющих эту часть континента Есть сведения, что и сегодня Мулунгу называют людей с повышенным магическим потенциалом (колдунов, пророков, знахарей и т п) [Pelt 1981 40] Однако в настоящее время употребление Мунгу (Мулунгу) связано с наиболее абстрактным магическим началом всего сущего, которое выступает в качестве некоего первопредка нации, установившего определенный порядок общежития и являющегося гарантом его поддержания Мунгу как первопредок не принадлежит к какой-либо конкретной социально-родственной группе, приобретая общенациональное значение Однако в ритуальных политических текстах, в которых это понятие фигурирует, Мунгу явно покровительствует руководству страны

Иррациональные аспекты культа предков, который, по сути, был направлен на простое воспроизводство общественных отношений, отразились и в господствующих в государствах этого континента идеологиях развития Они получили название «африканского социализма» и предусматривают воссоздание в той или иной мере традиционных (доколониальных) отношений в будущем обществе, которое они считают идеальным При этом рациональная часть теорий, которая содержала бы конкретные механизмы перевода системы в заданное состояние, в этих нормах практически отсутствует В Танзании вариант «африканского социализма» известен как «уджамаа» и предусматривает построение общества по образу и подобию традиционной

большесемейной общины Тем не менее не только государственные и партийные функционеры низшего и среднего звена, но и чиновники высшего уровня имеют очень смутные представления о сущности этой концепции [Friedland 1964 201] Эти теории, на мой взгляд, есть своего рода идеологии власти, которые обеспечивают авторитет «отцу нации», видящему гарантию процветания своей страны в следовании заветам предков Эти концепции, как правило, носят и имена верховных правителей (мобутизм, эйадемизм и т д)

Отношение среднего африканца к власти, коренящееся в его ментальных структурах, во многом определяет и такую характерную для политических культур государств этого континента черту, как революционность В начале статьи приводилось мнение Н Бердяева, который связывал революцию с нарастанием иррациональных сил Я бы взял на себя смелость уточнить, что речь скорее должна идти не о нарастании иррациональных сил как таковом, а о замене одних иррациональных сил другими — с противоположным эмоциональным зарядом Попробую пояснить этот тезис Эмоциональные переживания индивида, связанные с сакрализацией власти, необходимо включают в себя в качестве главного компонента страх Страх же имеет амбивалентную природу В нем можно выделить такие противоположные оттенки, как преклонение, благоговение и даже любовь, с одной стороны, с другой же — подозрительность, недоверие и ненависть Проявления этих чувств можно без труда усмотреть в политическом поведении управляемых по отношению к властным персонам в доколониальный период Известно, например, что ньямвези в периоды засух избивали своего вождя до тех пор, пока у него не начинали обильно течь слезы, считалось, что слезы обеспечат выпадение осадков [Abraham 1967 34] Известно также, что у некоторых восточноафриканских народов, при всей их склонности к обожествлению лидеров, последних просто убивали, если с точки зрения управляемых они утрачивали свою магическую силу, чтобы эффективно воздействовать на природные и социальные процессы в интересах людей [Mair 1966 226–227] При этом гнев мог пасть на весь священный род, что приводило к уничтожению всей властной атрибутики такого рода (могил предков, фетишей, другой символики) Тогда к власти приходил харизматический лидер, утверждавший свои символы

Сакрально-«иждивенческое» отношение управляемых к власти определяло и поведение представителей правящего слоя, которые по мере политической эволюции африканских обществ в доколониальный период все больше стремились соответствовать предъявляемым к ним требованиям В частности, правящий слой концентрировал в своих руках часть общественных фондов, которая распределялась среди населения в случае природных и социальных катаклизмов Лидеры

выполняли тем самым ожидаемую от них функцию гаранта народного благосостояния Это явление было уже отчетливо представлено в вождествах и союзах племен Интересно, что позже это было вполне сознательно продолжено колониальными властями, которые старались явиться перед местным населением в качестве непосредственного источника его материального обеспечения и укрепить тем самым свой авторитет у туземцев [Jeune Afrique 1975 91–92] Одним словом, чужеземная власть всячески старалась убедить людей в своем сакральном могуществе, важным показателем которой была и ее экономическая мощь В этой связи еще в доколониальный период сформировалась традиция возведения пышных резиденций для властвующих особ, которые как бы наглядно являли это могущество

Практически в независимый период в Тропической Африке прослеживается тот же алгоритм функционирования властных отношений Так, накануне революции 1974 г в Эфиопии в народе упорно ходили слухи, что причиной разразившейся в это время жесточайшей засухи *является магическое бессилие императора Хайле Селассие, обусловленное* его старостью

Ментальное отношение африканцев к власти определяет и поведение современных политических лидеров, которые, придя к власти, как правило, насильственным путем, непременно обещают народу в ближайшее время обеспечить его процветание, т е совершить чудо Не сумев сделать это, они тем самым подготавливают социально-психологическую базу для очередного революционного события, для нового военного переворота Л Киндрова со свойственной ей наблюдательностью замечает «Перед провозглашением независимости (Того — *В Б*) народу обещали, что с приходом свободы деньги будут свободно лежать на улицах, конечно, и этого чуда не произошло, и тоголезцы, которые еще не поняли, что национальный доход можно увеличить только повседневным трудом, стали посматривать на своего президента с некоторым недоверием» [Киндрова 1985 35]

Нет надобности говорить о шикарных партийных и государственных резиденциях, которые контрастируют с общей нищетой государств Африканского континента, или об имеющей место тенденции к монополизации государством всех сфер экономической деятельности

В научной литературе все эти процессы и проблемы трактуются, как правило, исключительно с рационалистической точки зрения, в проблемах политики африканских государств усматривают интересы тех или иных классов и социальных групп или же злую волю конкретного политического деятеля и т д В то же время совершенно игнорируются иррациональные аспекты политики, которые обусловлены архаическими пластами менталитета На базе этих глубинных слоев сознания воспроизводятся поведенческие стереотипы, определяющие,

во многом бессознательно, политическую деятельность как управляемых, так и лидеров Учет же и разработка этой проблематики способны дать в распоряжение исследователей дополнительные возможности для понимания в том числе и такого политического явления, как авторитаризм (тоталитаризм)

ЛИТЕРАТУРА

Арсеньев В Р Люди, боги, звери М , 1991

Ачебе Ч Стрела бога Человек из народа М , 1979

Бердяев Н А Истоки и смысл русского коммунизма М , 1990

Бочаров В В Власть Традиции Управление М 1992

Винокуров Ю Н Влияние традиций на политические концепции правящих партий капиталистически ориентированных стран // Африка Проблемы истории М , 1986

Выготский Л С Проблемы развития психики Собрание сочинений Т 3 М , 1983

Выготский Л С Детская психология Собрание сочинений Т 4 М , 1984

Выготский Л С , Лурия А Я Этюды по истории поведения М , Л , 1930

Гиренко Н М Социология племени М , 1991

Кива А Власть либо сильна либо терпит крах // Известия 1991 29 сент

Киндрова Л В ритмах Черной Африки М , 1985

Кулик С Ф Африка — по следам событий М , 1983

Леви Брюль Л Первобытное мышление М , 1930

Abraham R The Political Organization of Unyamvezi Cambridge, 1967

Adamajio T Portrait of the Osagyefo Dr K Nkrumah Accra, 1960

Brown G Anthropology in Action London, 1935

Culwich G M Ubena of the Rivers London, 1935

Drake S S Traditional Authority and Social Action in Former British West Africa // Africa Social Problems of Change and Conflict California, 1965

Dubb A The Impact of the City // The Bantu-Speaking Peoples of Southern Africa London, 1974

Friedland C G Tanganyika The Search for Ujamaa // African Socialism Berkley, 1964

Heden G TANU yajenga nchi Lund, 1968

Hodgson A Rain Making, Witchcraft and Medicine among Anyanja // Man 1931 Vol 31

Ingle R From Village to State in Tanzania London, 1971

Jeune Afrique 1975 25 aout

Kaunda K Humanism in *Zambia* // After Mulungushi Nairobi, 1969

Kirumbi S A Historia fupi ya utamaduni ya Tanzania Nairobi, 1974

Mair L Primitive Government London, 1966

O'Barr Cell Leaders in Tanzania // Africa Studies Review 1972 Vol 15 **N 3**

Pelt D Bantu Customs in Mainland Tanzania Tabora, 1981

Shorter A Chiefs in Western *Tanzania* Oxford, 1972

Skeat U Malary Magic London, 1900

Westerlund D Ujamaa na dini Motala, 1980

Young R The Smoke in the Hills Evanston, 1980

В. Р. АРСЕНЬЕВ

ОХОТНИЧЬИ СОЮЗЫ И ГОСУДАРСТВЕННОЕ УПРАВЛЕНИЕ МАЛИ*

К числу сравнительно мало изученных явлений в Республике Мали относятся существующие доныне охотничьи союзы, распространенные по преимуществу среди оседлого земледельческого населения страны — малинке и бамбара.

Общеизвестно, что охота является древнейшей формой хозяйственной деятельности людей и, что особенно важно для рассмотрения сюжета, выступающей в организационно оформленных коллективах. Действительно, облавная охота — одна из ранних форм трудовой кооперации в рамках единого по времени, месту действия и цели процесса.

Второй важный и также достаточно широко известный аспект охотничьей деятельности и форм ее организации заключается в том, что они генетически, а на относительно ранних этапах общественной эволюции и организационно и функционально связаны со становлением военной организации.

Эти положения находят подтверждение и в конкретных материалах по традиционным формам охоты и военной организации малинке и бамбара, на основании которых можно подойти к разработке вопроса не столько о параллелизме, сколько о структурно-организационном триединстве развития охоты как хозяйственной деятельности, военного дела и институтов общественного управления у оседлых земледельцев западносуданской саванны.

Охотничьи союзы бамбара и малинке — это организационно оформленные корпоративные традиционные объединения мужчин, практически занимающихся или в какой-то период времени уже занимавшихся охотничьей деятельностью. Охотничьи союзы объединяют жителей

* История культуры народов Африки Проблемы культурного и научного строительства в Африке на современном этапе Ч 2 М . Институт Африки АН СССР, 1986

© В Р. Арсеньев, 2007

нескольких деревень в рамках каждого союза, и каждый союз, не пересекаясь с себе подобным, регулирует охотничью деятельность (использование охотничьих угодий в пределах этих деревень, порядок ведения индивидуальной и коллективной охоты и т. д.) в пределах ареала этих деревень Однако организация и контроль охоты, практическая ее реализация — лишь наиболее очевидные стороны деятельности охотничьих союзов в наши дни.

Охотничья деятельность коренного населения теснейшим образом связана с особыми формами идеологии и культовой практики, в основе которых лежит представление о связи людей, и в первую очередь охотников, с живой природой, восприятие себя как неотрывной ее части, способность вмешиваться в природные процессы в соответствии с некоторыми правилами, не нарушающими основного правила мировоззренческой системы — сохранение равновесия в природе и обществе.

На основе этой системы взглядов развита и система различных приемов ее реализации, выражающихся чаще всего в сверхъестественном, магическом воздействии на природу и людей. Именно практические приемы, реализующие идеологию, действия охотников можно определить как магические. В более обиходных, распространенных определениях эти действия называют колдовскими. В этом же смысле, каждый охотник бамбара или малинке является колдуном, а сами союзы, соответственно, — их объединениями.

В частности, в силу этого престиж и влияние охотников в массе земледельцев, а фактически и в полутрадиционных городских слоях крайне велики. Сторонние для союзов представители населения испытывают по отношению к членам союза чувство боязливого уважения, которое держится, в частности, на убеждении в способности охотников к перевоплощению (в животных, явления неживой природы и т. д.), насыланию порчи и т. д , и т. п.

Охотники активно поддерживают это убеждение. В частности, и в такой функции выступают многие доступные для непосвященных обрядовые действия охотников, в ходе которых членами союзов при помощи известных им приемов создается особый психологический контакт с аудиторией. Охотники время от времени вплетают неожиданные выкрики, выстрелы, перемежаемые показом всевозможных фокусов. На непосвященных присутствующих это оказывает сильное эмоциональное воздействие, закрепляющее отношение к охотникам как к людям, стоящим на стыке «человеческого» и «потустороннего — запредельного».

Охотники и чисто внешне выделяются из общей массы особенностями походки, мимики, оборотами речи. Но еще более явным становится их облик, когда они надевают охотничий костюм со всеми атрибута-

ми охоты. Это своего рода униформа с большим числом нашитых или подвешиваемых амулетов.

В вопросе воспроизводства союзов охотников надо еще раз вернуться к тому, что сфера занятости мужского населения Мали в охоте в течение последнего века (даже ранее) резко сократилась. Если в прошлом традиционное обучение охоте, равно как и военному делу, было универсальным для всех мужчин, достигших половой зрелости, и проходило параллельно или в рамках институтов инициации, то теперь занятие охотой и, соответственно, членство в институте ее осуществления — охотничьем союзе — стало добровольным.

Союзы заботятся о сохранении своего влияния и престижа. Причем это стремление распространяется не только на сугубо традиционную сферу и, прежде всего, — мир малийской деревни, но и практически на все эшелоны общественной иерархии страны.

Для удобства развития темы можно кратко изложить некоторые из таких фактов и затем прокомментировать их:

— *во время торжеств, посвященных Дню независимости Мали*, вслед за формированиями вооруженных сил перед официальной трибуной с выстрелами в воздух проходит колонна охотников в полном традиционном облачении. Она приближается к центру трибуны, из нее выделяется группа охотников, которая, заняв место непосредственно напротив главы государства, начинает демонстрировать свое магическое искусство показом разнообразных фокусов. Лишь после прохождения охотников появляются колонны гражданского населения;

— в связи с проведением праздников издающейся на языке бамбара газеты «Кибару», как правило, совпадающих по времени с традиционными праздниками конца сухого периода и, в частности, завершения охотничьего сезона, устроители систематически приглашают представителей охотничьих союзов основных исторических областей традиционного исторического ядра Мали. Охотниками организуются многочасовые представления, на которых присутствует высшее политическое, государственное и военное руководство страны;

— по случаю особо крупных событий, касающихся жизни государства или его главы, охотничьи союзы делают соответствующие послания и нередко устраивают представления, о чем официально сообщается в прессе, ориентированной на внутреннюю среду;

— значительное число государственных служащих в разные периоды своей деятельности занималось или продолжает заниматься охотой. Особо высокий процент лиц, причастных к охоте, среди военнослужащих;

— среди активных и весьма влиятельных (что чаще сами малийцы выражают через термины, указывающие на авторитет, уважение) членов охотничьих союзов оказываются некоторые ранее весьма видные

деятели политической и государственной жизни страны. Так, значительной фигурой в охотничьем союзе, охватывающем часть столицы и прилегающие деревни, является бывший министр иностранных дел;

— в широких кругах местного населения известно, что высшее руководство страны нередко обращается за советами к «старикам». И, хотя социальный статус этих «стариков» не раскрывается, по особенностям речевой характеристики можно предположить, что статус этот высок, прежде всего, в традиционной подсистеме общественных отношений. В вопросах же управленческой функции даже потестарный аппарат опирался на систему тайных союзов и, в частности, видимо, в собственно управленческих и военных вопросах на союзы охотников или на те традиционные формы организации, из которых образовались нынешние союзы.

Из приведенных примеров со всей очевидностью следует, что официальные власти страны не только признают факт существования охотничьих союзов, но и проявляют к ним даже в официальной обстановке зримые признаки уважения и признания их особого и вполне высокого статуса в ряду разнообразных группирований, образующих структуру малийского общества.

Особую сферу видимых на данных примерах фактов взаимодействия государства и охотничьих союзов представляет собой военное дело. Известно, например, что в военных формированиях еще прошлого века (XIX. — *В. А.*), переполненного боевыми действиями в пределах всего региона, охотники составляли отборные отряды, своего рода гвардию. Сам вид их, их боевое снаряжение и, в частности, ушитая амулетами одежда, головные уборы внушали суеверный ужас противнику, если с его стороны не находилось равноценных боевых сил.

В условиях современного государства с регулярными вооруженными силами, имеющими преимущественно профессиональный характер и весьма ограниченный состав численности, охотничьи союзы остаются, хотя и реликтовым, ограниченным по масштабам и сфере деятельности институтом военизированной практики и подготовки. Этот институт обладает организационной иерархической структурой с безусловным подчинением младших старшим, несмотря на несовершенство оружия, имеет довольно высокие огневые качества (благодаря профессионализму во владении этим оружием), прекрасно умеет использовать местность для маневра и маскировки, обладает неплохой строевой подготовкой, проявляющейся, в частности, в групповых действиях во время обрядовых церемоний. Кроме того, охотники имеют высокий морально-боевой дух, опирающийся на традиционную идеологическую систему и чувство морального и социального превосходства над другими членами общества.

В вооруженных силах, да в целом и во всем составе государствен-

ных служащих руководящего звена, прослеживается очень близкий к охотничьим союзам характер представительства по этническому признаку и по родовым структурам общества Так, в государственном аппарате и особенно в командном составе вооруженных сил преобладают выходцы из среды оседлых земледельческих этносов, и прежде всего бамбара и малинке Из тех же бамбара и малинке (практически исключительно) состоят и охотничьи союзы района Бамако и обширной прилегающей к нему зоны саванны

Если же обратиться к группированиям на основе принципа деления общества по родам, то обнаруживается, что среди бамбара и малинке как в государственных институтах, так и в охотничьих союзах наиболее важная роль принадлежит представителям таких групп, как Кейта, Траоре, Кулибали, Джара, Коне

Именно эти группы в социальной истории региона были в наибольшей мере связаны с потестарными институтами как в управленческом, так и в военном их аспектах Это прослеживается и в истории Древнего Мали (XIII–XV вв), и в истории империй бамбара Сегу и Каарта (XVII–XIX вв), и в менее значительных потестарных образованиях региона, возникших на основе обоих родственных этносов

В рамках столь краткого сообщения, конечно, невозможно ответить на вопрос о закономерном характере единства обозначенных в нем связей конкретных форм общественной эволюции малийского общества в трех его сферах управленческой, военной и охоте, — хотя корреляция их, думаю, вполне очевидна Это тем более сложно, что сама охота не вполне укладывается в единый таксономический ряд с управлением и военной функцией Было бы более последовательно включить в этот ряд вопрос об охоте как о хозяйственной сфере или идеологической Но в том-то и особенность охоты в рассматриваемом регионе, что она на протяжении веков выступает многомерным явлением, соединяющим в рамках одного социально оформленного института — охотничьего союза — хозяйственную, идеологическую, военную и управленческую функции

В А ПОПОВ

К ПРОБЛЕМЕ СТАНОВЛЕНИЯ ПОЛИТИЧЕСКИХ КУЛЬТУР ОСВОБОДИВШИХСЯ СТРАН АФРИКИ: АКАНСКИЙ ПОТЕСТАРНО-КУЛЬТУРНЫЙ РЕГИОН В ПОЛИТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЕ ГАНЫ*

Республика Гана (бывшая британская колония Золотой Берег) унаследовала от колониального периода вместе с государственными границами и этническую неоднородность населения На севере страны живет более 30 этносов, говорящих на вольтийских (гур) языках (самые крупные — дагомба, конкомба, гурма, груси, мампруси, кусаси, панкансе, касена, сисала, дагари) В южных и центральных районах Ганы обитают этносы, говорящие на языках ква (гвинейских) аканы (ашантийцы, фантийцы, аквапимцы, ачемцы, нзима, аанта, аброны, аовины, сефви, акваму, кваву, денчира и др), эве, га, адангме, гонджа, «остаточные племена» Того (сантрокофи, лефана, ликпе, аватиме, бовили и др), составляющие свыше 70% населения, в том числе аканы — более 50% (из них ашантийцы — 26%, фантийцы — 12%) и эве — 12%

Север и юг Ганы представляют собой два особых этнокультурных ареала, резко отличающихся по языку и религии, хозяйственно-культурному типу и уровню социально-экономического развития Эти ареалы в разное время и в разной степени подверглись воздействию колониализма, причем на севере сохранились более отсталые социально-экономические отношения, а на юге произошло становление собственно колониального общества

Следует также отметить, что центральные и юго-западные районы Ганы — так называемая лесная зона, или хинтерланд Золотого Берега, — были колыбелью цивилизации аканской этнолингвистической общности Здесь в XV–XIX вв сменяли друг друга крупные раннеполитические образования аканов Течиман (Боно), Аданси, Денчира,

---

* Старый свет археология, история, этнография Сборник научных статей, посвященных 60-летию профессора Н И Кирея Краснодар, 2000

© В А Попов, 2007

Ачем, Акваму, Ассин, Васса, Аанта, Нзима, Агона, Джаман, Ашанти, Фанти и др. Самое мощное из них — Конфедерация Ашанти (Асантеман) — стало центром политической и этнической интеграции всех аканов, а также родственных им народов центральных и юго-восточных регионов страны (прежде всего гонджа, га, адангме и большинства «остаточных племен» Того). Поэтому южный ареал Ганы вполне правомерно называть аканским, а с точки зрения потестарно-политической этнографии, или этнополитологии (политической антропологии), он может быть обозначен в терминах Л. Е. Куббеля [1988: 165] как единый потестарно/политическо-культурный, или более кратко — потестарно-культурный, регион, поскольку традиции потестарно-политической культуры (ППК) аканов характерны и для большинства их непосредственных соседей, включая эве и даже такие вольтийские этносы, как мампруси, дагомба и конкомба.

Поскольку именно аканская ППК доколониального периода оказала наиболее серьезное воздействие на становление и функционирование своеобразной политической культуры современной Ганы, то представляется весьма актуальным исследование конкретных компонентов (параметров) традиционной ППК аканского региона и механизма их адаптации в новую политическую систему, созданную сначала британскими колонизаторами, а затем преобразованную в государственную структуру независимой Ганы.

Как известно, параметрическое описание традиционной ППК представляет собой выявление и характеристику системных параметров, т. е. тех параметров (компонентов), которые необходимы и достаточны для обеспечения устойчивости конкретной ППК. При этом под традиционной ППК понимается относительно самостоятельное общественное явление, охватывающее как организационные формы (институты, ритуалы), так и факторы, мотивирующие потестарно-политическую деятельность (знания, настроения, стереотипы, ценности, ориентации, табуации и т. п.).

Основными системными параметрами традиционной ППК аканов являются следующие компоненты [Попов 1990: 80–108, 198–202]:

— матрилинейность наследования статуса и имущества (но с элементами билатеральности и патрилатеральности);

— особая роль отношений между дядей по матери (мужским сиблингом породительницы) сыном сестры (мужским перекрестным ниблингом);

— институт соправления вождя (охене) и его женского сиблинга (охема);

— институт старейшин, влияющих на властно-управленческие отношения через решения совета старейшин (деревенской общины, вождества или союза вождеств);

— институт очеаме — посредников («лингвистов») между вождями и их подданными;

— административно-территориальное деление этнополитических организмов на основе формирований традиционного боевого порядка и военизированный характер потестарного аппарата и политической структуры;

— специфика атрибутивно-символической стороны традиционной ПК (скамеечки-троны, зонты, мечи, жезлы и другие символы власти и атрибуты должностных лиц) и соответствующие ритуалы праздников Оджира (Одвира, Апафрам) и Адаэ (как Большого Адаэ, так и Малого), связанные с освящением нового урожая ямса (главной продовольственной культурой аканов в доколониальную эпоху) и почитанием (поминанием и умилостивлением) предков.

Историческая динамика основного социального противоречия между общественными группами у доколониальных аканов позволяет выявить не менее трех стадий, на которых эти противоречия наблюдались преимущественно между: старшими и младшими (на стадии половозрастной стратификации); управляющими и управляемыми (на стадии вождеств); свободными и зависимыми (с появлением данничества и невольничества и образованием надплеменных этнополитических организмов типа Конфедерации Ашанти и Федерации Фанти). Признаки двух последних стадий в чистом виде практически не встречались, сочетаясь в различных вариантах.

Основной базой социального возвышения управляющего слоя служила не собственность, а право на редистрибуцию совокупного общественного продукта. Знать имела высокую степень иерархизации, причем социально-политическая иерархия практически совпадала с военной. Наряду с родоплеменной знатью сформировалась и прослойка знати из чужаков (неаканов и аканов из соседних этнополитических организмов), а также из разбогатевших на посреднической торговле общинников. В то же время и знать, и рядовые общинники все еще были организованы в одни и те же социально-родственные институты (абусуа, нторо, акура, асафо), имевшие корпоративную природу.

Статус конкретного человека определялся прежде всего его членством и занимаемым положением в социально-родственных институтах, но принцип родства, как и пол и возраст, уже начали терять свою актуальность, уступая место новым принципам (сервильности, соседству, богатству и др.), хотя все новые отношения все еще оформлялись с помощью старых категорий. Так, например, сервильность выражается в половозрастных терминах, отражающих инферiорность половозрастной стратификации: абофра (дитя), абасимма и абавава (молодая женщина) и т. д. Вожди и представители знати ассоциируются с лицами старческого возраста — их называют почетным титулом «нана»

(буквально: дед, предок), а незнатные люди — с молодежью (ммеранте).

Но большинство новых социальных связей строилось по модели родственных отношений и обозначалось терминами родства, поскольку традиционное мировоззрение аканов было сориентировано на родственные связи, да и само общество воспринималось аканами как социальный организм родства. При этом доминировал перенос сиблинговых и ниблинговых отношений на политические. Например, главы ашантийских вождеств рассматривались в качестве сиблингов друг для друга и перекрестных ниблингов для асантехене — верховного правителя Асантемана. Упоминание соответствующих вокативных терминов родства наряду с титулами было обязательным при обращении к лицам более высокого социального положения [Fortes 1970: 192].

Наконец, вся общественно-политическая жизнь регулировалась обычным правом и морально-этическими принципами, т. е. кодифицированное право отсутствовало и в основе традиционной ППК лежала позднепервобытная мононорматика.

Что касается авторитета вождей и правителей, то основным механизмом его укрепления являлась сакрализация, причем сакрализация не самой конкретной персоны, а должности и функции. Все необходимые управляющему слою стереотипы закреплялись в общественном сознании, как правило, с помощью ритуализации основных политических мероприятий, символики политического единства и атрибутов власти, а также культа предков правителей («священных царей»). В совокупности все это оказывало весьма эффективное психологическое воздействие на людей и по сути приближалось к принуждению, поскольку формировало такое сильное эмоциональное чувство, как страх, т. е. использовался механизм психологического принуждения [Бочаров 1992: 79–81, 89–90].

В колониальный период истории Ганы (особенно в 1918–1939 гг.) в аканском потестарно-культурном регионе наблюдалось вытеснение отношений руководства/подчинения отношениями господства/угнетения, а также разрушение системы традиционного контроля за деятельностью вождей и правителей со стороны общества через институт советов старейшин. К тому же вожди интегрировались в аппарат управления колонией Золотой Берег. Изменился и сам механизм появления лидеров — их назначала колониальная администрация.

После достижения независимости в 1957 г. в период правления Кваме Нкрумы (1957–1966) в Гане осуществлялась жесткая борьба с традиционными формами ППК и особенно с влиянием традиционных правителей («феодалов») в целях интеграции и социально-экономических преобразований. Однако исключить традиционных правителей из политической системы не удалось — без них, как оказалось, эффективное

управление обществом стало невозможным, особенно на уровне деревенских общин.

И уже буржуазное правительство Кофи Бусиа (1969–1972) строило свою политику на идеологии трибализма («трибализм дает возможность развивать местное самоуправление и укрепляет основу демократии» [Родионов 1985: 89], т. е. посредством трибализации пыталось осуществить программу модернизации. Это неизбежно привело к децентрализации, основанной на территориально-племенных единицах (деревенских общинах, вождествах, «туземных государствах») и поддержке традиционных вождей и правителей, из представителей которых были сформированы региональные палаты вождей. Социально-экономические противоречия стали принимать форму этнических, большинство появившихся политических партий создавалось по этническому или этнорегиональному признакам. В городах появились племенные объединения и землячества, еще больше укреплявшие этническую обособленность и замкнутость. Активно пропагандировался неотрадиционализм.

В 1970–1980-е гг. обычным явлением в политической жизни Республики Гана стала насильственная смена центральной власти (произошло четыре военных переворота), причем в ее основе фактически просматривается алгоритм смены властвующих поколений (в социально-возрастном смысле), ибо ганская армия унаследовала часть своих функций от аканской традиционной военной организации асафо и выражала в значительной мере интересы молодежи.

Все это в целом способствовало реальному функционированию многих компонентов традиционной ППК аканов, ее влиянию на поведение формальных лидеров государства, массовое сознание (прежде всего усиление роли символизации власти, а также харизматизация и сакрализация политических руководителей, особенно личности первого президента Ганы Кваме Нкрумы, получившего почетный титул Осаджефо — «спаситель», «мессия»), идеологию, этикет, конкретные формы и методы управления (именно это влияние приводило, в частности, к противоречиям между официальными декларациями и реальной практикой). При этом на низших иерархических уровнях управленческой системы (прежде всего — в деревенских общинах) влияние традиционной ППК было абсолютным и до сих пор наблюдается ее преобладание.

Многопартийность, парламентаризм и другие атрибуты буржуазного общества оказались лишь прикрытием трибализма, а сам трибализм, по существу, представляет собой не что иное, как использование элементов традиционной ППК в борьбе за власть (подробнее см. [Попов 1996: 12–14], которая неизбежно приводит к расцвету протекционизма и корпоративности.

Следует также отметить, что многие аканские по происхождению символы и атрибуты власти стали уже неотъемлемой частью общеганской политической культуры, в частности символы государственной власти Государственный Меч, жезл парламентского спикера и кресло президента, созданные известным скульптором и историком аканского традиционного искусства Кофи Антубамом

ЛИТЕРАТУРА

Бочаров В В Власть Традиция Управление (Попытка этноисторического анализа политических культур современных государств Тропической Африки) М , 1992

Куббель Л Е Очерки потестарно-политической этнографии М , 1988

Попов В А Этносоциальная история аканов в XVI–XIX веках Проблемы генезиса и стадиально-формационного развития этнополитических организмов М 1990

Попов В А Символы власти и власть символов // Символы и атрибуты власти СПб , 1996

Родионов Ю А Политическое развитие современной Ганы (1957–1985) М , 1985

Fortes M Kinship and Social Order London, 1970

Ю. М. БОТЯКОВ

К ВОПРОСУ О ТРАДИЦИОННОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЕ ТУРКМЕН (XIX–XX вв.)*

До присоединения к России Туркмения представляла собой модель традиционной политической культуры (ТПК), в которой процесс формирования верховной власти племенного вождя окончательно не завершился. Уже из первых докладов военных и гражданских чиновников, столкнувшихся с традиционной системой управления, становится очевидным, что институт ханской (т. е. племенной) власти в качестве возможного инструмента политики косвенного управления России в Туркмении рассматривается как весьма проблематичный. Так, в частности, полковник Генштаба Мельницкий писал: «Должен заметить, однако, что ни история, ни общественный строй туркмен, вполне демократический, в котором личность каждого туркмена вполне самостоятельна, и где нет вовсе условий, способствующих подчинению одних членов общины другими, не позволяют установить в будущем на долгое время должность ханов, тем более наследственную, и создавать таким образом местную аристократию или эксплуатировать под покровом русской власти» [22, с. 121].

Не углубляясь далее в вопросы, связанные с племенной властью, отметим, что возвышение хана проходило, как правило, в период угрозы извне, когда выполнение военной функции требовало сосредоточения в одних руках дополнительных полномочий. В статье внимание в первую очередь будет уделено институту власти на уровне селения (*оба*) и родовых подразделений (*тире, уру*). Управление на этом политическом уровне осуществлялось старейшинами — полномочными представителями своих родовых формирований. Говоря об институте старейшин, следует дать хотя бы общую характеристику возрастной периодизации, принятой у туркмен. В настоящее время ее схема, составленная на основе полевого материала, выглядит следующим об-

* Этнические аспекты власти / Под ред В В Бочарова СПб Изд-во СПбГУ, 1995 (печатается с изменениями и сокращениями)

© Ю М Ботяков, 2007

разом: *бебек* — ребенок до двух лет; *оглан* — мальчик 6–12 лет; *етгинджек* — 12–16(18) лет; *джагыл* — 18–25 лет; *иигит* — 25–40 лет; *орта яш* — 40–60 лет; *годжа* — от 60 лет и старше [7, с. 3, 6, 12; 9, с. 30].

Высшим законодательным органом туркменского общества был маслахат — совет старейшин. Приведем ряд характеристик, данных этому институту власти авторами XIX в., т. е. теми, кто одними из первых посетили Туркмению. «Муллы и выборные старшины, — писал К. Абаза, — не пользуются большой властью... Правят и судят в стране по обычаю, завещанному отцами, и никто не посмеет нарушить обычая» [1, с. 260]. Гиршфельд и Галкин также подчеркивали, что власть родовых старшин ограничивалась независимостью общинников [11, с. 62]. Правда, отмечал Мак-Гохан, «их старшины имеют некоторую номинальную власть разбирать ссоры, но они не имеют силы заставить повиноваться своим решениям. Враждебные стороны могут по собственному желанию или подчиняться этому решению, или же продолжать ссору, разделываясь по-своему. Тем не менее своеобразные понятия о правом и неправом так сильно развиты в среде их и общественное мнение так уважает эти понятия, что между ними редко происходят ссоры и несогласия» [20, с. 258]. Тем самым «отсутствие власти» у старейшин, неоднократно отмечавшееся в отчетах и заметках авторов прошлого века, означало лишь, как это явствует из материалов, наличие организации управления общины, основанной на совершенно иных принципах, нежели европейская политическая модель. Для старейшин роль хранителей обычного права (адата), толкователей его, оказывалась необходимой и достаточной для того, чтобы поддерживать функционирование общины как жизнеспособной системы.

В XIX в. половозрастная стратификация продолжает сохраняться как один из важнейших механизмов, регулирующих внутреннюю жизнь туркменской общины. Биологический возраст являлся важным критерием при переходе человека в возрастную группу годжа (аксакалы). И. Ф. Бларамберг, в частности, писал о главах отдельных родовых групп, что «они избираются всем племенем и притом из старших и опытнейших людей» [3, с. 109]. В то же время реальный, биологический возраст уже не являлся единственным условием при выдвижении на роль представителя рода или оба (селение). Сосуществование принципа биологического и социального возрастов принимало порой сложные формы, которые тем не менее в реальной жизни не вступали друг с другом в неразрешимое противоречие. Примером сказанному может служить описание маслахата, созванного для решения вопроса о присоединении Мерва к России. «Среди 15-ти старейшин, собравшихся на собрание, был 25-летний векильского рода Махтум-Кули-хан, посаженный на почетное место, и 18-летний глава родов Бахши и Сычмаз

Майлы-хан, не проронивший ни слова. От его лица говорил один из авторитетных представителей этого рода» [24, с. 456]. В дальнейшем Майлы-хан прислал письмо представителю русской военной миссии в Мерве «в котором извинялся, что по молодости лет не говорил на маслахате» [Там же, с. 464].

Безусловно, наиболее быстрый путь продвижения к власти лидера родовой общины предоставляла военная сфера. Слава смелого *аламанщика* («аламан» — военный набег). а в дальнейшем удачливого предводителя — *сердара* существенно облегчала выдвижение в старейшины [16, с. 1].

В числе факторов, облегчающих продвижение к власти, было богатство. Помощь бая зерном для посева или скотом, как правило, рассредоточивалась внутри замкнутого круга сородичей. В равной степени и баи были заинтересованы в помощи сородичей. Классическим примером такой помощи может являться *евар* (русск. «помощь»). Как правило, баям оказывали помощь в уборке урожая, стрижке овец и других работах, требующих привлечения большого количества рабочих рук. Это центральное положение бая в экономике естественным образом выдвигало его на первые роли в общине.

У туркмен не сложилось системы наследственной власти, но в то же время нередкими были случаи, когда выдвижение старейшины напрямую было связано с тем обстоятельством, что в ближайшем роду претендента были старейшины и военные вожди.

Среди старейшин оба наибольшую роль играли представители крупных и, как следствие этого, сильных родов. По воспоминаниям жителя Иолотанского района Марыйской области (в настоящее время Марыйский велаят) — территории компактного заселения туркмен-сарыков, выбор *арчина* (главы одноименной административно-территориальной единицы) был заранее предрешен. Претендента выбирали собравшиеся главы домохозяйств. При этом голосование проходило путем поднятия пальца. И по образному выражению очевидца этих событий, побеждал тот род, у «кого больше было пальцев» [6, с. 31]. Естественно, что в дальнейшем интересы именно этой родовой группы ставились во главу угла за счет некоторого ущемления прав более слабых родов, проживавших в этом селении. Эта тенденция отчетливо прослеживалась до конца 80-х — начала 90-е гг. XX в. Так, председатель колхоза, как правило, был представителем самого многочисленного рода, проживающего в оба. Его поддержка сородичам могла выражаться, в частности, в оказании помощи при занятии ими престижных мест в колхозной администрации.

Согласно замечанию одного из авторов конца XIX в., одним из основных принципов обычного права туркмен было «признание права сильного» [23, с. 2]. Представляется, что подобное заявление не лише-

но оснований. Безусловно, сильный род в немалой степени создавал основу этого права, но положение лидера зависело также и от его личностных качеств. В этой связи большой интерес вызывает следующая информация о мирабах Ахала, «они вооружались холодным и огнестрельным оружием и имели от общества наказ: 1) Каждый мираб обязан постараться взять больше своей доли воды. 2) Драться за воду, завоевать первенство, быть первым мирабом среди остальных, проявить геройство, не останавливаться ни перед чем, вплоть до убийства, жертвуя и собой» [7, с. 11].

Примером сказанному может служить история одного из типичных конфликтов, имевших место в конце XIX в. в Ахале. Пользуясь своим положением главы самого крупного в оба Кара-Геокча рода Бамылы, старейшина Мамед-Дурды позволил своим сородичам пользоваться водой в двух местах, что являлось нарушением адата в данной местности. В ответ на протест аксакалов мелких родов Мамед-Дурды самовластно лишает своих противников доступа к воде, перекрыв арык. Последние, объединившись под предводительством старейшины Нурихана, с оружием в руках выступили против лидера сильного рода [19, с. 4]. Конфликт удалось погасить благодаря посреднической деятельности аксакалов и представителей родовой группы ходжа, к помощи которых прибег сам Мамед-Дурды. В результате такой борьбы, окончившейся победой малочисленных родов, авторитет Нури-хана вырос настолько, что именно он стал аксакалом всего оба Кара-Геокча [19, с. 5].

Волевые качества характера, поступки, совершаемые незаурядными личностями, выделяли их из общего ряда соплеменников, выдвигая на ведущие роли в общине. Часто этот процесс принимал формы, казалось бы, не совместимые с нормами обычного права. Так, согласно информации, полученной нами в районе Западной Туркмении, во время казахо-йомудского конфликта в 1920 г. в ходе ответного нападения отряд туркмен отогнал скот у казахов-адаевцев. Отрядом также было уведено до трех десятков пленных. Казахская делегация аксакалов договорилась с представителями йомудских родов о возвращении пленных и скота. В момент передачи пленных в присутствии делегации казахов и йомудских аксакалов предводитель набега похитил пленницу-казашку и скрылся с ней на коне. Посредничество туркменского ахуна, пользовавшегося, по словам информаторов, всеобщим уважением, результатов не принесло. Руководитель аламана пригрозил убить догнавшего его ахуна, направив на него ружье. В дальнейшем пленница была возвращена, а сам похититель продолжал жить в своем оба, не только не понеся какого-либо наказания, но, напротив, своими действиями значительно укрепив свой авторитет среди сородичей [5, с. 11].

В тот же период обострения казахско-туркменских отношений на Мангышлаке был организован аг-ойли (передовая застава, букв. «белый дом»), призванный оградить туркменские кочевья от нападений адаевцев [Там же, с. 10]. Руководителем аг-ойли был избран человек, пользовавшийся всеобщим уважением среди многих йомудских родов, проживавших в этой местности. При этом, характеризуя его, информаторы особо подчеркивали, что в прошлом этот предводитель убил своего родного брата, поссорившись с ним из-за собаки. [Там же, с. 11] Подобный поступок, при всех его крайних формах, тем не менее укладывается в общий контекст представления общества о лидерах с волевым началом, потребность в которых общество, безусловно, испытывало. Сам конфликт позволял претенденту на роль лидера доказать свою социальную значимость и выйти из общего ряда соплеменников.

Видимо, не будет ошибкой считать, что ТПК Туркмении строилась на определенной оппозиции между советом старейшин — хранителей норм адат, и военными лидерами, стремившимися проводить самостоятельную линию поведения и олицетворявших активное начало. Не следует забывать, что именно военные лидеры являлись представителями слоя мужской молодежи — *джагылов-иигитов*. Конфликт тем самым носил характер межпоколенных отношений. В дальнейшем именно за счет этих лидеров и пополнялся совет старейшин. В целом же оппозиция «консервативного» и «прогрессивного» начал не носила антагонистического характера и конфликт разрешался посредством компромисса.

Стремление к социальной значимости и отсутствие в ТПК институтов, гарантирующих лидеру стабильное положение, создавало благоприятную почву для активного участия их в системе политической культуры иноэтничных государственных структур. Так, во время посещения капитаном В. Копытовским в конце XIX в. Мангышлака им был встречен «некто Мамбет-берды-бек, человек знатный и бывший, надо полагать, одно время старшиною, сильно кичившийся недавно полученным от хивинского хана титулом бека...» [2, с. 2].

Точно так же один из лидеров текинского племени Векиль Мурад-хан «дружился с Мамед-яр-ханом в Иране... Этим Мурад-хан завоевал авторитет среди населения как друг хана, как человек, имеющий связи с Ираном, и в то же время был аксакалом рода» [16, с. 10]. Союз старейшин йомудов с Хивинским ханом или эрсаринских аксакалов с Бухарским эмиром позволял им упрочивать свои позиции в структуре ТПК. Ситуация не изменилась и после присоединения Туркмении к России. Тесный контакт старейшин с колониально-бюрократическим аппаратом государства, силой оружия присоединившего Туркмению, казалось бы, должен был оттолкнуть от них население. На деле ситуация была обратной. Примером тому может служить следующая ха-

рактеристика, данная Кадыр-хану, одному из влиятельных йомудских старейшин. «Он служил несколько лет тому назад ханом на Астрабадской морской станции. Обладая большею частью острова Челикена, имея громадные стада овец и лошадей... имея верных лазутчиков, он знал, когда и в каком месте туркмены выходили на куласах делать набеги, и сейчас же давал знать начальнику станции... храбрый и честный Кадыр-хан завоевал себе уважение туркмен и сделался настолько популярен, что из самых отдаленных аулов туркмены приезжали к нему на остров и безапелляционно отдавали себя на его суд» [27, с. 1].

Если старейшины и являлись инструментом политики косвенного управления России в Туркмении, то в неменьшей степени тем же инструментом укрепления влияния старейшин в местной среде становился аппарат колониальной власти. И в дальнейшем лидеры ТПК весьма успешно использовали формы ПК России. Так, Г. Карпов, в 1920–30-х гг., занимавший видные посты в советских и партийных органах Туркмении, отмечал следующее: «В практике советских, партийных и общественных организаций в ауле приходилось неоднократно отмечать факты построения аульных организаций по родовому принципу: аулсовет объединял, например, один род, партячейка «принадлежала» другому роду, ЛКСМ или союз бедноты — третьему (аулы Аннау, Багир, Янги-Кала и др.). В период развернутого колхозного строительства в некоторых районах артели и товарищества строились вначале тоже по родовому признаку... то же самое приходилось наблюдать и во время проведения земреформы, кредитования, выдачи семенной ссуды и т. д. Всюду и везде родовой признак имел немаловажное значение, разумеется, во всех случаях тормозящее разрешение проводившихся в ауле политических и хозяйственных мероприятий» [21, с. 1]. Это использование новых политических форм носило повсеместный характер.

Приведенные выше материалы нельзя рассматривать как пример первоначального этапа взаимодействия новых политических структур и ТПК. Не следует забывать, что ТПК Туркмении уже не одно столетие до появления советской власти контактировала с иноэтничными институтами власти. Ю. Э. Брегель писал, что с «появлением в пределах Хивинского ханства старшины, становясь хивинскими должностными лицами, приобретали новую административную функцию: сбор налогов, "и тем самым" получали новое, очень важное средство эксплуатации своих соплеменников» [10, с. 153]. Еще большую роль в укреплении власти родовых старейшин сыграло то, что они стали ответственны за поставки нукеров в хивинское войско. Старейшины, возглавлявшие отряды племенного хана, получали военные звания и награды [Там же, с. 160]. При том, что положение "главных" старшин получило официальную санкцию и поддержку хивинских властей, да-

же самые влиятельные представители родовой знати не управляли своими родами единолично. У всех туркменских племен в XIX в. в большей или меньшей степени сохранились старые органы племенного самоуправления — так называемый маслахат или генгеш (собрание)» [Там же, с. 166].

С приходом России в Туркмению царская администрация использовала институт старейшин, придав этому органу власти не свойственные ему ранее черты законченной бюрократической иерархичности. Так, согласно параграфам 23 и 24 Временного положения об управлении Закаспийским краем, «волость заведывается волостным управлением, аул — аульным старшиной. В волостные управители и аульные старшины назначаются из туземцев по выбору начальства. На эти должности избираются лица благонадежные, распорядительные и по преимуществу имеющие между ордынцами влияние» [25, с. 94]. Назначение старшины сверху создавало дополнительные условия, способствующие обособлению его от остального слоя старейшин.

Тем не менее материалы ни XIX в., ни начала XX в., а также современные данные не дают оснований считать, что контакт с инородными политическими структурами разрушил ТПК как функционирующую систему. Безусловно, советская политическая культура оказалась наиболее ортодоксальной по духу и жесткой по методам ее внедрения из всех тех, с которыми приходилось до этого столкнуться туркменскому обществу. В ходе такого контакта ТПК могла утратить свои отдельные звенья, и поэтому речь может идти не о вытеснении одной ПК другой, а о высокой степени адаптации ТПК к новым условиям. В ряде случаев адаптация эта мало чем отличается от элементарной конспирации перед угрозой извне. В частности, это проявлялось в тех случаях, когда речь шла об искоренении «вредных традиций» (известно, что чисто оценочный подход к традициям был практически единственным в работе официальных структур власти).

Один из наших информаторов сообщал, что в период его работы в райкоме партии ему пришлось однажды с интервалом в несколько дней сначала прослушать доклад секретаря райкома об итогах борьбы с выплатой калыма, а затем доставить ночью калым во двор этого же руководителя. Аналогично складывалась ситуация с проведением обряда обрезания (сунет) в семьях советских и партийных работников Туркмении. В разгар очередной кампании против сунета проведение этого обряда могло повлечь за собой исключение из КПСС. Тем не менее, по единодушному убеждению жителей туркменских сел, не было ни одного партийного работника, который пренебрег бы проведением сунета по отношению к своему сыну. Обычно события развивались по следующей схеме. Проведение сунета приурочивали ко времени отъезда главы семейства в длительную командировку, например

в Москву. Во время отсутствия отца приезжала какая-либо пожилая родственница из села и увозила мальчика с собой. Таким образом, в случае огласки «вина» перекладывалась на «политически отсталую» родню.

Современный аксакал руководит небольшой группой семей, во главе которых, в свою очередь, стоят его женатые сыновья. Как правило, эти семьи стараются жить по соседству, образуя в случае необходимости, например при выполнении внутрисемейных хозяйственных работ, единое целое. Из числа таких старейшин, по традиции, выделяются лица, являющиеся полномочными представителями определенной родовой группы. Критерии, принимаемые при выдвижении в лидеры родовой группы, остаются прежними. И сейчас биологический возраст продолжает оставаться важным, хотя далеко не единственным условием для приобретения статуса старейшины.

Один из жителей Тахта-Базарского района Марыйской области в период нашей там работы являлся старейшиной родовой группы, компактно проживающей в одном из оба данного района. Свое продвижение он объяснял тем, что его отец долгие годы являлся старейшиной и зарекомендовал себя среди сородичей с наилучшей стороны. Аксакалы тире решили, что и теперь место старейшины должен занять сын человека, оставившего по себе память образцового руководителя общины. Однако, помимо очевидного факта наследования полномочий главы тире, существовали и другие обстоятельства, повлиявшие на избрание его в старейшины оба. Речь идет о высоком социальном статусе, который приобрел этот человек благодаря своей деятельности. Свою трудовую биографию он начал в качестве школьного учителя, в дальнейшем перешел на партийную работу в райком партии, после чего вновь вернулся к преподавательской деятельности [6, с. 38]. Школьный учитель в Туркмении, как и в целом в Средней Азии, всегда имел высокий социальный статус. До недавнего времени учителя, как правило мужчины, оставались наиболее высокооплачиваемой частью сельского населения. Что касается работы в райкоме партии, основной структурной единицы власти на местах, то она еще больше повысила рейтинг нашего информатора.

Аналогичным образом складывалась «карьера» и у сельского муллы одного из колхозов Красноводской области (в настоящее время Балканский велаят). В период коллективизации этот человек возглавлял борьбу с религиозной идеологией в своем оба, и в дальнейшем его работа была связана с пропагандой атеизма. По прошествии многих лет, выйдя на пенсию, он становится муллой и занимает одно из ключевых мест в структуре власти сельской общины [7, с. 57]. Подобное изменение, произошедшее с политическим активистом, парадоксально лишь в том случае, если не принять во внимание факт ориентации

лидеров из официальных структур власти на традиционную систему ценностей.

До конца 80-е гг. мулла в условиях Туркмении был лицом, не имевшим специального конфессионального образования, т. е. такой мулла не был компетентен во многих положениях шариата. Основная функция его — руководить проведением обрядовых действий. Как правило, мулла — знаток норм адата, человек эрудированный в различных вопросах традиционного быта. Занимая положение религиозного лидера, мулла становится одной из центральных фигур группы аксакалов, ибо обрядовая функция — основная этой возрастной группы.

Обряды, связанные с важнейшими переходными этапами жизни человека — рождением, обрезанием, свадьбой, похоронами, — продолжают оставаться ключевыми событиями в жизни туркменской общины. Именно в организации этих мероприятий община реализует себя, собственно, как единое целое, а присутствие старейшин является юридическим закреплением совершаемого обрядового действия.

Говоря о свадьбе, следует особо остановиться на такой центральной фигуре этого события, как *той баши* (глава, руководитель свадьбы). В каждом оба есть несколько человек, имеющих соответствующий опыт в организации этого наиболее крупномасштабного действа, в котором принимают участие до нескольких сотен человек. Обычно полномочия распорядителя свадьбы вручаются *той баши* на *генгеш-тое* — собрании накануне свадьбы, где собираются представители родовой группы жениха и где принимаются решения по обеспечению и проведению свадьбы. Неудачно организованная свадьба может привести к тому, что в дальнейшем к услугам этого *той баши* больше не обратятся, что может привести к значительной утрате им былого авторитета в общине. Как отметил информатор, лучше никогда не быть *той баши*, чем не быть вновь избранным на это место [8, с. 21]. Занимая ключевое положение в обрядовой сфере, *той баши* приобретает влияние, позволяющее ему стать одной из ключевых фигур своей родовой группы и всего оба в целом.

Особо следует остановиться также на погребально-поминальной обрядности. В Туркмении нет иной формы погребальной обрядности, кроме традиционной, соответствующей нормам шариата. Здесь роль старейшин, их участие в событии имеют, пожалуй, еще большее значение, нежели при проведении свадьбы. Ритуальная сторона обряда неукоснительно соблюдается, и в глазах населения недопустимо отступление от правил.

Велика роль аксакалов и в сфере урегулирования межобщинных конфликтов.

Взаимоотношение совета старейшин и местных органов власти обусловливалось рядом специфических особенностей. Одним из важных

обстоятельств являлось то, что представители местных советских и партийных органов сами входили в состав той или иной сельской общины. Часто это касалось не только, например, парторга колхоза, председателя сельсовета, но также и некоторых работников райкома, работавших в райцентре, но проживавших в селе. Во время нашего пребывания в одном из колхозов Тахта-Базарского района парторг устроил *евар*, т. е. он обратился к своим сверстникам с просьбой о помощи в постройке нового дома. Парторг выступал здесь как член общины, прибегший к услугам одного из ее институтов, а именно соседской взаимопомощи. В данном случае мы имеем дело с одной из тех традиций, поддержание которых официальной властью приветствовалось или же не возбранялось. Но поскольку все звенья структуры внутриобщинных отношений взаимосвязаны, человек, прибегавший к ее услугам, должен был соблюдать целый ряд традиционных установок, в том числе и тех, которые уже могли не совпасть с признаваемыми официально.

Факт существования традиционных институтов управления не оставался без внимания официальных органов власти. Привлечение совета старейшин проходило на различных уровнях и в различных сферах общественной жизни. Например, обращение к услугам этого органа самоуправления было удобно тогда, когда конфликт, в том числе в сфере производства, по ряду причин невозможно было разрешить официальным путем.

Взаимоотношение между общиной в лице аксакалов и функционерами официальных органов власти складывалось далеко не бесконфликтно, особенно в сфере, связанной с отправлением культа. Функция контроля над исполнением обрядов, возложенная на возрастную группу аксакалов, толкала к исламу людей, ранее далеких от религиозной жизни. Можно сказать, что обращение старейшин к исламу носило и носит, если можно так сказать, обязательный характер. Но, как и раньше, конфликт между аксакалами и представителями власти — это не конфликт старого и нового, а противостояние лидеров, вождей и аксакалов. Речь может идти не о глубоких противоречиях, а о традиционной оппозиции лидеров и аксакалов в рамках ТПК. Полная обособленность лидеров от общины невозможна, во-первых, в силу того, что по-прежнему сохраняется ориентация на традиционную культуру и, во-вторых, туркменское общество продолжает сохранять «обратную связь» с лидерами, вышедшими из его среды, так как оно остается замкнутым.

Одним из традиционных способов отстаивания обществом своих интересов был уход части населения с ранее занимаемой территории на новое место обитания. Метод этот, хоть и редко практикуемый, достаточно четко фиксируется. Здесь можно упомянуть откочевку йомудских родов из Хорезма в район песков в период прихода русского

экспедиционного отряда в Хивинское ханство. При этом йомуды к тому времени имели уже достаточно долгую традицию оседлой жизни [25, с. 66].

В письме сельского общества Ходжа-кала командующему войсками Закаспийской области от 12 ноября 1882 г. говорилось, что со стороны каахкинского старшины было допущено нарушение при назначении в это селение старшиной некоего Нур-Гасан-Ходжи, который, с точки зрения жителей, не имел никаких прав на это место. Далее в прошении отмечалось следующее: «Нашим потомственным старшиной был Зарбахам-ходжа, которым мы очень довольны и просим оставить старшиною. Если вы не оставите его, мы, жители, переселимся в другие места» [28, с. 10].

Особенно частым этот прием становится в период гражданской войны. По многочисленным утверждениям информаторов, по крайней мере, треть жителей Карабекауля откочевала на территорию Афганистана [8, с. 15]. Вместе с Джунаид-ханом уходит в Иран практически все тире джунаид [5, с. 29]. Уход населения в период гражданской войны принял форму политической эмиграции и проявился в максимальных масштабах.

Подобные активные формы бойкота, предпринимаемые общиной, можно рассматривать как одно из наиболее действенных средств, к которым прибегали в ситуации, когда противная сторона находила опору вне структуры ТПК или представляла собой иную родовую группу. Безусловно, в исторически недавнем прошлом метод этот, как и все сильные средства, реализовался лишь в исключительных ситуациях. Тем не менее наш информатор сообщал, что в одном из колхозов Ташаузской области (в настоящее время Дашховузский велаят) в 1971 г. конфликт председателя колхоза и бригадира привел к подобным последствиям. Бригадир, опираясь на солидарность своей родовой группы, договорился с председателем соседнего колхоза о переселении. Были подготовлены транспорт для людей и тракторные тележки для перевозки имущества. И лишь благодаря вовремя полученной информации председателю удалось остановить это переселение [8, с. 21].

Пожалуй, одним из самых действенных механизмов самоуправления общины продолжает оставаться институт общественного мнения. В своем классическом варианте институт общественного мнения предстает в событиях, описанных Н. Н. Йомудским, оставившим ряд подробных характеристик быта туркмен конца XIX — начала XX в. В частности, он приводит случай из судебной практики, когда один из членов съезда народных судей пожелал дать присягу в подтверждение невиновности своего сына, обвиняемого в краже скота. Следует отметить, что присяге туркмены придавали исключительное значение

и рассматривали ее как неопровержимое доказательство правдивости слов присягнувшего. В практике судопроизводства отсутствовали случаи лжесвидетельства туркмен. В то же время сама дача присяги считалась делом нежелательным, роняющим тень на человека, ее дающего, даже в том случае, если он абсолютно прав. Отсюда крайне редкими были случаи, когда туркмены обращались к этому способу доказательства своей правоты. В описываемом случае присяга давалась в защиту человека, пользовавшегося плохой репутацией, при обстоятельствах дела, практически доказывавших его вину. Истец отклонил предложение его отца дать клятву, щадя человека, до этого пользовавшегося уважением в среде одноаульцев. После этого общественное мнение немедленно «заклеймило Сердара, и существование его стало жалким. Э. К. Сердар занимал довольно видный пост в русско-туземной администрации, и помимо желания пришлось его уволить, так как население относилось к нему презрительно, престиж его пал, и никто более не уважал его, оставить его на посту начальника не представлялось возможным» [15, с. 2].

Несоответствие сложившемуся стереотипу образа идеального лидера могло существенно ослабить позиции традиционного вождя или представителя официальной власти. Строго регламентировались манера поведения человека и его внешний вид. Показательна следующая рекомендация членам колониально-бюрократического аппарата, в которой подчеркивалось, что «назначать по наружной полиции чиновников дали плачевные результаты: народ их знать не хотел... И кавказец и текинец прежде всего "воины" и могут подчиняться только воину; сюртук без погон и фрак — положительно презираются...» [14, с. 2].

Переход в возрастную группу аксакалов чисто внешне фиксируется изменением одежды и внешнего вида в целом. И здесь отсутствие бороды воспринимается, пожалуй, наиболее болезненно. Следует вспомнить, что в целом для фольклора Средней Азии образ безбородого обманщика — это образ изгоя, человека вне общины, хотя часто он и выступает в роли защитника интересов бедных слоев населения. По всей вероятности, полное отсутствие волосяного покрова на лице в народном сознании связано с нарушением детородной функции. Таким образом, насмешки по поводу безбородости носят оскорбительный характер. Обвинение в безбородости могло быть доводом в тех случаях, когда нужно было дискредитировать противника, в том числе политического.

В этой связи интересен монолог одного из сторонников обороны Ахала, произнесенный им на маслахате: «Товарищи! Разве вы не знаете кто такой Мамед-Аталык? Это предатель туркменского народа. Он Хиву продал неверным, теперь пришел к нам и предлагает продать-

ся. Я не знаю, как он стал ханом? Вы посмотрите на его безбородую физиономию» [17, с. 10].

Другим примером подобного оскорбления является случай, произошедший на глазах нашего информатора. События эти имели место в районе проживания йомудов Хорезма примерно в 20–30-х гг. Во время тоя сын местного бая, молодой человек, вложил в бороду одного из стариков самодельное устройство типа вертушки, в результате чего волосы спутались настолько плотно, что пришлось отрезать бороду [9, с. 53]. Без всякого сомнения, оскорблению был подвергнут человек, социально не защищенный, и описанные выше действия лишь подтвердили его низкий общественный статус.

К причинам, влияющим на положение человека в обществе, можно отнести отсутствие у него детей. Согласно гекленской легенде, на тое, который устроил видный гекленский хан, гостей рассаживали в юрты, покрытые белыми, красными (из шерсти рыжих овец) и черными войлоками. В первые сажали тех, кто имел сыновей, во вторые дочерей, в третьи — не имевших детей [7, с. 78]. И в настоящее время при искреннем сочувствии к человеку, не имеющему детей, последнему редко удается преодолеть то невыгодное представление, которое традиционно бытует у туркмен.

Обратим внимание еще на одно обстоятельство, продолжающее в значительной степени влиять на социальный статус человека в обществе или, точнее, не дающее ему возможности приобрести высокий статус. Выше приводились слова обвинительной речи, произнесенной на маслахате в адрес хана Мамеда, в которой последнего оскорбили, назвав безбородым. По другой версии этих же событий, оскорбление звучало иначе. «Сейчас же поднимается с места аксакал из рода Букры, Анна-Ораз аксакал, и говорит: "У нас Букры, наши рабы не смеют говорить при своих боярах, а вы, господа сычмазцы, допустили вашего раба в лице хан-Мамеда..." Тут со всех концов зашумели люди и называли хан-Мамеда взяточником, продавцом, изменником и прямо заявили: "Этот нос похож на серп раба (намек на характерный, крупный нос персов, составляющих основной контингент невольников. — *Ю. Б.*), он Мамед Аталык, будучи в Хиве, продал Хиву неверным, а теперь, приехав сюда, он хочет продать и Ахал"» [16, с. 16]. Тем самым оскорбление в нечистокровности полностью дезавуировало этого политического деятеля. И в настоящее время нечистокровное происхождение может иметь самые серьезные последствия для человека при продвижении его к власти, о чем будет речь ниже.

До сих пор при изучении ТПК основное наше внимание было сосредоточено на рассмотрении механизмов внутриобщинного взаимодействия, где традиционное сельское общество выступает как единый

целостный организм. Тем не менее туркменское оба, естественно, не являлось аналогом родовой общины и в социальном отношении представляло сложный конгломерат различных групп.

Ведущее положение в общине играли так называемые *иг* — чистокровные туркмены. Именно они составляли группу первопоселенцев, как правило, силой оружия вытеснявшую население, ранее здесь проживавшее. Представителей этого слоя и их потомков называли *баяр*, которым и принадлежало неоспоримое право на воду и землю. Определенными привилегиями пользовались представители так называемых «святых» племен; *ходжа, ших, сейид, махтум, мюджевюр*, составлявшие религиозно-социальную группу *овлат*, из среды которой главным образом и формировалось духовное сословие.

Сословные группы *гельмишек* (гельмек — приходить) и *гул* (раб) занимали подчиненное положение в общине. Представители слоя гельмишек могли быть и чистокровными туркменами, в том числе и соплеменниками первопоселенцев, но прибывшие на эту территорию позднее и в силу этого не имевшие прав на воду и землю. Как правило, гельмишеки обрабатывали землю на правах аренды. Самым бесправным в общине было положение представителей группы *гул*, или *гуллар*. Ее составляли пленники-персы, уведенные в Туркмению в ходе аламана, а также так называемые *ярым* — дети от смешанных браков туркмен иг и рабынь — гырнак.

Обратимся к материалу, который как нельзя более информативно показывает взаимоотношения, сложившиеся между туркменами баяр и гельмишек в условиях новой политической системы. Осенью 1922 г. Г. Карпов был приглашен в гости председателем областного союза бедноты (*кошчи*) Байрамом Сахатовым. Когда Карпов приехал в оба Кеши, где жил Сахатов, ему было предложено «по пути заехать на приусадебный участок к одному дехканину бедняку, которого обижала соседка — вдова местного бая». Конфликт был связан с правами на землю. Вдова «при всех сказала, что ездила, ходила через усадьбу бедняка, будет и впредь ездить и ходить той же дорогой, так как бедняк захватил... дорогу и поселился на дороге, и что она своего не уступит, так как ее предки были в числе завоевателей аула Кеши, а этот бедняк пришел потом на готовое место» [18, с. 2].

С точки зрения обычного права вдова была абсолютно права, поэтому туркмен-гельмишек был бессилен что-либо сделать. Ему не смог помочь даже его друг, занимавший видный пост председателя кошчи, так как в силу вступили права, более важные, чем полномочия официальных органов советской власти. Поэтому председатель воспользовался единственной возможностью разрешить спор в пользу своего друга, а именно прибег к услугам властных структур, не имеющих отношения к ТПК. Карпов понял, что его знакомые решили «показать

одноаульцам и вдове, что они по любому случаю могут "притащить" из Ашхабада представителя облисполкома и "показать Кузькину мать" всем тем, кто встал им поперек дороги» [Там же].

Летом 1930 г. группа работников советских учреждений из Ашхабада, находясь на сельскохозяйственных работах в оба Кара-Дашак, обратила внимание, что непосредственно на поле работают 40–45 человек, в то время как число колхозников составляло 80–90 человек. На вопрос, заданный старику-колхознику, где находятся остальные, был получен следующий ответ: «Вы каждый раз на полях видите 40–45 человек — это конши (понятие, синонимичное гельмишек. — *Ю. Б.*), отсутствующие — баяр; они заняты другими делами: кто поехал на хлопзавод за семенами, кто — в кооператив за товарами, кто — молоко продавать, бригадиры и т. д. Так у нас было и есть с давних пор» [17, с. 4].

Обладание привилегиями в экономической сфере позволило представителям группы баяр сосредоточить в своих руках всю полноту власти в общине, что и проявилось с полной очевидностью при распределении ролей в аппарате администрации колхоза. Встречу представителя ЦИК ТССР с колхозниками оба Багир, описание которой предлагается ниже, можно рассматривать как классический пример, иллюстрирующий положение дел, сложившееся в сфере управления. Интерес представляет следующее замечание партийного функционера: «Кроме того, в ваших аульных организациях на руководящих постах стоят исключительно "завоеватели", а вот пришельцев и курдов нет ни в совете, ни в кооперации, ни в партийных организациях». На это замечание представитель центральной власти получил исчерпывающий ответ от председателя аулсовета: «"А вы, товарищ, разве не знаете, что, кроме завоевателей, все другие не имеют права выбирать, быть избранными и занимать ответственные посты. Они не наши, они пришедшие из других родов и аулов". Дальнейшие разъяснения багирцы получили в райкоме партии» [17, с. 12].

Несложно представить, какие именно разъяснения получили в райкоме партии сохраняющие приверженность традиционным установкам багирцы. В дальнейшем жители Багира, так же как и других селений, составили исчерпывающее представление о новых институтах власти. Но это должно было привести не к изменению традиционных представлений, а, как уже ранее было отмечено, к более изощренным способам функционирования институтов ТПК в инородной политической среде. Об этом, в частности, свидетельствует расстановка руководящих кадров в оба Меджеур в 1936 г., где на посту председателя аулсовета был единственный в селении курд. Однако такое равноправие в сфере управления объясняет откровенное высказывание председателя этого же колхоза: «Мы нарочно избрали председателем аулсовета не из сво-

их, а курда. Вдруг случится (в работе аулсовета) какая беда — пусть сукин сын и отвечает» [17, с. 5].

Как уже ранее отмечалось, социальными аутсайдерами общины являлись представители тире гуллар, правовой статус которых примерно соответствовал положению иноплеменных пришлых жителей селения. При этом следует иметь в виду, что правовая дискриминация внешне могла и не проявляться в формах резкого антагонизма. Разница между гулом и чистокровным туркменом выражалась главным образом не в сфере повседневных взаимоотношений, а в жестком закреплении социально-правового статуса в общине.

В известной степени подобное положение сохраняется и до настоящего времени. Представители группы гуллар, как правило, проживают дисперсно в среде различных туркменских родовых групп и племен. В целом для всех туркменских племен характерно сохранение в той или иной степени обычая эндогамии. Еще в 70-х гг. XX в. в семье йомудов весть о том, что сын-студент собирается жениться на однокурснице-текинке, могла восприниматься негативно. Но у группы гуллар эндогамия соблюдается с наибольшей чистотой, так как представители других родовых групп никогда не дадут им невест [8, с. 52]. Один из наших информаторов сообщил, что в случаях, когда представитель тире гуллар занимает руководящий пост в структуре управления колхоза, что в принципе возможно, он начинает проводить, насколько это ему удается, отчетливо выраженную протекционистскую политику, создавая себе опору из сородичей. Подобная линия поведения, в целом характерная для представителей всех тире, для выходцев из группы гуллар становится практически единственно возможным средством сохранить власть в своих руках в обстановке социального вакуума. При этом следует отметить, что возможность выдвижения представителей группы гуллар в общинной среде есть явление традиционное. К. Боде, один из первых европейцев, живших в среде туркмен, отмечал, что «хотя и случается, что гул бывает избираем предводителем в походах, он не может, однако, сочетаться браком с туркменкою чистой крови и должен довольствоваться женою, равною с собой происхождения или военнопленною» [4, с. 224]. В целом же представители тире гуллар вынуждены довольствоваться наименее престижными должностями.

Пожалуй, еще только группа овлат может сравниться с тире гуллар по степени соблюдаемой в наши дни эндогамии. В Средней Азии, и в Туркмении в частности, широкое распространение получили суфизм и его поздняя форма ишанизм — мистическое направление мусульманской религии [13, с. 81]. 208

Связь поведения и действий туркменских ишанов с близкими народу традициями прошлого — прежде всего пантеистическим обоготворением природы и шаманизмом — сделала их особо популярными сре-

ди населения [13, с. 118]. Все представители религиозно-социальных групп овлат «считались номинально по отношению к основной массе окружающего населения ишанами и пользовались его уважением и определенными привилегиями» [Там же, с. 111]. Представители группы овлат занимали совершенно особое положение в структуре ТПК Туркмении. Их участие в делах управления общины далеко не ограничивалось исполнением религиозно-обрядовой функции, что уже само по себе в условиях традиционного общества неотделимо от ТПК.

Трудно переоценить участие ишанов в законодательной деятельности, ни один маслахат не обходился без их присутствия. При этом степень авторитетности принятых решений напрямую зависела от того обстоятельства, насколько этот форум был представлен религиозными лидерами, пользовавшимися уважением среди населения. Точно так же все аламаны, организованные согласно нормам обычного права, в большинстве случаев получали благословение ишанов [6, с. 13].

Степень включенности ишанов в структуру племенной власти могла носить и более непосредственный характер. Особенно это прослеживается на материале по йомудам, у которых во главе родовых подразделений очень часто становились представители религиозно-социальной группы [26, с. 134].

Для группы овлат основной функцией в системе институтов власти и управления традиционно оставалась посредническая функция [9, с. 10]. Как правило, представители религиозно-социальных групп проживали дисперсно в среде иных родовых групп и племен [9, с. 12]. Существовала также ситуация, при которой «аулы тех туркменских родов, из среды которых выходили ишаны, располагались между враждующими племенами, например между гекленами и йомудами (аул Ходжа на Гюргене), между текинцами и йомудами (аул Джан-Ахыр близ Кизил-Арвата), между текинцами и йомудами (Бенджен, Ходжан-Кала и др.)» [12, с. 2]. Представители групп ходжа, ших, сейид и т. д. не подвергались нападениям со стороны соседей, их скот и имущество не отбирались при проведении аламанов.

Роль посредника, традиционно закрепленная за тире ходжа и других из группы овлат, а также в целом положение, которое они занимали в структуре ТПК, естественным образом выдвигала представителей этих тире на первые роли и в аппарате колхозной администрации. Так, в одном из колхозов Кара-Бекаульского района в 1930 г. его председателем был избран Сюин-ходжа, а в дальнейшем его сменил Керим-ишан. В 1931 г. председателем избирают выходца из другой родовой группы — эрсары, но в это же время бригадирами двух колхозных бригад становятся представители овлат [9, с. 21].

Самое непосредственное отношение представителей группы овлат к культовой сфере поставило их под сильный удар со стороны но-

вой политической системы. Как известно, именно в области идеологии компромисс достигался в наименьшей степени. Примерно с 1938 г. все выходцы из группы овлат снимаются со всех постов и подвергаются репрессиям Нет оснований сомневаться, что с обращением туркменского общества, в том числе властных его структур, к институтам ТПК группа овлат со временем восстановит в полном объеме то пространство, которое она занимала в сфере управления и власти.

В итоге отметим некоторые положения, рассмотренные в статье.

1 Туркменская сельская община — доминирующий тип социального организма в республике — в силу своей замкнутости продолжает воспроизводить основные структуры ТПК

2. При неизбежной внешней модификации институтов ТПК в целом прослеживается преемственность традиционных механизмов достижения и осуществления власти и управления, в том числе сохраняется «обратная связь» между лидером и коллективом.

3. Прослеживается отчетливая традиция использования туркменскими общественными лидерами новых политических институтов в качестве средства для достижения ведущих ролей в структуре ТПК.

4. Конфликт совета старейшин — ведущей структуры ТПК — с официальными лидерами не носит антагонистического характера, так как и те и другие ориентированы на традиционную систему ценностей

ЛИТЕРАТУРА

1 *Абаза К К* Завоевание Туркестана СПб , 1902

2 *Александров В* Поездка капитана В Копытовского на Мангышлак в 1745 г // Закаспийское обозрение 1899 № 15

3 *Бларамберг И Ф* Топографическое и статистическое описание восточного берега Каспийского моря от Астрабадского залива до мыса Тюк-Карагана // Записки имп Русск Геогр общества СПб , 1850 Кн IV

4 *Боде К* О туркменских поколениях ямудах и гокланах // Записки имп Русск Геогр общества СПб , 1847 Кн 11

5 *Ботяков Ю М* Полевые материалы 1982 г // Архив МАЭ РАН Ф К Оп 2 Дело

6 *Ботяков Ю М* Полевые материалы 1987 г // Архив МАЭ РАН Ф К Оп 2 Дело 1517

7 *Ботяков Ю М* Полевые материалы 1988 г // Архив МАЭ РАН Ф К Оп 2 Дело 1573

8 *Ботяков Ю М* Полевые материалы 1989 г // Архив МАЭ РАН Ф К Оп 2 Дело 1641

9 *Ботяков Ю М* Полевые материалы 1989 г // Архив МАЭ РАН Ф К Оп 2 Дело 1642

10 *Брегель Ю Э* Хорезмские туркмены в XIX веке М , 1961

11 *Гиршфельд, Галкин* Военно-статистическое описание хивинского оазиса Ч 11 Ташкент, 1902

12 *Давлетшин* Народный суд в Закаспийской области // Закаспийское обозрение № 151 Ашхабад, 1902

13 *Демидов С М* История религиозных верований народов Туркменистана. Ашхабад, 1990

14 Закаспийское обозрение, № 100 Ашхабад, 1895

15 *Йомудский Н Н* Закаспийское обозрение, № 4 Ашхабад, 1910

16 *Карпов Г И* О туркменских ханах, сердарах, аксакалах, мирабах, джарчи и др у теке Ахала (по рассказам стариков) // Ашхабад, 1939 (рукопись)

17 *Карпов Г И* Этнографические этюды (маслахат в Геок-Тепе) Ашхабад, 1939 (Рукопись)

18 *Карпов Г И* О гостеприимстве у туркмен (Из личных наблюдений автора) Ашхабад, 1939 (Архив Центральной научной библиотеки Туркмении)

19 *Карпов Г И* О туркменских родах // Ашхабад, 1939 (Архив Центральной научной библиотеки Туркмении)

20 *Мак Гохан* Военные действия на Оскусе и падение Хивы М , 1875

21 Материалы *Г Карпова* Ашхабад, 1939 (Архив Центральной научной библиотеки Туркмении)

22 *Мельницкий*, полк Генштаба Статистические данные о Закаспийской области по сведениям, собранным в 1886 г // Сборник геогр , топогр и стат материалов по Азии 1888 XXIX

23 *Н Л* Быт, нравы, обычаи и обычное право туркмен Закаспийской области // Закаспийское обозрение, № 108 Ашхабад, 1896

24 Очерки из истории присоединения вольной Туркмении (1881–1885) // Туркестанские ведомости 1909 № 106

25 Россия и Туркмения в XIX в Ашхабад, 1946

26 *Самойлович А Н* Абу-с-Саттар-казы Книга рассказов о битвах текинцев Пг , 1914

27 У Кадыр-хана // Закаспийское обозрение, № 10 Ашхабад, 1901

28 ЦГА ТССР Ф И-1 Оп 2 Дело № 14551

Э Х. ПАНЕШ

ТРАДИЦИИ В ПОЛИТИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЕ НАРОДОВ СЕВЕРО-ЗАПАДНОГО КАВКАЗА*

Традиционная политическая культура (ТПК) народов... характеризуется специфическими чертами, обусловленными особенностями этносоциального развития каждого отдельного социума... Территория Западного Кавказа этнически довольно пестра. Но вместе с тем здесь исторически сконцентрирована группа народов, этно- и культурогенез которых прошел почти уникальную эволюцию...

Благодаря своей географической локализации население этого обширного района Кавказа на протяжении длительного исторического периода испытывало на себе влияние различных политических систем Передней Азии и Ближнего Востока, античных государств-полисов и древних государственных образований Закавказья, значительное влияние многочисленных кочевников евразийских степей, а позднее и государственных образований Европы. Данное влияние носило этапный характер, который четко определяется хронологическими рамками. Это влияние в той или иной степени затронуло различные стороны властно-управленческих отношений, характерных для горских обществ с развитой родоплеменной организацией...

Представляется теоретически оправданным выделить две основные формы исторического влияния, которые предварительно и условно можно обозначить как константное и временное. При этом под первым следует понимать длительные исторические контакты, определенные непосредственной сопредельностью регионов. Под вторым — такие контакты, которые возникают в процессе крупных военно-исторических катаклизмов. В результате константного влияния формируется общий (или базовый) облик ТПК... Временное влияние играет роль своеобразного катализатора, при помощи которого из сформировавшейся структуры выкристаллизовываются наиболее устойчивые

* Этнические аспекты власти / Под ред В В Бочарова СПб Изд-во СПбГУ, 1995

© Э. Х. Панеш, 2007

признаки. Происходит специфическая борьба политических структур, которую можно сравнить с процессом естественного отбора в социально-гуманитарном смысле...

К концу XIX в. адыгские племена в соответствии с особенностями общественного строя принято было делить на две группы. Это была группа так называемых аристократических племен (кабардинцы, бжедуги, бесленеевцы, темиргоевцы, хатукаевцы, махошевцы, мамхеговцы, егерухаевцы, жанеевцы и адамиевцы) и группа племен демократических (абадзехи, шапсуги, натухайцы).

Деление племен на аристократические и демократические достаточно условно, хотя ряд особенностей, свойственных обеим группам, определяется прежде всего степенью развитости сословной иерархии...

В рассматриваемый период обычное право адыгов представляло собой четко определенную регламентацию сословных отношений. Скрупулезно разработанные статьи адатов не только строго определяли взаимоотношения в обществе, но и тщательно градуировали формы, виды, степень зависимости, привилегии сюзеренов, обязанности вассалов и т д. [Гарданов 1967: 125]. Вся эта регламентация в значительной степени определялась многообразием социального и юридического положения различных групп общества. Последнее делилось на следующие сословия: князья (пши), дворяне (уорк) — свободное сословие и крепостные. Дворяне на сословно-иерархической лестнице делились на многочисленные степени, характеризовавшиеся особенностями социального и юридического положения. Эта пестрота, тщательно регламентированная обычным правом, была, в свою очередь, обусловлена изолированностью и замкнутостью сословий [Гарданов 1967: 132].

Иерархическая зависимость обеспечивалась феодальным правом на землю, верховными собственниками которой считались княжеские фамилии. Первостепенные уздени владели землей на вотчинном праве, остальные уздени получали землю за вассальную службу...

Вся социальная лестница по своей сути представляла собой определенную соподчиненность высших сословий. Верховным главнокомандующим являлся князь... Высшая знать, представленная, помимо князей, дворянами трех степеней (основателями которых, по фольклорной традиции, по происхождению были евреи, армяне и грузины, а по другой версии — выходцы из Египта [Бгажноков 1983: 88]), управляла своими вотчинами и опиралась на силу профессиональных воинов (дворян), которые занимали низшую ступень аристократической лестницы. Требования и условия вассальной службы, равно как и наследственной зависимости, закреплялись присягой, согласно которой воин обязывался служить своему господину верой и правдой, выпол-

нять все его указы и не переходить на службу к другому князю, за исключением тех случаев, если тот «не нанесет ему какого-либо тяжкого оскорбления».

Это дает определенные представления об особенностях взаимодействия различных сословий. Сюда следует отнести и традицию возможности ухода целого селения из-под опеки и контроля своего господина, если тот совершил некое действие, воспринимавшееся обществом негативно, даже если это общество (группа, индивид) находилась в юридической зависимости от князя...

Власть князя существенно укреплялась фактом сосредоточения в его руках крупных коннозаводов. Эта форма феодального владения усиливала не только формально-социальную, но и абсолютно функциональную зависимость военных сословий, поскольку конные набеги были основой тактики, а лошадь — непременным средством военных действий на Кавказе... Лошади, при их относительной многочисленности, традиционно не применялись в хозяйстве, а выращивались исключительно «для войны» и соответственно являлись показателем социальной привилегии. Еще в XV в. Дж. Интериано писал: «Они (дворяне. — *Э. П.*) не терпят, чтобы их подданные держали лошадей, а если случится кому-нибудь из последних выкормить жеребенка, его отнимали у него, лишь только тот подрастет, а взамен дают ему быков, приговаривая: "Вот что тебе следует, а не лошадь"» [Интериано 1974: 47].

К концу XVIII в. это запрещение носило формальный характер, однако далеко не всякий мог позволить себе купить коня.

Обращает на себя внимание и то обстоятельство, что взамен отобранной лошади подданный получал быков, что также дает определенные представления о канонах рассматриваемого общества, где юридически власть князя (высших дворян) регламентировалась нормами обычного права и контролировалась обществом в целом.

Принимая под свое покровительство нового рыцаря, феодал одаривал его конем, боевым оружием, крупным рогатым скотом, участком земли и рабами. Помимо традиции и символики, это действие носило и чисто практическую нагрузку. Несмотря на социальную замкнутость, феодальная знать для усиления мощи своих отрядов использовала право наделять дворянским званием свободное сословие, тем самым привлекая часть тфокотлей для участия в войнах и набегах. В условиях жесткой социально-иерархической традиции это было единственным способом расширить класс профессиональных воинов.

Феодальная иерархия адыгского общества с традициями вассалитета, вотчинными судами, спецификой образа жизни феодалов, ставших образцом для подражания и т. п., позволила Д. де Монпэре в XIX в. написать следующие слова: «Нынешнее состояние Черкесии вызывает

у нас в памяти представление о цивилизации времен первых королей в Германии и Франции. Это образец рыцарской, средневековой аристократии» [Монпэре 1974: 327]. Отсюда, по словам Б. Бгажнокова, и идентичные формы образа жизни, «поэтизация войн и поединков, щедрость и гостеприимство, галантное обхождение с женским полом и высокая семиотичность поведения — символизм действий, поступков, ситуаций, слов, вещей, детальная регламентация взаимного обхождения» [Бгажноков 1983: 54].

Поведенческие стереотипы высшей знати, превратившись в народную традицию, будучи функциональными и сегодня, являются превосходным источником самых разнообразных направлений исследования. Неписаный кодекс традиций адыгов, небезосновательно сравниваемый «с десятью тысячами китайских церемоний», в основе своей уходит в военизированный быт Черкесии. И наиболее характерной чертой этого быта была безусловная подчиненность всей системы жизнеобеспечения структуре военизированного общества.

По крайней мере, шесть месяцев в году рыцарское сословие во главе с князем или дворянином первой степени устраивало стан в лесу или в горах, совершая набеги. Внешние войны и походы занимали также не последнее место в жизни профессиональных воинов и адыгского общества в целом, а Кавказская война, совпавшая с периодом завершающей фазы становления этнокультурного облика адыгов, и вовсе сделала жизнь горцев в постоянном состоянии войны.

В таких условиях вполне естественно, что особое значение приобретает роль лидера-воина. И хотя князья формально были равны, имущественный показатель, определяя степень его могущественности, личный авторитет, и прежде всего авторитет воина, играл немаловажную, а подчас и решающую роль для определения его общественного статуса.

Набеги и войны способствовали не только и даже не столько обогащению князей, сколько приобретению авторитета среди населения. Чем дальше от своих земель промышляли наездники, тем большей славой они пользовались. Отсюда столь впечатляющая география набегов: Астрахань, Волга, Дон, Херсонес. Крым, Днепр и даже Дунай. Лучшие воины Черкесии пользовались огромным авторитетом и почетом не только в среде феодалов, но и в среде крестьян... Наездничество ассоциировалось с удалью, с поступками, заслуживающими всемерного одобрения и подражания. Это была модель идеального образа жизни мужчины-рыцаря. Таким образом создавалось представление о герое и лидере...

Следует заметить, что в рамках института наездничества практически не существовало ни естественного, ни искусственного ограничения возрастных рамок для участников военных походов. «Даже ста-

рики в возрасте 80 лет и более, которые в этой стране сохраняют удивительную бодрость, не пренебрегают стрельбой или скачкой на пари» [Интериано 1974 47]

«Желание заслужить славу удачливого наездника, храброго воина, человека неутомимого во всех делах, к тому же гостеприимного и галантного, превратилось в господствующую тенденцию жизненных устремлений не только феодальной знати, но и в крестьянской среде Это была страсть, близкая к идее фикс» [Бгажноков 1983 84]

Подобный образ мышления и стиль поведения не изменили даже нормы религиозной морали, которые в этой среде нашли отражение главным образом в сфере обрядовой практики (в постхристианский период, в период исламизации) По словам Интериано, до шестидесятилетнего возраста представители черкесской знати вообще не входили в церковь, слушая богослужение «не иначе как у дверей церкви и не слезая с коня» [Интериано 1974 47] Позднее, когда на смену христианству пришел ислам, традиции рыцарской морали находились у адыгов значительно выше мусульманских догм Бессмертие приобреталось лишь славой в бою Таким образом, первыми и безусловными основами для утверждения авторитета лидера были его высокое социальное происхождение и авторитет удачливого воина

Черты лидера тщательно формировались самой системой традиционной социализации, важнейшим в которой являлся институт аталычества Аталычество выполняло строго определенные функции в системе социальных связей Воспитанник являлся своеобразным реципиентом традиционной культуры в структуре элитарной социализации Однако, несмотря на достаточно унифицированную систему социализации в рамках аталычества в целом (независимо от сословной принадлежности), включавшей главным образом физическую подготовку и овладение искусством верховой езды, социальная верхушка получала еще и особые навыки

Традиционная система воспитания народов Западного Кавказа характеризовалась четким разделением на элитарный и хозяйственно-профессиональный параметры Первый включал в себя ряд показателей, каждый из которых был непременным условием при формировании традиционного образа воина-рыцаря Кроме сурового физического воспитания и безукоризненного владения лошадью, знакомство с которой начиналось с того, что 6–7-летнего мальчика привязывали к необъезженной лошади, сюда входили навыки совершения набегов — близких и дальних, знание тайного охотничьего языка и этногенетических преданий, ораторское искусство и рыцарский этикет Вся эта система была свойственна элитарному аталычеству и строго выполнялась независимо от социальной иерархии Более того, к началу XIX в практика аталычества вышла за рамки социальных границ и распро-

странилась по всему многослойному обществу Однако для детей высшей знати подготовка к участию в походах или набегах имела некоторые особенности, связанные с его привилегированным положением В нем воспитывалось умение «быть лидером», «предводителем», «военачальником» Особое значение, помимо специфических приемов ведения военных действий, придавалось закреплению такого качества, как сдержанность Это достигалось достаточно жесткими мерами Во время так называемых учебных походов соучастники молодого князя — аталык и его окружение, обращались к воспитаннику с ярко выраженным пренебрежением и аффектацией, всячески демонстрируя свое превосходство и подчеркивая, что он еще не доказал ни своих способностей, ни храбрости, ни воли Малейшая реакция со стороны юноши оборачивалась многократным презрением и насмешками Такое суровое и достаточно тяжелое моральное испытание должно было воспитывать в нем абсолютную сдержанность и эмоциональную стойкость Эти качества остаются вполне функциональными в современном этикете

К элитарному комплексу относилось также обучение коневодству Потомки крупных феодалов получали наследственные права в области знаний селекции местных пород лошадей

Статус военного лидера (как правило, князя) регламентировался не только нормами обычного права, но и другими привилегиями, обеспечивавшими иммунитет феодала на любом уровне общественных связей Наример, действовавшие в системе феодальных набегов законы (такие как ограничение количества похищаемых людей, учет их возраста и семейного положения и т п) особенно строго соблюдались в отношении князя Если последний попадал в плен, то все находившиеся при нем люди становились рабами, однако самого князя не задерживали, довольствуясь обрезанием ушей и хвоста его лошади [Пейсонель 1974 20]

Партию, возглавляемую князем, если об этом узнавали заранее, как правило, старались не преследовать В то же время князь или предводитель отряда не имел практически никаких преимуществ при разделе добычи здесь предпочтение отдавалось родственникам убитых и старшим по возрасту независимо от их социального происхождения

Положительный исход военного похода, знатное происхождение и безупречные моральные качества (прежде всего, щедрость) — все это, накладываясь на представления об идеальном лидере, способствовало росту его авторитета и авторитета его рода

Существенным дополнением, а иногда одним из самых авторитетных подтверждений высокого социального статуса феодала была деятельность дружинного певца, который, в свою очередь, независимо от социального происхождения занимал достаточно высокую ступень в

системе радиционного общества. Его роль сводилась не только и даже не столько к экзальтации воинов перед сражением (явление, достаточно хорошо известное у многих народов мира), сколько к поднятию авторитета князя, на службе у которого он находился. Одной из функций дружинного певца был также сбор возможно большего числа участников военного предприятия, для чего он отправлялся по селениям, воодушевляя народ и призывая его под знамена князя-предводителя. Архаический этап, связанный с рыцарским бытом дружинного певца, сменился этапом феодальных набегов, когда его идеологические функции были социально определены князем, на службе которого он состоял [Налоев 1985]...

К концу XIX в. в аристократических племенах старший по возрасту князь и его помощники осуществляли также и юридические функции. На суде огромное значение приобретала сила ораторского искусства, традиционно культивировавшаяся многими поколениями высшей аристократии. Н. Дубровин, прекрасно знавший культуру Черкесии конца XVIII — начала XIX в., писал: «Адвокаты выбирались преимущественно из таких лиц, которые владели языком и красноречием в изложении мысли. Черкесы вообще обладали замечательными ораторскими способностями, умением говорить с необыкновенным искусством длинные речи, замечательные по составу, логическому порядку выводов и силе убеждения. В этом случае им много помогал обычай, существовавший с давних пор между черкесами. Князья и дворяне во время пребывания в поле (имеется в виду выезд в поле аристократической молодежи для военных упражнений. — *Э. П.*) разделялись на две стороны, и одна из них объявляла к другой свои притязания и требования. Обе стороны избирали тогда судей, перед которыми ответчики защищались силою своего красноречия, а обвинители, со своей стороны, не щадили сильных выражений для победы своих противников. Таким образом, для каждого открывалось обширное поле показывать могущество своего красноречия и знания существующих народных узаконений и феодальных прав своей нации. Простая, по-видимому, забава эта служила черкесам школою к образованию у них ораторов. И действительно: по врожденной способности, они ловко вели судебные прения, в которых имели большой навык» [Дубровин 1927: 147].

На народных собраниях, в которых право голоса имели только свободные сословия, решающее значение также имело влияние князя (в аристократических племенах). Однако для этого он непременно должен был владеть ораторским искусством, значительно превосходя в этом других. В этом случае он получал «звание» — «язык народа» [Дубровин 1927: 156].

Ораторское искусство — это была еще одна дорога к славе и средство добиться «высшего предела честолюбия — стать “языком наро-

да"». Это название, писал Н. Дубровин, «давалось храбрейшему в бою, красноречивейшему на вече, разумнейшему на разбирательствах и судебной распре ... Участие "языка народа" на всех вече и при всех предприятиях было решительно: он один увлекал весь народ и ворочал им по своей воле; все смирялись перед его умственным могуществом»...

В демократических племенах не было княжеского правления и основным носителем верховной власти было народное собрание (также исключавшее право голоса крестьян и рабов). Однако влияние высшего дворянства, сохранявшего те же социальные привилегии и следовавшего тем же традиционным нормам, что и в аристократических племенах, было немногим меньше и в целом определяло жизнь общества.

К началу XIX в. многолюдные народные собрания и сходы заменились собраниями представителей племен — старшинами. Круг вопросов, решавшихся на этих собраниях, отражал потребности общества: поземельные споры, вопросы взаимоотношений отдельных племен, братств или других социумов, вопросы безопасности и главным образом войны и мира.

В 1848 г. на р. Адагум (Атакум) состоялось большое собрание, в котором приняли участие абадзехи, шапсуги, натухайцы и убыхи. Длилось оно с многочисленными перерывами почти год до прибытия агента Шамиля Магомет-Амина. Это была своеобразная попытка учреждения административного управления с введением земской полиции. Один из пунктов предусматривал управление общинами избранными старшинами, в распоряжение которых предоставлялось нечто вроде конной стражи и денежное содержание с поголовного налога [Дубровин 1927: 160].

Атакумское собрание то расходилось, то собиралось вновь. Постановления его не были приведены в исполнение. Сильно развитые самостоятельность и независимость общин, сословная иерархия, аристократические привилегии, т. е. вся структура традиционного общества адыгов, вошли в противоречие с нововведениями. Между народом и зарождавшейся администрацией сразу же возникли столкновения, дошедшие «до откровенной драки».

После присоединения адыгов к России русская администрация ввела в адыгских аулах практику назначения старшин, имевшую весьма печальные последствия. В отличие от окружающего казачества, которое свободно выбирало из своей среды станичного атамана или сельского старосту, аульные старшины назначались начальством и пользовались значительной властью. В его компетенции были созыв аульного схода и определение круга рассматриваемых вопросов, наблюдение за порядком в общественных заведениях, за исполнением условий договоров, а также различных дисциплинарных взысканий. Характер

деятельности этих старшин, а также форма их прихода к власти — на значение русской администрацией в послевоенный период (Кавказская война), преследовавшее в первую очередь цель иметь в этой среде «доверенных людей», которые могли бы предупреждать правительство о враждебных замыслах и бунтовщических намерениях «туземного» населения, определил тот негативный фон, который создавала новая структура власти

«Пользуясь своей властью, — отмечал Я Абрамов, — старшина может буквально отравить существование целого аульного общества, и вся горечь и злоба, которые накопятся в таком обществе, всецело падают на русских» [Абрамов 1927 24]

Немаловажным фактором было и то обстоятельство, что экономическое и социально-юридическое положение соседнего казачества было несравненно лучше «Вместе с тем, — пишет тот же автор, — и русское население начинает свысока относиться к туземцам, как к людям, которым не доверяют власти и которые, вследствие того, как бы поставлены ниже русского населения Понятно, что это только подливает масла в огонь» [Абрамов 1927 25]

Однако, несмотря на изменение властных отношений в период, последовавший за Кавказской войной, традиционная система властно-управленческих отношений разрушена не была Она сохранялась в несколько сглаженных формах, приспосабливаясь и сосуществуя с новым администрированием

Комплекс рассмотрения традиционных форм и структуры власти не будет полным, если не остановиться на так называемых «адыгских братствах», представлявших собой в определенном смысле макромодель отдельных независимых социумов

В системе политических отношений и формировании традиций политической культуры народов Западного Кавказа братства, основу существования которых составляла имитация кровнородственных отношений, сыграли огромную роль Данные объединения являлись зачатками государственного устройства и просуществовали вплоть до начала нашего столетия Рассматривая это специфическое для Кавказа явление, необходимо в рамках рассматриваемой проблемы выделить исходные позиции характерный для горских обществ, сконцентрировавшихся на небольших площадях, «облик независимости» наталкивался на неравнозначность политических возможностей различных племенных подразделений (демократические и аристократические племена), а также реально существовавшую, ярко выраженную власть крупных князей (главным образом у кабардинцев) В результате возникали объединения (братства), которые, помимо других функций, препятствовали концентрации власти в регионе, противопоставляя власти князя власть братства

Это были, прежде всего, союзы по оружию Однако их функционирование не ограничивалось сферой военных действий, и по мере распространения этого явления на Западном Кавказе братства превратились в полифункциональные союзы По мнению Беля, в 1-й половине XIX в эти объединения «являлись правлением Черкесии, и всякое улучшение, которое пожелали бы ввести в это правление, должно быть произведено на основе братств и привито к ним, так как братства глубоко укоренились в привычки и психологию черкесов» [Бель 1974 484]

Основной социально-политический аспект деятельности братств — образование более или менее крупных союзов — был не только естественным явлением в условиях политической несбалансированности, но и, что особенно важно, еще раз подчеркнем это — зачатком государственного управления [Гарданов 1927 216]

Первоначально основополагающим фактором для объединения было территориальное расположение поселений Позже союзы обрели самостоятельность и независимость в повседневной хозяйственной жизни Однако при этом в рамках союза, члены которого считали себя родственниками, соблюдались определенные правила и ограничения, превращавшие их из простого «союза по оружию» в устойчивую, жизнеспособную структуру Так, в рамках братств выдерживалась экзогамия, присутствовали некоторые элементы взаимопомощи в виде уплаты штрафов, калымов и т п

Численность этих объединений постоянно менялась за счет новых членов (от 15–20 человек до 2–3 тысяч) [Бель 1974 484] Приливу новых сил способствовала политическая популярность и боеспособность союзов Постоянно меняющееся соотношение сил в определенном смысле препятствовало внутренней стабилизации в регионе С одной стороны, некоторые племена стремились к усилению за счет союзов с другими Но в то же время усиление отдельных объединений приводило к естественной конфронтации наиболее мощных братств И хотя, как уже было сказано, основной тенденцией к объединению первоначально была реальная возможность защиты от других племен, возрастающая боеспособность объединений усиливала их наступательный потенциал

Если политический авторитет адыгских братств зависел от их боеспособности, то внутренняя структура оставалась традиционной Вторичность возрастной стратификации в системе рассматриваемых союзов проступала еще более рельефно В этой связи обращает на себя внимание такой факт, что, в отличие от большинства кавказских народов, среди адыгов сравнительно мало долгожителей Если следовать современным исследованиям по долгожительству, где особое значение придается психологическим аспектам этого явления, то у адыгов от-

сутствует социально заданная установка на долгожительство. Жить чрезмерно долго, по традиционным представлениям, считалось неприличным. О достигших преклонного возраста говорили с некоторым пренебрежением. Генетически, возможно, это связано, с одной стороны, с обычаем умерщвления стариков и, с другой стороны, вполне осознанным стремлением воинов погибнуть, не достигнув пожилого возраста.

Это обстоятельство вполне объясняет затушеванность и вторичность функций такого института, как совет старейшин. Нормы рыцарского кодекса однозначно связывались с ролью авторитета и лидера, которая не коррелировалась с возрастом. Хотя почитание стариков прослеживается как устойчивая традиция.

Немаловажное место в ТПК адыгов занимал поединок, который не только решал исход сражения, но и укреплял и подтверждал позиции лидера и его авторитет. Хорошо известен поединок косожского (адыгского) предводителя Редеди и князя Мстислава, донесенный русскими летописями. Поединок сохранился как вполне функциональное явление вплоть до начала нашего столетия, а в период Кавказской войны иногда решал исход боевых действий. Позднее он также не был забыт и нередко возникал между представителями враждующих сторон. «Часто во время военных действий с русскими, — пишет Н. Дубровин, — черкесский наездник вызывал на поединок наших милиционеров и казаков, и оба противника начинали, джигитуя, перестреливаться, постепенно сближаясь друг с другом. Победитель, при громких криках, овладевал телом противника и с самодовольством приказывал снять с побежденного оружие и доспехи, составлявшие его гордость и славу» [Дубровин 1927: 140]....

Что касается Западного Кавказа, то определенно можно сказать, что именно политический и культурный прессинг извне определил сосуществование различных частей политической структуры, каждая из которых выполняла свои функции. Отсутствие государственности в данном случае сыграло, как это ни парадоксально, положительную роль: находясь в зоне интереса многих государственно-политических образований, адыги были бы давно «смяты» и «растворены». Однако благодаря своей, на первый взгляд, весьма несовершенной многослойной структуре властных отношений они сохранили не только свою политическую жизнеспособность, но и укрепили потенциал этнической выживаемости.

Исторические реалии в этом смысле таковы, что если государство при определенных условиях может завоевать государство, то столкновение двух обществ с диаметрально противоположными политическими структурами не дает такого результата.

Косвенным подтверждением формы существования сложносостав-

ного общества, возможно, является также упоминавшийся здесь этикет, детально разработанный и ярко представленный в наше время. В этом смысле, пожалуй, этикет можно определить как форму, предотвращающую конфликт или форму компромисса. Обратившись к различным традиционным обществам, нетрудно проследить, что этикет особенно разработан там, где исторически долго сохраняется территориальная дробность общества и, соответственно, горизонтальное распределение власти...

Специфическое развитие этногенеза адыгов привело к формированию различных уровней этнического самосознания. Однако, несмотря на незавершенность консолидационных процессов, к XIX в. этническое самосознание единого адыгского этноса было сформировано. И хотя территориальная дробность значительно определяла тенденции формирования уровней этнического самосознания, единая этническая идентификация фиксировалась по всей зоне распространения адыгов, соответственно находя отражение во всей общественной жизни этноса, определяя формы и тенденции политических союзов, направленность и интенсивность политических устремлений и т. п....

Советское администрирование резко изменило вектор развития самосознания адыгов, подстегнув центробежные силы... Территориальная (и административная) обособленность групп адыгов сегодня дает следующую картину: две самые крупные из них, сосредоточенные в Кабарде и Адыгее, принципиально отличаются по племенному составу. В Кабарде сосредоточено однородное в племенном отношении население (кабардинцы), в то время как в Адыгее представлены в большей или меньшей степени все племенные группы, в том числе и кабардинцы. Такое разобщенное положение в условиях советской национальной политики привело к абсолютно противоположной идентификации этих двух массивов: население Кабарды практически в своем подавляющем большинстве не связывает свою этногенетическую историю с западными адыгами. В Адыгее, в силу полиморфного племенного состава, большая часть населения осознает себя единым этносом, включая в эти рамки кабардинцев Кабарды, черкесов, шапсугов, локализованных на Черноморском побережье, адыгов христиан, словом, не исключая ни одной локальной группы.

За годы советского периода истории из всей совокупности племен на Западном Кавказе отчетливо выделяются бжедуги, территориально (исторически) расположенные непосредственно в контактной зоне с русским населением Краснодарского края. Это определило их ориентацию на русскую культуру. Бжедуги приобрели статус наиболее мобильной, прогрессивной, ведущей группы среди других племен. С другой стороны, они приобретают совершенно иную репутацию в собственной этнической среде, а «инновации», воспринятые ими под воз-

действием «новой культуры», ставят их в положение своеобразного отчуждения от основного этноса. Именно среди бжедугов (особенно после войны) появляются нищие, суициденты, женщины, пренебрегшие основными канонами традиционного общества, и т. п., т. е. налицо отход от ортодоксальных законов социума под воздействием культуры доминирующего в регионе этноса.

В течение всего советского периода четко сохраняется избирательность этой группы, представители которой занимают практически все ведущие посты в пределах данного административно-территориального района. Обеспечивается эта избирательность самими бжедугами. Создаются условия, при которых сохраняется практическая невозможность проникновения как в партийный аппарат, так и на хозяйственно-административные должности представителей других племенных подразделений.

Отсутствие племенного сознания, о котором неоднократно писали в кавказоведческой литературе, абсолютно неправомочно: оно не только устойчиво сохраняется, но и играет первостепенную роль в формировании политической структуры советского периода вообще и на Западном Кавказе в частности. Этот клан, и в известном смысле даже каста, выталкивающая «чужих» и пополнявшаяся сугубо за счет «внутренних резервов», многие десятилетия сохраняла прочные позиции в обществе.

Коррупция, охватывающая практически все сферы общественной жизни, поддерживалась юридической службой, обеспечивая «законность» и закономерность этой преемственности. Отношения внутри этого клана очень напоминали идею «традиционных братств», поскольку взаимозависимость осуществлялась не только и даже не столько на материальной или социальной основе, сколько на свойственной для «братств» имитации кровнородственных отношений. Возможно, этим объясняется и факт предпочтительных родственных связей (ориентация в браке) с русскими, рассматриваемый как своеобразная трансформация системы экзогамных отношений.

Военно-демократические традиции продолжают определять авторитет советского общественно-политического лидера. В частности, одним из непременных качественных показателей руководителя должно было быть его низкое социальное происхождение (в отличие от соседней Грузии, где высокий исторический социальный престиж был всегда значим), несмотря на то, что в целом бжедуги относятся к группе аристократических племен с традиционно развитой властью и авторитетом князя и высшей аристократии...

Тем не менее на уровне традиционных связей (в сельской местности) традиционная социальная оппозиция сохраняется в неизменном виде. Так, в некоторых местах, к примеру, все еще фиксируются

поквартальные постройки родовых кланов аристократических семей. Здесь практически не допускается территориальное примыкание социально более низких сословий, и находятся любые предлоги и формы, предотвращающие подобные вторжения.

Политическое и социальное положение бжедугов, разумеется, не уникально на Кавказе, и несложно обнаружить подобные аналогии в других местах региона. Так, для Дагестана исторически характерна профессиональная ориентация основных народностей этой зоны, которая в советское время выражается в замкнутости отдельных сфер общественной жизни: партийный аппарат, образование, медицина, торговля и т. д.

Потенциальный лидер в советский период на Западном Кавказе должен был родиться, вырасти и осуществлять свою деятельность на виду у данной социальной группы. Если же претендент надолго уезжает, то рассчитывать на карьеру ему уже не приходится как в партийно-государственных структурах, так и традиционных (родовых). Если же он тем не менее каким-то образом попадает в современную социальную верхушку, то без труда создаются условия, вынуждающие его отказаться от своих притязаний. Отметим, что к человеку, длительное время отсутствовавшему, вообще предъявляются особые, повышенные требования и не прощаются малейшие отклонения от традиционных норм...

Требования, по сути, основанные на дворянском кодексе, предъявляются руководителю любого ранга. Не составляли исключения и работники партийного аппарата. Безупречно следовавшего этим традициям — а это, прежде всего, этикетные стереотипы поведения — называли «уорк», т. е. «рыцарь», «дворянин»...

Традиционное поведение военного сохраняется в этикете советских лидеров любого ранга... Так, 1-й секретарь обкома — как известно, самая значительная фигура в советской структуре — практически всегда сопровождал посетителя, по крайней мере, до дверей своего кабинета, а нередко и до дверей учреждения. Самым высоким знаком уважения (все также независимо от пола и возраста) являлось то, что «гостя» (а любой посетитель воспринимается традиционно как гость) сажали на самое почетное место, т. е. в собственное кресло. В любом учреждении или на любом общественном мероприятии без труда можно определить старшего по статусу: самым почетным было и остается место, максимально удаленное от входной двери; самый младший находится ближе всех к входу. «Жанта» — в прошлом глинобитное сиденье у очага, наиболее удаленное от входное двери место, лучше защищенное от холода.

В современном обществе также сохраняется и роль старейшины, ограничиваясь, как правило, рамками рода. Продолжают функциони-

ровать и символы возрастной статусности. Становясь старшим в роду, человек надевает папаху, берет посох, его одежда приобретает несколько военизированный характер (брюки, заправленные в сапоги, темная рубашка, иногда старинный серебряный пояс). Кроме того, считается хорошим тоном некоторое отчуждение и дистанция от окружающих, появляется повышенный интерес и следование традиционным нормам в области семейных отношений и т п. И хотя старшему в роду оказываются все необходимые знаки внимания и уважения, реально функции старшего выполняет человек сравнительно молодого возраста, энергичный, деловой, пользующийся авторитетом Более того, считается даже неприличным старикам заниматься общественными вопросами К помощи стариков прибегают при возникновении каких-то неординарных ситуаций, давно ушедших из повседневной жизни Например, в пережиточной форме до сегодняшнего дня сохраняется так называемая «плата за кровь», имевшая в прошлом строго регламентированные формы экономического «возмещения ущерба». В современных условиях таковая связывается с гибелью или увечьем по чьей-либо вине «Цена крови» определяется стариками, и виновный (или его родственники) передают ее в денежном выражении в семью пострадавшего.

К помощи стариков также нередко прибегали и административные органы при необходимости провести какое-либо общественное мероприятие — субботник или безалкогольную свадьбу (в горбачевское время) Таким образом, роль старейшин в адыгском обществе традиционно остается второстепенной, в отличие от большинства северокавказских народов. Особенно наглядно это проявилось в экстремальных условиях советского периода и особенно в условиях депортации, которая способствовала возрождению многих традиционных институтов, в том числе старейшин. Высланные за пределы Кавказа народы: чеченцы или турки-месхетинцы, естественным образом возродили в искусственных условиях данный институт, который к 1940-м гг. в значительной мере уже утратил свое общественное значение... Это происходило в связи с тем, что данные общества в силу политической ситуации остались практически без мужского населения, были подвержены психологическому прессингу и в известной мере физическому уничтожению. Ответной реакцией было естественное усиление значимости традиционных институтов и вместе с ростом национального самосознания — естественного биологического эффекта в виде демографического взрыва.

Последние десятилетия институт старейшин Чечни, так называемый «кхел», представлял собой вполне функциональный институт, выражающий, с одной стороны, традиционные нормы социальной психологии, и с другой — нередко действующий как оппозиция советской морали.

Еще в более сложном положении находятся месхетинские турки, так и не дождавшиеся репатриации в Грузию и разбросанные сегодня в результате интенсивной принудительной миграции практически по всем странам СНГ. Сложившаяся ситуация обусловила роль и огромное значение института старейшин, который стал основным проводником традиционной культуры и ее рекапитуляции, а также определяет национально-политические устремления, выходящие теперь уже за рамки государственных границ. .

ЛИТЕРАТУРА

Абрамов Я Кавказские горцы Краснодар, 1927

Бгажноков Б. Х Очерки этнографии общения адыгов Нальчик, 1983

Бель Дж Год среди черкесов // Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов XIII–XIX вв Нальчик, 1974

Гарданов В К Общественный строй адыгских народов М , 1967

Дубровин Н Черкесы Краснодар, 1927

Интериано Дж Быт и страна зихов, именуемых черкесами // Адыги, балкарцы и карачаевцы

Монпэре Д Путешествие по Кавказу, к черкесам и абхазцам, в Колхиду, Грузию, Армению и Крым // Там же

Налоев З М Этюды по истории культуры адыгов Нальчик, 1985

Пейсонель К Трактат о торговле на Черном море // Адыги, балкарцы и карачаевцы

Р Я РАССУДОВА

ТРАДИЦИОННАЯ ПОТЕСТАРНОСТЬ В ЭТНОИСТОРИЧЕСКОЙ ДИНАМИКЕ (На примере Средней Азии)*

Организация власти была и остается весьма важной и сложной проблемой для традиционных обществ Средней Азии В течение XIX–XX вв народы этого региона пережили ханское, «военно-народное» и республиканское правления На суть и характер организации территории, хозяйства, общества и управления ими влияли также политические события, идеологические учения, этносоциальный состав населения Совокупность данных факторов в их взаимосвязи и взаимообусловленности специально не изучалась

Литературные материалы позволяют осветить в основном государственное управление, этнографические полевые материалы — низовое самоуправление Полевые сведения собирались автором в 1960–1984 гг в Зеравшанской и Ферганской долинах и Ташкентском оазисе, т е в хлопководческих районах Средней Азии Они дают возможность оценить историческую значимость различных органов власти и некоторых слоев населения, определить этносоциальное положение представителей потестарного аппарата, их роли в обществе и хозяйстве Наконец, можно проследить изменение функций государства в организации хозяйства, в том числе в распределении продукции общественного труда, в исторической динамике

К XIX в в Средней Азии завершился двухвековой период всеобщих войн кочевников и оседавших скотоводов между собой и их вместе с оседлыми жителями орошаемых земель, окончились крупные передвижения и дробления родоплеменных объединений, определились их места кочевий и расселений В результате расширились земледельческие ареалы и оросительные системы, увеличилось число новых поселений и «окольцованных» старых, т е окруженных поздними кварталами с

* Потестарность Генезис и эволюция / Под ред В А Попова СПб МАЭ РАН 1997

© Р Я Рассудова, 2007

оседавшим тюркским населением Подобное наступление кочевников-тюрков приводило к принятию оседлыми земледельцами — сартами, таджиками и другими народами сначала тюркского языка, а затем и общих самоназваний «узбек», «туркмен», «казах», причем независимо от сохранения или потери родоплеменных делений и названий

На начальном этапе освоения территории кочевники соблюдали нормы традиционной социальной организации Племя стремилось поселиться компактно, чтобы сохранить свое единство, а следовательно, боеспособность и самозащиту В соответствии с расселением близких родственных единиц землю, воду (каналы) и места поселения делили в первую очередь на две части, затем по родам и их подразделениям — семейно-родственным группам *уруг, карагач, топ* и др , и наконец, между большими и малыми семьями Однако компактно поселившиеся кочевники вскоре оказывались разобщенными по административным единицам, издревле создававшимся, исходя из земледельческих условий и организации оросительных систем Подчиняясь этим условиям, поздние пришельцы (тюркские и монгольские кочевники) были вынуждены занимать лишь периферии орошаемых территорий [Бартольд 1965, Гулямов 1957]

Разновременное появление кочевых племен в Средней Азии, несов падение племенной организации с издавна сложившейся хозяйственно-территориальной, частые войны — все это обусловило весьма пеструю этническую картину Наиболее многочисленными (в XIX в) являлись кипчаки, канглы, мангыты, найманы, катаганы, кырки и каракалпаки Крупными массивами они сосредоточивались в нескольких районах, например, каракалпаки — в Приаралье, Зеравшанской и Ферганской долинах, Ташкентском оазисе, кипчаки — в Самаркандском, Ташкентском, Кокандском и Андижанском уездах Мелкие же группы этих племен были разбросаны по всей Средней Азии [Аристов 1896, Бартольд 1971 10–12]

Оседлое население в XIX в было известно под названиями *сарт* и *таджик* Одновременно среди них выделялись мелкие (как мы считаем, субэтнические) группы — *задиен, исмаили, карахан, сайд, тура, ходжа'*, или *вахани, куляби, ягноби* и др Сарты сосредоточивались вдоль р Сырдарья (Фергана, Ташкент, далее на север через пустыни) и в Хорезмском оазисе

Таджики селились в городах и крупных селениях в долине и предгорьях Зеравшана, в предгорных и горных окружениях Ферганы и Ташкента и всюду — в старых частях «окольцованных» селений Причем у информаторов-таджиков (60–70 лет в 1960–1970 гг) сохранялось убеждение, что в ханские времена их предки называли себя сартами Юго-восточные горы Средней Азии занимали *вахани, каратегин, ягноби* и др , объединявшиеся жителями долин термином *гальча*, или

кухи, «горец», а в XX в. — *таджик*. Сарты с конца XIX в. приняли название «узбек». Указанные выше мелкие группы задиён-ходжа расселялись по всей Средней Азии (и даже за ее пределами) среди всех народов, кочевых и оседлых. Они сосредоточивались в крупных древних городах и административных центрах; караханы и тура чаще встречаются в северной половине рассматриваемого региона. Все эти группы также имели общее название *авлад, или* аулия, — «святые» [Аристов 1896; Вяткин 1927: 18–23].

Данная этногеография отличается от предыдущих эпох. Но и она показывает, что поздние ареалы расселения «новых» народов и субэтнических групп совпадают с древними областями, в пределах которых возникали самостоятельные, хотя и кратковременные, политические образования. Последние имели своих династийных правителей, службы управления, военные силы, идеологические установки. Но вскоре более сильные превращали их в подчиненные владения (или административные единицы — с XIII в.) централизованных государств (Ахеменидского, Греко-Бактрийского, Кушанского, Эфталитского, Тюркского, Саманидского, Тимуридского и др.). Распад подобных государств обычно сопровождался общей смутой, изменением этнической карты и, главное, — расширением земледельческого хозяйства. Последняя двухвековая смута, завершившаяся к XIX в., привела и к политическим новообразованиям — крупным теократическим ханствам.

В этих однотипных централизованных государствах главенствовали не преемники пророка Мухаммеда, основателя ислама, а отдельные племена со своими лидерами. В Бухарском ханстве около двух веков правили эмиры мангытской династии, в Кокандском и Хивинском — ханы мингской и кунградской династий. Все племена с их эмирами и ханами, а также сарты, таджики, гальча причислялись к категории *кара* («черные»).

Все среднеазиатские общества отвергали обожествление правителей, а сами правители считали божественным и превыше себя мусульманский шариат. И он был основой всякой деятельности: от государственного управления до семейного и хозяйственного, от юридической до просветительской и даже бытовой нормативности. Закон и религия воспринимались как неразрывное целое. Исполнение законов и религиозных обрядов, распространение просвещения являлись обязанностью законоведов, богословов *уламо*, преподавателей высших конфессиональных заведений и *мулл*, служителей культа. Особую роль в этом деле играли религиозные общества, охватывавшие все население Средней Азии: *накшбандия*, или *ходжагон, кубравия* и др. Членами этих обществ являлась вся категория «черных», в том числе и правители ханств. Они весьма послушно следовали основам ислама, наставлениям своего «учителя», «мастера» *(устод, ишан)*. Так, бухарский

эмир Шах-Мурад (правил в 1785–1800 гг.), опираясь на «братьев» из накшбандийского общества (членами его являлись жители Ташкента, Зеравшанской и Ферганской долин), сумел приостановить и ликвидировать междоусобицы в своем ханстве, возобновил ирригационное строительство и реорганизовал старые системы орошения, вернул и горожан, и земледельцев в свои дома (при этом освободил от налога на 5 лет, что обычно делалось при освоении целины). В итоге он преодолел политический и хозяйственный кризис в Бухаре.

Почти все духовенство, командующие войсками (они же часто и правители) в областях-валайятах, главы религиозных обществ, являвшиеся, как правило, «святыми» (авлад, аулия), причислялись к категории населения *ак* («белые»). Их представители обязательно входили в состав почти всех органов центрального управления.

Управление ханствами осуществлялось несколькими диванами («министерствами») и Высшим советом во главе с эмиром/ханом. Самый важный диван, ведавший всеми административными и хозяйственными делами, возглавлял *ходжа-и-бу-зург*, или *вазир, кушбеги* (из «белых»). В Бухаре он одновременно был заместителем эмира, начальником столицы и правителем — *хакимом* столичного военно-административного округа (и налоговой единицы) валайята; ему же подчинялись хакимы всех других городов. Диван финансов, или *хараджа*, занимался сбором, учетом и распределением государственных доходов, особенно налогов. Его глава *закатчи-калан*, или *кушбеги-и-па-ян*, замещал вазира, или ходжа-и-бузурга; и они вместе вступали в управление при выезде эмира из страны. Дивану хараджа подчинялись все валайятные *диван-беги*, состоявшие при правителях-хакимах. Последние же выбирались из вождей племен данного валайята, но обязательно утверждались эмиром. Таким образом, в административно-финансовых вопросах центр в лице эмира и двух важнейших министров прямо контролировал области и племенных вождей. Военное министерство — *диван-и-харб* — возглавлял начальник столичного гарнизона; ему подчинялись начальники всех воинских частей, как правило, из «черных» Командующего валайятом назначал эмир и обязательно из «белых», ходжа (в Бухаре — из джуйбарских), имевшего достоинство *ва'ли*, т. е. «благочестивого».

Воинство в целом составляли различные племена (казахские, каракалпакские, туркменские, узбекские и т. д.). Военачальники же, а также судьи, духовники и казначеи представляли не просто оседлое население, а его коренную часть — *туб-дор, задиён*, причислявшуюся, как и *ходжа*, к «святым». Наряду с племенным государственным войском эмиры/ханы, областные хакимы и немало представителей духовенства (особенно главы обществ) содержали специальную охрану — династийную тюркскую гвардию. Она создавалась из сыновей тех же

гвардейцев, весьма сурово обучавшихся военным премудростям. Родословную своей гвардии Бабур, например, возводил к VI в.

Законоведы и ученые-богословы были объединены в диван *казня*, а их материальным достоянием ведал диван *вахмов*. Эти диваны издавна составлялись из духовенства, и все должности, как и в других органах, являлись наследственными. Даже племена вскоре начинали претендовать на «свою» должность в управлении, если ее занимал их представитель.

Государственный Совет, высший орган управления во всех трех ханствах, в начале XIX в. состоял из племенных вождей, глав всех диванов, правителей многих городов и областей, различных «заслуженных и честных» людей, к каковым причислялись в основном представители духовенства и тюркской гвардии. Из них временами создавался диван *мухтасиб* — высший контрольный орган. Он следил за всем: торговлей (ценами, весами, качеством продукции — земледельческой, ремесленной и др.), исполнением религиозных обрядов и нравами. Совет решал самые важные вопросы: строительство каналов, освоение земель, распределение воды в крупных реках и магистральных каналах, судебные (решения о казнях, конфискациях имущества высших служащих, должностных назначениях), возведение хана на престол. Со второй половины XIX в. отмечается тенденция сокращения в Государственном Совете племенных вождей и замены их представителями духовенства и вообще оседлого населения (особенно таджиками в Бухаре и сартами в Коканде и Хиве) [Андреев 1972; Вяткин 1927; Кисляков 1962; Положение об управлении... 1888].

Для любой службы в диванах, тем более ответственным чиновником, в первую очередь требовалось наличие обширных знаний, как профессиональных, так и общеобразовательных, владение языками. Особое значение придавалось знанию Корана и законов шариата. Чиновников для управления находили в культурной среде «людей пера», существовавшей в городах, крупных торговых центрах. Одновременно учитывалось и их происхождение, а также социальные и профессиональные связи.

Высшее духовенство и чиновники центрального и областного уровней, включая военных, почти полностью содержались государством, причем весьма оригинальным и рациональным способом: они получали право на часть государственного налога *(харадж, мол, улпон)*; размер «содержания, кормления» зависел от чина, должности, генеалогии, уровня знаний. Подоходный налог составлял 1/10, 1/8 и 1/5 часть урожая, а жалуемую часть налога (или весь налог) определяли площадью земли, занятой данными культурами. Государственные земли *амляк* (а таковыми считались все земли в ханствах) назывались *танхо* (в прошлом — *ихта, суюргал* и т. д.), если право сбора налога

давалось светским служителям. Если же оно предоставлялось религиозным учреждениям, а следовательно, духовенству, то такие земли обозначались термином *вахм*. Высшее духовенство нередко превращало вахмы в наследственные *авлоди вахм* и, как правило, полностью освобождалось от налогов. Расходы на государственные дела, например поставку конных воинов при полном снаряжении, разрешалось возмещать налогами целым племенам и народам, почему их район и назывался Черикистан («черик» — воин) [Андреев 1972; Вяткин 1928; История народов... 1947; Кисляков 1962; Рассудова 1990; Фистрат 1933].

Со второй половины XIX в. среднеазиатские общества начали претерпевать кардинальные изменения. Это было связано с завоеванием Средней Азии христианской Россией. Новшества коснулись в первую очередь и в наибольшей степени государственного (и областного) управления. Затем осуществлялись социальные и хозяйственные преобразования, приведшие, наконец, к капиталистической системе. В течение 1865–1875 гг. Россия ликвидировала Кокандское ханство, а Бухарское и Хивинское поставила в вассальную зависимость. На занятой (весьма значительной) территории было создано новое политическое образование — Туркестанское генерал-губернаторство, разделенное на пять областей (а они — на уезды, волости, сельские общества). Права и обязанности туркестанского губернатора определялись царской «Золотой грамотой» (1867 г.), как и Совета, состоявшего из 7–10 человек, в большинстве военных. В областях и уездах управляли также военные губернаторы и начальники со своими чиновниками. Таким образом, управление Туркестаном оказалось в руках пришельцев иного вероисповедания и этнического происхождения, иной культуры.

Новая форма правления получила название «военно-народная». Высшее управление (до уездного) представляли военные; низшее, самоуправление, оставалось прежним. С ликвидацией ханской системы правления военный управленческий аппарат стал как бы наемной силой и единственной на обоих уровнях. Все служащие получали «жалование» (это слово употреблялось и в советское время) из казны, но через финансовый аппарат — «бухгалтерию», а не из крестьянских урожаев. Эти служащие не имели своего хозяйства и не были связаны с местными производителями в отличие от ханских танходаров. Последние были лишены прав на сбор налога в свою пользу и превращены в обычное податное население. Лишь владетелям вахмов, особенно наследственным, т. е. духовным служителям из группы ходжа, было сохранено их прежнее положение.

Военное управление, объявив все земли государственными и обложив их единым налогом в пользу казны, одновременно закрепило их за фактическими пользователями, причем в общинно-подворное на-

следственное владение Это положение, однако, не передавало земли в частную собственность Более того, европейцам полностью запрещалась покупка земли у местного населения, как и ее продажа за долги, юридически признано обычное право соседей на землю и дом Эта круговая порука даже была расширена введением поруки при сборе налога, чего не существовало в прошлом [История народов 1947 253–288, Кисляков 1962, Положение об управлении 1888]

К политике общетуркестанского масштаба относятся сохранение местного низового самоуправления, налоговые изменения и государственно-частный хлопковый протекционизм

Совокупность последних двух нововведений весьма кардинально изменила социально-экономическую систему местных обществ Повлияло это и на характер самоуправления в низах Военная администрация отвергла систему ханского налогообложения, учитывавшую природно-хозяйственные условия в каждом районе, индивидуальные способности и возможности отдельного главы семьи-хозяйства [Бартольд 1965, Гулямов 1957, Современный кишлак 1924–1925] Она выбрала наименьший налог, 10% от урожая-дохода (десятину *ушр*), и только в денежной форме Это привело к районной дезорганизации хозяйства А новая податная единица — «селение», или «сельское общество», образованная искусственно, расстроила хозяйственные связи между кишлаками, а в них — между семьями-хозяйствами (дворами)

Хлопковый протекционизм, денежные субсидии, выдававшиеся под залог земли и только под посевы хлопчатника, вначале на выгодных условиях, казались весьма своевременными и для уплаты денежного налога Однако расширение посевов одной культуры, а хлопчатника особенно изменило всю систему хозяйствования, в первую очередь организационно-социальный аспект труда, бытовой уклад хлопководов С созданием различных банков, очистительных и маслобойных заводов и других предприятий появились ростовщики (из индийцев, армян, евреев), большое количество посредников скупщики от заводов, раздатчики денег от банков (из местных таджиков, тюрков, бухарских евреев, в основном горожан) В итоге крестьяне всем платили за ссуду большие проценты, теряли (по разным причинам) возможности возврата займов и заложенной земли Одновременно хлопковые районы оказывались в зависимости от привозного хлеба, хлопковых семян, а обеспечение ими вновь требовало денег

Вследствие вывоза хлопка за пределы его производства и даже из страны разрушились трудовые связи с ремесленниками, последние превращались в безработных, а крестьяне — во временно занятых работников Батрачество и поденщина стали основной формой труда на орошаемых землях Прежде здесь обычной была издольщина, причем большей доли (2/5 и даже 3/5 дохода, например, в Андижанском и

Каттакурганском уездах [Материалы Всероссийских . 1924–1925]) А теперь утверждалась меньшая, четвертная, доля В качестве издольщиков трудились бывшие самостоятельные хозяева Образовался новый социальный слой частных собственников, «новые мусульмане» — *баи.* В результате к 1916–1917 гг царское военное управление в достаточной степени разрушило естественную саморегулирующуюся систему хозяйствования Семейно-родственная основа организации труда, как и водная и общинная, в хлопковых районах почти полностью потеряла свое регулирующее значение [Бюджеты 45 хозяйств 1924, Гулишамбаров 1913, Масальский 1913, Миддендорф 1872]

Многоземельные баи (еще в конце XIX в называвшиеся *дехканами* даже в Фергане) обычно имели различный рабочий скот, отсутствовавший у большинства крестьян Поэтому члены общины независимо от социального положения объединялись в различные группы на период определенных работ Группа *альгоу* составлялась лишь на год для пахоты, стороны выставляли пару волов Одновременно эти же крестьяне образовывали более крупные группы — *шерик, шерикат* (до 10–12 человек, как правило, родственников), действовавшие постоянно Именно шерикаты стали получателями банковских и других ссуд, оформлявшихся, однако, на одного «крупного землевладельца» — главу шериката Для получения большей ссуды члены шериката свои земли (частично или полностью) записывали («показывали») на главу своего объединения, а при распределении займа учитывали средства, вложенные каждым Главой шериката могли выбрать не только дехканина-бая, но и мало- и даже безземельного члена общины Выборы глав шерикатов, мужских объединений и самой общины устраивали во время празднования Науруза (21–22 марта), у истоков общих оросителей Именно главу общины население (Ферганы) считало первым дехканином, поэтому общие хозяйственные, морально-этические и юридические требования к нему предъявляло особенно строго Во многих районах главами общин, старшими надзирателями вод, соответствовавшими в верхней части водной магистрали главе группы общин *даха,* часто становились представители особой этносоциальной категории населения — «белых» Глава общины, по представлению крестьян, как первый дехканин был «обязан» иметь земли и воды в большем количестве и лучшего качества При отсутствии таковых другие «компенсировали» ему, пока он был главою (предлагали обменяться или хотя бы «считать своей») Он выделялся среди других особым кушаком, лучшим поясным ножом, преподносившимся обществом, наличием при нем «воина»-охранника, а также учителя-покровителя *(мададкор, устоза)* Все это якобы придавало ему особую силу в борьбе с врагами, лгунами и злыми духами

Внутренняя жизнь общин регламентировалась деятельностью раз-

личных организационных единиц (родственных, трудовых, территориальных, социальных). Так, семейно-родственные группы занимались организацией и материальным обеспечением свадебных церемоний. Численность такой родственной группы гарантировала своему кандидату победу на выборах судей. Выборные главы водоземельных групп со временем оставались несменяемыми и превращались в наследственных. Так было и в ферганских *дошказанах* и их шерикатах, и в заравшанских и ташкентских *караказанах* и *кошах*, и в кашка- и сурхандарьинских *казаншериках* и *пайкалах*.

Трудовая плата низовому аппарату управления довольно четко выражалась при «поднятии урожая, на току», т.е. при распределении урожая-дохода. Последний разделялся на божью *(худохак)* и мирскую *(амынона)* части. Худохак предназначалась бедным и центральному управлению. Как бедные, так и глава государства и само понятие «управление», считались божьим предопределением. Доля государства, под названиями *ха-радж, мол, улпон*, — это налог, причем подоходный — 8, 10, 20% (а не поземельный). Аминона раздавалась общинным служителям; затем остальное разделялось на три доли: за землю, скот (рабочий) и за труд издольщика. Таким образом, земледельцы и ремесленники, а также скотоводы, платившие *зякат* (40-ю часть со ста голов скота), содержали управление всех уровней. Низовые власти получали свои доли непосредственно от самого крестьянина на его току, как и *амин*, глава 10–15 общин.

Развитие хлопководства разрушило не только систему хозяйствования, но и социальное равенство и стабильность в общинах, а также низовое управление. Главы (дехкане и амины) стали выбираться из чужих — баев, купивших земли на их территории. Практически эти должности становились продажными. Подобные «народные избранники» уже «законно» способствовали лишению крестьян земли, скупке ее другими. В 1900–1916 гг. местные нормы, органы управления, социальные связи настолько игнорировались, что продавались иногда и вахмы и даже неполивные земли, использовавшиеся всеми.

В целом хозяйственные изменения сопровождались расстройством коллективистских организаций, нравственно-этических устоев населения. Военно-народное управление, чуждое местному, исторически высокоорганизованному обществу, неоднократно вызывало протест крестьян, объявлявших даже *газават* — «священную войну» против «новых порядков» [Федоров 1925].

После почти полувековой борьбы местное население с помощью других народов (бывших поселенцев или сосланных сюда революционеров) поэтапно стало возрождать старые порядки. На первом этапе (1917–1920 гг.) городские частные и акционерные предприятия (ростовщиков, посредников и скупщиков сырья и земли) Советы объ-

явили государственными. Часть их доходов направляли крестьянским объединениям — шерикатам. Госсуды получала община как отдельная единица; крестьяне за ссуду расплачивались сами, не теряя своих земель. Более того, безземельные издольщики-чайрикеры вновь стали самостоятельными хозяевами своих участков. На следующих этапах новая власть перераспределяла земли (земельно-водная реформа 1924–1926 гг.), внедряла и распространяла новые формы организации труда, особенно начиная с 1929–1934 гг. «коллективизацию хозяйств и труда». Пересмотр земельных ресурсов заключался в изъятии излишков земли и передаче их мало- и безземельным, в освоении («поднятии») залежей, улучшении их качества и повышении *урожайности* культур, в создании крупных коллективных хозяйств. Вначале колхозы соответствовали отдельным старым общинам. Затем в один колхоз включалось по 10–20 общин. Замена рабочего скота машинами потребовала новых укрупнений и перепланировки всех обрабатываемых земель (для составления почвенных массивов, требующих определенных способов машинной обработки и орошения). В результате крестьянские земли, недавно разделенные межами, при общем пользовании стали единым естественным условием труда с различными агротехническими качествами; в колхозах возникла необходимость в новых формах организации труда, в том числе и управленческого; сложилась новая производственно-социальная стратификация («иерархия»); сформировались и новые основы взаимосвязей внутри колхозов и между ними, а также между колхозами и государством.

В коллективных хозяйствах, получивших государственные земли в бессрочное и безвозмездное пользование, члены их разделились на *колхозчи*, трудящихся непосредственно на производстве (садово-полевом и др., вручную и с помощью техники), *мутахассислар* («специалистов» — руководителей отраслей, финансовых работников) и на управленцев (глав трудовых единиц, территориальных отделений) и выборное правление во главе с председателем колхоза — *раҳбарлар*, они же *деҳканлар* (в Кашкадарье, Ташкенте). По мере укрупнения колхозов разрастались и трудовые единицы — бригады (звенья) — от 10–20 до 80–100 хозяйств-семей. Распределение работ по участкам часто совпадало с выполнением заданий на бывших «своих» наделах (хотя межей уже не было). Группы из 10–12 человек, работавших на определенном массиве «своих» наделов, как правило, одинакового агротехнического качества, в разное время и разных местах назывались *кош, обхур, чат, звина* (звено). Примерно с 50-х гг. почти всюду установилась дореволюционная *пайкальная* организация крестьянского труда.

Таким образом, при создании новых, крупных хозяйств прослеживаются два важных момента: сохранение общины как хозяйственно-организационной единицы; расширение производственных функций от-

дельного человека в коллективном хозяйстве Другими словами, в советских колхозных условиях сохранялись земельные и крестьянские организации, известные издавна и основанные на древнейших естественных связях — природно-хозяйственных и семейно-родственных

Оплата труда в колхозах производилась в соответствии с социальной стратификацией и при всех обстоятельствах была регламентированной и фиксированной Распределение доходов в них в принципе соответствовало распределению урожая крестьянского хозяйства в прошлом Доля средств на оплату труда в 30 60-х гг , согласно уставу и практике, равнялась 33%, позднее она повышается до 50% (т е соответствовала издольным) Весьма важно отметить, что соотношение различных категорий членов колхозов, экономически обоснованное учеными, особенно численность управленцев *(рахбар-дехканов)*, повторяет положение, существовавшее в доколхозных крестьянских объединениях (общинах, пайкалах, кошах, шерикатах и др), т е число управляющих составляло примерно 1,5% от трудовых ресурсов

Среднеазиатские общества, как хозяйственные и организационные единицы различных уровней, до XX в оставались традиционными и рационалистичными В прошедшие тысячелетия деятельность этих обществ основывалась на зороастрийском и исламском принципах максимального использования природных условий (земли и пастбищ) и по возможности минимального вреда экологии и человеку, справедливого взаимоотношения в обществе на основе праведного распределения труда и божьих даров Эти принципы в течение многих веков составляли основу всякой деятельности человека, общества и государственного управления В итоге Средняя Азия представляла собой уникальный политико-экономический регион с более 40 направлениями и системами земледелия и животноводства (каждая из них имела еще множество вариантов), с безотходными саморегулирующимися общинами, с высокоразвитыми ремеслами (24 вида), обширными внутренними и внешними торговыми связями

В среднеазиатских обществах сложилась сложная, но экономная самоорганизация и управление Первичной основой различных объединений считалась родственная преемственность, наследственность Она являлась главным принципом законности, а потому и устойчивости общества, условием развития профессионализма Несмотря на междоусобицы, этого принципа придерживались как все местные родоплеменные объединения (массагеты, саки, кушаны-тохары, согдийцы, парикане, эфталиты и др), так и пришлые народы-завоеватели (иранцы-ахемениды, греки-македоняне, китайцы, арабы, тюрки-ханиды, монголы и т д) Они не нарушали естественных основ хозяйствования, социальной организации и управления Архаические формы организации территории и общества, сохранявшиеся в Средней Азии еще

в начале XX в , особенно четко проявлялись в высших сферах управления Власть распределялась между полукочевым населением, сохранившим родоплеменные особенности (правители, вожди), и оседлыми земледельцами, торговцами, ремесленниками («премьеры», судьи, финансовые и контрольные чиновники) При этом особое значение имела «белая, святая» группа, *ходжа*, представленная во всех трех отраслях производственной деятельности Этому же принципу соответствовало распределение и военачальников Главнокомандующим в государстве являлся эмир/хан, из категории «черных», в областях *-ва'ли*, представитель «белых, святых» Им обоим одинаково подчинялись «черные» племенные вожди и территориальные тысячники — *хазара* К концу XIX в в государственном управлении усилилась тенденция расширения представительства оседлого населения и особенно «белой» категории

Все среднеазиатское население, независимо от каких-либо различий, состояло одновременно в трех объединениях семейно-родственном, родоплеменном или территориальном, профессиональном Все имели взаимные обязательства и права Ближайшие родственники из семейной группы эмира/хана по древнейшему праву претендовали на участие в управлении страной сначала на основании завоевания, затем — родства и наследования (считаю это одной из причин постоянных династийных войн), а племя правителя — на различные привилегии За исполнением шариата наблюдали министерство просвещения, судебное, налоговое, финансовое и военное ведомства, а также сам народ, исходивший из своих древних норм общения

На общем фоне родственной преемственности всякой деятельности наиболее стойкими, влиятельными и наглядными были династии административных правителей (центральных и областных), некоторых чиновников (секретарей, наблюдателей за торговлей, нравственностью) и особенно высших слоев духовенства, последние до сих пор свое происхождение исчисляют с VIII–IX вв

Со второй половины XIX в по праву завоевания Россией устанавливается иной принцип верховного руководства, а традиционное династическое управление ликвидируется Новые установки, идеологические и хозяйственные, были разрушительными и чуждыми для населения Средней Азии Новый потестарный аппарат состоял из военных чиновников разных рангов и из разных народов Они назначались и смещались по воле высоких инстанций метрополии Помимо административной службы чиновники могли создавать свое частное дело, связанное с торговлей, промышленностью и финансами Прежние же носители высокого социального статуса были превращены в обычное податное население путем законодательного установления всех земель государственными Однако, сохранив свои наделы, династические объ-

единения рассредоточились по различным службам и отраслям производства, по низовым аппаратам управления

Советское государство, опираясь на идеологию марксизма, стремилось создать в Средней Азии общество, разделенное на свободных управленцев и хорошо организованных ими производителей, основываясь на отрицании естественных (родственных, родоплеменных) связей как примитивных, не свойственных развитому обществу В советских республиках региона утвердилось управление временщиков, внедрявших чуждую местной жизни идеологию и пользовавшихся малосогласованными научными рекомендациями, не учитывавшими всю совокупность этноэкологических факторов В результате распространялись подрывавшие производство (и управление) технологии землеи водопользования, что привело к отравлению почв, вод и населения, потере или ослаблению политико-экономического равновесия между отраслями хозяйства, между республиками и их с центром, развитию издольных отношений (от межличностных до отраслевых), усилению межнациональных недовольств

Управление, представленное триумвиратом из глав республик, правительств и идеологически единой партии (все — из местного населения), постоянно менялось (выборы и переводы в различные административные области или хозяйственные отрасли, при этом на всех уровнях учитывалось этническое и социальное происхождение этих руководителей) Вторыми лицами, а также заместителями и помощниками выступали не местные служащие (русские, татары, а с 50–60-х гг также корейцы, армяне, евреи) Одновременно существовали установка и стремление к подготовке национальных кадров для всех отраслей, особенно в области управления и науки С этим возрождается традиция династийного и семейно-родственного формирования профессионалов в административном и партийном управлении, в руководстве крупными ирригационными системами, в области юриспруденции И она по-прежнему осуществляется «белой» группой населения

В заключение следует подчеркнуть, что успешное управление и хозяйствование в Средней Азии возможно лишь при признании естественных связей в обществе, включая связи с природой, в качестве фундаментальной основы жизнедеятельности общества и на современном этапе развития, и в будущем.

ЛИТЕРАТУРА

Андреев М С Арк (кремль) Бухары Душанбе, 1972

Аристов Н А Заметки об этническом составе тюркских племен и народностей и сведения об их численности // ЖС 1896 Т III–IV

Бартольд В В Историко-географический обзор Ирана // Соч Б м , 1971 Т VII

Бартольд В В К истории орошения Туркестана // Соч Б м , 1965 Т III

Бюджеты 45 хозяйств Ферганской области по обследованию 1915 г М , 1924

Вяткин В Л Каршинский округ, организация в нем войска и события в период 1215–1217 (1800–1803 гг) // Известия среднеазиатского отделения РГО 1928 Т XVIII

Вяткин В Л Шейхи Джуйбари // В В Бартольду Ташкент, 1927

Гулишамбаров С И Экономический обзор Туркестанского района, обслуживаемого среднеазиатской железной дорогой Ашхабад, 1913, 4 1–3

Гулямов Я Г История орошения Хорезма с древнейших времен до наших дней Ташкент, 1957

Данилевский Г И Описание Хивинского ханства // Записки РГО 1851 Кн V

История Казахской ССР с древнейших времен до наших дней Алма-Ата, 1949 Т 1

История народов Узбекистана Ташкент, 1955 Т 1, 1947 Т 2

Кисляков И А Патриархально-феодальные отношения среди оседлого сельского населения Бухарского ханства в конце XIX — начале XX в М , 1962

Масальский В И Туркестанский край // Россия СПб , 1913 Т XIX

Материалы Всероссийских сельскохозяйственных переписей 1917 и 1920 гг Ташкент, 1924–1925 Вып I–III

Миддендорф А Ф Очерки Ферганской долины СПб , 1872

Положение об управлении Туркменским краем 12 июня 1886 г // Полн собр законов Российской империи СПб , 1888 Т VI № 2814

Рассудова Р Я Термин «ходжа» в топонимии Средней Азии // Ономастика Средней Азии М , 1978

Рассудова Р Я Составные компоненты населения Ферганско-Ташкентского региона // КСДСКЧ 1981

Рассудова Р Я Этно-социальный состав водоземельных общин северо-восточных районов Средней Азии К расселению ходжа Начало XX в // КСДСКЧ 1983

Рассудова Р Я К истории среднеазиатского духовенства// КСИЭ 1983

Рассудова Р Я Современные этнические процессы в Узбекистане // КСДСКЧ 1985

Рассудова Р Я Очерки организации войска в Бухарском и Кокаидском ханствах (XIX в) // Этнографические аспекты традиционной военной организации народов Кавказа и Средней Азии М , 1990 Вып 2

Семенов А А Очерки устройства центрального административного управления Бухарского ханства позднейшего времени // Тр Тадж АН 1954 Т 613 XXV Вып 2

Семенов А А Бухарский трактат о чинах и званиях и об обязанностях носителей их в средневековой Бухаре // СВ 1948 № 5

Современный кишлак Средней Азии Ташкент, 1924–1925 Вып I-XI

Федоров Е Очерки национально-освободительного движения в Средней Азии Ташкент, 1925

Фитрат Три документа по аграрным вопросам в Средней Азии // Записки Института востоковедения АН СССР Л , 1933 Вып II

Р. Р. РАХИМОВ

«СОГЛАСЕН ОТЕЦ — СОГЛАСЕН БОГ» (К проблеме власти и управления в культуре народов Центральной Азии)*

Плутарх говорит что «домом и очагом его» водительствует каждый, в то время как «водительствовать царствами и государствами случается немногим» [22, с. 252]. Слова древнегреческого писателя и историка подвигли меня проанализировать, каким образом соотносятся «водительство» домом и очагом и государственное управление («водительство»). Действительно, и сегодня глава государства Центральной (Средней) Азии зачастую именуется *отцом нации*, в результате чего население такого государства уподобляется *семейству*. Словом, речь пойдет о политической культуре народов Центральной Азии, и прежде всего таджиков, населяющих не только территорию Республики Таджикистан (РТ), но и такие исторические центры, как Самарканд, Бухара на территории Республики Узбекистан (РУ). Следуя логике заявленной темы, начну с анализа основ власти и управления с традиционной таджикской семьи.

Принято считать, что господствовавшая в прошлом большая патриархальная семья у таджиков уже в начале нашего века потеряла свою самостоятельность; хотя ее некоторые характеристики сохраняют значимость и в наше время [19, с. 13–24]. В процессе развития этой архаической формы семейной общины выделилась «неразделенная семья» [19, с. 14], а последняя «фракционировала» в малую (нуклеарную) семью, состоявшую из одной брачной пары с детьми (в ряде случаев она включает одного или обоих престарелых родителей главы семьи). Наши полевые наблюдения в районах Центральной Азии показывают, что в настоящее время главную роль играет малая семья, удерживая, однако, многие черты, которые были характерны для больших патриархальных и неразделенных семейных отношений [11, с. 47].

---

* Этнические аспекты власти / Под ред В В Бочарова. СПб.. Изд-во СПбГУ, 1995 (печатается с изменениями и сокращениями).

© Р. Р Рахимов, 2007

Будучи, как правило, патрилинейным и патрилокальным образованием, современная сельская семья, отпочковавшаяся (главным образом в советский период) из неразделенной семьи, начинает интенсивно терять черты еще недавно господствовавшей эндогамности. Представляется целесообразным начать разговор с характеристики властных отношений в неразделенной семье.

1. Лидерство в неразделенной семье. Большая патриархальная семья у таджиков в горных районах основывалась «на принципах агнатного родства. Такие семьи обычно состояли из одного или нескольких стариков-братьев или агнатных двоюродных братьев с их женами, их сыновей, женатых на девушках, взятых из других семей, а также незамужних дочерей, выдававшихся затем, как правило, замуж в другие семьи, детей этих сыновей, т. е. внуков старшего поколения — сыновей постоянно, дочерей до замужества, — а также часто детей внуков старшего поколения, т. е. правнуков» [11, с. 31–32]. Каждая малая семья этого рода — муж, жена и малолетние дети — занимала отдельное помещение. Неразделенная земля, которая была коллективной собственностью семьи, обрабатывалась ее собственными силами. Пища приготовлялась для всех в общем котле. Ели все вместе. Она «раскладывалась отдельно для старших мужчин, отдельно для мужчин помоложе, женщин, подростков». Глава семьи именовался *калони хона* или *калонтари хона*, т. е. «большой или наибольший в доме» (по нашим наблюдениям, в форме *калон* глава семьи именуется и в наше время). Чаще всего это был старший в семье мужчина. После его смерти преемником его становился обычно старший сын. «Все слушались его беспрекословно, и никому не могло прийти в голову выйти из повиновения главы семьи» [11, с. 36]. Домашними женскими делами ведала старшая женщина. Молодые члены патриархальной семьи, подростки и дети были всецело подчинены авторитету старших, которые, в свою очередь, обычно повиновались главе общины. Домоправительницей была мать [11, с. 38, 41].

Элементы большой патриархальной семьи сохранялись в неразделенной семье, представлявшей собой значительный коллектив разновозрастных и разнопоколенных людей — два-три, иногда и более женатых сыновей с их детьми; встречались случаи, когда семья включала также женатых внуков, разведенных дочерей, сестер с их малолетними детьми и т. п. Как и во многих странах Востока, выразителем ее единства выступали наделенные авторитетом, правами и властью престарелые родители, которые в каждом конкретном случае могли одобрить или, наоборот, не одобрить то или иное поведение членов первичной ячейки. Поэтому малая семья в реализации своих идей и планов лишалась самостоятельности и независимости при выборе жизненного пути. Полагалось решения малых ячеек согласовывать с установками

главы семьи *(калони оила)*, которые были ориентированы на поддержание равновесия в жизни неразделенной семьи. Это давало право ее главе держать в своих руках практически всю полноту властно-управленческих функций. Семейный клан обычно назывался его именем. Поэтому всякого рода приглашения на семейные события односельчан или на мероприятия общественного характера адресовали ему; в необходимых случаях делалась формальная оговорка, что он приглашается с членами его семьи *(ахли оила)*. Под *ахли оила* понимались женатые сыновья или внуки.

Калони оила как представитель клана участвовал во всех внешних сношениях. Привилегии *калони оила* распространялись на многие другие бытовые моменты. Он имел свое постоянное, наиболее почетное место при сборах членов семьи по различным поводам, торжественных или траурных ритуалах. Их имена при жизни или после смерти наследовали внуки. В таком случае окружающие обращались к этим детям не по их реальным именам, унаследованным от умерших или живых предков, а по соответствующим терминам родства (подробнее см. [23]).

Глава неразделенной семьи концентрировал социально-экономические нужды и потребности ее членов. Его непосредственное участие в трудовых процессах, вследствие преклонного возраста, носило посильный характер. Тем не менее он оставался лидером семейного клана. «Символом власти старейшины являлись ключи от различных помещений и кладовых. Все имущество семьи находилось в руках *калонтари хана* — рабочий скот, сельскохозяйственные орудия, запасы зерна, различное сырье» [11, с. 36]. Это в полной мере относилось и к главе неразделенной семьи — *калони оила*. Даже в наше время женатые сыновья, живущие в родительском доме, зарплату и другую выручку отдают отцу, который распределяет их по своему усмотрению на нужды всей семьи. Часто случается, что престарелые отцы в ведомостях учета зарплаты расписываются за сыновей и получают, таким образом, причитающуюся тем зарплату. Это считается нормальным явлением. *Калони оила* остальными членами семьи воспринимается как управитель. Его авторитет как руководителя зиждется на том, что он воспроизвел семью и семейную традицию, на опыте и знаниях. *Калони оила* отправляет семейные обряды и ритуалы.

В прошлом права и обязанности *калони оила* более зримо ощущались в идеологической жизни семьи. На него смотрели как на старца (*пир*), у которого «мудрость опытами жизни приобретена» [7, с. 24]. Окружающие относились к нему как к лицу, воплощавшему живую память в ее концентрированном выражении, как к носителю не только традиции семьи, но и этнической культуры в целом. Седобородый старик олицетворял собой живого прародителя семейного клана. Поэтому, пока старик жил, никто не оспаривал его власть и не претендовал

на нее. Знание позволяло главе семьи в необходимых случаях апеллировать к опыту предшествующих поколений. Старцам, перешагнувшим пик наибольшей активности в жизни, обычно свойственна высокая нравственность и приверженность морально-этическим нормам и принципам. Они служили табулой жизни; прожитая ими жизнь была эталоном для других, которую те стремились воспроизвести. Глава неразделенной семьи был для ее членов главным религиозным авторитетом. Это не только приносило уважение, но и создавало установку на повиновение ему. В вопросах обрядности и религиозной идеологии *калони оила* воспринимался остальными членами как последняя инстанция.

Вообще деды и бабки — знатоки культуры предков — в первую очередь формировали духовные потребности детей, вводя их в мир традиционной культуры, рассказывали им сказки, притчи, мифологические предания, создавали различные игровые ситуации. Они поощряли активность детей в процессе вхождения в жизнь взрослых. Привязанность к дедам и бабкам была связана еще с тем, что те не прибегали к репрессивным методам воспитания, создавая атмосферу эмоционального и психологического тепла. Эти бескорыстные воспитатели в представлении детей являются их надежными защитниками, особенно в тех случаях, когда родители или братья и сестры иногда в порыве гнева допускают чрезмерную строгость к ним. Общение с внуками полезно и для стариков, которые через них знакомятся с новыми «ненормальными» формами поведения, которые в результате начинают получать у них «нормальную» оценку. В целом деды и бабки служат эталоном поведения не только для детей, синтезирующих традицию и современность, но и для взрослых членов родительской семьи в ее максимальном варианте. Не случайно современная политическая элита все же часто обращается к авторитету местных стариков, и даже создаются советы старейшин с консультативными функциями.

В Кабуснаме мы находим наставления о том, как детям и юношам следует обращаться со стариками. Если юноша делает что-либо ненадлежащее, старец стремится воспрепятствовать ему в этом, «ибо старцы знают многое, чего юноши не знают» [27, с. 34]. Автор средневекового сочинения остерегает сына от глумления и возвеличивания себя над стариками. «Старец-то своего желания добился и плоды его пожал, а юноше хуже: может быть, он добьется этого желания, а может быть, и нет» [27, с. 34]. Средневековый педагог настоятельно рекомендует сыну уважать стариков, «ибо, если грубить старикам, отвечать придется» [27, с. 34]. В этой связи Унсуралмаали Кайкавус приводит в назидание сыну следующий рассказ: «Слышал я, что был один столетний старец. Согнулся он пополам и шел, опираясь на посох. Юноша в насмешку сказал: "Эй, шейх, за сколько ты этот лук

купил, я себе тоже куплю". Старик ответил: "Если доживешь, да подождешь, так и даром тебе подарят"» [27, с. 34]. Писатель призывает сына к сострадательному отношению к старикам. «Ведь жизнь человеческая подобна солнцу: солнце юношей на восточном горизонте, а солнце стариков на горизонте западном, и знай, что солнце, которое на западном горизонте, уже садится» [27, с. 35]. И сегодня современные «отцы наций» в Центральной Азии часто апеллируют к мнению стариков, создавая, таким образом, видимость их востребованности в делах государственной важности.

2. Лидерство в малой семье. Малая семья представляет собой триединый мир отцовства, материнства и детства. В статусном отношении первую позицию табели о рангах занимает отец семейства, за которым следует жена (мать) и дети в зависимости от возраста. За каждым звеном единой цепи, образующей семью, закреплен определенный набор видов деятельности. Существующая схема иерархических отношений, которая разграничивает функции и обязанности по полу и возрасту, в конечном счете отражает объемы прав, притязаний и обязанностей каждого члена семьи.

Как в советский период, так и в новое время внедомашние функции в большинстве своем закреплены за мужем, в то время как домашние роли ассоциируются преимущественно с женой. Разграничение ролей на собственно мужские (отцовские) и на собственно женские (материнские) носит нормативный характер. В наборе ролей, закрепленных за мужем и отцом, господствуют два направления. Во внутрисемейных ролях муж (отец) заботится об обеспечении жены и детей жильем, пропитанием и одеждой. Советский строй создал условия для вовлечения женщин в различные сферы производства, науки, культуры, образования, медицины и т. д. Но семейным бюджетом все равно ведал глава семьи. В его ведении находятся ключевые позиции, а именно вопросы обмена, купли и продажи излишков скота, имущества и других ценностей. Муж и отец занимается сельскохозяйственными работами, несет обязательства по строительству или ремонту жилища и других строений.

Второе направление деятельности женатого мужчины связано с реализацией властно-управленческой функции. Он не только сам трудится на благо семьи, но и направляет деятельность остальных членов семейного коллектива, отдавая распоряжения относительно заготовки сена, ухода за домашними животными, обеспечения семьи топливом. Он принимает решения в связи с организацией и проведением семейных обрядов (обрезание сыновей, свадьбы, похороны, поминки). Отец возглавляет домашние культовые церемонии, наделен правом приема приезжих и местных гостей. Обычно он — член местных органов самоуправления (*маслихат*; *мачлис*) или инициативных групп, член

«мужского дома» [25]. Мужу (отцу) принадлежит также обязанность поддержания мира и согласия в семье, обеспечения ее безопасности; он регулирует взаимоотношения семьи с окружающими. Можно сказать, что именно на обязанности главы семьи кормить и содержать семью и покоятся основы Patria Potestas [21, с. 115]. Эти обязанности определенным образом выступают выражением «легитимации» прав и притязаний мужа (и отца) на повиновение ему остальных членов.

Об основных обязанностях отца кормить и содержать сыновей до совершеннолетия, а дочерей до выхода замуж говорится еще в Сасанидском судебнике [21, с. 115]. То же мы находим в уже упоминавшейся Кабуснаме. Здесь, как и в Коране, родители выступают как бы равновеликими субъектами правовых отношений. С точки зрения автора Кабуснаме, «наименьшая причина уважения к отцу и матери уже хотя бы то, что они оба — посредники между тобой (сыном. — *Р. Р.*) и Творцом твоим... И поскольку ты уважаешь Творца своего, соответственно тому нужно уважать и посредников» [276, с. 20]. Одним словом, родителей следует уважать на том основании, что они посредники между богом и детьми. Подобная концепция отношений «родители–дети» отражена и в Коране, согласно которому любовь детей к родителям должна уступать лишь перед верой. Там говорится: «И завещали мы человеку его родителей ... Благодари меня и твоих родителей» [14; 31; 34].

Унсуралмаали Кайкавус, уделивший большое внимание вопросам воспитания, остерегает сына от возможного пренебрежения правами родителей. Ссылаясь на коранический стих: «Повинуйтесь Аллаху и повинуйтесь посланнику и повелителю вашему», он уточняет, что «повелитель — тот, у кого и приказ и власть. А отцу и матери дана власть вскормить и приказ научить» [27, с. 20]. Здесь перед нами выступает еще один образ родителей: они — повелители. Отношение к родителям как к повелителям базируется на их «власти вскормить». Концепция власти, основанной на обязанности кормить и содержать, обязывает родителей давать своим детям тот объем заботы и опеки, что получали они сами от тех, от кого родились. По Унсуралмаали Кайкавусу, в этом случае власть родителей обязывает их поступать с детьми так, как если бы с ними поступали их собственные родители. Важно подчеркнуть, что уважение детей как получающих «пропитание» [27, с. 17] к родителям у автора Кабуснамы зиждется на признании первыми права и власти вторых как «подателей» средств существования [27, с. 17].

Коран и Кабуснаме не разграничивают властных функций родителей; детям предписывается к ним одинаковое уважение и повиновение. Из этого следует, что в традиционном обществе домашние обязанности, выполняемые замужней женщиной, и внедомашние обязанности,

ассоциирующиеся с женатым мужчиной, не могут быть сопоставимы друг с другом с точки зрения значимости одних и незначимости других. Они представляют собой одинаковую ценность. Это позволяет понять, почему автор Кабуснамы ставит знак равенства в отношении детей к отцу и матери. Хотя в другом месте своего сочинения он призывая сына к выполнению «велений Господа Всевышнего», утверждает, что веление состоит в том, «чтобы почитать отца твоего» [27, с. 20]. По-видимому, это мотивировано еще доисламской традицией. Так, А. Г. Периханян отмечает, что в нескольких статьях Сасанидского судебника говорится о неповиновении детей отцу, причем проступок этот приравнивается к неповиновению раба господину [21, с. 114]. Необходимость почитания отца вытекает также из отмеченных выше основных особенностей самой традиционной семьи как патриархального, патрилокального и патрилинейного института.

Материализация властных функций главы семьи в повседневной жизни современных таджиков выражается в том, что он охраняет женскую верность. Еще в относительно недавнем прошлом женщине запрещалось выходить из дома без покрывала (*фаранджи*) с лицевой занавеской (*чимбанд*). Глава семьи должен был оберегать от взоров посторонних мужчин не только жену, но и взрослых дочерей. В вопросах воспитания отец реализует свои властные функции, используя различные меры наказания, предупреждения, одобрения или неодобрения соответствующего поведения членов семьи. В вопросах нравственного воспитания отец прибегает к наставлениям, назиданиям или разного рода апелляциям.

Посягательство на авторитет главы семьи со стороны детей расценивается как акт величайшего греха, наказуемого на том свете. Соблюдение авторитарного положения отца выражается в том, что во время поучений детям полагается слушать его в позе смирения, опустив голову. Им нельзя смотреть в этот момент отцу в глаза. Это квалифицируется как выражение вызова или проявление неповиновения, а потому недопустимо и наказуемо.

Эгоцентризм главы семьи по его отношению к жене и детям имеет определенное ритуализированное оформление. У современных таджиков жених во время свадебного обряда именуется *ша* (шо/х), т. е. «князь», «царь», «государь»; другие (диалектные) формы этого термина — *подшо, пошшо (поччо)* [10, с. 96 и след.; 24, с. 72]. На Зеравшане родственники со стороны жены обращаются к ее мужу, называя его термином *поччо*. Теперь этот термин выражает просто идею «зять».

Существует табу на употребление его личного имени женой и детьми; жена обращается к мужу, называя его именем первого по времени рождения ребенка или адресует ему выражение *дадеш* (Самарканд, Ходжент), т. е. «отец наших детей». Владыка семьи имеет

только ему принадлежащее место в жилом помещении. Оно — обычно у задней стены, считается наиболее почетным; место уступается лишь старшему по возрасту или гостю. Главенствующее положение первого лица семьи выражается в том, что он первым начинал трапезу, ел отдельно от женщин и детей, которые ему при этом прислуживали [11, с. 42]. Раньше в богатых семьях, если не было на то особых причин, не полагалось обедать без мужа и отца. Обед, необходимым элементом которого была горячая пища, как правило, приурочивался к приходу домой главы семьи, т. е. к вечеру. Исключение составляли выходные и праздничные дни. В дневное время остальные члены семьи обходились чаем с лепешками, молочными продуктами, свежими или сухими фруктами.

Глава концентрировал в своих руках экономическую сферу жизни семьи. Основная часть семейной собственности ассоциировалась с именем мужа и отца. Он ведал также религиозной сферой жизни семейного образования. Когда дети обращаются к отцу, называя его *дода/дада* («отец», «папа»), они его воспринимают как источник добра и подспудно у них рождается к нему отношение как к творящему добро началу.

Существовавшие образы первого лица семейной иерархии — владыка, повелитель, посредник между богом и детьми ставили его практически на одну ступеньку с пророком, который, согласно принципу политии в странах традиционного распространения ислама, считается наместником Аллаха на земле. Сакральность власти первого лица семьи утверждала принцип единовластия, способного не только организовывать, не только обеспечивать материальную и духовную потребности жизни подвластных членов, но и охранять, а в необходимых случаях и спасать их. Перефразируя слова С. Л. Франка, можно сказать, что права и обязанности мужа и отца на отправление властных функций «суть производные следствия из его единственного права — права на служение» [28, с. 399]. Все это вместе взятое требует послушания и следования примеру и призывам главы современной семьи. Для реализации своих властных функций он прибегает к использованию или применению соответствующих форм наград, поощрений или, наоборот, пресечения действий, которые могут угрожать нормальному функционированию родственной группы.

Тут нужно вспомнить термин *кадхуда* (в разговорной форме *каслгудо*). В современной таджикской среде Ферганской долины, а также на Зеравшане пожилые люди употребляют его для обозначения социально-возрастной группы женатых мужчин. *Кадхода*, по-видимому, восходит к katak xvatay Сасанидского времени [21, с. 113]. Выделим лишь некоторые его значения, чтобы дать читателю возможность почувствовать «родство» отца семейства и отца нации в отправлении

ими властных функций. Данное наименование применяется и по отношению к социально-возрастной группе замужних женщин. Тогда оно звучит как *кайвону/кайбону* (лит. *кадбону* с первоначальными значениями «барыня», «госпожа», «госпожа дома и семьи»). В наше время *кайвону* употребляется в основном в значении мастерицы управления домом и семьей; преимущественно это предполагает значение «мастерицы прекрасных блюд (кулинарии)».

Термины *касхудо* и *кайвону* восходят к одной и той же древнеобщеиранской основе *«кат» (кад, кед)*, что значит «дом», «семья», «семейное образование». Поэтому мы можем допустить, что основное значение употребляемого в новое время термина *касхудо* — «мужчина», «муж», «хозяин дома», «глава семьи (семейного образования)». Также термин *касхуда* прилагался к старосте различных уровней, например, его отвлеченная форма *касхудоиив* словарях переводится как «должность сельского старосты» [18, с. 395]. Причем вторая часть анализируемого термина — «... *худа*» — в буквальном переводе означает «бог», «божество». В согдийскую эпоху во главе Бухарского владения стояла династия *бухар-худат*'ов. По-видимому, в Иране и в Центральной Азии был известен также термин *шахрхуда* в смысле «правитель области». В. В. Бартольд подчеркивает, что в мусульманский период идеальный *кадхуда (кедхуда)* в Средней Азии именовался *«кедхуда мира»* [5, с. 210]. В итоге мы имеем дело с целым конгломератом значений термина *кадхода*. В этом семантическом сгустке — верховные владыки многих уровней. Они суть верховные владыки дома, семьи, семейной общины (рода, племени), квартальной общины, села, района, области, Бухары, страны, мира и неба. Становится ясно, из каких мыслительных источников черпает свое происхождение величание первых лиц (президентов) современных государств Центральной Азии, декларирующих идеи правового государства.

3. Культурно-политическая ориентация. Анализ политической жизни в государствах Центральной Азии (РТ, РУ) советского периода свидетельствует, что она несла в себе мощный пласт традиционной политической культуры. Это отчетливо можно было наблюдать на примере традиционного для социальной организации таджиков института *туи салладор*. Церемония *туи салладор* представляла собой своеобразный смотр населением *сарбоз*'ов (букв. «воинов») состоятельных и влиятельных лиц, который приурочивался к обряду обрезания сыновей. Колониальными властями эта церемония была запрещена, но обнаружила способность к воспроизводству в советскую эпоху.

Туй в лексике оседлого населения Центральной Азии означает семейное празднество по случаю семейных событий, в данном случае по поводу традиционного обрезания группы мальчиков. Расходы по организации угощения населения, а также устройству всевозможных

увеселений и зрелищ типа *туи салладор* брала на себя одна семья, обычно наиболее состоятельная. Это укрепляло авторитет ее главы в среде однообщинников. Он именовался падишахом или кази-судьей. *Туи* советского времени, конечно, не сопровождались «парадами воинов». Зато масштабы расходов на угощения и разного рода развлечения (например, устройство козлодрания — *улок/бузкаши)* возросли многократно. Стала популярной модель, при которой каждый очередной устроитель празднества старался не отставать или, еще лучше, превосходить предыдущего. Смысл соревновательности в помпезных *туях* был в том, чтобы прославиться самому и прославить сына, начиная с 5–7-летнего возраста. Большие *туи* стали устраивать руководители колхозов (*раис*) и вообще «первые лица» режима на местах. Словом, представители новой власти, получившие ее «по счастливому сочетанию звезд», стали использовать запрещенные прежде механизмы традиции для укрепления собственного авторитета.

Положение *раисов* было двойственным. С одной стороны, они вроде бы выступали убежденными проводниками официальной идеологии, непримиримой к «пережиткам», с другой — оказывались во власти культурных традиций. Таким образом, новая идеология окрасилась в местный мировоззренческий колор. Эти данные в полной мере подтверждают справедливость высказанной В. В. Бочаровым точки зрения о воспроизводстве советскими руководителями стереотипов поведения, «характерных для традиционных лидеров или, во всяком случае, приписываемых этим лидерам» [6, с. 33]. Проявления традиционных поведенческих стереотипов наблюдались даже на высоком уровне партийно-государственной иерархии. Символы традиционной культуры использовались функционерами для укрепления своих властных позиций.

В результате представители властной элиты у таджиков в советский период стали восприниматься местным населением земельными и прочими собственниками по обычному праву. Празднества, которые они устраивали в соответствии с традицией, служили не только демонстрацией «богатства», они придавали ему легитимность в рамках таджикской культуры.

Новые хозяева осознавали, что как членам мусульманской общины (*уммат*; араб. *умма*) им полагается платить налоги (пожертвования) с имущества в пользу бедных (*закот*; араб. *закат*). Но в условиях, когда ислам был запрещен, они вынуждены были использовать механизмы традиции, в первую очередь *туи*. Устраиваемые празднества, таким образом, стали выступать в качестве своеобразного «ритуального очищения» собственности, которую они символизировали. Благодаря этому власть местной коммунистической элиты у носителей традиционной таджикской культуры обретала легитимность. Она продолжала

восприниматься как хозяин материальных ресурсов, как «кормилец», на чем, как мы помним, основывался авторитет главы семьи.

Показательно в этой связи, что в дни августовского (1991 г.) путча в Таджикистане некоторые коммунисты, бывшие активистами борьбы с исламом, резали баранов и звали людей на жертвенные угощения (*худоии*) с целью умилостивления мусульманских святых для помощи путчистам. Таким образом, они старались использовать мусульманскую обрядность для сохранения прежнего режима, который ассоциировался у преобладающей части местного населения именно с монополией власти на собственность. И сегодня одна из современных форм землепользования в РТ, определенной указом Президента Республики, крестьянами осмысленно называется «президентской землей». Демократы же, с точки зрения традиционного мировосприятия, лишены общественной собственности, а вместе с нею и атрибутов власти, которыми обладала бывшая коммунистическая элита (дома, дачи, лимузины, аппарат, институты поощрения, карательные институты и т. п.). Поэтому, стремясь стать собственниками, чтобы обрести авторитет у населения, они неизбежно попадают во *власть коррупции*. Иными словами, и в наше время «богатство» создает основу для почитания власти.

Устойчивость традиционной политической культуры проявляется и в этикетных формах. В частности, в ряде случаев имеет место использование традиционных титулов, что было запрещено сразу после установления советской власти. Например, нынешнего президента РТ величают *джаноби оли* («Ваше/Его Превосходительство»). О главе государства говорят также *калон* (букв. «большой», «великий»). Как отмечалось выше, *калон* применим также к главе современной семьи. В одной из песен, которую исполняет популярный в Таджикистане певец, Президент Республики воспевается как духовный руководитель нации (*имам* — от первой части имени Президента — ***Имам***али Рахмонова). В Туркмении Президент славится едва ли не тенью Аллаха. Президент Узбекистана также часто именуется «отцом нации». Интересно и то, что главы современных областных и районных уровней власти в РТ и РУ именуются *хоким* («правитель», «владыка»). В Центральной Азии этим, арабским по происхождению, термином в досоветский период обозначались главы местных округов.

В то же время наблюдаются тенденции сохранения тех досоветских этикетных форм обращения во взаимоотношениях «старший - младший (по должности)», которые были переосмыслены (частично переиначены) в советский период. Так, нижестоящие чины и ранги к вышестоящим обращаются, называя их *муаллим* («ученый», «наставник», «учитель»). Отметим, что в традиционном обществе авторитет *муаллима* был непререкаем. Существовал особый культ учителя-на-

ставника. Абсолютный авторитет *муаллима* приводил к личной подавленности учеников. *Муаллим* взыскивал с учеников порой без жалости. Он исходил из понимания, что пусть лучше ученик будет бит, пусть он плачет, чем останется дурным, не соблюдающим образцов установившихся принципов. Родители к этому относились терпимо. У таджиков существовала поговорка: *«Джабри устод бех аз мехри падар»* («Строгость наставника лучше, чем отцовская ласка»). Средневековый моралист Са'ди по этому поводу писал: «Если наставник или учитель не строг, дети будут играть на базаре в "медвежонка"». Форма обращения в известной мере определяет и содержание отношения к власти. И сегодня младшие чины подчинены вышестоящим начальникам, не помышляя о собственном мнении или самостоятельных суждениях, находясь всецело во власти сановных «учителей». Отметим здесь же, что раньше отцы, приводя своих детей в традиционную школу *(мактаб)*, учителю говорили: *«Хамин бачая гушташ а шумою пусту устухонаш — а мо»* («Мясо этого ребенка ваше, а кожа да кости — наши»). То же самое говорилось, когда они в первый раз приводили своих сыновей к начальнику традиционного «мужского дома».

Культура приписывает наставнику и учителю способность «духовного видения». «Духовный наставник — это не только советчик... но и ответчик за своего ученика перед Богом» (10, с. 171, 172). Отсюда и беспрекословное подчинение наставнику и обязательное исполнение всех его указаний. В Центральной Азии и сегодня встречается немало семей, которые имеют своих духовных патронов в лице *ишанов*. По мнению А. Б. Зубова, «о каком бы обществе ни шла речь... какой бы религиозной традиции мы ни касались, в любом случае практика духовного руководства, как бы она ни различалась внешне, обязательно строится на принципе послушания младшего старшему, мирянина аскету. Государственная власть в восточном традиционном обществе во многом подтверждает этот центральный аскетический принцип» (10, с. 173). Более того, нынешние властители активно пользуются услугами колдунов, знахарей и ясновидящих.

Современным чиновникам весьма импонирует, когда их называют *домулло* («большой ученый»). Этим подчеркивается то, что они являются авторитетами в области мусульманской науки и религии. Раньше этот термин закрепляли за почтенными стариками, компетентными в области ислама. Также является нормой, когда к чиновникам обращаются, используя арабское *раис* («голова», «глава»). Раньше так обращались к полицейским; *раис*, кроме того, был блюстителем нравственности. Дело в том, что по традиционным меркам не полагается обращаться к властным персонам по имени (или по имени и отчеству). Это было табуировано, как, впрочем, произнесение вслух имен мифологических богов [8].

Традиционные символы, которыми манипулируют современные чиновники, уходят своими корнями в семью как институт первичной власти и управления, в центре которого лежит сакрализованная фигура главы семейства. И в семье, и в государстве лидеры именуются владыками и посредниками между богом и людьми. Глава семьи традиционной культурой воспринимался отцом родственного коллектива, в то время как политический лидер — отцом нации. Итак, в данной культуре глава государства обречен воплощать собой выразителя патриархальных отношений. Поэтому данные руководители сохраняют лишь внешние атрибуты, характерные для демократического правления, которое по содержанию остается традиционным. Таджикская поговорка «Не отправляйся в путь без старца, будь ты даже Александром Македонским», часто адресуется главе государства. Это свидетельствует о том, что правитель продолжает восприниматься подданными как наставник, их духовный отец.

Нынешняя политическая элита в государствах Центральной Азии декларирует построение справедливого общества. Однако при ближайшем рассмотрении видно, что «справедливость» уходит своими корнями в популярные мифологические сюжеты, вплетенные в ткань поэтических образов классиков таджикско-персидской литературы. Здесь добрый и справедливый правитель выступает в качестве главного мифологического героя. Современные мифы, повествующие о богатстве и предопределенности как источниках власти, рождаются по заказу из резиденций нынешних правителей.

4. Власть от предопределенности. Как известно, Тимур «не обладал образованием, не знал даже грамоты» [2, с. 160]. Незнатное происхождение многих лидеров большевиков — факт общеизвестный. Некоторые первые лица в Центральной Азии не умели даже расписываться под «своими» распоряжениями. Для этого им приходилось окунать палец в чернила. В этой связи люди обычно вспоминают Юлдаша Ахунбабаева (1885–1943) — председателя ЦИК Узбекской ССР (1925–1938 гг.).

По пришествии к власти Тимура была «создана легенда, будто его предки на основании договора, возобновлявшегося несколько раз и забытого в смутный период, были полновластными эмирами при потомках Чингисхана» [2, с. 158]. Благодаря созданному мифу Тимур, выходец из монгольского племени *барлас*, в конце концов, прославился как *сохибкирон* — «обладатель счастливого сочетания звезд». Ныне в Узбекистане ему воздвигнуты памятники, по замыслу воплощающие образ предка нации. Путь к власти открывают не только знатное происхождение и материальное богатство, но и бедность, а также простое происхождение. Об этом свидетельствуют исторические предания. Например, родоначальник династии Сасанидов — Сасан из рода Дария

был пастухом; он пас овец. Однако в мифе фигурируют образы барана, быка, лошади и хищных птиц, которые почитаемы иранскими народами в качестве воплощенных богов. Словом, Сасан уподобляется божеству. Подобные мифы носят универсальный характер. В древнегреческой мифологии пастухами являются не только будущие владыки, но и боги. Так, бог Гефест охраняет стадо коров, у царя Эрикса, сына Посейдона, имеется стадо коров [15, с. 139] и т. д. Итак, власть бедных также легитимна, если они богаты в духовном смысле. В этом отношении интересен рассказ современного таджика, зафиксированный мной в 1991 г. в Пенджикентском районе.

Предание повествует, что в стародавние времена неожиданно умирает правитель страны. Народу предстояло выбрать нового царя. Но дебаты затянулись, долгое время не удавалось достичь консенсуса. Тогда поступило предложение выпустить в воздух над собравшейся толпой птицу *куш* («сокол»). Мол, на чью голову куш опустится, тот и станет царем. Сокол облетел толпу раз, облетел два и сел на голову бедного человека, который зарабатывал себе хлеб тем, что таскал на спине вязанки колючки (*хор*) и продавал людям*. Толпа недоумевала, говоря: «Это недоразумение». Тогда решено было выпустить птицу во второй раз. Она парила, парила и снова опустилась на голову того же *хоркаша* (букв. *таскатель колючки*). Люди требовали выпустить ее в третий раз. Результат оказался тот же. Тогда в прошлом *хоркаш* Айас был объявлен владыкой страны, который, согласно преданию, много сделал для ее процветания. Обветшалые сапоги Айаса из сыромятной кожи до конца его царствования висели на фасаде царского дворца. Они напоминали и властителю и подвластным: со всеми происходит то, что предопределено Небом.

В рассказе также содержится идея необходимости власти, так как безвластие ведет не только к анархии и беззаконию, но и к погибели человеческого рода. В Законах Ману говорится о царской дхарме: «Когда люди, не имеющие царя, расселялись во все стороны от страха. Владыка создал им царя для охраны всего этого (мира)» [10, с. 186]. Владыка — наместник бога, который призван, по словам Низами Арузи (XI–XII вв.), «поддерживать законы его и обычаи... затем, чтобы эти законы восстанавливать и эти обычаи скреплять, — а также, — утверждать толпу в строгости» [20, с. 35, 36]. В данном рассказе, как в зеркале, отражена концепция традиционной политической культуры таджиков. «Сокол» выражает как бы волю абсолюта при выборе падишаха, который санкционирует власть последнего. В этом отрази-

* Вариант этого рассказа зафиксирован нами в устном повествовании современных таджиков на Зеравшане На его основе строится женский обряд *биби чоршанбе* («святая дня среды»), который выполняется и в наше время по средам для нейтрализации негативного аспекта этого дня недели

лось представление ираноязычных народов о богоизбранности власти Выбор же птицей бедняка-дровосека иллюстрирует представление о божественной предопределенности. По исламу, «дела людские записаны на тщательно охраняемой скрижали еще до Сотворения мира» [17, с 106]. По бытующим сегодня среди таджиков представлениям, человек рождается со скрытой печатью на лбу — *пешона*, знаки на печати называются *такдир* или *кисмат* Считается, что эти знаки суть книга жизненного пути человека. Человек приходит в мир в тот час и уходит из него в тот час, как это установлено в книге (или знаками на лбу). Данное космогоническое представление из древних религиозных верований ираноязычных народов ныне воспринимается ими как один из догматов веры, относящихся к исламу.

Понимание власти как дара Неба отчетливо прослеживается в Бехистунской надписи в словах ахеменидского царя Дария [9, с 262 263]. Александр Македонский прославился на Востоке как Искандар Зулькарнайн, т. е. Александр Двурогий Рога же символизировали божественное происхождение [9, с 14, 13, гл. 8, с. 1–27]. Древнюю традицию представлений о богоданности власти продолжил ислам, интегрировавший в том числе идеологические представления иранских народов. Еще долго после Пророка Мухаммеда истинным хозяином мусульманской державы признавался Бог. Даже имущество государства называлось божьим. Державой, как считалось в период ислама, следует управлять по книге Бога [5, с. 104]. Коран служил не только для богослужебных целей. Суд также должен был производиться по книге Божьей. Первоначально правитель *уммы*, т. е. мусульманской общины, именовался «халифат расул Аллах» — преемник посланника Господня. Халиф, «по ортодоксальным представлениям, не может не происходить из клана курейшитов — клана Пророка». Вскоре, однако «эта идея заместилась традиционной: правитель — пастырь бога» [10 с. 187].

В средневековье существовал взгляд на политию, согласно которому Пророк мыслится наместником Аллаха, *имам* — наместником Пророка, а падишах — наместником имама. Но знаменитый Фирдоуси оспаривает это. Он утверждает, что «Пророчество и шахство рядом, без сомненья, Как в перстне рядом драгоценные камни». Сам Пророк говорил: «Религия и власть — близнецы, т. е. вера и царство — два брата-близнеца, кои и в форме, и в сути не имеют друг перед другом ни избытка, ни недостатка» [20, с. 36] Саади по этому поводу высказывался, что «величие и власть» принадлежат Господу» [26, с. 83] В другом месте средневековый писатель Саади устами некоего царя говорит: «Господь всевышний сделал меня владыкой этой страны» [Там же, с. 84]. Идея «власть от бога» находит свое отражение в системе титулатуры правителей средневековья или в текстах эпистолярной или

государственно-политической направленности. В них властелины восхваляются в формулах «Богом вспособляемый», «благороднейший во Вселенной», «Солнце небес» или «Да сделает Аллах вечным его возвышение» [20, с. 23].

Концепт предопределенности отчетливо фиксирует в сознании современных носителей культуры Несколько лет назад я слышал рассуждения мужчины (Самарканд) в салоне такси, о том, что если тень от крыла орла в полете падает на голову человека еще в детстве, тот, в конце концов, становится правителем страны (в Центральной Азии это достаточно известное представление). Мой сосед говорил об этом, указывая на родительский дом нынешнего Президента Узбекистана. Поразительно, что это представление иранцев было зафиксировано еще Геродотом в контексте восхождения к власти и управлению древнеиранского царя Кира Великого.

Особенность мифа еще и в том, что часто он скрывается в области подсознания, диктуя оттуда ту или иную модель поведения. Поэтому нынешним отцам патриархальных семейств в Центральной Азии, сравшим и «отцами» своих народов благодаря «счастливому сочетанию звезд», не приходится особо беспокоиться о долголетии своих режимов И в самом деле, эти лидеры «сочиняют» Конституции таким образом, что смена их власти, похоже, не произойдет до тех пор, пока не наступит санкция небесной инстанции на ее передачу «достойному» преемнику. Это же, несомненно, свидетельствует об устойчивости главных характеристик традиционной политической культуры народов данного региона, сохраняющихся даже в условиях кардинальных общественно-политических трансформаций.

ЛИТЕРАТУРА

1 *Авеста* Избранные гимны / Пер с авест и коммент И М Стеблин-Каменского Душанбе, 1990

2 *Бартольд В В* История культурной жизни Туркестана Соч Т 2, ч 1 М , 1963

3 *Бартольд В В* История Туркестана Соч Т 2, ч 1 М , 1963

4 *Бартольд В В* Церемониал при дворе узбекских ханов в XVII веке Соч Т 2, ч 2 М , 1964

5 *Бартольд В В* Ислам после Пророка Отделение церкви от государства Сунна Пророка Соч Т 6 М , 1966

6 *Бочаров В В* Этнография и изучение политических традиций общества // Сов этнография 1989 № 3

7 *Виноградов Г* Народная педагогика Иркутск, 1926

8 *Грюнберг А Л , Рахимов Р Р* Этикет у народов Афганистана // Этикет у народов Передней Азии М , 1988

9 *Дандамаев М А* Иран при первых ахеменидах М , 1963

10 *Зубов А Б* Парламентская демократия и политическая традиция Востока М , 1990

11 *Кисляков Н А* Семья и брак у таджиков По материалам конца XIX — начала XX в // Тр Ин-та этнографии АН СССР Нов сер Т 44 М , Л , 1981

12 Книга деяний Ардашира сына Папака / Транскр текста, пер со среднеперс , введ , коммент глосс О М Чунаковой М , 1987

13 Книга Пророка Даниила

14 Коран / Пер , коммент И Ю Крачковского 2-е изд М , 1986

15 *Кун Н А* Легенды и мифы древней Греции Душанбе, 1988

16 *Лухонин В Г* Древний и раннесредневековый Иран Очерки истории культуры М , 1987

17 *Массэ А* Ислам Очерк истории / Пер с фр М , 1962

18 *Миллер Б В* Персидско-русский словарь М , 1960

19 *Моногарова Л Ф* Структура современной городской семьи таджиков (По материалам городов Ура Тюбе и Исфары) // Сов этнография 1982 № 3

20 Низами Арузи Самарканди Собрание редкостей, или Четыре беседы М , 1963

21 *Периханян А Г* Общество и право в парфянский и сасанидский периоды М , б г

22 *Плутарх* Застольные беседы Л , 1990

23 *Рахимов Р Р* Две заметки по антропонимии Зеравшанской долины // Ономастика Средней Азии М , 1978

24 *Рахимов Р Р Кадхудо* от бога дома до Бога Мира // Материалы Междунар конф 28–29 апреля 1999 г СПб , 1999

25 *Рахимов Р Р* «Мужские дома» в традиционной культуре таджиков Л , 1990

26 *Саади* Гулистан / Крит текст, пер предисл и примеч Р М Алиева М 1959

27 *Унсуралмаали Кайкавус* Кабуснаме // Энциклопедия персидско-таджикской прозы Душанбе, 1986

28 *Франк С* Духовные основы общества Введение в социальную философию // Русское зарубежье Л , 1991

29 *Шахермайр Ф* Александр Македонский / Пер с нем М , 1984

ТРАДИЦИОННАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА В РЕСПУБЛИКАХ БЫВШЕГО СССР· «СОВЕТСКАЯ ЦИВИЛИЗАЦИЯ»

В главе представлены работы, анализирующие ПК Кавказских и Среднеазиатских регионов бывшего СССР. Авторы, основываясь преимущественно на полевых исследованиях тех лет, демонстрируют процесс взаимодействия ТПК этнических групп, населяющих данные регионы, с советской ПК, носившей универсалистский характер Статьи писались в конце 80-х — начале 90-х гг XX в Авторы-этнографы использовали собственные полевые материалы, собранные в ходе многочисленных научных экспедиций, осуществленных в советский период, которые не имели шансов быть опубликованными в то время Из них видно, что ТПК, вопреки официальному мнению, и тогда во многом определяла жизнь данных народов, что, в частности, объясняет появление авторитарных режимов типа «восточных деспотий» в данных регионах бывшего СССР Некоторые работы были доработаны позже, в них включены и материалы по постсоветскому периоду, что позволяет выявить единую логику политогенеза с акцентом на воспроизводство элементов ТПК

Ю. М. Ботяков в статье «К вопросу о традиционной политической культуре туркмен (XIX–XX вв)» анализирует ТПК туркмен, выделяя в ней наличие межпоколенного конфликта между молодежью во главе с военными лидерами и старшими, власть которых олицетворяли старейшины В то же время военные лидеры впоследствии сами входили в советы старейшин Автор показывает, что традиционные лидеры хорошо адаптировались к советской ПК Например, партийные и советские структуры изначально строились на родоплеменной основе, а поведение партийных и советских функционеров жестко детерминировалось ТПК, которое официально тем не менее считалось «вредными пережитками»

Э. Х. Панеш в статье «Традиции в политическлй культуре народов Северо-Западного Кавказа» первоначально анализирует ТПК адыгов на материалах письменных источников XIX в , а также ее трансформацию после присоединения к России Далее она использует данную историческую реконструкцию для описания советского пери-

ода, показывая воспроизводство ТПК в жизни адыгского населения того времени. В частности, Э. Панеш обнаруживает наличие ярко выраженного племенного сознания, которое коммунистами категорически отрицалось, отсюда проявления «трайбализма»: бжедуги «занимают все ведущие посты в пределах данного административно-территориального района». Раскрывая отношения внутри данной «касты», она приходит к выводу, что они строятся по модели «традиционных братств», а военно-демократические традиции, характерные для ТПК, также продолжают определять авторитет советского лидера.

Р. Я. Рассудова в статье «Традиционная потестарность в этноисторической динамике» реконструирует ТПК среднеазиатских ханств, рассматривая затем ее динамику в период российского владычества в XIX в. В целом, как считает автор, в этот период разрушались коллективистские организации, нравственно-этические устои населения, что вызывало протест крестьян. В советский период происходит своего рода возврат к традиционным ценностям: «Вначале колхозы соответствовали отдельным старым общинам», а «примерно с 50-х гг. почти всюду установилась дореволюционная организация крестьянского труда». Также возродилась традиция династийного и семейно-родственного формирования профессионалов в административном и партийном управлении.

Р. Р. Рахимов в статье «Согласен отец — согласен Бог» раскрывает ТПК народов Центральной Азии, и прежде всего таджиков, населяющих не только территорию Республики Таджикистан (РТ), но и такие исторические центры, как Самарканд, Бухара, но и территорию Республики Узбекистан (РУ). Автор раскрывает традиционную для таджиков семейно-клановую структуру, уделяя основное внимание вопросам лидерства. Авторитет отца, как следует из текста, базировался как на традиционных, так и мусульманских ценностях. Анализ политической жизни в государствах Центральной Азии (РТ, РУ) советского периода свидетельствует, что она несла в себе мощный пласт традиционной политической культуры: «Проявление традиционных поведенческих стереотипов наблюдалось даже на высоком уровне партийно-государственной иерархии». В постсоветский период, по мнению автора, лидеры государств еще активнее манипулируют традиционными символами для обретения авторитета у населения.

ТРАДИЦИОННАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА РУССКИХ И ПОЛИТИЧЕСКИЙ РЕЖИМ В РОССИЙСКОМ ГОСУДАРСТВЕ

В главе рассматривается роль ТПК русских в становлении как советского, так и постсоветского политического режима в России. В своих статьях «Иррациональность и власть в политической культуре России», «Культурно-психологические истоки русского тоталитаризма», «Российская власть в ракурсе празднично-питейной культуры» **В. В. Бочаров** показывает, что ТПК русских, составляющих этнокультурную основу СССР, а впоследствии и России воспроизводилась бессознательно, зачастую вопреки целерациональным установкам политических лидеров Именно ТПК русских определяет политический режим в государстве на всех стадиях его существования

В России особое место заняла **празднично-питейная культура**, определив во многом повседневные практики, в том числе связанные с отношениями власти Уже в русских былинах авторитет (Сила) лидера, поведение субъектов властных отношений, политический конфликт (как внешний, так и внутренний), заключение мира рассматриваются в символах празднично-питейной культуры. Эти же политико-правовые представления отчетливо фиксируются в народном сознании и поведении крестьян XIX — начала XX в , а также городского населения Праздник, который ассоциировался в народном сознании с веселой (счастливой) жизнью и одновременно имевший высокий сакральный статус, становится символом образа жизни социально-политических элит Октябрьская революция рассматривалась народным сознанием как восстановление справедливости, т е как завоевание возможности вести праздный образ жизни Те же установки просматриваются в поведении политической власти В результате празднично-питейная культура, с ее ценностями и нормами, полностью утвердилась в сфере повседневности Автор считает, что послеперестроечное время было воспринято народным сознанием как победа праздничной культуры

Т. Б. Щепанская рассматривает феномен «команды» как тип неформальной структуры, характерный для российской ПК советского и постсоветского периодов Приводятся материалы о дискурсивных

образах этой неформальной структуры в СМИ, а также о внутренней организации «команды»: распределении ролей и способах их маркирования, нормативном комплексе и формах социального контроля. Основную часть статьи составляет описание повседневных практик, в которых проявляется структура «команды», в основном — силовых и питейных, в интерпретативном ключе исследуются придаваемые им и их отдельным элементам значения. Выявляются два основных культурных кода (силовой и застольный), посредством которых осуществляются репрезентация, поддержание и воспроизводство неформальной структуры «команды».

В. В. БОЧАРОВ

ИРРАЦИОНАЛЬНОСТЬ И ВЛАСТЬ В ПОЛИТИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЕ РОССИИ*

«Умом Россию не понять...» — это изречение поэта является несменяемым эпиграфом к политической жизни России в ее историческом обозрении. Причем вряд ли подобную мысль можно отнести лишь только к форме художественного отображения российской действительности. Выдающиеся отечественные умы также отмечали присущую ей иррациональность; «в русской политической жизни... скрыто темное иррациональное начало, и оно опрокидывает все теории политического рационализма...» — писал Н. Бердяев [1918: 50]. Действительно, является непреложным фактом, что политические катаклизмы в России всегда неожиданны и малопонятны для Запада. Не были исключением и события последних лет. К примеру, «перестройка» и последовавший за ней развал СССР стали сюрпризом даже для ведущих западных ученых, специалистов по России, что они сами со всей откровенностью констатировали [The Strange Death... 1993]...

Однако иррациональность политической жизни в России выражается не только в неспособности западных теорий «политического рационализма» отразить содержание ее процессов, но и в неосознанности поведения субъектов этих процессов. Это означает, что цели и результаты их деятельности в большинстве своем не только не совпадали, но чаще всего противостояли друг другу. Именно это, по всей видимости, имел в виду и Н. Бердяев, когда утверждал, что «деятели революции сознательно могут исповедовать самые рационалистические теории и во имя их делать революцию, но революция всегда бывает симптомом нарастания иррациональных сил» [Бердяев 1990: 106]. Это постоянно порождает представления о коварстве русских революционеров, которые-де всегда злонамеренно обманывают свой народ, преследуя исключительно корыстные цели. В этом обвиняли большевиков, по-

---

* Потестарность. Генезис и эволюция / Под ред. В. А. Попова. СПб.: МАЭ РАН, 1997.

© В. В. Бочаров, 2007

добные же обвинения раздаются сейчас в адрес последней плеяды революционеров. Но знакомство с судьбами исторических персонажей прошлого, как, впрочем, и собственные наблюдения за людьми, внесшими решающий вклад в политические события последних лет нашей страны, решительно опровергают подобное мнение...

Основная гипотеза состоит в том, что деятельность субъектов политического процесса в России всегда подчинена не только и не столько официально декларируемым целям, сколько глубинным мотивациям, обусловленным, прежде всего, их традиционной политической культурой (ТПК). Эти мотивации коренятся в эмоционально-иррациональной сфере психики представителей русской культуры. Однако на рассудочно-рациональном уровне подобные мотивации выступают в виде идеологем, отражающих реалии иной (западной) политической культуры (ПК). Проблема «двухуровневости» русской политической психологии была поставлена в середине 20-х гг. С. Л. Франком, который видел в этом «загадку, требующую объяснения... здесь, — по его мнению, — обнаруживается странное сродство... духа русского с духом нерусским. Теория Маркса о классовой борьбе и восстании пролетариата... ответила какой-то давно назревшей, затаенной мечте безграмотного русского мужика» [Франк 1992: 328]... Иными словами, в русской ПК отчетливо фиксируется конфликт психологического и логического.

Многие из нас, принимавших активное участие в «перестройке», имели возможность ощутить этот конфликт на собственном опыте, находясь, по образному выражению петербургского писателя В. Конецкого, под воздействием «политической бормотухи», т. е. когда идеалы, за которые мы сражались на каком-то этапе, куда-то отошли на периферию сознания, на первом же плане был процесс собственно борьбы. Это относится к ощущениям, так сказать, «сознательных» участников «перестройки». Что же касается основной массы населения СССР, также принимавшей активное в ней участие, то здесь этот конфликт был особенно очевидным. Большинство этих людей имело весьма смутные представления о содержании идеалов «перестройки», таких как «независимость», «демократия», «правовое государство» и др. Не могу в этой связи не вспомнить случай, отмеченный в нашей прессе еще в начале «перестроечного» процесса. Сообщалось, что в одной из средних школ учительница, «борясь за торжество демократии», ударила в присутствии своих учеников директора школы классным журналом по голове. Тем не менее эти люди проявили недюжинный темперамент в борьбе «за право жить в цивилизованной стране». Действительно, непонятные людям культурные ценности вряд ли сами по себе смогли бы привести их в столь сильное возбуждение, какое тогда имело место. Представляется, что и здесь, за революционным

подъемом народных масс, стояла «какая-то давно назревшая затаенная мечта», обусловленная «исконным русским духом».

О русской ТПК мы имеем весьма слабые представления. Нам более знакома «западная часть» ПК России, которая выражена, как правило, в виде письменных политико-правовых установлений. Эта «часть»... всегда служит эталоном для российских правителей. Имея официальный статус, она, как показывает история, никогда не оказывает существенного влияния на реальное политическое поведение россиян.

ТПК же реализуется в политическом поведении людей большей частью бессознательно. В основе такого поведения лежат традиционные стереотипы, возникшие где-то в глубине веков и отражающие внутреннюю логику общественно-политической динамики данного социума. Последняя, имея достаточно устойчивый характер, воспроизводит эти поведенческие модели из поколения в поколение. ТПК в изрядной мере противостоит официальной ПК в России. Поэтому поведение ее граждан, которое всегда фактически строится на принципах ТПК, оценивается официальной ПК как низкокультурное или вовсе преступное.

Представляется, что источниками для реконструкции ТПК русских, наряду с этнографическими исследованиями, нацеленными на изучение народной культуры, могут служить фольклор, произведения литературы и искусства, так или иначе отражающие политическое поведение людей, а также слухи, анекдоты и личные наблюдения за носителями русской культуры.

Сердцевиной любой ПК являются властные отношения. Для понимания характера этих отношений в русской ТПК необходимо рассмотреть их структуру в минимальной социальной ячейке (условно семье), осуществляющей биологическое воспроизводство общественного индивида. Этот интерес вызван тем, что именно здесь процесс господства и подчинения представлен в своем естестве, обусловленном в том числе биологической природой человека. Он является основой любого традиционного общества, ориентированного на простое воспроизводство общественных отношений, хотя в известной мере сохраняется в обществе любой стадии эволюции. Российское же общество вплоть до середины 20-х гг. нынешнего столетия по существу оставалось традиционным, в котором общинно-семейный уклад составлял основу жизнедеятельности большинства населения страны. В то же время и советский строй, по справедливому мнению ряда исследователей, во многом воспроизводил общинный социально-экономический уклад, но уже в масштабе всего государства [Бороноев, Смирнов 1992: 121].

Главные субъекты властно-управленческих отношений в этой социально-биологической ячейке (семье) — это родители (старшие) и дети

(младшие). Регуляция этих отношений осуществляется за счет самоорганизации (т. е. естественной организации) психики их агентов таким образом, что ни верхи, ни низы не испытывают психологического дискомфорта в процессе властвования/подчинения. Главной эмоцией, организующей указанный процесс, является любовь.

Изначально чувство любви ребенка по отношению к старшим (отцу или матери) возникает как устойчивая положительная эмоция, как реакция организма на удовлетворение его элементарных потребностей в еде, в чувственном познании окружающих ребенка предметов, в развлечениях, на устранение неприятных психофизиологических ощущений и т. д. Эта естественная любовь ребенка к взрослому обеспечивает формирование особого психологического климата, благодаря которому ребенок большей частью бессознательно усваивает социальные нормы поведения, т. е. управляется. Такое управление происходит посредством подражания взрослому. Последнее же в принципе невозможно, если ребенок не желает походить на него, т. е. не испытывает к последнему чувства любви.

Однако формирующееся естественным образом чувство любви ребенка к старшему не может служить всеобъемлющим регулятором властных отношений между ними. По мере взросления ребенка между ним и старшим неизбежно возникают противоречия, в результате чего старший лишается психологических средств воздействия на поведение ребенка. Разрушение благоприятного психологического климата совпадает с периодом полового созревания последнего. К. Н. Леонтьев говорил о наличии «двух якорей» в жизни человека: «Родители, их дом, его младенчество — это якорь». Первая любовь в 13–14 лет — есть перелом, предвестие, что потянул «другой якорь» [Леонтьев 1992: 139]. Французский психолог А. Валлон уже в подражании ребенка взрослому, характерному для ранних стадий социализации, видел наличие момента отрицания авторитета взрослого. По его мнению, это подражание ребенка по своему содержанию ориентировано на лишение преимуществ подражаемого объекта [Валлон 1956: 145–146].

Одним словом, в процессе взросления детей возникает объективная потребность в других регуляторах, так как кризис положительного эмоционального климата между данными субъектами властных отношений (т. е. кризис любви) более не позволяет лидеру безраздельно доминировать над детьми. Происходит усложнение эмоционально-чувственной структуры взаимоотношений в семье. Естественная любовь детей к родителям приобретает черты амбивалентности за счет включения в нее эмоции страха. Но страха не перед физическим наказанием, хотя таковой в известной мере также имеет место. Речь идет о страхе, который не противостоит, а дополняет изначальную, естественную любовь к старшему, т. е. имеется в виду священный трепет, как

определил эти переживания З. Фрейд [1924: 32]. Именно такой комплекс эмоциональных переживаний начинает испытывать ребенок к старшему на определенном этапе. Последний тезис требует пояснения. По мере взросления ребенка его жизнь становится все более регламентированной, т. е. ограниченной различными запретами. Это касается сексуального, пищевого, вербального и других форм поведения. Причем эти табу не относятся к старшим, точнее, поведение последних регламентируется другими запретами, поэтому они воспринимаются младшими как своего рода нарушители тех табу, каковым последние обязаны следовать. З. Фрейд подметил, что чувства, вызываемые табу, легко переходят на лиц, нарушавших его [Фрейд 1924: 36]. Иными словами, на определенном этапе взаимоотношений младший начинает испытывать к взрослому сложное чувство, главными составляющими которого являются любовь и страх. Теперь уже эти эмоции формируют психологический климат, обусловливающий процесс властвования/подчинения [Истоки власти 1997: 30–34].

Материалы по русской ТПК свидетельствуют о том, что любовь является главной ее составляющей во властных отношениях. При этом власть всегда персонифицирована и эмоции любви (или ненависти), уважения (или презрения) адресуются управляемыми к конкретному ее носителю. В то же время и сама власть склонна ориентироваться в своей деятельности прежде всего на любовь (или уважение) своих подданных. По сути дела, даже вопрос, столь распространенный в нашей культуре: «Ты меня уважаешь?», всегда звучит как средство выяснения (или установления) иерархии в неформальной ситуации.

Л. Н. Толстой так описывает переживания Н. Ростова к главе Российского государства: «Увидев эту улыбку (т. е. императора. — *В. Б.*), Ростов сам невольно начал улыбаться и почувствовал еще сильнейший прилив любви к своему государству. Ему хотелось выказать чем-нибудь свою любовь к государю... он (Н. Ростов. — *В. Б.*) весь поглощен был чувством счастия, происходящего от близости государя. Он был счастлив, как любовник, дождавшийся ожидаемого свидания». Эмоционально-чувственная характеристика власти в нашей культуре является, по существу, эквивалентом ее легитимности в ПК Запада. Например, проявления «всенародной любви» к лидеру советского государства свидетельствовали, несомненно, о легитимности режима, т. е. о признании народом его права на власть.

Для носителей русской культуры любовь к Родине (Отечеству) является необходимым атрибутом. Сама же Родина неразрывно ассоциируется с носителем верховной власти в государстве. «Они, забыв страх божий... восстали на меня, законного своего государя, а следовательно, и на все отечество» [Петр Великий 1993: 377]. В годы войны советские люди шли в бой, как известно, «За Родину, за Сталина». Сквозь

призму наших культурных стереотипов мы склонны оценивать и легитимность власти в других ПК. Коллега, вернувшаяся недавно из научной командировки с острова «Свободы», удивляется: «Кубинцы любят Фиделя!»

Интересные наблюдения над отношением русских к власти приводит в своем кинематографическом опыте «Похороны Сталина» Е. Евтушенко. Любовь одной из героинь к вождю, лично не имевшей к нему абсолютно никакого отношения, окрашена откровенно сексуальными переживаниями. Эти же мотивы нетрудно усмотреть и в чувствах Ростова, описанных Л. Н. Толстым в приведенном выше примере. Элемент сексуальных переживаний, характерных для нашей ТПК, нашел отражение в городском фольклоре эпохи «застоя». Популярный анекдот того времени выделял наряду с различными типами сексуальной любви и «любовь народа к коммунистической партии». Эта шутка, несомненно, содержала немалую долю истины. Вспомним, в этой связи, слова популярной советской песни: «Как невесту Родину мы любим».

Можно найти случаи, когда традиционные пласты нашей культуры, связанные с отношением к власти, проявлялись и на официальном уровне. Подобная рационализация иррационального имела место, например, при регламентации иерархических отношений в семье в дореволюционную эпоху. Статья 106 Семейного кодекса устанавливала: «Муж обязан любить свою жену как собственное тело... уважать ее и заботиться о ней во время болезни». Жена же, будучи подчиненным элементом, была «обязана повиноваться своему мужу... оставаться при нем в любви, уважении, безграничном повиновении, оказывать ему всяческое одолжение и преданность» (цит. по: [Райх 1992: 13]).

Любовь в русской культуре — понятие многогранное. Одной из примечательных ее черт является амбивалентность, т. е. тесная связь с насилием, а иногда и уподобление ему. Иными словами, будучи в русской ТПК иерархическим переживанием, любовь допускает и даже считает обязательным применение насилия к подвластным. «Кого люблю, того и бью», — гласит пословица. Д. Мережковский, анализируя творчество Л. Н. Толстого и Ф. М. Достоевского, пришел к выводу, что у нас «жестокая, разрушительная сила любви обращается не только на других людей, но и на самих любящих». В этой связи он ссылается на чувство Вронского к Анне Карениной, описанное Л. Н. Толстым: «Лаская Анну, Вронский чувствовал то, что должен чувствовать убийца, когда видит тело, лишенное им жизни. С озлоблением, как будто со страстью бросается убийца на это тело, и тащит, и режет его: так и он покрывал поцелуями ее лицо и плечи». Аналогично описывает любовь и Ф. Достоевский в «Подростке»: «Я вас истреблю», — говорил Версилов Катерине Николаевне. Такая «насильственная, дикая лю-

бовь действует как припадок, как мертвая петля, как болезнь, и — чуть достиг удовлетворения — тотчас упадет пелена, и является противоположное чувство — отвращение и ненависть, желание истребить, раздавить» [Мережковский 1991: 163].

Содержание, вкладываемое русской культурой в понятие «любовь», имеет прямое отношение к характеру властных отношений, свойственных ей. Они вполне допускают использование насилия как метода управления подданными. В то же время боязнь власти является важным компонентом психологии данных отношений. О неразрывности этих эмоций в русской культуре хорошо написал К. Н. Леонтьев: «Начало... есть страх, а любовь — только плод. Нельзя считать плод корнем, а корень плодом... Правда, плод или часть плода (семя) зарывается в землю так, что оно становится невидимым и перерождается в корень и другие части растения» [Леонтьев 1992: 152–153].

В традиционной русской семье, лидерство в которой определялось, прежде всего, возрастом, стариков не столько уважали, сколько боялись [Франк 1992: 97]. Действительно, разделить эти две эмоции в нашей культуре очень сложно. Вспомним, хотя бы расхожую в нашем общежитии фразу: «Боится, значит, уважает!» Уподобление любви и страха часто фиксируется в вербальном поведении представителей старшего поколения. Определяя характер властных отношений, свойственный их времени, они говорят: либо «Сталина любили», либо «Сталина боялись». Причем оба варианта предполагают легитимность существовавшего режима.

Очевидно, что утрата управляемыми любви к власти в данной ПК автоматически означает и утрату страха по отношению к ней, что неизбежно ведет к деградации властных отношений, а следовательно, к дезинтеграционным процессам в обществе. Похоже, ностальгия нашего народа по «сильной руке» — есть не что иное, как ощущаемая потребность в воссоздании присущего нашей ТПК эмоционального климата, обеспечивающего субъектам властных отношений ощущения психологического комфорта.

Эмоционально-иррациональная структура властных отношений формируется в русской культуре на государственном уровне определенными общественными механизмами. Прежде всего, моделированием системы власти по образу и подобию семьи для формирования соответствующего психологического климата между управляющими и управляемыми. Это выражается, в частности, в использовании социально-возрастной и родственной терминологии для обозначения субъектов властно-управленческих отношений. «Царь-батюшка» персонифицировал собою верховную власть в государстве, в котором подвластные, соответственно, считались «детушками». Такая структура соподчинения могла принимать в российской истории и рациональ-

но-правовую форму. В 1721 г. Сенат даровал Петру I титул «Отца Отечества», «дабы изволили принять от нас, яко от верных своих подданных, во благодарение титул Отца Отечества, Императора Всероссийского» [Петр Великий 1993: 28]. Позднее «отец народов» выступал в тесном «брачном» союзе с «матерью» — родиной. Хотя титул «отец народов» и не был формально закреплен за Сталиным, его использование в известный период носило вполне официальный характер. Возрастная терминология также активно привлекалась для маркировки властно-управленческой структуры «советской семьи», в которой ее члены выступали в виде старших или младших «братьев». Родственная и социально-возрастная лексика предстает в данном случае в качестве символа иерархических отношений, отражая и одновременно формируя их иррационально-чувственную составляющую, т. е. взаимную любовь субъектов этих отношений. Причем признается, что верхи в этой любви вправе использовать широкий спектр средств насилия, низы же «обязаны повиноваться, оставаться в любви и уважении, безграничном повиновении, оказывать... всяческое одолжение и преданность».

Помимо насилия, любовь в русской культуре как, прежде всего, иерархическое переживание включает в качестве обязательного элемента и жалость, заботу и ответственность властвующего по отношению к подвластному. К. Н. Леонтьев, полемизируя с Достоевским по поводу речи, произнесенной последним на Пушкинском празднике, в которой тот говорил о присущей русским космополитической любви, писал: «Мне кажется, чтобы почувствовать прилив к сердцу... этой нравственной любви... надо видеть современного европейца в каком-нибудь униженном положении: побежденным, раненым, пленным» [Леонтьев 1992: 150]. У С. Есенина же «любовь» и «жалость» вообще употребляются практически в качестве синонимов: «Ты меня не любишь, не жалеешь...»

Эмоциональные переживания в психологии властных отношений, связанные с «заботой» о подданных, также формируются в нашей ПК посредством определенных общественных механизмов. В частности, власть всегда стремится предстать перед подчиненными в качестве осязаемого источника всяческих жизненных благ для них или даже — основного условия самой их жизни. Для этого она сосредоточивает в своих руках общественно-распределительную функцию. Выступая таким образом в виде благодетеля, власть, с одной стороны, вызывает у получателей этих благ устойчивую положительную эмоцию к себе, сравнимую по сути с естественным чувством любви ребенка к старшему (родителю), а с другой — одновременно формирует у них ощущение полной от нее зависимости.

В традиционной русской семье ее глава «распоряжался не только

всем бытовым укладом... но был единоличным распорядителем всего семейного бюджета и сам делал все необходимые для семьи покупки... держал у себя все семейные деньги, у него были ключи, которые он носил на поясе, от всех помещений, где хранились домашние припасы и семейное имущество. Он единолично распоряжался деньгами, сам выдавал продукты и даже наряды к праздникам».

Сосредоточивая в своих руках материальные ресурсы, которые, между прочим, создавались многими членами этого коллектива, глава семейства полностью подчинял себе младших родственников. Это подчинение происходило от абсолютной их зависимости от воли отца. Он мог затормозить социальный рост детей, лишив, например, их средств для вступления в брак (выкупа, приданого), или лишить земельного надела. Кстати, отцы нередко так и поступали, чтобы подольше пользоваться бесплатной рабочей силой. Кроме того, социальный рост молодежи всегда был сопряжен с нарастанием борьбы за лидерство, прежде всего между отцом и сыновьями, чего первые, конечно, старались как можно дольше избежать.

Аналогичным образом организует себя в России и государственная власть. «Царь-батюшка» — непременно «кормилец». Раньше это ярко проявлялось в государственной ритуальной практике. Воцарению на престол нового царя всегда сопутствовал обряд «кормления» народа. Так, после своего избрания Борис Федорович «велел армии собраться в Серпухове и давал пир на протяжении шести недель почти ежедневно, всякий раз на 10 000 человек» [Ключевский 1990: 247]. Царь также обеспечивал социальный рост молодежи, справедливо отдавая предпочтение при назначении на должность наиболее способным из них. Он также строго наказывал своих приближенных, которые в русской ТПК считаются главным источником всех бед в обществе [Бочаров 1992]. Во всяком случае, эти мотивы обязательно присутствовали в слухах и анекдотах, циркулировавших в народе во время царствования того или иного российского самодержца [Петр Великий 1993: 382–383, 386–387, 395, 399, 402].

В советский период распределительная функция верховной государственной власти наиболее очевидна. Всеобъемлющая «забота партии и правительства» заключалась в «бесплатном» обеспечении населения разными социальными благами. Эти блага, производимые самими же подданными, изымались государством в виде налогов (или вовсе удерживались), а затем распределялись, но уже в форме «отеческой заботы». Последняя также ставила членов общества в полную зависимость от власти, поскольку получение тех или иных благ жестко увязывалось с демонстрацией управляемыми полной ей лояльности.

Эти эмоциональные переживания в нашей ПК, характеризующие поведение власти, играют, по-видимому, роль контролирующего меха-

низма. Контроль за властью — обязательный элемент обратной связи, без которой, как доказала кибернетика, процесс управления вообще невозможен. Иными словами, здесь этот механизм выражен в виде психологического саморегулятора, в отличие от западноевропейских ПК, где он осуществляется специальными институтами, создаваемыми по принципу разделения властей. Функциональность этого механизма (т. е. «любви-заботы») в качестве психологического самоконтроля в деятельности власти очень наглядна при сравнении поведения властей в советское время и сегодня. Очевидно, что прежняя власть, не имевшая по сути дела никакого внешнего контроля за своей деятельностью, вела себя намного ответственнее по части выполнения обязательств перед подданными, нежели ее современные представители. Это еще раз свидетельствует о том, что моделирование в России политической системы по западному образу и подобию приводит к появлению «неработающих» институтов, хотя в их политико-культурной традиции они эффективно осуществляют контроль за деятельностью власти. Отсюда разгул коррупции, а также ориентация населения на избрание «честных и порядочных людей», т. е. людей, которые бы «заботились» о подданных, а «не только о своем собственном благополучии». Неадекватность нашей ТПК и западных ПК выражается также в борьбе за монополию власти между различными ее ветвями, созданными на принципах последних. Драматические моменты этой борьбы нам всем недавно довелось пережить.

Если мы посмотрим на ТПК русских с точки зрения роли, которую играет в ней табу, т. е. другой важнейший организатор психологии властных отношений в смоделированной нами социально-биологической ячейке, то ее без преувеличения можно определить как «культуру запрета». Всевозможные запреты всегда окружали повседневную жизнь русского человека. Причем эти запреты по сути дела всегда иррациональны, т. е. не имеют отчетливых логических мотиваций. Именно последнее и роднит их с культурной нормой табу, которая была наиважнейшим регулятором поведения представителей традиционных обществ и соблюдение которых также не имело мотиваций, а осуществлялось на основании «потому что так принято» или «потому что это закон наших предков». По утверждению психологов, именно немотивированный запрет вызывает в психологии человека наиболее интенсивные эмоциональные переживания, с присущей им амбивалентностью.

Примечательно, что представители Западной Европы, посещавшие Русское государство во все времена, отчетливо фиксировали запрет как особенность его культуры. Один из них писал об екатерининской России: «... все вещи там столь секретные, что весьма трудно узнать правду о том, что не видел собственными глазами» [Россия глазами... 1989: 282].

Не был исключением и советский период в истории России, когда множество самых разнообразных запретов окружали члена общества и они носили преимущественно иррациональный характер, т. е. не имели сколько-нибудь отчетливых рационально-логических мотиваций. Интересно, что если в старой России эти запреты воспринялись населением естественно и только иностранцы отмечали этот факт как культурную особенность, то в советское время на это обратила внимание собственная интеллигенция, которая, будучи по существу воспитанной на ценностях западной ПК, воспринимала иррациональность этих запретов как очередной «абсурд» коммунистического правления. Приведем в качестве примера рассуждения на эту тему известного ученого и активного деятеля «перестройки» академика Г. Арбатова. Он искренне не мог понять, почему военные секреты СССР не являлись таковыми для потенциального противника, а только для собственных граждан. В статье «Спасибо мистеру Чейни за то, что он открыл советским парламентариям нашу военную тайну», опубликованной в газете «Известия» от 26 октября 1990 г., он писал: «Почему же о таких вещах не информируют Верховный Совет СССР, даже комитеты по вопросам обороны и государственной безопасности и по международным делам? Потому что военная тайна? Тем более если она досконально известна другой стороне, как раз тем, от которых вроде бы и надо держать в секрете? Мало того, часто ей, именно этой «другой стороне», — сейчас просто не поворачивается язык сказать: противнику — наши военные товарищи официально передают, а от советской общественности и даже Верховного Совета СССР их скрывают». Поведение высших членов коммунистической иерархии регулировалось своими «абсурдными» запретами, на что мне уже доводилось обращать внимание [Бочаров 1992].

Представляется, что скрытый смысл подобной концентрации запрета в русской культуре состоит в стимуляции амбивалентных эмоциональных переживаний, ведущими из которых являются любовь и страх (священный трепет). Таким образом, индивидуальное сознание — носитель данной культуры в процессе своей жизнедеятельности постоянно порождает в своей психике данный комплекс эмоциональных переживаний и вследствие известного психологического закона, упомянутого нами выше, адресует власти.

Власть, так же как и глава социально-биологической ячейки (семьи), выступает для подданных, в известном смысле, в качестве табу. Причина та же. Властвующим и подвластным в русской ТПК всегда предписывалось различное поведение. Вследствие этого наши «начальники» всегда «отгорожены» от своих управляемых. Эта «перегородка» возникает вопреки официальным доктринам. Ее разрушение и последующее становление мы со всей очевидностью можем наблюдать в настоящее время, когда наша ТПК продемонстрировала свой прио-

ритет над инородными политико-культурными ценностями Поэтому носителем русской культуры очень естественно воспринимается тезис «Что дозволено Юпитеру, не дозволено быку»

Сексуальные мотивы, обнаруженные нами в чувстве любви, свя зывающем субъектов властных отношений в России, возможно объяснить той ролью, которую играет власть в регламентации полового поведения своих подчиненных В традиционной русской семье власть отца распространялась на сексуальное поведение ее младших членов В XVII в «молодым людям и девицам не разрешалось самостоятельно знакомиться, еще того менее говорить друг с другом о брачном деле или совершать помолвку» [Россия глазами 1987 347] Эти же нравы характерны и для молодежи XIX — начала XX в Из этнографических материалов видно, что в русской деревне молодежь испытывала постоянные сексуальные напряжения из-за многочисленных табу в этой сфере «Вообще, сдерживающим началом на посиделках служит присутствие в "жировой" избе посторонних людей, в лице ребятишек и пожилых мужчин и женщин иной парень и рад позволить себе ка кую-нибудь нескромность в отношении интересующей его девушки, но он видит, что с полатей свесилась голова мальчишки — брата девушки, который все примечает и, в случае надобности, скажет матери, а то и отцу шепнет Эти лежащие на полатях контролеры иногда так раздражают парней своим неусыпным надзором, что дело кончается побоями» [Забелин 1990 295]

В отечественной культуре контроль за сексуальным поведением — функция и верховной государственной власти Показательны в этом смысле слухи, которые бродили в обществе в царствование Петра III, будто он хочет развести всех придворных дам с их мужьями и перевенчать с другими по своему выбору [Ключевский 1990 247] Но особенно активно верховная власть в России в этом плане отличилась в советский период, когда наиболее отчетливо можно было наблюдать совпадение тенденции усиления власти в общественной жизни в целом со стремлением государственной власти взять под свой контроль половую жизнь членов общества Иными словами, в этот период верховная власть фактически берет на себя функции, которые ранее осуществляли семейные лидеры «Нужно вплотную подойти к вопросам семейной жизни коммунистов, приподнять завесу, не боясь затронуть больные места Партия справилась со многими болезнями, справится с неполадками в семейной жизни коммунистов» [Партийная этика 1989 368] Этот контроль был особенно жестким в отношении сексуального поведения членов партии, так как именно здесь иерархическая соподчиненность выступала в наиболее выраженном виде, что требовало и организации соответствующего психологического климата «Коммунисты не могут, не смеют в этом вопросе плыть по течению, стихийно поддавать-

ся половому инстинкту» [Партийная этика 1989 166–170], в идеологических представлениях того времени «половая распущенность», т е игнорирование в поведении сексуальных запретов, предписанных властью, ассоциировалась с преступлениями против государства, точнее, с моральными качествами потенциального государственного преступника «Вспоминаю встречи с теми, кто прославился в качестве провокаторов У всех у них было одно общее качество — невоздержанность в половом отношении У всех у них основная черта — половая распущенность, вечные романы, вечные связи» [Партийная этика 1989 320] Сам «верховный вождь» активно контролировал сексуально-семейную жизнь своего ближайшего окружения Мы не знаем, действительно ли Петр III намеревался вторгнуться в подобную сферу жизни своего двора, хотя и наличие таких слухов уже свидетельствует о том, что такая возможность в принципе допускалась общественным мнением, зато нам доподлинно известно, что Сталин весьма решительно делал это Так, жены его ближайших сподвижников, как известно, часто оказывались в лагерях

Эта практика действовала в ПК бывшего СССР вплоть до последнего времени Еще многим памятны времена, когда сексуальная жизнь членов КПСС могла обсуждаться в партбюро первичной организации, что часто стимулировало женщин обращаться в партийный орган в попытке оказать воздействие на мужа Нарушение же норм сексуального поведения, предписанных члену партии, как, впрочем, и беспартийному, негативно сказывалось на их социально-политической мобильности, препятствовало выезду за рубеж и т д

Таким образом, естественное сексуальное влечение в русской культуре неразрывно связано с преодолением жестких запретов Запрещенное же само по себе обладает притягательностью, порождая весь комплекс противоположных эмоциональных переживаний, о которых уже велась речь Другими словами, сам запрет может провоцировать сексуальное влечение В соответствии в этой логикой, чем жестче запрет, тем сильнее тяга его нарушить, тем интенсивнее чувственные переживания, вызываемые запретом во всей их противоречивости, тем легче противоположности переходят одна в другую Поэтому самая «высокая» любовь, описанная великими писателями, начиная с «Ромео и Джульетты», всегда любовь «запретная» Похоже, что именно «культура запрета» определила характер половой любви в России

На корреляцию между сексуальным поведением членов общества и характером власти обратил внимание австрийский психолог и социолог В Райх в работе «Сексуальная революция Борьба за “новую жизнь” в Советском Союзе» Он убедительно продемонстрировал, что становление тоталитаризма в советской России шло параллельно с на-

саждением «аскетической морали», т. е. с усилением табуирования сексуального поведения членов советского общества [Райх 1992]. Периоды же политических катаклизмов всегда сопровождаются всеобщим «падением нравов» в первую очередь в этой сфере взаимоотношений между людьми.

Иррациональность отечественной ПК в полную силу проявилась и в ходе последних президентских выборов, когда конкуренты вдруг обнаруживали полное сходство своих политических программ. Внешний фактор может объединять политиков на Западе. У нас же определяющим является любовь, будь то любовь к лидеру партии или любовь к самому себе. Последняя мешает сотрудничеству с иным лидером, если он не желает ее разделить. «У нас любят дело или ненавидят его, смотря не по делу, а по человеку, который его делает: меня не любят, а потому и делом моим пренебрегают» [Ключевский 1990: 126]. По наблюдениям социологов, девять из десяти избирателей на вопрос «Почему Вы проголосовали за ту или иную партию?», — отвечали, что им нравится лидер этой партии.

Подведем итоги. Русскую ТПК следует определить как культуру эмоционально-иррационального типа. Психология властных отношений в ней во многом моделирует эмоциональный климат, характерный для минимальной социальной ячейки, в которой происходит биологическое воспроизводство общественного индивида. Здесь регуляторы подобных отношений формируются и реализуются в поведении их субъектов преимущественно бессознательно.

Разрушение этого климата ведет к деградации властных отношений и, как следствие, к «смуте». «Смуты» возникают тогда, когда власть не выполняет функций, предписанных ей ТПК. Исторический анализ «смут» свидетельствует о том, что, во-первых, им всегда сопутствовал голод. Иными словами, налицо невыполнение властью функции «кормильца». Вспомним, что и в эпоху «перестройки» одним из главных обвинений в адрес прежней власти было то, что она не сумела «накормить народ». Во-вторых, несправедливость в распределении материальных благ. Во время последней «смуты» это был, конечно, вопрос о так называемых привилегиях власти, сохранившихся в соответствии с законами нашей культуры в прежнем виде и в условиях демократического режима. В-третьих, неспособность власти обеспечить социальный рост своих «детушек». Проект закона о молодежи был один из первых «перестроечных» инициатив, которая так и не была реализована. Он предполагал, как известно, принятие юридических гарантий продвижения молодых в социально-политической иерархии советского общества. В результате перезрелые молодые кадры из всех профессиональных сфер, включая и саму КПСС, активно ринулись в «перестройку», справедливо названной революцией сорокалетних. К

тому же «гласность» подорвала систему запретов, разрушив тем самым психологическую основу потестарных отношений.

Наблюдения за современной политической жизнью России подтверждают высокую устойчивость русской ТПК, которая, несмотря на радикальную смену официальной ПК, продолжает определять поведение как субъектов, так и объектов власти.

ЛИТЕРАТУРА

Бердяев Н. А Судьба России СПб , 1918

Бердяев Е. Л Истоки и смысл русского коммунизма М , 1990

Воронов А О , Смирнов П И Россия и русские Характер народа и судьба страны СПб , 1992

Бочаров В. В О культурно-психологических истоках русского тоталитаризма // Отечественные востоковеды о своей стране М , 1992

Валлон А От действия к мысли М , 1956

Забелин М Русский народ Его обычаи, обряды, предания и поэзия. М , 1990

Истоки власти // Потестарность СПб , 1997

Ключевский В О Исторические портреты М , 1990

Леонтьев К. Н О всемирной любви // Русская идея М , 1992

Максимов С Нечистая, неведомая и крестная сила СПб , 1905

Мережковский Д Любовь у Л Толстого и Достоевского // Русский эрос или философия любви в России М , 1991

Партийная этика Дискуссии 20-х гг М , 1989

Петр Великий Государственные деятели России глазами современников СПб , 1993

Райх В Сексуальная революция Борьба за «новую жизнь» в Советском Союзе М , 1992

Россия глазами иностранцев XV–XVII в Л , 1987

Россия глазами иностранцев XVIII в Л , 1989

Франк С Л Религиозно-исторический смысл русской революции // Русская идея М , 1992

Фрейд З Тотем и табу Пг , 1924

The Strange Death of Soviet Communism // The National Interest 1993 Special Issue

В. В. БОЧАРОВ

КУЛЬТУРНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ИСТОКИ РУССКОГО ТОТАЛИТАРИЗМА *

> В русской политической жизни, в русской государственности скрыто темное иррациональное начало, и оно опрокидывает все теории политического рационализма, оно не поддается никаким рациональным объяснениям
>
> *Бердяев Н. А. Судьба России.*

Вступая в новую эпоху своего существования, наше общество пристально всматривается в собственное прошлое, пытаясь понять причины, определившие социально-политические процессы, характерные для периода его Новейшей истории. Первая волна научных исследований характеризуется публицистической эмоциональностью, обличительностью, обнаруживая тесную связь с политическими процессами, протекающими в нашей стране сегодня. Поэтому, несмотря на множество нового фактологического материала, введенного в научный оборот за последнее время, почти нет примеров его глубокого осмысления. В частности, большинство работ, касающихся в той или иной мере проблем советского тоталитаризма, страдает явным преувеличением, а порой и абсолютизацией субъективного фактора в истории. Зачастую причины возникновения тоталитарного строя на русской почве сводятся к деятельности небольшой группы коварных властолюбцев, своего рода «внутренней партии» (пользуясь образом, созданным в известном романе Дж. Оруэлла), которая обманом и силой захватила власть и использовала ее в корыстных целях, против своего же народа. Порой эти причины могут усматриваться даже в деятельности одного «вождя». Р. Конквест в своем известном исследовании утверждает:

---

* Угол зрения Отечественные востоковеды о своей стране / Под ред. Г Киселева М.: Наука, 1992

© В. В. Бочаров, 2007

«Вопреки всем идеалам Маркса в Советском Союзе сталинской эпохи создалось положение, при котором экономические и общественные силы не определяли метода правления. Наоборот, центральным фактором были личные соображения правителя, которые вылились в действия, часто противоречащие естественным тенденциям этих сил... Общество было перестроено по его (Сталина. — *В. Б.*) формулам. Оно не сумело перестроить самого вождя» [Конквест 1989: № 9: 115].

Сталкиваясь с такой оценкой истории, можно только восхищаться гениальностью «вождя народов», сумевшего создать политическую систему вопреки «экономическим и общественным силам» в стране, насчитывавшей десятки миллионов людей, которые тем не менее испытали чувство искреннего горя в день его смерти. Проявления этого народного горя памятны автору этих строк по детским впечатлениям, когда взрослые плакали, многие собирались ехать на похороны в Москву, причем среди тех взрослых не было не только руководящих государственных и партийных работников, но и членов партии вообще. Можно понять исследователя-иностранца, в данном случае Р. Конквеста, представителя развитого гражданского общества, для которого сталинский строй означает насилие над личностью в чистом виде, но средний советский ученый вряд ли забыл, что совсем недавно сам достаточно искренне «поддерживал и одобрял», а если и будет утверждать, что делал это только из чувства страха перед режимом, то все-таки должен будет согласиться, что большинство его соотечественников делало это именно так. Это, конечно, не исключало подчас жесткой критики сложившихся реалий в «узком кругу», но и она в основном была направлена в сторону совершенствования системы, ее улучшения в различных аспектах, но не против нее как таковой. Более того, опыт личного общения в «доперестроечное время» с жертвами сталинских репрессий, т. е. с теми, кто испытал непосредственно на себе жестокость режима, показывает, что эти люди чаще всего говорили об ошибке, допущенной по отношению к ним, но не отрицали наличия «врагов народа» и объективной необходимости борьбы с ними, т. е. опять же не подвергали сомнению саму систему. В этом отношении показательна реакция бывшего крестьянина-бедняка, ставшего представителем правящего слоя. Когда его арестовывали, он сказал: «Если партия считает, что я враг народа, значит, действительно я враг народа» [Клямкин 1989: 206].

Сталкиваясь с подобными фактами, не могу не разделить ход мыслей Ю. Феофанова, который, в частности, пишет: «Когда узнаешь о деятельности славных чекистов, не жалевших жизней своих и чужих, когда в совсем ином облике предстают отважные и аскетические комиссары гражданской войны; когда развеивается ореол вокруг фигуры Ленина, опустившегося до инструктивного письма по поводу методов

изъятия церковного имущества и репрессий против духовенства, то невольно начинаешь думать на каких же дьявольских дрожжах все это было заквашено? Что двигало не кучкой заговорщиков, а миллионными массами народа? Осуществить такой "массовидный" террор против населения страны не смог бы один "орден меченосцев" или соединения славных чекистов — это было под силу лишь другой половине народа » (Известия 1990 4 окт)

Цель данной статьи — ответить в какой-то мере именно на этот вопрос, т е что же служило теми «дьявольскими дрожжами», на которых был «заквашен» известный период в истории нашего отечества? Не ответив на него, нам не понять и процессов, происходящих в стране сегодня

Представляется, что ответ лежит в изучении русской народной политической культуры (ПК) и механизмов ее воздействия на политические процессы в государстве Эта культура в предреволюционный период существовала относительно автономно от политической культуры высших слоев общества Появление этих двух ПК в нашей истории было обусловлено общим культурным расколом русского общества происшедшим в результате реформ Петра Великого Раскол породил довольно тонкий слой людей находившихся постоянно под влиянием западноевропейских культурных стандартов, в то время как основная масса населения России продолжала сохранять глубоко архаические черты своего общественного строя

Р Фадеев в 70-х гг прошлого столетия писал «Русская жизнь имеет два пласта людей которые выражают каждый различную эпоху истории высшее сословие — XIX век, низшее — IX век нашей эры В каждом из этих пластов, разделенных тысячелетием, хотя живущих рядом, есть свои верхи и свои низы» [Фадеев 1874 64] Н Бердяев уже в 20-х гг нынешнего столетия обращал внимание на то, что жизнь передовых кругов Петрограда и Москвы и жизнь глухих уголков русской провинции принадлежат к различным историческим эпохам [Бердяев 1918 71]

Главным носителем народной ПК была община, сохранявшая в России и в начале XX в свои механизмы саморегуляции, часто противостоявшие структуре государственной машины, построенной по стандартам европейской ПК, в основе которой лежал принцип буржуазного индивидуализма Она, таким образом, удерживала в себе пласты наиболее древних общественных регуляторов, возникших естественным путем в ходе становления человеческой системы как особой формы движения материи и передаваемых традицией из поколения в поколение

Эти общественные регуляторы, как свидетельствуют этнографические материалы по многим народам мира, находящиеся на ранних ста-

диях общественной эволюции, обнаруживают определенное тождество в своих социальных, мировоззренческих, идеологических и социально-психологических свойствах, представляя, таким образом, особый тип ПК, традиционную политическую культуру (ТПК) ТПК определяет процессы регуляции на докапиталистической стадии развития общества Что касается ТПК русских, то лучше она изучена в ее социальном аспекте благодаря усилиям народников, намеревавшихся, как известно, использовать общинные институты в будущем государственном устройстве В то же время идеологический, мировоззренческий и социально-психологический аспекты остались почти неразработанными Б А Рыбаков отметил в этой связи «Этнографы опубликовали непростительно мало материалов XIX в о колдунах, знахарях и других представителях волшебников и чародеев» [Рыбаков 1987 345], т е материалов о традиционных лидерах, авторитет которых базировался на соответствующих идеологических представлениях

Столь пренебрежительное отношение к этим проявлениям народной жизни, видимо, объясняется наличием в образованных слоях русского общества своего рода православного высокомерия к различного рода «языческим» пережиткам К примеру, в своей замечательной работе «Истоки и смысл русского коммунизма» Н Бердяев убедительно показал обусловленность «русского коммунизма» русским православием Однако он вовсе не обратил внимания на влияние народной ТПК, которая в еще большей степени повлияла на физиономию советского политического режима В то же время в своих этнопсихологических опытах он не без романтического пренебрежения отмечал господствовавшее в России «натуральное хозяйство в ее духовной жизни», «темную иррациональность в низах народной жизни, которая соблазняет и засасывает вершину», «беспросветную тьму в русской народной жизни», «тьму, в которую погружены корни человеческой жизни», и т п [Бердяев 1918 27, 53, 54, 112] Здесь же звучит и его предостережение «Для России представляет большую опасность увлечение органически народными идеалами, идеализацией старого русского уклада, народной жизни, упоенного натуральными свойствами русского характера Такая идеализация имеет фатальный уклон в сторону реакционного мракобесия» [Бердяев 1918 54]

Далее я попытаюсь показать то огромное воздействие, которое оказывала ТПК на политический режим в нашем государстве на всем протяжении его истории, включая и новейший период Прежде чем перейти к решению этой задачи, определим наиболее принципиальные компоненты ТПК, а именно те, что связаны с отношениями власти

Власть для носителей этой культуры была категорией не только и не столько социально-политической, сколько духовной или ментальной Иными словами, она была неразрывно связана с теми процесса-

ми мышления, которые определяли мировоззрение и идеологию людей преимущественно на ранних этапах общественной эволюции. Речь прежде всего идет о так называемом синкретическом мышлении, или мышлении в комплексах, которое доминировало в индивидуальном сознании на всех докапиталистических стадиях развития общества. Исследования. проведенные А. Р. Лурией в 30-х гг., продемонстрировали преобладание этого типа мышления у представителей среднеазиатских народов СССР, живущих в условиях натурального хозяйства [Лурия 1974]. Это мышление, в котором преобладал эмотивный момент, склонно связывать в разнообразные отношения предметы и явления окружающего мира, исходя из субъективных впечатлений, в частности на базе их фиксации в определенных ситуациях, а не в результате выявления сущностных аспектов этих взаимоотношений. Иными словами, специфика этого типа мышления заключалась «в преобладании связи субъективной, связи, возникающей из непосредственного впечатления, над связанностью объективной. Отсюда получается объективная бессвязанность и субъективная всеобщая связанность»[Выготский 1983: 256]. Данный тип мышления послужил базой для возникновения на определенной стадии общественной эволюции магической идеологии, или магии.

Этот наиболее архаический тип идеологических представлений обнаруживает более тесную связь именно с психическими процессами восприятия индивидуальным сознанием окружающей действительности, нежели с логическими конструкциями, сформулированными в понятиях и категориях языка. Здесь же появляется достаточно смутное, едва различимое представление о магической силе, увязывающей между собой все предметы и явления окружающего мира. Это представление фиксировалось исследователями практически у всех народов, находящихся на соответствующей стадии общественной эволюции.

Появление этой субстанции в мировоззрении человека вызвало и возникновение представления об иррациональной сущности власти как психологической (магической) силе, посредством которой можно оказывать влияние на явления и предметы окружающей действительности. Магия «принимает власть над мыслями за власть над вещами: естественные законы замещаются психологическими, то, что сближается в мысли, сближается для примитивного человека в действительности» [Выготский, Лурия 1930: 116]. Такое мышление необходимо усматривало концентрацию магического потенциала в различного рода «аномальных» явлениях и предметах. Многочисленные этнографические материалы свидетельствуют о том, что священными становились необычной формы деревья, камни, случайно попавшие предметы чуждой культуры и т. д., т. е. все то, что вызывало возрастание эмоциональной энергии представителей традиционного общества. Сюда же

относились и люди с различного рода физическими и психическими отклонениями. Именно они зачастую были колдунами, шаманами, ведунами и т. д. Механизм формировании такого вида иррационального авторитета, учитывая специфику данной формы мышления, представляется следующим. Появление на свет такого индивида не могло не вызывать повышенной эмоциональной реакции со стороны представителей социума, жизнь которых в условиях традиционного общества была жестко регламентирована. Такое событие долго удерживалось в памяти людей. На этом эмоциональном фоне любое другое значимое для общества событие, случавшееся впоследствии, неизбежно рассматривалось людьми, вооруженными таким интеллектом, в причинно-следственной связи.

Пласт ТПК, в рамках которой определялся авторитет лидера, можно фиксировать и в феодальных государственных устройствах. Г. Спенсер, например, упоминает династию Фадли, которая царствовала в Южной Аравии в продолжение полутораста лет: «Эта так называемая шестипальцевая династия пользовалась большим уважением со стороны массы вследствие упорно передающегося по наследству уродства» [Спенсер 1898: 307].

В ТПК русского народа эти признаки авторитета руководителя также фиксируются вплоть до XIX столетия. В частности, физические аномальности включались народным сознанием в понятие царского авторитета. Это прослеживается, например, в легендах о царях-«избавителях», которые жили в общественном сознании народа на протяжении длительного исторического периода. Как отметил К. В. Чистов, в поведение «избавителей» неизменно входила демонстрация «царских отметин» на своем теле, что должно было свидетельствовать об их царском происхождении [Чистов 1967: 68]. Эти «отметины» состояли из родимых пятен, лишаев, необычного волосяного покрова и т. д.

Принимая власть над мыслями за власть над вещами, носитель архаического мышления пытался активно воздействовать на окружающий его мир. Предполагая наличие психологической (магической) субстанции, связывающей его с окружающими предметами, он организовывал свое поведение таким образом, чтобы оказать целенаправленное воздействие на эти предметы, т. е. старался подчинить их своей власти. «Отличительная черта магического мышления примитивного человека заключается в том, что его поведение, направленное на овладение природой, и поведение, направленное на овладение собой, еще не отделены одно от другого» [Выготский, Лурия 1930: 116]. Наиболее характерным примером такого магического воздействия может служить широко распространенный среди «этнографических» народов способ, заключавшийся в подражании свойствам того или иного предмета или явления (имитативная магия).

«Аномальность» как признак высокого магического заряда индивида также стала включаться в поведение властных натур, стремившихся к оказанию более сильного воздействия на окружающую среду. Этнографические материалы показывают, что таким людям необходимо было организовать свое поведение таким образом, чтобы оно выделялось на фоне остальных. Это достигалось путем наложения на себя различных запретов: сексуальных, пищевых, вербальных и т. д. или же нарушения тех табу, которым обязаны были следовать общинники. Интересно здесь то, что обыкновенные люди не очень-то стремились в руководители, так как считали обременительным для себя соблюдение этих запретов, а поэтому колдунами, знахарями, ведунами и т. д. становились изначально ненормальные люди. Об этом, в частности, свидетельствуют африканские этнографические материалы. В наиболее продвинутых традиционных обществах, в которых возникла иерархическая управленческая структура, нарушение лидерами запретов приобретало наиболее ярко выраженный, ритуальный характер. Так, ритуалы коронации верховных вождей племен нередко включали такие поступки, как убийство ближайших родственников, инцест, гомосексуальный акт [Томановская 1977: 114]. Лидер, нарушивший таким образом запреты, приобретал в глазах управляемых мощный магический потенциал, который обязан был использовать на пользу общества. Приобретая такую власть, он автоматически попадал и под пристальный контроль своего социума, управляемых. В результате эти лидеры сами облагались многочисленными табу, не совпадавшими с табу подданных. Общество тщательно следило за соблюдением вождем предписанного поведения. Такое различие в поведении управляющих и управляемых формировало психологическую основу властных отношений между людьми, обеспечивая лидерам возможность оказывать психологическое принуждение по отношению к социальным аутсайдерам. К аналогичному поведению традиционных руководителей прибегали и харизматические лидеры, выступавшие в качестве оппонентов официальных властей. Они прилюдно нарушали общественные нормы, пытаясь таким образом возвеличить себя в глазах народа.

Вернемся к легендам о царях-«избавителях», в которых по сути дела формулировались требования, предъявляемые народным сознанием к авторитетной власти. В этих легендах всегда отмечалось, как царь ест, пьет, как говорит и т. д., что обязательно несло информацию об истинности его царского происхождения. К примеру, здесь можно встретить и следы, вероятно, самых древних пищевых запретов, оформлявших поведение членов традиционного общества, в том числе и их лидеров, хотя запреты последних относились к другим видам пищи, нежели простых общинников. Так, в легенде о царе Павле Пет-

ровиче шла речь о том, что царь тайно жил среди народа: «Был у севрюг (т. е. на севрюжьей ловле. — *В. Б.*) кашеваром, кормил казаков, прислуживал им, но каждый раз не выдерживал и невольно произносил: "Царь сухари не ест"» [Железнов 1910: 202].

В полном соответствии с принципами организации властных отношений, характерных для ТПК, формируется поведение управляющих и управляемых в советский период. Система всевозможных запретов отчетливо маркирует социально-политическую иерархию общества, организуя, с одной стороны, психологию властвующих, с другой — подвластных. Среди них заметное место занимают пищевые запреты, которые реализуются через систему спецраспределителей. Именно это обусловливает высокую социально престижную функцию пищи, которая наблюдается в нашем обществе. В общественном сознании легко улавливаются представления о «пище вождей», в которую входят красная и черная икра, коньяк, балык и т. д. В то же время система предусматривает и табуацию пищевого поведения «вождей». В этой связи нельзя не остановиться на эпизоде, описанном в книге Б. Н. Ельцина «Исповедь на заданную тему». Автор, в частности, пишет: «Забавно, что вся эта циничная по сути своей система вдруг дает циничный сбой по отношению к родным главы клана. Например, когда охрана проводила инструктаж с женой и детьми, было потребовано, чтобы они не давали мне овощи и фрукты с рынка, поскольку продукты могут быть отравлены. И когда дочь робко спросила, можно ли есть им, ей ответили: вам можно, а ему нельзя. То есть вы травйтесь, он — святое...» [Ельцин 1990: 118].

Здесь представляет интерес не только сам факт, описанный Б. Н. Ельциным, но и его комментарий к нему. Налицо попытка объяснить рационально иррациональное, возникшее на базе соответствующих уровней мышления и призванное обеспечить психологическую соподчиненность иерархических структур системы. Эта попытка неизбежно должна привести и приводит к логическому абсурду.

Книга Ельцина дает поистине уникальный материал относительно табу, регулировавших поведение советских вождей. Описывая количество прислуги в доме, который был ему предоставлен как кандидату в члены Политбюро, и весь тот психологический дискомфорт, который он при этом испытывал, автор, как мы узнаем, не имел права отказаться от всего этого: «Я, жена, вся семья, привыкшие все делать своими руками, не знали, куда себя деть — здесь самодеятельность не допускается» [Ельцин 1990: 111]. А вот нотки сожаления, прозвучавшие у В. Вундта по поводу жесткой регламентации поведения архаических лидеров: «...несчастливый властелин Фиджи или Масри (Полинезия. — *В. Б.*) не мог почти ступить шагу без нарушения табу» [Вундт 1911: 215].

Запреты жестко маркируют иерархию и внутри «правящего класса». Из той же книги Б. И. Ельцина мы узнаем, что «секции ГУМа специально предназначены для высшей элиты, а контингенту начальников чуть пониже — уже другие спецмагазины, — все по рангу» [Ельцин 1990: 111].

Рациональное объяснение такой организации власти состоит в формировании определенной психологии управляющих и управляемых, в результате чего первые получают возможность оказывать психологическое давление на вторых, что, по всей видимости. является необходимым условием функционирования общественной системы, соединенной в некую целостность исключительно политико-административными структурами.

Представляется, что организация поведения управляющих на принципах ТПК, несомненно, и сейчас мотивирована социальным запросом управляемых на такое их поведение. Приведу пример, характерный для нашей ПК. Моя коллега, сотрудница одного из институтов АН СССР, придя на работу, заявила в неформальной беседе за чашкой чаю, что вчера председатель Ленсовета А. Собчак перестал для нее существовать как руководитель. Оказалось, что причиной столь крутой перемены в отношении к лидеру города явилось его «недостойное» поведение во время телеинтервью, которое он давал прошлым вечером. При этом негодование коллеги вызвали не слова Собчака, а именно поведение: «Нервничал, срывался на крик». В общем, основной смысл ее критической оценки состоял в том, что руководитель должен в любой ситуации держать себя в руках, а не уподобляться «обычному человеку».

Действительно, в нашей ПК поведение (презентация себя публике) является чуть ли не главной составляющей авторитета любого руководителя. В этой связи представляется любопытным описание поведения И. В. Сталина, которое, опираясь на свидетельства очевидцев, приводит Р. Конквест: «Он в высшей степени обладал даром молчания и в этом отношении был уникальным в стране, где все говорили слишком много... Выражение его лица ничем не выдает его чувства» [Конквест 1989: № 10: 123]. Эта манера поведения Сталина удивительно совпадала с тем стереотипом поведения высших руководителей, который был характерен для ТПК. Аналогичными «аномальностями» характеризовалось и царское поведение: «Истинное царское поведение характеризуется "усеченностью" в любых проявлениях жизненной энергии. Царь говорил и объявлял свои решения вполголоса или даже трудноуловимыми жестами...» [Байбурин, Топорков 1990: 56].

Можно только предполагать, что этот природный дар Сталина был одним из составляющих, определивших успех его политической карьеры. Во всяком случае он, несомненно, обладал способностью оказывать

магическое воздействие (т. е. психологическое принуждение) на окружавших его людей. Бывший работник советского аппарата, имевший опыт личного общения с «вождем», вспоминает: «Именно отсутствие у него блеска, его простота заставляли нас верить тому, что он говорил» [Конквест 1989: №10: 121].

Запреты, связанные с вербальным поведением лидера, определяются магической функцией слова в ТПК. Поэтому слова, произносимые лидерами, имели особую ценность с точки зрения управляемых. Именно руководители были основными хранителями магических текстов, которые они произносили в торжественных церемониях с целью воздействовать с их помощью на окружающий мир, на процессы, проходящие в нем.

Что же касается Сталина, то его поведение включало и другие «аномальности», характерные для царствующих особ и более всего для Ивана IV и Петра I. Он, как и они, использовал перевоплощение в социально низшее существо, например в манере одеваться. До войны, как известно, он повседневно носил простую солдатскую шинель, в которой часто изображался на художественных полотнах. Будучи обильно растиражированными, эти произведения искусства несли информацию о поведении «вождя» в народные массы, что призвано было с точки зрения ТПК укрепить его авторитет.

Интересно, что на начальных этапах «перестройки», когда верховная власть стремилась укрепить свой авторитет в народе для проведения реформ, элементы «аномального» поведения также были включены в ее арсенал. Я имею в виду выходы М. С. Горбачева в народ, которые имели ярко выраженный ритуальный характер и, несомненно, способствовали росту его популярности.

Представления о власти, коренящиеся в наших ментальных структурах, служили и служат психологической основой для сакрализации социальных лидеров, наделения их сверхъестественными возможностями. В рамках ТПК лидерам было подвластно все, их власть была тотальна. Демонстрация ими своих способностей соответствовала требованиям, предъявляемым обществом к их поведению. Они излечивали людей от болезней, предсказывали события, охраняли от ран и гибели в бою, управляли природными стихиями и т. д. Известно, например, что русские князья занимались приготовлением чудодейственных напитков, которые пили участники пиров из заздравных чаш [Рыбаков 1987: 296]. Эта же функция входила в обязанности африканских вождей. Так, во время колонизации Африканского континента в конце XIX — начале XX в такие напитки приготовлялись вождями племен, чтобы уберечь своих воинов от пуль европейских завоевателей. Эта же функция социального лидера фиксируется в русском народном сознании вплоть до середины XIX в. Самозванец Антон Петров заранее

говорил взбунтовавшимся крестьянам, «что придут войска и будут стрелять в них, но чтобы они этого не боялись, потому что пули первых трех выстрелов вреда им не сделают, более же трех раз по народу стрелять не будут» [Безднинское восстание 1948: 84].

Представления о сверхъестественных возможностях социальных лидеров довольно долго держались и в Западной Европе. М. М. Ковалевский отмечал: «В течение всех средних веков и вплоть до 17-го века держалось представление о том, что французский и английский короли путем простого возложения рук могут излечить от определенных болезней» [Ковалевский 1914: 147].

Лидеры современных государств, прежде всего стран «третьего мира», в которых огромные массы населения являются носителями ТПК, также обязаны творить чудеса для подтверждения своего права на власть. Л. Киндрова, проведшая несколько лет в Африке (Того), пришла к выводу, что современные политические деятели этого континента «станут властителями только тогда, когда докажут, что находятся в союзе со сверхъестественными силами и представляют собой нечто большее, чем простые смертные...» [Киндрова 1985: 34] Она приводила пример мифологизации фигуры тогдашнего президента Того [Киндрова 1985: 45]. Здесь же можно вспомнить «рекорды» Мао Цзэдуна, который переплывал великую китайскую реку Янцзы, будучи дряхлым стариком, с выдающимся по мировым стандартам временем, о чем сообщалось в наших средствах массовой информации, причем без каких-либо комментариев. Или же чудодейственную силу его цитат, ставивших на ноги безнадежно больных людей.

Зачастую способность или возможность держателей верховной власти в данных политических системах «творить чудеса» представляется как реализация их выдающихся личностных качеств. Эта тенденция рационалистического объяснения — по сути дела иррационального — есть результат сосуществования в этих системах двух ПК–ТПК, носителями которой являются народные массы, и ПК рационального типа, которую в той или иной мере усваивает интеллигенция этих государств. О необычайных способностях сына Ким Ир Сена Ким Чен Ира, которого «Солнце нации» официально прочит себе в преемники, информирует жителей страны и всего мира партийная печать КНДР. Вся жизнь будущего руководителя с самого рождения предстает как сплошная демонстрация выдающихся способностей: «Сынок быстро рос, как бы отвечая желаниям матери и всех бойцов». «Жизненный путь будущего народного руководителя с ранних лет отличался небывалой скромностью», «он всегда задавал необыкновенные вопросы... и тем самым он прямо поражал свою воспитательницу... От этих вопросов не раз терялась воспитательница детсада, находя не сразу ответ... К одному прибавить один получится два — это неоспоримая истина, но

и для этой неопровержимой истины мальчик нашел опровержение и выразил сомнение. Такое бывает только с необыкновенными людьми», «воспитательница просто диву давалась... Ким Чен Ир уже в детском саду знал наизусть весь глобус» [Чве Ни Су 1983].

Дар предвидения событий, который необходим лидеру в рамках ТПК, ставит их по существу в один ряд с архаическими пророками и прорицателями. Этим даром, как становится известно из этой же книги, обладают и руководители КНДР. Автор описывает случай, происшедший с Ким Ир Сеном и его сыном, когда они попали под бомбежку американских ВВС: «Они вдруг посоветовали шоферу изменить маршрут, после чего на том месте, где бы они находились, продолжая движение в данном направлении, разорвался снаряд. Сопровождавший верховного офицер вдруг почувствовал, как у него стынет кровь. Что бы случилось, если бы машина не свернула на проселок, как велели товарищ Ким Ир Сен и его сын?» [Чве Ни Су 1983: 74].

В соответствии с этим же алгоритмом, характерным для ТПК, утверждался и авторитет Ленина практически сразу же после Октябрьской революции. Вот что писал в 1918 г., адресуясь к своему новорожденному сыну, профессиональный революционер Л. С. Шейнкман, интеллигент, принимавший в 1910 г. участие в студенческих волнениях, работавший в Швейцарии, член комиссии, разрабатывавшей первую Советскую Конституцию: «Большевики страшно любят Владимира Ильича. Ильич — бог. Действительно, какая мощная фигура... Его воля несокрушима... Его прозорливость доходит до пророчества. Ленину не должна быть страшна смерть: он уже бессмертен. Когда следишь за ним, твои силы удесятеряются» [Письма из 1918-го 1982: 176].

Способ мышления, приводивший к тоталитаризации власти, рассматривает социальных лидеров и как регуляторов природных процессов. В Африке верховные правители племен вызывали дождь, обеспечивая тем самым хорошие урожаи. Следы этой деятельности проявляются, например, в поведении президента Заира Мобуту [Винокуров 1988]. Аналогичные функции социальных лидеров засвидетельствованы и в европейской истории: «В годы правления конунга, "счастливого на урожай", в стране хорошо родились земные плоды, телились коровы и овцы, к берегам приходили большие косяки рыб, не было стихийных бедствий, не нападали враги и был мир добрый» [Гуревич 1966: 29–30]. На магическую связь природы с правящей семьей КНДР указывает и описание кончины жены Ким Ир Сена: «Небо подернулось тучами. Казалось, безвременная кончина матери омрачила небо, погрузила в море слез горы и реки страны» [Чве Ни Су 1983: 5].

В народной ПК русских этот пласт отношения к власти как регулятору природы также фиксируется. После свержения Лжедмитрия I

в народе «пошли слухи: говорили, что сильные морозы стоят благодаря волшебству расстриги» [Соловьев 1960: 455]. А. Эткинд приводит свидетельства иностранца, посетившего Россию в царствование Николая I. Путешественника удивило наличие в стране жесткой цензуры на сведения, касавшиеся стихийных бедствий, природных катаклизмов и т. д. [Эткинд 1989: 125]. Эти элементы ТПК еще вчера отчетливо фиксировались в нашей ПК. Запреты на подобного рода информацию не имели рационального объяснения, так как с точки зрения разума, казалось бы, очевидно, что природные процессы вряд ли могут зависеть от характера общественного строя. Единственное объяснение этому можно найти, исходя из понимания требований, предъявляемых к власти синкретическим мышлением, в котором доминирует иррациональное. Поэтому такого рода запреты представляли собой не осознанное в рациональных категориях стремление оградить власть от народных подозрений в некомпетентности, связанной с ее влиянием на природные процессы.

Для способа мышления, который составляет психологическую основу ТПК, власть — это не отвлеченный принцип, а внутреннее, присущее конкретному индивиду и его генеалогическому роду свойство, обусловленное его магическим потенциалом, который может наследоваться кровными родственниками. Поэтому именно с определенным индивидом она связывала организацию и порядок жизнеустройства, которым противостояли анархия и хаос. Во время колонизации Африки наиболее плотно столкнулись с этой проблемой европейцы при создании своих управленческих структур. Их первоначальные попытки замещать традиционных африканских вождей своими людьми не имели успеха, так как их авторитет не признавался местным населением. Оказалось, чтобы сместить традиционного лидера, необходимо было не только убить его, но и сделать невозможным погребение останков. Не проводя границы между жизнью и смертью, частью и целым, магическое мышление рассматривало их как источник силы в борьбе с захватчиками. Поэтому тела вождей, возглавлявших сопротивление европейцам, зачастую отправлялись в метрополию. Позже, в период подъема национально-освободительных движений, представители племен нередко обращались к колониальной администрации с просьбой вернуть останки того или иного вождя для захоронения на родине. Это, с их точки зрения, должно было способствовать успеху в борьбе с захватчиками.

Отношение к власти, характерное для ТПК, держалось в России вплоть до революционных событий начала XX столетия. Р. Фадеев в конце XIX в. отмечал: «Наш народ верит не столько в отвлеченный принцип, как в освященный род» [Фадеев 1874: 3]. Отражением этих же представлений в народном сознании был, несомненно, способ казни

«народных царей», который лишал последних возможности оказывать воздействие на людей после смерти. Например, останки тела Емельяна Пугачева после его казни были сожжены, а прах развеян по ветру. После смерти Лжедмитрия I в народе «пошли слухи, что над его могилою деются чудеса, тогда труп его вырыли, сожгли на Котлах и, смешав пепел с порохом, выстрелили им с пушки в ту сторону, откуда пришел он» [Соловьев 1960: 455].

Представляется, что только с точки зрения понимания ТПК, места, которое занимает в ней власть, можно рассматривать и расстрел Николая II и его семьи. В противном случае эта акция предстает как бессмысленная, изуверская жестокость большевиков. Собственно, так ее и принято сейчас расценивать. Обратимся еще раз к письму Л. С. Шейнкмана, из которого явствует, что автор — не только по-европейски образованный человек, но нежный муж и любящий отец. Он пишет сыну письмо-завещание в предчувствии гибели (что, собственно, и произошло вскоре после этого), рассказывая о себе и своей жизни. В частности, там есть такие строки: «Свердлов сообщил мне, что убит Н. А. Романов. Семья его переведена в Алапаевск (к тому времени уже была расстреляна. — *Примеч. авт.).* Я пожалел, что не уничтожили всю семью. Не кровожадность говорит во мне, а чувство предосторожности... надо их уничтожить, пока чехословаки не взяли их под свое покровительство» [Письма из 1918-го 1982: 175]. Представляется, что этот отрывок достаточно информативен. Казалось бы, с точки зрения интеллигентного человека, т. е. носителя европейских культурных ценностей, автор завещания должен был бы по крайней мере скрыть от сына свое желание видеть убитыми и дочерей бывшего императора. Однако он, похоже, даже не подозревает, что сын в будущем может не понять его, и искренне делится своими опасениями, которые отнюдь не были беспочвенными. В то же время налицо и конфликт культур, который обнаруживает себя во фразе «не кровожадность говорит во мне, а... », в которой просматривается понимание власти, характерное для рациональной ПК, т. е. как обезличенного социального института с определенными функциями управления. Но эти элементы ПК не актуальны для него, не определяют его политического поведения.

Фигура Сталина также воспринималась населением, в том числе интеллигенцией, в соответствии с принципами ТПК. Р. Конквест приводит в своей работе воспоминания партийного работника, относящиеся к 1932 г.: «В описываемое мною время преданность Сталину основывалась главным образом на убеждении в том, что любая смена руководства была бы исключительно опасна, что страна должна двигаться взятым курсом, ибо попытка остановиться или отступить могла означать потерю всего» [Конквест 1989: №10: 131]. Он приводит

слова троцкиста, который комментировал положение в стране таким образом: «Если бы не этот... все распалось бы к сегодняшнему дню на куски. Это он связывает все воедино» [Конквест 1989: №10: 131]. Эти пласты сознания свидетельствуют, в частности, об имевшей место персонификации власти, т. е. об отождествлении ее с магическим потенциалом конкретного индивида, который за счет этого обеспечивает упорядоченность в природе и обществе.

Мощные пласты ТПК, носителем которой был и русский народ, ярко проявились в способе захоронения В. И. Ленина. Он был выполнен в полном соответствии с принципами этой культуры, в которой останки властной персоны продолжали сохранять свой магический потенциал, питая им живого наследника. То, что это сравнительно легко было воспринято народом, еще раз свидетельствует о том, что христианская культура не пустила в нем глубокие корни.

С точки зрения ТПК какое бы то ни было разделение власти есть абсурд. Власть тотальна и персонифицирована, она не только и не столько социальный институт, сколько категория ментальная, духовная. Поэтому в традиционных обществах даже те лидеры, которые завоевывали себе авторитет в каких-либо видах производственной деятельности, рассматривались как персоны, наделенные магическим потенциалом. Так, на высших этапах эволюции первичной формации верховные правители совмещали в себе жреческие функции и функции военного лидера. Африканские материалы показывают, что военный талант на этой стадии общественно-политической эволюции был определяющим для положения социального лидера. В русской культуре такое сочетание персонифицировалось в лице князя. Во многих славянских языках слова «князь» и «жрец» звучат почти одинаково. Мы знаем, что у славян князья нередко выполняли функции верховных жрецов [Рыбаков 1987: 314]. Такое представление о власти в народе во многом определило, по-видимому, и то подчиненное положение православной церкви, которое она занимала в России на всем протяжении ее истории.

Заметим, что и лозунг Октября «Вся власть Советам!» соответствовал принципам ТПК и был в этом смысле определенным шагом назад по сравнению с той тенденцией к разделению властей, которая существовала накануне известных событий. В то же время это было закономерным шагом, так как наметившееся разделение властей, а также возникший политический плюрализм не соответствовали ПК народных масс, их политической психологии, а значит, не были жизнеспособными. Собственно, ТПК, носителем которой являлись основные массы населения, и определила политический режим в стране.

Рассмотрим в этой связи рассуждения И. Клямкина. В частности, он приводит слова М. И. Калинина, произнесенные им в 1926 г. в Ле-

нинграде на заседании губкома, которое состоялось после XIV партсъезда: «Что вам стоит для ЦК объявить белое черным, а черное белым» [Клямкин 1989: 205]. Отсюда автор делает вывод о пораженности сознания Калинина «еще более сильной и совсем неизлечимой мыслью о том, что ЦК олицетворяет своими решениями и постановлениями высшую правду, которая может отличаться от обычной, доступной простым смертным примерно так же, как белое отличается от черного» [Клямкин 1989: 205].

Не буду гадать, что в действительности мог думать один из руководителей государства, произнося эту фразу, хотя сама проблема индивидуального мышления в условиях воздействия на него двух по сути дела глубоко отличных ПК очень важна и интересна. Что же касается объективных предпосылок появления ее на свет, то их, по существу, через пять страниц формулирует сам автор статьи, который пишет: «Обнаружилось, наконец, что при сколько-нибудь серьезных разногласиях в руководстве партия существовать и править была не в состоянии: сверху трещина тут же ползла вниз, а там при отсутствии демократической культуры все моментально разваливалось, оборачивалось неразрешимыми проблемами, вина же, как всегда при неукорененной демократии, целиком возлагалась на "начальство", на вождей, которые не могут договориться и навести порядок» [Клямкин 1989: 211]. Аналогичная ситуация наблюдалась в развивающихся странах, в частности Африканского континента. После достижения ими в начале 60-х гг. политической независимости многие из них избрали модель политического устройства по образу и подобию своих бывших метрополий, т. е. структуру, характерную для развитого гражданского общества. Однако вновь созданные институты не работали, не имея под собой адекватной социально-экономической базы. Принцип многопартийности, например, вылился в обострение традиционной межплеменной вражды, которая теперь протекала в форме межпартийной борьбы. Институты власти, созданные в соответствии с принципом ее разделения, начинали по сути дела борьбу между собой за всю полноту власти, т. е. как и положено в рамках ТПК. Население этих стран не понимало новых политических реалий, и в результате, как справедливо отметили английские политологи Р. Джордан и Дж. Ренниндже, «институты западной либеральной демократии были выброшены за борт одним правительством за другим. Их сменили однопартийные государства и военные режимы» [Jourdan, Renninger 1975].

Даже не имея специальных исследований, можно довольно легко фиксировать наличие в общественном и индивидуальном сознании установки на увязку природных и социальных событий с властью или, точнее, с конкретной властной персоной. Для нас привычны выражения «это случилось во времена царствования того-то» или «это было

при Хрущеве, Брежневе и т. д.». В первые годы перестройки часто приходилось слышать то с сочувствием, что Горбачеву, мол, не везет, начал благое дело, а тут Чернобыль, землетрясение в Армении и т. д., то с осуждением — мол, распустил народ. Иными словами, чувствуется ориентация сознания на установление причинно-следственной связи между властвующей персоной и процессами в окружающем мире. Эти пласты мышления обнаруживают себя и у интеллигенции. Посмотрим на рассуждения автора газетной статьи, в которых ясно виден конфликт различных ПК, присущий его мышлению. Анализируя упреки, которые в последние дни политической карьеры Е. Лигачева адресовались ему, в том, что он «посадил страну на талоны», А. Филимонов рассуждает: «Я тоже грешил на Лигачева, когда в первый день приезда в Астрахань тащился по сорокаградусной жаре в поисках кружки пива — оказалось, пивзавод давно демонтировали, или, когда накопив на зиму сахарного песку, нес его на своем горбу к теще за тридевять земель, чтобы обратно привезти тот же песок в виде варенья... Позже я стал рассуждать по-иному. Ну не может один человек, каким бы он сильным не был, "посадить на талоны" целую область, а тем более страну. Просто не дано одному такое» (Ленинградская правда. 1990. 20 окт.).

Исследователи архаических народов постоянно отмечали отсутствие у них понятия «случайное». Любое значимое для индивида или общества событие расценивалось как результат воздействия магических сил. Эти силы могли использовать и колдуны во вред обществу, нейтрализуя в известной мере магический потенциал власти. С усилением социальной дифференциации традиционных обществ роль колдовства в ТПК усиливалась. Этнографические материалы свидетельствуют о том, что правители, как правило, обвиняли в колдовстве своих политических оппонентов, возлагая на них ответственность за те или иные негативные для общества события. Колдовство каралось смертью.

Борьба с колдунами была характерна и для славянских народов: «Белозерские кудесники, приносившие человеческие жертвы, мотивировали свою жестокость тем, что принесенные в жертву женщины будто бы содействовали неурожаю. И это местным населением считалось в порядке вещей» [Рыбаков 1987: 300]. Известно, что в Москве в 1547 г. случился «великий пожар», в результате которого погибло несколько тысяч человек. Подозрение пало на родственников царя по материнской линии князей Глинских и бабку царя Анну. В ТПК именно родственники властелина всегда выступали в качестве оппонентов, а значит, как предполагалось, чаще всего прибегали к колдовству. Говорили, что бабка Анна «волхованием сердца человеческие вынимала и в воде мочила, и тою водою кропила, и оттого Москва выгорела»

[Дегтярев 1988: 71]. Народ разгромил дворы Глинских, а заодно и некоторых других бояр.

В ПК русских этот элемент занимал важное место на протяжении всей истории. Издавна в народе широко расходились слухи о «кознях аппарата», противодействовавшего усилиям верховной власти, которая стремилась якобы обеспечить благосостояние народа. Нередко народные восстания были направлены против «заговоров бояр и воевод», в защиту верховной власти и народа. Например, в речах Степана Разина фигурировали доказательства «измены бояр и воевод» [Чистов 1967: 80]. Новгородское восстание 1650 г. во многом было вызвано слухами о покушении бояр на молодого царя [Тихомиров 1940: 92]. Народные восстания, обращенные против царского окружения, творившего зло помимо воли верховной власти, вспыхивали и в XIX в.

Одним из стабильных обвинений в адрес «аппарата» было сокрытие правды об истинном положении народа, что не давало царю возможности действовать в его интересах. Показательно, что народники в своих планах социального переустройства общества собирались ввести институт «ходоков», которые должны были непосредственно информировать верховную власть о реальном положении дел. Практически эта идея была использована большевиками после революции, во всяком случае на уровне официальной идеологии и пропаганды. Достаточно вспомнить широко растиражированную картину «Ходоки у Ленина».

Этот пласт ТПК прослеживается в общественном сознании народа и в сталинские годы, причем опять же интеллигенция не была исключением. Р. Конквест приводит в своей работе воспоминания И. Эренбурга: «Пастернак размахивал руками среди сугробов: "Вот если бы кто-нибудь рассказал про все Сталину". В. Мейерхольд тоже говорил: "От Сталина скрывают..."» [Конквест 1989: № 10: 128].

Заметим, что и верховная власть активно использовала этот элемент, характерный для ТПК русских, в целях укрепления своего авторитета. Имеется в виду разоблачение «врагов народа» среди лиц, приближенных к власти. Поразительно, что сама процедура обнаружения этих «врагов» осуществлялась полностью в соответствии с принципами ТПК. Принято приписывать Вышинскому изобретение процедуры доказательства вины обвиняемого, основанной на его признании, хотя она, несомненно, была заимствована из ТПК, в которой колдун, как предполагалось, мог и не подозревать, что является источником разрушительной для общества энергии, и только слово-признание убеждало в этом, в том числе и его самого. Причем для этой ПК не имеет принципиального значения, каким путем это признание получено (вспомним хотя бы орудия пытки, использовавшиеся инквизицией).

Есть основания предполагать, что и сегодня слухи «о кознях аппа-

рата» обусловлены во многом именно этим обстоятельством. К примеру, показательна позиция Е. Лигачева относительно слухов о заговоре военных, которые активно функционировали в обществе осенью 1990 г. В интервью газете «Ю. С. Ньюс энд Уорлд Рипорт» он не без иронии заметил: «Два года назад кричали, что в Политбюро ЦК заговор: там Лигачев. Теперь, когда Лигачев ушел, мы слышим разговоры о заговорах военных» (Аргументы и факты. 1996. № 43). Нельзя отказать в логике и бывшему руководителю Ленинграда, ныне депутату Ленсовета А. Я. Ходыреву, относительно слухов о саботаже в снабжении города прежде всего со стороны потерпевших поражение консерваторов. В интервью газете «Ленинградский рабочий» от 30 ноября 1990 г. он сказал: «Я привык основываться на фактах. Если саботаж есть, то где же эти злостные саботажники? Давайте поймаем за руку хотя бы одного из них, докажем злой умысел, привлечем, наконец, к ответственности. А уже потом будем говорить о саботаже». Действительно, слухи о саботаже в снабжении городов, где победили «демократы», стали постоянным фактором современной ПК, однако конкретных фактов, которые бы доказывали это, официальные источники не приводят.

Важным элементом ТПК была насильственная смена власти в том случае, если она не удовлетворяла требованиям и ожиданиям общества, иными словами, не обладала достаточным магическим потенциалом, чтобы выполнять свои функции. Засухи, голод, эпидемии, неудачи в войне могли служить причиной смещения африканского вождя (как правило, его убивали) и возведения другого, чья магическая сила удовлетворяла ожиданиям общества. Такое же политическое поведение было характерно и для европейцев: «... у скандинавов, в частности у шведов, сложились легенды о том, что в тяжелые времена конунгов приносили в жертву, если никакие другие жертвоприношения не помогали вернуть стране благополучие» [Гуревич 1966: 29–30].

Можно выделить два типа смены власти в рамках ТПК, зафиксированных этнографией. Первый связан со сменой лидера другим представителем того же, т. е. правящего, клана. Второй связан с десакрализацией в сознании управляемых всего правящего клана. В этом случае на политической арене возникал харизматический лидер, который менял не только конкретного лидера, но и всю идеологию, на которой основывался его авторитет как правителя, т. е. прежде всего уничтожалась символика предков, его правящего клана. При этом не затрагивалась сама система власти, и она вновь организовывалась в полном соответствии с принципами ТПК, хотя изменялась вся система символов.

Традицию «самозванства» на Руси можно квалифицировать как вариант революционности первого типа. Причиной появления самозванцев было недовольство народа конкретным правителем [Чистов

1967: 29]. Отметим в этой связи, что успех Лжедмитрия I был обусловлен жестоким голодом, который разыгрался в царствование Бориса Годунова в начале XVII в.

События XX в., по-видимому, окончательно подорвали доверие народа к магической власти царя и его рода. Поражение в войне 1905 г., «Кровавое воскресенье», а также неудачи на фронте и голод 1917 г. предопределили судьбу династии Романовых. Это же создало объективные предпосылки для появления харизматического лидера, призванного за счет новой идеологии восстановить порядок и гармонию в обществе, обеспечить процветание народа. Таким образом, Октябрьская революция была не чем иным, как насильственной сменой власти в рамках ТПК (второй путь). Доказательством этому служит полное восстановление и развитие системы властных отношений, основанных на тех же принципах, хотя и с другими идеологическими символами. Заметим, что это восстановление произошло вопреки теоретическим воззрениям и планам большевиков. Н. Бердяев очень мудро определил революцию как общественное явление: «Революция иррациональна, она свидетельствует о господстве иррациональных сил в истории. Деятели революции сознательно могут исповедовать самые рационалистические теории и во имя их делать революцию, но революция всегда является симптомом нарастания иррациональных сил» [Бердяев 1990: 106]. К этому можно только добавить, что революция необходимо связана с представлениями о власти в рамках ТПК, которые там действительно рационалистически не определены, а существуют в основном как факт общественной психологии, т. е. иррациональны.

Революционность как форма политического поведения особенно характерна для развивающихся стран, в частности для африканских. Здесь наиболее отчетливо проявляется ее связь с архаическими представлениями о власти. Известно, например, что накануне революционных событий в Эфиопии в 1974 г. в народе упорно ходили слухи, что жестокий голод, поразивший страну в это время, есть следствие угасания магических сил императора Хайле Селассие, которое произошло по причине его старости.

Новые лидеры, приходящие к власти путем, как правило, военных переворотов, обязательно обещают народу в ближайшее время обеспечить его процветание, т. е. совершить чудо. Не сумев сделать это, они тем самым подготавливают социально-психологическую базу для очередного революционного события, для нового переворота. Вот что пишет Л. Киндрова о национально-освободительной революции в Того: «Перед провозглашением независимости народу обещали, что деньги будут свободно лежать на улицах. Конечно, и этого чуда не произошло, и тоголезцы, которые еще не поняли, что национальный доход можно увеличить только повседневным напряженным трудом, стали

посматривать на своего президента с некоторым недоверием» [Киндрова 1985: 129].

Ожидание чуда от власти — характерная черта нашего общественного сознания сегодня. И. Клямкин восклицает в удивлении: «Но почему любое руководящее решение вызывает у нас предчувствие очередного чуда?» [Клямкин 1989: 211]. Близкий по духу вопрос задает и другой автор: «Не тешим ли мы себя иллюзией, что стоит будто бы президенту издать грозный указ, а Верховному Совету СССР разработать серию мудрых законов, как все тут же образуется?» (Известия. 1990. 23 дек.). Автор статьи в «Ленинградской правде» довольно точно фиксирует социально-психологическое состояние горожан после выборов в местные советы в 1990 г.: «Полки магазинов почти стерильны... в овощехранилищах... хоть танцы устраивай — пусто... Город словно замер в ожидании предстоящей зимы... Город ждет от Ленсовета чуда...» (Ленинградская правда. 1990. 5 окт.).

В этой связи несомненный интерес представляют социально-психологические портреты политических лидеров, которые действуют в рамках ТПК. Поражает их глубокая вера в мистическую силу власти, носителями которой они являются, а также маниакальное стремление к ней. Приведем один из фактов поведения Ленина, описанный В. Д. Бонч-Бруевичем в письме к И. В. Сталину: «Я никогда не забуду Владимира Ильича, когда он, после того как я сообщил ему, что Дзержинский арестован левыми эсерами, что батальон Попова восстал, что левые эсеры поднялись против нашего правительства, — перебивая меня, гневно и решительно блистая глазами, быстро приблизился ко мне, схватил меня за руку выше кисти и судорожно ее сжимая, весь бледный, крикнул: "Власти мы не отдадим!" — "Конечно!" — ответил я ему и тотчас же предложил ряд самых решительных мер, вплоть до немедленной бомбардировки того дома, где засел Попов с батальоном и где в то время находился арестованный Дзержинский, и Владимир Ильич все это, не колеблясь ни минуты, утвердил, и я от его имени везде тотчас же разослал приказания» (Ленинградская правда. 1990. 6 нояб.).

Это стремление к власти сопровождается их глубокой верой в ее магическую силу. По свидетельству Л. Троцкого, «в первый период в Смольном на заседании Совнаркома Ленин неизменно повторял, что через полгода у нас будет социализм» (Ленинградская правда. 1990. 6 нояб.). Через 70 лет М. Салье искренне уверена в том, что, придя к власти, можно «за полтора месяца накормить Ленинград». Хрущев, придя к власти, искренне намеревался построить коммунизм, Горбачев — через два-три года вывести страну на передовые рубежи, стать «законодателем мод в автомобилестроении», решить жилищную проблему и т. д.

В чем же причина искренней веры этих людей в чудо власти? На

мой взгляд, — в особенностях их психики, которая сформировалась в процессе их жизнедеятельности под воздействием ряда исключительных обстоятельств либо была присуща им от рождения. Они несут в себе мощные пласты магического мышления, что делает их психику конгруэнтной психологии народной массы, являющейся носителем ТПК. Это, собственно, и выдвигает их на лидерские позиции. В этом смысле представляют немалый интерес рассуждения Н. Бердяева о психических особенностях революционного типа личности: «Революционер тот, кто в каждом совершаемом акте относит его к целому, ко всему обществу, подчиняет его центральной и целостной идее... революционер не допускает дробления, не допускает автономии мысли по отношению к действию и автономии, действия по отношению к мысли. Революционер имеет интегральное миросозерцание, в котором теория и практика органически слиты. Тоталитарность во всем — основной признак революционного отношения к жизни» [Бердяев 1990: 87].

Похоже, что такое устройство психики, с одной стороны, и самодовлеющее стремление к власти — с другой, что в известной мере было следствием первого фактора, нашли отражение и в теоретических воззрениях В. И. Ленина, в частности в его подходе к государству, который был краеугольным камнем революционной теории и практики. Если Маркс, как известно, выделял в государстве две основные функции — собственно эксплуататорскую и функцию по выполнению «общих дел», в которой заинтересовано общество в целом, то Ленин абсолютизировал первую функцию. Для него «государство — это машина для подавления одного класса другим». Несомненно, что второе определение прямо нацеливает на действия по устранению этого «подавления», хотя родиться оно могло в голове человека, изначально ориентированного на захват государственной власти, т. е. на действие. Именно это заставило его не обратить внимания на второе свойство государства, отмеченное Марксом, которое в известной мере разрушает интегральность миросозерцания, делает проблематичной непосредственную связь между теорией и действием, направленным на захват власти.

В этой связи представляют также интерес наблюдения Р. Конквеста над особенностями мышления Сталина, во многом характерными для носителей ТПК. «Сталинский метод спора можно проследить начиная с его первых статей в 1905 г. Основными признаками метода служат выражения вроде “как известно” или “не случайно”. Первое из них применяется вместо доказательства любой, самой противоречивой оценки; второе используется для того, чтобы установить связь между двумя событиями, когда нет никакого свидетельства или подобия такой связи» [Конквест 1989: №10: 117].

Подведем итоги Политические процессы нашей Новейшей истории во многом были предопределены той политической культурой, которую несли в себе широкие массы русского народа В соответствии с ее логикой была свергнута дискредитировавшая себя в глазах управляемых старая власть, а на ее месте утверждена новая харизматическая власть, которая брала на себя обязательства сотворить «чудо», т е в кратчайшие сроки обеспечить народное процветание ТПК сыграла решающую роль и в формировании политического режима после октябрьских событий, несмотря, а часто и вопреки рациональным установкам лидеров революции Иными словами, политические силы которые вели борьбу за власть, были обречены действовать в рамках этой культуры

Этот же алгоритм во многом определяет политическое поведение членов нашего общества сегодня Десакрализация власти вследствие подрыва основ ее существования на принципах ТПК (развенчание первопредка-идеолога, снятие вербальных табу, деритуализация политической сферы и т д) означает, по существу, рассредоточение «магического потенциала» центра более или менее равномерно среди членов общества Отсюда искреннее желание и убежденность многочисленных партий и их лидеров взять власть в свои руки, чтобы обеспечить общественное процветание Это социально-психологическое состояние нашего общества очень точно определил Р Быков, участвовавший в беседе, которую провел М Горбачев с деятелями культуры По его мнению, если в странах Запада каждый индивид — свободная личность, то процесс демократизации в нашей стране привел к тому, что у нас каждый индивид — начальник Не могу в этой связи не привести случай, отмеченный в нашей прессе еще на начальных этапах перестройки, который в полной мере служит иллюстрацией такого состояния общества Сообщалось, что в одной из средних школ учительница, свое образно осознав перестройку в присутствии своих учеников ударила директора школы классным журналом по голове

На мой взгляд, это во многом мистическое ощущение своей власти немалой частью представителей нашего общества, с одной стороны, определило бум колдунов, целителей, экстрасенсов и т д , а с другой — составляет содержание процесса его бурной политизации Это же является социально-психологическим фундаментом той неудержимой борьбы за власть, которая развернулась на всех уровнях общественной иерархии

Элементы ТПК удерживаются и в развитых гражданских обществах Когда, например, в телерепортаже из Лондона мы видим, что английские демонстранты сжигают на площади чучело своего премьер-министра, то, во-первых, констатируем наличие этих элементов в политическом поведении представителей английского общества, а во

вторых, констатируем, что ТПК не определяет всю политическую систему, так как подобная акция в системах, построенных на принципах ТПК, предполагает жестокое наказание со стороны власти тех, кто ее совершает В данном же случае поступки остаются либо вовсе безнаказанными, либо предполагают минимальные наказании в виде штрафов, что также свидетельствует о наличии в системе своего рода «памяти» о своем прошлом

В заключение еще раз отметим, что ТПК как система общественной регуляции, естественно сложившаяся на заре человеческой истории и сохраняющая в той или иной мере свои свойства на всем протяжении движения общества в историческом процессе, определяет во многом те иррациональные моменты в политике, которые имеют место часто вопреки рациональным устремлениям людей Это происходит вследствие того, что данная регулятивная система формировалась бессознательно, в ходе вероятностного отбора определенных норм индивидуального и коллективного поведения, осуществлявшегося на общественно-психологической основе Особенно важную роль ТПК играла и играет в тех политических системах, которые возникли при решающем воздействии внешнего фактора, т е прежде всего европейских культур Это в полной мере относится и к нашему государству, ПК которого практически со времен Петра I всегда содержала два ярко выраженных уровня один — формальный, закрепленный в политико-правовых документах, другой — неформальный, регулировавший общественную жизнь посредством ранее сложившихся традиций и игравший решающую роль в формировании политического режима Именно последний определял те иррациональные процессы в жизни нашего государства на всем протяжении его истории, на что и обратил внимание выдающийся русский мыслитель Н Бердяев

ЛИТЕРАТУРА

Байбурин А К , Топорков А Л У истоков этикета Л , 1990

Безднинское восстание 1861 г Сборник документов Казань, 1948

Бердяев Н А Истоки и смысл русского коммунизма, М , 1990

Бердяев Н А Судьба России СПб , 1918

Винокуров Ю И Анатомия «самобытной власти» // Азия и Африка сегодня 1988 №4

Выготский Л С Собрание сочинений Т 3 М , 1983

Выготский Л С , Лурия А Р Этюды по истории поведения М , 1930

Вундт В Мир и религия СПб , 1911

Гуревич А Я Походы викингов М , 1966

Дегтярев А Я Трудный век Российского Царства Л 1988

Ельцин Б Н Исповедь на заданную тему Л , 1990

Дружинин Р М Ответ крестьянства на реформу Киселева // Из истории общественного движения и международных отношений Сборник статей в память акад Е Тарле Б м , б г

Железнов И И. Уральцы Очерки быта уральских казаков Т 3. СПб , 1910

Киндрова Л В ритмах Черной Африки М , 1985.

Клямкин И Почему трудно говорить правду // Новый мир 1989 №2

Ковалевский М М Происхождение общественных институтов и общественной жизни М , 1914

Конквест Р Большой террор // Нева 1989 №9

Конквест Р Большой террор // Нева 1989 №10

Лурия А. Р. Об историческом развитии познавательных процессов М , 1974

Письма из 1918-го // Октябрь 1982 №11

Рыбаков Б А. Язычество древней Руси М , 1997

Соловьев С. М История России с древнейших времен Кн IV. М , 1960

Спенсер Г. Основания социологии Т II СПб , 1898

Тихомиров М. Н Новгородское восстание 1650 г // Исторические записки Т 7 М , 1940 С 92

Томановская О. С О древних общественных структурах народов Нижнего Конго // Этническая история Африки М , 1977.

Фадеев Р Русское общество в настоящем и будущем СПб , 1874

Чистов К В. Русские народные социально-утопические легенды М , 1967

Чве Ни Су Ким Чей Ир — народный руководитель Пхеньян, 1983

Эткинд А. М. От культа власти к власти людей // Нева 1989 №7

Jourdan R. S., Renninger G. P. The New Environment of Nation Building // Journal of Modern African Studies 1975. Vol 13 N 2

Т. Б. ЩЕПАНСКАЯ

ФЕНОМЕН «КОМАНДЫ» В РОССИЙСКОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЕ СОВЕТСКОГО И ПОСТСОВЕТСКОГО ПЕРИОДОВ*

(Печатается впервые)

В основу настоящей работы положены материалы этнографического исследования различных сегментов российского политического сообщества в последнее десятилетие XX и первые годы XXI столетия. В этот переходный и переломный для российской управленческой структуры период обнажились многие элементы и аспекты ее функционирования, скрытые в более благополучные времена. На фоне трансформации политической системы можно отчетливо наблюдать стабильные, инвариантные черты политической среды и культуры, не затронутые переменами. Среди сравнительно устойчивых элементов оказались структуры неформальных отношений политиков в «своей среде», правила и стереотипы их повседневного общения, обусловленные, по-видимому, не столько политической ситуацией или идеологией, сколько глубинными механизмами традиции.

Источники, на которые мы опираемся, — те, которые представляют политику со стороны ее повседневных практик, в ее «человеческом» (сомасштабном человеку) аспекте. Это документы самопрезентации: мемуары политических деятелей (авторы — политики, имеющие всероссийскую известность), публикации в прессе (как самопрезентации, так и представления политика в публичном политическом пространстве). Кроме того, использованы полевые этнографические материалы: наблюдения и самоописания участников (в большинстве случаев рядовых) различных политических сообществ, ставшие доступными для меня через интервью с ними; мои собеседники знали о тематике исследования и сообщали о своем опыте политической повседневности в той мере, в какой темы наших бесед представлялись им инте-

* Исследование проводилось при поддержке РГНФ (грант № 00-01-002-90а)
© Т Б Щепанская, 2007

ресными и заслуживающими внимания. Полевые материалы касались как системных политических организаций, в то время парламентских (ДВР — Демократический выбор России (записи 1998–1999 гг, летом 2001 г. ДВР объявил о самороспуске в связи с вхождением в политическую партию Союз правых сил), СПС[1], РДП «Яблоко»[2] и ее Молодежный совет (материалы 2000–2002 гг.)и др.), так и внесистемных (НБП — Национал-большевистская партия [самоназвание межрегиональной общественной организации, рук. Э. Лимонов]), ряд небольших объединений и организаций, базирующихся на анархистской, коммунистической (комсомольская организация, перешедшая из-под эгиды одной из компартий под покровительство другой) идеологии

Имеющиеся в нашем распоряжении полевые материалы относятся к концу 1990-х — началу 2000-х г. По составленным автором программам[3] были собраны полевые материалы о повседневной внутрипар-

---

[1]Союз правых сил (СПС) возник как избирательный блок нескольких политических партий и движений перед выборами в Государственную Думу в 1999 г В этот блок вошли движение «Голос России», партии «Демократическая Россия», «Демократический выбор России», «Новая сила», «Общее дело», «Россия молодая», а также организации «Юристы за достойную жизнь и права человека» и «Российские налогоплательщики» В 2000 г появилось Общественное объединение «Союз правых сил» (в июне 2000 г — его Петербургское региональное отделение) Летом 2001 г ОО СПС преобразован в политическую партию с тем же названием, а входившие в него партии и движения приняли решение о самороспуске 22 июня 2001 г состоялась конференция, решением которой Петербургское отделение ОО СПС преобразовано в региональное отделение политической партии СПС

[2]СПб региональное отделение Российской демократической партии «Яблоко» (СПб РО РДПЯ) образовано на конференции 2 03 2002 г Общественно-политическое объединение «Яблоко» было создано в октябре 1993 г как избирательный блок на базе Центра экономических и политических исследований — ЭПИ-центр (рук Г А Явлинский) перед выборами в Государственную Думу РФ В него вошли Республиканская партия РФ (РПРФ), Социал-демократическая партия РФ (СДРФ) и Российский Христианско-демократический союз (РХДС) Название образовано от фамилий трех лидеров-соучредителей блока Г Явлинский, Ю Болдырев, В Лукин Санкт-Петербургское региональное отделение сформировалось на базе региональной партии центра — РПЦ (создана в декабре 1992 г группой депутатов Петербургского городского совета), поддержавшей избирательный блок «Яблоко» на выборах в декабре 1993 г В январе 1995 г РПЦ выступила как один из учредителей общественного объединения «Яблоко» и вошла в него в качестве Петербургского регионального отделения

[3]В 1998–1999 гг я участвовала в проекте «Молодежные движения и субкультуры Санкт-Петербурга», поддержанном Институтом «Открытое общество» Моя роль состояла в постановке полевых исследований Собиратели — студенты и аспиранты — пользовались предложенными мною программами и методиками сбора материала Результаты работы участников проекта частично были опубликованы в одноименном сборнике статей (Молодежные движения и субкультуры Санкт-Петербурга / Ред В В Костюшев СПб «Норма», 1999) В течение 1998–2002 гг под руководством и по программам автора настоящей статьи студентами кафедры культурной антропологии и этносоциологии ф-та социологии СПбГУ проводились полевые исследования в рамках антропологического практикума В этой ста-

нйной жизни политических организаций, образцы внутригруппового повседневного дискурса, «партийный фольклор» Полевые исследования в большей степени были необходимы при изучении внесистемных и неформальных сообществ, слабо представленных в публичной сфере и массовой печати

Читатель должен осознавать меру условности полученной таким образом информации: мы ориентировались на личностные, неизбежно субъективные источники, именно потому, что предметом анализа был непосредственный опыт политической жизни плюс способы его вербализации, символизации во внутригрупповом и публичном пространстве Поэтому приведенные здесь материалы не могут рассматриваться как документ о реальных событиях — они документируют переживание и способы семантического освоения событий, превращения их в знак, включения в дискурс. Предметом анализа служит не то, как «поступили» политические акторы, а то, как они «описывают» поступки и «представляют» свой образ в коммуникативном пространстве. Это исследование по семиотике повседневного опыта политической деятельности Именно виртуальные объекты — представления, описания и образы, на наш взгляд, в первую очередь значимы с точки зрения социальной антропологии, поскольку они, а не «реальные» поступки (или события личной жизни политиков) действуют в публичной сфере как ориентиры, образцы и тем самым оказывают влияние на ход политических процессов Выразимся точнее реальные личности и поступки оказывают влияние на политические процессы после того и в случае, если они обретают знаковость, — становятся знаками в рамках виртуальной модели, в контексте которой проектируются возможные взаимодействия, реакции, и в конечном счете происходит социальное конструирование сферы, воспринимаемой под ярлыком «политики»

Надо учитывать и фактор времени. Описываемые мною события стремительно уходят в историю. Со времени проведения наших исследований многое переменилось в политическом спектре России: практически все описываемые организации изменили свой статус (ряд партий, например СПС, утратил статус парламентских, национал-большевики утратили статус партии, поскольку не были зарегистрированы

ные использованы материалы описаний и интервью, собранных студентами кафедры Д Смирновым, Ю Боголюбовой, Д Лапатухиной Я опиралась также на экспертные интервью, данные мне молодыми коллегами А Топоровой, Р Почекаевым, М Соколовым по материалам их наблюдений и участия в повседневных практиках ряда политических сообществ Далее в тексте ссылки на эти данные будут оформлены аббревиатурой ПМ (*полевые материалы*), *с указанием на место хранения* (СПбГУ — Электронный архив кафедры культурной антропологии и этнической социологии ф-та социологии СПбГУ или СИ РАН — архив Сектора общественных движений (в ведении В В Костюшева, руководителя упоминавшегося выше проекта) Социологического института РАН, СПб)

Министерством юстиции) и самоидентификацию (например, НБП [самоназвание] с тех пор видоизменила программу, снизилась роль силовых акций, меняется ее самоидентификация — в конце 1990-х лидеры определяли эту организацию в постмодернистском духе как «лево-правую», в середине первого десятилетия XXI в. — уже как «левую»), перегруппировались, некоторые исчезли с политической арены, прежние противники стали союзниками и т. д. Главное же — остался в прошлом, завершился описываемый этап политической жизни, изменилась сама система, в рамках которой существуют политические сообщества. Политика стала с тех пор менее публичной, стабилизировались структуры политической коммуникации, распределение власти и ресурсов. Баланс публичной политики и бюрократических механизмов принятия решений сместился в пользу бюрократии. Это позволяет нам, публикуя материалы (прессы, мемуарной литературы, наблюдений) прошедшего бурного десятилетия (1990-е гг.), рассматривать их как уже утратившие непосредственную злободневность следы отшумевших исторических событий. Этот прием — «состарить» информацию, прежде чем ее публиковать, — важен для меня еще и как способ соблюдения принципа «не навреди».

Политическая «команда» как организация повседневности

Когда наши собеседники во время интервью рассказывали о повседневной политической деятельности, то они говорили чаще всего о своем неформальном окружении. Основной элемент этой неформальной системы взаимоотношений — небольшая группировка, известная под разными названиями: *клан, команда, круг сторонников* или *окружение* той или иной значимой фигуры. Ниже мы рассмотрим то, как команда предстает в дискурсе: как публичном, так и внутреннем дискурсе политических сообществ.

«Команда»: дискурсивные образы в прессе

Чаще всего при описании «своего» или значимого другого (с которым непосредственно взаимодействуют) сообщества участники политической деятельности в повседневном общении используют слово «команда». Это определение применяется по отношению к функционально различным социальным образованиям: «командой» называют группу *назначенцев*, приведенных в систему управления одним и тем же лидером (*команда Гайдара*); сторонников, сплотившихся вокруг лидера; избирательный штаб определенного кандидата во время предвыборной кампании (*команда Ельцина*). Например, Ельцин вспоминает,

что в его штабе на выборах 1996 г. работали две «команды»: *команда Чубайса* и вторая, руководимая О. Сосковцом и А. Коржаковым [Ельцин 2000]. «Командой» называют и группу депутатов, солидарно голосующих (или координирующих свои действия) в различных представительных органах: так, членов Законодательного собрания в Санкт-Петербурге в 2002 г. политобозреватели разделяли на две большие «команды»: «черкесовских» (по имени представителя Президента РФ в Северо-Западном федеральном округе) и «яковлевских» (по имени губернатора) [Мухин 2002а: 9]. В политическом дискурсе фигурируют также *команды аналитиков*, которые готовят материалы и обоснования для принятия политических решений или пишут тексты выступлений политических деятелей. Так, группа молодых ленинградских экономистов, позднее известная как «команда Чубайса», незадолго до распада СССР была привлечена к работе над «Концепцией совершенствования хозяйственного механизма предприятия», готовившейся по заданию тогдашнего премьер-министра Н. Рыжкова [Гайдар 1996: 37]. Э. Лимонов называет *командами нацболов* (национал-большевиков) первичные ячейки основанной им партии, когда (в 1993–1994 гг.) они представляли собою, по замечанию своего руководителя, дружеские компании, тусовки *фанатов* писателя Лимонова, философа Дугина или рок-музыканта Е. Летова [Лимонов 2002]. Словом «команда» или синонимичными ему определяется, по сути, любая контактная группа, в которой проходит повседневная деятельность политика, его повседневное окружение. Это определение наиболее характерно для неформального дискурса, текстов, конструирующих имидж (интервью, мемуары политиков), а также сленга политических аналитиков, отражающегося и в публикациях СМИ.

Выше мы привели примеры того, как определение «команда» используется по отношению к разным сообществам, различающимся, прежде всего, по своим функциям. Тем не менее их общее название означает указание на их общую матрицу, которая у них есть или им приписывается: набор правил организации и функционирования, символических регуляторов и поведенческих норм. Примем это как рабочую гипотезу и займемся реконструкцией матрицы «команды», т. е. связываемых с этим наименованием внутригрупповых форм общения: опосредующих это общение устойчивых практик и знаковых систем.

Само слово «команда» в системе русской традиционной культуры обозначало объединение парней для участия в коллективных драках во время деревенских праздников. Эти драки были неотъемлемой частью мужского взросления и рассматриваются в этнографических исследованиях как форма мужской инициации [Щепанская 1998; 2001], воинской подготовки, спортивных состязаний [Грунтовский 1998], народных развлечений, праздничного общения молодежи

[Вадейша 2001]. Другие названия этих объединений — *партия, дружина, артель, компания, шарага, ватага* и т. п. Некоторые из них также нашли свое применение в политической культуре — прямо (*партия*) или метафорически. Михаил Восленский, описывая «правящий класс Советского Союза» — номенклатуру, использует метафору «дружина»: «Номенклатура — та организованная Сталиным и его аппаратом "дружина", которая научилась властвовать, а в годы ежовщины перегрызла горло ленинской гвардии» [Восленский 1991]. В период застоя часто звучало выражение *брежневская гвардия*, указывавшее на круг наиболее преданных сторонников Генерального секретаря. Публицист Г. Павловский, характеризуя систему власти бурного десятилетия 1990-х, сравнивал ее с *ватагой*. «Власть сегодня, — утверждал он в 2000 г., — больше похожа на власть, чем на ватагу, как в предыдущее десятилетие, но предыдущее десятилетие было революционным, а революционная власть всегда немного ватага» [Голунов 2000]. Вероятно, это высказывание следует понимать как оценку степени влияния *неформальных структур в системе* государственной власти в кризисные для нее времена.

Отметим, что для наименования элементарной единицы неформальной политической среды самими ее представителями, исследователями и журналистами систематически используются названия *команда, ватага, партия, дружина, гвардия*. Все эти слова в еще не до конца ушедшем деревенском быту использовались как наименования молодежных боевых объединений — групп парней, собиравшихся постоять друг за друга во время деревенских драк. Можно предположить, что подобные наименования в применении к политическим сообществам актуализируют и соответствующую матрицу — структуру и нормативный комплекс, характерные для такого рода объединений. Структура молодежных команд (*ватаг, партий*) трехслойна: *атаман* (предводитель, инициатор драк и символ всей команды), 5–10 *бойцов* или *товарищей* — его ближайшее окружение; наконец, все прочие парни — жители той же деревни (или улицы, конца, *околка* села), которые обязаны были поддерживать атамана с его бойцами, как только раздавался клич «наших бьют!» В случае, если кто-то из них убегал с поля боя, атаман и «товарищи» после драки устраивали засаду и избивали его как предателя, чтобы неповадно было другим. В основе такой организации лежали два фактора: лидер, вокруг которого группировалось ядро, и территория, обеспечивавшая дополнительные человеческие ресурсы, поддержку в трудных ситуациях.

Похожая трехслойная структура наблюдается и в неформальных отношениях политических сообществ. Наиболее заметна она у партий внесистемного типа, формальная структура которых фактически совпадает с неформальной.

Несколько примеров (по самоописаниям, со слов рядовых членов соответствующих организаций).

НБП [самоназвание], конец 1990-х: в среде нацболов различным статусом обладают члены нескольких страт — А) руководители регионального отделения и первичных ячеек (самый высокий статус, особый круг);

Б) *старые партийцы*, уже несколько лет состоящие в партии и связанные узами личной дружбы;

В) *новые люди* — недавно вступили в партию и обычно группируются вместе. Им отводится роль исполнителей во время публичных акций [ПМ: СПбГУ, 1999–2000].

Ленинградское отделение РКСМ (1998 г.): в каждой комсомольской ячейке, по словам наблюдателя, есть лидер и *активное ядро* — 5–7 человек, часто присутствующих на партийных мероприятиях (пикетах и проч.). Остальные образуют массовку, приходя на акции лишь время от времени [ПМ (СИ РАН): 1998–1999].

«Яблоко»: по описанию члена МС «Яблоко», самый высокий неформальный статус в партии имеют *люди, стоявшие у истоков*, затем *депутаты* различных представительных органов и *рядовые члены партии*, среди которых отдельную позицию занимает молодежь. Промежуточное положение между депутатами и рядовыми членами занимают *специалисты*, работающие в органах госуправления, но не выполняющие публичных функций, и *бизнесмены*, которые общаются преимущественно в своем кругу. Именно в пределах этих страт, как говорят молодые члены партии, складываются неформальные сообщества: партийная молодежь чаще общается в своем кругу, депутаты — в своем, и есть кружок «стоявших у истоков» [ПМ: (СПбГУ): 2000].

По воспоминаниям Б. Н. Ельцина, его предвыборный штаб (первый состав) на выборах 1996 г. был построен по той же иерархической схеме: группировался вокруг «полувоенной команды постсоветских генералов» под неформальным лидерством Коржакова; когда же в работу включилась другая команда — Чубайса, штаб со скандалом распался (Коржаков был уволен со своего поста после известной истории с «коробкой из-под ксерокса»). Подробности этой истории излагают в своих мемуарах ее участники (см. [Ельцин 2000; Коржаков 1997; Собчак 1999])[4]. Вообще, как показывают наши материалы, две или более команды в одном формальном сообществе — почти всегда фактор его нестабильности.

Ядром консолидации команды служит фигура лидера, от имени которого нередко образуется ее название (команды *черкесовских*

[4]Подробности этой истории излагают в своих мемуарах ее участники (см *Ельцин Б Н* Указ соч , *Коржаков А. В.* Борис Ельцин. от рассвета до заката М Изд-во «Интербук», 1997, *Собчак А* Дюжина ножей в спину М : Вагриус, 1999)

и *яковлевских* — в ЗакСе Санкт-Петербурга 2002 г.). В ряде случаев на первый план выходят земляческие связи. Впрочем, они также нередко связаны с фигурой лидера: во времена пребывания у власти Л. И. Брежнева в кулуарах говорили о *днепропетровской мафии*, Ельцина — о приходе людей из *уральской* или *свердловской* команды. Характерно, что и ватаги/команды/партии деревенских парней, идя на праздник, назывались по имени своей деревни («чудецкие» — из д. Чудцы, «холодиловские» — из д. Холодилово и т. д.) и группировались вокруг своего атамана. Можно заключить, что, по крайней мере, на символическом уровне эта матрица переносится и в политическую среду.

Как видно уже из приведенных примеров, матрица «команды» (весьма схожая в основных чертах с традиционной мужской молодежной компанией) оказывает влияние на стереотип описания и восприятия неформальных структур в политической среде. Вопрос о ее влиянии на формирование и реальную структуру политических группировок остается открытым. Матрица существует — но действует ли как фактор структурирования политической среды? Или только как модель, по которой строится ее описание, — то, как она предстает в восприятии ее участников?

Продолжим, однако, реконструкцию самой этой матрицы — характеристик, приписываемых политической «команде».

Репутации и роли

Одна из характеристик команды — распространение «внутренних» имен: прозвищ, псевдонимов, обращений «по-свойски», что отличает обычно общение между близкими друг другу людьми. Эти имена отражают внутригрупповые репутации и, следовательно, на основе их анализа можно реконструировать ролевую структуру — матрицу того, что обозначается словом «команда».

Всю совокупность известных нам прозвищ[5] политических деятелей можно разбить на несколько тематических групп. За каждой из таких групп — та или иная модель социальной структуры.

Семейно-возрастные роли: *Сам, Хозяин, Старик, Дед, Папа, Папа Большой и Папа Маленький, Папа Зю (вар.: Дядя, Дедушка Зю), Сябр Борка* (*сябр* — *белорус.* ‘друг, товарищ’), *БАБ, Пионервожатый, Киндер-Сюрприз* [Карцев 1998: 4]. Эти прозвища актуализируют мат-

[5]Мы приводим прозвища, известные по публикациям в СМИ и мемуарной литературе Большая подборка их приведена, например, в статье. *Карцев А.* Как вас теперь называть? // КП 1998 19 июня С 4 Впрочем, большая часть этих прозвищ была «на слуху», знакома современникам публикации, и заслуга автора состоит в опубликовании собранной воедино коллекции.

рицу традиционной семейно-родовой структуры, в первую очередь — вертикальных (возрастных) отношений. В большинстве случаев (только за одним исключением) это наименования мужских ролей. Идентификация политического персонажа с одним из старших членов, главой семьи фиксирует его авторитет и руководящие функции и обычно относится к лидеру команды. По воспоминаниям А. Антонова-Овсеенко, *Папа Большой и Папа Маленький* — прозвища, соответственно, И. В. Сталина и Л. П. Берии в кругах советского партаппарата. В. В. Костиков пишет, что в период его работы в Кремле (1992–1995 гг.) Б. Н. Ельцин чувствовал себя «среди своей команды чем-то вроде отца большого семейства», в кругу помощников и спичрайтеров его называли «папой», и заведующий канцелярией В. Семенченко наставлял нового пресс-секретаря в случае оплошности «попросить у "папы" прощения» [Костиков 1997: 8].

«Детские» прозвища (*Киндер-сюрприз*) указывают на статус новичка в уже сложившейся команде. «Женская» символика идентифицирует по каким-то признакам чуждого, стоящего вне команды человека.

Производные от настоящих имен и фамилий. Прозвища, образованные от отчеств или по их образцу: *Анпилыч, Петрович* — даются обычно людям, занимающим позиции групповых лидеров. Часто в функции внутригрупповых прозвищ выступают имена в краткой или уменьшительной форме: *Лелик, Яша, Коба, Боба, Мишка, Альбертик, Ленька и Ленечка, Никита* [Карцев 1998: 4]. Краткая или уменьшительная форма имени, используемая в среде «своих», указывает на символическое равенство неформального статуса их обладателей: по неформальному статусу они все — «товарищи». Так же называют друг друга и в компаниях сельских парней. По воспоминаниям А. В. Коржакова, Ельцин обычно обращался к нему на «вы» и звал полным именем: Александр, — что указывало на дистанцию, разделявшую президента и начальника его охраны [Коржаков 1997]. Несмотря на их довольно тесное общение, они все-таки не были членами одной команды.

Регионы: *Курский Соловей, Уральский Медведь, Француз* [Карцев 1998: 4). Кулуарное прозвище политического деятеля указывает в этих случаях место его предшествующей работы. Так, прозвище Н. С. Хрущева связано с его работой в Курской обл., а Б. Н. Ельцина — в Уральском регионе (в Свердловске). «Французом» Б. Н. Ельцин назвал во время дружеского застолья В. В. Костикова, который до этого работал во Франции. По всей вероятности, «региональные» прозвища (как маркеры неформального статуса) связаны со значимостью земляческих связей, как одного из главных принципов формирования неформальных структур «команды».

Природные объекты (растения и животные) также приводятся журналистами в качестве основы для прозвищ политических деятелей 1990-х гг *Бледная Поганка, Одуванчик, Огрызок, Г-н Тайгу, Бычок Ваня, Корова* Идентификация с «природным» объектом (т е находящимся символически вне «культурно освоенного» пространства) может указывать на определенную степень символического отчуждения от основного ядра команды Характерно, что прозвище «корова» журналист, автор публикации о прозвищах, объясняет из криминального жаргона «корову» берут с собой воры при побеге из мест заключения — «а потом тебя на первом же повороте прирежут — чужака не жалко!» [Карцев 1998 4]

Дистанцирующую нагрузку несут и прозвища, образованные от географических **названий, имен исторических и мифологических персонажей** *Хиросима, Малюта, Иисус, леший*, — маркирующие политических персонажей символами Иного отдаленных стран, эпох, мифологических миров

Встречаются прозвища, образованные от названий известных **торговых марок**, рекламных лейблов *Киндер-сюрприз, Премьер-СВ* (обыгрываются инициалы носителя прозвища — *С В* Премьер-СВ — известное в 1990х гг рекламное агентство), которые также указывают на внешний по отношению к кругу «своих» (политическому сообществу, давшему прозвище) характер персонажа

Телесные качества стали основой для прозвищ: *Лысый черт, Густобровый, Челюсти Меченый, Рябой, Красавчик, Кудрявый, Рыжий, Ушастик* [Карцев 1998 4] Прозвище такого рода фиксирует яркую особенность внешнего облика политического персонажа, причем внимание фиксируется на его голове (особенностях прически или чертах лица) Два отклонения от этого правила — прозвища *Горбач, Жир* — образованы не путем фиксации черт внешнего облика, а как производные от фамилий

Характерны случаи, когда основой для прозвищ становятся **коммуникативные качества** *Балаболка, Тихоня, Плачущий большевик, Бешеный, Мистер «Нет»* [Карцев 1998 4] Характерно, что такого рода прозвища переходят с одного персонажа на другой Так, *Мистером «Нет»* в политических кругах советских времен называли Министра Иностранных дел СССР А А Громыко из-за его жесткой манеры переговоров Российская пресса в середине 1990-х окрестила тем же прозвищем Б Н Ельцина (*Мистер «Нету»*), заметив его длительное молчание в ряде кризисных ситуаций, когда все ждали немедленной реакции Президента Любопытно, что прозвище *Мальчик «Нет»* в прессе употреблялось и по отношению к журналисту, впоследствии депутату Государственной Думы, А Г Невзорову в период особенно жесткой оппозиционности его публикаций и телепередач Постоянное воспро-

изводство одних и тех же прозвищ указывает на их ролевой характер они фиксируют не столько индивидуальные особенности политических персонажей, сколько устойчивые коммуникативные роли, постоянно воспроизводящиеся в стереотипной структуре «команды»

В эту же группу следует отнести и прозвища, связанные с питейным контекстом *Двустволка* (как поясняет актор публикации, *Двустволкой* в мужских компаниях называют того, кто способен выпить из горлышек сразу две бутылки водки), *Правый стакан Президента, Кефирыч* Эти прозвища фиксируют амплуа во время **коллективных застолий** Застолья играют значительную роль в поддержании неформальной структуры политических сообществ, зачастую являясь ее ритуальной проекцией (подробнее см ниже «Пир победителей») Поэтому мы и рассматриваем данную группу прозвищ в ряду «коммуникативно-ролевых» Отметим, что лидеру команды, авторитетному политику, как правило, приписывается гиперболизированная устойчивость к алкоголю и, следовательно, данное высокому должностному лицу прозвище «Двустволка» может быть прочитано как подтверждение его статуса лидера на уровне неформальной структуры Прозвище *Правый стакан* фиксирует, во-первых, близость его обладателя к Президенту, во-вторых, стремление стать его «правой рукой», которое неформальная структура, очевидно, воспринимает иронически

Сферы деятельности курируемая отрасль хозяйства, прежняя профессия и хобби политика также могут послужить основой для прозвища Известны, например, такие прозвища российских политиков *Дачник* (один из министров сельского хозяйства, до этого возглавлявший подмосковное хозяйство «Белая Дача»), *Аптекарь, Северянин* (в Государственной Думе прозвище одного из председателей Госкомитета по проблемам Севера), *Кукурузник* (Н С Хрущев, ратовавший за распространение культуры кукурузы), *Макрушник* (занимающийся макроэкономикой) Ряд прозвищ образован от внешних атрибутов и знаков официального статуса *Портфель, Генералиссимус, Иконостас* (из-за обилия наград грудь известного политического руководителя СССР, как говорили в народе, напоминала «иконостас»)

Прозвища, маркирующие ролевую структуру команды, указывают на матрицу, с которой эта структура соотносится Наиболее заметны половозрастная (набор мужских семейно-возрастных ролей) и географическая (земляческие связи, символическая отдаленность) матрицы Имеются также указания на коллективное застолье как матрицу внутригрупповой структуры Ряд прозвищ указывает на функциональную дифференциацию сообщества по признаку профессии или коммуникативных качеств В качестве дифференцирующих признаков используются и особенности телесного облика, как правило, лица, головы

Нормативный комплекс «команды» (по мемуарной литературе)

Основой существования команды является определенный комплекс норм и стереотипов поведения, главный из которых — принцип круговой поруки. На этом же принципе базировались отношения в мужских молодежных компаниях, о которых шла речь выше: главное требование к члену команды — верность атаману, надежность в драке.

Описывая нормативный комплекс политических «команд», их участники на первом месте называют «устойчивость человеческих отношений» (Е. Гайдар). Б. Немцов считает членами своей команды многих из тех, кто работал с ним в администрации Нижегородской области в период его губернаторства, и тех, кто с ним не работал: «Это люди, которые не соглашаются, могут вообще уйти от меня. Но никогда не предадут. Просто невозможно себе представить такое» [Немцов 1997]. В. Новодворская пишет о стиле отношений в среде, которую она называет «моя команда»: «*Я не люблю* Ельцина, но я его не предам» [Новодворская 1993]. По словам одного из членов Совета ЗТО Санкт-Петербургского отделения партии (тогда РПЦ) «Яблоко», «и на уровне всей партии, и на уровне территориальных организаций, и в кругу общения... существует негласный принцип» — «принцип команды: человека не выкинут из нее, все друг за друга в ответе» (2000 г.) [ПМ (СПбГУ): 2000]. Отношения между членами команды зачастую прочнее и долговременнее, чем политические объединения. Они не должны зависеть от официального статуса того или иного человека. Неформальные отношения между теми, кто работал в одной команде (например, в правительстве, парламенте, аналитической группе или избирательном штабе), сохраняются и после их ухода с прежних постов. По словам Е. Гайдара, после ухода в отставку с поста главы правительства РФ он «для себя вывел специальную условную единицу устойчивости человеческих отношений под названием "один чуб", развернуто "один Чубайс". Как бы ни менялись наши с Чубайсом соотносительные статусы, — продолжает Егор Тимурович, — это никогда и никак не сказывалось на характере наших взаимоотношений» [Гайдар 1996: 241]. Таким образом, неформальная структура, в основу которой положен «принцип команды», обеспечивает стабилизацию политической среды, снижая зависимость межличностных связей от постоянных изменений должностного положения и даже партийной принадлежности отдельных политиков. Неформальная структура политического сообщества должна быть прочнее, чем видимая структура политических организаций.

Одна из главных функций команды — поддержка «своих» в постоянно возникающих ситуациях межгрупповой, политической, идеологи-

ческой борьбы. В воспоминаниях А. Грачева о М. С. Горбачеве упоминается существовавшая в кругу первых секретарей, членов ЦК КПСС «группа быстрого реагирования», замыкавшаяся на Кулакове (до переезда в столицу занимавшего пост первого секретаря обкома в г. Ставрополе). Эта группа должна была «по сигналу... в случае необходимости своими выступлениями на Пленуме и критикой правительства Косыгина подкреплять позиции Брежнева» [Грачев 2001]. Отметим метафорическое наименование этой группы как боевого подразделения, еще одно в ряду уже перечислявшихся «боевых» названий неформальных политических сообществ. В. Новодворская приводит ту же метафору в более развернутом виде: «Есть два лагеря. Две команды. И игра, которая ведется между ними... — это смертельная игра» [Новодворская 1993].

Б. Немцов, Г. Явлинский, В. Путин и многие другие говорят о «команде» как сообществе единомышленников. При этом имеют в виду, по-видимому, не только общность программ или идеологии, которые при обсуждении внутрипартийных отношений вообще малорелевантны. М. Соколов, опрашивая молодых членов ЛДПР в Санкт-Петербурге, пришел к заключению, что высказываемые ими позиции «часто полностью противоположны» [Соколов 1997]. Даже люди, занимающие видные позиции в структуре своих партий, в неформальной коммуникации порой довольно равнодушны к идеологическим конструкциям: «Лозунги постоянно обновляются, сложно все запоминать», — говорит деятель МС РПЦ «Яблоко», отсылая социолога к специалистам по PR [ПМ (СПбГУ): 2000]. «Программу тебе я пересказывать не буду, лучше дам прочитать, — отвечает на вопрос об идеологии лидер Санкт-петербургской организации национал-большевиков (1998 г.), в то время один из самых активных *вождей* на местах. — Я воспринимаю партию как построение общества нормальных людей...» По наблюдениям А. Топоровой, национал-большевики идентифицировали в 1998 г. себя неопределенно: как «право-левые». «Нет, по внутреннему статусу они вообще — в большинстве своем вообще нет никаких убеждений. Ладно, просто вот — тусовка... Вот у меня с девочкой интервью замечательное было... У этой же девушки спрашиваю: — Ну ты книжки читаешь? — Нет у меня времени книжки читать, потому что только книжку открою — друзья приходят...» [ПМ (СИ РАН): 1999]. По-видимому, не идеология сама по себе служит консолидирующим фактором в повседневном общении между членами политических организаций, как системных, так и внесистемных. Что же тогда имеют в виду, говоря о «команде единомышленников»? Е. Гайдар вспоминает, как во второй половине 1980-х гг. складывалась основа той общности, которая позже станет основой «команды Гайдара» в его правительстве реформ и близкой по духу «команды Чубайса». Он вспоминает семинар моло-

дых экономистов, состоявшийся в конце августа 1986 г. под Ленинградом, где собрались «человек 30 экономистов-рыночников. В более узком кругу, — пишет Егор Тимурович, — обсуждаем самые идеологически опасные вопросы. Например, пути формирования рынка капитала, обеспечение прав собственности... Все мы остро испытываем чувство открывшейся свободы... Можно отказаться от эвфемизмов и недоговоренностей, описывать протекающие процессы принятыми в мировой экономической литературе терминами» [Гайдар 1996: 43–44]. Основой ощущения общности становится общий дискурс, который осознается как «опасный» в случае публичного использования, но понятный и приемлемый в среде «своих» и формирующий эту среду. Пишущие о политике публицисты отмечают наличие целого ряда «политических языков», функционирующих в пределах отдельных группировок: называют «правозащитно-западнический язык общечеловеческих ценностей», язык политтехнологов, язык «конкретной политики наездов и откатов, эзотерические языки правых и левых радикалов» [Бугаев 2001]. Если вернуться к «командам» и «партиям» деревенских парней, которые мы рассматриваем как традиционную модель неформального мужского сообщества, то там языком, объединяющим «своих» и выражающим агрессию против чужих, служил мат. Ненормативная лексика сохраняет свою актуальность и в некоторых современных политических сообществах как средство для «внутреннего пользования» и расценивается как показатель особой прямоты, доверительности общения. В. Варенников утверждал, что в Форосе, во время беседы между высшими руководителями правительства СССР, вошедшими в состав ГКЧП, и М. С. Горбачевым звучали непарламентские выражения: «Я все это отнес на счет того, что беседующие люди были близки друг к другу, хорошо усвоили традиции и поэтому общались так, как это было заведено» [Степанков, Лисов 1992: 14]. Другие участники той беседы не подтверждают использования ненормативной лексики, однако мы обсуждаем здесь не сам факт ее использования, а придаваемое этому значение (как показателя близости и проявления традиций общения в среде политических деятелей).

Важнейшим качеством «человека команды» считается надежность: если в команде «надежные» люди, то из нее не должно быть «утечки» информации. Выше мы цитировали выказывания Б. Немцова и других политиков о том, что человек команды никогда не предаст. Нормы такого рода имеют своей функцией поддержание коммуникативного барьера между внутренней средой команды и ее внешним окружением.

Матрица «команды» содержит не только нормы взаимодействий, но и способы их трансляции. Порядок вхождения в состав команды нового человека регулируется сложившейся традицией. Первый принцип, определяющий этот порядок, — принцип «оказания дове-

рия»: войти в команду можно только по приглашению, исходящему от кого-нибудь из ее членов, заручившегося согласием если не всех, то самых авторитетных товарищей (т. е. членов команды). Второй принцип — «заочное знакомство» как условие доверия. В воспоминаниях Е. Т. Гайдара есть эпизод его знакомства с Г. Э. Бурбулисом, сыгравшим немалую роль в формировании «правительства реформ», которое ему предстояло возглавить. 20 августа 1991 г. Егор Тимурович вместе с другими сотрудниками своего научного института пришел к Белому Дому, чтобы продемонстрировать свою поддержку борьбы с ГКЧП. В этот вечер и произошло его знакомство с Г. Э. Бурбулисом. Встретились в кабинете Геннадия Эдуардовича, «посетовали, что давно друг друга знаем понаслышке, а встретиться довелось в такой сложный момент... Именно Бурбулис, — как утверждает Егор Тимурович, — свел меня с Борисом Николаевичем Ельциным, и он же, наверное, более чем кто-либо другой, был причастен к тому варианту состава правительства реформ, которое начало свою работу в ноябре 1991 года» [Гайдар 1996: 77] и ядром которого стала известная впоследствии «команда Гайдара». Тот же принцип подбора в свою команду заочно известных людей отмечает и В. В. Путин: «Кто в Вашей команде? — спрашивает интервьюер. — Кому Вы доверяете?» — «Доверяю? Сергею Иванову, секретарю Совета Безопасности», — отвечает Владимир Владимирович, поясняя, что был с ним до этого знаком «давно, но не очень близко... просто знал, что есть такой человек... У нас было много общих друзей. В общем, информация о нем была с разных сторон, положительная информация» [Геворкян, Тимакова, Колесников 2000]. Иными словами, членом команды имеет шанс стать человек, принадлежащий к уже сложившейся более широкой сетевой структуре. Интересно, что именно нарушением этого принципа формирования команды объясняют случаи нарушения неписаного кодекса кем-либо из ее членов. Бывший пресс-секретарь первого президента РФ Б. Н. Ельцина В. В. Костиков, вспоминая события осени 1993 г., пишет о «предательстве» ближайших к Ельцину людей — Руцкого и Хасбулатова, т. е. нарушении ими самой главной нормы в кодексе «команды»: верности. В. В. Костиков склонен объяснять это спецификой времени, когда формировалась «команда первопроходцев»: «В условиях ранней, романтической демократии совершенно невозможно было черпать из старого номенклатурного котла. Приходилось полагаться на новобранцев, чьи политические и моральные качества были мало кому известны» [Костиков 1997: 108]. Иными словами, распад команды он объясняет нарушением правил ее формирования.

Итак, новый человек еще до присоединения к команде должен принадлежать к числу «своих» — среде или коммуникативной сети; инициатива его привлечения принадлежит одному из членов существующей

или формируемой команды. Далее следует представление его остальным – «смотрины». Это слово использует, например, А. С. Грачев, описывая серию встреч приехавшего в Москву М. С. Горбачева в «нескольких кабинетах ЦК», а затем и в кабинете самого Генерального секретаря Л. И. Брежнева перед тем, как он вошел в состав его группы поддержки — «личной гвардии Брежнева», формировавшейся в то время в ЦК вокруг Кулакова — предшественника М. С. Горбачева на его ставропольском посту. Кулаков и порекомендовал Михаила Сергеевича, а затем представил его московским товарищам [Грачев 2001].

Принадлежность к команде накладывает обязательство соблюдать неписаные нормы, о которых говорилось выше. Здесь вступает в силу третий принцип — «принцип сапера»: прямого контроля над поступками людей в команде нет, это не входит в обязанности лидера; однако первая же серьезная ошибка становится последней. Принцип сапера: ошибаешься только один раз. Границы допустимого обычно ощущаются любым членом сообщества. Их сформулировал один из членов Молодежного Совета «Яблока» в Санкт-Петербурге: «Можно легко вылететь из партии, если ваша деятельность направлена против "Яблока" или есть нарушения Устава, нарушение моральных принципов», при этом замечая: «Обычно люди сами выходят из партии, если их что-то не устраивает» [ПМ (СПбГУ): 2000], т. е. указывает на примат неформальных механизмов вытеснения человека за рамки политического сообщества. Нужно учесть, что большая часть того, что понимается под «моральными нормами» в каждом сообществе, обычно прямо не формулируется, поскольку считается общеизвестным. Сориентироваться помогают советы и консультации «старших товарищей».

На первых порах новый член команды проходит период обучения. Освоение групповых норм происходит либо при помощи покровителя — опытного наставника, либо путем ориентации на культурные образцы — культовые фигуры, персонифицирующие групповую норму.

О. Д. Бакланов вспоминает, как сразу после прихода на работу в ЦК КПСС попросил А. И. Лукьянова «проконсультировать меня, как себя вести, какие в ЦК существуют обычаи, правила. Он к моей просьбе отнесся по-человечески, объяснил, что к чему» [Степанков, Лисов 1992: 36]. Вячеслав Костиков, поступив на работу в Кремль в качестве пресс-секретаря Президента РФ, заручился обещанием первого помощника Президента В. В. Илюшина «подсказывать» ему на первых порах. Упоминает он и о помощи дежурных в приемной Б. Н. Ельцина, которые «небольшими подсказками и ненавязчивым руководством... во многом облегчали нелегкую жизнь в Кремле» [Костиков 1997: 35, 41]. Впрочем, иногда эти подсказки носили скорее характер испытания — проверки новичка на способность самому выбрать правильное решение.

Не менее значим и другой путь освоения неформальных норм: ориентация на культурные образцы. Роль образца могут выполнять исторические персонажи («комиссары в пыльных шлемах» или германские штурмовики 1930-х гг. для нацболов конца 1990-х; Че Гевара для леворадикальных организаций). Но чаще всего роль образца — примера для подражания играет лидер партии, ячейки либо иная харизматическая фигура в рамках «своего» сообщества. Так, среди питерских студентов-экономистов в конце 1990х гг., тяготевших к ДВР, велика была популярность А. Чубайса. По свидетельству молодого члена ДВР (СПб., 1999 г.), доходило до копирования внешности и манер кумира. Еще более выражена функция культурного образца у лидеров неформальных политических движений и объединений. Так, по наблюдениям социолога А. Топоровой, рядовые члены подобных объединений идентифицируют друг друга через соотнесение с лидером. Несколько раз она наблюдала выяснения отношений между членами НБП [самоназвание] (руководитель Э. Лимонов) и РНЕ (Баркашов). При этом национал-большевики воспроизводили следующий текст как формулу доказательства преимуществ своей организации: «Давайте сравним. Взять, к примеру, по вождям: кто такой Лимонов? Известный писатель, человек хороший. А кто такой Баркашов? Это же просто слесарь» [ПМ (СИ РАН): 1998]. Характерно, что качества, приписываемые лидеру, распространяются символически на всех членов сообщества.

Примером для подражания становится неформальный лидер. Такая форма символизации норм характерна именно для неформальных сообществ типа «команды». В ее основе механизм регуляции поведения путем демонстрации групповых норм в виде культурного образца, воплощенного в харизматической фигуре (лидера сообщества или персонажа групповой мифологии). Эта форма регуляции может замещать либо дополнять регуляцию посредством прямых предписаний, запретов, системы принуждения, санкций и поощрений.

Повседневные практики

«Команда» (как принцип, структурирующий общение в политической среде) воспроизводит себя в ряде повседневных практик и в них же находит свою символическую репрезентацию. Здесь не ставится задача детально, минута за минутой, описать мельчайшие действия занимающихся политикой. Едва ли она была бы выполнима и осмысленна. Наша задача — выявить структуры интерпретации повседневных практик. В процессе повседневной деятельности люди не только осуществляют , но и интерпретируют ее, придают ей значения. Благодаря

этому практики структурируются, становятся видимыми, получают названия, могут обсуждаться — т. е. становятся, собственно, социальной реальностью. Когда мы говорим с участниками политической деятельности, мы получаем информацию именно об их интерпретациях.

Итак, задача — выявить (хотя бы наиболее заметные) интерпретации (образы практик), в рамках которых повседневность политического сообщества описывается его участниками.

Большая часть рассказов, как в интервью, так и в мемуарах, концентрируется вокруг двух тем: «борьба» (бой, война, схватка) и «застолье». Значительная часть того, что обсуждается, о чем говорят, тяготеет к этим двум матрицам. Есть у них и общая основа, ценность – «сила».

Силовое сообщество

Пожалуй, самая заметная и устойчивая матрица для описания собственно политической деятельности — «бой»: матрица силового столкновения. С нею мы сталкиваемся как в интервью и мемуарах, так и в публичных выступлениях политиков. Политические действия описываются и прочитываются участниками как обретение, применение или демонстрация силы. Именно сила является основным качеством символического «тела» политического сообщества, играет первостепенную роль в его самоопределении, как один из аспектов власти: в словаре В. И. Даля одно из значений «силы»: «власть, могущество, влияние, владычество, чисто-нравственное, или поддержанное страхом кары» [Даль 1995: 184]. Если рассматривать современное государство как «организованный по типу учреждения союз господства, который внутри определенной сферы добился успеха в монополизации легитимного физического насилия как средства господства» [Вебер 1990: 651], то понятно, что любое сообщество, действующее в политической сфере, должно самоопределиться по отношению к насилию: поддерживает ли оно монополию (если участвует во власти), либо претендует на ее разрушение (если стремится во власть).

Мы уже замечали, что наименование неформальной политической структуры: *команда, дружина, боевой отряд, группа быстрого реагирования* — отсылает к матрице боевой единицы, силового сообщества. В политическом дискурсе сам образ «команды» включается в контекст описания политики как «боевых действий»: «Сокрушительная победа, которую одержал Волошин со своей командой на думских выборах» [Ельцин 2000]. «Команда Ельцина... в процессе предвыборной борьбы умело маневрировала и сумела не только нейтрализовать Жириновского, но и привлечь на свою сторону ко второму туру выборов генерала Лебедя» [Собчак 1999]. «Команда Гайдара... и эти уж руби

пули» [Жириновский 2005]. «Перед лицом неотвратимого укрепления позиций союзного президента и его команды...» [Грачев 1994]. Понятие «команда» — элемент силового кода, с помощью которого политическая деятельность описывается как боевая. Характеризуя деятельность политических сообществ, авторы мемуаров и партийные идеологи используют такие метафоры, как *шеренга бойцов, боевой отряд*, который *смыкает* или *перестраивает ряды* перед лицом противника, пытающегося *пробить брешь в* его *рядах*; члены политического сообщества – это *солдаты партии, соратники*, а новое пополнение — это *новый призыв;* люди идут в партию *как в последний бой*, оказываются *в первых рядах бойцов*, обещают *не дрогнуть* под натиском противника.

Модель политической организации как силового сообщества дает о себе знать не только на уровне метафорических речевых конструкций, но и в сознании политических лидеров. Э. Лимонов свою партию определяет как «добровольное содружество индивидуумов... готовых пролить свою и чужую кровь за эти (русские национальные. — *Т. Щ.*) ценности» [Лимонов 2002]. Как было сказано в программных документах НБП [самоназвание] (вариант 1994 г.), «структура организации должна быть скопирована с армейской»; вступающие в партию делятся «на "комиссаров". способных вести работу по пропаганде и агитации; способных выступать перед массами (сбалтывать массы), и на солдат» [Лимонов 1994: 3–4].

Модель неформальной структуры как «боевого отряда» прилагается и к менее радикальным политическим сообществам. Предвыборное противостояние фракций в Законодательном собрании Санкт-Петербурга было представлено в прессе как «боевые действия». «Как и следовало ожидать, — пишет журналист А. Мухин, — все участники *боевых действий* распределились между двумя *лагерями* — яковлевским и черкесовским» [Мухин 2002: 15] (курсив мой. — *Т. Щ.*).

Практики, связанные с применением или демонстрацией силы, приобретают для политических сообществ символическое, а потому и консолидирующее значение.

В случае **внесистемной** политической организации формальная структура фактически сливается с неформальной, а потому и дискурс «силы» (как доминирующая форма самоописания на неформальном уровне) должен быть выражен более явно.

«Горделивая колонна под яркими флагами», которая «стремится своим видом устрашить противника, заявить о себе» [Лимонов 2002], — так описывает шествие своих молодых, «веселых и злых» сторонников руководитель НБП [самоназвание]. Проводимые ими публичные политические акции, однако, сводятся большей частью к символическим проявлениям агрессии: молодые люди «закидывают яйцами» извест-

ного кинорежиссера, девушки-нацболки хлещут неугодного партии политического деятеля по щекам букетом или бросают в лицо кремовый торт В том же ряду символических «битв» и другие получившие известность национал-большевистские акции захват башни в Севастополе, а потом в Риге, где они, размахивая флагами, грозили муляжом гранаты — не как оружием, а как партийным символом («лимонка» — любимый мотив партийных татуировок, а также название партийной газеты) Все это делается во время, когда ведется телесъемка, чтобы акция обязательно обрела бы общественный резонанс Все эти театрализованные акции — не насилие, а сообщения о насилии, о решимости его осуществить Другой вариант трансформации насилия в публичном пространстве — его вербализация жителям Санкт-Петербурга в конце 1990-х были привычны оставленные сторонниками национал-большевистской организации граффити вроде «Ешь буржуев», где насилие редуцируется до своей вербальной репрезентации

Нельзя сказать, что нацболы совсем избегают силовых столкновений — постоянная готовность отразить нападение входит в их набор ценностей маскулинности, который, по наблюдениям социолога, звучит следующим образом «Есть как бы стереотип — "что должен делать НБП-шник" ну вот НБП-шник должен иметь много женщин, пить много водки, быть готовым в любой момент кого-то *заколбасить* (т е избить — *Т Щ*)» [ПМ (СИ РАН) 1998]) Э Лимонов писал о консолидирующем влиянии групповых акций, включая «совместные потасовки» в число ритуалов, необходимых партии, «чтобы поддерживать себя в общности» [Лимонов 2002] Однако стычки случаются, как правило, в неполитическом контексте (столкновения в молодежной среде — со скинхедами, фанатами на стадионе, просто между собой) Переход в политическую сферу в случае лимоновцев сопровождается замещением прямого насилия на символические, как правило, свернутые в знак, формы

Рассмотрим теперь другой случай — партию умеренно-либеральной ориентации, совсем не радикальную, «системную», т е (в рассматриваемый период) представленную в системе госуправления «Яблоко» принципиальный противник насилия, что проявляется в позиции этой партии по отношению к чеченской войне, армейской реформе и многим другим вопросам «Яблоко» (как сама партия, так и ее Молодежный Союз) не устраивают публичных акций с использованием силы Однако в сценариях публичных акций используется силовой код, как основа для сюжета, сценария акции Во внутрипартийной среде долго обсуждалась акция, проведенная Молодежным союзом «Яблоко» На вопрос, используется ли в практике МС сила, его члены отвечали «Однажды была у МС шуточная акция по поводу противоречий между Администрацией города и ЗакСом Мы это инсценировали наши ребята-акти-

ры выходили и якобы кого-то били А так нет» [ПМ (СПбГУ) 2000] «Одна из самых ярких акций была на площади у ЗакСа по поводу того, что на выборах было много криминальных кандидатов, — говорит член партии "Яблоко" — По поводу криминальных кандидатов у нас была акция у Казанского собора У "яблочников" были накидки, а у противников — тех, кто играл криминалов, — были плакаты против "реалистов" из разряда времен советской агитации Закончилась эта сценка (ее, кстати, снимало НТВ) импровизированной битвой» [ПМ (СПбГУ) 2000] Любопытно отметить, что в последних двух примерах в сферу публичной коммуникации выносятся столкновения внутри политической среды — между разными «командами», конкурирующими на выборах в ЗакС Силовой код (символическое сражение) используется, чтобы донести до публики значимую информацию как своеобразное средство перевода ее на язык, считающийся понятным публике То есть «силовой» сценарий актуализируется как «понятный извне», для непосвященных, способ презентации политического противостояния

Случай «Яблока» показателен для либеральной среды в целом В области публичных коммуникаций партии либеральной ориентации используют сценарий силового противоборства, однако реализуется он чаще всего в символической форме театрализованных акций или спортивных состязаний Например, Демократический Союз, отвергая насилие как средство политической борьбы, во время публичных акций готовится к нападению «Помните, — говорила Новодворская на учредительном съезде (Демократического Союза — *Т Щ*), — мы поклялись не брать в руки оружия, но наши противники такой клятвы не давали» [Лудин 1999 3] Вступая в пространство публичных уличных акций, их участники вписывают себя в сценарий «битвы», в рамках которого они воспринимают сами эти акции Определяя смысл своей политической деятельности, Валерия Ильинична использует «военные» метафоры «Речь идет об историческом реванше Снова, как встарь, между красными и белыми только чистое поле, на котором решится судьба России Победа в гражданской войне достигается только силой Не обязательно силой оружия Силой воли Силой духа Готовы ли к гражданской войне члены моей собственной команды? » [Новодворская 1993] Заметим, что в связи с силовой риторикой снова всплывает понятие «команда» Даже если партия отвергает использование насилия, оно не уходит из дискурса, превращаясь в риторическую фигуру, расхожую формулу для описания публичных акций, мотив политического фольклора В статье, посвященной десятилетнему юбилею Демократического Союза, процитирована давняя дэвсовская (ДС) байка «Как-то раз безоружная Новодворская обмолвилась, что на завтрашнем митинге, если понадобится, откусит ухо омоновцу, — и стражи по-

рядка появились в шлемах» [Лудин 1999: 3]. Агрессия, как в приведенном случае, довольно часто трансформируется в формы политического юмора. Исследователь политического юмора А. В. Дмитриев, вслед за К. Лоренцем [Лоренц 1994; 1998], рассматривает юмор как одну из форм «скрытой и переключенной агрессии», основываясь на этолого-психологической концепции происхождения смеха из взаимодействия господства-подчинения [Дмитриев 1998].

Силовой код актуален и в контексте такой формы публичных коммуникаций, как PR (public relations). PR — способ презентации политического сообщества в публичном пространстве, опосредованной профессиональными технологиями. В сетевом «Русском журнале» (выходившем в рассматриваемое здесь время под эгидой ФЭП[6]) одна из «тем недели» была посвящена пиар-технологиям. Обсуждение ее следующее заявление редакции: «Не надо забывать, что альтернативой (пиару. — *Т. Щ.*) является непосредственное применение силы». Автор одной из статей, опубликованных в рамках «темы недели», М. Ремезов, добавил к этому, что пиар как «гиперсистема социального маскарада существует лишь в той мере, в какой ей удается отсрочить и вытеснить за свои рамки ситуацию применения власти. Ситуацию смертельной борьбы, прямого действия массы, эмансипированной от ролевых ипостасей» [Ремезов 2001].

Таким образом, на праволиберальном фланге, как и в радикальной молодежной среде, мы наблюдаем тенденцию вписывать публичные коммуникации (от уличных акций до PR-кампаний) в сценарий силового взаимодействия. Сравнение двух приведенных случаев (НБП [самоназвание] и «Яблоко») не показывает особой разницы между радикалами и либералами на уровне публичных акций: в обоих случаях фиксируется использование сценария силовых взаимодействий («боя») как сюжетной основы акции; при этом характерна символизация и театрализация насилия, которое перестает быть физическим и превращается в текст.

На вопрос социолога Ю. Боголюбовой, случаются ли драки во время акций, она получила от участников «яблочных» акций уверенный ответ: «Нет. Хотя провоцировали. Тогда же нас хотели даже в Неву покидать — мы еле ноги унесли, оперативно смотались, когда увидели, что съемка заканчивается» [ПМ (СПбГУ): 2000]. Показательно, что ответить на провокацию, т. е. перейти от символических форм демонстрации силы к потасовке, в этом контексте расценивается как поражение. Вероятно, цель провокации и есть — вытеснить противника из сферы политического дискурса: заставить перейти от символической

[6] Фонд эффективной политики — политологическая и PR-структура, курируемая Г. Павловским

демонстрации силы (элемент дискурса) к простой драке (сила здесь уже теряет качество знака).

В отношениях между разными партиями на либеральном фланге силовых столкновений не отмечено, зато популярны формы спортивного противоборства. Сопредседатель Молодежного союза «Яблоко» рассказывает: «Есть у нас одна территориальная организация, члены МС там активно играют в футбол. У них своя команда, играют с СПС, с болдыревцами» [ПМ (СПбГУ): 2000]. Не менее популярны поединки с политическими соперниками за шахматным столом. Так, в партийной прессе и на сайте «Яблока» был активно «распиарен» шахматный матч команд петербургского «Яблока» и «Союза правых сил», состоявшийся 12 января 2001 г. в Петербурге. Предваряя матч, активисты обеих партий — их лидеры и депутаты ЗакСа — говорили «о том, что проведение данного матча должно закрепить традицию мирного соревнования между политическими организациями и неформальных контактов между их членами... По мнению Дм. Ленкова (в тот момент председателя СПб. РО "Яблока". — *Т. Щ.*), участники матча хотели дать понять своим избирателям и сторонникам, что политический процесс должен идти по линии диалога, где состязаются интеллекты, таланты», и что, принадлежа к разным партиям, соперники «должны видеть друг в друге не врагов, а всего лишь политических оппонентов» [Сайт СПб. «Яблока» 2001]. Спортивные поединки, актуализируя тот же силовой код (т. е. модель политики как боевых действий), позволяют обойтись без физического ущерба.

Метафоры «боя»

В публичном дискурсе метафоры «боя» применяются к разным формам политической активности: например, в прессе выборы описывают как *боевые действия*, а конкурентные отношения чиновников как *аппаратные бои*. Метафора «боя» используется при описании того, как представляют политическую деятельность непосвященные, неофиты. В марте 1999 г. мы разговаривали с одним из молодых членов партии ДВР, который рассказывал о том, как люди приходят в партию: «... во время таких кампаний, как провалы на выборах ... чеченская война, поступали (в партию. — *Т. Щ.*) люди, которым были близки действия идеологической партии... они приходили "на последний бой", на "последнюю баррикаду", — выражение, которое часто повторялось. Интересно, что их активность сильно снизилась, как президентские выборы не были проиграны — тогда они как-то так успокоились, и их теперь только иногда удается найти». Можно заметить, что представления о политике как «бое» приписываются неофитам и противопоставляются взгляду «посвященных», воспринимающих занятие политикой как

«работу» (ср.: точно так же — как «мужскую работу» — опытные военные определяют войну). Этот контраст подчеркивает и мой собеседник: «Вообще большая часть людей довольно дурно представляет, на что похоже действие партии внутри. Меня это в полной мере касается. Я это представлял себе совершенно не так, как оказалось, и в результате оказался не лучшим членом своей организации. Ну, просто более полезны другие люди: там нужны менеджеры, там нужны организаторы — на девять десятых все внутри состоит из работы на телефоне, со звонками... не митингов, – того, что... А люди, которые шли "сражаться" в такой ситуации, обычно были очень настроены на такие яркие коллективные действия — даже необходимость посещать каждый месяц собрания и выслушивать, как наш партийный начальник поссорился с главным партийным начальником в городе, и какой этот начальник сволочь, и выясняется, как они друг друга не любят, — вот это не вызывало теплых чувств» [ПМ (СИ РАН): 1999]. В этом случае в терминах «последнего боя» и «сражения» описываются «коллективные действия» в публичном пространстве, причем подчеркивается, что так политика предстает «наивному» взгляду непосвященных, в то время как «настоящая» политика — это повседневная работа профессионалов, рутина. требующая постоянного труда, знаний, навыков и рационализма, а не героических подвигов.

Любопытно, что подобное противопоставление (представлений о политике как «бое» и как «работе») фиксируется и в дискурсе радикальной организации (НБП [самоназвание]). «До партии я фактически не знал, — говорит один из членов партии. — Были представления о какой-то революционной романтике, там, что вот, революция, приказы, знамена... А членство в партии — оно дает человеку понять, что это значит на практике, что такое действительно партийная работа, что это достаточно сложный труд, вот... Чтобы действительно чего-то добиться, своих целей идеологических, надо не только рассуждать об этом, читать, но и постоянно работать на партию» [ПМ (СПбГУ): 2000]. Любопытно, что под «работой» мой собеседник понимает разные формы политического участия: «от хождения на митинги по юбилейным датам до акций прямого действия». Если учесть, что «прямым действием» он называет чаще всего столкновения с применением насилия или театрализованные акции с символизацией насилия, то мы имеем дело с рутинизацией насилия (и вообще силы) во внутригрупповом политическом дискурсе.

Пир победителей

Рассматривая формы общения в политической среде, нельзя обойти вниманием коллективное застолье, где неформальные отношения

манифестируют себя, пожалуй, наиболее ярко. Питейные ритуалы относятся к числу глубоко укоренившихся традиций российской политической культуры. Впрочем, не только российской (поскольку застолья включаются и в международный этикет) и не только политической (поскольку очень близкие формы общения приняты в различных профессиональных, дружеских и просто ситуативно сформированных сообществах).

Говоря о питейных практиках в контексте политической культуры, мы акцентируем их знаковые аспекты, т. е. рассматриваем эти практики и отдельные их элементы (атрибутику, пространственно-временные характеристики, поведенческие и речевые стереотипы) как знаковую систему: один из кодов, опосредующих политические взаимодействия. Наша задача — рассмотреть ситуации актуализации этого кода и тот набор значений, который транслируется с его помощью.

Исходя из этого, мы делаем акцент на *интерпретации* питейных практик. С этой точки зрения не важно «подглядеть» детали реально происходивших застолий, наша задача — зафиксировать их интерпретации, т. е. значения, придаваемые этим практикам и отдельным их элементам. Поэтому мы опираемся на тексты, где застолья представлены с точки зрения участников; еще раз напомню, что эти описания следует расценивать именно как интерпретации «изнутри». Их нельзя расценивать как фактологически достоверные свидетельства — из них можно почерпнуть информацию только о значимых элементах застолья (доказательство их значимости — именно то, что они находят отражение в тексте). Эти тексты фиксируют не столько собственно практику застолья, сколько ту культурную модель, по которой она строится и с которой соотносится[7]. Реконструкция этой модели как части политической культуры и составляет задачу нашего исследования.

Консолидация

Главное и наиболее очевидное из значений, приписываемых застолью, — значение его как средства консолидации и тем самым символа единства политического сообщества.

Совместная выпивка входит в ритуал заключения неформальной договоренности. Так, В. Костиков описывает следующий эпизод. Уходя с поста пресс-секретаря Президента, он не скрывал своего намерения писать мемуары; А. Коржакову (начальнику президентской охраны) и М. Барсукову, явившемуся к нему для «разговора», Костиков

[7]Поэтому и наши выводы не идут дальше реконструкции модели застолья, как она представлена в политической культуре Никаких выводов о том, как принято пить в той или иной партийной организации, этот материал сделать не позволяет

сообщил, что в книге не будет компромата «Коржаков вдруг заговорил вполне доброжелательно "Это снимает необходимость разговора. Меня удовлетворило то, что ты сказал Давай выпьем" Я налил три рюмки Мы выпили и налили снова Видимо, они услышали от меня то, что хотели услышать некую форму джентльменского обязательства» [Костиков 1997 14–15] Тот же ритуал неформальной договоренности фигурирует и в партийном фольклоре ныне почившего ДВР В середине 1990-х гг в праволиберальной среде была актуальна тема предвыборной коалиции между ДВР (партией Е Гайдара) и «Яблоком» В связи с этим активно обсуждался эпизод, «когда выступал печальный Гайдар и сказал, что вчера же они с Григорием Алексеевичем обо всем договорились, выпили две рюмки коньяку А потом Григорий Алексеевич отыграл обратно» Упоминание о «рюмках» здесь звучит как свидетельство того, что договоренность была достигнута «Кажется, существует норма, — пояснял молодой ДВР-овец, комментируя этот сюжет — Сначала обо всем договорились, а потом, отмечая соглашение, выпили "целые рюмки"» [ПМ (СИ РАН) 1999] Этот и подобные эпизоды в ДВР приводили как иллюстрацию обособленной позиции «Яблока» в демократическом движении Тот же смысл имеют и рассказы лидера молодежной организации ДВР о молодежном лидере «Яблока», что тот «человек абсолютно непонятный и вообще, предположительно, склонный к моральной нестабильности Потому что один день они вместе моются в бане, пьют водку а на следующий день "Яблоко" аннулирует подписанное соглашение» [ПМ (СИ РАН) 1999] Опять апеллирует к факту совместной выпивки как дополнительному свидетельству заключенного соглашения

Сплачивающее значение приписывается и застольям, которые проводятся после политических мероприятий (это может быть банкет по завершении партийной конференции или просто выпивка после уличной акции) Э Лимонов передает слова А Гребнева «После митинга я веду ребят выпить Не нажраться а выпить пива Это их сплачивает, делает командой» [Лимонов 2002] Сам Эдуард Вениаминович пишет, как, ощутив после проигрыша выборов 1993 г охлаждение со стороны помогавшей ему во время предвыборной кампании «тверской команды», затем «исправил ошибку — съездил в Тверь позднее и пил с ребятами, сидел и вспоминал» [Лимонов 2002] Выпивке придается значение объединяющего средства, причем не только в радикальной молодежной среде

Солидные праволиберальные и левые партии устраивают банкеты после партийных конференций, что позволяет перейти на более доверительный уровень общения Как замечает Б Немцов, выпивка облегчает общение, особенно когда «собираются совершенно разные люди с совершенно разными интересами» [Немцов 1997] Во время застолья

позволительно называть друг друга по имени, оставив официальные обращения и титулы Значение совместной выпивки как средства снятия отчуждения вполне традиционно для российской (и, вероятно, не только российской) политической культуры В М Суходрев, еще во времена СССР много лет работавший переводчиком при первых лицах государства, вспоминает ужин на яхте после важных переговоров в Египте с А Насером (дело было в 1960-х гг, после шестидневной войны) Стараясь «всячески продемонстрировать свою дружбу и расположение» к советским гостям египтяне, как пишет Суходрев, «в знак особой доверительности закрыли глаза на мусульманские обычаи и устроили там небольшой бар с набором самых разнообразных алкогольных напитков» [Суходрев 1999 439]

В контексте наших рассуждений о «команде» отметим роль застолья в процессе формирования тех связей, которые ложатся в основу ее консолидации Как вспоминал А Гребнев, петербургская организация НБП [самоназвание] начала свое существование с того, что «пили в бункере» — так нацболы называли свое первое помещение в Санкт-Петербурге в районе Песков Б Н Ельцин пишет о том, как кристаллизовалась «команда-97» (правительство «молодых реформаторов», «команда Чубайса») во время пикников «с шашлыками, песнями у костра», устраивавшихся по воскресеньям на даче у Юмашева [Ельцин 2000] А И Лебедь вспоминал эпизод, с которым он связывал возникновение доверительных отношений между Б Н Ельциным и П С Грачевым 31 мая 1990 г Ельцин, тогда еще кандидат в президенты России, посетил полигон Тульской Воздушно-десантной дивизии После банкета в охотничьем домике последовало прощание с заверениями «в вечной дружбе и любви» По мнению А И Лебедя, именно этот эпизод сделал П С Грачева «одним из самых теплых и задушевных друзей президента, одним из самых верных и преданных ему лично соратников, министром обороны России» [Лебедь 1995 292, 295] Не буду обсуждать, насколько его мнение справедливо, я привела здесь эту цитату для того, чтобы проиллюстрировать значение, которое придается застолью, как одной из принятых в политическом сообществе практик общения именно значение его как средства установления отношений, объединения Опосредуя объединение, выпивка тем самым символизирует его в глазах участников сам факт совместного застолья интерпретируется ими как знак определенной степени близости, и описание пьянок в политических мемуарах имеет одной из функций самопрезентацию автора — как знак его включенности в неформальные структуры политического сообщества, близких отношений со значимыми политическими фигурами Это значение важно и для молодых политиков – участие в застольных «мероприятиях» для них показатель интеграции, включенности в партийную жизнь

Так, по свидетельству молодого человека из бывшего ДВР, лидер молодежной организации этой партии «очень гордился», что его приглашали на «партийные мероприятия», «рассказывал, что он "лично с Егор Тимурычем " Ну, просто как бы близкий контакт со знаменитостью, как я понимаю Я не думаю, что то, что они вместе употребляют алкоголь, имеет принципиальное значение Но вот то, что как бы это самое сближение, как сокращение дистанции — да, это, конечно является знаком каких-то » [ПМ (СИ РАН) 1999] А Аджубей, вспоминая рассказы Н С Хрущева, пишет, что тот же смысл придавался совместному застолью и в окружении И В Сталина [Аджубей 1989 289]

Совместное застолье (в идеале) формирует некое символическое «питейное братство», принадлежность к которому означает и причастность к неформальным структурам, скрытым от непосвященных Иногда эта потаенность имеет даже топографическое выражение по воспоминаниям В Костикова, застолья у Ельцина происходили в «потаенной комнате», расположенной за залом бывшего Верховного Совета СССР, куда «кроме президента и приглашаемых им лиц никогда и никого не пускали» [Костиков 1997 24], комната эта с двумя соседними называлась в президентском окружении «зоной» В рассказах участников партийных банкетов характерны указания на то, что они происходят в «задних комнатах», «за» сценой или конференц-залом, — в скрытом пространстве, так что приглашенных и допущенных туда «проводят» распорядители [ПМ (СИ РАН) 1999] Такой стереотип описания — способ обозначить эзотеричность застолья, ограниченность и избранность круга его участников Факт участия в подобных мероприятиях («неофициальной части» различных семинаров и конференций) уже воспринимается как знак причастности к кругу «своих» неформальным — скрытым, истинным — структурам политического сообщества Для человека, нового в той или иной среде (в партии, в номенклатуре, на более высоком уровне партийной иерархии и т д), приглашение вместе выпить имеет смысл ритуального посвящения в «свой круг» Бывший пресс-секретарь М С Горбачева вспоминает характерный эпизод — процедуру утверждения Михаила Сергеевича на пост Первого секретаря Ставропольского обкома КПСС «Пройдя смотрины в нескольких кабинетах ЦК, в апреле 1970 г пе ред окончательным утверждением переступил порог кабинета Генерального секретаря», который беседовал с ним в течение нескольких часов За этой официальной частью «смотрин» последовал «ритуал его введения в группу быстрого реагирования» — неформальную группу сторонников Л И Брежнева, оказывавших генсеку поддерж ку на пленумах ЦК Как пишет А Грачев, «церемонию посвящения в члены этой ни для кого не секретной "группы поддержки" Миха-

ил скомкал, отказавшись выпить залпом полный фужер водки, чем вызвал общую настороженность» [Грачев 2001 33–34] По свидетельству его соратников, Михаил Сергеевич оставался в кругу партийной номенклатуры «белой вороной» «Хмель в компанию принимает, а непьющего никто не знает», — гласит пословица [Даль 1994 306, 310, 311] В той же роли «белой вороны» оказалась и В Новодворская вспоминая свои студенческие годы, наполненные революционной деятельностью, она пишет «Бедность, целомудрие и абсолютная трезвость тоже делали меня парией в среде сокурсников» [Новодворская 1993] Если участие в застолье расценивается как принадлежность к некоему неформальному «кругу», то неучастие — знаком отчуждения Человек, не участвующий в питейных собраниях, остается за рамками складывающейся неформальной общности Прекращение совместных застолий становится символом раскола в организации Приведу пример из статьи В Строева об РНС (Российский национальный союз, право-националистическая организация) В 1997 г в ней произошел раскол «После этого даже пить (!) перестали вместе», — пишет Строев [Строев 2000] Сходным образом сын Н С Хрущева описывает момент отставки Никиты Сергеевича с поста генсека «Все В оставке», — сказал ему вернувшийся раньше обычного с работы отец Немного помолчав, добавил — Не стал с ними обедать» [Хрущев 1991 282]

Все это говорит о значении коллективных застолий в политической среде как символа принадлежности к сообществу (точнее — к его неформальной структуре — кругу «своих», «команде») и как символа самой этой общности, ее единства

Проекция (модель) сообщества

Коллективное застолье рассматривается его участниками как моделирующая структура, отражающая значимые черты политического сообщества Иногда это находит выражение в театрализации питейного ритуала он строится как текст, разыгрывается как своеобразный спектакль Приведу несколько примеров

В пензенской газете «Молодой Ленинец» была опубликована статья А Анисимова о том, как студенты историко-филологического факультета местного пединститута «даже самые банальные пьянки в своем кругу стали называть не иначе как партийными конференциями или съездами Друг другу они дали вторые имена — товарищ Троцкий, товарищ Ворошилов и т д Партийцы, находясь в курилке, обменивались между собой впечатлениями в ироничной, чисто ленинской манере “А вы, батенька, почему отсутствовали вчера на нашей партконференции?” — спрашивал, например, один — Мы там заслуша-

ли три доклада (читай — выпили три бутылки водки. — *Прим. авт.*), а после этого продолжали прения по интересующему всех вопросу» (это означало, что потом еще пили пиво. — *Прим. авт.*). «Да вы знаете, — отвечал собеседник, — я до сих пор нахожусь под большим впечатлением от минувшего съезда и еще не очень хорошо усвоил его положения» (следует понимать: парень еще не совсем отошел от недавней выпивки и потому на сей раз решил воздержаться). Игра зашла так далеко, что «политической партией» заинтересовались чекисты [Анисимов 2000]. Питейное мероприятие прочитывалось его участниками (или кодировалось) как модель политического сообщества, правда, в этом случае виртуального. Этот случай не был уникальным. Я вспоминаю свою студенческую молодость в Санкт-Петербургском университете в конце 1970-х. Мои сокурсники, и тоже историки, собираясь, чтобы отметить сданный экзамен, окончание сессии или наступление весны, разыгрывали аналогичные спектакли: «Да вы, батенька, философ!» — говорили они друг другу «с совершенно ленинскими интонациями», называли друг друга «старые партийцы», «товарищи». Прощаясь, заговорщически шептали: «Расходимся по одному, документы сжечь». Называли друг друга выдуманными именами. «Павел Петрович, — говорил мой сокурсник Юра, кажется, Васе. — Встречаемся в типографии. Пароль остается прежний». Все настолько схоже, что, кажется, подобное моделирование, когда питейное сообщество обыгрывалось как подпольная партия, вошло в число студенческих обычаев.

Еще один подобный пример обнаружился в ближайшем окружении президента Ельцина (речь идет о периоде 1992–1994 гг.). «Когда мы собирались за праздничным столом в узком кругу людей, которые безусловно доверяли друг другу, — пишет В. Костиков, имея в виду в основном круг помощников президента, — мы позволяли себе устраивать забавные мистификации... Мы придумывали для себя "мифические" имена. Кто-то из нас становился начальником охраны президента Коржаковым, кто-то тогдашним комендантом Кремля Барсуковым, кто-то — Борисом Николаевичем, еще кто-то Старовойтовым (начальником ФАПСИ — Федерального агентства правительственной связи и информации), Баранниковым или Ериным, возглавлявшими в те времена соответственно Федеральную службу безопасности и Министерство внутренних дел. От их имени произносились забавные тосты, давались шутливые оценки, выносились политические решения» [Костиков 1997: 11]. Здесь пьянка также рассматривается как карнавальная модель, но совсем не виртуального сообщества, а реальной структуры — работники аппарата моделировали в своей среде структуру руководства силовых ведомств.

Подобного рода игры интересны нам как проявления моделирующей функции коллективных застолий. Поведение их участников мо-

делирует структуру отношений в некоем сообществе — в приведенных примерах речь идет о политических сообществах. Примечательно, что эти игры предполагают еще одну — внешнюю по отношению к участникам застолья — точку зрения: в случае с пензенскими историками упоминается местное КГБ, которое разрабатывало дело выдуманной ими партии, а в рассказе В. Костикова «все помощники президента исходили из представления, что нас слушают» [Костиков 1997: 11]. Моделирование сообщества предполагает вынесение точки зрения наблюдателя за его пределы, что дает возможность увидеть его как целое.

В приведенных случаях представление о застолье как модели сообщества нашло свое прямое, эксплицированное выражение. Обычно же моделирующая функция реализуется незаметно для внешнего наблюдателя, хотя для участников застолья она вполне очевидна. Мы привели эти случаи, поскольку они дают ключ к прочтению «текста» застолья: принцип его интерпретации как модели или проекции сообщества.

Чаще всего во время застолья моделируется свое собственное политическое сообщество, т. е. эксплицируется (в символическом, зачастую театрализованном виде) структура отношений между его участниками. Обратим внимание, какие элементы застолья играют знаковую роль. Выпивка моделирует какие-нибудь значимые официальные практики. Например, разыгрывается как «партийное собрание» или «конференция»: «*Откройте чернильницы* (т. е. бутылки. — *Т. Щ.*)», «*Всем ли роздана бумага* (т. е. есть ли закуска)?» У комсомольцев (ЛО РКСМ, 1998 г.), по словам человека, близко знавшего их тогдашнее руководство, «специальных пьянок не было, всегда официальное заседание, протокол даже вели. Спорили, кто будет протокол вести. Но постоянно один и тот же человек вел. Споры были — "только не я", все самоотводы брали... и в пьянке даже была у них иерархия (лидер комсомольской ячейки. — *Т. Щ.*). N. пил вино или шампанское, остальные водку... Вот, я помню, покупали водку и ему обязательно джин-тоник покупали, баночку. Ставил перед фактом: мотивировал тем, что "водку он не любит"» [ПМ (СИ РАН): 1998–1999). На этом примере заметно, как выделена позиция лидера — нестандартным выбором напитка. Замечу, что в этом случае выпивка практически сливается с собранием, официальная и неофициальная части жизни сообщества не разделены. РКСМ в описываемое время — практически неформальная организация, которая базируется на неформальных отношениях между комсомольцами. Если предположить, что официальные мероприятия формируют формальную, а коллективные застолья — неформальную структуру, то в данном случае, вероятно, формальная структура сливается с неформальной.

В большинстве случаев эти две структуры (и, соответственно, практики) разделены. Пример — Молодежный союз «Яблоко», который четко разделяет официальные мероприятия (конференции, заседания совета) и последующее их «отмечание». Связующим звеном служит фигура лидера, который в обоих случаях сохраняет свое место (в прямом смысле): «Если говорить о МС, то после закрытия центрального совета, конференции какой-нибудь все плавно переходит в отмечание данной конференции. Председатель был во главе стола, так там и остается». Знаковую роль играет пространственное размещение участников: маркирована — выделена как центральная или во главе стола — позиция лидера. Прочие участники рассаживаются «по ситуации. Но у каждого в партии появляются свои друзья, есть группы близкого общения», которые во время застолий садятся вместе [ПМ (СПбГУ): 2000]. Таким образом, в пространственной структуре застолья находит свое отражение внутренняя сегментация сообщества. В. Костиков заметил такое же членение в кремлевской столовой, где обедали помощники президента: «По соседству столов можно было косвенно определить, кто и с кем дружен, кто с кем в конфиденциальных отношениях» [Костиков 1997: 40]. Подвижность мест за столами говорит о динамике внутренней структуры: «Если это чаепитие, то места постоянно передвигаются, хочется пообщаться со всеми». Местами начинают меняться после первой, официальной части банкета, когда часть участников расходится. Еще в большей степени подвижность проявляется во время фуршетов.

Знаковый характер имеют напитки и подаваемые блюда — конечно, не весь набор, а некоторые из них. Так, на праздники партии и Молодежного союза «Яблоко» одно время закупали яблочный сидр (считается, что петербургский — самый лучший в России) и заказывали огромный яблочный пирог. Когда в ближайшем окружении Ельцина отмечали проводы В. Костикова на службу в Ватикан, то был предложен коньяк «Мартель». «Ну что же, давайте коньяк, — вздохнул президент. — Костиков у нас "француз", ему это, наверное, понравится, — заметил он, имея в виду то, что я довольно долго работал во Франции» [Костиков 1997: 40). В первом случае напиток является символом всей партии, во втором — его смысл связан с репутацией главного персонажа данного застолья и указывает на персональный характер торжества. Еще один пример иллюстрирует использование кулинарного кода. В сентябре 2002 г. в Санкт-Петербурге активно обсуждался вопрос о выдвижении губернатора В. А. Яковлева на третий губернаторский срок. Для этого требовалось изменение городского Устава, где имеется запрет баллотироваться на третий срок. В это время депутаты отмечали день рождения вице-губернатора Анны Марковой. Были поданы три торта с символическими надписями: «Закон», «Програм-

ма» и «Устав». «При этом, — замечает корреспондент, — с наибольшим энтузиазмом резали именно "уставный" торт, что было расценено как прелюдия к будущему "вырезанию" из Устава куска, где говорится о третьем сроке» [Вишневский 2002: 15].

Вербальная проекция сообщества

Однако наиболее ярко структура сообщества, значимые для него темы и отношения выражаются в вербальной форме. Разговоры во время застолья имеют особый статус благодаря освященному традицией представлению, что алкоголь *развязывает языки*, открывая обычно скрытую «истину»: «что у трезвого на уме, то у пьяного на языке». Иными словами, высказываниям *под мухой* приписывается статус «истины», считается, что они открывают *истинное лицо* человека. Соответственно совместное застолье рассматривается как средство познания друг друга, а его участники становятся причастными к общему знанию, скрытому от прочих, составляя род эзотерического братства.

Представление о том, что алкоголь развязывает язык, означает, что даже порой излишне прямые и резкие высказывания в этом контексте рассматриваются как норма. Ответственность за них отчасти снимается, поскольку считается, что выпивший человек не полностью контролирует себя. Это дает возможность действительно более прямо высказываться в адрес друг друга, выражать свое мнение, не опасаясь далеко идущих последствий.

Застольные обычаи предусматривают ряд сложившихся жанровых форм для высказываний, позволяющих выразить свое отношение к кому-то из присутствующих или других значимых лиц: от спонтанных подшучиваний, *стеба* (род прилюдной издевки), розыгрышей, партийных баек и анекдотов — до тостов, адресованных конкретной персоне. Подшучивания и реакция на них позволяют выявить место человека в неформальной сети, оценить как отношение к нему, так и его отношение к критике. Так, В. Костиков перед уходом с поста пресс-секретаря президента и отъездом в Ватикан устроил в своем кабинете в Кремле прощальную вечеринку. На этой вечеринке он получил от А. Коржакова и М. Барсукова подарок, выглядевший достаточно издевательски (фаллическую фигурку монаха); в тот момент, как он пишет, «я посмеялся вместе с дарителями, посмеялись и мои гости». В контексте застолья реакция и не могла быть иной (иначе с питейного кода пришлось бы перейти на силовой); однако позже им был прочитан и «другой, достаточно зловещий смысл этого сувенира. Мне давали понять, что в случае нарушения "джентльменского соглашения" (обещания не публиковать компромата на президента. — *Т. Щ.*) никаких приличий соблюдаться не будет. Служба безопасности как

бы заранее показывала мне свои "мужские достоинства"» [Костиков 1997: 14–15]. В этом эпизоде подшучивание стало, во-первых, формой публичного проявления отношения дарителей к уходящему члену команды; во-вторых, способом передать адресованное непосредственно ему сообщение, которое прямо высказать невозможно (оно не вписывается в систему официальных отношений). В подобных микроэпизодах эксплицируется система неформальных отношений в рамках сообщества. Совокупность их оказывает влияние на репутации участников застолья.

Наиболее устоявшимся, оформленным застольным жанром являются тосты, в которых сложившиеся репутации прилюдно обнародуются и проходят сквозь фильтр общественного мнения. Тосты задают временну́ю структуру застолья, которая в определенном смысле служит проекцией микросоциальной структуры сообщества.

Порядок произнесения тостов определяется традицией, в целом схожей для разных политических сообществ. Первые несколько тостов еще связаны скорее с формальной, чем неформальной структурой. Первый тост определяется событием-поводом к застолью: это может быть значимое официальное мероприятие (конференция, семинар, образование организации или его годовщина), общепринятый праздник (Новый год, 8 Марта), день рождения кого-то из членов сообщества. Первый тост, соответственно, «за событие». Второй (на домашнем застолье — «за родителей») пьют за «отцов-основателей» своей партии, за общепризнанного официального лидера — т. е. здесь еще доминирует матрица официальных отношений. После обязательных тостов (если за столом сложившаяся группа) следуют персональные тосты. «Обычно... очень бледный первый тост, который ... представлял собой изложение каких-то программ, ну, потом были персональные тосты. А дальше происходило... ну, просто: у кого-то недавно был день рождения, это отмечают» [ПМ (СИ РАН): 1998. ДВР]. Границу между официальной и неофициальной частью обозначает обычно «третий тост». Здесь два варианта: первый — за женщин («За милых дам!», «За присутствующих здесь дам!» и даже «За баб-с!»), который мужчины пьют стоя, иногда по-гусарски, «с локтя». Другой вариант третьего тоста — «За тех, кого нет с нами!» — встречается реже, обозначает самосознание сообщества как воинского, связанного с риском «потери бойца». Он восходит к армейскому или флотскому поминальному тосту («За тех, кто в море»). На этом первая часть сценария, еще связанная с официальной структурой отношений, заканчивается, и порядок тостов определяется, на первый взгляд, спонтанно.

Порядок персональных тостов имеет значение как маркер статуса как произносящего тост, так и его адресата. Открывает застолье, как правило, официальный лидер. «Ритуалов нет, есть традиции. Первый

тост — речь говорит старший» [ПМ (СПбГУ): 2000. «Яблоко»]. Хотя считается, что каждый может встать и произнести тост, вначале, как правило, высказываются более авторитетные люди. На организованных празднествах за этим следит распорядитель (желающий сказать тост вначале обращается к нему). Неофит, тостующий прежде старших, смотрится как выскочка. Тост, адресованный лично кому-нибудь из присутствующих, показатель его авторитета, тем более высокого, чем раньше произнесен этот тост, т. е. про него «вспомнили». Имеет значение и статус произносящего: престижно, если за вас предлагает выпить значимое в данном собрании лицо. Отклонение от этого порядка вполне ясно прочитывается сообществом как знак изменения отношений. Еще один пример из книги бывшего пресс-секретаря. День прилета Ельцина из Неаполя (со встречи «большой семерки» — потом «восьмерки»), 10 июля 1994 г., совпал с днем рождения С. А. Филатова (в то время руководителя Администрации президента). Тема для рождения Сергея Александровича обсуждалась в самолете, и еще с борта была дана команда собрать в аэропорту стол. «Президент пригласил всех пройти в зал приемов... С. А. Филатов, конечно же, был среди встречавших. Естественно было предположить, что первый тост президент поднимет за его здоровье. Однако он долго — нарочито долго, как показалось мне, — рассказывал о результатах поездки в Неаполь. Видно было, как Наина Иосифовна наклонилась к нему, напоминая, ради чего, собственно, сели за стол. Президент поглядел на нее с неодобрением и еще добрых десять минут продолжал говорить о политике. Наконец он поднял бокал и, мастерски выдержав паузу, предложил выпить... "за успех встречи в Неаполе". Второй бокал был за Сергея Александровича. Президент сказал несколько слов, но без излишних похвал. Говорил о том, что "ценит Сергея Александровича и считает его своим соратником". Тут президент на минуту остановился и, посмотрев в сторону Коржакова, неожиданно добавил: "Хотя кое-кто на него и наговаривает"» [Костиков 1997: 274]. Эту пространную цитату я привожу здесь как иллюстрацию того, как неформальные отношения в сообществе эксплицируются через застольные тосты. Автор этого описания интерпретирует данный эпизод как знак напряженности, возникшей в «команде президента». В качестве значащих он указывает два момента: порядок произнесения адресованного ближайшему сотруднику тоста (почему не первый?) и его содержание.

Содержание тостов определяется законами жанра: тосты всегда хвалебны (во всяком случае, по форме), хотя нередко имеется и язвительный, а то и оскорбительный подтекст. Но в целом тост — это всегда краткая характеристика адресата, высказанная в форме афоризма или иносказательно — в форме притчи. Эта характеристика, хотя и исходит от одного конкретного члена сообщества, не может выражать только

его мнения: ее должны разделять все присутствующие, показателем чего служит их согласие на предложение «выпить за это». По ходу произнесения тоста они могут поправлять выступающего так, чтобы итоговая формула выражала «общее мнение». Отказ же присутствующих выпить предложенный тост означает снижение авторитета самого тостующего, который вынужден поэтому (если не хочет идти на открытый конфликт) прислушиваться к их мнению. Таким образом, тост выражает репутацию адресата — его характеристику, прошедшую сквозь фильтр общественного мнения. При этом законы жанра допускают известную меру критики, пусть и выраженной, как правило, в иносказательной форме.

Третьей жанровой формой экспликации структуры сообщества (наряду с тостами и шутками) являются рассказы о случаях: партийные байки, истории, анекдоты, — в которых находят свое отражение уже сложившиеся репутации (не только присутствующих, но и других значимых лиц). Их рассказывают в неофициальных ситуациях, и застолье — подходящий для этого момент. Тематика баек самая разнообразная, их примеры мы уже приводили (байка о вице-губернаторе, который заявил, что он не «любитель женщин», а «профессионал»; об омоновцах, явившихся на митинг ДС в шлемах после угрозы В. Новодворской откусить кому-нибудь ухо). Есть и целый пласт баек, посвященный питейной тематике: то, как человек пьет, считается самой точной его характеристикой — опять из-за уже упоминавшегося поверья, что алкоголь выявляет истинную суть человека.

Таким образом, сценарий застолья актуализирует определенный комплекс символов и текстов, который моделирует внутреннюю структуру сообщества, отражая как формальные статусы присутствующих за столом, так и их неформальные отношения. «Кто-то о политике начинает говорить, только когда напьется, а мы, когда уже совсем напьемся, о политике забываем», — гласит пословица, популярная в среде как партийных функционеров, так и чиновников. Под «политикой» в этом контексте понимается набор политических тем, о которых говорит «кто-то», т. е. (в данном контексте) непосвященные, иными словами, имеется в виду публичная политика. Таким образом проводится грань между публичной политической деятельностью (как профессиональной для политика) и застольем как сферой внутренней коммуникации.

Силовой и питейный коды

Если рассматривать питейные практики с их символикой как питейный код, то следует обратить внимание, что этот код систематически соотносится с силовым, находясь с ним в отношениях взаимопереводимости и дополнительности.

Наблюдая молодежные группировки экстремистской и радикальной направленности, можно заметить, как легко выпивка переходит у них в драку, при этом атрибуты выпивки превращаются в орудия драки. Так, в молодежной «пивной» среде (пиво — символически-популярный напиток у молодых радикалов, скинхэдов, футбольных фанатов) пивная бутылка открывает сценарий драки. Характерный сценарий начала драки: группа бритоголовых, наметив себе жертву на улице, собирается, и кто-нибудь из них бросает жертве бутылку из-под пива: «Лови!» Тот пытается поймать, отвлекается, а в это время вся команда набрасывается на него и валит на асфальт. В более серьезных столкновениях бутылка может послужить реальным оружием: отбив от нее дно, делают «розочку», с помощью которой можно отбиться от целой компании [Лимонов 2002].

При определенных условиях самой выпивке придается значение оружия, способного вывести противника из строя: без соблюдения осторожности можно упиться *вусмерть*; затесавшегося в компанию чужака или подозрительного человека стараются напоить до бесчувствия — *вырубить* (термин, используемый и как обозначение нокаутирующего удара в драке). Напитки подразделяются на «сильные» (крепкие) и «слабые»: «сильные» способны *свалить с копыт*, но именно такие прилично пить мужчине. Из этого же ряда мотив выпивки как демонстрации силы, который время от времени всплывает в рассказах о партийных и правительственных застольях. Приведем два образца реализации этого мотива. Первый — из книги Э. Лимонова, описание поездки в казачью станицу вместе с В. Жириновским. «С казаками станицы Северской я отвел душу. Выпив едва ли не больше их всех и оставшись трезвым (с виду), я, полагаю, оставил после себя хорошую память в станице. А. пьет мало, Ж. пригубил несколько рюмок, но я отстоял единолично честь команды ЛДП, не будучи ее членом» [Лимонов 1994а: 113]. Второй пример — это байка, воспроизведенная в публикации «Независимой газеты»: выстроенный по всем канонам устного рассказа текст о том, как бывший приморский губернатор Наздратенко отстоял честь российской делегации во время визита в КНДР. Когда Ким Чен Ир поднес российскому президенту огромный кубок вина, тот подозвал к себе Наздратенко, «и Евгению Ивановичу пришлось, не отрываясь, выпить кубок, чтобы не ударить в грязь лицом», затем еще один — а в кубок, «по словам Наздратенко, вмещалась примерно пол-литровая бутылка вина» [Рискин 2003]. Подобные угощения приобретают значение испытания: нового (в данном питейном братстве) человека вызывают на поединок, в результате чего определяется его статус, а заодно и статус представляемого им сообщества. Как всякий поединок, этот может нанести ущерб его здоровью: в описанном выше случае, «по признанию самого Наздратенко,

он жутко болел после этого». Хрущев пишет, вспоминая застолья у Сталина: «Страдать приходилось» [Хрущев 1999:42]. Однако это и демонстрация возможностей его организма, символ крепости: так, Ельцин славился в кругу знавших его богатырским здоровьем, в доказательство чего приводилась, среди прочего, его способность пить сразу из двух бутылок водки. Случаи богатырского пьянства-поединка, подобные описанным выше, на самом деле редки: они связаны с рядом ритуальных ситуаций: испытанием новичка, стремлением «вырубить» (и тем самым не только исключить из числа активных участников, но и опозорить) противника. Однако они входят в фольклор и задают образец оценки статуса человека в питейном братстве — а тем самым и в неформальной структуре политического сообщества.

В большинстве ситуаций, однако, критерием оценки служит не столько количество выпитого, сколько «умение пить», сохраняя при этом дееспособность. Это умение может быть проявлением крепкого здоровья, но может быть достигнуто и с помощью определенных навыков — занимающиеся политикой говорят о «школе пития», которую дает пребывание в политическом сообществе, имеющем крепкие традиции. Если в молодости достаточно бывает силы, крепости организма, то с возрастом повышается значение «школы», в понятие которой входит фактор «тренировки», знание «меры» и, кроме всего прочего, «военные хитрости». Одна из них — пить из бутылок, в которые вместо водки налита чистая, вместо вина — слегка закрашенная вином или соками вода, вместо коньяка — подобранный по колеру чай. Н. С. Хрущев пишет, что этим приемом пользовались Берия, Маленков и Микоян, сговорившись с девушками, прислуживавшими за столом у Сталина. По свидетельству В. М. Суходрева, тот же прием использовал и сам Никита Сергеевич, а в последние годы жизни и Л. И. Брежнев — Генерального секретаря обслуживал личный официант, который и приносил бутылку с наклейкой «Столичная», наполненную водой [Суходрев 1999: 329, 433–434; Хрущев 1999: 41]. Другая хитрость — использование рюмок или бокалов с утолщенными стенками, так что при значительном внешнем объеме вместимость их была небольшой. Тот же Суходрев вспоминает подарок, который Н. С. Хрущев получил от жены американского посла Джейн Томпсон и с которым «почти не расставался»: это была хрустальная стопка для водки, с виду обычных размеров, но вмещавшая около столовой ложки [Суходрев 1999: 434]. Ну, а обычай проглотить перед банкетом ложку-две сливочного масла известен не только бойцам, прошедшим партийную школу.

Все эти приемы можно объяснить противоречием между этикой питейной «силы» и геронтократическими тенденциями в советской номенклатурной традиции. Если измерителем статуса в неформальной (однако более прочной и реальной, чем иные официальные) структуре

служит «сила» как способность много выпить не опьянев, то преимущество получают молодые и здоровые. Однако реально ко времени прихода к власти люди обычно уже бывают уже в возрасте. Вышеописанные приемы позволяли, видимо, некоторое время удерживать хотя бы видимое соответствие между формальной и неформальной иерархиями. Надо заметить, что воспользоваться ими (пить из водочной бутылки воду) могли отнюдь не все присутствовавшие за столами, а те, кто имел влияние на обслугу, имел право приказать или «договориться», — т. е. либо формальный руководитель (не случайно в приведенных примерах речь идет о генеральных секретарях), либо непосредственный начальник, ведавший подбором персонала (а этим занимались структуры госбезопасности). Они и получали известные преимущества.

Кроме силы имеется и еще один критерий оценки питейного поведения: мера. Этот критерий выступает на первый план в публичном дискурсе. «Водку и белое вино пью, но в меру. А чрезмерная доза иногда изменяет человеческий облик до неузнаваемости», — как сформулировал бывший шеф президентского протокола В. Шевченко (КП. 2002 29 июня). «Мера» связана еще и с возрастом. В интервью на тему спиртных предпочтений имеется такой стереотип: «в свое время, когда был помоложе, он мог выпить достаточно много, и при этом оставаться в здравом уме и твердой памяти. Но сегодня позволяет себе на приемах только бокал шампанского» [Рискин 2003]. «Богатырскую» модель соотносят с молодостью и низким статусом: знание меры — со зрелым возрастом и высоким статусом. Эта модель актуальна не только в публичном, но и во внутреннем дискурсе, поскольку позволяет политикам старшего поколения избежать участия в питейных испытаниях и соревнованиях без угрозы своему неформальному статусу. Они уходят от сравнения с молодостью за счет смены критерия: критерий силы (и необходимость «отстаивать честь» путем неумеренной выпивки) применим только к неофитам.

Символика напитков: мера «крепости»

Следует сказать и о символике спиртных напитков. Она различна и зависит от ситуации. Нужно различать «любимые», «символические» и реально предпочитаемые напитки.

«Любимые» напитки — фигурируют в публичном дискурсе: о них политики говорят в интервью, т. е. становятся частью публичного имиджа. В качестве «любимых» чаще всего фигурируют: качественная водка — «Столичная» (Г. А. Явлинский), «Немирофф» (С. Дарькин), «Русский стандарт» (В. А. Яковлев) и просто «местная водка» (М. Прусак); хороший коньяк (Б. Немцов, В. Стародубцев),

«дорогое виски» (Г А Явлинский, А Хлопонин) Основной критерий «любимых», как маркирующих публичный имидж политика, — качество, однако среди них фигурируют в основном «крепкие» напитки, т е политики, по всей вероятности, стремятся поддерживать в публичном пространстве свой «мужской» имидж Многие политики, отвечая на вопросы журналистов, сообщают, что пьют красное сухое вино, шампанское и вообще предпочитают минеральную воду (Р Абрамович) или чай (В Жириновский) Но никто не назвал эти напитки «любимыми» [Рискин 2003], (КП 2002 29 июня)

Другой класс значимых напитков, который мы определили как «символические», — это напитки, которые воспринимаются как часть партийной атрибутики На мероприятиях (особенно выездных) Молодежного союза «Яблоко» символическую роль играл яблочный сидр На конференциях ЛДПР одно время демонстрировали водку «Жириновский» Однако фирменная марка опять-таки наиболее значима во внешней среде В В Костиков приводит эпизод, когда В В Жириновский пришел с двумя бутылками этой водки на торжественную церемонию подписания Договора о гражданском согласии в Георгиевском зале Кремля [Костиков 1997 32] Такого рода фирменные напитки с партийной символикой имеют отношение к имиджу организации, причем в приведенных случаях речь идет о ее имидже внутри политической среды, но за рамками своего локального сообщества Символическое значение имеют и напитки с символикой своего региона – их привозят на выездные мероприятия Везут наиболее качественные марки например, по свидетельству молодых «яблочников», из Петербурга везут «питерскую водку "Санкт-Петербург", "Петр I", — чтобы с Питером ассоциировалось Калининград славится своим "Мартини", водками разных сортов » [ПМ (СПбГУ) 2000] Да и сидр, как мы видели, вне Петербурга приобретает значение скорее региональной марки, чем партийного символа Так или иначе, но для напитков, призванных символизировать свое сообщество (партию, региональное отделение), на первый планы выступают критерии оригинальности и качества, а не силы и крепости Правда, некоторые партии, стремясь подчеркнуть свою близость трудовому народу, считают «своим» напитком тот, что доступен простым людям (ср отмеченное А Топоровой у нацболов предпочтение дешевой водке) В этом случае в качестве доминирующей сохраняется тот же критерий — качество, только шкала его перевернута Для молодых радикалов (разной идеологии) характерно особое отношение к пиву Некоторые из их представителей связывают это с символикой «пивного путча», но думаю, что объяснением может быть вообще широкая популярность этого напитка в молодежной среде, откуда экстремистские организации рекрутируют своих членов

Следует заметить, что, провозглашая любовь к символически «сво-

ему» напитку — дешевой водке, пиву, яблочному сидру или мартини, на практике люди отдают предпочтение своим привычным напиткам, чаще всего водке Так, нацболы после акции по их выражению, «идут пить пиво», хотя, по наблюдениям присутствовавших (речь идет о 1998–2000 гг), закупалась, как правило, водка И молодые «яблочники», рассказывая про яблочный сидр, сами замечают «Я лично сидр не очень люблю Если еду куда-нибудь на семинары, в международные поездки, то везу водку» [ПМ (СПбГУ) 2000] Водка — самый популярный напиток (если судить по частоте ее упоминаний) на всех известных нам партийных застольях, вне зависимости от идеологии Может быть, здесь имеет место значение водки как «мужского» напитка (хотя в последние годы она становится популярнее и среди женщин), именно водка чаще всего фигурирует в «испытаниях», поскольку является привычным символом крепости (еще одна ипостась «силы») Однако водка редко имеет символическое значение — вероятно, потому, что не имеет дифференцирующего

Можно заметить различие в том, как питейное поведение представляют в публичном и внутригрупповом дискурсе Во внутригрупповом основной критерий — «сила» (соответственно, крепость напитка), в публичном — качество, хотя и сила, по-видимому, сохраняет некоторое значение

Выбор напитка играет во время партийных застолий классифицирующую роль После нескольких первых, торжественных и заданных сценарием, тостов застолье вступает в следующую стадию «кучкования» Единый коллектив распадается на компании люди перемещаются за столом, передвигают стулья, в каждой такой компании идет своя беседа, каждая придвигает к себе понравившийся напиток мужские, как правило, — водку, женские — хорошее вино или коньяк Самые старшие и младшие начинают расходиться Участники полагают, что они группируются по интересам, однако, наблюдая со стороны, можно предположить, что дифференцирующим признаком служит и алкоголь, точнее, степень опьянения Выпив в течение первой, упорядоченной, части застолья примерно одинаковое количество спиртного, люди находятся в разном состоянии и говорят уже «на разных языках» одни расслаблены, другие от души веселятся, третьи полны энергии и ищут случая решить назревшие проблемы Степень опьянения в некоторой степени коррелирует с возрастом, полом, общим состоянием человека — алкоголь позволяет выявить влияние этих факторов, по сути, трансформировав половозрастные (и, вероятно, социальные) различия в коммуникативные Хорошо заметно, как присутствующие делятся по поколенческому признаку молодые танцуют, потом группируются вместе Среднее поколение образует отдельный кружок, старшие расходятся или ведут себя пассивно, не образуя больших компа-

ний. Таким образом, можно предположить, что коллективное застолье не только обнажает внутреннюю структуру сообщества, но отчасти и формирует ее.

Питейные мероприятия часто упоминаются в числе факторов сегрегации женщин или вытеснения их на периферию неформальной системы отношений. Женщина не вписывается в питейную этику «силы», она не участвует во всех этих «испытаниях» и «соревнованиях» в количестве выпитого и, следовательно, не может «победить», заработав высокий неформальный статус или хотя бы пройти «испытание» и войти в мужское сообщество. Максимум, что она может сделать, — решительно придвинув к себе бутылку водки (вместо галантно предложенного вина), продемонстрировать хотя бы в некоторой степени символическое равенство с мужчинами, — рискуя, впрочем, деконструировать свой феминный статус. Такой выбор имеет значение в момент, когда начинается «кучкование»: выбор водки позволяет остаться в компании мужчин, которые принимают решения. Женщинам, однако, во время таких мероприятий предписывается предпочитать вино как «слабый» напиток, и в этом случае они оказываются в компании с женщинами или людьми старшего возраста, которые «уже не могут себе позволить» ничего более крепкого. Ожидается, что большинство женщин уйдет раньше, чем в наиболее «крепких» подгруппах начнут «решать вопросы», а бывает, члены этих подгрупп, отделившись, едут «продолжать» куда-нибудь в другое место. Наконец, наиболее важные вопросы обсуждаются не во время торжественных застолий, где присутствуют женщины, а на *мальчишниках*, которые имеют иной, гораздо более деловой, статус.

Пир и победа

Обсуждая связь между питейным и силовым кодами, обратим внимание, что выпивка в политической среде вписывается в сценарий битвы: как «пир победителей» или тризна по павшим (вспомним третий тост — «за тех, кого нет с нами»). Именно этот сценарий просматривается в одной из недавних публикаций «Газеты». Это интервью с Г. Райковым по поводу высказывания Г. Зюганова: «Еще съезд не провели, а уже три раза выпили», — так отозвался о Народной партии в интервью Геннадий Зюганов. Глава Народной партии Геннадий Райков категорически не согласен с такой оценкой своей деятельности. После такой преамбулы публикуется интервью с Г. Райковым, который с негодованием отвергает предположение лидера КПРФ, затем рассказывает о партийном строительстве, а заключает так: «Нельзя говорить о победе, еще не победив. Можно отпраздновать победу и вот тогда-то рюмки выпить» [Матвеева 2003: 3]. Отметим в этом эпизоде

два момента. Первый: недовольство тем, что тема выпивки выносится в пространство публичных коммуникаций. Об этом мы поговорим ниже. Второй момент: допустимой признается выпивка после победы. Нормативность именно такого порядка подчеркивается и в интервью, причем представителями разных партий: «Сначала обо всем договорились, а потом, отмечая соглашение, выпили» [ПМ (СИ РАН): 1999]. Действительно, застолье принято устраивать *после* различного рода политических событий: заключения договоренности, организационного объединения, важной конференции и т. п.

Та же схема «пира победителей» упоминается в качестве нормативной и в интервью, которое Г. Павловский дал в свое время «Русскому журналу». Речь идет о событиях августа 1991 г.: «Конечно, многие решения в 1991 году принимались кулуарно, но кулуарность эта была вся слегка в духе Валентина Павлова: собраться на даче, составить заговор, его объявить, а потом уйти в глубокий запой. Подобная "кулуарность" существовала и в "демократических" вариантах... Разница только в том, что Ельцин пил после победы, а Павлов — до нее» [Якимец 2001]. К той же матрице апеллирует в своих воспоминаниях и Н. С. Хрущев. Описывая «страшные» обеды и ужины у Сталина, сопровождавшиеся обильными возлияниями, он замечает: «Такое началось в 1943 году и продолжалось позднее, когда Сталин обрел прежнюю форму и уверовал, что мы победим. А раньше он ходил, как мокрая курица. Тогда я не помню, чтобы случались какие-то обеды с выпивкой. Он был настолько угнетен, что на него просто жалко было смотреть» [Хрущев 1999: 42].

Таким образом, питейные практики вписываются в сценарии самопрезентации «силового сообщества» — как «пир после битвы». Формула «пир победителей» означает, что после того, как политическая цель достигнута, силовой код во взаимодействиях (принятый во внешней сфере, за границами сообщества) сменяется питейным (который используется внутри своего сообщества). Соответственно и сами коммуникации (фокус активности) перемещаются вовнутрь своего сообщества. Таким образом, переход от сценария «битвы» к «пиру» отмечает границу между двумя сферами политической коммуникации.

Символический переход от «силы» к «пиру» опосредует еще одна мифологема — представление об алкоголе как средстве «снятия стресса» и тем самым смягчения накала борьбы. Соответственно схватки политических оппонентов оказываются не так остры, когда они встречаются за столом: «... вечером, после рюмки коньяка, над правилами этой игры подшучивали» (Е. Т. Гайдар — об «игре в злого Гайдара», которого президенты стран СНГ обвиняли в своих экономических трудностях начального периода реформы); «но вечером с бокалом в руке сенатор от Тувы была настроена более миролюбиво», — так писала

пресса о Л. Нарусовой и ее отношении к В. А. Яковлеву, тогда губернатору Санкт-Петербурга [Гайдар 1996: 184; Михайличенко: 2003: 2].

Эта схема обратима, т. е. возможен и обратный переход: от питейного к силовому коду, что бывает связано с переходом во внешнюю сферу или маркированием кого-то внутри сообщества как «чужака». С другой стороны, драка бывает вписана в сюжет коллективного застолья — как его закономерное и ожидаемое продолжение. В обоих случаях переход коммуникации вовне своего сообщества сопровождается переходом с питейного на силовой код.

Чтобы не сложилось мнения, что такой переход характерен только для радикальной молодежи, приведу пример из другой сферы: описания событий августа 1991 г. Из книги В. Г. Степанкова (в то время Генерального прокурора России) и Е. К. Лисова (зам. Генерального прокурора России): «Геннадий Янаев оторвался от застолья в кругу своих друзей, чтобы отправиться на экстренное совещание в Кремле (то самое, на котором будет объявлено о том, что он будет выполнять обязанности Президента СССР вместо М. С. Горбачева, блокированного на даче в Форосе. — *Т. Щ.*)» [Степанков, Лисов 1992: 19]. История про застольный заговор приобрела все качества фольклорного стереотипа, ставшего едва ли не общепринятой схемой повествования о событиях августа 1991 г. Г. Павловский в уже цитировавшемся интервью воспроизводит ту же схему: «Собраться на даче, составить заговор, его объявить, а потом уйти в глубокий запой». Еще один вариант баек на эту тему воспроизводит Е. Подколзин, бывший в то время начальником штаба ВДВ: «18-го числа из Казахстана прилетел Ельцин, его должны были арестовать прямо на аэродроме, но самолет опоздал на два часа... Поскольку в аэропорту его почему-то никто не встретил, а в тот день был праздник Военно-воздушных сил, летчики увезли Ельцина на дачу ВВС, и там, как мне потом рассказывали сами летчики, они почти до четырех часов утра "летали". Но самое удивительное, что вместе с ним на той же даче "гуляли" и главные заговорщики — Янаев, Павлов и другие, и никто из них не подумал, что Ельцина можно арестовать прямо там» [Макаров 2002: №33: 12]. Опять-таки не буду обсуждать содержательную достоверность свидетельств, прошедших через фильтр многократного пересказывания и тем самым приобретших практически фольклорный статус. В процессе устного бытования рассказ утрачивает многие реальные подробности, но сближается с формой-матрицей, сложившейся в культуре для текстуализации подобных событий. Поэтому мы можем извлечь из них больше информации о матрице, чем о конкретном событии. В данном случае тексты акцентируют взаимосвязь двух кодов: питейного и силового — их переводимость. Одно и то же событие может быть представлено в двух кодах: в терминах силового противоборства (этот стереотип домини-

рует в публичном пространстве: СМИ, официальных заявлениях) и питейного ритуала (эта схема воспроизводится в устных рассказах, предназначенных для рассказывания в «узком кругу»)[8].

Тот же стереотип — силовая акция после выпивки — даст о себе знать и в описаниях событий 1993 г.: «Накануне Руцкой и прочее начальство устроили грандиозную пьянку. От своих друзей в Федеральной службе охраны я знаю, что не просыхал в те дни и Ельцин. Короче, эти напились, те напились и, не похмелившись, отчудили» [Макаров 2002: № 40: 15]. Это описание выглядит уже совсем фольклорным, как по стереотипности схемы, так и по жанровым характеристикам. Текст выглядит так, как если бы он был основан на устных рассказах, форма которых была отточена при многократном воспроизведении. Да и сам автор ссылается на рассказы «своих друзей». Алкогольную сторону событий 1993 г. описывают и другие журналисты, некоторые из них прямо ссылаются на фольклорные источники: «Рассказывают, например, что в дни октябрьского переворота...» [Нетреба, Цепляев 1999: 9].

Последний пример, иллюстрирующий взаимопереводимость силового и питейного кодов, — эпизод из воспоминаний В. Костикова: пообещав А. Коржакову, что в книге, которую он собирался писать, не будет компромата, пресс-секретарь, как он сам формулирует, обезопасил «фото лица» от деформации [Костиков 1997:14]. После этого обещания они выпили. Примечательно, что мысли о возможности силового решения возникли в связи с планами коммуникации в публичном пространстве (написания книги). Обещание, что значимая информация туда не выйдет, тут же блокировало силовой код и вновь актуализировало питейный.

Схема «пир победителей» определяет области бытования силового и питейного кодов, а также правила перехода между ними в политической коммуникации. Уже по приведенным примерам можно было заметить, что питейный код в этой схеме маркируется как внутренний, уместный в области внутренних коммуникаций в «своем» сообществе. Силовой — основной код для самопрезентации политического сообщества в публичной сфере. Переход этой границы воспринимается с ощущением некоторой скандалезности, нарушения приличий либо как знак того, что тема потеряла актуальность и вышла, собственно, за рамки политической значимости и политической коммуникации в область частных воспоминаний.

[8] Изредка попадая в СМИ, подобные тексты вызывают впечатление некоторой скандальности; их публикация, как правило, связана с истечением некоего срока, «остыванием» темы.

В публичном дискурсе питейная тема и соответствующая практика относятся к числу табуированных. Если рассматривать питейные практики как знаковую систему, то это внутренний код, используемый в саморефлексии политического сообщества и табуированный для посторонних. «Хочешь напиться, — гласит десятая из "Заповедей нацбола", — пей дома. Ни в коем случае не выставляй себя на посмешище в общественном месте» (из Программных документов 1994 г.). Питейные табу обозначают грань, разделяющую внешнее (публичное) и внутреннее пространства активности политического сообщества. Еще более выражена эта грань, когда речь идет о солидных партиях, претендующих на участие в государственном управлении. Корреспондент «Независимой газеты» провел экспресс-опрос губернаторов о том, каким напиткам те отдают предпочтение. Ответы предсказуемы: «Свои питейные пристрастия региональные начальники стараются не афишировать. Если верить ответам, поступившим в "НГ" из пресс-служб губернаторов, все они сплошь трезвенники и предпочитают исключительно минеральную воду, в редких случаях ("долг обязывает!") сухое вино или бокал шампанского» [Рискин 2003]. Характерно возмущение, с которым Г. Райков среагировал на высказывание Г. Зюганова по поводу его партии, когда тот затронул питейную тему (см. выше): «Это как-то даже по бытовому стыдно об этом говорить... заглядывание в щелку, какие-то рюмки кто-то там выпил. На путь сплетника становиться — это уже вообще низко. Я бы в жизни так не сказал» [Матвеева 2003: 3]. Все это — проявления табу на вынесение питейной тематики в публичный дискурс (а фактически на использование в нем питейного кода). Это внутренний код, предназначенный для самоопределения сообщества, а не для его самопрезентации в публичном пространстве.

Попадая в публичное пространство, информация на эту тему приобретает значение компромата. В этом качестве она используется в межпартийной или межфракционной борьбе (именно к этому типу относится приводившаяся выше «пикировка» между лидерами двух левых партий). Ссылки на питейную неумеренность служат обоснованием разрыва отношений (а скорее его легитимацией постфактум)с тем или иным партийным товарищем или целым коллективом. Так, разрыв в конце 1990-х гг. между питерскими комсомольцами (РКСМ) и их старшими товарищами-коммунистами (позже они перешли под покровительство другой компартии) описывался присутствовавшими при этом следующим образом: «А формально они расстались чисто символически. Там шло заседание... мероприятие было... официальное мероприятие какое-то было, протокол даже вели... Но повода я уже не помню... Тут заходит человек из (покровительствовавшей им ком-

партии. — *Т. Щ.*) и говорит, что не могут им предоставить комнату, эта комната будет теперь для других мероприятий, и пусть убираются... Мне кажется, их сразу так вот просто выгнали, увидев количество бутылок на столе» [ПМ (СИ РАН]: 1998–1999]. Тот же стереотип использует и автор статьи в «Русском журнале», описывая изгнание РНС из штаба дружественной ему организации на Арбате: «Но после проведения в этом штабе нескольких грандиозных пьянок ГУВД опечатало штаб и РНС из помещения выдворили» [Строев 2000]. В воспоминаниях А. Грачева приводится пример использования того же стереотипа на самом высоком уровне власти. Грачев пишет о том, как из состава политбюро выводили Г. Романова; по мнению Грачева, Романов поплатился «за то, что дал повод считать себя альтернативой Горбачеву»; однако обоснованием послужило другое — «бытовая деталь: у Романова было уязвимое место; он крепко выпивал. В условиях набиравшей обороты антиалкогольной кампании, не входя в излишние церемонии, генсек дал понять, что для них двоих места в Политбюро нет» [Грачев 2001]. Это типовая схема описания прекращения отношений, придающая разрыву легитимность в глазах слушателей (внешних). При этом нет необходимости раскрывать истинные причины. Надо заметить, что говорить о чьем-либо пьянстве, вообще выносить эту тематику в публичное пространство становится возможно лишь при условии и после того, как человек потерял поддержку своего сообщества, т. е. выпал из системы круговой поруки, объединявшей «команду». Переставая быть «своим», он автоматически выходит в публичное пространство, где питейный код табуирован, а потом становится компроматом.

В рамках «команды единомышленников», в кругу «своих» застолье (как и знаменитые бани, охотничьи забавы и прочие формы взаимодействий, отклоняющиеся от публичного имиджа)– это нормативные практики. Они составляют повседневность, поддерживают отношения и обеспечивают единство команды. Те же практики, становясь достоянием общественности (а это происходит, когда кто-то перестает быть в команде «своим»), разрушают публичный имидж, а тем самым и статус человека уже в публичном пространстве. Это и есть механизм превращения нормы в компромат, объединяющей практики в разрушающую имидж.

* * *

Итак, в повседневных отношениях людей, занимающихся политической деятельностью, обнаруживается структура, которая носит название «команда» (а иногда никак не именуется). Эта структура близка к одной из традиционных (характерных в том числе для русской народной традиции) социальных моделей — модели мужского мо-

лодежного сообщества, ориентированного преимущественно на силовые взаимодействия. Основой консолидации таких сообществ являются силовые взаимодействия или замещающие их практики, символизирующие насилие (охота, спортивные состязания) Политическая деятельность конструируется и обозначается в повседневном дискурсе ее участников как одна из таких замещающих насилие (и всегда готовых перетечь в него вновь) практик, что позволяет ей также служить средством консолидации «команд» Силовой код, как основной для саморепрезентации «команды», переводим в другой, особенно последовательно — в питейный, который способен замещать его в качестве средства моделирования сообщества Застолье воспроизводит тот же «текст» (структуру отношений в сообществе), что и силовое столкновение то и другое выявляет статусы членов сообщества в его иерархии, их отношения с лидером, функциональное разделение и т д Однако застолье и связанный с ним питейный код следует считать внутренним кодом, опосредующим самопрезентацию сообщества в узком кругу «своих», силовой же и собственно политический (как его ипостась) — это внешний код, обеспечивающий презентацию сообщества в публичном пространстве Но обе системы символов (силовой и питейный коды), воплощаясь в повседневных практиках, опосредуют воспроизводство неформальных структур, достаточно влиятельных внутри политического сообщества

ЛИТЕРАТУРА

«А что Вы пьете?» //Комсомольская правда 2002 29 июня

Аджубей А Те десять лет // Никита Сергеевич Хрущев материалы к биографии / Сост Ю В Аксютин М Политиздат, 1989 С 287–346 С 289

Анисимов А Заговор в пединституте раскрыли чекисты в 70-х годах // Молодой Ленинец №41 (6982) 10 10 2000 г Эта статья опубликована на сайте nash dom penza com ru/ N41/10 10 2000/

Бугаев А Трупояз // Информационно-дискуссионный портал гражданского общества России Хартия Ru 2001 12 11 2001 г hartiya ru

Вадейша М В Деревенский праздник распределение ролей // Мифология и повседневность гендерный подход в антропологических дисциплинах Материалы науч конф 19–21 февраля 2001 г СПб Алетейя, 2001 С 101–116

Вебер М Политика как призвание и профессия // Вебер М Избранные произведения М , 1990

Вишневский Б Время пошло // Новая газета в Санкт Петербурге 2002 22 сент С 15

Восленский М Номенклатура Господствующий класс Советского Союза М Советская Россия, МП «Октябрь», 1991

Гайдар Е Дни поражений и побед М , 1996 С 184

Геворкян Н , Тимакова Н , Колесников А От первого лица Разговоры с Владимиром Путиным М «Вагриус», 2000 (см сайт издательства «Вагриус» http //www vagrius com/html/books/putin/)

Голунов И Г Павловский в гостях у программы «Ночной полет» Андрея Максимова ТВЦ 04 09 2000 г АНО РИД «Новая газета» С текстом можно ознакомиться в Интернете www NovayaGazeta Ru

Грачев А Горбачев Человек, который хотел как лучше М «Вагриус», 2001 Электронная публикация http //www vagrius com

Грачев А С Дальше без меня Уход Президента М Издательская группа «Прогресс — Культура» 1994

Грунтовский А Русский кулачный бой История Этнография Техника СПб , 1998

Даль В И Пословицы русского народа В 3-х т М , 1994 Т 3

Даль В И Толковый словарь живого великорусского языка Т 4 М , 1995 (по изданию СПб , М , 1880–1882 гг)

Дмитриев А В Социология политического юмора Очерки М «Российская политическая энциклопедия», 1998

Ельцин Б Президентский марафон Размышления, воспоминания, впечатления М ООО «Изд-во АСТ», 2000

Жириновский В В «Иван, запахни душу!» Избранные места из романа-исследования о моем поколении М ЛДПР, 2005 Электронная публикация доступна по адресу http //samuraighost narod ru/ lib/polit/lib-polit html

Карцев А Как вас теперь называть? // КП 1998 19 июня С 4

Коржаков А В Борис Ельцин от рассвета до заката М Изд-во «Интербук», 1997

Костиков В Роман с президентом Записки пресс-секретаря М Вагриус, 1997

Лебедь А И За державу обидно Киров, 1995 С 292, 295

Лимонов Э Лимонов против Жириновского М «Конец века», 1994а

Лимонов Э Моя политическая биография СПб Издательство «Амфора», 2002 Цит по публикации на сайте «Библиотека НБП» http //myhomelan net ua/ library/LimonovBook/ FromNBP-info/ lim_biography/ bio13 htm

Лимонов Э Что делать и как делать // Лимонка газета прямого действия 1994б № 2 С 3–4

Лоренц К 1) Агрессия М , 1994, 2) Так называемое зло К естественной теории агрессии // Лоренц К Оборотная сторона зеркала М Республика, 1998 С 62–242 Избр главы (с сокращ)

Лудин В Десять лет после преступных семидесяти двух // Смена 1999 15 марта С 3

Макаров Д «Ельцин и Руцкой напились ну и отчудили» // Аргументы и факты 2002 № 40 С 15

Макаров Д В августе 91-го Неизвестные подробности путча О событиях августа 1991 г рассказывает генерал-полковник Евгений Подколзин // Аргументы и факты № 33 2002 С 12

Матвеева А «Выпивали или не выпивали?!» Геннадий Райков — о Геннадии Зюганове // Газета 2003 14 янв № 2 (297) С 3

Михайличенко Б Приказано праздновать! // АиФ — Петербург № 6 Февраль 2003 С 2

Мухин А Сергей Тарасов «Многие думают, что быть спикером просто» // Известия — Санкт-Петербург 2002а 18 июня С 9 Интервью со спикером городского парламента С Тарасовым

Мухин А Требуются крепкие парни для работы в ЗакСе // Новая газета в Петербурге 2–4 сентября 2002б С 15

НБП Программные документы партии Заповеди нацбола (из Программных документов НБП 1994 г) Цит по публикации на сайте Красноярского отделения НБП [самоназвание] http //krsknbp nm ru/ practic/ zap htm, сохраняющейся в сети и на момент редактирования статьи в 2006 г

Немцов Б Е Провинциал М Вагриус 1997

Нетреба Т , Цепляев В Царская слабость // Аргументы и факты №42 1999 С 9

Новодворская В По ту сторону отчаяния М Изд во «Новости», 1993

ПМ (СПбГУ) Полевые материалы СПб , 1999–2000 Архив Кафедры культурной антропологии и этносоциологии, ф-т социологии СПбГУ

ПМ (СИ РАН) Полевые материалы СПб , 1998–1999 Архив Сектора общественных движений СИ РАН

Ремезов М Вытеснение реального Часть I Реальное как боль 28 06 2001 г // Русский журнал www russ ru, 28 06 2001 г

Рискин А Табель о градусах // Независимая газета 30 05 2003 Статья опубликована на сайте «НГ» ng ru/ regions/ 2003 05–30/1_alcohol html

Сайт Санкт-Петербургской организации «Яблока» СПб , 13 января 2001 г http //www2 spb yabloko ru/ News/ press_sl/info/1_01_01_13 htm

Собчак А А Дюжина ножей в спину Поучительная история о российских политических нравах М Вагриус, 1999

Соколов М Участие в молодежной политической организации мотивационные и организационные факторы (на примере Либерально-Демократического Союза Молодежи) // Молодежный Петербург движения, организации, субкультуры (опыт социологического описания) СПб 1997 С 48–66

Степанков В , Лисов Е Кремлевский заговор М , 1992

Строев В «Новое поколение выбирает национал-социализм» // Русский журнал 31 05 2000 г Опубликована на сайте www russ ru/ politics/ marginal/ 20000531_stroev html

Суходрев В М Язык мой — друг мой От хрущева до Горбачева М Олимп ООО «Фирма «Издательство АСТ», 1999

Хрущев Н С Время Люди Власть М , Воспоминания в 4 х книгах Книга 2 М Информационно-издательская компания «Московские новости», 1999

Хрущев С Пенсионер союзного значения // Никита Сергеевич Хрущев Материалы к биографии М Новости, 1991 С 221–286

Щепанская Т Б Драки и браки (сельские праздничные драки по материалам поездок в Курскую, Псковскую, Новгородскую области в 1996–1997 гг) // Материалы полевых этнорграфических исследований Вып 4 СПб , 1998 С 5–21

Щепанская Т Б Зоны насилия (по материалам русской сельской и современных субкультурных традиций) //Антропология насилия СПб , 2001 С 115–177

Якимец К В явочном порядке Беседа о метаморфозах гражданского общества Интервью с Г Павловским // Русский журнал www russ ru, 9 08 2001 г

В В БОЧАРОВ

РОССИЙСКАЯ ВЛАСТЬ В РАКУРСЕ ПРАЗДНИЧНО-ПИТЕЙНОЙ КУЛЬТУРЫ *

Политическая культура (ПК) современного общества во многом определяется его традиционной политической культурой (ТПК) ТПК представляет собой сложившуюся форму социальных отношений по поводу власти, понимаемую как доминирование субъекта над объектом Становление ТПК осуществляется на ранних стадиях эволюции социума под влиянием природного фактора и доминирующего типа хозяйственно-производственной деятельности социума ТПК определяет способ осмысления членами социума феномена властных отношений представлений об истоках авторитета лидера, приемлемых формах осуществления им властных функций и способах социального контроля, мотивациях поведения лидеров и аутсайдеров и т д ТПК имеет тенденцию к воспроизводству на всем протяжении эволюции социума в историческом процессе В России содержание ТПК во многом определяется празднично-питейной культурой

Праздник — необходимый элемент культуры любого архаического сообщества, формирующий в сознании его членов сакральное пространство противостоящее сфере обыденности Праздник — это проявление «духовности», когда индивид отрешается от повседневных проблем, вступая в контакт с «высшими силами» Погружение в «духовность» осуществляется в особом психическом состоянии экстатического возбуждения, когда утрачивается контроль сознательной воли, а поведение участников праздничной церемонии приобретает аномальный характер, выражающийся в легитимном нарушении фундаментальных табу, регламентирующих социально-иерархические отношения, сексуальные и вербальные и т п запреты в повседневной жизни

Достижение экстатического состояния достигалось посредством воздействия на участников праздника музыкального и речевого ритма

---

* Российское общество и власть проблемы взаимодействия Тезисы научно-теоретической конференции СПб Астерион, 2004

© В В Бочаров, 2007

(танцев, песен), в также наркотических препаратов, употребление которых фиксируется исследователями практически в любой культуре Одним из наиболее распространенных средств подобного рода является алкоголь Он выступает в качестве чудодейственного напитка, гарантирующего жизненную силу и здоровье (чарка — чары — чародейство)

В России празднично-питейная культура заняла особое место, определив во многом повседневные практики, в том числе связанные с отношениями власти Уже в русских былинах авторитет (Сила) лидера, поведение субъектов властных отношений, политический конфликт (как внешний, так и внутренний), заключение мира рассматриваются в символах празднично-питейной культуры Эти же политико-правовые представления отчетливо фиксируются в народном сознании и поведении крестьян (на этнографических материалах по русской деревне XIX — начала XX в), а также городского населения (на материалах художественной и мемуарной литературы)

Анализ историко-этнографических источников показывает, что по мере социально-политической дифференциации общества нарастали тенденции к регламентации праздничного пространства со стороны политической власти Это проявлялось в форме регулирования доступа различных социальных слоев к алкоголю Праздник, который ассоциировался в народном сознании с веселой (счастливой) жизнью и одновременно имевший высокий сакральный статус, становится символом образа жизни социально-политических элит, в то время как производство и потребление подданными алкоголя ограничивались властью

Октябрьская революция рассматривалась народным сознанием как восстановление справедливости, т е как завоевание возможности вести праздный образ жизни Те же установки просматриваются в поведении политической власти В результате празднично-питейная культура, с ее ценностями и нормами, полностью утвердилась в сфере повседневности («трудовые будни — праздники для нас»)

Советский период отчетливо характеризуется конфликтом культур С одной стороны, это традиционная празднично-питейная культура, в которой «праздник» выступает смыслом жизни, организовывавшей мироощущение и поведение большинства населения страны практически во всех сферах жизнедеятельности С другой стороны, это культура целерациональная, трактующая «жизненное счастье» как самоотверженный труд на благо общества, дающий в результате высокий материальный и социальный статус Иными словами, идея «праздника» как высшей ценности противостояла идее повседневного труда Этот конфликт нашел художественное отображение в произведениях литературы и искусства («Москва — Петушки», «Калина красная» и др) Он отчетливо проявлялся как в непоследовательном поведении

политической власти («борьба с пьянством и алкоголизмом» и водка «Андроповка»), так и в повседневных практиках населения, прежде всего, представителей партийно-бюрократического класса

«Перестройка» с ее «сухим законом» усилила данный конфликт «Алкогольная политика» верховной власти, направленная против празднично-питейной культуры, разрушала социальное пространство, в котором практически все способы взаимодействий осуществлялись в рамках ценностей, характерных для данного типа культуры (примеры повседневности) В результате власть утратила легитимность, что отчетливо фиксируется в фольклоре тех лет («минеральный секретарь», «лимонадный Джо» и т д) Оппозиционные лидеры же, наоборот, активно привлекая символы данной культуры (публичное питие, пьяное поведение, обещания снизить цены на алкоголь и т д), обретали авторитет у населения

Послеперестроечное время было воспринято народным сознанием как победа праздничной культуры Оно же характеризуется большинством респондентов как «самое пьяное время в их жизни» В то же время эта победа обеспечила сохранение социального порядка в условиях, когда большинство населения страны оказалось в 90-х гг в тяжелейшем социально-экономическом положении Действительно, именно такое развитие событий, сопряженное с радикальными переменами в образе жизни, составляет суть празднично-питейной культуры

ЧАСТЬ III

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ

ПОЛИТОГЕНЕЗ

В данном разделе рассматривается проблема политического развития (политогенеза), которая активно дискутируется в современной науке. Здесь представлены точки зрения крупнейших, как отечественных, так и зарубежных ученых, выражающих подчас альтернативные мнения, как на эволюционизм в целом, так и на политогенез в частности.

Л. С. Васильев в статье «Восток и Запад в истории (Основные параметры проблематики)» рассматривает эволюции форм общественного бытия, начиная от происхождения человека (*Homo sapiens*). С его точки зрения, лидерство впервые возникает с началом развития охоты, а неолитическая революция выдвинула на первый план отца-патриарха, возглавлявшего семейно-клановые коллективы, занятые земледелием. Из него развился институт сакрального вождя племени (протогосударства), а вместе с ним институт власти-собственности. Именно последний остается незыблемым в процессе исторической динамики стран Востока. Это коренным образом отличает его от европейской цивилизации. Автор считает, восточные цивилизации по-разному адаптируют западные достижения, сохраняя тем не менее свои главные цивилизационные свойства.

Н. Б. Кочакова в статье «Понятие "раннее государство"...» дает аналитический обзор подходов антропологической науки на проблему раннего государства (РГ), а также их эволюцию. Автор отталкивается от работы Х. Дж. М. Классена и П. Скальника «Раннее государство» (1978), ставшей классической, а также рассматриваются точки зрения других видных зарубежных и отечественных исследователей на проблему РГ и его эволюции.

Э. Саутхолл — один из классиков ПА в статье «О возникновении государств» возвращается к анализу выдвинутого им ранее понятия «сегментное государство», которое, с его точки зрения, соответствует по типологии других выдающихся антропологов Классена—Скальника «зачаточному государству», с точки же зрения последних, и вовсе не является государством. Определяя «сегментарное государство» как политию, в которой сферы ритуального сюзеренитета и политического

суверенитета не совпадают, ученый на широком историко-культурном материале доказывает его существование.

В. А. Попов («Потестарные отношения и политогенетические процессы») считает государство высшей стадией развития политической организации, единственной и универсальной. Рассматриваемые сторонниками многолинейности социальной эволюции как однопорядковые государству неиерархические формы политической организации — не более чем «альтернативные пути» к государственности (первичной или вторичной) наряду с параполитейностью и «ранним государством». Автор считает, что существуют три возможные модели становления и эволюции политической организации постпервобытного общества: военная, аристократическая и плутократическая. Все они, рано или поздно, приводят к одному и тому же — формированию обособленного и отчужденного от общины административного аппарата управления, а также к асимметричной и амбивалентной структуре отношений публичной власти.

Р. Карнейро в своей статье «Процесс или стадии: ложная дихотомия в исследовании истории возникновения государства» сосредоточивает внимание на «главном фокусе интересов антропологической науки, проблеме возникновения вождеств и государств». Автор критикует возобладавший в последнее время подход, отрицающий наличие *стадий* как аспекта эволюции в пользу *процесса*. Он считает такое положение дел неправомерным, так как *стадии*, с его точки зрения, как раз и являются различными формами развертывающегося *процесса*. Таким образом, стадии и процесс никаким образом не противоречат друг другу, они придают процессу форму и наполняют его содержанием. На примере работ английских и американских антропологов, игнорировавших эволюционистскую парадигму, Карнейро стремится показать, что они не увидели, что изучавшиеся ими общества образуют эволюционный ряд.

Х. Дж. М. Классен в статье «Проблемы, парадоксы и перспективы эволюционизма» продолжает обсуждение темы, затронутой Карнейро. Автор знакомит читателя с новыми взглядами на эволюционизм, а также освещает проблему противостояния однолинейного и многолинейного эволюционизма, анализирует на широком культурном материале процесс развития сходных политических структур на различных путях эволюции. Автор считает, что культурная эволюция не исчерпывается процессом изменений от простого к сложному. В качестве основного принципа культурной эволюции он предлагает понятие структурного изменения. Классен не разделяет полностью идею Карнейро об отсутствии противоречия между однолинейной и многолинейной эволюцией, считая однолинейный подход «весьма уязвимым». По Классену, эволюция многонаправленна.

Д. М. Бондаренко, А. В. Коротаев, Н. Н. Крадин выступают в своей статье «Социальная эволюция, альтернативы и номадизм» против сторонников марксистских, эволюционистских и неоэволюционистских теорий, считающих степень социально-политической иерархизированности общества главным критерием оценки уровня его развития. Обычно существование сложных, но не иерархически организованных обществ если и признается, то считается исторической случайностью, аномалией. Авторы апеллируют к историческим примерам сложных в социокультурном отношении социумов, лишенных иерархической (государственной) структуры. На примере скотоводов-кочевников демонстрируется отсутствие необходимости в специализированном «бюрократическом» аппарате, занимающемся управленческо-редистрибутивной деятельностью, т. е. государстве. «Степные империи» возникают только как реакция на контакт с земледельческими культурами. Авторы приходят к выводу об особой линии социальной эволюции, характерной для кочевников скотоводов, не требующей государственности.

Н. Н. Крадин в статье «Вождество по данным археологии и этнологии» анализирует теорию вождества, которая *принадлежит к числу наиболее фундаментальных достижений западной политантропологии.* В рамках принятой сегодня неоэволюционистской схемы уровней социальной интеграции (локальная группа — община — вождество — раннее государство — национальное государство) вождество занимает среднюю ступень. Его появление стало первым в истории человечества опытом введения политической иерархии и преодоления локальной автономии общин. Автор рассматривает основные подходы к пониманию вождества, характерные для ведущих отечественных и зарубежных ученых, выделяя главные характеристики этой формы социополитической организации. Соотнося «вождество» и «племя», приходит к выводу об их генетической связанности, выделяя функции власти, свойственные вождеству. Исследователь также соотносит «вождество» и «государство», формулируя различия между ними.

В. А. Попов в статье «Политогенетическая контроверза, параполитейность и феномен вторичной государственности» на примере конфедерации ашанти (Западная Африка) и других этнополитических образований аканов типа союзов вождеств рассматривает их возникновение в рамках феномена параполитейности или вторичной государственности. Появление параполиса в результате данного процесса происходит, с точки зрения автора, не за счет внутренних ресурсов, а вследствие воздействия внешнего фактора.

Л. С. ВАСИЛЬЕВ

ВОСТОК И ЗАПАД В ИСТОРИИ
(Основные параметры проблематики)*

Исторический процесс начинается с эпохи сапиентации (около 40 тысячелетий назад). Сапиентные люди современного физического типа принципиально отличались от своих предшественников, пресапиенсов, и тем более от боковых ветвей (неандерталоидов) в основном тем, что *Homo sapiens* был уже человеком в полном смысле этого слова, с развитыми функциями и, в частности, с членораздельной речью Эти безусловные преимущества способствовали быстрому распространению *Homo sapiens* по ойкумене, вначале в пределах Евразии и Северной Африки, а затем и в остальных регионах, вплоть до Нового Света (по Берингову перешейку, в те времена еще существовавшему)

Сапиентный человек достаточно быстро создал свою новую культуру, которая легла в основу общества. Как полагают современные антропологи, и в частности К. Леви-Стросс, социальные связи начали устанавливаться с возникновением регулярного взаимообмена, а первым объектом такого обмена были женщины. Вскоре, однако, обмен распространился и на многие другие предметы, изделия и иные элементы бытия, вплоть до имен, и обретя форму реципрокного дара[1], лег в фундамент социокультурных связей нарождавшегося общества и стал общераспространенным явлением.

Представление о генеральной роли реципрокного взаимообмена в истории и особенно в ранней истории человечества было разработано экономантропологами, и в первую очередь К. Поланьи [Polanyi 1968] Сущность этого явления сводится к тому, что в обмен должны были быть включены все, причем взаимообмен (дар и отдар) считался обязательным. В рамках первобытных локальных групп верхнепалео-

---

* Альтернативные пути становления цивилизации / Под ред Н Н Крадина, А В Коротаева и др М РГГУ, 1999

[1] Впервые подробное исследование о даре было опубликовано М Моссом еще в 1925 г. (см [Мосс 1996 83–222])

© Л С Васильев, 2007

литических людей это касалось прежде всего обмена пищей, ибо без этого группа, в которую, кроме взрослых мужчин-охотников, входили также женщины, дети и старики, иначе не имела бы шансов выжить. Но реципрокный обмен имел и еще одну весьма важную функцию в нарождавшемся обществе. Речь идет о том, что люди не равны и никогда не были одинаковыми. Это касалось, в частности, и мужчин-охотников, основных добытчиков групп Одни из них были сильнее, хитрее, умнее, удачливее, чем другие. В результате лучшие охотники — особенно после того, как мамонты и иные крупные животные вымерли, а охота на сравнительно мелких животных в большей степени зависела от отдельного охотника, — приносили в группу больше ценной и высоко ценившейся мясной пищи, чем другие. Потребляя принесенное, группа не могла вернуть удачливому охотнику эквивалент в материальной форме. Субститутом его стала новая форма эквивалента — престиж. Престиж, которым обладал уважаемый группой за его приношения охотник, стоил многого. Те, кто имел его, выделялись среди других и имели реальные шансы быть избранными лидерами группы. Лидер имел немало обязанностей, в первую очередь связанных с обеспечением группы всем необходимым. Но он имел за это и некоторые привилегии, наиболее заметной среди которых было право на более, чем одну женщину (стоит заметить, что парный, пусть даже не очень прочный брак был основой семейной организации группы и только для лидера делалось исключение).

Конец палеолита был связан с некоторыми новыми явлениями. В степной полосе, идущей вдоль Северной Африки и Евразии, сложились наиболее благоприятные условия для охоты за мелкими животными и для собирания пригодных в пищу дикорастущих растений, в том числе злаковых. Именно в это время были изобретены лук и стрелы, очень помогавшие в охоте, а также одомашнена собака. Эти нововведения способствовали ускорению процесса эволюции общества, вступившего в переходную эпоху мезолита. Они же легли в основу так называемой неолитической революции.

Сущность этой революции сводилась к переходу от присваивающего хозяйства к производящему. Доместикация растений, особенно злаков, и некоторых видов животных, оседлый образ жизни, изобретение керамических сосудов для хранения и приготовления пищи, прядение и ткачество, изготовление множества весьма совершенных и хорошо обработанных шлифованных орудий из камня, наконец, появление металлургии бронзы — все это следует считать комплексом культурных открытий, которые и произвели в образе жизни людей подлинную революцию. Следует при этом заметить, что феномен фундаментального открытия — явление сложное и редкое. Обычно открытия такого рода, требовавшие максимального напряжения социокуль-

турных и интеллектуальных потенций общества, совершались только один раз и в одном месте, в одной более или менее компактной зоне, после чего они распространялись по ойкумене в результате миграций и диффузии. Разумеется, это не исключало того, что в разных концах ойкумены на базе этих открытий или в ходе их использования совершались различные изобретения и усовершенствования второго и третьего порядков, что было необходимо для приспособления к местным условиям. Однако фундаментальные изобретения совершались лишь раз.

Неолитическая революция радикально изменила не только формы хозяйства, но и весь образ жизни людей. Оседлый образ жизни с гарантированной пищей способствовал демографическому взрыву. Неолитическое население на первых порах удваивалось чуть ли не с каждым поколением, заселяя вначале все пригодные для земледелия районы по соседству с теми предгорьями, где жили первопроходцы неолита (Анатолия, Загрос, Палестина), а затем переходя в районы плодородных речных долин, которые очищались от камышей, осушались и умело использовались для получения больших урожаев. Все новые и новые волны избыточного населения с каждым новым поколением выплескивались из старых, давно освоенных земледельцами регионов и направлялись в разные стороны в поисках новых земель. Именно таким образом на протяжении немногих тысячелетий неолитические земледельцы освоили всю ойкумену в пределах Старого Света (в Новом Свете шел особый аналогичный процесс, практически не соприкасавшийся с описываемым, — Берингов пролив надежно отделял Америку от других континентов) и оттеснили в неудобные районы остатки палео- и мезолитических групп, обреченных тем самым на стагнацию и вымирание.

Изменилась и социальная структура неолитических земледельцев. Крестьянская деревня не была похожа на бродячие группы охотников и собирателей. Каждая деревня обычно состояла из нескольких больших семейно-клановых коллективов во главе с отцом-патриархом.

Жены патриарха, его сыновья со своими женами и детьми (дочери уходили замуж в другие семейные группы) — вот обычный состав такого коллектива, к которому иногда в качестве аутсайдеров, младших членов, примыкали и случайно оставшиеся одинокими чужие люди. Каждый из членов семейной группы имел свое строго определенное положение. Патриарха, руководителя коллектива, здесь не выбирали — он был во главе по праву рождения, положения в семье [Sahlins 1968: 17, 64, 75–80]. Глава семейно-клановой группы не только руководил ею, но и имел право распоряжаться от ее имени всем ее достоянием. Именно он обычно занимался и перераспределением ресурсов группы, имея при этом в виду прежде всего собственные личные интересы,

связанные все с тем же уже упоминавшимся стремлением к обретению социального престижа.

Современная антропология, в частности в лице уже упоминавшегося К. Поланьи, полагает, что в неэгалитарном обществе, каким следует считать семейно-клановые группы с их отчетливым ранговым неравенством, редистрибуция становится важным социально-экономическим институтом. Используя его, патриарх может занять место в руководстве всей деревенской общиной, состоявшей обычно из нескольких уже описанных семейных коллективов. Механизм достижения подобного рода цели сводился обычно к тому, что патриарх, концентрируя в своих руках все ресурсы группы (имеются в виду прежде всего ее пищевые запасы, главным образом наиболее ценные мясные, но не только они), вступает в дарообмен с соседями. Правила реципрокного дарообмена, как упоминалось, требуют обязательного возврата эквивалента. В результате тот из глав семейных коллективов, кто сумел устроить наиболее щедрое угощение с наибольшей демонстративной раздачей подарков всем жителям деревни, оказывается в выигрыше[2]. Он не только обретает всеми и всегда желанный престиж, но и оказывается рядом с желанной целью.

Цель, о которой идет речь, — это прежде всего место старейшины общины. Старейшина обладает большим авторитетом и немалой властью. Именно из числа такого рода старейшин в ходе их соперничества и при благоприятных внешних обстоятельствах (климатический, экологический, экономический, демографический оптимум и т. п.) возникают первые известные истории надобщинные политические структуры, протогосударства, как это произошло, в частности, в долинах Нила или в низовьях Тигра и Евфрата. Проблематика появления подобного рода первичных структур обстоятельно разработана в современной антропологии (см., в частности [Service 1971]). Стоит добавить к сказанному, что первичные протогосударства в долинах великих рек возникали обычно параллельно с урбанизацией, так что каждое из них являло собой группу общинных поселений, центром которой оказывался небольшой, но быстро развивавшийся город с храмом и иными постройками, в которых проживали правитель с его родственниками, приближенными, жрецами, воинами и обслуживающим персоналом (ремесленники, слуги и т. п.). В городе хранились запасы и ценности всей новой политической общности.

По законам цепной реакции вокруг первичных протогосударствен-

[2]Специальные исследования показывают, что эквивалент в таких раздачах обычно в состоянии представить не более четверти собравшихся. Остальные становятся должниками и, как следствие, клиентами удачливого редистрибутора, который вправе рассчитывать на голоса своих клиентов при выборах руководства общины (см. [Herskovitz 1952: 169–172]).

ных центров быстро возникали новые. Не все они имели городские центры и элементы урбанистической цивилизации. Некоторые сохраняли племенную доурбанистическую структуру. Но племена такого рода тоже следует считать протогосударственными образованиями, как убедительно показал в своих исследованиях М. Фрид, описавший процесс трибализации, т е. становления на основе аморфной этнической общности структурированного племени во главе с вождем [Fried 1975].

Вождь племени и тем более правитель урбанизованного протогосударства уже сильно отличаются от старейшины общины. Они заметно возвышаются над коллективом своих подданных и при этом обладают не только престижем и авторитетом, но и реальной властью. Главная из прерогатив этой власти – безусловное право главы укрупненного коллектива и действующих от его имени помощников на редистрибуцию всего достояния племени или протогосударства. Иными словами, руководитель надобщинной структуры становится высоко над нею и в результате такого рода позиции достаточно быстро — особенно в урбанистических центрах — обретает сакральную святость. Он и его близкие становятся неприкосновенными для остальных. Иногда на правителя нельзя даже смотреть. Соответственно возникает и новая процедура замещения должности вождя и правителя. Если на начальном этапе развития надобщинных структур после смерти правителя происходили выборы нового (обычно из числа близких его родственников, считавшихся как-то причастными к его сакральности), то затем возникает институт так называемого конического клана, нормы которого требуют передачи власти по наследству в старшей линии разветвленного клана с его многочисленными линиями.

Сакральный лидер протогосударства оказывается центром политической и экономической структуры, которая не знакома еще с частной собственностью. В силу этого на плечи власти ложится не столько право, сколько обязанность взять на себя руководство усложняющимся хозяйством большого и имеющего тенденцию к разрастанию и усложнению коллектива. Все имущество и все хозяйство протогосударства обретает в силу этого (как и в силу традиционного права руководителя земледельческого коллектива на редистрибуцию его ресурсов) облик собственности правителя. Возникает феномен власти-собственности: высшая власть рождает верховную собственность носителя этой власти с его аппаратом администрации (подробнее см. [Васильев 1982]).

Феномен власти-собственности можно считать имманентной специфической сущностью, квинтэссенцией всех неевропейских (незападных по происхождению) обществ в истории. Несмотря на то, что со временем в развивавшихся государственных образованиях Востока, вплоть до великих его империй, в результате процесса приватизации появлялась и порой играла даже важную роль частная собственность,

она всегда была ограничена в своих возможностях и строго контролировалась государством. Система власти-собственности там всегда доминировала. Она имела различные формы, вплоть до советско-социалистической. Но суть ее неизменно была одной и той же: частная собственность подчинена власти и бессильна перед произволом администрации. Что же касается правящих верхов, аппарата власти, то они всегда недолюбливали частных собственников и стремились ограничить их в их потенциальных возможностях по той простой причине, что эти собственники были посредниками между производящим населением и властью. Власть, имевшая традиционное право не столько даже на редистрибуцию всего продукта и всех ресурсов огромного и всевозраставшего и усложнявшегося коллектива — государства, сколько на избыточный продукт этого коллектива[3], не могла смиряться с тем, что проворные частные собственники стремились положить как можно большую часть этого продукта себе в карман.

Институт власти-собственности совершенствовался на протяжении тысячелетий. Народы и государства приходили и уходили, а он оставался незыблемым. Более того, он способствовал сохранению централизации власти. Динамика исторического процесса на Востоке, как известно, была цикличной, периоды централизации сменялись временами кризисов и децентрализации. Но что характерно: ни феодализация, ни вторжения варваров не меняли нормативного принципа традиционной восточной социальной, экономической и политической структуры, опиравшейся на древние институты реципрокного взаимообмена, власти-собственности и централизованной редистрибуции. Более того, никто не хотел изменять эти принципы, ибо это не было выгодно ни одному из влиятельных социальных слоев, включая и самих частных собственников. Все предпочитали сохранение консервативной стабильности. Почему?

Прежде всего потому, что существовал незыблемый консенсус между административным меньшинством и производящим большинством: первые управляли, вторые производили и находились под надежной опекой управителей, существовавших за счет произведенного ими продукта. Иными словами, труд умственный постоянно и со взаимной выгодой (ощущавшейся обеими сторонами) обменивался на труд физический. Что же касается частных собственников, то у них не было ни особых прав и привилегий (как то было в антично-капиталистической Европе), ни соответственно сил и возможностей для защиты своих корпоративных интересов. А во времена кризисов только госу-

[3]Проблема избыточного продукта является достаточно сложной и спорной Ю И Семенов [1993] противопоставляет его жизнеобеспечивающему Но это противопоставление не слишком убедительно Неудивительно, что существует точка зрения о некорректности данного термина в принципе [Pearson 1957]

дарство могло защитить их, спасая их собственность от разъяренной толпы голодных и разорившихся бедняков. Неудивительно, что собственники были за стабильность. Их унизительное подчиненное положение вполне их устраивало, тем более, что ничего другого они не знали.

Кроме того, на страже незыблемой структуры, все той же консервативной стабильности на Востоке, особенно в наиболее развитых странах, стояли мощные цивилизации, опиравшиеся на развитые религиозные системы с их крепкими моральными запретами и веками освященными культурными традициями. Эти цивилизации проявили себя уже в древности в Египте, Западной Азии, в доколумбовой Америке. Но наиболее сильными и развитыми были три великие бессмертные цивилизации Востока, о которых следует сказать особо.

Одна из них, китайско-дальневосточная конфуцианская, в основе своей даже не имеет развитой религии. Несмотря на то, что в зоне влияния этой цивилизации существовали и существуют религиозные системы, в том числе достаточно развитые (даосизм, синтоизм, буддизм), главную роль играет и стержнем всей цивилизационной культуры является этико-политическая система, восходящая к доктрине Конфуция с ее культом добродетели, сыновней почтительности, патернализма старших и постоянного самоусовершенствования в сочетании с соревновательностью. Эта соревновательность (если угодно конкуренция) должна быть выделена особо, ибо генеральным принципом администрации в Китае всегда было выдвижение в администрацию умных и способных и конкуренция между ними — в том числе в форме сложных экзаменов — за право занять наивысшие посты в империи. Считалось, что в результате управления умными и способными будут достигнуты желанные Порядок и Гармония. Что же касается остального населения, то оно находилось под патронажем старших и всегда отличалось высокой культурой труда и социальной дисциплиной. В той или иной степени эти качества и достоинства были присущи и периферийным вариантам конфуцианской цивилизации, начиная с Японии, при всех специфических особенностях каждой из них.

Вторая цивилизация — мусульманская, возникшая намного позже (в VII в.) и структурно гораздо более жесткая. Предписания Корана и шариата несравнимы по их безапелляционности с конфуцианским церемониалом. Иная ментальность, которой близки фатализм и фанатизм, насильственный прозелитизм, вплоть до религиозных войн под знаменем джихада, сводит к минимуму роль самоопределения личности, ее волю. Все мусульмане — песчинки перед лицом великого Аллаха и Его представителей на земле, в чьих руках соединена и духовная и светская власть. Хорошо известное в Европе представление о восточном деспотизме с абсолютной властью повелителей и бесправным

народом формировалось в основном на базе территориально близкой к Западу мусульманской модели.

Третья из великих цивилизаций Востока — индо-буддийская с ее отчетливой ориентацией на приоритет внефеноменального существования. Сильные самоуправляющиеся социальные институты в Индии (община и каста) обусловили относительную слабость государства — при сохранении им его основных уже охарактеризованных выше типичных для Востока функций. В доисламской Индии децентрализаторские тенденции были весьма сильны, да и в период господства мусульман они постоянно оказывали свое воздействие. Что же касается буддийских стран Юго-Восточной Азии, то там в силу отсутствия каст и сильной общины государства были обычными для традиционного Востока, а ценностные ориентации — типичными для индо-буддизма, с поисками спасения во внефеноменальном мире, в небытии.

Очевидно, что цивилизационные различия между восточными странами были весьма и весьма ощутимыми (подробнее см. [Васильев 1998]). Однако все страны традиционного Востока близки друг другу по структуре и неизменной склонности к консервативной стабильности. Ситуация в этом смысле стала несколько меняться только с началом эпохи колониализма. И здесь следует сказать несколько слов о Европе как о символе оппозиции Восток — Запад.

Европейский путь развития с античности уникален. Если вплоть до гомеровских времен Европа в структурно-типологическом плане была близка традиционному Востоку, то примерно с VII в. до н. э. в ней, на юге континента, в Греции, появилась новая структура полисного типа и начала складываться соответствующая ей цивилизация. По сути своей рождение буквально из ничего столь сложного и принципиально нового социально-политического, экономического и цивилизационно-культурного феномена было чем-то вроде социальной мутации, великой революции, сопоставимой по ее значению для исторического процесса с неолитической.

Ранние эллинские полисы были самоуправляемыми городами-государствами. Но, в отличие от древних египетских или шумерских протогосударственных урбанистических образований, эти структуры в обычной своей форме (бывали и исключения) не имели единоличных правителей. Это были протореспубликанского типа организации, власть в которых принадлежала избранным на строго ограниченный срок магистратам, руководителям. Избрание и осуществление руководства определялись строго разработанными демократическими по характеру процедурами, в результате чего все жители данного полиса, имевшие землю, считались полноправными гражданами (существовали и неполноправные — метеки, — и рабы, но тон задавали именно граждане), причем как раз для защиты их интересов избирались и

функционировали магистраты. Экономика полисов была ориентирована на свободный рынок, а все граждане являлись частными собственниками, причем именно на страже священных институтов частной собственности и свободного рынка и стояла вся структура полисов, чем эти полисы принципиально отличались от любых обществ Востока.

Следует заметить, что античный мир был знаком и с царями, и с тиранами, что демократические процедуры и нормы подчас бесстыдно попирались власть имущими, как это было особенно заметно в пришедшем на смену античной Греции Риме. Однако, при всем том, основы оставались непоколебленными. Тираны приходили и уходили, а античная структура существовала и совершенствовалась — достаточно упомянуть о знаменитом римском праве (частном праве, детально регулирующем права граждан и собственников). И именно это наследство легло в фундамент европейского гражданского общества и продолжало оказывать свое ощутимое воздействие после крушения Рима и появления на его территории варварских королевств, восточных по типу происхождения.

Появившись на территории бывших римских владений в Европе, эти многочисленные и достаточно быстро сменявшие или оттеснявшие друг друга королевства развивались под воздействием как христианства, ставшего на рубеже III–IV вв. официальной государственной религией Рима, так и античных традиций. Это наследство отразилось на экономике и иных институтах феодальной Западной Европы уже достаточно рано. Особенно оно было заметным в структуре торговых республик (Венеция, Генуя, Флоренция, города Ганзы) и городов, где развивались рынки и пользовалось поддержкой власти частное предпринимательство. Города средневековой Европы, становясь союзниками королей в борьбе за объединение раздробленных феодальных владений, пользовались льготами и привилегиями, что принципиально отличало их статус от восточных городов, бывших в это время (X XV вв.) гораздо более развитыми и богатыми.

Это принципиальное структурное различие между традиционным Востоком и Европой было непреодолимым. Несколько раз самой историей ставились эксперименты по ее преодолению. Первым можно считать период эллинизации Ближнего Востока, растянувшийся примерно на тысячелетие, от Александра до Мухаммеда. Вторым — статус ориентализовывавшейся Византии, в Средние века все очевиднее сближавшейся с традиционным Востоком. В обоих этих случаях победителем выходила традиционно-восточная структура. Зато в случае с германской Европой свое взяла европейская, уходящая корнями в античность. Но что характерно: во всех трех случаях ожидаемого синтеза не произошло, верх брала либо та, либо другая структура, что явно свидетельствовало о принципиальной их несовместимости.

Ситуация изменилась кардинальным образом после наступления эпохи колониализма, которой предшествовали в Европе такие кардинальной важности процессы, как Ренессанс, Реформация и Великие географические открытия, способствовавшие возрождению многих из утраченных античных рыночно-частнособственнических и цивилизационных традиций и трансформации феодальной Европы в предкапиталистическую. В результате этой трансформации новоевропейская история стала совсем иной. Начав полностью ориентироваться на рынок, частное предпринимательство, право и иные сопутствующие новым условиям существования институты, европейцы во всеоружии двинулись на Восток. Все началось с завоевания Америки, что дало им некоторый опыт, но главным образом — драгоценные металлы, золото и серебро.

Первая стадия колониализма, XVI–XVIII вв., — это время торговой экспансии европейцев, поиски путей к восточным странам, борьба за восточные рынки, сопровождавшаяся энергичной работорговлей с целью заработать на переселении африканцев в малонаселенную Америку, где весьма быстрыми темпами развивалось протокапиталистическое по духу (но основанное на труде рабов) плантационное хозяйство. Вначале пионерами колониализма были испанцы (в основном в Америке) и португальцы (на Востоке). Именно их усилиями прокладывались морские пути, создавались плантации и воздвигались первые торговые форпосты в разных странах. При этом стоит учесть, что — в отличие от Америки с ее слабыми и отсталыми протогосударственными и догосударственными образованиями — богатый Восток был в основном представлен сильными государствами, а то и целыми империями. С ним можно было только торговать, причем платить за желанные европейцам пряности и раритеты следовало драгоценными металлами, так что именно на Восток потекла большая часть вывезенного из Америки золота и серебра.

В XVII–XVIII вв. португальцев в качестве основных колонизаторов на Востоке сменили сначала голландцы, а затем англичане, которые стали действовать намного шире. Теми и другими были основаны Ост-Индские компании с большими средствами и возможностями, включая право вести переговоры и войны, заключать соглашения. Усилиями этих компаний были достигнуты немалые успехи в развитии торговли и в первых ощутимых территориальных приобретениях, особенно в Индии и Индонезии, которые в этот период находились в состоянии политического кризиса и децентрализации.

С начала XIX в. наступил второй период колониализма с его активной промышленной экспансией и резким ростом территориальных приобретений в разных регионах Востока. Мощное давление индустриальной экономики и политической силы европейского колониального

капитала поставило под вопрос дальнейшее существование привычной традиционной структуры и всего стиля жизни на Востоке. Наряду с привычными для Востока государственным и строго контролируемым частным секторами хозяйства, появился новый, колониально-капиталистический, со свойственными ему свободным и защищенным правами и привилегиями рынком и энергично функционирующими в его пространстве частными собственниками-предпринимателями. При этом традиционная восточная структура с ее системой власти-собственности и централизованной редистрибуции, с ее негибкой бюрократией и экономически неэффективным хозяйством не могла успешно противостоять напористой и полной энергии колониально-капиталистической экономике, защищенной государственной протекцией европейских стран-метрополий и вкладывающей все новые и новые капиталы в столь прибыльное дело, как эксплуатация колоний или зависимых от европейцев стран Востока.

Естественно, что народы Востока в большинстве своем были недовольны столь бесцеремонным вторжением чужаков в их жизнь. Это недовольство проявлялось подчас и в народных движениях, на которые возлагали столь большие надежды европейские революционеры прошлого и начала нынешнего веков, включая Маркса и Ленина. И действительно, Восток на рубеже XX столетия явственно пробуждался от вековой спячки. Крупнейшие восточные монархии под влиянием вызванного европейцами кризиса разваливались и замещались республиками, как то произошло с Османской и Китайской империями. Но значение этого факта едва ли стоит преувеличивать. Ответ традиционного Востока вызову со стороны агрессивного европейского колониального капитала был сложным переплетением вынужденной трансформации и энергичного противостояния с опорой на традиционные цивилизационные ценности. При этом сила сопротивления во многом зависела именно от характера и мощи той либо иной из великих восточных цивилизаций.

Конфуцианский Дальний Восток с его исключительной способностью к усвоению полезных новаций дал наилучший результат, что хорошо видно на примере Японии (Китай отставал в силу ряда важных причин, прежде всего из-за стойкости консервативной административной структуры и силы самодостаточной традиции). Индо-буддийские страны со свойственной им религиозно-политической пассивностью тоже могли адаптироваться к новой ситуации — особенно при активной роли колонизаторов — достаточно спокойно, хотя и не очень быстро и не слишком легко. Наиболее сильное сопротивление оказывали страны ислама. Только длительный процесс вынужденной адаптации к новым формам жизни позволил колонизаторам добиться в некоторых из этих стран (Турция, Египет, Пакистан) позитивных результатов. Но

остальная часть мира ислама, особенно арабские страны и Иран, не принимала европейских стандартов, причем многие из этих стран занимают такую позицию и сегодня.

Здесь стоит сделать некий политологический экскурс и обратиться к феномену колониализма как такового. Как известно, на Востоке и среди радикалов на Западе господствует заведомо негативное отношение к этому явлению, причем нередко все несчастья и невзгоды списывают именно на колонизаторов. Разумеется, колониализм принес традиционному Востоку немало бед. Но нельзя ведь на учитывать, что, не будь колониальной экспансии, все страны Востока, включая и Японию, находились бы сегодня практически на уровне едва ли не XV в. Можно спорить о том, хорошо это или плохо, и я предполагаю в заключение статьи вернуться к этой проблеме. Тем не менее очевидно, что все новое и современное пришло на Восток из Европы в результате процесса вестернизации и модернизации. И современный Восток охотно всем — или почти всем — этим пользуется. В этом смысле именно колониализм сблизил современный Восток с Западом.

Процесс деколонизации начался, как это хорошо известно, после Второй мировой войны. В это время колониальный и зависимый Восток оказался перед альтернативой: капитализм или марксистский социализм. Марксистский социализм как система был впервые реализован в России после большевистского переворота 1917 г. Можно спорить о том, что в этот момент представляла собой Россия, но я лично уверен в том, что исторически Россия как государство и общество всегда была более Востоком, нежели Западом. От Запада в ней — кроме восточного типа православного христианства, всегда находившегося под железной пятой правивших страной деспотов, — были только те сдвиги, которые инициировал Петр I и в меру своих возможностей осуществляли его преемники. Иными словами, в России — как и на остальном Востоке — начался процесс модернизации и вестернизации лишь с XVIII в. Разница — но очень существенная, сближающая Россию разве что с Японией, но не с остальным Востоком, — была в том, что этот процесс шел изнутри, а не под силовым воздействием извне, со стороны колонизаторов. Но даже при всем том к 1917 г. Россия добилась на пути вестернизации не слишком многого, причем именно это печальное обстоятельство помогло марксистскому социализму укрепиться в стране.

Парадокс в том, что эта доктрина, первоначально рассчитанная только и именно на Запад (диктатура пролетариата), для Запада оказалась неприемлемой, но зато нашла себе почву на Востоке, где пролетариата в марксистском его понимании не было вовсе (или почти не было, как в России). Не углубляясь в анализ этого парадокса, замечу лишь, что в процессе деколонизации ряд стран Востока (Китай,

Вьетнам, Северная Корея, затем также Камбоджа и Лаос, не говоря уже о многочисленных странах Африки) избрали в качестве образца советский вариант марксистского социализма. Почему?

Ответ очевиден. Марксистский коммунизм с его командно-административно-редистрибутивной системой — копия традиционного Востока. Новая и сильно модифицированная, с развитой индустрией (особенно военной) и наукой, специфической идеологией и политической мощью, но все же именно копия. Судить об этом следует на основании того, что и правящий аппарат с его жесткой административной системой, и суровое преследование частной собственности и предпринимательства, и экономическая неэффективность государственного хозяйства, явно тяготеющего не к быстрому развитию, но к консервативной стабильности (застой), и запуганное властью несвободное население, порой низводившееся до уровня поголовного рабства, — все это очень хорошо знакомо именно Востоку. А успехи, достигнутые Россией при Сталине за счет жесточайшего террора, были особенно очевидны как раз тогда, когда странам Востока предстояло сделать свой исторический выбор. Выбрать капитализм означало болезненное продолжение вынужденной трансформации. Выбрать марксистский социализм значило, как в то время многим казалось, иметь шанс избежать этого и стать могучими в рамках старых структур, да к тому же получить за это помощь от СССР.

Так рассуждали в момент выбора достаточно многие из руководителей стран Востока, не говоря уже о коммунистах, позиции которых в этих странах, особенно в Азии, были весьма сильны. Сегодня уже известно, когда и чем марксистский эксперимент во всех этих странах, включая и Россию, завершился. Марксистский социализм — за редчайшими исключениями — остался как реально существующая и пытающаяся соперничать с капиталистическим Западом система в прошлом. Изменился за ряд последних десятилетий и капитализм. Вопреки предостережениям, он не только не погиб, запутавшись в противоречиях, но, напротив, сумел успешно решить свои сложные проблемы. Новый капитализм второй половины нашего века имеет немало достижений как в сфере социальной поддержки нуждающейся в этом части населения, так и во многих иных сферах. Это спасло западные страны от очередных кризисов и дало им новые импульсы для быстрого развития. Неудивительно, что в этих условиях — тем более после краха системы марксистского социализма — развивающийся мир в большинстве своем стал сознательно ориентироваться на рыночно-частнособственнические принципы Запада. Но этот выбор для современного Востока не стал большим облегчением.

Сложности и трудности в том, что для выбора марксистско-социа-

листического пути нужна была лишь смена политической ориентации (остальное легко вписывалось в давно сложившуюся традиционно-восточную структуру), тогда как выбор противоположного пути требовал кардинальной внутренней перестройки, для чего необходим был долгий и трудный переходный период. Нужно было время и для социопсихологической адаптации, что обычно требует смены поколений. И здесь опять-таки многое зависело от цивилизационного фундамента того или иного из регионов Востока.

Мир ислама, как упоминалось, настроен наиболее антизападно и антикапиталистически. Это не означает, что в соответствующих странах не принимают ничего современного. Напротив, там охотно ездят на автомобилях и летают на самолетах, используют современную бытовую технику и т. д., и т. п., не говоря уже об активной торговле нефтью с Западом. Но тем не менее там — и особенно в странах, где господствует фундаментализм, как, например, в Иране — резко не приемлют духовную культуру и многие нормативные принципы поведения по западному стандарту, предпочитая этому демонстративное следование обычаю (женщины, например, не должны выходить на улицу, не закрыв лицо). За последние годы позиции исламского фундаментализма резко усилились, причем не только в беднейших странах типа Судана, Афганистана или Бангладеш, но и в странах достаточно передовых и развитых — в Алжире, Египте. Даже в Турции военные недавно вынуждены были вмешаться в такого рода процесс и запретить политическую партию (пользовавшуюся в стране немалым признанием) с явно исламско-фундаменталистским уклоном.

Хуже всего обстоит дело с трансформацией и модернизацией в Африке южнее Сахары (кроме Южной Африки, являющейся в этом смысле исключением). И дело здесь отнюдь не в силе исламских или иных явственно антизападных и тем более фундаменталистских традиций. Просто «черная» Африка с ее архаичным населением и соответствующими нормами социопсихологического стандарта слишком далека не только от Запада, но и от любой из развитых цивилизаций мира. В то же время здесь можно зафиксировать любопытный парадокс: в то время как культура потребления, особенно в городах, растет очень быстрыми темпами (каждый хочет иметь современную бытовую технику, телевизор, а то и автомобиль, не говоря уже об одежде и иных предметах обихода), культура и дисциплина труда такого рода современным потребностям совершенно не соответствуют. Социальная верхушка в этих странах — особенно те, кто получил образование за границей и уже по этой немаловажной причине обычно принадлежит к административной или иной элите — обеспечена всем необходимым, а основная масса населения имеет очень мало. Более того, многие едва

сводят концы с концами, а в случае стихийных бедствий, войн и т. п. вообще десятками, если даже не сотнями тысяч, погибают от голода и болезней.

Суммируя сказанное, мы вправе прийти к выводу, что современный Восток весьма многолик. Одни страны благодаря собственным усилиям и цивилизационному фундаменту или Аллаху (имеется в виду нефть) богаты и благополучны. Другие живут скромно, но, напрягая усилия, стремятся как можно быстрее преодолеть пропасть, отделяющую их от богатых и благополучных (как восточных, так и западных) стран. Третьи практически не имеют шансов достичь этого в обозримом будущем, а четвертые даже не пытаются или не могут двигаться вперед.

Особо стоит сказать о крупных странах (Китай, Индия, Индонезия), где часть населения в результате общего прогресса за последние десятилетия достигла определенного, подчас заметного уровня благополучия, тогда как основная масса сельского населения остается в стороне от этого уровня, будучи в массе своей такими же бедняками, едва сводящими концы с концами, как и их далекие предки. Но если здесь все-таки можно говорить об определенном движении вперед и соответственно о надежде, то применительно к наиболее бедным странам Востока и этого сказать нельзя. Они остаются общемировой болью.

Подводя некоторые итоги, можно в самом общем виде заключить, что примерно половина населения стран Востока (почти все в «черной» Африке и многие из числа беднейших слоев в других странах, включая крупные вроде Индии, Индонезии, Китая) живет сегодня на уровне бедности или даже нищеты. И, что особенно важно принять во внимание, именно эта половина имеет тенденцию к безудержному демографическому росту, практически удваиваясь каждые 35–45 лет и тем самым резко увеличивая общий объем бедности и нищеты в нашем мире.

Это очень серьезная проблема для современного мирового сообщества, причем она не имеет легкого решения. Страны, которые не в состоянии сами прокормиться, живут за счет всевозрастающей помощи извне. Это можно, конечно, рассматривать как вынужденную плату богатых западных стран за их прошлую колониальную экспансию, как долг колонизаторов. Но, во-первых, помощь, о которой идет речь, не способствует успеху беднейших стран в главном их деле, в развитии. Напротив, порождает и поддерживает в этих странах иждивенческо-паразитарный синдром. А во-вторых, стремительный демографический рост в странах Востока и особенно в беднейших из них ставит теперь уже перед всем достаточно густо населенным миром ряд новых глобальных и практически почти не разрешимых проблем. В

самом общем виде это проблема взаимодействия между Человеком и Природой.

С точки зрения исторического процесса, который в основном затрагивается в настоящей статье, суть проблемы сводится примерно к следующему. Индустриальный прогресс в наши дни резко убыстрился. Соответственно возросла угроза экологического кризиса. Элементарные подсчеты — как о том, в частности, свидетельствуют тревожные доклады специалистов, объединенных в рамках так называемого Римского клуба, — убеждают в том, что процесс подобного рода не может тянуться слишком долго. Хорошо известно, например, что, если того уровня отбросов на душу населения, который характерен сегодня для западного мира, достигнет и весь остальной мир, планета просто не выдержит. Будет катастрофа. Уже одно это означает, что что-то в близком будущем должно быть решительно изменено. Но что? И как?

Ясно одно: индустриальный рост, связанный со все время возрастающим потреблением энергии, экологический кризис и демографическое давление можно считать тремя факторами, чье воздействие на планету уже достаточно скоро будет способно превысить степень ее терпения. Встает серьезный вопрос: как долго Земля будет в состоянии выносить это? Когда и чем может кончиться ее уже явно угрожающее всем нам терпение? Быть может, уже сейчас, на пороге XXI в., мы находимся совсем недалеко от критической точки (подробнее см. [Васильев 1997])?

Вообще-то говоря, проблема индустриального роста — в том плане, как она выглядит сегодня, являясь угрозой будущему, — может быть решена легче всего. Компьютерная революция способна дать человечеству некоторые новые технологии для этого. Разумеется, это сделать сравнительно легко на богатом Западе, но не на Востоке, где у большей части стран просто нет средств на необходимую для этого радикальную перестройку экономики. Но в конце концов можно предположить, что богатый Запад во имя собственных интересов и интересов будущего всего человечества поможет снабдить страны Востока передовой безотходной технологией XXI в.

Экологический кризис на современном уровне науки и технологии тоже может быть ликвидирован, хотя трудно даже представить, сколько для этого потребуется средств и где возьмут эти средства страны Востока, да и Россия. К тому же стоит учесть, что это в конечном счете те же самые средства, которые во все увеличивающихся масштабах перетекают сегодня из богатых стран Запада в беднейшие страны Востока, не способные себя прокормить. И все же, учитывая все сказанное, решение технологических и экологических проблем — это вопрос денег и потому проблемы такого рода в принципе могут быть решены

в следующем столетии. Но что может быть сделано с угрожающим ростом демографического давления?

На первый взгляд могло бы показаться, что это наиболее легкая из проблем, настоятельно требующих своего решения, что это — выражаясь фигурально — наиболее слабая из голов трехглавого Дракона, угрожающего существованию человечества на Земле. Здесь вроде бы все зависит от самих людей и в сущности практически ничего не стоит. Однако такой взгляд обманчив. На деле все обстоит как раз наоборот. Есть основания полагать, что из всех ключевых проблем XXI в. эта будет основной. Специалисты хорошо знают, что нормы размера семьи и количества рождений на одну женщину складываются веками и тысячелетиями, входят в число важнейших элементов обычая во всех странах, у всех народов мира и потому не могут изменяться с легкостью за короткий исторический срок. Даже обладающие исключительной социальной дисциплиной китайцы не в состоянии ввести в приемлемые рамки ежегодный прирост населения. А в Индии, странах ислама и в Африке эти проблемы практически не решаются вовсе, хотя многое говорится и пишется на эту тему. К тому же стоит учесть, что успехи современной медицины и элементарные санитарно-гигиенические нормы и правила способствуют выживаемости детей, что резко увеличивает темпы роста населения при сохранении традиционной нормы рождений на каждую женщину. Это в сущности означает, что даже если богатый и развитый Запад решит в XXI в. свои две стоящие перед миром сложнейшие и дорогостоящие проблемы, развивающийся и быстрыми темпами разрастающийся Восток окажется не в состоянии решить третью и главнейшую из них.

Это означает также, что только небольшая часть стран Востока будет в состоянии обеспечить оптимальные условия своего существования в обозримом будущем. Что касается всех остальных, то их участь представляется достаточно печальной. Настолько безрадостной, что не может не встать тот самый вопрос, который уже был затронут выше: благом или злом обернулись для мира и, главное, для самого Востока его спровоцированное колониализмом пробуждение и приобщение к стандартам Запада? Не лучше ли было бы, если бы все оставалось так, как это выглядело до XVI в.?

Он не требует ответа, ибо ответа быть не может. Случилось так, как должно было случиться. Иного в тех обстоятельствах было бы нереально ожидать. Но вопрос о том, благо или зло принес Востоку колониализм, тем не менее остается. И похоже на то, что наряду с несомненным благом приобщения к высокой современной цивилизации (в планетарном понимании этого термина) ныне становятся все более очевидными трагические издержки, безумная цена, которую человечество завтра уже будет вынуждено заплатить за этот исторический

поворот в судьбах человечества. Лишившись в результате приобщения к западной цивилизации с ее постоянно растущим потреблением своего обычного исторического баланса с окружающей природой, страны традиционного Востока в подавляющем своем большинстве практически потеряли шансы установить *modus vivendi* в будущем. В результате создается ситуация постоянно растущего дисбаланса с природой в планетарном масштабе.

Но природа не терпит дисбаланса, тем более длительного. Она обычно резко ему противостоит, мобилизуя для этого свои внутренние ресурсы. Эти ресурсы достаточно многочисленны и хорошо известны. В прошлом это были эпидемии и иные катаклизмы. Ныне, когда медицина и другие отрасли науки нашли средства противостоять им, мобилизуются иные. Можно напомнить о СПИДе, озоновой дыре, парниковом эффекте, ядерной зиме. Пока что современная наука не сдает своих позиций и активно борется со всеми этими угрозами, предостерегая от одних (ядерная катастрофа или парниковый эффект) и способствуя победе над другими (СПИД или озоновая дыра). Но что будет завтра, когда население планеты — где-то к середине будущего века — удвоится и перевалит за 10 миллиардов человек? И тем более послезавтра, в конце XXI в., когда оно вполне сможет еще раз удвоиться?

Следует полагать, что природа приложит все необходимые усилия для того, чтобы настоять на своем. Она найдет новые и много более эффективные средства и методы для того, чтобы восстановить утраченный баланс. И хотя человечество тоже мобилизует все свои возможности для предотвращения грозящей ему катастрофы, есть основания полагать, что дело может окончиться для него плохо.

Я бы не хотел претендовать на лавры Кассандры и был бы рад, если бы высказанные здесь опасения оказались напрасными или, во всяком случае, недостаточно обоснованными. Но пока что, к сожалению, существует слишком много оснований для опасений и беспокойства по поводу будущего. Фантасты обычно — даже если пишут о глобальных катастрофах — полны исторического оптимизма в отношении этого будущего. Они верят в бессмертные потенции человечества. По сравнению с ними я склонен считать себя скорее пессимистом.

Как востоковед, я постоянно держу в голове ситуацию с Востоком, причем не только современным[4]. Что же касается сегодняшних и завтрашних проблем, связанных как с технологией и экологией, так и — в гораздо большей степени — с непрекращающимся демографическим ростом на Востоке, и ведущих к увеличению дисбаланса между Чело-

[4]В моем двухтомнике «История Востока» [Васильев 1993] эта ситуация представлена достаточно полно, включая тревоги по поводу тенденций эволюции.

веком и Природой, то они меня беспокоят гораздо больше, чем сказки о звездных войнах и возможных в будущем столкновениях с инопланетянами Конечно — и я это отлично понимаю, — сказки интереснее скучных академических выкладок, на то они и сказки Но проза жизни дает и всегда будет давать о себе знать А в этой прозе Восток со всеми его нерешенными и порой неразрешимыми проблемами с каждым годом занимает все большее место

ЛИТЕРАТУРА

Васильев Л С Феномен власти собственности К проблеме типологии докапиталистических структур Типы общественных отношений на Востоке в средние века / Отв ред Л Б Алаев М , 1982 С 60–99

Васильев Л С История Востока Т 1–2 М Высшая школа, 1993

Васильев Л С Человек и Природа кто кого? (Выживет ли человечество в грядущем глобальном кризисе?) Московское востоковедение М , 1997 С 308–30

Васильев Л С История религий Востока 3-е изд М Высшая школа, 1998

Мосс М Общества Обмен Личность Труды по социальной антропологии М Восточная литература, 1996

Семенов Ю И Экономическая этнология Первобытное и раннее предклассовое общество Ч 1–3 М , 1993

Fried M H The Notion of Tribe Menlo Park Cummings, 1975

Herskovitz M J Economic anthropology A Study in Comparative Economies New York, 1952

Pearson H W The Economy has no Surplus // Trade and Market in Early Empires / Ed by K Polanyi, C M Arensberg, H W Pearson New York, 1957

Polanyi K Primitive, Archaic, and Modern Economics // Essays of K Polanyi New York, 1968

Sahlins M D Tribesmen Englewood Cliffs Prentice Hall, 1968

Service E R Primitive Social Organization An Evolutionary Perspective 2nd ed New York [1st ed –1962] Radmon House, 1971

Service E R Origins of the State and Civilization New York Norton, 1975

Н Б КОЧАКОВА

ПОНЯТИЕ «РАННЕЕ ГОСУДАРСТВО». РАННЕЕ ГОСУДАРСТВО (РГ) И ВОЖДЕСТВО*

На протяжении почти двадцатилетних исследований в рамках Проекта РГ это понятие уточнялось и изменялось Первоначально РГ определялось как первая стадия развития государств «РГ есть понятие, используемое для обозначения государства в докапиталистическую эру эволюции политического общества Оно представляет собой первую стадию государственности» [Классен 1981 59) и может быть определено как «централизованная социально-политическая организация для регулирования социальных отношений в сложном, стратифицированном обществе, разделенном по крайней мере на два основных слоя, или возникающих класса, то есть правителей и управляемых, чьи отношения характеризуются политическим господством первых и даннических обязательствами вторых и узаконены общей идеологией, основным принципом которой является реципрокность (взаимность)» [Раннее государство 1978 640]

Это определение было выработано на основе анализа более двух десятков докапиталистических государственных образований в Африке, Полинезии, Азии, Европе и Америке Этот анализ сделал возможным построение структурной модели РГ Было определено, что наиболее характерными чертами этой модели являются следующие

1 Положение правителя — главы РГ основано на мифической харизме и генеалогии, которые связывают его со сверхъестественными силами Он считается также благотворящей фигурой, источником даров, вознаграждений и жертвоприношений Он окружен двором и стражей

2. Аристократия, или привилегированная страта, в РГ состоит из членов семьи правителя, глав кланов или линиджей и высших должностных лиц Частная собственность на землю — явление редкое и, по-

---

* *Кочакова Н Б* Раннее государство и Африка М РАН, 1999 (печатается с сокращениями)

© Н Б Кочакова, 2007

видимому, не играет большой роли в достижении высокого статуса в РГ

3. В основе идеологии РГ лежит реципрокность все категории подданных снабжают правителя (точнее, правящую группу) продуктами труда и услугами в форме даров, даней, податей, в то время как правитель, со своей стороны, ответствен за защиту подданных от враждебных сил (включая сверхъестественные), за поддержание закона и порядка в РГ Государственная идеология поддерживается жречеством

4 В материальном производстве участвуют не все группы населения, и не все имеют равный доступ к материальным ресурсам Главным источником дохода высшего слоя обычно является дань Социальное неравенство основывается прежде всего на различиях в родстве, т е на степени удаленности (с точки зрения родственных связей) от царской семьи

5 Для управления РГ развивается система делегирования (передачи) властных полномочий и обязанностей формируется управленческий аппарат из многочисленных должностных лиц При этом на региональном и местных уровнях обычно действуют должностные лица «общего профиля», а на государственном — специалисты [Классен 1981 60]

С точки зрения уровней организационной сложности были выделены РГ трех типов зачаточные, или зародышевые, типичные, переходные [Раннее государство 1978 589, 640] Эта типология отражала степень развития таких аспектов организации РГ, как наличие и развитость системы торговли и рынков, способы достижения важнейших управленческих и властных должностей (путем наследования, назначения или выбора на должность), появление частной собственности на землю, система податей и повинностей, судебная система, способы вознаграждения должностных лиц С этих позиций уже упоминавшиеся восемь РГ, существовавших в разное время на Африканском континенте, были отнесены к следующим типам

зародышевые Анколе, Вольта, Занде (наряду с ними к этой стадии были отнесены Гавайи, древняя Норвегия, Таити);

типичные Аксум, Древний Египет, Йоруба (наряду с ними к этой стадии были отнесены Ангкор, Иберия, Инка, Качари, Монголия, древняя Скифия),

переходные Джимма, Куба (наряду с ними к этой стадии были отнесены государство ацтеков, древний Китай, Франция 1-го тыс н э , Маурья) [Раннее государство 1978 589, 640]

Впоследствии эта типология неоднократно подвергалась критике, но не в целом, а с точки зрения соответствия того или иного конкретного РГ тому или иному типу

Одновременно был поставлен вопрос о необходимости отграничения РГ от предшествующих социополитических форм

В 1978 г было выражено мнение о структурных различиях вождества и РГ В совместной главе, написанной Х Дж М Классеном и П Скальником, подчеркивалось *качественное* отличие вождества от РГ, наличие в РГ таких специфических черт, которые не только не были обнаружены, но и *не могли* быть обнаружены в вождествах из-за специфических качественных отличий этих социально-политических форм [Раннее государство 1978 630]

В качестве главного отличия РГ от вождества в этой главе названо развитие в РГ «узаконенной (легитимной) власти» — согласительной или принудительной по своему характеру и проявляющейся а) во власти (согласительной или принудительной) навязывать решения центрального правительства, б) во власти (согласительной или принудительной) предотвращать расщепление социально-политической организации Эти два типа власти представляют собой не более чем вершину айсберга, являясь *показателями* развития сложных форм социально-политической организации, централизованного управления, социального неравенства, баланса власти, достаточной легитимности, адекватных государственных ресурсов и т п В этом определении подчеркивается аспект узаконения, легитимности, ибо предшествующий анализ показал, что на стадии развития и вождества, и зародышевого РГ согласительный тип власти значительно преобладал над принудительным Власть продвигать решения центрального правительства в зародышевом РГ выражается во введении и навязывании законов и предписаний [Раннее государство 1978 630]

Спустя девять лет в работе, написанной уже без участия П Скальника, Х Дж М Классен, ссылаясь и, более того, цитируя вышеприведенный текст, по существу уже частично отходит от него, делая упор не на качественные различия между вождеством и РГ, а на сходство между ними в идеологической сфере Что же касается различий, то они, по его мнению, выражаются в структуре управления, и степени ее сложности особенностью вождества является двухуровневая структура управления (деревни или общины под управлением верховного вождя), тогда как РГ представляет собой трехуровневую структуру (местные общины — региональное управление — центральное правительство) [Классен 1987 203] Как видим, в этой характеристике отсутствует аспект природы властных отношений Одновременно снова подчеркивается, что четкое разграничение понятий «вождество» и «государство» необходимо для адекватного описания и анализа политической организации РГ Несмотря на то, что многие исследователи, марксисты и немарксисты, одинаково трактуют государство как своего рода «водораздел в истории», до сих пор отсутствуют удо-

влетворительные определения этих двух понятий [Классен 1987: 203]. Проблема разграничения очень трудна по двум причинам. Во-первых, в процессе эволюции новые формы развивались очень медленно, и очень трудно различать вождество и РГ. Во-вторых, хотя возникновение РГ имело далеко идущие последствия в социально-политической сфере, другие социальные институты, например организация системы родства или же экономика, развивались по другим эволюционным траекториям, т. е. налицо была так называемая дифференциальная эволюция, пользуясь выражением Карнейро.

Дальнейшее развитие понятий «раннее государство» и «вождество» произошло в ходе исследований экономики РГ, осуществленных на базе африканского, полинезийского, азиатского и мезоамериканского материала. Экономические исследования подтвердили тезис о том, что возникновение РГ означало качественную реорганизацию общества, фундаментально отличающую его от предшествующих форм. И все же социополитическую организацию РГ нельзя считать полностью новой: она выросла из более ранних форм социально-политической организации, и элементы этих ранних форм сохраняются в ней какое-то время.

В то же время изучение конкретных РГ показывает, что различия между развитыми (сложными) вождествами и зачаточными РГ малозаметны. В организации экономики зачаточных РГ есть много общего со сложными вождествами. Самая важная общая характерная черта РГ и сложных вождеств — свойственное и тем и другим явление редистрибуции. Под редистрибуцией понимается перераспределение, т. е. такое функционирование экономики, при котором значительная доля отчислений натурой и трудовых услуг, получаемых политико-религиозным центром (или центрами) для материальной поддержки правителя и его приближенных, перераспределяется центром для обеспечения таких общественных служб, как организация обороны социополитического объединения, отправление религиозных обрядов, поддержание в порядке дорог, храмов и святилищ, оказание помощи населению в случае стихийных бедствий и голода и т. п. [Экономика 1991: 9].

В вождествах система редистрибуции развита гораздо слабее, чем в РГ, т. е. объем натуральных отчислений и услуг, циркулирующих в системе редистрибуции, в вождествах меньше, чем в РГ.

Специфика африканских РГ

Голландец Х. Дж. М. Классен попытался рассмотреть проблему на материалах доколониальных африканских РГ: Анколе, Руанды, Буганды, Ойо, Дагомеи, Кубы (Бушонго), Тио (Батеке) и Свази — путем

сравнения их с РГ Полинезии (Таити и Тонга) и Инка доколумбовой Америки, т. е. с РГ, у которых заведомо не было никогда контактов с доколониальной Африкой.

Анализ, осуществленный Классеном, позволил ему выделить следующие специфические черты африканских РГ.

1. *Сакральность верховного правителя* (царя или короля, по западноевропейской терминологии).

Прямая связь между физическим здоровьем правителя и плодородием страны обнаруживается в идеологических представлениях Анколе, Руанды, Кубы, Тио и Свази. В остальных государствах, подвергнутых анализу, такая связь не прослеживается в непосредственной форме. В то же время во всех государствах повсеместно осуществлялись ритуалы для содействия плодородию страны и людей. Так, в Буганде, Дагомее и Свази существовали ритуалы для восстановления физических сил правителя. В Кубе, Тио и Свази правитель должен был избегать контактов с мертвыми и больными людьми из опасения потерять собственное здоровье.

Сравнительные материалы о РГ других частей света показывают, считает Х. Дж. М. Классен, что прямая связь между фертильностью правителя и плодородием страны существовала только в Африке, но не повсеместно. Однако ритуалы по восстановлению физических сил правителя и предписания к избеганию им умерших и больных подтверждают мысль о том, что представления о связи между физическим здоровьем и фертильностью правителя и плодородием страны являются типической чертой африканских РГ.

Ритуальное «убийство» правителя (царя) непосредственно связано с отношением «правитель — плодородие». Все известные науке данные говорят о том, что убийство в ритуальных целях никогда не осуществлялось в реальности, существуя лишь в идеологических представлениях, в ритуале или в теории. Если правителя убивали, то в основе его умерщвления лежали политические причины. Ритуал «убийства» существовал в Анколе, Руанде, государствах йоруба, в Кубе. В Дагомее и Буганде вместо царя убивали другого человека.

Так, в Буганде правитель единожды в течение своего правления для продления своей жизни посещал специального жреца. Жрец отбирал одного из своих сыновей, которого кормили, одевали, обходились с ним как с принцем. Во время ритуала возрождения правителя жрец дарил ему своего сына, и придворные забивали того до смерти кулаками (чтобы не проливать кровь). В Дагомее правитель ежегодно принимал ритуальную ванну в целях возрождения своих жизненных сил. После этого живым захоранивали мальчика, одетого в царские одежды, вместе с царскими волосами и ногтями.

Ритуальное убийство для возрождения физического здоровья пра-

вителя можно также считать специфически африканской чертой [Классен 1981 65]

К другим аспектам сакрализации верховного правителя относятся инцест, ритуальный огонь и ограничения в передвижении

Что касается инцеста, то он запрещен повсеместно в Африке Однако в Кубе в число ритуалов, связанных с царской властью, входил ритуал сексуальной связи с родной сестрой, его можно рассматривать как демонстрацию правителем разрыва родственных связей с его семьей Ни в Анколе, ни в Руанде, ни в Тио, ни в государствах йоруба подобный ритуал не отмечен

Что касается обряда ритуального тушения огня после смерти правителя, то он отмечается в Анколе, Руанде, Буганде и Тио Однако считать этот обряд общеафриканским все же нельзя

Ограничение правителя в передвижении с целью сохранения его сакральной силы было характерным для доколониальной субсахарской Африки

2 *Наследование власти царя* имело следующие особенности Наиболее распространенной практикой были династические выборы, а отнюдь не автоматическое наследование ближайшим родственником Материалы, представленные в томе «Раннее государство» [1978 116, 173, 302], подтверждают впечатление, что династические выборы были преимущественно африканским явлением, однако существует слишком много примеров другого рода, чтобы считать их чисто африканским явлением [Классен 1981 70]

3 *Положение матери и сестры царя* в структуре управления РІ За исключением Тио и Кубы, мать царя играла значительную роль в РГ Для Африки особенно характерны институциализация и официальный характер ее положения не только ее статус был официально признанным, более того, если мать умирала во время правления сына, то назначалась «матерью» другая женщина При этом во всех случаях положение матери было скорее ритуальным, чем политическим Х Дж М Классен выдвигает гипотезу, что важная роль матери в структуре управления РГ была связана с заботой об обеспечении безопасности трона в *патрилинейных* РГ именно ее клан давал наиболее заслуживающую доверия поддержку правителя В *матрилинейных* РГ, таких как Куба и Тио, институциализация царской матери не прослеживается [Классен 1981 72]

Старшая сестра правителя играла важную роль, выполняя главным образом ритуальные функции в Анколе, Буганде, Кубе и Свази По-видимому, институциализация старшей сестры царя существовала в тех РГ, в которых мать царя также занимала институциализированное положение

Должностные лица со специфическими функциями в африкан

ских РГ — это прежде всего ритуальные заместители верховного правителя Для доколониальных африканских государств было в высшей степени типично личное неучастие царя в сражениях на поле битвы в роли царя выступал его заместитель Ритуальным заместителем царя мог быть неодушевленный предмет, например священный барабан, символизировавший царственность В Анколе ему приносили человеческие жертвы В Руанде барабан имел сходную функцию Правитель Кубы имел резного идола «ндоп», который считался его двойником Когда умирал правитель, убивали изготовителя этого идола

По признанию Х Дж М Классена, его исследование осуществлялось на базе ограниченного материала и потому носит предварительный характер Это действительно так В частности, говоря о царских заместителях, Классен не упоминает двойников дагомейского царя или царского заместителя — царскую корону в государствах йоруба В Ойо, например, короне отдавали царские почести Характеризуя ритуальный инцест как демонстрацию разрыва родственных связей царя, Классен дает ему несколько одностороннее толкование, тогда как его более глубокое значение состояло в демонстрации нарушений общественной морали и религиозных запретов, что должно было символизировать совершенно особое, выше земных установлений положение сакрального правителя Далее, говоря о выборно-наследственном характере преемственности царской власти в доколониальных африканских РГ, Классен имеет в виду сыновей царя в качестве наследников, тогда как в действительности нередко наблюдалось сиблинговое наследование, т е от брата к брату Можно было бы привести много других примеров в дополнение и уточнение исследования Х Дж М Классена Он рассматривает не специфику доколониальных африканских РГ, а специфику положения в РГ верховного правителя — царя В этом более узком значении, как показал Х Дж М Классен, типическими чертами РГ в доколониальной Африке являются следующие 1) наличие (не повсеместно) прямой связи между здоровьем верховного правителя и благополучием страны, 2) существование обычая ритуального убийства правителя с целью восстановления его жизненных сил, 3) ограничение свободы передвижения для правителя (из опасения утери его силы), 4) существование царских «двойников», или «заместителей», 5) требование к кандидату на трон не иметь физических недостатков, 6) наличие институтов соправителя и официальной царской матери, 7) функционирование института «ритуального командующего», несущего ритуальную ответственность за военную деятельность царя, 8) наличие при дворе нескольких должностных лиц высокого ранга, которые выполняют, в качестве заместителей, определенные ритуальные действия для правителя, 9) отсутствие ритуальных обязанностей у должностных лиц регионального уровня, 10) существование инсти-

тута «официальной царской сестры». Последние два пункта можно отнести к «типическим» с большой долей вероятности.

По мнению Х. Дж. М. Классена, положение верховного правителя африканских РГ можно интерпретировать в терминах системы родства как главу клана или линиджа в большей мере, чем как царя-воина или царя-жреца. В этом отношении следует отметить огромное влияние в структуре управления РГ на ритуальном уровне (официальных) царских родственников, матери и сестры, положение (старшего) сына и соперничество его братьев. Сочетание административных и ритуальных обязательств, накладываемых на царя его саном, могло приводить к развитию института царских двойников, ритуальных должностей и ритуального командующего войском, а также, быть может, ряда ритуальных обязанностей, налагаемых на царскую мать и царскую сестру. «Ввиду этих соображений, — заключает Х. Дж. М. Классен, — представляется очевидным, что в африканских РГ сложное отношение между властью, базой власти и идеологией нашло специфические формы выражения: кланово-ориентированная царская власть и плодовитость в качестве господствующей черты идеологии» [Классен 1981: 81].

В 1987 г. в рамках Проекта РГ Х. Дж. М. Классен продолжил тему поиска специфики африканских РГ, на этот раз путем сопоставления социально-политической организации доколониальных Дагомеи и Буганды. Объекты для сравнения были выбраны на основе того же принципа, что и в работе 1981 г.: эти два РГ никогда и никаким образом не сталкивались, не соприкасались друг с другом, не имели ни культурных, ни торговых, ни политических контактов, не знали ничего о существовании друг друга. Это исключало возможность каких-либо заимствований друг у друга, по мнению автора статьи, хотя опыт всемирной истории показывает возможность заимствований через века и континенты

Сопоставление сходств и различий социально-политических структур обоих государств позволило автору прийти к следующим выводам.

1. Верховный правитель в доколониальных африканских РГ не был «священным царем» в толковании Дж. Фрэзера. Не было прямой связи между его физическим здоровьем и фертильностью страны и народа (хотя в Дагомее обычай требовал, чтобы царь демонстрировал свое здоровье).

2. Верховный правитель является сакральным царем. Он воплощает закон и порядок в государстве. Его смерть влечет за собой ритуальный и реальный беспорядок. Правителю не позволено касаться земли, нельзя допускать пролития царской крови. Царь защищен от ритуального риска во время войны тем, что войском командует его заместитель. Правитель действует как посредник между народом и

священными царскими предками. Успех в войне и фертильность народа и страны связаны с его посреднической деятельностью. Правитель не нуждается в пище, он обязан быть щедрым, но на практике его дары часто бывают пустячными. Существует ритуал для продления жизни правителя (вместо него убивают его «двойника», заместителя).

3. В процессе управления РГ царь постоянно встречается со своими советниками. Все решения (по крайней мере, так считается) принимаются царем, но на практике высшие сановники, знать, оказывают большое влияние на ход событий. Правитель временами (редко) действует в качестве верховного судьи.

4. Члены царской семьи практически отстранены от управления. Значительное место в политике занимают попытки со стороны правителя и его ближайшего окружения создавать противовесы сильным группировкам во властных структурах путем раздачи и создания различных титульных должностей.

5. Наследование царской власти осуществляется путем династических выборов. Поскольку избранник на трон еще не обладает сакральностью, для его сакрализации осуществляются ритуалы, длящиеся по нескольку лет и требующие человеческих жертвоприношений

6. В африканских РГ много должностных лиц разных уровней. Они играют существенную роль в создании противовесов различным властным группировкам. Основными обязанностями должностных лиц регионального и местных уровней являются поддержание закона и порядка, организация общественных работ и сбора податей [Классен 1987: 235–236].

И в этой работе анализ не выходит за рамки особы сакрального правителя и самой общей характеристики управленческого аппарата африканского РГ.

В 1981 г. в рамках Проекта была опубликована статья «Западноафриканские королевства и ранние государства: обзор некоторых недавних исследований» британского социоантрополога П. Ллойда, выдающегося авторитета в области социологии и политологии Африки, глубокого знатока традиционной политической культуры народа йоруба (Западная Нигерия). В отличие от Х. Дж. М. Классена, специалиста по Полинезии, ограничившего свои африканистские исследования анализом царской власти и структурного состава высших должностных лиц двора, П. Ллойд сосредоточивается на вопросе о том, каким образом социальное неравенство становится господствующей характерной чертой человеческого общества, каким путем этот процесс развивается, утверждая и увековечивая неравенство в государстве.

Так же как и Классен, Ллойд отмечает, что переход к государству от общности, основанной на родстве (на связях по родству), был скорее всего не прост и не внезапен. И все же наука, пишет он, никак

не может освободиться от ослепления дихотомией между общностями, основанными на родстве, и государством и строит свои исследования исходя прежде всего из этой дихотомии. Для многих социоантропологов, изучавших различие между безгосударственными обществами и государствами, так же как и для марксистов, продолжающих темы эволюционистов XIX в., общества, основанные на родственных связях, и государства являются противоположными по принципам организации — последние должны вытеснять предшествующие.

Однако близкое знакомство с африканскими традиционными государственными структурами обнаружило, что во многих из них родственные группирования (группирования, образованные связями по родству) и государственные институты сосуществуют в гармонии друг с другом. В этих РГ, или протогосударствах, по терминологии П. Ллойда, он выделяет два типа. К первому типу он относит государства йоруба и ашанти. В них первичными социополитическими единицами были диссентные (родственные) группы; выбранные вожди этих групп образовывали правящие советы сложно организованных королевств, в которых царило значительное социальное неравенство. В основе РГ второго типа лежала деревенская община — единственная административная единица РГ. Она базировалась на родственных связях и не имела власти в принятии решений выше деревенского уровня. В РГ этого типа господствующая группа часто отличалась этнически от подчиненного населения [Ллойд 1981: 224].

П. Ллойд признает, что ключевые понятия «класс», «государство» и «способ производства», используемые марксистскими исследователями для изучения РГ, являются мощными аналитическими орудиями. Однако их аналитические возможности снижены тем, что они используются неоднозначно. Например, Террей различает в обществах, основанных на родстве, класс старейшин-эксплуататоров и класс эксплуатируемых — молодежь, тогда как другие исследователи (например, Херст) видят в этих же отношениях простое разделение труда между земледельцами — молодежью, и управленцами — стариками; эксплуатация младших старшими уравновешивается реципрокацией в форме обеспечения молодежи приданым.

Точно так же термин «государство» используется на двух уровнях абстракции: во-первых, он относится к органам управления, таким как король и его совет, должностные лица, во-вторых, употребляется в гораздо более абстрактном и структурном смысле, обозначая отношения внутри и между классами, развитие которых ведет к возникновению государства. Однако тут снова всплывает вопрос, что именно подразумевает под «классом» тот или иной исследователь.

Не меньше сложностей возникает при использовании понятия «способ производства», определяющего природу отношений между эксплу-

ататорами и эксплуатируемыми. Ллойд отмечает, что исследования РГ и стран «третьего мира» обнаруживают сосуществование нескольких способов производства, тесно взаимосвязанных или же ясно выявляемых внутри одной общественной формации. Там, где исследователь сталкивается с многообразными способами производства в обществе, возникает гораздо более сложное представление о реальной группе классов, чем классическая марксистская дихотомия.

Основываясь на своих собственных полевых исследованиях традиционных политических институтов народа йоруба, Ллойд анализирует различные пути и подходы к решению круга проблем, связанных с изучением РГ.

Изучая традиционную политическую культуру йоруба, Ллойд предполагал обнаружить классы и государство, но вместо этого обнаружил королевства, основу которых составляли родственные группы — линиджи. Он обозначил их термином «племенные королевства», где слово «племенное» означало линиджную структуру с институтом царя (короля) и сложной формой управления. В соответствии с эволюционной теорией он увидел в «племенных королевствах» промежуточные звенья между безгосударственными и государственными обществами.

Дальнейший этап исследования состоял в сравнении четырех типов традиционных политических систем, обнаруженных им у того же народа йоруба: 1) политическая система без института царской власти; 2) политическая система, в которой политический пост достигался путем последовательного прохождения целой серии титульных градаций; 3) и 4) системы, в которых вожди избираются их диссентными группами. Изучение и сравнение этих четырех типов оставило открытым вопрос о том, можно ли говорить о них, как о различных стадиях эволюционного развития [Ллойд 1981: 227].

Последующие исследования (также в основном на йорубском материале) привели П. Ллойда к разработке типологии «африканских государств» (т. е. РГ, или протогосударств, по его же терминологии) и модели их политического развития. Ключевым элементом для построения модели политического процесса П. Ллойд считает способ комплектования правящей верхушки: верховного правителя — «короля» и особенно совета вождей при нем, так как королевская власть была неизменно наследственной (скорее, выборно-наследственной. — *Н. К.)*. В этом отличие позиции П. Ллойда от его предшественников и указанных выше работ Классена, в которых есть анализ политических ритуалов, но не говорится о том, как носители титулов достигали своих постов и какую власть они осуществляли.

П. Ллойд выделил две группы, два типа «королевств». К первому он отнес те РГ, в которых титульные должности были открыты всем

жителям города-государства либо через выборы в линиджах (как в большинстве «королевств» йоруба), либо через иерархию титульных объединений (ассоциаций) (как в Ижебу-Оде и в Бенине). Ко второму типу он отнес те «королевства», в которых доступ к титульным должностям был ограничен (обычно пределами какой-либо этнической группы, составлявшей меньшинство населения). В таких «королевствах» титулы могли распределяться открыто среди всех членов этого меньшинства или же дароваться только представителям линиджа верховного правителя.

На способ комплектования политической элиты влияла борьба за власть в пределах правящей группы. Центром этой борьбы могли быть соперничество внутри царского линиджа, борьба за землю, за контроль над войском, за влияние внутри линиджей. В зависимости от того, какой вид соперничества преобладал в том или ином «королевстве», можно было осуществить более детальную типологизацию этих РГ. У йоруба П. Ллойд обнаружил две главные формы, или типы конфликта, которые *не были* борьбой между правителями и управляемыми: конфликт первого типа мог происходить между соперничающими диссентными группами (линиджами, выдвигавшими кандидатов на те или иные должности) за землю, за жен и т. п. Конфликт второго типа мог происходить между верховным правителем (и его двором) и советом вождей. Любые долговременные изменения в балансе власти у йоруба были обычно замаскированы циклическим изменением, ибо каждый новый «король» сначала раболепствовал перед вождями, которые избрали его на должность, затем он учился господствовать над ними, но в конце концов, в старости, возвращал им власть [Ллойд 1981: 229].

Ни в одном из своих исследований П. Ллойд не мог обнаружить прогрессии по направлению к более централизованным формам управления. (Так, даже в государстве Ойо конфликт между царем и вождями линиджей привел к гражданской войне и крушению этого государства.) Однако в этом примере обнаруживаются слабые стороны исследования П. Ллойда: поставив во главу угла изучение конфликта между властными структурами, он полностью абстрагировался от более общих глубинных процессов распада Ойо, связанных с социальными и политическими сдвигами под влиянием работорговли, изменений во внешнеполитической ситуации: на севере — образования халифата Сокото, на западе — возвышения Дагомеи, на юге — начала колониальных захватов Африки европейскими державами. Отмеченные П. Ллойдом застойные циклические изменения происходили в условиях кардинально изменившихся долговременных внешних факторов и глубинных внутренних социально-экономических сдвигов, масштабы которых еще предстоит исследовать.

П. Ллойд высказал мысль, неоднократно повторяемую в последующих томах Проекта РГ: эволюция государства идет, по-видимому, по нескольким путям; подавляющее большинство путей эволюции никогда не приводили к формированию государства (Ллойд 1981: 229). И еще: «В поисках стадий развития было найдено так много промежуточных форм РГ, или протогосударств, что на современном уровне знаний нельзя обнаружить прямой линейной прогрессии и невозможно ее определить» [Ллойд 1981: 233].

П. Ллойд был единственным среди западных участников Проекта РГ, кто выступил с критическим анализом марксистских подходов к изучению государствообразования и ранних форм государственности. Он отметил, что советские марксисты выполнили целый ряд пионерских исследований в этой области, обнаружив сосуществование государственных институтов и группирований, основанных на родственных связях, в ранних формах государства. В то же время, по его мнению, советские ученые не смогли исследовать процесс возникновения государства, или процесс, в ходе которого господствующая группа аккумулировала богатство и власть за счет бедных. Марксисты, отмечал он, утверждают, что классообразование предшествует формированию государства, но они не объясняют, как этот класс можно определить. Если понимать государство как регулятор классовых отношений, то тогда появление классов *должно* предшествовать государству. Подобное заявление, однако, ничего не говорит об отношениях, реально существовавших в то время, т. е. о способе производства. Один из интересных вопросов касается способа накопления богатства, которое создает условия для формирования непроизводящей политической элиты: путем внутренней или же внешней эксплуатации. Слабость марксистов в целом заключается, по мнению П. Ллойда, во-первых, в том, что оказывается трудным перевести экономические категории, определяемые в терминах отношений внутри способов производства, в социальные классы. Во-вторых, в своей работе о раскрытии отношений между эксплуататорами и эксплуатируемыми марксисты, как правило, забывают исследовать отношения внутри каждой из этих групп; они игнорируют соперничество за власть внутри господствующей группы и упрощают процессы, происходящие в обществе, а термины «конфликт» и «противоречие» употребляют неточно. В-третьих, отождествляя экономические категории и общественные классы и признавая относительную устойчивость классовых делений внутри общества, марксисты игнорируют степень мобильности человека, его возможности перехода из одной социальной группы (класса) в другую. На социальную мобильность ими наклеен ярлык «буржуазной заботы» [Ллойд 1981: 230–235].

По мнению П. Ллойда, изучение доколониальной (традиционной)

африканской государственности пришло в упадок, и после середины 60-х гг. в этой области исследований не было новых подходов [Ллойд 1981: 230]. Задача ученых состоит в том, чтобы обратить внимание прежде всего на изучение роли отдельных людей, действующих лиц, в процессе производства [Ллойд 1981: 235].

РГ и вопросы эволюции. Модель комплексного взаимодействия (МКВ)

На 70-е гг. падает расцвет американского эволюционизма. Как известно, эволюционизм XIX в., представленный Тэйлором, Морганом и рядом других, толковал эволюцию как возрастающую сложность человеческой культуры в широком смысле слова. Современные исследования не противоречат этим выводам. Для многих ученых, занимавшихся генезисом государства и цивилизации в целом (таких, как Карнейро, Салинз, Сервис, Фрид), возрастающая сложность является центральной в их представлениях о социальной эволюции (кстати, это относится и к нашей формационной теории). Однако с конца 70-х гг. разработка явлений стагнации, упадка и разрушения обществ и государств подвела социологов и историков к потребности создания единой теории эволюции, которая объясняла бы не только развитие, но и упадок и коллапс (разрушение).

Эволюционисты, рассуждали они, исходят из классификации обществ в зависимости от их культурной или организационной сложности. Иными словами, исследование начинается с высшего уровня сложности для того, чтобы проследить назад его зарождение и развитие. Такой подход неизбежно приводит к построению однолинейных моделей. Но в реальности является ли социальная эволюция однолинейной или многолинейной? Если в основу исследования положить сходство институтов или структур, то эволюция предстает однолинейной. Если же сделать акцент на анализ путей, по которым достигается то или иное развитие, то эволюция может предстать многолинейной. То есть многолинейность и однолинейность зависят от исследовательских параметров...

Различные аспекты эволюционирующих социальных форм развиваются с разными скоростями и отличить одну стадию эволюции от другой очень трудно. Наш бывший соотечественник А. М. Хазанов посвятил свою статью проблемам эволюции первобытных обществ [Хазанов 1985: 82–96] и критике взглядов на эту проблему американцев Салинза, Фрида и Сервиса. Построения этих ученых он называет усложненными формами однолинейного эволюционизма [Хазанов 1985: 82].

Стоит ли снова повторять ошибку Тэйлора, который пытался про-

следить эволюцию отдельных черт культуры, пишет Хазанов. В эту эволюцию были втянуты исторические общества с конкретными политическими организациями, а не абстрактные политические общества. Конечно, политическая организация, как и любая другая структура, связана с общим уровнем эволюции данного общества. Но даже общества сравнимого эволюционного развития, и исторические, и современные, демонстрируют большое разнообразие в своей политической организации [Хазанов 1985: 91]. И далее: «Мне представляется, что возрастающая сложность может быть открыто выявлена только в одной сфере — технологии» [Хазанов 1985: 96].

Как известно, Сервис и Салинз выстроили следующий эволюционный ряд: *банда — племя — вождество — государство*, а Фрид — *эгалитарное общество — ранговое общество — стратифицированное общество*, причем ранговое общество он посчитал универсальной стадией развития политического общества, характеризующегося неодинаковым доступом к важным статусам и связью ранга не столько с властью, сколько с престижем и авторитетом.

По мнению Хазанова, Сервис сделал шаг вперед, когда вместо стадий банда — племя — примитивное государство предположил только две стадии в эволюции первобытных обществ: эгалитарное общество и иерархическое общество, вырастающее из эгалитарного. При этом он, однако, включил в понятие «иерархическое общество» и первобытные неэгалитарные общества, и РГ. Хазанов резко выступил против такого эволюционного ряда: «Для меня наличие или отсутствие государственности является все же самым главным и четким критерием, отделяющим первобытное общество от всех остальных» [Хазанов 1985: 91–92]. Кроме того, не стоит заблуждаться относительно значения термина «эгалитаризм»: в применении к конкретным человеческим обществам «эгалитаризм» — понятие не абсолютное, ибо ни в каком обществе невозможно всеобщее равенство. Проблема в том, на чем основано неравенство. В эгалитарном обществе доступ к основным ресурсам открыт для каждого его члена. Социальная дифференциация основана первоначально на различиях в возрасте, поле и индивидуальных способностях. Способности, престиж, авторитет и различные социальные вознаграждения (когда они есть) не могут привести к социальному обмену и таким образом превратиться в наследственное неравенство.

Первобытные эгалитарные и неэгалитарные общества являются прежде всего двумя условными полюсами одного целого, в котором движение возможно в различных направлениях В истории существовало не одно, а много обществ, и наряду с другими явлениями социальное неравенство проявлялось в различных формах и разными способами, иногда даже в различных направлениях. Попытки распределить эти общества на ограниченное число стадий, или уровней, так

называемой всеобщей или главной эволюции, так же как и попытки увеличить число таких стадий, представляются мало перспективными [Хазанов 1985: 95].

Тема эволюции и причин развития социального неравенства, которая у Хазанова была только намечена, нашла иное выражение в статье француза Ж. Руссо «Идеологические предпосылки неравенства». Знаменательно, что она открывает том «Развитие и упадок», подчеркивая важность изучения идеологического фактора.

Руссо ставит целью показать, что социальное неравенство начинается на идеологическом уровне, за которым следует политическое и экономическое неравенство. Идеологические построения, уточняет он, являются необходимыми, но недостаточными условиями для развития отношений господства, а последние, в свою очередь, являются необходимыми, но недостаточными условиями для развития экономической эксплуатации. Иначе говоря, некоторые идеологические особенности, появляясь в ранних обществах, *предоставляют возможность*, но *не являются* причиной развития неравенства.

Система доказательств этого тезиса сводится к следующему.

Принцип коллективного распределения продукта прямо противоположен неравенству. Тем не менее некоторые характерные особенности общинных обществ обнаруживают наличие идеологического неравенства: по полу, возрасту, лидерству. Родство также играет косвенную, но важную роль.

Половое разделение труда, половая дифференциация и половое неравенство *не* вытекают непосредственно из различия полов. Эти факторы появляются потому, что они идеологизированы.

Возрастная иерархия среди эгалитарных (более эгалитарных, чем другие) охотников-собирателей *не* влечет за собой выраженных властных различий и экономической дифференциации Тем не менее возрастная иерархия является формой идеологического неравенства.

Родство является идеологизированным в том отношении, что оно формирует социальную реальность, придает социальное значение биологическому явлению; путем родства идентичность человека определяется через его отношения с другими людьми. Родство способно выдавать социальное деление за природные особенности. Например, наследственная стратификация, присущая первым классовым обществам, подразумевает, что члены различных страт имеют разную человеческую природу.

Лидерство связано с возрастом и полом: это — прерогатива мужчин, и лидер является либо старшим в группе, либо приравнивается к старшим, если он молод. Таким образом, лидерство включает вышеуказанные идеологические неравенства, которые предусматривает его развитие [Руссо 1985: 41].

Четыре идеологических элемента различия человеческих существ, а именно: пол, возраст, родство и лидерство, образуют предпосылки, но отнюдь не причины развития неравенства в обществе. Важными элементами в развитии политического и экономического неравенства являются факторы, которые ограничивают возможности отдельных лиц и семей покидать группу и присоединяться к другой общности.

В линиджных обществах родство часто устанавливает групповое членство, лимитируя свободу отдельного человека, поскольку многие ресурсы приобретаются только через линидж. В таких обществах идеологические построения по поводу пола, возраста, родства и лидерства, соединяясь вместе, сливаются в систему господства, где старшие, которые являются управляющими этих родственных групп, не только контролируют материальные ресурсы группы, но также регулируют браки, обеспечивая таким путем подчинение младших. Здесь мы видим снова, что хотя экономическая эксплуатация *не* отсутствует, но она является вторичной, следствием отношений господства.

Многочисленные примеры показывают, что формы развития неравенства были многообразными, но это многообразие имело пределы: в общинных, т. е. первобытных, обществах развивались представления, устанавливавшие категории отношений между людьми по принципам: мужчина—женщина, молодой—старый, родич—неродич. Эти категории оценивались по-разному Особое значение имел институт лидерства с лидером как центром общины. Вслед за развитием идеологических различий и идеологического неравенства развивались реальные властные различия. Сдвиг в сторону развития экономического неравенства остается неясным на данном этапе исследования [Руссо 1985: 43].

Изучение эволюции человеческого общества в Проекте РГ охватывало очень большой исторический период: от первобытности до государствообразования и от РГ до перехода его в зрелое государство.

Вопрос о зарождении политического и экономического неравенства и появления раннего государства, как это явствует из статей А. М. Хазанова и Ж. Руссо, так и остался не решенным до конца, хотя оба автора едины в том, что зарождение социального неравенства имело идеологическую основу.

В статье «Внутренняя динамика раннего государства» Х. Дж. М. Классен попытался определить переход от РГ к зрелому государству [Классен 1984]. Классен пишет, что структура РГ была основана на концепции реципрокности и генеалогического расстояния от суверена. Чем больше развивается РГ, тем слабее в нем роль идеологических компонентов и все большую роль играют аспекты управле-

ния и редистрибуции Со временем развивается государственный аппарат РГ, способный к поддержанию государственной организации без необходимости прибегать к помощи сверхъестественных способностей правителя или к увековечиванию обязательств реципрокности. Таким образом, РГ кончается тогда, когда идеологические основы государства более не основаны на этих представлениях [Раннее государство 1978: 633]. Развивая этот тезис, Классен формулирует, что переход от РГ к государству достигается тогда, когда ранние формы заменяются другим типом легитимности и управленческим, бюрократическим, типом организации. Развитие РГ идет параллельно с классообразованием, с возникновением реальных антагонистических общественных классов, знаменующих появление зрелого государства. Основное различие между РГ и зрелым государством лежит, таким образом, в типе легитимности, степени развития бюрократической организации и уровне экономического развития.

Из всего сказанною Классен выделил четыре аспекта исследований, необходимых для раскрытия внутренней динамики РГ: социальную характеристику РГ, уровень экономического развития, тип легитимности, степень бюрократизации [Классен 1984: 365]. Основные положения этой статьи были повторены во введении к тому «Развитие и упадок: эволюция социально-политической организации». В этом томе были представлены исследования о следующих африканских народах и РГ: государствах Западного Судана, средневековой Эфиопии, Руанде, Бенине, Йоруба, Ашанти, южно-африканских вождествах и РГ Газа, Макололо, Ндебеле, Нгоки, Свази, Зулу.

Интерес к динамике РГ в конечном счете привел к формированию во второй половине 80-х гг. Модели комплексного взаимодействия (МКВ). МКВ основана на традиционных представлениях о том, что социокультурная система может быть подразделена на три подсистемы: экономическую, идеологическую и социополитическую. В фокусе модели находится социополитическая система. Она развивается под влиянием двух других вышеупомянутых систем, а также под влиянием социального формата, под которым создатели МКВ подразумевают сложные отношения между численностью населения, территорией, природными ресурсами и социополитической организацией. Создателями МКВ была отвергнута постоянно возрастающая сложность как главный принцип социальной эволюции. Вместо этого понятие эволюции было сформулировано как процесс структурной реорганизации общества, которая должна оцениваться по критериям качественных сдвигов.

МКВ была предвосхищена еще в первом томе Проекта, где возникновение РГ было связано с шестью факторами: ростом населения, войнами, завоеваниями, идеологией, производством излишков продук

ции, влиянием соседних государств. При этом идеология и экономика (под ней первоначально подразумевалось производство излишков продукции) были названы в качестве главных факторов.

В томе «Изучение государства» (1981) некоторые из этих выводов были переформулированы, а именно: идеологическому фактору была придана большая роль, в то время как войны и завоевания были признаны неповсеместными и эпизодическими факторами генезиса и подъема государства и производными от главных факторов.

Обсуждались и другие факторы развития, такие как роль ирригации, торговли на большие расстояния, рабства. Ни один из этих факторов не играл главной роли, но было признано, что каждый из них так или иначе был проявлением экономического фактора. Его детальному изучению был посвящен специальный том «Экономика раннего государства» [Экономика, 1991].

Африканские РГ в томе «Идеология и формирование ранних государств»

Автор статьи »Идеологические проблемы и проблемы идеологии: размышления по поводу интеграции и деформации в доколониальной Западной Африке» — американка П. А. Шифферд, социолог по образованию, не является африканистом. Значение ее серьезной и хорошо организованной статьи, к сожалению, несколько снижается тем обстоятельством, что она написана на основе ограниченного объема чужих исследований, в результате чего в ряде случаев выводы автора базируются на неполных данных.

П. А. Шифферд сравнивает идеологические представления, концепции и символы власти (главным образом царской власти) у народов ашанти (РГ Ашанти), йоруба (РГ Ойо) и моей (РГ бассейна р. Вольта) и их эволюцию по мере развития и упадка этих РГ. Во главу угла автором этой статьи были поставлены три идеологические проблемы: легитимности власти, социальной интеграции в идеологии; пределов распространения идеологии.

По первой проблеме автор обнаружил сходство «политических идеалов» у йоруба и ашанти, а именно: 1) наличие у тех и других четко концептуализированного института царской власти; 2) обычай организации больших государственных праздников, вновь и вновь подтверждающих власть государства; 3) использование сакральной поддержки инициатив центрального правительства культами различных божеств [Шифферд 1996: 31]. В то же время в силу главным образом историко-географических условий становления и развития РГ Ашанти было менее сакральным, чем Ойо. Что же касается сравнения с

РГ у моси, то существенное сходство между ними и РГ Ойо у йоруба автор видит в том, что в обоих случаях монархия основывалась на генеалогических связях с мифическим предком, обладала сильными сакральными функциями, делегируя светские функции привилегированным рабам. В этом, по мнению автора, состояло отличие этих РГ от монархии у ашанти, имевшей более светскую природу [Шифферд 1996: 36].

Сравнение трех западно-африканских РГ приводит автора к выводу о том, что практикуемая в них монархическая риторика и очень сильная религиозная основа политического узаконения отличаются от «гражданских религий», используемых в современных демократических светских государствах. Тем не менее идеологический процесс и в тех, и в других сходен. Путем периодического возрождения мифа и кооптации правители РГ включались в процесс оправдания своего положения и политики. Отношения между идеологией, политической структурой и социальной основой РГ можно назвать «классической проблемой курицы и яйца». «Бесполезно настаивать на незыблемом главенстве верования или действия». Во всяком случае, во всех трех обществах тщательные идеологические обоснования и ритуалы оказались недостаточными для того, чтобы предотвращать фракционные споры, попытки узурпации власти, отказы от уплаты дани, цареубийства, конфликты по поводу наследования или сепаратистские движения. Идеология — это нечто, но определенно не все, — так заключает свою статью П. А. Шифферд [1996: 43].

Статья Н. Б. Кочаковой «Сакральный правитель — идеологический центр РГ» [Кочакова 1996] написана на материалах Ойо и других РГ йоруба, Дагомеи и Бенина. Исходным пунктом исследования является тезис о том, что в области политического развития сущность эволюции РГ заключалась прежде всего в изменении характера власти, в возвышении и отчуждении власти от общины. Отсюда главная задача статьи — отражение этого аспекта в идеологической сфере — в массовом сознании и в формирующейся государственной идеологии, а также обратное воздействие идеологии на изменение характера верховной власти.

В статье отмечается, что формирование властно-управленческих институтов, свойственных переходу общества на государственный уровень, не получило четкого отражения в общественном сознании указанных РГ. Зарождающиеся представления о государстве продолжали основываться на вере в то, что оно образуется естественными связями, копируя узы родства. Власть правителя над подданными воспринималась как естественное (органическое) подчинение, подобно тому, как в семейной общине младшие естественно подчинялись старейшинам. Царь был воплощением более широкого понятия «царственность», с

которой связывалось формирование миропорядка. Царь находился в центре упорядоченного мира и воспринимался как гарант гармонического взаимодействия общества и космических сил. В центре идеологических представлений Дагомеи, Бенина и РГ йоруба была вера в магические силы царя, который, как полагали, был связан с духами его умерших предшественников на царском троне. Нигде в исследуемом регионе не существовало ни социально-экономических, ни политических предпосылок для неограниченной царской власти. В этом отношении официальная идеология имела целью поддерживать царскую власть и ее отчуждение от общины в гораздо большей мере, чем отражать реальный объем царской власти. Традиционная система управления была направлена на сохранение стабильности социально-политического порядка.

История Бенина и Ойо показывает, что такого фактора легитимности царской власти, как придание кандидату на трон сакральных свойств, было недостаточно для удержания этой власти.

В целом государственная идеология Ойо, Бенина и Дагомеи зарождалась и развивалась, не выходя за пределы религиозного мировоззрения. Ее главным содержанием был культ сакрального правителя, имевший тенденцию к поглощению или видоизменению архаических догосударственных культов. Переходный характер РГ региона в идеологической сфере проявлялся также в амбивалентности представлений о царской власти. В источниках никак не прослеживается расщепление идеологических представлений на идеологию верхов и низов. Факторами стабильности местных обществ были также особенности их социальной психологии, такие как абсолютное уважение старших, выражаемое всем образом жизни, и незыблемость семейных уз. Семья, семейная община составляли основной стержень жизни. Взаимная поддержка и взаимные обязательства и взаимопомощь семьи и линиджа в рамках геронтократического принципа — таковы поведенческие принципы, на которых строилась жизнь человека. В результате многие из тех обязанностей, которые возлагало на людей РГ, воспринимались ими как социальные нормы, необходимые для их собственного выживания.

Культура исследуемых РГ была синкретической, государственная идеология еще не обособилась. Процесс укрепления царской власти протекал в ходе жестокой борьбы между царским двором и родовой по происхождению знатью. В соответствии с традиционным мышлением она выражалась в форме борьбы за изменение традиции в рамках сохраняющейся традиции.

Статья австрийского ученого Т. Филитца «Интеллектуальные элиты и производство идеологии» написана на материалах государств хауса до и в период образования халифата Сокото.

Автор понимает под идеологией систему позитивных и нормативных идей, которые направляют общественных деятелей в сложном мире, а также как позитивное формулирование социальной организации, как идеи и социальные отношения, в соответствии с которыми могут взаимодействовать члены общества [Филитц 1996 67] Автор пытается решить следующие два вопроса создавалась ли идеология РГ господствующим классом сознательно? Если да, то кем конкретно? При этом он замечает, что понятия и термина «идеология» в описываемых им РГ не было

Как показывает Т Филитц, с точки зрения «формулирования совершенного социального порядка» государства хауса были основаны на двух идеологиях на связи с африканскими традициями и на исламе Первая традиция ссылалась на социальный порядок, организованный родственными связями, где высшей формой организации был клан, который имел важное значение в глазах управляемых, особенно в деревне Она переживала переходный период, поскольку на первое место на уровне правящей элиты и в наиболее крупных поселениях выдвигался принцип территориальности Африканская традиция сама по себе уже не могла больше удовлетворять нужды государства

Что же касается ислама, то он внедрял новую модель культурного и социального порядка В ее основе был принцип мусульманской общины (объединения по религии, независимо от регионального и этнического происхождения) Идеальная общность (община)-умма считалась социальной организацией, дарованной людям богом С того момента, как государства хауса столкнулись с исламом, корни этих представлений стали проникать в их жизнь Столкновение и взаимопроникновение старых и новых традиций прослеживаются в ритуале, связанном с царской властью [Филитц 1996 78]

Автор показывает возникновение новой социальной группы элиты Ее характерной чертой была неоднородность В свою очередь она состояла из трех групп, причем все три были религиозными специалистами Это были жречество, связанное со старыми африканскими традициями, специалисты «бори» (одержимые), связанные политически с царской властью через королеву-мать, мусульманские ученые Как следствие этого царская власть у хауса находилась в состоянии фундаментального равновесия, выраженного сетью моделей культурного и социального порядка, представленного этими группами, причем каждая группа обладала относительной автономией Автор делает вывод, что идеология «совершенного социального порядка» была создана путем балансирования между «идеологическими полями» Балансирование не было статичным До конца XVIII в ни одно из этих «идеологических полей» не могло функционировать в качестве выра

жения «совершенного социального порядка». Оформление исламской социальной концепции как контридеологии должно было произойти незадолго до хиджры в 1804 г

История государств хауса показывает, что политические силы не имели идеологии, которая могла бы быть навязана населению сверху Напротив, нужно было оформить отношения с различными группами в соответствии с раздвоением на деревню и на центр, учитывая, какие организационные принципы господствовали в каждой из них (т е в центре и в деревне), — принципы ли родства, ритуальной ли общности, или монотеистической религии

В результате победы мусульман фульбе после 1808 г ситуация на уровне идеологии изменилась в своей основе Институт халифата Сокото должен был опираться лишь на одну идеологию, уничтожая другие Во время своего правления Мухаммед Белло должен был бороться против многочисленных восстаний — это признак того, что правящие группы не могли добиться своей цели Мы видим сдвиг от иерархических отношений к господству одной идеологии в условиях, когда другие проявляли упорство в качестве подчиненных «идеологических полей», уже больше не отражаемых в идеологии правителей [Филитц 1996 80]

Статья П Скальника «Идеологическая и символическая власть политическая культура в Нанун, северная Гана» посвящена вопросам идеологии маленького вождества Анализируется ситуация, в которой легитимность не связана с властью, достигаемой использованием насилия Политическая культура Нанун признает существование некоего равновесия между механизмами узаконения сверху и снизу В Нануне нет власти, которую можно было бы захватить Сложная взаимозависимость различных институтов и групп различного происхождения и функций обеспечивается разделяемым всеми знаменательным соединением уважения к традиции, угроз, страха и ритуала Нанун, по мнению П Скальника, являет собой пример подлинно самобытного африканского вклада в мировую политику [Скальник 1996 95]

Статья Ж -К Маллера «Идеология и динамика в вождествах Дии Исследование территориальных передвижений и текучести населения» написана на материале маленьких вождеств народа дии (ранее называвшихся «дуру»), живущего в Северном Камеруне Автор задается вопросом о причинах того, почему эти вождества не развились в более крупные социально-политические образования, почему они так и остались слабо структурированными Основной причиной, по мнению Ж -К Маллера, была малая плотность населения Из-за постоянного оттока населения общества находились в постоянном движении, вождества то расширялись, то сокращались, находясь, по выражению автора, в состоянии «ненадежного демографического равновесия», то-

гда как сами дии обвиняли своих вождей в неспособности удержать народ

ЛИТЕРАТУРА

Классен, 1981 — *Claessen H J M* Specific Features of the African Early State // The Study of the State The Hague, 1981 P 69–86

Классен, 1984 — *Claessen H J M* The Internal Dynamics of the Early State // Current Anthropology Vol 25 N 4 Washington, 1984 P 365–379

Классен 1987 — *Claessen H J M* Kings Chiefs and Officials // Journal of Legal Pluralism and Unofficial Law N 25/26 Leiden, 1987 P 203–241

Кочакова, 1996 — *Kochakova N B* The Sacred Ruler as the Ideological Centre of an Early State the Precolonial States of the Bight of Benin Coast // Ideology and the Formation of Early States Leiden, 1996 P 48–66

Ллойд, 1981 — *Lloyd P* West African Kingdoms and the Early State a Review of Some Recent Analyses // The Study of the State The Hague, 1981 P 223–238

Раннее государство, 1978 — The Early State The Hague, 1978

Руссо, 1985 — *Rousseau J* The Ideological Prerequisites of Inequality // Development and Decline The Evolution of Sociopolitical Organization South Hadley, 1985

Скальник 1996 — *Skalnik P* Ideological and Symbolic Authority Political Culture in Nanun, Northern Ghana // Ideology and the Formation of Early States Leiden, 1996 P 84–98

Филитц 1996 — *Fillitz Th* Intellectual Elites and the Production of Ideology // Ideology and the Formation of Early States Leiden, 1996 P 67–83

Хазанов, 1985 — *Khazanov A M* Rank Society or Rank Societies Processes, Stages and Types of Evolution // Development and Decline South Hadley, 1985 P 82–96

Шифферд, 1996 — *Shifferd P A* Ideological Problems and the Problem of Ideology Reflections on Integration and Strain in Pre Colonial West Africa // Ideology and the Formation of Early States Leiden, 1

Экономика, 1991 — Early State Economics New Brunswick, London, 1991

Э САУТХОЛЛ

О ВОЗНИКНОВЕНИИ ГОСУДАРСТВ*

При обзоре конкурирующих теорий следует учитывать, что отчасти они возникают из-за того, что одни фокусируют свое внимание на самых ранних стадиях формирования государства как более важных для понимания того, как государства возникали, тогда как другие фокусируют свое внимание на гораздо более поздних стадиях, а также на более поздних исторических эпохах. В порядке рабочей гипотезы Классен и Скальник предложили различать зачаточное, типичное и переходное ранние государства [Claessen and Skalnik 1978]. Сегментарное государство [Southall 1956, 1988, 1992] больше всего подходит под признаки зачаточного государства, но Классен считает, что сегментарное государство в том качестве, как я его определил, вовсе не является государством.

Сегментарное государство есть такая полития, в которой сферы ритуального сюзеренитета и политического суверенитета не совпадают. Первый широко охватывает текучую, изменяющуюся периферию. Последний ограничивается центральной нуклеарной областью. Могут различаться несколько уровней пирамидально организованного соподчинения центров [Southall 1965: 126].

Имеются идеологические различия в позициях между теми, кто рассматривает государство как институт, изначально полезный для человеческого рода, и теми, кто рассматривает государство как изначально эксплуататорское, в то время как некоторые занимают нейтральную позицию [Cohen 1981: 87]. Если самые ранние государства возникли по внутренним причинам, то встает вопрос, почему люди, живущие сравнительно независимой жизнью, без институтов принуждения и эксплуатации, приняли навязанные им эксплуатацию и принуждение? Годелье [Godelier 1978] объяснял, что господство и эксплуатация в ранее бесклассовых обществах возникали постепенно, потому что они воспринимались как вознаграждение в обмен за услуги,

* Альтернативные пути становления цивилизации. М.: РГГУ, 1999.

© Э. Саутхолл, 2007

оказываемые господствующими индивидами, включая гарантию благорасположения невидимых сущностей и сил, отвечающих (как тогда думали) за воспроизводство космического порядка и жизни; монополия на средства (для нас воображаемые) воспроизводства космического порядка и жизни должна была предшествовать монополии на видимые средства производства [Godelier 1978: 767]. Отсюда — приоритет ритуальной фазы. Простые люди бесклассовых догосударственных обществ поддерживали развитие ритуального и символического руководства, которое высоко ценили; они не видели в нем угнетателя и окончательно попадали в зависимость от него. Введенные таким образом в заблуждение или обманывая самих себя, они поддерживали развитие институтов управления до того момента, когда они оказались в состоянии опереться на силы принуждения, после чего было уже слишком поздно для того, чтобы люди могли отвергнуть или избежать их. Они непреднамеренно способствовали медленному росту государства вокруг них и над ними до тех пор, пока уже не было выбора и не осталось сил, чтобы его отвергнуть.

Исторически многие государства создавались посредством завоевания, но самые ранние, первичные государства, вероятно, не могли возникнуть посредством завоевания, а возникали лишь на основе внутреннего, эндогенного процесса вышеупомянутого типа. Чтобы понять этот процесс, необходимо осознать и оценить значение длительной ритуальной фазы в развитии институтов управления и общества. Важно понимать, что люди добровольно совершали крупные подношения своим лидерам задолго до того, как последние вместе со своей родней и главными сторонниками проявили закономерный интерес к их взысканию и увеличению. С этой точки зрения монополия на воображаемые средства производства и ритуальные санкции постепенно превратилась в монополию на политические санкции.

Политические санкции способствовали централизации государства, но понятие централизации часто используется двусмысленно, что сбивает с толку. Многие ученые обладают централизованным видением. Они знают только взгляд из центра и никогда действительно не бывали на периферии. Большинство западных дефиниций (Ласки и Макайвер в политологии и социологии, Надель в антропологии) исходят из допущения, что государство централизуется, что оно по своей природе осуществляет верховную власть посредством монополии на применение легитимной силы в пределах четко ограниченной территории, на которую оно притязает и которую контролирует. Это допущение возникло из-за мании преувеличивать роль монархов и глав государств, а также из-за несомненного усовершенствования методов контроля, основанных на росте социальной и экономической интеграции и осуществляемых с помощью улучшенных вооружений, коммуникаций и

технологии в целом. Отсюда — необходимость в дополнительном понятии сегментарного государства. Государство может быть более или менее централизованным в разных сферах его деятельности: в сфере государственного устройства, в экономике, в правовой системе и религии. Но если это специально не оговорено, централизация должна означать полный политический контроль, как отмечалось выше. То, что государство имеет какое-то число чиновников и учреждений, сосредоточенных в центре государства, несомненно, подразумевает, что оно действительно централизуется, поскольку эти учреждения могут действовать и методами, присущими сегментарному государству.

Институализированная способность противостоять распаду, выделенная Коэном [Cohen 1981: 87–115], конечно, является жизненно важным инструментом централизации, но я бы здесь увидел скорее важный инструмент поддержки уже возникшего государства, чем элемент, незаменимый при возникновении государства. Взгляды людей, живущих в центре и на периферии или в промежуточных районах, и их представления о государстве и его границах могут коренным образом различаться и быть прямо противоположными. Длительная ритуальная фаза, которую я выделил, необходима скорее в сегментарном государстве, чем в централизованном. Возможно, что сравнительно мало государств было действительно централизовано, но это громогласно провозглашалось их ораторами в центре.

Похоже, что самые ранние государства возникли в нуклеарных областях человеческой цивилизации (причем возникновение одного влекло за собой возникновение другого). Однажды возникшие культурное, экономическое, военное и политическое взаимодействие и влияние с течением столетий становились все более интенсивными как в первоначальной нуклеарной области, так и за ее пределами, что вело к эволюционным изменениям в протекающих процессах и общественной организации, так что эти государства неизбежно становились скорее вторичными, чем подлинно первичными по своим характеристикам. Может быть, мы никогда не узнаем, какие государства были самыми первыми, и никогда не сможем надежно установить их главные характеристики. Первичные государства Шумера, такие как Урук, позволяют, насколько это возможно, составить представление о первичном государстве.

Ренфрю добавил важное пояснение к процессу взаимодействия равноуровневых политий [Renfrew and Cherry 1986]. Большинство ранних государств, вероятно, не были изолированы; в каждом данном регионе имелось несколько политических центров, но под разной юрисдикцией. Подобные пучки автономных, но культурно близких политий часто называются цивилизациями. Число политий в подобных пучках обычно колеблется вокруг десяти. Древняя Этрурия предположитель-

но состояла из двенадцати городов. Политии в таких пучках могли иметь схожие политические институты, религию, язык, письменность, единицы меры и веса, но все же оставаться независимыми и жестоко соперничать. Подобные «структурные гомологии» являются продуктом взаимодействий, которые имели место, причем часто в течение длительного периода времени Наличие одинаковых элементов объясняется взаимодействием на основе принципа Маруямы о позитивных обратных связях, ведущих к морфогенезу. Следовательно, процесс изменения не является ни эндогенным по отношению к политии, ни экзогенным по отношению к цивилизации.

Остродискутируемый вопрос, следует ли греческие города-государства, явно многим обязанные микенскому и минойскому культурному влиянию, рассматривать как результат эндогенного развития или как результат экзогенных египетских и ближневосточных влияний, находит удачное решение, если исходить из представления о том, что последние перекомбинировались и переплавлялись в то, что благодаря взаимодействию равноуровневых политий превратилось в подлинно эгейскую форму. *A priori*, какие бы влияния ни доходили до Нового Света из Старого, такие мезоамериканские города-государства, как Теотиуакан, Тикаль или Оахака, можно уверенно рассматривать как первичные, никоим образом не отрицая этих влияний.

Возможно, такое предположение будет слишком большой натяжкой, но доколониальное сегментарное государство, природу которого в основных чертах мне удалось установить во время полевых исследований в 1940-х гг., также может быть обнаружено как вариант развития в пределах большого цивилизационного пучка от Уганды до Судана, где на основе длительного взаимодействия равноуровневых политий и взаимных миграционных контактов в течение многих столетий развивались разнообразные варианты политий, эволюция которых не может быть удовлетворительно объяснена с помощью ссылок на экзогенные влияния бантуских государств Межозерья, не говоря о более удаленных Египте и Мероэ, так что варианты чистого и эндогенного развития имели место.

Несмотря на индивидуальные различия, самые ранние первичные государства, кажется, следовали в общем сходной модели возникновения и развития В пятом тысячелетии до Рождества Христова люди перемещались в потенциально высокопродуктивные земли южной Месопотамии, еще освобождающиеся от моря, постепенно превращая негостеприимные заросшие болота в судоходные каналы и орошаемые поля. Население увеличивалось, а поселения множились. Высокая продуктивность земледелия позволила достичь беспрецедентной плотности населения. Первоначально эгалитарные общины во главе со знатоками ритуалов, умеющими поддерживать космическую и по-

литическую гармонию, росли в размерах и усложнялись. Для приема и учета даров, поступающих божествам, требовались храмы. Самые преуспевающие и быстро растущие общины развивали все более и более специализированную организацию. Жрецы превращались в обожествляемых правителей с растущим штатом помощников, способным применить принуждение, но отношения между общинами в основном оставались мирными.

Многочисленные небольшие города-государства, каждый из которых занимал площадь менее десяти гектаров, без какой бы то ни было иерархии вырастали по соседству с Уруком. Храм с первоначально ритуальными функциями являлся фундаментальной основой производственной системы. Небесные светила регулировали ритуальный календарь, предсказывали наступление нужного сезона и координировали распоряжения в сфере аграрного производства. Существенную роль играли средства учета, печати, числа и, наконец, письменность.

Урук становился крупным церемониальным центром, оказывающим влияние на более мелкие общины в пространстве между ним и соседними городами-государствами пока еще без применения принудительного контроля. В третьем тысячелетии за новыми оборонительными стенами Урука так или иначе собиралась большая часть населения из окружающих деревень. Это неизбежно вызвало к жизни как новые методы координации и контроля, так и новые институты. Глава храма стал отличаться от обожествляемого правителя как главы государства, штат помощников которого отличался от персонала храма. Высокопоставленные чиновники организовывали политическую поддержку, превращая добровольные подношения в постоянное обложение данью, а мистическую собственность на обработанную землю в крупные высокопродуктивные имения. Растущие плотность населения и богатство вели к учащавшимся раздорам, соседние города-государства ввязывались в междоусобные войны. После того как они разгромили друг друга, Саргон Аккадский покорил их, создав первую империю, которая развалилась через три поколения, когда третья династия Ура установила свою следующую империю, которая тоже погибла примерно через сто лет.

Следует признать, что строители первых городов-государств обладали исключительными творческими способностями. Прошло много времени, прежде чем великолепие их культурного расцвета было оспорено вновь. Необычайный расцвет Урука был проявлением этих культурных потенций, которые также проявились спустя почти три тысячи лет в Теотиуакане, величайшем раннем городе-государстве Нового Света.

На несколько тысячелетий раньше Урука и Месопотамии существовали такие замечательные поселения, как Иерихон в Палестине и Ча-

тал-Хююк в Анатолии Они явно имели огромное значение для первых шагов в направлении формирования государства Но их должная оценка становится невозможной из-за изолированного местоположения и неполноты раскопок В то же время Урук находился в окружении взаимодействующих городов-государств, образующих систему городов, эволюция которой прослеживается на протяжении нескольких столетий вплоть до первых экспериментов по строительству империи Такие богатые, сложные и прослеживающиеся на протяжении длительного периода доисторические культуры редки и должны оказывать сильное влияние на интерпретацию происхождения самых ранних государств

Тем не менее дать картину развития всех остальных соседствующих с Уруком городов-государств невозможно просто из-за нехватки данных Но все же очевидно, что ранние города-государства Шумера находились в особой ситуации, порождаемой взаимодействием равноуровневых политий Хотя в происхождении первичного государства я сделал акцент скорее на эндогенном развитии, чем на завоеваниях, фактор взаимодействия равноуровневых политий, несомненно, этому противоречит Ур, Урук, Умма и Эриду, а также Лагаш, Ниппур, Киш и другие города имели сходные размеры и были в какой-то степени близки по структуре в определенные периоды Спустя почти две тысячи лет преимущественно мирного развития города оказались в состоянии всеобщей междоусобной войны в третьем тысячелетии, что подразумевает интенсификацию взаимодействия равноуровневых политий, но также и их взаимное разрушение, ведущее к самым ранним попыткам имперских завоеваний

Междоусобные войны городов способствовали развитию военного искусства настолько, что победитель завоевывал своих соперников и мгновенно создавал номинальную империю Но навыки управления и централизации в такой огромной политии не получали развития, поэтому она неизбежно распадалась на части Однако тот, кто однажды испытал вкус империи, уже никогда от нее не отказывался Возможно, лишь символически завоеватель изображался на стенах собственной гробницы с покоренными толпами у ступней его ног, но обогащение с помощью грабежа и дани провозглашалось как триумф правителя, а следовательно, и государства и в конечном счете народа тоже

Самые ранние государства были городами-государствами К этому вела динамика интенсификации хозяйства Шумерские города-государства прошли путь развития от эгалитарных общин во главе с руководителями, осуществлявшими ритуальные функции, до иерархически организованных политий во главе с обожествляемыми правителями, затем до государств, основанных на принуждении и политических санкциях, и наконец, до попыток создания империй Эта после-

довательность была почти парадигматической, поскольку она много раз повторялась в Старом Свете и несколько раз в Новом Свете Различные стечения обстоятельств порождали бесконечное многообразие деталей, но этот путь был магистральным

ЛИТЕРАТУРА

Claessen H J M and Skalnik P (eds) The Early State The Hague Mouton, 1978

Claessen H J M and van de Velde P (eds) Early State Economics New Brunswick Transaction Publishers, 1991

Cohen R Evolution, fission and the early state // The Study of the State / Ed by H J M Claessen and P Skalnik The Hague Mouton, 1981 P 87 115

Godelier M Infrastructure Society and History // Current Anthropology 19 1978 763–71

Renfrew C and Cherry C (eds) Peer Polity Interaction and Socio-Political Change Cambridge Cambridge University Press, 1986

Southall A Alur Society A Study in Processes and Types of Domination Cambridge Heffer, 1956

Southall A A Critique of the Typology of States and Political Systems // Political systems and the Distribution of Power / Ed by M Banton London Tavistock Publications 1965

Southall A The Segmentary State in Africa and Asia // Comparative Studies in Society and History 1988 30 (1) 52–82

Southall A The Segmentary State and the Asiatic mode of production A theoretical drama Conference on the Segmentary State and the Classic Lowland Maya Cleveland State University, 1992

В. А. ПОПОВ

ПОТЕСТАРНЫЕ ОТНОШЕНИЯ И ПОЛИТОГЕНЕТИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ

(К проблеме становления политической организации постпервобытного общества)*

1. Под политогенезом обычно понимается процесс становления политической организации постпервобытного общества. В результате политогенетических процессов формируется политическая власть как асимметричное и амбивалентное отношение между управляющими и управляемыми. Поэтому в центре внимания исследователей политогенеза, как правило, оказывается феномен потестарности (властвования, властелинства) и основные факторы его генезиса и исторической динамики (прежде всего экологические, этнокультурные и социально-психологические).

2. Если потестарность трактовать как волевое доминирование, то под потестарными отношениями следует понимать те отношения, в которых отражается принцип иерархичности между людьми и их коллективами.

3. Асимметричность потестарных отношений, ставшая одним из детерминирующих факторов стабилизации социумов, возникла на самых ранних стадиях антропосоциогенеза и обусловлена функциональными различиями индивидуальных ролей в человеческих коллективах, а также психологическими механизмами властвования/подчинения.

4. В процессе политогенеза политическое общение близких по родственным и соседским отношениям людей, еще относительно равных по потестарному статусу и влиянию, сменяется отчужденными отношениями господства и подчинения, опирающихся на административный аппарат принуждения и насилия, т. е. на государство.

5 Государство как политический институт осуществляет также руководство, управление, координацию, контроль и другие потестарные

---

* Африка общество, культура, языки (Чтения памяти Д А Ольдерогге Т 4) СПб , 2003

© В А Попов, 2007

функции, применяя такие средства осуществления власти, как авторитет, убеждение, манипуляция, запрет, принуждение.

6. Государство — высшая стадия развития политической организации, единственная и универсальная. Рассматриваемые сторонниками многолинейности социальной эволюции как однопорядковые государству неиерархические формы политической организации, будь то древнегреческий полис или политии кочевников, казаков и горцев, а также кельтов и исландцев, — не более чем «альтернативные пути» к государственности (первичной или вторичной) наряду с параполитейностью и «ранним государством». Нельзя не заметить к тому же, что «неиерархические сложные общества» — такой же оксюморон, как и «неиерархическая власть».

7. Выявлены три возможные модели становления и эволюции политической организации постпервобытного общества: военная, аристократическая и плутократическая. Военная модель предполагает институционализацию публичной власти за счет возвышения и обособления института военного вождя, а также его дружины и административного аппарата, состоящих из его родственников и приближенных (чаще всего чужаков). Аристократическая приводит к власти представителей родоплеменной аристократии, концентрирующих в своих руках военное, религиозное и административно-хозяйственное руководство. Плутократическая связана с накоплением отдельными общинниками материальных богатств (ресурсов), формированием вокруг патронов многочисленных клиентелл, постепенной трансформацией авторитета и престижа богатого и сильного лидера (феномен бигмена) в силу административной власти.

Все три варианта политогенеза, рано или поздно, приводят к одному и тому же — формированию обособленного и отчужденного от общины административного аппарата управления, а также асимметричной и амбивалентной структуры отношений публичной власти.

Р. КАРНЕЙРО

ПРОЦЕСС ИЛИ СТАДИИ: ЛОЖНАЯ ДИХОТОМИЯ В ИССЛЕДОВАНИИ ИСТОРИИ ВОЗНИКНОВЕНИЯ ГОСУДАРСТВА*

В последние десятилетия главный фокус интересов антропологической науки сосредоточился на проблеме возникновения вождеств и государств. С учетом этих интересов, естественно, возникают вопросы: как возникли эти более сложные политии и каким образом следует измерять уровень их эволюции? В то время как почти все согласны, что радикальные изменения в структуре человеческих обществ начались с неолита и что необходимо попытаться реконструировать эти изменения, гораздо меньшее согласие существует по вопросу о том, как это следует делать.

Одним из пунктов спора стал вопрос о том, какому из двух аспектов эволюции следует придать большее значение: *стадиям* или *процессу*. Стадиальный подход к изображению хода социокультурного развития был отличительной чертой классического эволюционизма. Например, Льюис Г. Морган [1877] в своем знаменитом труде «Древнее общество» использовал при построении эволюционной схемы стадии «дикость», «варварство» и «цивилизация», которые, в свою очередь, он разбил на подстадии.

Однако современные антропологи испытывают большие неудобства при использовании понятия эволюционных стадий; считая его старомодным и малоценным, они в значительной мере отказались от него. Те, кто выступают против использования понятия стадий, часто заявляют о своей приверженности понятию «процесс». Элеанор Ликок, например, однажды написала, что «акцент именно на процессе, а не на стадиях является главной поправкой 20-го столетия к эволюционизму 19-го столетия» [Leacock 1957: 3]. С тех пор как она написала

* Альтернативные пути становления цивилизации М.: РГГУ, 1999.

© Р. Карнейро, 2007

эти строки, данный взгляд утверждался вновь и вновь в течение последующих десятилетий.

Так, спустя почти двадцать лет Александр Алланд писал: «Следует понять, что главная перемена в эволюционном мышлении... заключалась в том, чтобы отказаться от стадий развития в пользу более динамичной идеи процесса» [Alland 1975: 65].

Хорошо известный археолог Роберт Макадамс, не придавая особого значения «предыдущему обращению к стадиям как к чему-то немногим большему, чем типологические конструкты», продолжал говорить, что им «большее значение придается самому процессу решающей трансформации, которая завершилась переходом от одного уровня сложности организации человеческого общества к другому» [Adams 1968: 1190].

А Конрад Коттак, говоря о политической эволюции, заметил: «Главной проблемой в изучении процесса формирования государства является именно типологический подход... Я утверждаю, что более процессуальным, реалистичным и полезным является такой сравнительный и эволюционный подход к социально-политической организации, при котором эмпирически исследуемые общества рассматриваются как континуум, а не через призму генерализованных категорий» [Kottak 1977: 137].

В цитируемых отрывках четко проявляются два характерных аспекта современных взглядов: то, что (1) сегодня антропологи стремятся как можно меньше иметь дело с понятием стадий или вовсе обходятся без него, и (2) изучение процесса, независимого от стадий, есть то, на чем они предпочитают сосредоточить внимание, когда приходится объяснять развитие сложных обществ. В этой статье я предлагаю обсудить оба аспекта.

Прежде всего позвольте развеять некоторые из тех недоразумений, которые окутывают понятие стадий. Начать с того, что в стадиях нет ничего метафизического или непостижимого. Они суть просто следующие друг за другом, значимые, различимые и резко отличающиеся друг от друга структурные формы, в которых проявляется непрерывно длящийся процесс. Говоря специально о политической эволюции, мы можем сказать, что стадии — это промежуточные станции на пути, который прошли общества, движущиеся от простых автономных общин к сложным государствам и империям. Коттак говорил о политической эволюции как о континууме, и так оно и есть на самом деле. Верно, что процесс — это континуум, т. е. ряд постепенных, взаимосвязанных и непрерывных изменений. Но если мы признаем очевидный факт, что противоположные концы континуума обязательно будут отличаться друг от друга, то как мы должны их отличать? Можно ли нам не различать и не давать названий тем изменяющимся формам,

которые этот континуум принимал с течением времени? И чем являются различные формы развертывающегося процесса, если не «стадиями»?

В ходе эволюции общества изменяются комбинации различимых структурных признаков, по которым данное общество отличается от предшествующего. «Стадии» — это имена, которые мы даем таким комбинациям. Называя их стадиями, мы подчеркиваем тот факт, что в процессе, который мы изучаем, имело место изменение. Таким образом, стадии и процесс никаким образом не противоречат друг другу. Привлекая внимание к наблюдаемым контрастам в последовательной смене форм протекания процесса, разбивая его на стадии, мы лишь подчеркиваем те направления, в которых этот процесс развертывался. Мы можем сказать, что стадии придают процессу форму и наполняют его содержанием.

Сто лет назад Франц Боас заметил, что «обычаи и верования сами по себе не являются конечной целью исследования... Цель наших исследований заключается в том, чтобы понять эволюционные процессы, в ходе которых возникли известные стадии культуры» [Boas 1896: 905].

Данное высказывание справедливо. Тем не менее Боас мог бы также легко обратить уравнение и заметить, что цель наших исследований заключается в том, чтобы постичь те «стадии», в которых развертывался «процесс».

Все же одно дело заявлять о том, что между процессом и стадиями существует плодотворная взаимосвязь, и совсем другое — показать эту взаимосвязь. Именно это я намерен сделать в остальной части данной статьи.

* * *

В течение большей части 20-го столетия исследования политической эволюции оставались основательно заброшенными вследствие травмы, нанесенной антиэволюционизмом, который так много десятилетий сковывал антропологию. И происходило это не по причине нехватки данных, как иногда утверждается. Наоборот, это происходило из-за отсутствия эволюционного подхода к их интерпретации. Например, британские социальные антропологи, изучавшие туземные политии колониальной Африки, написали множество скрупулезных монографий об обществах, которые располагаются в диапазоне от простых бродячих групп до зрелых государств. Но узкий функционалистский (чтобы не сказать — антиэволюционистский) кругозор этих ученых не позволил им увидеть, что в широком смысле эти общества образуют эволюционный ряд. Данные «кричали» о том, чтобы их распо-

ложили в эволюционной последовательности, но крик остался неуслышанным.

Американские антропологи со своей стороны также игнорировали эволюционные реконструкции, но совершенно иным образом. Обратите внимание, например, как археологи изучали предысторию на Востоке Соединенных Штатов. Какие понятия и представления они использовали для описания материалов, обнаруженных ими при раскопках? В течение десятилетий в качестве организующего принципа группировки раскопанных культур использовалось нечто, называемое «классификацией по системе Маккерна». С помощью этого изобретения археологические местонахождения и связанные с ними культуры распределялись по различным категориям, таким как *компонент*, *фаза*, *фокус* и *аспект*. Каковы бы ни были их достоинства при оценке степени формальной (вне времени) близости между местонахождениями, эта система тем не менее оставалась статичной, совершенно игнорирующей динамику культурных изменений.

Конечно, археология Востока Соединенных Штатов, особенно Юго-Востока, не была совсем лишена категорий, описывающих последовательность культур во времени. Археологи, например, выделяли такие временные подразделения, как палеоиндейский, архаический, вудлэнд и миссисипский. Но в целом они рассматривались скорее как периоды — последовательные блоки времени, — чем как стадии, последовательные блоки форм. В то время как эти периоды, поскольку они следовали один за другим, «намекали» на возрастание сложности, они не позволили выявить общие социально-политические изменения, происходившие в тех культурах, которые они обозначали.

На Юго-Западе Соединенных Штатов было также проведено приблизительное разграничение между периодом погребальных маундов и периодом храмовых маундов, причем считалось, что последний представляет более развитую форму культуры. Но в то время как подчеркивались различия между этими периодами в особенностях характерных для них строений, данные им названия вновь не позволяли составить ясное представление о социально-политической организации включенных в них культур. И, конечно, не предлагалось или не предполагалось никакого *механизма* для объяснения значительных изменений в развитии культуры, которые происходили при смене одного периода другим. Хотя американские археологи в общем признавали, что имел место значимый переход от одного уровня культуры к другому, они неохотно шли на то, чтобы называть это «эволюцией», так велик был в их сердцах страх перед самим термином (см., например [Willey and Phillips 1958: 70]).

Но ситуация должна была измениться. Описанное выше положение дел застал этнолог Калерво Оберг, который в 1955 г. предложил ти-

пологию культурных форм, построенную на различиях политических структур. Хотя Оберг предлагал эту типологию конкретно для низменностей Южной и Центральной Америки, она была явно применима и к культурам в других частях мира. Типология была следующая:

гомогенные племена;
сегментированные племена;
политически организованные вождества;
феодальные государства;
города-государства;
теократические империи.

Важно отметить, что Оберг предлагал эти подразделения как *типы*, а не *стадии*. В то время, когда он писал, антиэволюционизм еще сидел в седле так прочно, что можно было ожидать, что предложение эволюционной последовательности стадий вызовет на себя массированный огонь.

Элман Сервис был первым, кто ясно осознал, что то, что Оберг представил как *структурные типы*, в то же самое время является последовательностью *эволюционных стадий*. Среди шести типов Оберга особое внимание Сервиса вызвало *вождество* — социально-политическая форма, которая до Оберга если и выделялась, то не имела названия. Как определил его Оберг, «вождество» является формой политии, промежуточной между автономными поселениями и государствами В этом качестве оно привлекало внимание к весьма значимой форме общества, которая охватывала широкий интервал политического развития. Особенно важно, что появился нужный термин для обозначения формы социально-политической организации, расположенной в промежутке между маленькими, автономными общинами и сложными государствами.

В своей ... небольшой книге «Первобытная социальная организация» Сервис [Service 1962] открыто предложил эволюционную последовательность социально-политических форм, которая включала *локальную группу*, *племя*, *вождество* и *государство*. И среди этих четырех форм вождество, безусловно, было самым интригующим.

Среди американских археологов стадиальная последовательность Сервиса впервые была принята и использована Уильямом Сандерсом и Барбарой Прайс; при этом она превратилась в каркас, на который они спроецировали развитие культур доисторической Мезоамерики. В своем новаторском томе «Мезоамерика: эволюция цивилизации» Сандерс и Прайс [Sanders, Price 1968] использовали последовательность, включающую локальную группу, племя, вождество и государство, чтобы выделить эволюционные стадии, через которые этот регион прошел в своем развитии. И их работа содержала ясный намек на то, что данная последовательность могла бы быть использована при исследова-

нии других областей с тем, чтобы сделать описание предыстории всего Американского материка более вразумительным.

Несколько лет спустя категория вождества была использована при описании культур неолита и бронзового века Европы в книге Колина Ренфрю «До цивилизации» [Renfrew 1973], написанной под сильным влиянием эволюционной схемы Сервиса. Не будет преувеличением сказать, что эта небольшая книга дала толчок к пониманию доисторического развития Европы, которого прежде недоставало.

* * *

Учитывая то значение, которое приобрело понятие вождества для археологических реконструкций предыстории, стоит вспомнить первоначальную характеристику этого понятия, данную Обергом: «Принадлежащие к этому типу племенные единицы — это вождества, состоящие из множества поселений и управляемые верховным вождем, под властью которого находятся районы и поселения, управляемые иерархически соподчиненными вождями. Отличительной чертой этого типа политической организации является то, что вожди имеют судебную власть регулировать споры и наказывать преступников вплоть до смертного приговора и — под руководством верховного вождя — реквизировать людей и запасы на нужды войны» [Oberg 1955: 484].

При внимательном анализе этого типа (или *стадии*) мы сразу же видим, какой вклад может внести это понятие в наше понимание политического развития. Прежде всего отметим, что Оберг делает специальную оговорку о том, что вождества — это *образования, состоящие из множества поселений*. Если это так, то, чтобы объяснить их возникновение, мы должны обнаружить *механизм*, с помощью которого была преодолена предшествующая стадия общинной автономии.

Оберговское определение вождества как образования, состоящего из множества поселений, между прочим, содержит скрытые намеки. Начать с того, что оно обязывает нас исключить из списка вождеств такие общества на Северо-Западном побережье Северной Америки, которые антропологи обычно именуют именно «вождествами». Например, хотя все вожди поселений квакиутлей были ранжированы относительно друг друга, эта иерархия отражала только их церемониальные статусы. Никто из вождей, даже вождь поселения самого высокого ранга, не мог давать распоряжения жителям какого-либо иного поселения, кроме своего собственного. Следовательно, несмотря на всю сложность их культуры, племена Северо-Западного побережья никогда не достигали уровня вождества.

Оберг считает, что вождества часто ведут войны. Это сразу же наводит на мысль о механизме, посредством которого была преодо-

лена общинная автономия, а именно военные действия. Автономные политические единицы добровольно никогда не откажутся от своего суверенитета, но по принуждению они сделают это. Независимо от того, возникает ли такое принуждение в результате прямого завоевания или просто как следствие угрозы, остается фактом, что война, так или иначе, лежит в основе вождества.

Таким образом, можно заметить, что простое наличие типа или стадии вождества с расшифровкой некоторых из его главных характеристик уже немало дает для выявления сил, которые привели к его возникновению. Более того, следуя далее по пути выделения *субстадий* вождества, появляется возможность раскрывать ход непрерывного развития даже более детально.

Понятие вождества, несомненно, охватывает большой диапазон уровней развития. Оно начинается с первоначального объединения нескольких общин в более крупную политическую единицу, а завершается политией, которая столь велика и сложна, что достойна называться государством. Поэтому вскоре после того, как антропологи приняли понятие вождества, они начали осознавать значение — почти необходимость — выделения в нем субстадий.

Первая попытка выделить в вождестве субстадии, насколько мне известно, была предпринята в 1978 г., когда Винкас Степонаитис [Steponaitis 1978: 420] и Шарунас Милисаускас [Milisauskas 1978: 165] — первый на Юго-Востоке Соединенных Штатов, второй в Центральной Европе — ввели разграничение между тем, что они называли *простыми* и *сложными* вождествами. Три года спустя я предложил трехстадийную последовательность, состоящую из *минимального*, *типичного* и *максимального* вождеств [Carneiro 1981: 7]. Эта типология основывалась только на учете количества включенных в вождество поселений: минимальное вождество включало дюжину поселений или около того, типичное — 50 и максимальное — до 100. Хотя на первый взгляд это была чисто количественная типология, построенная на основе простого подсчета поселений, включенных в вождество, подразумевалось, что она представляет собой эволюционную последовательность; причем предполагалось, что чем больше размеры вождества, тем оно сложнее.

Как бы ни были полезны эти типологии, всегда остается место для их дальнейшего усовершенствования. Хотя в них и подчеркиваются некоторые различия между вождествами, благодаря им эти несовпадения не удается достаточно детализировать. Действительно, подобные типологии мало что дают или не дают ничего для понимания того, как именно вождества развивались от первоначальных простых форм к более развитым. Несколько лет я не замечал этих недостатков, но в конце концов что-то привело меня к идее о том, что расширенная по

следовательность стадий могла бы лучше освещать путь при изучении эволюции вождества.

Эта идея пришла ко мне во время чтения статьи Чарльза Хадсона о вождествах, которые существовали на большей части территории Юго-Востока Соединенных Штатов в 16-м столетии. Описывая эти вождества, Хадсон предложил эволюционную типологию, согласно которой выделялись две формы вождеств: *простое* и *высшее* [Hudson 1988: 600–601]. Эти две стадии не очень отличались от тех, которые предлагали десятью годами раньше Степонаитис и Милисаускас, когда разделили вождества Юго-Востока США и Центральной Европы на *простые* и *сложные*. Но типология Хадсона, основанная на изучении реальных этноисторически известных вождеств, а не на одних лишь археологических данных, позволила мне увидеть нечто такое, что я прежде упускал из виду.

Предложив последовательность из *минимального*, *типичного* и *максимального* вождеств, я всего лишь дал имена формам вождеств, которые следовали друг за другом и отличались только количеством включенных в них поселений. О *структурных изменениях*, связанных с увеличением размеров вождества, ничего не говорилось. Поэтому мне не удалось осознать или, по крайней мере, отразить тот факт, что сменяющие друг друга более крупные вождества не возникают посредством простого объединения все большего количества деревень как таковых. Скорее наоборот: эволюция форм вождества подразумевала повышение степени инкорпорированности поселений, *уже являющихся частями существующих вождеств*.

Как отмечалось выше, *первый* шаг в формировании вождеств заключался в том, что несколько прежде автономных поселений объединялось в более крупное, многообщинное образование. Но *второй* шаг, характеризующий переход от *простого* вождества, по Хадсону, к *высшему*, представлял *вторичное объединение* образований, уже являвшихся простыми вождествами. Таким образом, то, что являлось *целым* на более низком уровне организации, становилось *частью* на ее более высоком уровне.

Протекающий в данном случае процесс поразил меня точной аналогией с тем, что происходит при возникновении химических соединений: сначала атомы объединяются в молекулы, а затем молекулы — в соединения *(compounds)*. Именно эта последовательность событий в химической «эволюции» подсказала мне более уместный термин для соответствующего процесса в социополитической сфере. В то время как я сохранил термин «*простое*» для обозначения самой ранней и элементарной формы вождества, его вторую стадию я решил назвать вождеством не «*сложным*» (этому термину недостает определенности) или «*верховным*» (такое обозначение больше подходит для глав-

ного вождя), а «*компаундным*» Данный термин мне кажется более наглядным по сравнению с другими, поскольку он заостряет внимание на том, как протекал процесс эволюции вождеств, а именно это был процесс вторичной инкорпорации более мелких целостных образований, т е процесс образования *компаундов*

Эволюционная типология, исходящая из деления вождеств на *простые* и *компаундные*, акцентирует внимание на способ возникновения более крупных вождеств, а именно завоевание и инкорпорация более мелких и слабых вождеств Она также предполагает, что такая инкорпорация должна сопровождаться усовершенствованием политической структуры, с тем чтобы в укрупненном вождестве могла успешно осуществляться интеграция новых административных единиц

Как протекал этот процесс, хорошо видно на этноисторических материалах 16-го столетия по Юго-Востоку Соединенных Штатов Благодаря сообщениям испанских хронистов становится ясно, что большинство вождеств в этом регионе были не простыми, а *компаундными* Они превзошли уровень простых вождеств, стремясь подчинить и инкорпорировать более мелкие простые вождества

Однако на этом этапе процесс усложняется Только что описанный путь образования компаундных вождеств не всегда завершается полной, стабильной и прочной инкорпорацией более мелких вождеств в более крупные И так было, даже если известный минимум зависимости от завоевателя признавался завоеванным вождеством В результате поражения на ранее независимое вождество обычно налагалось обязательство выплачивать ежегодную дань верховному вождю, под власть которого оно теперь перешло Кроме того, покоренные вождества часто были вынуждены посылать воинов верховному вождю, как только он начинал очередную военную кампанию Тем не менее часто бывало и так, что потерпевшие поражение вождества оставались в большой степени предоставленными самим себе

Структурная слабость, присущая подобным компаундным вождествам, должна казаться самоочевидной Часто бывало так, что составные подразделения подобного вождества — сами бывшие вождества возглавлялись теми же вождями, которые правили ими до поражения и покорения Эти бывшие верховные вожди, оказавшись в подчинении у более сильного вождя, вероятно, питали злобу по отношению к нему И если они не проявляли враждебности открыто, то, по крайней мере, были склонны к неповиновению и выжидали случая, чтобы сбросить ярмо своего нового хозяина

Это не просто предположение с моей стороны Непрочность компаундных вождеств хорошо подтверждается на примере вождества кусa, располагавшегося в центре Северной Джорджии и являвшегося самым крупным среди вождеств, с которыми столкнулись испанцы Ко

гда в 1560 г Тристан де Луна и его люди прибыли в главное поселение индейцев куса, им сообщили, что напочи, одно из подчиненных политических подразделений куса, отказались выплачивать ежегодную дань, что было равнозначно восстанию В соответствии с этим верховный вождь куса собирался сделать то, что обычно делают верховные вожди в таких случаях, а именно послать карательную экспедицию, чтобы принудить несогласных к повиновению [Hudson 1990 102]

Следовательно, куса не решили той проблемы, которая часто встает перед компаундными вождествами как сохранить его структуру, г е поддержать лояльность подчиненных подразделений и не потерять контроль над ними Но другое крупное вождество на Востоке Соединенных Штатов, созданное в 17-м столетии паухэтанами там, где теперь находится Виргиния, эту проблему явно решило По крайней мере, они сделали значительный шаг в этом направлении Средство для поддержания более полной интеграции, которое нашли паухэтаны, было столь же простым, сколь и очевидным Верховный вождь, сам именовавшийся *паухэтаном*, систематически смещал местных политических лидеров завоеванных вождеств и ставил на их место лиц, назначенных по его собственному усмотрению Эти новые зависимые субвожди обычно были братьями, единоутробными братьями или же сыновьями *паухэтана*, людьми более лояльными по отношению к нему, чем те, которых смещали (см [Rowntree 1989 117–118, 142]

В структурном отношении здесь сделан важный шаг Вероятно, будет даже лучше сказать, что этот шаг представлял собой новую эволюционную стадию в процессе превращения вождества в государство А поскольку новая стадия заслуживает своего собственного обозначения, я предложил называть политию, которая достигла этой стадии, *консолидированным* вождеством [Carneiro 1992 37]

Наша трехчастная эволюционная типология вождеств теперь закончена и состоит из следующих стадий (1) простое, (2) компаундное и (3) консолидированное вождества

Этот ряд стадий вместе с их обозначениями служит для того, чтобы сфокусировать внимание на главных изменениях, которые претерпевали автономные деревни во время великой трансформации, ведущей их по пути становления государства В ряду задействованных процессов было завоевание — механизм, с помощью которого преодолевалась независимость локальных общин и впервые образовывались многообщинные вождества Этот же самый механизм продолжал действовать в ходе дальнейшей политической эволюции, оставаясь инструментом, посредством которого простые вождества превращались в компаундные Более того, последовательность обозначенных таким образом стадий привлекает дальнейшее внимание к тем структурным изменениям, которые должны произойти, для того чтобы растущие вождества мог-

ли успешно противостоять центробежным тенденциям, угрожающим расколоть их на составные части

Нетрудно заметить, что изучение проблемы происхождения вождеств и их последующей эволюции весьма выигрывает от того, что происходивший *процесс* описывается при помощи *стадий*, фиксирующих последовательную смену структурных фаз Следовательно, мы видим, как на примере еще раз подтвердилась истина о том, что процесс и стадии не противоречат друг другу и не препятствуют пониманию изменчивости, а, наоборот, неразрывно связаны и взаимодополнительны

Итак, я попытался показать, что стадии не являются чем-то статичным, формальным, безжизненным, чуждым современной динамической интерпретации культурной эволюции Наоборот, «*стадии*» — это ценная и полезная категория Они обозначают следующие друг за другом и различимые проявления непрерывно действующего процесса Таким образом, они снабжают нас полезными инструментами для дальнейшего понимания — как в общем, так и в конкретных деталях того великого неуклонного движения по пути социально-политической эволюции, которое привело человеческие общества к столь решительной трансформации

ЛИТЕРАТУРА

Adams R McC 1968 Archeological Research Strategies Past and Present *Science* **160** 1187–92

Alland A 1975 Adaptation *Annual Review of Anthropology* 4 59–73

Boas F 1896 The Limitations of the Comparative Method of Anthropology *Science* 4 901–8

Carneiro R L 1981 The Chiefdom Precursor of the State *The Transition to Statehood in the New World* Ed by G D Jones and R R Kautz Cambridge Cambridge University Press 37–79

Carneiro R L 1992 The Calusa and the Powhatan, Native Chiefdoms of North America *Reviews in Anthropology* 21 27–38

Hudson Ch 1988 A Spanish-Coosa Alliance in Sixteenth-Century North Georgia *The Georgia Historical Quarterly* 72 599–626

Hudson Ch 1990 *The Juan Pardo Expedition* Washington D C Smithsonian Institution Press

Kottak C P 1977 The Process of State Formation in Madagascar *American Ethnologist* 4 136–55

Leacock E 1957 *Status among the Montagnais-Naskapi of Labrador* Paper presented at the 56th Annual Meeting of the American Anthropological Association Mimeographed

Milisauskas S 1978 *European Prehistory* New York Academic Press

Oberg K 1955 Types of Social Structure Among the Lowland Tribes of South and Central America *American Anthropologist* 57 472–87

Renfrew C 1973 *Before Civilization The radiocarbon revolution and prehistoric Europe* London Jonathan Cape

Rowntree H C 1989 *The Powhatan Indians of Virginia* Norman University of Oklahoma Press

Sanders W T and Price B J 1968 *Mesoamerica The Evolution of a Civilization* New York Random House

Service E R 1962 *Primitive Social Organization, An Evolutionary Perspective* New York Random House

Steponaitis V P 1978 Location Theory and Complex Chiefdoms A Mississippian Example *Mississippian Settlement Patterns* Ed by B D Smith New York 417–53

Willey G R , and Ph Philips 1958 *Method and Theory in American Archaeology* Chicago University of Chicago Press

Х Дж М КЛАССЕН

ПРОБЛЕМЫ, ПАРАДОКСЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ ЭВОЛЮЦИОНИЗМА*

Введение

С некоторых пор в исследованиях эволюционистов на передний план стали выходить новые вопросы, и, кажется, назрела потребность в переформулировании некоторых традиционных подходов В ограниченной по объему статье нет возможности для обсуждения всех насущных вопросов и проблем, невозможно даже дать обзор всех новых взглядов Я ограничусь проблемой эволюции политической организации — областью, изучением которой я сам занимаюсь в течение некоторого времени Сами разнообразные формы политической организации являются подсистемами более всеобъемлющих целостных образований или культур Невозможно отделять политические структуры от их культурного контекста Воздействие других элементов этой культуры сказывается на политической структуре, а она оказывает обратное влияние В данной работе это будет показано в тех ее фрагментах, где мы от специфических черт политической организации будем переходить к культуре, составляющей которой она является, и обратно

В этой статье сначала будут кратко изложены новые взгляды на эволюционизм, а затем рассмотрена проблема противостояния однолинейного и многолинейного эволюционизма, и, наконец, внимание будет уделено вопросу о том, каким образом в разных районах мира и на различных путях эволюции могли развиваться сходные политические структуры

---

* Альтернативные пути становления цивилизации М РГГУ, 1999

© Х Дж М Классен, 2007

Переформулированные основные понятия

Еще недавно было принято определять эволюцию в категориях нарастания степени сложности и однолинейного развития (например [Carneiro 1973, 1995] И доводы в пользу такого подхода, конечно, имеются Человеческих существ теперь гораздо больше, чем было когда-либо прежде, возможности производства превзошли всякое воображение, технология достигла Луны и распространяется далее, а способность объединять все больше и больше людей в сложных социальных системах демонстрируется на примере существования государств и многонациональных образований Социолог девятнадцатого столетия Спенсер в основу своей концепции эволюции положил принцип изменения от простого к сложному [Spencer 1971], а Карл Маркс [Marx 1964] в «Формах, предшествующих капиталистическому производству» расставил общества в порядке возрастания сложности их способов производства Спустя несколько десятилетий Лесли Уайт [White 1949] «переформулировал» второй закон термодинамики с тем, чтобы объяснить, почему человеческая культура — единственный феномен во вселенной, который характеризуется нарастанием сложности А в 1970 х гг Роберт Карнейро стал выразителем позиции тех, кто по-прежнему считал, что эволюция характеризуется изменением от простого к сложному и однолинейностью [Carneiro 1973]

Тем не менее имеются основания думать, что процесс изменения от простого к сложному не является сущностью культурной эволюции Существует много примеров такого развития, которое не ведет к усложнению стагнация, упадок и коллапс столь же характерны для развития человеческой культуры, как рост и расцвет (сравни [Yoffee 1979, 1993]) Более того, как при таком подходе объяснить циклическое развитие и те случаи, когда на разных стадиях развития вновь появляются сходные политические структуры? И, наконец, как быть с теми обществами, которые никогда не достигали «более высокого» уровня культуры, но все еще претерпевали значительные изменения, например охотники и собиратели (см [Lee and Devore 1968]) или ранние земледельцы Западной Африки, описанные Мюллером [Muller 1985]?

Таким образом, представляется разумным не рассматривать «усложнение» в качестве основного принципа культурной эволюции Вместо него желательно поискать другой принцип Может, это будет понятие структурного изменения Тогда можно дать определение эволюции как «процесса структурной реорганизации во времени, в результате которой возникает форма или структура, качественно отличающаяся от предшествующей формы» [Voget 1975 862] Такой подход мы использовали в различных публикациях [Claessen, Van de Velde and Smith 1985, Claessen and Van de Velde 1987, Claessen and Oosten 1996]

Тогда эволюционизм превращается в научную теорию, ориентирующую на поиск закономерностей в структурных изменениях подобного рода. Структурное изменение выражает тот факт, что в одной или нескольких сферах культурной системы происходят изменения, которые сказываются на всех (или на большинстве) других сторонах этой системы. Система как целое будет изменяться вследствие данных изменений. Нет необходимости в том, чтобы вся она трансформировалась сразу; процесс может растянуться на какое-то время.

Что касается вопроса о том, в каких случаях подобные структурные изменения возникают, то я думаю, что здесь следует различать две стороны вопроса: как именно такие изменения происходят и почему. Рассмотрим вкратце обе стороны вопроса.

В «Раннем государстве» [Claessen and Skalnik 1978: 624] была предпринята попытка вскрыть общие факторы эволюции данного феномена. В то время как было выявлено несколько факторов, играющих роль в этом процессе, оказалось, что сам процесс напоминает падение снежного кома: по мере скатывания с горы он увеличивается в размерах. Было обнаружено, что существует взаимное усиление воздействия феноменов на все изучавшиеся эволюционные процессы. Здесь надо подчеркнуть, что взаимное усиление, возможно, и в самом деле действует в двух направлениях: где оно действует позитивно, организация имеет тенденцию к росту размеров и сложности; где его воздействие негативно, развитие, кажется, останавливается; причем политическая структура приходит в упадок или даже в состояние коллапса. У социальной эволюции нет предписанного направления развития. Анализ, предпринятый в «Раннем государстве» [Claessen and Skalnik 1978: 625], показал, что имеются шесть факторов, особенно тесно связанных с появлением и последующим развитием раннего государства: рост населения, война, завоевание, идеология, производство избыточного продукта и влияние уже существующих государств. Однако эти факторы встречались в различных сочетаниях и варьировали по степени интенсивности. Идеология и производство избыточного продукта рассматривались как необходимые условия: без их (позитивного) влияния развитие более сложных форм политической организации не представлялось возможным.

Эти выводы были заново рассмотрены и оценены в «Изучении государства» [Claessen and Skalnik 1981]. В этом томе было приведено больше примеров и представлено несколько обобщающих глав. В свете новой информации возникла необходимость в переформулировке некоторых прежних обобщений. Значение идеологического фактора возросло [Claessen and Skalnik 1981: 479, 484], в то время как война и завоевание были низведены до вторичных ролей как следствия экономической, демографической и идеологической конкуренции. Более

того, на передний план вышли некоторые новые переменные; среди них ирригация, роль торговли и эндогамия. Отсюда стало ясно, что фактор избыточного продукта — как он формулировался прежде — трактовался слишком узко [Claessen and Skalnik 1981: 484]. Поэтому было предложено переформулировать этот фактор как «господство и контроль над экономикой» вместо избыточного продукта. Таким образом, переменные более низкого ранга, в частности торговля и ирригация, были подведены под более содержательную рубрику.

Как отмечалось выше, все упомянутые факторы играли определенную роль в каждом анализировавшемся случае. Однако выделить какой-нибудь из них в качестве перводвигателя невозможно, поскольку последовательность факторов варьировала в каждом случае, причем сила действия факторов тоже всякий раз оказывалась совершенно различной. В «Развитии и упадке» [Claessen, Van de Velde and Smith 1985] мы пытались построить общую модель эволюции социально-политических феноменов на основе прежних выводов и новых результатов изысканий в этом томе. Эту модель мы обозначили как «модель комплексного взаимодействия». Оказалось, что в этом процессе фактор «роста населения» работает весьма неудовлетворительно [Hayden 1981]. Важна не только численность населения, но также количество населения по отношению к средствам производства и его пространственное распределение, которые тоже играли роль в эволюции социально-политической организации. Поэтому мы ввели понятие «социальный формат» (societal format), которое охватывает численность населения, допустимое демографическое давление и пространственное распределение.

Поскольку ни одна политическая система не развивается в вакууме, каждую отдельную систему следует «размещать» в пространстве и времени. Анализ начинается с воссоздания этого пространства (природной среды) и времени (исторического контекста), естественной среды (ресурсы, климат, вода, горные выработки и т. д.) и социально-политического влияния соседних территорий (история, война, культурный фон и т. д.) [Kottak 1980; Renfrew and Cherry 1986].

Поскольку из первоначальных шести факторов, принятых во внимание в «Раннем государстве», война и завоевание были отброшены, а влияние уже существующих государств слишком специфично, чтобы включать его в общую модель, то мы сохранили только три фактора — идеологию, экономику и социальный формат, которые в тесном взаимодействии направляют процесс социально-политической эволюции. Поскольку возникающие социально-политические структуры обладают собственным импульсом движения и интенсивно взаимодействуют с тремя другими факторами, их можно включить в модель в качестве четвертого фактора [Claessen, Van de Velde and Smith 1985: 255].

Здесь уместно сказать несколько предостерегающих слов. Хотя упомянутые факторы можно различать аналитически, их невозможно отделить друг от друга в реальности; в изучавшихся культурах такие различия обычно не проводятся. И когда мы говорим об экономических или идеологических факторах, мы не намерены в каждом изучаемом случае всецело вникать в экономику или идеологию; они привлекаются к анализу только в той степени, в какой они важны для социально-политической организации. Тем не менее это может дать толчок для более всеобъемлющего анализа в данных областях с тем, чтобы углубить понимание реальности этих факторов (см., например, [Claessen and Van de Velde 1991] об экономике, [Claessen and Oosten 1996] об идеологии). Мы полагаем, что при помощи «модели комплексного взаимодействия» нами найден ответ на вопрос о том, как эволюционируют культуры.

Остается решить, в какой степени можно ответить на вопрос, почему культуры изменяются? Что вынудило людей отказаться от «исконного естественного общества» [Sahlins 1968; 1972] и перейти к земледелию, городской жизни или государству? Глупо ставить вопрос подобным образом; такого пути развития никто свободно не выбирает и никто не предвидел такого количества феноменов, которые сегодня определяют нашу жизнь. Поэтому заданный Саутхоллом [Southall 1991: 78] вопрос о том, «как люди позволили заманить себя в ловушку и дали возможность расти государству у них и над ними до тех пор, пока у них уже не оставалось выбора и сил, чтобы отвергнуть его», сформулирован не очень удачно. Такого выбора никогда не было: социально-политические феномены возникали как непредвиденные следствия предшествующего выбора и ранее принятых решений, большинство из которых были неизбежными ответами на большие или меньшие изменения в образе жизни людей (о подобном выборе см. [Van Parijs 1981]). Большинство эволюционных изменений происходило непреднамеренно, без какого-либо планирования [Hallpike 1986; Claessen and Skalnik 1978: 624]. Едва ли это удовлетворительный ответ на вопрос, почему такие вещи случались; к счастью, об этом можно сказать подробнее. За отправную точку рассуждений можно принять утверждение Малиновского о том, что у человеческих существ есть насущные потребности, такие как нужда в пище, укрытии или сексе. Чтобы удовлетворить эти потребности, люди должны действовать, и когда они действуют, то сталкиваются либо с препятствиями окружающей среды, либо с ответными действиями других людей. Таким образом, чтобы обрести пищу, партнера, жилье, воду, одежду — удовлетворить свои потребности, — они должны бороться с природой и устанавливать отношения с другими человеческими существами. Действие всегда вызывает противодействие; если пищевые ресурсы истощились, то необходимо найти

новые способы их добычи [Hayden 1981]; человеческие реакции могут существенно варьировать, но какова бы ни была природа этих реакций (страх, агрессия, защита, кооперация, установление брачных связей или что-нибудь еще), человек всегда реагирует, когда с ним вступают в контакт. В течение долгого времени человеческие коллективы были маленькими и расщеплялись, когда численность группы достигала критической точки по отношению к наличным ресурсам или когда больше не оставалось возможности сдерживать мирным путем социальное напряжение. Контакты с другими группами тем не менее всегда поддерживались. Вечная нужда в усилиях для осуществления человеческих потребностей, вытекающие отсюда действия, на которые следуют ответные реакции, составляют, как я думаю, первичную динамическую силу социальной эволюции. Человек должен действовать, и это вынуждает других на ответные действия; избежать этого невозможно.

Традиционная дилемма: однолинейность или многолинейность?

Уже с самого начала эволюционизм столкнулся с противоречивыми данными, данными, которым не находилось места в стройной эволюционной схеме, где — как тогда считалось — каждое общество и каждый обычай должны занять свое место. Тайлор (1871) пытался преодолеть эти аномалии за счет оперирования широкими категориями, Морган (1877) старался учесть все данные в своих бесконечно расширяющихся классификациях и типологиях, а Энгельс (1884) добавил к схемам Моргана экономические соображения. Эти предложения, однако, убеждали не всех. Поэтому в 1930-х гг. Джулиан Х. Стюард пришел к мысли о том, что эволюция шла по различным направлениям: эволюция была многолинейной [Steward 1955]. Свою позицию он противопоставлял взглядам своего современника Лесли Уайта, который решительно защищал идею однолинейной эволюции. В «Эволюции и культуре» (1960) Маршалл Салинз и Элман Сервис, ученики и Уайта, и Стюарда, попытались объединить взгляды своих учителей. С этой целью они стали различать «общую» и «специфическую» эволюцию. «Общая эволюция» рассматривалась ими как эволюция человеческой культуры в целом, она характеризовалась нарастанием сложности и однолинейностью, причем культура скачкообразно изменялась от одной формы общества к другой. Чтобы учесть огромное многообразие вариантов исторического развития, они ввели понятие «специфическая эволюция», которое предназначалось для объяснения качественной реорганизации в конкретных обществах при помощи общих категорий. Действуя таким образом, они редуцировали

цировали идею многолинейности до разновидности побочных линий развития

В важной статье Роберт Карнейро (1973) пришел к выводу, что фундаментального противоречия между однолинейной и многолинейной эволюцией не существует один и тот же специфический институт который находят в ряде обществ, вполне мог иметь различное происхождение Или, другими словами, если принять за отправную точку более или менее сопоставимые уровни социально-политического развития и следовать различными путями, то по истечении некоторого времени можно достичь более высоких и более или менее сходных уровней развития Таким образом, принцип однолинейности может быть сохранен, в то время как реальность многолинейности не отрицается [Carneiro 1973 102 103] Этот взгляд нашел некоторое подтверждение в нашем исследовании происхождения государства

В «Раннем государстве» [Claessen and Skalnik 1978] Петер Скальник и я представили многочисленные данные о том, что в нашей выборке всем ранним государствам предшествовала политическая организация типа вождества и что, следуя различными путями, они достигли уровня раннего государства Кажется, это подтверждает верность модели Карнейро В той же самой вышеупомянутой статье Карнейро также утверждал, что, вопреки своим принципам многолинейности Стюард на самом деле придерживался однолинейности Такой взгляд он обосновывал ссылками на статью Стюарда (1949/1955) об эволюции государства, в которой во всех пяти приводимых примерах траектория движения к государству оказывалась более или менее идентичной [Carneiro 1973 95–96] Казалось, что факт однолинейной эволюции решительно подтвержден

Однако в проведенном Карнейро анализе есть серьезный изъян Начнем с выборки, использовавшейся в коллективной монографии «Раннее государство» [Claessen and Skalnik 1978] она включала двадцать одно общество, каждое из которых достигло уровня государства, — и мы это знали до того, как предприняли наш анализ Фактически мы подобрали примеры преднамеренно с заранее заданной целью! То же самое относится к примерам Стюарда, в которых он прослеживал развитие государства в пяти регионах Поскольку все примеры представляли собой только те случаи, когда был достигнут уровень государства, их эволюционный анализ не мог дать иного результата чем вывод об однолинейности развития, хотя в какие-то моменты могли встречаться и проявления его многолинейности Как только это осознаешь, аргумент Карнейро в пользу того, что эволюция в конечном счете была однолинейной, теряет свою убедительность

Тот же самый недостаток присутствует в хорошо известных типологиях Сервиса («локальная группа — племя — вождество — государ

ство») [Service 1971] и Фрида («эгалитарное общество — ранжированное общество — стратифицированное общество — государство») [Fried 1967] В обоих случаях авторы строят генеалогию государства и мало беспокоятся из-за того, что их цепочки основаны на принципах однолинейности и роста сложности Оба начинают свой анализ с низкого уровня развития и прослеживают эволюцию общества до уровня государства Нельзя сказать, что их типологии неверны или что их схемы бессодержательны, но следует подчеркнуть, что ряд вариантов развития не мог не выпасть из их поля зрения Как следствие такого подхода, общества, которые не достигли государственного уровня развития, были квалифицированы как «отсталые» или «застойные» Но есть ли в такой квалификации смысл? Однолинейный подход к эволюции представляется весьма уязвимым, но каковы альтернативы?

Множественность направлений эволюции

Когда европейцы начали открывать мир, они столкнулись с огромным многообразием обществ, каждое из которых демонстрировало невероятное многообразие обычаев и ценностей Эти общества возникли как следствие реализации многочисленных региональных вариантов развития Лишь с огромным трудом наши предшественники девятнадцатого столетия смогли систематизировать сведения об этом сбивающем с толку многообразии человеческих культур Чтобы достичь подобного результата, им пришлось позаимствовать идеи биологической эволюции [Ingold 1986] При попытках выстроить общества вдоль линий развития на эволюционных схемах девятнадцатого столетия возникал вопрос, в какой степени данные о современных «примитивных» людях допустимо использовать для интерпретации жизни доисторических людей В свое время Тайлор [Tylor 1871] утверждал, что это, конечно, делать можно, поскольку культуры современных охотников и собирателей на самом деле гораздо древнее, чем наша собственная, возникшая совсем недавно По прошествии времени Элман Сервис [Service 1971 7] использовал тот же самый аргумент, утверждая, что аранда (одна из групп австралийских аборигенов) являются «палеолитическими по типу, хотя палеолитическая эра уже закончилась там, где на смену пришли более высокие стадии» А А И Першиц [1977 47] утверждал, что современные общества, «отставшие в своем развитии, не эквиваленты, а лишь аналоги древних первобытных обществ» Короче говоря, в девятнадцатом столетии было обнаружено огромное количество обществ, которые не достигли государственного уровня развития и, соответственно, должны причисляться к совершенно иным ступеням эволюции Более того, не было ни малейшего при-

знака деградации или стагнации этих обществ, они были абсолютно жизнеспособны Они явно шли по *иным путям* развития

Интересно, что ни Сервис, ни Салинз, ни Фрид, ни Карнейро не сделали этого очевидного вывода из наличных данных Это еще более удивительно, поскольку сам Сервис выступал в защиту глубокого возраста культуры охотников и собирателей, что также отмечалось участниками специальных конференций посвященных этим народам (например [Lee and Devore 1968]) Те же самые соображения высказывались в отношении всех остальных «примитивных современников» [Murdock 1933] Они были современниками и были полны жизни, но в эволюционных схемах они класифицировались как представители недоразвитых, отсталых или даже деградировавших типов общества

Мне кажется, что возможен другой подход к этим культурам Если мы принимаем точку зрения, согласно которой охотники и собиратели представляют очень древний тип культуры, и мы знаем, что они существуют вплоть до сегодняшнего дня (например [Murdock 1968, Persoon 1994, Jochim 1996, но см Guenther 1996]), то нельзя не принять идею о том, что в эволюции существует больше линий развития, чем одна и только одна, ведущая к государству (уместно напомнить, что Карнейро [1973 103] дает схему развития, похожую на модель эволюции, которую я здесь предлагаю) По крайней мере, эта модель теоретически приемлема, раз уж идея о том, что эволюция неизбежно означает развитие от простого к сложному, отброшена, а идея однолинейности обнаружила свою уязвимость Тот факт, например, что в Меланезии развивались своеобразные типы социально-политических систем с биг менами, старейшинами и в редких случаях с вождями [Oliver 1955, Douglas 1979, Van Bakel, Hagesteijn and Van de Velde 1986, Baker 1983, Godelier 1982], наводит на мысль о существовании эволюционной линии, отличающейся от той, которая в Европе вела к развитию капиталистических обществ То же самое относится к гипотезе Коротаева об особом пути развития у горских народов [Коротаев 1995] и моделям социально-политического развития номадов по Крадину [Крадин 1995, также см Khazanov 1984]

Предлагаемая здесь модель *противоположна* упомянутым в начале работы схемам, поскольку за точку отсчета берутся истоки человеческого общества, а не высшие уровни развития (как обычно делалось) Дать представление об этих истоках позволяет культура неандертальцев Из этих истоков [Graves 1991] развивалось все многообразие человечества Первые маленькие группы людей современного вида под давлением недостатка пищи или конфликтов рассеялись по всей земле, в то время не было организации для разрешения конфликтов, и когда конфликт возникал, некоторая часть членов группы уходила прочь (например [Stauder 1971, Service 1966, Persoon 1994]) Посте-

пенно они достигали таких мест, где сезонные различия вынуждали их создавать запасы на суровое время года возникала необходимость менять диету, тип жилища и одежды [Testart 1982] Более развитые группы контролировали лучшие районы, а более слабые были загнаны в периферийные районы Последняя идея уже высказывалась Уайгом группы, овладевшие большей энергией, стремятся вытеснить более слабые группы [White 1949, также см Kaplan 1960, Sahlins 1961, Adams 1975] С течением времени внутренняя динамика вела к возникновению *различных линий развития*, часто связанных с особенностями регионов, в которых развитие культуры — и, следовательно, социально-политической организации — шло *различными путями* Этот взгляд более или менее подробно уже был изложен К Р Холлпайком в его «Принципах социальной эволюции» [Hallpike 1986], где он при помощи нескольких стержневых принципов описывает китайский [1986 294–328] и индоевропейский пути развития [1986 329–68] Он подчеркивал большие способности стержневых принципов к адаптации, в качестве примера ссылаясь на Полинезию, где лишь несколько стержневых принципов определяли особую эволюцию полинезийских обществ в течение многих столетий [1986 293] Подобного взгляда придерживаются и некоторые другие исследователи Полинезии [Kirch and Green 1987]

В настоящее время невозможно проследить все потенциальные возможности этой гипотезы И количество возможных эволюционных потоков ныне указать тоже невозможно Тем не менее то, что эволюция человеческой культуры — а в нашем случае особенно социально-политической организации — шла различными путями, представляется очевидным, так же как представляется очевидным, что не везде был достигнут один и тот же уровень развития То, что сегодня многие народы, принадлежащие к разным путям эволюции, оказываются под влиянием доминирующего индустриально-капиталистического пути развития, данной модели ущерба не наносит, это как раз является примером «Закона культурного доминирования» (о котором уже шла речь выше) Одна из проблем, связанных с предложенной здесь моделью, заключается в том, как объяснить наличие *похожих* типов социально-политической организации в *разных* эволюционных потоках и в разные эпохи?

Похожие типы организации в разных потоках эволюции

Прежде чем пытаться дать ответ на этот вопрос, следует уяснить, в какой мере мы можем говорить о «сходном» или «идентичном» (см об этом дискуссию [Уосон 1995]) Прежде всего, мы не намерены сравни-

вать целые культуры. Такие сопоставления практически невозможны Для столь сложного комплекса феноменов определенная степень редукции всегда неизбежна. Следовательно, сопоставляются лишь некоторые характеристики культуры, такие, которые можно различить и более или менее отделить от целого. Одной из них является социально-политическая структура общества, но можно также выделить средства жизнеобеспечения, обмен, религиозные системы или системы родства в качестве предмета межкультурных сравнений. Чтобы такое сопоставление стало возможным, данные для сопоставлений необходимо подготовить и оформить определенным образом. Это значит, что специфические функции и виды деятельности следует подвести под более широкие категории. Например, при сопоставлении политических организаций в Полинезии все функционеры типа таитянских *арии рахи*, тонганских *туи тонга* и гавайских *алии нуи* были подведены под категорию сакральных правителей, представляющих старшую линию в кровнородственной группе, *рэмиджс*. При таком сопоставлении можно выявлять сходства, а также различия между функционерами [Claessen and Oosten 1996]. При осуществлении подобной процедуры специфические черты утрачиваются, а возможности сопоставления усиливаются [Уосон 1995]. Эти процедуры разработаны в «Раннем государстве» [Claessen and Skalnik 1978: 533–537]. В принципе сведение этнографических данных к более общим типам представляется неизбежным при проведении сравнительного анализа и построении моделей социо-политических структур.

Сравнительный подход в данном случае нацелен на классификацию или сопоставление культур в целом. В мою задачу это не входит, поскольку это означало бы применение принципа *pars pro toto* — когда полагают, что по отдельным сторонам можно судить обо всей культуре. Так, Николай Крадин после замечания о том, что мы [Claessen and Skalnik 1978] в одной схеме объединили столь различные общества, как древний Китай, Египет, Гаваи, Норвегия, средневековая Франция, Таити, Скифия и т. д., спрашивает: «Неужели все перечисленные общества ничем не отличаются друг от друга?» [Крадин 1995б: 9]. Конечно же, ответ на этот вопрос таков: да, они сильно отличаются, и мы это знаем очень хорошо. Поэтому мы сравнивали только политические системы этих обществ, причем на довольно высоком уровне абстрагирования, и обнаружили, что, несмотря на огромные различия их специфических культур, они демонстрируют поразительную степень сходства.

Сходные социально-политические структуры могут встречаться в совершенно разных обществах. Например, вождества встречаются в самых различных регионах [Carneiro 1981], даже если между рассматриваемыми обществами отсутствуют видимые исторические связи. Тот

факт, что вождеский тип социально-политической организации встречается в Меланезии девятнадцатого столетия [Douglas 1979], у индейцев Карибского бассейна ко времени их открытия Колумбом [Fried 1979], в Западной Африке наших дней [Muller 1985, 1996], в доисторической Западной Европе [Roymans 1990] и еще во множестве случаев, описанных Ёрлом в работе «Вождества: власть, экономика и идеология» [Earle 1991], иллюстрирует парадоксальную ситуацию: после того как идея однолинейной социальной эволюции была отброшена, нам приходится иметь дело с тем фактом, что сходные социально-политические структуры, такие как государство или вождество, неожиданно появляются в самых разных регионах мира и в различных эволюционных потоках.

Мне кажется, что решение этого парадокса следует формулировать в широких категориях, с тем чтобы оно было применимо ко всем случаям, когда сходные социополитические структуры появляются в различных эволюционных потоках. Первая попытка решения этой проблемы около шестидесяти лет назад была предпринята Джулианом Х. Стюардом [Steward 1936/1955], который пытался объяснить появление патрилокальной группы в ряде не связанных друг с другом обществ. Прежде чем давать объяснение, он установил, что никаких взаимных контактов не было и что в каждом случае экологическая ситуация сильно разнилась. Таким образом, появление сходных структур надо было объяснять, исходя из культуры данных групп. Он выделил четыре фактора, которые при комплексном взаимодействии давали патрилокальную группу [Steward 1955: 135]: очень низкая плотность населения; немигрирующая дичь как главная пища; транспортировка, ограниченная носильщиками; наконец, соблюдение экзогамии в группе. Если эти факторы встречаются вместе, то каждый раз будет развиваться патрилокальная группа (см. комментарии к данному тезису: [Service 1971: 61; Steward 1968: 332–3]). Важность этого наблюдения, по моему мнению, заключается в том, что выясняется следующее: сходные культурные формы могут развиваться в разных районах мира при наличии специфических условий.

Ранние государства, независимо от их последующего деления на начальные, типичные и переходные (см. [Коротаев 1995: 78, примечание 3]), находятся в различных эволюционных потоках и в разных исторических периодах. Этот феномен привлек внимание Джонатана Хааса [Хаас 1995: 22], который отмечает, что *историческое развитие* государств *шло разными путями*, но в то же самое время они «обладают такими важными общими чертами, как зарождающаяся бюрократия, правящая элита, государственная религия, постоянная армия и централизованная экономика. Эти общие черты, выражающие суть государственной организации, возникают в культурах, дающих ответ

на действие таких сходных сил, как демографическое давление, сокращение ресурсов и усложнение общества».

В нашей недавней работе «Идеология и появление ранних государств» [Claessen and Oosten 1996] мы выделяем несколько региональных типов ранних государств, такие как полинезийский, западно-африканский, индоевропейский и центрально-американский [1996: 365–72]. Мы подчеркиваем, что *сходные политические структуры* возникли в *различном культурном окружении независимо*: «Различные общества, вероятно, столкнулись с одинаковыми проблемами: как поддержать закон и порядок, как сохранить территориальную целостность страны, как сохранить правительственный аппарат и т. д. Для решения этих проблем надо было создавать организационные структуры, а насущная необходимость вынуждает правительство быстро находить эффективные решения взамен непрактичных и функционально неудачных. Они часто перенимались у более преуспевших соседей» [1996: 366].

Представленный аргумент является аргументом функциональным: существует мало институтов, которые позволяют управлять страной действительно эффективно; остальные не переживут суровых испытаний действительности — подлинно дарвинистское объяснение (и, по нашему незнанию, очень похожее на ход рассуждений Хааса). Чтобы государство возникло, необходимо наличие нескольких условий: должно быть достаточное количество людей для образования сложного стратифицированного общества; особая территория должна находиться под контролем: необходима система производства, обеспечивающая запас продовольствия на содержание специалистов и привилегированных категорий лиц, и должна существовать идеология, которая поддерживает и оправдывает иерархическую управленческую организацию [Claessen and Oosten 1996: 5]. Движущей силой эволюции раннего государства здесь также являются действующие и противодействующие человеческие существа (среди которых одни оказывают большее влияние на развитие, чем другие). Там, где эти условия отсутствуют, возникновение государственной организации становится весьма сомнительным, хотя в некоторых случаях его возникновению может способствовать пример уже существующих государств в данном регионе.

Итак, в целом имеется несколько факторов, которые объясняют появление более или менее похожих организационных структур в различных эволюционных потоках:

суровые испытания на эффективность;

существует мало функционально пригодных институтов;

четыре условия, которые существенно ограничивают возможность появления государства;

тот факт, что сходные проблемы возникают в разных эволюционных потоках;

и пример преуспевающих соседей (некоторые подробности обсуждения этой проблемы см. [Renfrew and Cherry 1986; ср.: Ambrosino 1995]).

В этой статье неуместно обсуждать все детали подхода, опирающегося на понятие «эволюционный поток». Представляется вероятным, что на основе довольно сходных культур охотников и собирателей возникло несколько различных путей эволюции, а с течением времени появлялись новые эволюционные ответвления, тогда как другие потоки поглощались более сильным эволюционным течением. Определение и разграничение отдельных потоков представляет проблему; в высшей степени вероятно, что эти разграничения всегда будут страдать некоторым субъективизмом. Выше я мимоходом упоминал Полинезию и Западную Африку в качестве регионов, пути эволюции которых, по всей видимости, существенно различаются. Не исключено, что выделенные регионы являются слишком узкими. Не следует ли Полинезию включить в более широкий «тихоокеанский эволюционный поток» [Kirch and Green 1987), а Западную Африку — в более широкий «эволюционный поток Африки к югу от Сахары» (Claessen and Skalnik 1981]? И всегда ли поток эволюции следует представлять географически? Например, возможно существование особых кочевого и горского путей развития. Я полагаю, что, раз уж идея различных путей эволюции принята, приемлемые решения этой проблемы будут найдены.

Резюме

Нет больше смысла конструировать всеобъемлющие уровни социокультурного развития, поскольку установлено, что при определенных условиях вырабатываются сходные типы институтов в различных эволюционных потоках. Установлено, что социальная эволюция многолинейна: можно наметить различные пути эволюции. Некоторые из этих путей демонстрируют лишь ограниченное развитие; это, например, относится к охотникам и собирателям, представляющим последних участников первого эволюционного потока, а также к некоторым эволюционным потокам в Меланезии и Африке, для которых еще характерен племенной уровень организации. Обнаруженные здесь «более высокие уровни развития» были «импортированы» из индустриального мира. В большинстве эволюционных потоков тем не менее высокие цивилизации возникли независимо: например, страна фараонов, господствующий индустриально-капиталистический комплекс, имперский Китай. Эволюция не однолинейна, а многонаправленна. Попытка объяснить столь существенные различия в развитии в данной статье

не предпринималась Тем не менее было установлено, что эволюционные изменения в общем представляют результат комплексного взаимодействия экономических, идеологических, демографических и социополитических факторов Кроме того, было отмечено, что все подобные изменения возникают в результате действий людей, что является причиной противодействия других людей Такие категории, как «общая» или «универсальная» эволюция, кажется, уже не имеют большого объяснительного значения

ЛИТЕРАТУРА

Амброзино Дж Н 1995 Внешние контакты между обществами и возникновение государства // Альтернативные пути к ранней государственности / Отв ред Н Н Крадин, В А Лынша Владивосток Дальнаука 69–76

Коротаев А В 1995 Горы и демократия к постановке проблемы // Там же 77–93

Крадин Н Н 1995а Трансформация политической системы от вождества к государству монгольский пример, 1180(?)–1206 // Там же 188–98

Крадин Н Н 1995б Введение От одномерного взгляда на происхождение государства к многолинейному // Там же 7–18

Уосон П В Социальные типы и границы типологического мышления в археологии // Там же 23–35

Хаас Дж Пути к государственности // Там же 19–22

Adams R N 1975 *Energy and structure A theory of social power* Austin University of Texas Press

Ambrosino J N 1995 Inter-societal contact and the rise of the state A brief note from work in progress *Alternative pathways to early state* Ed by N N Kradin and V A Lynsha Vladivostok Dal'nauka 54–9

Van Bakel M , Hagesteijn R and P van de Velde 1986 (eds) *Private politics A multi-disciplinary approach to Big Men systems* Leiden Brill

Baker V J 1983 Elders in the shadow of Big-Men *Bijdragen tot de Taal-, Land en Volkenkunde* 139 1–17

Carneiro R L 1973 The four faces of evolution *Handbook of social and cultural anthropology* Ed by J J Honigman Chicago University of Chicago Press 89–110

Carneiro R L 1981 The chiefdom Precursor of the state *Transition to statehood in the New World* Ed by G D Jones and R R Kautz London 37–79

Carneiro R L 1996 Cultural evolution *Encyclopedia of cultural anthropology* Ed by D Levinson and M Ember New York Holt 271–7

Claessen, H J M and Skalnik P 1978 (eds) *The early state* The Hague Mouton

Claessen H J M and Skalnik P 1981 (eds) *The study of the state* The Hague Mouton

Claessen H J M , P van de Velde and Smith M E 1985 (eds) *Development and decline, The evolution of sociopolitical organization* South Hadley, MA Bergin and Garvey

Claessen H J M and van de Velde P 1987 (eds) *Early state dynamics* Leiden Brill

Claessen H J M and van de Velde P 1991 (eds) *Early state economics* New Brunswick etc Transaction

Claessen, H J M and Oosten J G 1996 (eds) *Ideology and the formation of early states* Leiden Brill

Douglas B 1979 Rank, power and authority A reassessment of traditional leadership in South Pacific societies *Journal of Pacific History* 14 2–27

Earle T 1991 (ed) *Chiefdoms Power, economy, and ideology* Cambridge Cambridge University Press

Engels F 1884 *Der Ursprung der Familie, des Privateigentums und des Staats* Zurich (used here the Dutch edition of 1909, Rotterdam Wakker)

Fried M H 1967 *The evolution of political society, An essay in political anthropology* New York Random House

Fried M H 1979 Economic theory and First Contact *New directions in political economy, An approach from anthropology* Ed by M B Luons and F Rothstein Westport, Conn 3 18

Godelier M 1982 *La production des Grands Hommes, Pouvoir et domination masculine chez les Baruya de Nouvelle Guinuü* Paris Fayard

Graves P 1991 New models and metaphors for the Neanderthal debate *Current Anthropology* 32 513–542

Guenther M 1996 Hunter-gatherer revisionism In D Levinson and M Ember eds , *Encyclopedia of cultural anthropology,* p 622–624 New York Holt

Haas J 1995 The roads to statehood *Alternative pathways to early state* Ed by N N Kradin and V A Lynsha Vladivostok Dalnauka 16–9

Hallpike C R 1986 *The principles of social evolution* Oxford Clarendon Press

Hayden B 1981 Research and development in the Stone Age Technological transitions among hunter-gatherers *Current Anthropology* 22 519–48

Ingold T 1986 *Evolution and social life* Cambridge Cambridge University Press

Jochim M 1996 Hunting and gathering societies *Encyclopedia of cultural anthropology* Ed by D Levinson and M Ember New York Holt 624–9

Kaplan D 1960 The Law of Cultural Dominance *Evolution and culture* Ed by M D Sahlins and E R Service Ann Arbor University of Michigan Press 69–92

Khazanov A M 1984 *Nomads and the outside world* Cambridge Cambridge University Press

Kirch P V and Green R C 1987 History phylogeny and evolution in Polynesia *Current Anthropology* 28 431–56

Korotayev A V 1995 Mountains and democracy An introduction *Alternative pathways to early state* Ed by N N Kradin and V A Lynsha Vladivostok Dal'nauka 60–74

Kottak C Ph 1980 *The past in the present History, ecology and cultural variation in Highland Madagascar* Ann Arbor University of Michigan Press

Kradin N N 1995a The transformation of political systems from chiefdom to state the Mongolian example 1180(?)- 1206 *Alternative pathways to early state* Ed by N N Kradin and V A Lynsha Vladivostok Dalnauka 136–43

Kradin N N 1995b Introduction From unilinear view to the state origin to multilinear *Alternative pathways to early state* Ed by N N Kradin and V A Lynsha Vladivostok Dalnauka 7–15

Lee R B and I Devore 1968 (eds) *Man the hunter* New York Aldine

Marx K 1964 *Pre capitalist economic formations* Intr by E Hobsbawm London Lawrence and Wishart

Morgan L H 1877 *Ancient society, or researches in the lines of human progress from Savagery through Barbarism to Civilization* (used here the Eleanor B Leacock edition of 1963) Cleveland World Publishing Company

Muller J -C 1985 Political systems as transformations *Development and decline* Ed by H J M Claessen, P van de Velde, and M E Smith South Hadley, MA Bergin & Garvey 62–81

Muller J -C 1996 Ideology and dynamics in Dii chiefdoms A study of territorial movement and population fluctuation *Ideology and the formation of early states,* Ed by H J M Claessen and J G Oosten Leiden Brill 99–115

Murdock G P 1933 *Our primitive contemporaries* New York Columbia University Press

Murdock G P 1968 The current status of the worlds hunting and gathering peoples *Man the hunter* Ed by R B Lee and I DeVore New York Aldine 13–22

Oliver D L 1955 *A Solomon Island society* Boston Beacon

Van Parijs Ph 1981 *Evolutionary explanation in the social sciences An emerging paradigm* Totowa, N J Rowman and Littlefield

Pershits A I 1977 Ethnographic reconstruction of the history of primitive society Goals and possibilities *Ethnography and related sciences* Ed by E Veselkin Moscow Progress 39–54

Persoon G A 1994 *Vluchten of veranderen, processen van verandering en on twikkeling bij tribale groepen in Indonesia* Leiden Ph D thesis

Renfrew C and Cherry J F 1986 (eds) *Peer polity interaction and socio-political change* Cambridge Cambridge University Press

Roymans N 1990 *Tribal societies in northern Gaul, An anthropological perspective* Cingula Series N 12 Amsterdam A E van Giffen Institute for Archeology

Sahlins M D 1961 The segmentary lineage An organization of predatory expan sion *American Anthropologist* 63 332–45

Sahlins M D 1968 Notes on the Original Affluent Society *Man the hunter* Ed by R B Lee and I DeVore New York Aldine 85–9

Sahlins M D 1972 *Stone Age economics* Chicago Aldine

Sahlins M D and Service E R 1960 (eds) *Evolution and culture* Ann Arbor University of Michigan Press

Service E R 1966 *The hunters* Englewood Cliffs, N J Prentice Hall

Service E R 1971 *Primitive social organization* 2nd ed New York Random House

Southall A 1991 The segmentary state From the imaginary to the material means of production *Early state economics* Ed by H J M Claessen and P van de Velde New Brunswick etc Transaction 75 96

Spencer H 1971 *Structure, function and evolution* Edited and with an Introduc tion by S Andreski New York Charles Scribner's Sons

Stauder J 1971 *The Majangir, Ecology and society of a southwest Ethiopian peo ple* Cambridge Cambridge University Press

Steward J H 1955 *Theory of culture change* Urbana University of Illinois Press

Steward J H 1968 Causal factors and process in the evolution of pre-farming so cieties *Man the hunter* Ed by R B Lee and I DeVore New York Aldine 321–34

Testart A 1982 Les chasseurs-cueilleurs, ou l'origine des inugalitus Paris Institut de l'Ethnographie

Tylor E B 1871 *Primitive culture Researches into the development of mythology philosophy, religion, language, art and custom* London Murray

Voget F W 1975 *A history of ethnology* New York Holt, Rinehart and Winston

Wason P K 1995 Social types and the limits of typological thinking in social archaeology *Alternative pathways to early state* Ed by N N Kradin and V A Lynsha Vladivostok Dal'nauka 19–27

White L A 1949 *The science of culture, A study of man and civilization* New York Farrar, Straus and Company

Yoffee N 1979 The decline and rise of Mesopotamian civilization An ethno-ar chaeological perspective on the evolution of social complexity *American Antiquity* 44 5–35

Yoffee N 1993 Too many chiefs? — or, Safe texts for the 90s *Archaeological the ory Who sets the agenda?* Ed by N Yoffee and A Sherrat Cambridge Cambridge University Press 60–78

Д М БОНДАРЕНКО, А В КОРОТАЕВ, Н Н КРАДИН

СОЦИАЛЬНАЯ ЭВОЛЮЦИЯ, АЛЬТЕРНАТИВЫ И НОМАДИЗМ*

Альтернативность в эволюции

Уже при анализе в первом приближении все многообразие путей эволюции можно свести к двум сущностно различным, но во всемирно-историческом масштабе равноценным и одинаково магистральным группам гомологических рядов, ибо любое общество строится по принципу гомоархическому (иерархическому, вертикальному, недемократическому) или же гетерархическому (неиерархическому, горизонтальному, демократическому) Это фундаментальное различие между социумами, в том числе одноуровневыми, вероятно, коренится в природе приматов (см [Бутовская 1994]) и проходит красной нитью через всю социально-политическую историю человечества от так называемых «неэгалитарных» и «эгалитарных» первобытных, в том числе раннепервобытных, сообществ [Khazanov 1985 91–95, Артемова 1993] до современных тоталитарных монархий и республик (см [Bondarenko, Korotayev 2000 6–8]) Следовательно, степень социально-политической иерархизированности общества не является верным критерием оценки уровня его развития, хотя и выдается за таковой сторонниками однолинейных концепций социальной эволюции.

С одной стороны, вопреки марксистским, эволюционистским и неоэволюционистским взглядам, не все ранние человеческие сообщества были эгалитарными, и процесс эволюции не сводился лишь к появлению и последующему нарастанию социально-политической иерархии Напротив, социальное неравенство существует в человеческом обществе изначально С другой стороны, опять же вразрез с постулатами вышеупомянутых теорий, можно привести немало примеров

---

* Кочевая альтернатива социальной эволюции / Под ред Д М Бондаренко, Н Н Крадина М , 2002 (печатается с сокращениями)

© Д М Бондаренко, А В Коротаев, Н Н Крадин, 2007

сложных неиерархических обществ, в совокупности образующих эволюционный ряд, альтернативный чрезвычайно широко распространенной в современной науке однолинейной схеме форм-стадий социально-политической организации «локальная группа — племя (или независимая община) — *вождество* — сложное вождество — государство».

А ведь критерий построения этой до 1990-х гг. едва ли не канонизированной схемы — нарастание иерархичности от этапа к этапу, т. е. степень иерархизированности социума, как отмечалось выше, выдается за главную и по сути дела единственную «лакмусовую бумажку» уровня его развития. Как писала несколько лет назад Э. М. Брумфил, «сопряжение [социально-политической] дифференциации с иерархией столь крепко в наших умах, что требуется огромное интеллектуальное усилие даже для того, чтобы представить, какой могла бы быть дифференциация без иерархии» [Brumfiel 1995: 130].

Само существование сложных, но не иерархически организованных обществ, как правило, если и признается (например, в рамках такого неоэволюционистского течения, как холокультурализм), то считается исторической случайностью, аномалией. Подобные социумы провозглашаются способными достигать лишь невысоких уровней сложности, им отказывается в возможности обретения внутренней стабильности [Tuden, Marshall 1972: 454 – 456].

В то же время на последующих уровнях анализа становится ясно, что дихотомия «иерархически (вертикально, недемократически) организованное общество — социум, выстроенный неиерархически (горизонтально, демократически)» отнюдь не сверхжесткая. С одной стороны, несомненно, что в действительности в системе функционирования любого общества могут быть выделены и вертикальные (господство — подчинение), и горизонтальные (равноправные) связи. Таким образом, в действительности любое общество, даже самое «эгалитарное», иерархично. Социумы, обозначенные здесь как «неиерархические», на самом деле также обладали внутренней иерархией. С другой стороны, по ходу истории общества оказываются в состоянии радикально менять модель своей социально-политической организации, в процессе усложнения превращаясь из иерархических в неиерархические или же, наоборот, — из демократических в недемократические. Однако также известно немало случаев сохранения обществами прежнего уровня сложности и интегрированности при переходе с одного эволюционного «гомологического ряда» в другой.

Следует отметить, что переход от более иерархичной структуры к менее иерархичной при условии не понижения меры приспособленности организма к окружающей среде не рассматривается как признак его деградации, регресса и в современной биологической теории эволю-

ции. Заложивший ее основы А. Н. Северцов назвал этот вид эволюции «ароморфозом» [Северцов 1967].

И государство как таковое, даже раннее государство, не универсально: история знает общества, которые, с одной стороны, не были государственными, а с другой стороны, не уступали государствам в степени социокультурной сложности и уровне развития всех подсистем, в способности адекватно отвечать на серьезные «вызовы» среды. То есть общества, о которых здесь идет речь, представляют воплощения альтернативных государственному «проектов» социально-политической эволюции.

Бесспорно, из всех типов обществ, альтернативных государству, ярчайший след в истории и культуре человечества оставил греческий полис. Едва ли у кого-то когда-либо возникали сомнения в высоком, не уступающем государственному уровне развития многих полисов, в особенности классического периода. Однако и мысль, время от времени высказывавшаяся с давних пор, — о негосударственном характере этой формы социально-политической организации, — как представляется, ныне получила обоснование благодаря трудам М. Берента [Берент 2000]. И это притом, что, опять же вопреки весьма распространенному в науке мнению, полис как форма социально-политической организации был известен далеко за пределами античного мира — и в географическом, и в хронологическом отношении [Бондаренко, Коротаев 1999].

Греческого полиса — одного из источников и первооснов современной западной цивилизации — уже было бы достаточно для того, чтобы важность исторического и культурно-антропологического изучения феномена сверхсложных, но не государственных социумов оказалась осознанной исследователями, а сами социумы такого рода не относились к «боковым линиям» процесса политогенеза. Но в контексте проблемы не универсальности государства в качестве альтернатив ему можно привести, скажем, и такие своеобразные примеры, как общества туарегов Сахары XIX в., исландцев до середины XIII в. или Казачье Войско до конца XVII столетия. Примеры в данном случае можно было бы приводить еще довольно долго. И греческий полис, и социально-политические образования туарегов, исландцев, казаков были организованы демократически. Таким образом, возможно рассмотрение как альтернативных друг другу эволюционных путей, которые вели общества к политической централизации и отделению власти от народа, и путей, обусловивших существование социумов, основу которых составляло развитие демократических общинных начал и институтов самоуправления.

Однако и эта схема, как и та, однолинейная, что уже давно утвердилась в науке, есть лишь идеальные логические модели. Вовсе не в

каждом конкретно-историческом случае — не в каждом обществе на протяжении периода его существования та или иная из этих схем реализуется в полном объеме и без пересечений с другим эволюционным рядом Так, данные по Бенину XIII–XIV вв показывают, что не только неиерархические, но и иерархические общества могут, достигая очень высокого (несопоставимого с характерным для сложного вождества) уровня развития и социокультурной сложности, будучи в большой степени политически централизованными, так никогда и не трансформироваться в государство Бенинский материал свидетельствует и о том, что автономность общины не является гарантией движения социума по неиерархическому пути эволюции С другой стороны, традиционная схема не предполагает существования общинной автономии при недемократичности надобщинных институтов и общей иерархичности общественно-политической системы социума Однако именно такая ситуация сложилась в Бенине [Бондаренко 1995] В целом же характер того или иного сложного общества, как представляется, в большей мере определяется не тем, как соотносятся локальный и надлокальные уровни организации общества, а спецификой локального (субстратного) института — общины [Бондаренко, Коротаев 1999]

Итак, альтернативность по отношению друг к другу характеризует не только две основные макрогруппы человеческих сообществ — социумы иерархические и неиерархические Альтернативность существует и внутри каждой из них В частности, на высшей ступени сложности и интегрированности социально-политической организации государство (по крайней мере, в доиндустриальном мире) «конкурирует» не только с неиерархическими системами институтов (например, с полисом), но и с некоторыми формами общественной организации, не менее иерархичными, чем оно само Одним из примеров здесь, безусловно, может служить в высокой степени и весьма жестко политически иерархизированное, территориально крупное, могущественное политическое образование зулусов первой половины XIX в

Альтернативу государственным могут составлять и общества с глубоко разработанной жесткой кастовой системой [Quigley 1999. 114 169, Kobishchanov 2000 64] Кстати, и в демократической части спектра типов социально-политического устройства гражданские общины-полисы имеют альтернативы не только в виде иерархических систем институтов, но и в лице уже упомянутых исландской, казацкой, а также некоторых других общественных моделей

А что же кочевники? В какую из перечисленных альтернатив вписываются они? Или, может быть, для них был характерен свой самостоятельный путь эволюции?

Кочевая альтернатива

Социальная эволюция кочевников-скотоводов изучена хуже, чем проблемы генеральной эволюции В трудах теоретиков модернизации и неоэволюционистов проблема социальной эволюции кочевников-скотоводов не является широко обсуждаемой В обобщающих эссе по культурной эволюции главное внимание уделено процессам роста аграрных культур и цивилизаций Редкие авторы включали кочевников в свои схемы культурной интеграции Пожалуй, единственное исключение — книга Л Крэдера [Krader 1968] о происхождении государства, симпатии этого автора к кочевниковедческой проблематике были обусловлены собственными научными интересами

Большее внимание этой проблеме уделили марксистские антропологи в ходе так называемой дискуссии о «кочевом феодализме» Дискуссия прошла несколько этапов До середины 1930-х гг были высказаны практически все основные точки зрения на природу кочевых обществ (от первобытнообщинных до развитых феодальных) После 1934 г. утверждается так называема теория «кочевого феодализма» Было выдвинут несколько версий этой теории, но постепенно возобладало упрощенное сталинское понимание степного феодализма С середины 1950-х гг начинаются внутренние брожения — высказываются новые интерпретации феодализма у номадов, согласно которым главным средством производства в степных обществах являлся скот В годы «оттепели» появились и другие точки зрения

Постепенно сформировалась богатая палитра мнений об общественном строе кочевников-скотоводов одни ученые считали, что кочевники самостоятельно могли достигнуть только предгосударственного развития, другие полагали, что наиболее крупные объединения степняков имели оформившийся раннегосударственный характер, по мнению третьих, номады достигали стадии феодализма, четвертые отстаивали тезис об особом номадном способе производства

В первое постсоветское десятилетие эта дискуссия продолжалась в основном в русскоязычной литературе (подробнее см [Крадин 2001а, 2001б]) При этом фигурировали, в той или иной степени, все высказывавшиеся ранее точки зрения Однако наибольшее внимание привлекли попытки обосновать особый путь развития обществ кочевников-скотоводов Предмет дискуссии сконцентрировался вокруг вопроса что является основой специфичности номадизма — внутренняя природа скотоводства, являющаяся основой так называемого *номадного* способа производства, или же особенности внешней адаптации кочевников к земледельческим «мир-империям»? В то же время в условиях преодоления формационного монизма появились попытки рассмотреть кочевничество с точки зрения цивилизационного под-

хода, обосновать существование в истории особой «кочевой цивилизации».

Совершенно очевидно, что кочевники-скотоводы создавали самые разнообразные по степени сложности формы политической организации. Наименее сложную форму политической системы можно обнаружить, например, у африканских нуэров. Это сегментарные деревенские и линиджные фракции, объединенные отношениями реального и фиктивного родства в рыхлые неструктурированные объединения численностью до нескольких десятков тысяч человек. Они не имели никаких общеплеменных органов управления. Единственная политическая фигура — «вождь в леопардовой шкуре», выполняющий при конфликтах функции посредничества [Эванс-Притчард 1985].

Более сложная племенная модель была характерна для многих кочевников-скотоводов Северной Африки и Евразии (арабов, туарегов, пуштунов и др.). Их племена делились на отдельные роды (кланы), которые в свою очередь дробились на более мелкие родственные подразделения вплоть до небольших общин или домохозяйств. Власть вождей была невелика. В их обязанности могли входить следующие задачи: организация военных походов и распределение добычи, руководство перекочевками, разрешение споров по поводу территорий, угона скота, нарушения обычаев, по членовредительству и убийствам и пр. Вожди не обладали иной возможностью воздействия на соплеменников, кроме как силой собственного убеждения, авторитетом или, наконец, угрозами применения своих магических способностей. У одних номадов (белуджи, туареги) вожди занимались отправлением всех функций, у других — могло быть, например, разделение на гражданских и военных вождей (бедуины).

Следующая по степени сложности модель политической системы – вождество — стратифицированное общество, основанное на иерархии и неравном доступе к ресурсам...

С точки зрения антропологических теорий социальной эволюции ключевой проблемой является вопрос о том, могли ли кочевники создавать собственную государственность? Имеются две наиболее популярные группы теорий — «интегративная» и «конфликтная», объясняющие процесс возникновения государства. Однако ни с той, ни с другой точки зрения нельзя считать, что государственность была для кочевников внутренне необходимой. Все основные экономические процессы в скотоводческом обществе осуществлялись в рамках отдельных домохозяйств. По этой причине необходимости в специализированном «бюрократическом» аппарате, занимающемся управленческо-редистрибутивной деятельностью, не было. С иной стороны, все социальные противоречия между номадами решались в рамках традиционных институтов поддержания внутренней политической стабиль-

ности. Сильное давление на кочевников могло привести к откочевке или к применению ответного насилия, поскольку каждый свободный номад был одновременно и воином [Крадин 1992].

Нужда в объединении кочевников возникает только в случае войн за ресурсы существования, организации грабежей земледельцев или экспансии на их территорию, при установлении контроля над торговыми путями. В данной ситуации складывание сложной политической организации кочевников в форме «кочевых империй» есть одновременно и продукт интеграции, и следствие конфликта (между номадами и земледельцами). Кочевники-скотоводы выступали в данной ситуации как «класс-этнос» и специфическая «**ксенократическая**» (от греч. «*ксено*» — наружу и «*кратос*» — власть) политическая система. Образно можно сказать, что они представляли собой нечто вроде «надстройки» над оседло-земледельческим «базисом». С этой точки зрения создание «кочевых империй» — это частный случай популярной в свое время «завоевательной» (Л. Гумплович, Ф. Оппенгаймер) теории политогенеза, согласно которой война и завоевание являются предпосылками для последующего закрепления неравенства и стратификации.

Все это предопределило двойственную природу «степных империй». Снаружи они выглядели как деспотические завоевательные государственноподобные общества, так как были созданы для изъятия прибавочного продукта извне степи. Но изнутри «кочевые империи» оставались основанными на племенных связях без установления налогообложения и эксплуатации скотоводов. В кочевых империях отсутствовал главный признак государственности. Согласно многим современным теориям политогенеза, главным отличием догосударственных структур от государственности является то, что правитель вождества обладает лишь консенсуальной властью, т. е. по сути авторитетом, тогда как в государстве правительство может осуществлять санкции с помощью легитимизированного насилия [Claessen and Skalnik 1978: 21–22, 630, 639–40 ets.]. Сила власти правителя степного общества, как правило, основывалась не на возможности применить легитимное насилие, а на его умении организовывать военные походы и перераспределять доходы от торговли, дани и набегов на соседние страны.

Вне всякого сомнения, данную политическую систему нельзя считать государством. Однако это не свидетельство того, что такая структура управления была примитивной. Сложные общества — то, что Г. Чайлд называл цивилизацией, — могли появляться без бюрократической организации управления. Глубокие исследования специалистов в области истории античности показывают, что греческий и римский полисы также не могут считаться государствами. Государственность

с присущей ей бюрократией появляется здесь достаточно поздно — в эпоху эллинистических государств и в императорский период истории Рима [Берент 2000]...

Для подобных обществ, более многочисленных и структурно развитых, чем *сложные* вождества, но в то же самое время не являющихся государствами (даже «зачаточными» *ранними государствами*), был предложен термин **«суперсложное вождество»** [Крадин 1992: 152]...

В теориях социальной эволюции простые вождества представляют собой группу общин, иерархически подчиненную одному вождю. Сложные вождества — это иерархически организованная совокупность нескольких простых вождеств. Однако суперсложное вождество — это не механическая группа сложных вождеств. Отличия здесь не количественного, а качественного характера. При простом объединении нескольких сложных вождеств в более крупные политии последние без аппарата власти редко оказываются способными справиться с сепаратизмом субвождей. Принципиальным отличием суперсложных вождеств является появление механизма **наместников**, которых верховный вождь посылал управлять региональными структурами. Это еще не аппарат власти, поскольку количество таких лиц невелико. Однако это важный структурный импульс к последующей политической интеграции; в то же время нам кажется, что в наиболее развитой форме он характерен больше для номадических, чем для оседло-земледельческих обществ.

Способом поддержания структурного единства «имперской конфедерации» кочевников был институт наместников. Административно-иерархическая структура степной империи включала несколько уровней. На высшем уровне держава делилась на две или три части – «левое» и «правое» крылья, либо «центр» и крылья. В свою очередь «крылья» могли делиться на «подкрылья». На следующем уровне данные сегменты подразделялись на «тьмы» — военно-административные единицы, которые могли выставить примерно по 5–10 тыс. воинов. В этнополитическом плане данные единицы должны были примерно соответствовать племенным объединениям или сложным вождествам. Последние, в свою очередь, делились на более мелкие социальные единицы — вождества и племена, родоплеменные и общинные структуры разной степени сложности, которые в военном отношении соответствовали «тысячам», «сотням» и «десяткам». Начиная от уровня сегментов порядка «тьмы» и выше, включавших несколько племенных образований, административный и военный контроль вверялся специальным наместникам из ближайших родственников правителя степной империи и лично преданных ему лиц. В немалой степени именно от этих наместников зависело, насколько метрополия будет иметь власть над

племенами и вождествами, входившими в имперскую «конфедерацию» [Крадин 1996].

Суперсложное вождество в форме кочевых империй — это уже реальный прообраз раннего государства. Данные вождества имели сложную систему титулатуры вождей и функционеров, вели дипломатическую переписку с соседними странами, заключали династические браки с земледельческими государствами и соседними кочевыми империями. Для них были характерны зачатки урбанистического и монументального строительства и иногда даже письменность. С точки зрения соседей такие кочевые общества воспринимались как самостоятельные субъекты международных политических отношений.

Могли ли вождества суперсложного типа создаваться оседло-земледельческими народами? Известно, что численность сложных вождеств измеряется, как правило, десятками тысяч человек и они, как правило, этнически гомогенны. Однако население многонационального суперсложного вождества составляет многие сотни тысяч человек и даже больше (кочевые империи Внутренней Азии — до 1–1,5 млн человек). Территория суперсложных вождеств кочевников была в несколько порядков раз больше площади, необходимой для простых и сложных вождеств земледельцев (для номадов более характерна такая плотность населения, которая у земледельцев чаще встречается в доиерархических типах общества и в вождествах). В то же время на территории сопоставимой с размерами любой кочевой империи, могло бы проживать в несколько порядков раз больше земледельцев, которые вряд ли могли управляться догосударственными методами регулирования.

Управление таким большим пространством у кочевником облегчалось спецификой степных ландшафтов и наличием мобильных верховых животных. С другой стороны, всеобщая вооруженность кочевников, обусловленная отчасти их дисперсным (рассеянным) расселением, их мобильность, экономическая автаркичность, воинственный образ жизни на протяжении длительного исторического периода, а также ряд иных факторов, мешали установлению стабильного контроля над скотоводческими племенами и отдельными номадами со стороны высших уровней власти кочевых обществ. Исходя из этого, можно предположить, что суперсложное вождество если и не являлось характерной исключительно для кочевников формой политической организации, то, во всяком случае, именно у номадов получило наибольшее распространение как в виде могущественных «кочевых империй», так и в форме подобных им квазимерских ксенократических политий более меньшего размера.

Для суперсложных вождеств кочевников-скотоводов присущи некоторые черты, которые не были характерны для оседло-земледель-

ческих вождеств и государств К их числу следует отнести особый дуально-триадный (крылья, центр) принцип административного деления империи, тотальную пронизанность всех уровней политической иерархии родоплеменными отношениями, поголовное включение всех мужчин в число воинов, особую политику рэкетирования оседло-земледельческих обществ и др Некоторые из перечисленных черт могут быть обнаружены не только в доиндустриальных кочевых империях, но и в ряде современных государств Средней и Центральной Азии Все это, позволяет сделать вывод об особой линии социальной эволюции, характерной для кочевников-скотоводов

ЛИТЕРАТУРА

Артемова О Ю Первобытный эгалитаризм и ранние формы социальной дифференциации // Ранние формы социальной стратификации генезис, историческая динамика, потестарно-политические функции / Отв ред В А Попов М , 1993 С 40–70

Берент М Безгосударственный полис раннее государство и древнегреческое общество Альтернативные пути к цивилизации / Отв ред Н Н Крадин А В Коротаев и др М , 2000 С 235–258

Бондаренко Д М Бенин накануне первых контактов с европейцами Человек Общество Власть М , 1995

Бондаренко Д М , Коротаев А В Политогенез, «гомологические ряды» и нелинейные модели социальной эволюции (К кросскультурному тестированию некоторых политантропологических гипотез) // Общественные науки и современность 1999 №5 С 128–138

Бутовская М Л Универсальные принципы организации социальных систем у приматов включая человека Автореф докт дис М , 1994

Крадин Н Н Кочевые общества Владивосток Дальнаука, 1992

Крадин Н Н Империя Хунну Владивосток Дальнаука, 1996

Крадин Н Н Кочевничество в современных теориях исторического процесса // Время мира Альманах Вып 2 Структуры истории Новосибирск, 2001а С 369 396

Крадин Н Н Общественный строй кочевников дискуссии и проблемы // Вопросы истории, 2001б №4 С 21–32

Северцов А Н Главные направления эволюционного процесса 3-е изд М Наука, 1967

Эванс-Притчард Э Нуэры М Наука, 1985

Bondarenko D M , Korotayev A V 2000 (eds) *Civilizational Models of Politogenesis* Moscow

Brumfiel E M 1995 Heterarchy and the Analysis of Complex Societies Comments *Heterarchy and the Analysis of Complex Societies* Ed by R M Ehrenreich, C L Crumley and Levy JE Arlington 125–131

Claessen H J M and Skalnik P 1978 (eds) The Early State The Hague Mouton

Kobishchanov Yu M 2000 The Community-Caste Systems *Hierarchy and Power in the History of Civilizations* Ed by D M Bondarenko and I V Sledzevski Moscow 63–64

Krader L 1968 *Formation of the State* Englewood Cliffs

Quigley D 1999 *The Interpretation of Caste* New Delhi

Tuden A , Marshall C Political Organization Cross-Cultural Codes 4 // Ethnology 1972 Vol 11 P 436 — 464

Н Н КРАДИН

ВОЖДЕСТВО ПО ДАННЫМ АРХЕОЛОГИИ И ЭТНОЛОГИИ*

Термин «чифдом» (chiefdom) — его аналог в русскоязычной научной литературе понятие «вождество» — обозначает такой тип социально-политической организации, который упрощенно может быть обрисован следующим образом это социальный организм, состоящий из группы общинных поселений, иерархически подчиненных центральному, наиболее крупному из них, в котором проживает правитель (вождь) Последний, опираясь на зачаточные органы власти, организует экономическую, редистрибутивную, судебно-медиативную и религиозно-культовую деятельность общества Первоначально термин был выработан для обозначения только социополитической организации, но сейчас им нередко пользуются и в более широком смысле для обозначения позднепервобытного, предклассового общества в целом

Теория вождества принадлежит к числу наиболее фундаментальных достижений западной политантропологии В рамках неоэволюционистской схемы уровней социальной интеграции (локальная группа — община — вождество — раннее государство — национальное государство) вождество занимает среднюю ступень Однако, как заметил Р Карнейро, появление вождеств стало первым в истории человечества опытом введения политической иерархии и преодоления локальной автономии общин Это был принципиальный шаг в эволюции социальной организации, и последующее возникновение государства и империи явилось лишь количественными изменениями [Carneiro 1981]

История открытия и последующего развития теории вождества была подробно освещена в зарубежной и отечественной [Васильев 1981] литературе Особенно ценен в этом отношении блестящий обзор

* Ранние формы политической организации / Под ред В А Попова М Восточная литература, 1995 (печатается с сокращениями)

© Н Н Крадин, 2007

Т. Эрла [Earle 1987], в котором отреферировано около 250 исследований по данной проблематике. В то же время следует отметить, что наиболее фундаментальные стороны теории вождеств были сформулированы в трудах Э. Сервиса [Service 1975]...

Долгое время развитие позднепервобытных обществ в марксистской археологии и этнологии было принято рассматривать, по Ф. Энгельсу, в рамках концепции военной демократии... Примерно с начала 70-х гг. получила распространение точка зрения, что военная демократия в классическом (по Л. Моргану и Ф. Энгельсу) виде не являлась непосредственным предшественником государственности, а сменялась другими предгосударственными формами, в которых большинство населения уже было отстранено от управления обществом, но еще отсутствовали эксплуатация, классы и политическая организация... В 1979 г. А. М. Хазанов предложил использовать для характеристики данного типа обществ термин «вождество», производный от английского оригинала «chiefdom» [Хазанов 1979]... К концу 80-х гг. многие советские ученые уже использовали в своих исследованиях термины «вождество» или «чифдом», они нашли отражение в учебной и справочной литературе [Першиц 1988]...

Современные представления об основных характеристиках вождеств базируются на гигантском количестве этнографического материала, собранного исследователями практически на всех континентах земного шара (за исключением, пожалуй, Европы)... В этом плане уникальными являются данные по доисторическому прошлому Океании. Европейские мореплаватели, торговцы и путешественники XVIII–XIX вв. могли вживую увидеть настоящие вождества, и их записки и сочинения стали фундаментом для последующих поколений профессиональных исследователей... Другой перспективный регион в отношении комплексных исследований — Центральная и Южная Америка... Северная Америка также дает хороший пример возможности для осуществления археологическо-этноисторического синтеза... Европейская доистория лишена этнографической базы. Однако это компенсируется прекрасной археологической изученностью континента (в данном отношении только Япония, возможно, может конкурировать со Старым Светом), что позволяет подробно в деталях проследить различные варианты динамики эволюции чифдомов на протяжении нескольких тысячелетий...

Если суммировать различные точки зрения, выдвигавшиеся в разные годы различными авторами на сущность вождества, то можно выделить следующие основные признаки этой формы социополитической организации:

1) вождество — это один из уровней социокультурной интеграции, который характеризуется наличием надлокальной централизации

сравнительно большой численностью населения и сплочением трудовых ресурсов;

2) в вождестве существуют иерархическая система принятия решений и институты контроля, но отсутствует узаконенная власть, имеющая монополию на применение силы;

3) в вождестве существует четкая социальная стратификация, имеются тенденции к отделению эндогамной элиты от простых масс в замкнутое сословие;

4) важную роль в экономике играет редистрибуция — перераспределение прибавочного продукта по вертикали;

5) чифдом как этнокультурная целостность характеризуется общей идеологической системой и/или общими культами и ритуалами;

6) правитель вождества имеет ограниченные полномочия, а чифдом в целом является структурой, не способной противостоять распаду;

7) верховная власть в вождестве имеет сакрализованный, теократический характер...

Неоэволюционистская схема стадий социокультурной интеграции используется для классификации обществ с похожей шкалой внутренней организации. При этом общества, находящиеся на различных ступенях эволюции, сталкиваются с различными организационными проблемами и стрессами. Рано или поздно количество стрессов увеличивается до максимального порога так, что управляющая подсистема не справляется с принятием решений. На этом этапе либо разрушается вся система, либо, если аппарат принятия решений способен внутренне преобразоваться, она трансформируется в организационно более сложную систему.

Вождество в этой схеме понимается как промежуточная стадия интеграции между акефальными обществами и бюрократическими государственными структурами. Увеличение размеров горизонтально организованной неиерархической надлокальной социальной системы возможно до определенного порога. При чрезмерном увеличении нагрузки уменьшается эффективность существующей организации принятия решений. Чтобы справиться с возникшими перегрузками, необходимо ввести организационную иерархию, т. е. сформировать такую надлокальную структуру управления, как вождество [Cohen 1981]. В этом смысле появление вождеств может быть сопоставимо с такими важными скачками в человеческой истории, как «неолитическая», «городская» и «индустриальная» революции, и данный процесс можно обозначить как управленческую революцию.

Подход к вождеству с точки зрения теории принятия решений был переведен Р. Адамсом в энергетические категории [Adams 1975]. Он рассматривал различные таксономические формы человеческих сооб-

ществ от временных агрегатных коллективов, не имеющих выраженной структуры, до гигантских деспотических и тоталитарных империй. По Р. Адамсу, любое стабильное человеческое сообщество является открытой энергетической системой, которая обменивается энергией с внешней средой и преобразует эту энергию. Любая система стремится к уменьшению внутренней энтропии. Лучше это получается у тех систем, которые оптимизируют механизмы хранения и использования потоков энергии.

Именно в таком контекстуальном ключе Р. Адамс подходит к вождеству. Он рассматривает чифдом как особый уровень интеграции, в котором контроль над энергией принимает иерархически централизованный, отделенный от широких масс характер. Централизованная организация перераспределения является энергетической основой стратификации в чифдоме. Вождь независим в принятии решений, хотя источники и функции его власти ограничены.

Это важный шаг в истории социальных систем, поскольку концентрация власти в руках немногих способствует лучшей «энергетической адаптации» сообщества к внешней среде. Для закрепления данных принципов общественной структуры используются механизмы сакрализации правителя, передачи власти по наследству, ограничения доступа к управлению на основе эндогамии. Насколько широко вождество было распространено во всемирной истории? Выше я уже отмечал, что на Западе лишь немногие авторы склонны выводить чифдом за рамки обязательных этапов социокультурной эволюции. Среди отечественных исследователей, которые активно используют в своих работах это понятие, по данному вопросу также нет единства: одни поддерживают тезис об универсальности вождеств, другие отрицают его... *Среди ряда исследователей прослеживается тенденция рассматривать понятия «чифдом» и «военная демократия» как синонимы.*

Последнее обстоятельство вынуждает обратить внимание на различия между данными дефинициями. *Военная демократия как «идеальный тип» общества — это горизонтально организованная политическая структура.* В ней динамически сосуществуют три равноправных органа управления: народное собрание (или собрание воинов), совет старейшин и вождь. В чифдоме народ отстранен от непосредственного управления. Вождество является не горизонтально, а иерархически организованной формой управления. Следовательно, вождество более сложная структура управления и власти.

Все показатели в обществах уровня вождеств, в сравнении с обществами стадии военной демократии, выглядят в более развитой форме. Вождества более централизованы, в них более ярка иерархия поселений, более явно выражена социальная стратификация общества

В вождествах гораздо сильнее развита внутренняя структура власти, прослеживаются тенденции к сакрализации персоны верховного правителя и к расслоению аристократии на управленческую, военную и жреческую. Наконец, в вождествах присутствует редистрибутивная система распределения прибавочного продукта.

В то же время военная демократия — это начальная фаза только одного из возможных вариантов происхождения государственности, так называемого «военного» пути политогенеза. В процессе эволюции она трансформируется в «военно-иерархические» и «военно-олигархические» структуры. Напротив, вождества могли быть не только «военно-иерархическими», но и «аристократическими» или «теократическими» и, возможно, какими-нибудь еще. Поэтому исторически вождество можно рассматривать еще и как более распространенную форму социополитической организации, чем военно-демократические структуры... Были и другие формы перехода от предклассовых обществ к раннеклассовым. Представляется, что их существовало как минимум два.

Первый вариант был связан со специфическим путем социальной эволюции — генезисом классов и государства на основе трансформации протополисной («античной», по К. Марксу) общины в классическую полисную структуру. Ее основу составляло не отстранение масс от управления обществом (как в чифдоме), а, напротив, широкое привлечение всех субъектов — граждан полиса к политической жизни города-государства.

Второй вариант был связан с завоеванием неиерархической потестарной структурой (теоретически аналогичной ирокезским «племенам» или «союзам племен», по описанию Л. Моргана) более развитого социального организма и установлением суперстратификации, с последующей трансформацией межэтнических противоречий в классовые. В такой ситуации довождеская структура сразу трансформировалась в государство. В качестве примера можно указать на генезис Спарты, однако, наверное, наиболее часто такой вариант политогенеза встречался у кочевников-скотоводов, завоевывавших и эксплуатировавших земледельцев.

Поскольку затронутым оказалось и такое дискуссионное понятие, как «племя», то имеет смысл остановиться на его соотношении с терминами «военная демократия» и «вождество». *Понятие «племя» можно понимать двояким образом: как один из типов этнических общностей на ранних этапах исторического процесса или как специфическую форму социальной организации и структуры управления, характерную для первобытности.* Применительно ко второму пониманию понятия «племя» традиционно принято выделять две его исторические формы. Более ранние архаические племена представляли

собой аморфные, не имеющие четких структурных границ и общего руководства совокупности сегментов различных таксономических уровней. Эти сегменты объединялись отношениями реального и фиктивного родства, имели единую территорию обитания, общее название, систему ритуалов и церемоний, возможно, собственный языковой диалект. Одна из наиболее удачных характеристик такой формы социальной организации, возможно, была сделана на примере нуэров Восточной Африки Э. Эвансом-Притчардом [Эванс-Притчард 1985].

Вторичная форма племени являлась политически более интегрированной структурой и имела зародышевые органы общеплеменной власти: народное собрание, совет старейшин и военных и/или гражданских вождей. В несколько идеализированном виде этот тип социальной организации был обрисован Л. Морганом в «Древнем обществе» на примере ирокезов (современные исследования показывают, что у них было вождество). Впоследствии выводы Л. Моргана по данному вопросу активно обсуждались в западной антропологии и в настоящее время большинство зарубежных исследователей считают, что племена возникали только как следствие внешнего давления развитых государственных обществ на безгосударственные и такая форма социальной организации имела только вторичный характер...

В целом понятия «вождество» и «племя» соотносятся между собой как более развитая форма с генетически связанной, но менее развитой формой. Их соотношение находится примерно в том же контексте, что и соотношение между терминами «вождество» и «военная демократия» (в то же время «племя» логически более распространенная форма, чем «военная демократия»). Однако понятия «вождество» и «племя» должны рассматриваться в логической оппозиции как централизованное и децентролизованное состояния социальной системы. Их соотношение должно быть примерно в том же смысле, что и соотношение понятий «общинно-кочевое» и «военно-кочевое» состояния номадизма, разработанных Г. Е. Марковым [1970].

Иными словами, если племя в теоретической модели можно представить как определенную совокупность сегментов, объединенных лишь зародышевыми формами управления, то теоретическая модель вождества могла бы выглядеть следующим образом: в принципе тот же набор сегментов, однако объединенных на основе централизованной власти иерархической системы принятия решений.

Такое разграничение важно по двум причинам: во-первых, на протяжении всей истории эволюции вождеств их распад и возвращение общества в доиерархическое состояние случались неоднократно (а для кочевых обществ это было широко распространенной закономерностью), что должно быть зафиксировано не только в конкретно-исторических исследованиях, но и на теоретическом уровне; во-вторых,

в западной антропологии племя признано исключительно вторичной формой, и сейчас его, к сожалению, не принято включать в число основных шкал социокультурной интеграции.

Глубоко сомнительна продуктивность такого шага. Между отдельной общиной и вождеством слишком большая социальная дистанция. Я могу только согласиться с авторитетным мнением Р. Адамса, сказавшего по данному поводу, что если бы термина «племя» не существовало, то его следовало бы придумать [Adams 1975: 145, 228]. Возвращение племени в эволюционный ряд форм политической интеграции намного лучше позволяет понять процесс того, как автономные локальные группы, линиджи, кланы и общинные поселения объединялись в единую политическую сеть и только затем в пространстве этих связей выкристаллизовывалась экономическая, социальная и культурная централизация...

В политантропологической литературе неоднократно подчеркивалась двойственность, амбивалентность представлений о власти в раннеклассовых обществах. Однако вопрос должен быть поставлен гораздо шире: в принципе можно говорить об асимметричном характере любой власти и двойственности подходов к ее изучению... Такая двойственность отразилась и в неодинаковом понимании структуры власти в вождестве. В то же время многими авторами справедливо разделяется точка зрения о принципиальном отличии механизмов соперничества за власть в вождествах от аналогичных процессов отбора в более ранних потестарных структурах. Если в эгалитарных обществах соперничество за лидерство осуществлялось на индивидуальном и внутриобщинном уровнях, то вождества являлись надобщинной организацией, и поэтому динамика конкуренции кандидатов в вожди выходит на новый, междеревенский уровень.

Большинство исследователей не склонны сводить власть вождей к какому-либо одному фактору и выделяют большое число каналов развития отношений власти. Можно выделить основные и неосновные факторы. К числу основных каналов можно отнести управленческие и редистрибутивные обязанности вождей, контроль над продуктивными ресурсами. Среди других можно указать контроль над внутренним и внешним обменом или торговлей, контроль над ремесленным производством, идеологию, военные функции вождей и пр....

Организационно-управленческие функции. Данные функции объективно являлись одним из ведущих каналов установления власти правителей в вождествах. Это очевидно, поскольку без введения иерархии в управлении любая сложная система не способна адекватно реагировать на внешние возмущения и на внутренние стрессы и в конечном счете обречена на распад.

Самую простую модель зависимости между управлением и властью

предложил еще К. Виттфогель. По его мнению, введение ирригации является исходным пунктом «организационной революции», и только сильная деспотическая власть могла построить трудоемкие оросительные сооружения и поддерживать их в порядке. В «гидравлической теории» возникновения государства К. Виттфогеля гавайские вождества выступают одним из главных примеров происхождения деспотической власти из необходимости организации ирригационных работ [Wittfogel 1957]... История ряда исследованных современными антропологами обществ (Танзания, Шри-Ланка, Япония, Южный Ирак, о-в Бали) показывает, что существование ирригации совсем не обязательно предполагает деспотическую власть.

Тем не менее организационно-управленческие функции объективно являлись одним из ведущих путей развития власти элиты. Вождество представляет собой сложную иерархическую систему, объединяющую совокупность локальных общинных поселений. Такие предпосылки и составляющие процесса возникновения вождеств, как рост прибавочного продукта вследствие перехода к «производящему» хозяйству, усложнение экономической инфраструктуры, увеличение количества населения и т. д., приводили к необходимости усложнения управляющей подсистемы. Для того чтобы регулировать процессы в таком обществе, необходимо было заменить выработанные в более эгалитарных общественных структурах системы политического лидерства на более сложные.

С одной стороны, чтобы управлять чифдомом, уже недостаточно того набора личных качеств, который традиционно был необходим для предводителей типа главаря локальной группы охотников-собирателей или общинного старейшины, или, наконец, бигмена. С другой стороны, для выполнения управленческих обязанностей нужны были не эпизодические, а регулярные органы власти. В силу этого происходит, во-первых, выделение в вождестве специальных лиц, которые бы помогали правителю в управленческой деятельности; во-вторых, новый круг функций требовал специальной подготовки правителя общества.

Однако процесс освобождения вождей от участия в непосредственном производстве прибавочного продукта произошел не сразу. Существует масса промежуточных форм и вариаций. В Полинезии, например, на Пуапуке и Футуне вожди сами занимались добычей пищи. Но на Самоа они уже были освобождены от непосредственного труда, а на Таити и Тонга к вождям, не занимавшимся физическим трудом, прибавились члены их семей и ближайшее окружение.

Постепенно во многих позднепервобытных обществах вырабатывались представления об отрицательной, магической силе власти и о том, что только вожди и их родственники обладают набором специфических качеств, позволяющих правильно распорядиться властью, уста-

новить контакты с потусторонним миром, чтобы благоприятствовать своему обществу со стороны сверхъестественных сил. Простому народу эти качества недоступны, более того, попавшая в его руки власть может стать опасной и нанести вред ему лично и всем окружающим. Вследствие этого постепенно формируется тенденция к сохранению власти и должности в рамках одной родственной линии. Вырабатывается принцип так называемого конического клана. Сокращается круг возможных претендентов на власть.

С одной стороны, здесь отражается субъективное стремление правителя благоприятствовать своим потомкам и родственникам в их будущей деятельности. С другой стороны, в этом процессе отражается определенная необходимость, поскольку именно вождю было гораздо проще передать своим потомкам набор тех полезных качеств, который был необходим при управлении обществом. И, наконец, в этом заключался важный объективный стабилизирующий момент, так как узаконенное ограничение доступа к власти-должности посредством установленными в традиции нормами, приводило к некоторому снижению внутренних конфликтов в борьбе за власть, что в целом способствовало нормализации потестарно-политических отношений в обществе...

Перераспределенческие функции. Этот канал власти был тесно связан с предыдущим, так как вождество представляло собой систему с централизованной организацией экономики, и, следовательно, циркуляция производимого прибавочного продукта и других ценностей осуществлялась через центр. Еще Б. Малиновский [Malinowski 1935] образно называл эти функции правителя тробрианского чифдома «племенным банкиром». А в концепциях М. Салинза [Sahlins 1958] и Э. Сервиса [Service 1975] редистрибуция рассматривается едва ли как не самый главный структурный компонент власти в вождествах. Редистрибуция могла использоваться: 1) для потребления на традиционных праздниках, что потенциально должно было способствовать повышению престижа щедрого вождя; 2) для затрат на обеспечение различных общественных работ; 3) в качестве страхового фонда для массовых раздач в голодные периоды; 4) для персонального потребления вождя, его домочадцев, слуг и приближенных.

С одной стороны, надо иметь в виду, что редистрибуция не способствовала концентрации богатств и излишков пищи у элиты автоматически. Обогащение вождей и их окружения осуществлялось опосредованно, через увеличение престижа вождей путем организации разного рода массовых раздач. Раздавая общественный продукт от своего имени, вождь повышал тем самым свой престиж, а общинники, получая дар, вынуждены были отвечать ответными подарками, как правило, превосходившими по объему первоначальный дар. Таким образом, процесс шел по нарастающей.

С другой стороны, за отправление своих общественных функций вождь пользовался частью коллективного прибавочного продукта для личных нужд, для обеспечения домочадцев и слуг и для «расходов на представительство».

Первоначально такие расходы были невелики. Но аппетит приходит во время еды. Со временем запросы становились все больше и больше. В некоторых самых развитых предгосударственных иерархических структурах правители могли себе позволить, что называется, без зазрения совести залазить в общественный карман и использовать произведенный народом продукт исключительно на собственные нужды.

Наконец, возможность манипуляции вождей с общественным продуктом напрямую или косвенно приводили к тому, что они могли поощрять каких-то одних лиц и сдерживать других. Такая возможность приоткрывала или прикрывала клапаны на общественной кормушке и была важным фактором усиления зависимости подданных (наверное, будет неошибочным сказать, что в первую очередь это справедливо в отношении ближайшего окружения вождя) от правителя чифдома. Можно даже напомнить эскимосскую пословицу, что подарки создают рабов, как кнуты — собак.

В то же время следует отметить... что во многих вождествах редистрибуция не могла быть основным фактором усиления социальных позиций вождя, поскольку прибавочный продукт на этом уровне стадиального развития был невелик, а сама редистрибуция собиралась не столь часто...

Контроль над ресурсами. Наиболее последовательно роль этого фактора отстаивал среди зарубежных авторов М. Фрид. В его эволюционной схеме первобытной истории главным критерием ее завершающего этапа (стратифицированное общество) является неравный доступ к основным экономическим ресурсам [Fried 1967]...

Данный тезис хорошо подтверждается и многочисленными этнографическими примерами. На Гавайях вожди контролировали или активно вмешивались в перераспределение земельных участков. За свои посреднические функции вождь пользовался долей прибавочного продукта, который хранился на общественных складах... Однако в число ресурсов «ограниченного доступа» входили не только земледельческие участки. Это правило вполне может быть применимо к другим продуктивным ресурсам: озерам, богатым рыбой, пастбищам с сочной травой и т. д....

Как конкретно контроль над ресурсами мог увеличивать власть вождей? Во-первых, имеющиеся ресурсы вождь мог передавать в пользование, «дарить» своим подданным (так же как и произведенный прибавочный продукт), повышая тем самым свой престижно-социальный

статус, а впоследствии и свое экономическое положение. Во-вторых, вождь мог привлекать подданных к обработке общественных или находящихся в его распоряжении ресурсов под каким-либо благовидным предлогом (например, под видом подготовки к празднику или особенной общественной важности этих мероприятий). В-третьих, вождь имел право на лучшую долю ресурсов: самый плодородный кусок земли, самые тучные пастбища, наиболее богатую рыбой или моллюсками часть реки или озера.

Еще один важный момент — это как соотносится ограничение доступа к ресурсам с общим развитием социально-политической структуры. Это сложный вопрос, требующий особого рассмотрения. Специально анализировавший его Э. Саутхолл полагает, что для догосударственных обществ характерна коллективная собственность на средства производства, тогда как для ранних и зрелых государственных образований — монополия элиты на средства производства. Процесс приватизации ресурсов начал осуществляться на стадии вождества через зарождение символическо-ритуального неравенства в отношении к ресурсам, ритуальную монополию верхами средств производства, а затем замену последней реальными частнособственническими отношениями. И именно в тот момент, когда элита идеологически монополизирует отношения к ресурсам и средствам производства, по мнению Э. Саутхолла, можно говорить о появлении зачаточного раннего государства [Southall 1991]...

Следует отметить, что в марксистской литературе этот процесс рассматривался как возникновение частной собственности на средства производства и интерпретировался как чуть ли не ведущий фактор возникновения государственности. Такая позиция сохраняется и сейчас в постсоветской науке. В этой связи следует заметить, что многочисленные современные исследования зарубежных и отечественных авторов убедительно показывают, что развитие частной собственности сдерживалось различными перераспределительными механизмами, а повышение общественного статуса осуществлялось не напрямую — в зависимости от количества имущества, а опосредованно — через повышение социальных позиций...

В целом, что касается управления, контроля и перераспределения, то их следует рассматривать как разные стороны единого процесса монополизации общественно полезных функций. В силу занимаемого места в системе управления обществом вождь и его окружение, владея информацией и ключевыми рычагами в распределении ресурсов и произведенного прибавочного продукта, выступают (или могут выступать) в качестве идеологических собственников средств производства и прибавочного труда. Однако эта их «собственность» условна так же, как «собственность» бюрократов в государственном способе

производства, и производна от функции власти, т. е. от места в иерархии управления обществом. Иными словами, речь идет о становлении феномена иерархического владения средствами производства в соответствии с занимаемым местом в общественной иерархии, который Л. С. Васильевым был назван термином «власть-собственность» [Васильев 1982]...

Контроль над обменом и торговлей. Ограничение доступа к внешнеторговой деятельности — это универсальная черта поведения, характерная как для надлокальных первобытных обществ, так и для ранних государств. В вождествах право на обмен ограничивалось, как правило, только его правителем или же главами ведущих линиджей... Это делало разрыв в статусе между элитой и простыми общинниками еще более ощутимым.

Исследования показывают, что в то же время внешнюю торговлю можно рассматривать как один из способов конкуренции элиты за высокий статус, который приводил к повышению позиций более удачливых вождей и к формированию широкой сети династических браков, вассальных и союзнических отношений. Вожди, чьи чифдомы были расположены в стороне от главных торговых артерий, вели войны за возможность контроля ключевых пунктов обмена.

С другой стороны, межобщинный обмен являлся одним из механизмов стабилизации внутренней экономики вождеств. Но, поскольку внешний обмен сам являлся нестабильным и был подвержен циклам спада и роста, он не мог входить в число устойчивых каналов повышения власти правителей вождеств...

Если обмен и торговля осуществлялись с более развитыми обществами, то они интенсифицировали все внутренние процессы в вождествах. Но в то же время торговля не являлась ведущим фактором политической эволюции вождеств. Она способствовала трансформации вождеств в ранние государства только с возникновением широкой торгово-обменной сети, а власть элиты больше зависит от управления экономикой и контроля над вооружением [Kipp 1989].

Контроль над ремесленным производством. Контроль над обменом интенсифицирует и контроль над изготовлением предметов престижного потребления, которые вожди использовали как для своих личных нужд, так и для внешнего обмена... В то же время не следует забывать, что ремесленное производство в вождествах было развито еще сравнительно слабо и, следовательно, вожди могли осуществлять контроль только над производством небольшого числа наиболее престижных предметов. Правители вождеств стремились также к контролю над производством орудий труда (в терминологии западных авторов — «производством продуктивных технологий»). В поселениях индейцев камилюи обсидиановые орудия распределяются таким обра-

зом, что их большинство концентрируется в пределах хозяйств элиты [McGuire 1983]...

Вожди всегда стремились сделать подконтрольным изготовление оружия. В первую очередь это касается металлических и трудоемких предметов вооружения. Известны также попытки вождей подчинить своему влиянию и гончарное производство. Вообще исследования специалистов показывают, что тенденция к установлению контроля над ремесленным («проторемесленным») производством — такая же универсальная черта в эволюции вождеств, что и контроль над внешним обменом и торговлей.

Контроль над «изготовлением продуктивных технологий» мог достигаться и посредством прямого вовлечения элиты в ремесленное производство. Не случайно в ряде регионов мира (Скандинавия, Британия, Полинезия, Южная Африка и пр.) вожди и короли должны были владеть наряду с другими необходимыми им качествами и кузнечным ремеслом, а в Полинезии вожди практиковали и такую престижную форму ремесленной деятельности, как изготовление лодок и резьба по слоновой кости [Шнирельман 1985]...

Война и военно-организационные функции. Война является еще одним важным фактором, который потенциально способствует политогенезу. Большая роль этого фактора в эволюции вождеств отмечалась многими зарубежными исследователями. Имеется даже мнение, восходящее к работам Л. Гумпловича и Ф. Оппенгаймера, будто лидерство в войне — это обязательная функция всех вождей и главный фактор генезиса государственности. Однако эта гипертрофированная точка зрения убедительно опровергается современными данными. В целом представляется очевидным, что далеко не во всех случаях генезис вождества и раннего государства происходил в процессе войн и завоеваний. Но верно и другое: война, хотя и теоретически не относится к обязательным составляющим политогенеза и классообразования, в реальности же она как раз нередко доминировала в указанных процессах. При этом следует разграничивать два основных варианта роли войны в эволюции вождеств: там, где вождь являлся одновременно и военным предводителем, и там, где существовало деление элиты по функциональному признаку на управленческую, военную и жреческую.

В то же время важно указать на те конкретные военно-организационные функции, которые расширяли власть военных вождей и правителей вождеств:

1) война являлась важным способом расширения базы доходов вождя и его ближайшего окружения: во-первых, это награбленные предметы престижного потребления и украшения; во-вторых, это захваченные пленники и пленницы, которые могли использоваться в хозяйстве

вождя, для культово-церемониальных нужд, дариться, продаваться, обмениваться и т. д.; в-третьих, это завоеванные земли (как правило, вместе с населением: а зачем, собственно, земля без людей?). Поскольку военные приобретения реже шли в котел престижного перераспределения, чем результаты непосредственной экономической деятельности, то контроль над их распределением являлся важным фактором усиления власти военных предводителей;

2) при существовании в вождестве жесткой генеалогической статусной системы доступа к власти участие в войнах — это для основной массы населения (а особенно для маргиналов) едва ли не единственный способ повысить свое положение в обществе. Нередко именно поэтому около правителей вождеств или вокруг военных предводителей (при функциональной разграниченности элиты) постепенно концентрируется круг профессиональных воинов — дружина, которая слабо связана с традиционными общественными структурами и ориентирована на личную преданность своему командиру. Вполне понятно, что опора лидера на свои личные связи с вооруженными, дисциплинированными сторонниками — это весомый аргумент в политической борьбе за власть.

В советской литературе широкое распространение получила упрощенная точка зрения, что во всей истории первобытности господствовало равенство и только на стадии вторичной мегаформации появилось четкое социальное расслоение и разделение культуры на массовую и элитарную. Однако данные современной науки показывают, что членение общеэтнической культуры на субкультуры прослеживается еще до возникновения классового общества и государства. В. А. Шнирельман, специально исследовавший этот вопрос на океанийских этнографических материалах, собрал большое количество фактов, которые убедительно свидетельствуют, что дифференциация культуры на субкультуру элиты и субкультуру простых масс начинает складываться на стадии вождества [Шнирельман 1985].

Сначала эти отличия затрагивают в основном сферу ритуально-этикетной деятельности (вождь отличался во время обрядов одеждой, раскраской, прической и пр.). Вожди имели ряд преимуществ и полномочий, как правило, обладали большим, чем простые общинники, количеством жен (возможно, что последнее генетически связано с биологическим отбором). Но образ жизни вождей еще слабо отличался от образа жизни подданных. Они наравне со всеми (хотя и в меньших объемах) участвовали в непосредственном трудовом процессе, питались теми же продуктами, жили в таких же дискомфортных условиях.

В более стратифицированных чифдомах отличия уже переносились и на обыденную одежду (раскраска, прическа, татуировка, украше-

ния, оружие, специфические знаки отличия, например жезлы, и пр.), вожди становились обладателями большого количества престижных предметов потребления (раковины каури, пояса маро и т. д.). Отличия касались и материальной культуры: дом, а затем и усадьба вождя находились в центре поселения. Нередко он был крупнее и прочнее других построек.

В наиболее развитых чифдомах в отношении вождей существовал сложный этикет. Личность вождя стала священной. На этой стадии вожди уже исключались из непосредственного производства и занимались исключительно управленческой, медиативной и церемониальной деятельностью. Они обрастали штатом помощников и администраторов, клиентами и слугами. Простые массы лишаются доступа к правителю. Во многих обществах они должны были оказывать ему особые знаки почтения, часто им запрещалось обращаться к правителю без посредников. Нередко имя вождя табуировалось. Вождь мог появляться к народу только на носилках.

Усадьбы вождей выделялись большими размерами, планировкой и отделкой. Нередко их строили на специальных каменных фундаментах, обносили неприступным забором. Вожди обладали значительными имущественными ценностями (сюда следует включить общественные накопления, распределение которых велось от имени вождей). Их питание значительно отличалось от питания простых людей количеством и разнообразием пищи, наличием особых табуированных продуктов (например, в ряде обществ Океании — свиньи, черепахи). Вожди постепенно монополизировали социально важные знания, их передача осуществлялась только внутри элитной верхушки. В некоторых обществах существовало нечто вроде школ для детей аристократии.

Социальная дифференциация первобытных групп нашла свое отражение в погребальном обряде. Еще Л. Бинфордом было проделано кросс-культурное сравнение погребальных обрядов нескольких десятков первобытных коллективов, в результате которого он пришел к выводу о качественной корреляции между особенностями погребального обряда и общественным статусом покойного. При этом, по мнению Л. Бинфорда, характер погребального инвентаря наиболее тесно коррелировался с половозрастными особенностями погребенных, тогда как на социальные позиции покойного наиболее ярко указывали количество сопроводительного инвентаря и место расположения могилы [Binford 1971]...

Дополнительную информацию о существовании в обществе стратификации может дать антропологический и остеологический анализ костяков. Он может указать на различия в питании, физической силе и здоровье погребенных. В некоторых случаях (например, на Таити) эти различия искусственно углублялись деформацией различных частей

тела, что служило для древних наглядным показателем социального статуса

В то же время следует заметить, что иерархия является одной из фундаментальных составляющих любой биосоциальной системы, она прослеживается в самых примитивных локальных группах охотников-собирателей По этой причине фиксируемая при исследовании могильников стратификация далеко не всегда является показателем того, что это общество уровня вождеств

В целом, анализируя динамику социальной стратификации в вождествах, можно обнаружить немалое количество различных вариаций Но, так или иначе, наверное, можно предположить, что в наиболее распространенном, так сказать, классическом случае для вождеств социальная стратификация имела троякий вид вверху общественной пирамиды располагались наследственные вожди и другие категории элиты, в середине — свободные полноправные непосредственные производители, внизу — различные группы неполноправных и бесправных лиц, которые эксплуатировались, как правило, верхней стратой социума

Возникновение института вождей, а затем и вождеств нередко сопровождалось возведением мегалитических сооружений гробниц, святилищ, насыпей, статуй, гигантских ворот и т д Такие сооружения известны во многих регионах мира Причем неоднократно указывалось, что труд, затраченный на монументальное строительство, может быть применим в качестве оценки ранга социальной группы, так как только сравнительно крупные надлокальные общественные организмы могли создавать монументальные сооружения культового, экономического, фортификационного и другого характера

Наконец, еще одним важным показателем, сопутствующим возникновению и развитию вождеств, являются войны Их массовое распространение начинается в эпоху классообразования, когда вследствие роста производительных сил появляются возможности для отчуждения прибавочного продукта и живых форм труда Косвенно рост производительных сил может способствовать интенсификации войн и при внутренних энергетических кризисах (превышение демографического оптимума среды, отсутствие ключевых ресурсов и пр)

В политантропологической литературе выделяются два основных подхода к пониманию ранней государственности Интегративные или управленческие теории главным образом ориентированы на то, чтобы объяснить феномен государства как более высокую стадию экономической и общественной интеграции Конфликтные или контрольные теории показывают происхождение государственности и ее внутреннюю природу с позиций отношений эксплуатации, классовой борьбы, войны и межэтнического доминирования Такая

двойственность справедлива и при рассмотрении различий между вождеством и государством

Первый комплекс отличий связан с интегративным взглядом на процесс социокультурной эволюции С этой точки зрения государство представляется как политическая система с более сложной экономической и социальной инфраструктурой Обычно в число признаков, наиболее ярко характеризующих становление государственности, включаются высокоразвитое и специализированное ремесло и торговля, крупное монументальное строительство, урбанизация, появление письменности [Renfrew 1972]

К этим компонентам можно добавить и ряд других изменений Если население чифдомов составляло десятки тысяч и в редких случаях доходило до ста тысяч человек, то население ранних государств составляло уже многие сотни тысяч и миллионы человек Соответственно качественно возросла плотность населения и географические размеры ранних государств С другой стороны, если для вождеств, как правило, характерна тенденция к этнической гомогенности, а этническая гетерогенность скорее была исключением, чем правилом (сложные и суперсложные чифдомы), то для ранних государств многонациональность была уже обязательной чертой общественной структуры

Сдвиг в социально-экономическом развитии сопровождался коренной трансформацией идеологической системы Уже в поздней первобытности встречались зачатки сакрализации верховной власти, иерархия не только в мире людей, но и в пантеоне богов В раннем государстве эти процессы получили свое дальнейшее развитие Правитель узаконивал свое положение божественным происхождением, выполнял ряд важных для общества религиозных ритуалов и функций В то же время в раннем государстве можно проследить тенденцию к введению верховного единобожия или позднее заимствование мировых религий от более цивилизованных соседей Это, с одной стороны, дополнительно увеличивало сакральность и легитимность правителя сверхъестественным способом, а с другой стороны, благоприятствовало политической, культурной и этнической интеграции социального организма

Другая важная сторона трансформации мировоззрения — сложение религиозно-идеологической доктрины «взаимного обмена услугами» между производящими массами и правящей элитой, согласно которой первые обязуются исправно платить налоги и повинности, а вторые считаются ответственными за охрану и благосостояние подданных, выполняя управленческие функции в соответствии со своими сверхъестественными способностями Данная доктрина способствовала снятию социальных противоречий в социуме при неразвитом ап-

парате управления и тем самым придавала общественной структуре дополнительные консолидирующие импульсы.

Следующее крупное интегративное отличие вождества от государства связано с качественными преобразованиями структуры управления Политическая иерархия являлась фундаментальным признаком вождества, но в чифдомах элита не была функционально дифференцирована. На всех уровнях иерархии она имела, как правило, схожий набор функций, отличаясь только степенью компетенции в принятии решений. Это делало всю систему нестабильной, а каждый отдельный сегмент — «потенциально независимым».

Государство в этом плане отличается от вождества тем, что зачаточные органы управления, помогающие элите в управлении чифдомом, трансформируются в специализированный бюрократический аппарат, основанный на внеклановых связях и состоящий из многочисленных профессиональных бюрократов [Wittfogel 1957]

Сравнительно-исторический анализ 21 раннегосударственного общества показал, что для этого аппарата (если не на местном и региональном уровнях, то уж на высшем уровне точно) характерна более дробная функциональная специализация· выделение в самостоятельные институты органов насилия (дружина и армия, полиция, суд), идеологии (храмово-жреческий комплекс) и управления (различные канцелярии, административные и хозяйственные службы, контрольно-ревизионные органы и т. д) [Claessen 1984].

Конфликтный комплекс отличий предполагает рассмотрение государства как тип политической организации, предназначенный для решения внутренних стрессов и упорядочивания структуры на принципиально новом уровне интеграции Одни исследователи (главным образом это относится к марксистским авторам) акцентируют внимание на том, что государство — это управляющая подсистема эксплуататорского, классового общества. Следовательно, помимо организационно-регулирующих обязанностей, государство выполняет и функции по обеспечению эксплуатации правящими классами (стратами, группами) непосредственных производителей. Иными словами, государство отличается от вождества присутствием классовой эксплуатации и специализированных органов принуждения.

Другая группа исследователей смотрит на государство как на организацию, способную контролировать различные процессы (в том числе и конфликты) с помощью монополии на узаконенное использование силы Первым в таком ключе подошел еще М. Вебер, понимая его как «аппарат, обладающий монополией на применение силы». В настоящее время этой точки зрения придерживаются многие антропологи В отличие от государства, где король, опираясь на аппарат, может до известных пределов проводить свои решения, в чифдоме правитель об-

ладает намного меньшей властью и вынужден балансировать между интересами различных партий элиты и интересов больших социальных групп.

Таковы в общих чертах самые важные различия между вождеством и государством. Однако провести четкую грань между этими стадиальными этапами социокультурной эволюции, особенно когда речь заходит о конкретно-исторических исследованиях, очень и очень сложно, если не невозможно..

ЛИТЕРАТУРА

Васильев Л С Протогосударство-чифдом как политическая структура // Народы Азии и Африки 1981 N 6

Васильев Л С Феномен власти собственности // Типы общественных отношений в средние века М , 1982

Марков Г Е Некоторые проблемы общественной организации кочевников Азии // Сов этнография 1970 № 6

Першиц А И Вождество // Народы мира Историко-этнографический справочнк М , 1988

Хазанов А М Классообразование факторы и механизмы // Исследования по общей этнографии М , 1979

Шнирельман В А Классообразование и дифференциация культуры (по океанийским этнографическим материалам) // Этнографические исследования развития культуры М , 1985

Эванс-Притчард Э Нуэры М , 1985

Adams R Energy and Structure A Theory of Social Power Austin, 1975

Binford L Mortuary Practics Their Study and Their Potential // Mem of the Soc for Amer Archaeol 1971 N 25

Carneiro R The chiefdom as precursor of the state // The Transition to Statehood in the New World Cambridge, 1981

Claessen H J M The Internal Dynamics of the Early State // Current Anthropology Vol 25 1984 N 4

Cohen R Evolution, Fission and the Early State // The Study of the State The Hague, 1981

Earle T Chiefdoms in archaeological and ethnohistorical perspective // Ann Rev Anthropol Vol 16 1987

Earle T The Evolution of chiefdoms // Current Anthropology Vol 30 1989 N 1

Fried M The Evolution of Political Society New York, 1967

Kipp R S , Schortman E M The Political Impact of Trade in Chiefdoms // American Anthropologist, Vol 91 1989 N 2

Malinowski B Coral Gardens and their Magic London, 1935

McGuire R Breaking down cultural complexity inequality and heterogeneity // Adv Archaeol Method Theor Vol 6 1983

Renfrew C The Emergence of Civilization the Cyclades and Aegean in the third millenennium B C London, 1972

Sahlins M Social Stratification in Polynesia Seattle, 1958

Service E Origins of the State and Civilization New York, 1975

Wittfogel K A Oriental Despotism New York, 1957

В. А. ПОПОВ

ПОЛИТОГЕНЕТИЧЕСКАЯ КОНТРОВЕРЗА, ПАРАПОЛИТЕЙНОСТЬ И ФЕНОМЕН ВТОРИЧНОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ*

У аканов Золотого Берега, как и у большинства других этнических общностей гвинейского побережья Западной Африки, с середины XVI в. до начала XIX в. происходил интенсивный процесс возникновения, консолидации и трансформации множества раннеполитических образований. Большинство из них представляли собой вождества или конфедерации вождеств, являвшихся довольно непрочными военно-политическими союзами без специализированного аппарата управления. Некоторые этнополитические организмы (ЭПО) аканов — Денчира, Акваму, Аквапим — достигли стадии централизованных вождеств с рядом зависимых ЭПО (данников). Одновременно развивался процесс создания сравнительно небольших союзов вождеств (Джаман, Ачем–Абуаква) с тенденцией к военно-территориальной организации внутренней структуры и централизованным механизмом по управлению ЭПО–данниками (подробнее см. [Попов 1990а· 109–118]).

По-видимому, те же стадии прошел до середины XVIII в. и ЭПО ашантийцев (Асантеман) — самый крупный и самый известный из аканских. Вначале это был временный союз пяти вождеств (оманов), созданный правителем Кумаси для борьбы с Денчирой, обложившей эти оманы данью. К середине XVIII в. Асантеман уже представлял собой сравнительно стабильную конфедерацию с единой военно-территориальной организацией и большим числом данников. Наконец, во второй половине XVIII — начале XIX в. происходило становление Ашантийской державы, состоявшей из конфедерации собственно ашантийских вождеств (аманто), протекторатов (амансин), данников (амантеасе) и Кумаси — уже не столько одного из вождеств-аманто, сколько особого политического организма — центра мощной державы, боль-

* Ранние формы политической организации· от первобытности к государственности / Отв ред. В А Попов. М . Восточная литература, 1995

© В. А. Попов, 2007

ше связанного централизованным управлением с амансин и амантеасе, чем с аманто.

Что же представляла собой Конфедерация Ашанти в предколониальный период — с начала XIX в. до последней четверти столетия? В отечественной и зарубежной литературе Конфедерация Ашанти безоговорочно определяется как государство (королевство). Разнобой наблюдается только в характеристике формы — в плане унитарности/федеральности. И если П. Ллойд пишет об Ашанти как о редком примере африканской федерации [Lloyd 1968: 82], а Я. Вансина даже считает Конфедерацию Ашанти единственным ясным примером федерации в Тропической Африке [Vansina 1964: 257], то Э. Саутхолл относит Асантеман к сегментарным государствам [Southall 1953: 255]. С последним мнением трудно согласиться, поскольку сегментарность предполагает самостоятельность отдельных сегментов. Но Конфедерация Ашанти, несомненно, была более сложным образованием. Это была система, т. е. целое, которое больше суммы составляющих ее компонентов. Другими словами, она обладала новым качеством, не свойственным отдельным ее компонентам (в силу закона аддитивности). Судя по имеющимся материалам, аканские оманы также нельзя отождествлять с сегментарными структурами. Признаки сегментарности обнаруживаются только на уровне общинных и родовых институтов.

Ш. Айзенштадт определяет Конфедерацию Ашанти как федерацию централизованных вождеств [Eisenstadt 1959: 211]. Близкую позицию обосновывал и автор данной статьи, определяя Конфедерацию Ашанти как «союз племен, аналогичный Лиге ирокезов, Конфедерации криков, Союзу гуронов и т. п. надплеменным образованиям, характерным для второго этапа эпохи классообразования и становления государства» [Попов 1982: 144]. При этом подчеркивалось наличие некоего синдрома государственности, однако специального исследования специфики максимального ЭПО ашантийцев не проводилось. Сопоставление же структуры и функций Конфедерации Ашанти предколониального периода с понятием «государство» дает следующие результаты.

1. Ашантийское общество дифференцировалось на три устойчивые социальные группы: знать, свободных и полноправных общинников, зависимых и неполноправных невольников (включая кабальников). Такая социальная стратификация, основанная на принципах знатности и инфериорности, весьма характерна для переходной стадии от первичной формации ко вторичной. Знатные, свободные и зависимые у ашантийцев — это, скорее всего, социальные слои, а не архаические сословия или протоклассы, так как еще не возникло право индивидов по рождению занимать какое-либо положение или должность, хотя и появилась некая иерархия статусов, получаемых по наследству (преж-

де всего это относилось к прямым потомкам верховных правителей). В зависимости от конкретных обстоятельств ашантиец мог превратиться в невольника (кабальника) или, наоборот, оказаться наследником высокого статуса и должности, поскольку и знать и рядовые общинники были еще организованы в одни и те же социально-родственные институты, имевшие корпоративную природу. (Практически все социальные отношения у ашантийцев строились по модели родственных и обозначались терминами родства, т. е. осмыслялись в категориях, характерных для доклассового уровня развития.) Не было, естественно, и различного отношения социальных слоев к средствам производства — определяющего признака классового общества.

2. Административно-территориальное деление как таковое в Конфедерации Ашанти еще не возникло. Правда, наблюдались некоторые сдвиги в сторону зарождения территориально-политического деления, так как оманы объединялись в своего рода «военные округа» — единицы традиционного боевого порядка. Однако эти «округа» еще не перекраивали традиционных (естественных) границ.

Аналогичное толкование можно дать и фактам создания асантехене (верховным правителем Асантемана) Осеем Бонсу (1800–1823) специального ведомства по административно-территориальному управлению данниками и разделения всех амансин на несколько зон, а также появлению института адамфо — посредников, назначаемых асантехене для осуществления регулярных контактов с правителями оманов (оманхене), — некоего прообраза территориальных вождей.

3. Тенденция к централизации власти в руках асантехене и к бюрократизации потестарного аппарата Асантемана нашла свою реализацию в реформах Осея Коджо (1764–1777): создание Совета Котоко (своего рода кабинета министров), специализация ряда управленческих функций, попытка ввести прямое управление данниками через назначаемых резидентов. Осей Бонсу пошел еще дальше, создав абан — «правительство», состоявшее из трех основных ведомств (административного, хозяйственного и международного), и укрепив связи с амансин посредством института «кураторов» из числа кумасийских военных вождей, а также с помощью адамфо. Тот факт, что оманхене категории аманто вынуждены были общаться с асантехене и Советом Асантемана через адамфо, ясно говорит о следующем: кумасихене уже перестал быть первым среди равных, а возвысился в качестве верховного правителя.

Но самым серьезным аргументом следует признать появление прослойки служилой знати и тенденцию к замене ею родоплеменной верхушки. Передача власти назначаемым вождям, несомненно, должна была способствовать укреплению целостности ЭПО, в то время как

наследственный характер родоплеменной знати, препятствующий замене оманхене верховным правителем по своему усмотрению, ослаблял зависимость отдельных оманов от асантехене и способствовал сепаратизму. Не случайно во многих обществах Тропической Африки новая знать формировалась на иной — прежде всего на внеродовой — основе: верховные правители стремились выйти из-под контроля традиционных социально-родственных институтов, опираясь на лично зависимых клиентов, но, пожалуй, только в Буганде XIX в. все посты оказались назначаемыми. Новая знать, следует отметить, также стремилась утвердиться в своем праве наследственной передачи статуса, что у ашантийцев привело к воспроизводству родственных связей, но уже на другой основе — на базе патрилатерального, а не традиционного матрилинейного счета родства.

В целом попытки заменить или только потеснить традиционную знать аманто не увенчались успехом. Монополия на власть не перешла к новой знати, и реформы не были доведены до конца, хотя на уровне конфедерации потестарный аппарат состоял преимущественно из представителей служилой знати. В категориях системного подхода это была попытка целого повлиять (в интересах интеграции) на составляющие его компоненты, однако компоненты оказали на целое большее воздействие.

4. Налогообложения с заранее установленными размерами и сроками поступления в Конфедерации Ашанти не было. Центральный потестарный аппарат в Кумаси получал средства на свое содержание за счет даней и патронажных вознаграждений и других традиционных сборов и поборов, а также от торговли и военных грабежей и контрибуций. В то же время дани постепенно превращались в примитивный налог с оманов, о чем свидетельствует специфика ежегодного праздника Оджира, во время которого взимались дани, а также появление специализированного аппарата для сбора и учета даней, который постепенно трансформировался и превращался в основу налоговой системы. Уже одно то, что произошла специализация именно этой функции, свидетельствует в пользу становления регулярного налогообложения (ср. [Куббель 1987: 7]).

5. Специализированные институты принуждения у ашантийцев еще не сложились, а ведь именно самостоятельность функции принуждения является самым объективным показателем наличия государственности. Вместе с тем, хотя принуждение как особая функция руководства и управления еще не выделилось и среди должностных лиц Конфедерации Ашанти никто не специализировался на отправлении только этой функции, тенденция к появлению принудительного аппарата уже была и реализовывалась в деятельности особого отряда телохранителей, глава которого выполнял в абане обязанности своего

рода министра внутренних дел и контролировал положение в амансин и амантеасе, в том числе подавлял попытки восстания и отделения данников.

В этом можно усмотреть корреляцию с методами эксплуатации, когда центральный аппарат управления Асантемана уже выступал в роли машины угнетения, но только по отношению к объектам внешней эксплуатации. Внутри же Конфедерации Ашанти необходимость в принуждении еще не возникла — для гарантированного процесса редистрибуции достаточно было идеологической власти. Поэтому и суда как особого органа и других потестарно-нормативных институтов тоже не было; их функции выполнялись вождями и советами старейшин всех уровней, т. е. наблюдалась нерасчлененность властно-управленческой и судебно-полицейской функций.

Не было еще и законодательства как кодифицированного права, вся общественно-политическая жизнь регулировалась обычным правом и морально-этическими нормами, т. е. налицо преобладание первобытной мононорматики. Вместе с тем обычное право было довольно развитым к началу колониального периода, что позволяет квалифицировать его как предправо, ибо возникли уже неперсонифицированные обязательные нормы поведения, закреплявшие социальные роли, определены и градуированы санкции за нарушение этих норм, в том числе и принудительные (см. обзор: [Синицына 1985], а также [Черных, Венгеров 1987]).

Армии как таковой в Асантемане тоже не было. Ашантийское войско состояло из рядовых общинников. Но уже появились отряды телохранителей — своеобразной дружины при асантехене и оманхене, для которых война стала основным и даже единственным занятием.

6. При отсутствии принуждения силой основным механизмом укрепления власти и авторитета верховного правителя являлась сакрализация, причем не самой конкретной персоны, а должности и функции. Сакрализация закрепляла представление об асантехене как обладателе особой магической силы и других сверхъестественных способностей, которые позволяют ему активно воздействовать на все процессы в природе и обществе и тем самым гарантировать процветание всего ЭПО. Такой стереотип закреплялся в общественном сознании и мировоззрении с помощью ритуализации основных общеашантийских действ (прежде всего ежегодного праздники Оджира в Кумаси), символики общеашантийского единства (Золотой трон асантехене, зонт Асантемана и др.) и атрибутов власти верховных правителей (меч, жезл и др.), культа предков асантехене (как тенденции к созданию *культа самого верховного правителя*). *В результате сам асантехене* превратился в главный сакральный символ политического единства (ср. [Куббель 1987: 9–10]).

В совокупности все это оказывало достаточно эффективное психологическое воздействие на поведение подданных асантехене и по своему характеру и сути в целом приближалось к принуждению, поскольку формировало такое сильное эмоциональное чувство, как страх, т. е. использовалось психологическое принуждение.

7. Идеологическая надстройка ашантийского общества довольно слабо отразила динамику политогенетических процессов. Доминировали элементы мировоззрения развитой первобытности (полидемонизм, культ предков, ведовство). Разумеется, сказывался общий консерватизм мировоззренческой сферы, которая с известным опозданием реагирует на изменения в обществе. В то же время можно заметить определенные сдвиги в качестве реакции на устойчивые изменения в потестарно-политической сфере.

Прежде всего, в качестве предков рассматривались уже только умершие вожди и старейшины, а также наблюдалась иерархизация сверхъестественных образов как отражение процесса расслоения в реальном обществе. Однако духи-демоны и даже верховное сверхъестественное существо Ньяме еще не превратились в великих богов, правящих миром подобно земным владыкам. Нет еще и покровителей отдельных социальных слоев и профессий, хотя появились покровители конкретных социальных организмов (общин, вождеств) и они уже антропоморфизировались, как и многие мифологические образы.

Что касается собственно мифологии, которая, как известно, выполняет нормативно-информационные функции [Венгеров 1983: 30], то у ашантийцев она достигла достаточно развитых форм, поскольку наряду с мифами о происхождении человека возникли циклы теогонических и космогонических сказаний.

Кроме того, появились жрецы, хотя следует подчеркнуть, что жреческая прослойка была сравнительно слабой, и многие функции посредников со сверхъестественным миром по-прежнему выполняли вожди.

В итоге к началу XIX в. в Конфедерации Ашанти сложились единая военно-политическая организация, единая система обмена и единый механизм редистрибуции, а также сформировался центральный аппарат управления. По мере отчуждения функций управления и концентрации их у специальных должностных лиц, составивших особую прослойку знати, происходил процесс перерождения потестарной системы в политическую, когда отношения руководства/подчинения получили тенденцию к превращению в отношения господства/угнетения. И хотя управленческая машина еще не превратилась окончательно в машину угнетения, поскольку репрессивно-карательная функция была направлена вовне, потенциально она уже была подготовлена к применению силы и в отношении собственно ашантийцев.

Следовательно, вполне подтверждается вывод о наличии синдрома государства, но ряд отмеченных особенностей Конфедерации Ашанти и ашантийского общества (прежде всего отсутствие классов) не позволяют отождествить максимальный ЭПО ашантийцев с государством в марксистском понимании этой категории. Кроме того, смущает и явное несоответствие политической надстройки Конфедерации Ашанти экономическому базису — она слишком развита для выполнения хозяйственно-организационных задач в традиционном мотыжном земледелии (подсечно-огневого типа) и сориентирована в основном на выполнение координационно-регулирующих функций в военной и торговой сферах Иными словами, наблюдались обособление хозяйственно-организаторских функций от собственно производственных задач и опережение темпов специализации в материальном производстве, в котором даже ремесло не отделилось от земледелия, и существовали весьма зачаточные формы обмена продуктов традиционного хозяйства (подробнее см. [Попов 1990а: 170–188]).

Опережающее развитие высших иерархических уровней социально-политического управления приводит в итоге к гетеростадиальности различных уровней ЭПО. Следовательно, возможно появление феномена государственности без антагонистических классов и частной собственности на средства производства. Следует подчеркнуть, что тезис о возможности появления государства в доклассовом обществе довольно широко распространен среди отечественных исследователей, особенно востоковедов и африканистов. Так, еще Л. Е. Куббель отмечал зачаточные формы государственно-политической организации в средневековом Западном Судане задолго до завершения процесса сложения общественных классов [Куббель 1968 171– 172], а Э. С Годинер рассматривает Буганду в качестве государства без частной собственности и классов и очень четко формулирует возможность асинхронности классогенеза и политогенеза: «Государство... законный продукт общественного разделения труда и отношений эксплуатации — способно появиться и существовать в своих первых элементарных формах без частнособственнической основы» [Годинер 1982. 36]. Д. М. Бондаренко весьма жестко формулирует, что существование «государства без классов» не только возможно, но и необходимо на определенном этапе исторического развития того или иного социального организма [Бондаренко 1991: 142].

Другими словами, приведенные суждения фактически опровергают постулат о невозможности неклассового государства и о синхронности классообразующих и политогенетических процессов[1], и возника-

[1] В марксистской теории общественного развития существует постулат о синхронности процессов классо- и политогенеза, которые диалектически взаимодействуют и тем самым стимулируют развитие друг друга (см , например [Куббель

ет явление, названное мною политогенетической контроверзой [Попов 1986· 59–60, Popov 1988; Попов 1990б: 161–162], требующей своего разрешения.

Как представляется, разрешение политогенетической контроверзы возможно в рамках концепции вторичного государства Известно, что генезис государства может осуществляться двумя основными путями: в результате действия факторов внутреннего (естественного) развития и под внешним воздействием уже сформировавшихся государств (в форме завоевания или опосредованного воздействия уже сформировавшихся государств в условиях межформационных и/или межцивилизационных контактов), что вполне закономерно в условиях асинхронности темпов исторических процессов В связи с этим различают первичные и вторичные государства, причем подавляющее большинство известных государств — вторичные

Необходимость разграничения первичных и вторичных государств впервые обосновал М. Фрид еще в 1960 г [Fried 1960] Однако до сих пор нет серьезных теоретических исследований феномена вторичной государственности. Только Б. Прайс наметила ряд предварительных подходов к классификации вторичных государств [Price 1978] В то же время Г Классен и П Скальник полагают, что и первичные и вторичные государства развиваются аналогичными путями [The Early State 1978]. Р Коэн также считает, что они существенно не различаются в процессах государствообразования [Cohen 1985 277], хотя вторичный (стимулированный) политогенез в отличие от первичного (спонтанного), как правило, опережает классогенез и тем самым стимулирует его завершение. Иными словами, если для первичного государствообразования определяющим фактором был классогенез, то для вторичного — политогенез. Основной путь возникновения вторичных политических образований и вторичного классогенеза лежал через монополизацию руководящим слоем организационно-хозяйственных функций, т. е. права на редистрибуцию [Попов 1993: 143].

Естественно возникает вопрос о правомерности обозначения таких переходных политических организмов термином «государство». Думается, что они нуждаются в описании и воспроизведении их сущности с помощью системы особых категорий. Проблема эта уже ставилась и обсуждалась в специальной литературе, в частности, подвергнуты

1979 258–259]) Иными словами, классогенез и политогенез находятся в корреляционной, а не причинно-следственной зависимости Причиной же этих процессов считается появление частной собственности на средства производства Аксиомой также является положение о том, что ведущую и определяющую роль играет классогенез, поэтому государство не может возникнуть раньше разделения общества на классы, а только одновременно с появлением классов (ср «Государство появляется там и тогда, где и когда появляется деление общества на классы» [Ленин 1965 68, см также [Никифоров 1975 259])

критике расплывчатый термин «государственное образование» и его еще более неопределенный вариант — «раннегосударственное образование» [Томановская 1973: 282]. Однако предложенный термин «варварское королевство» [Томановская 1973: 281–282] вызывает вполне определенные ассоциации с европейским материалом раннего средневековья.

Что касается категории «раннее государство», то создатели концепции раннего государства исходят из расширительного толкования понятий «государство» и «класс», что лишает их категориальной однозначности. Они рассматривают раннее государство как предклассовый институт или же как политическую организацию таких классов, которые не являются антагонистическими, а состоят в отношениях взаимовыгодного сотрудничества, т. е. фактически они принимают теорию социального контракта Э. Сервиса, обосновывающую «обмен» видами деятельности между управляющими и управляемыми и их «взаимную» эксплуатацию. К тому же все обычно перечисляемые признаки раннего государства (см., например [The Early State 1978: 21, 586–588, 640]) неспецифичны и вполне приложимы и к развитому государству, а единственный признак, выражающий специфику именно раннего государства — социальная стратификация на два формирующихся класса, управителей и управляемых, — характеризует общество, но не государство как организацию для регулирования социально-политических отношений.

Весьма показательно также, что наиболее активный сторонник концепции раннего государства среди российских историков, Н. Б. Кочакова, признает, что все ранние государства доколониальной Тропической Африки являлись по сути вторичными, поскольку сформировались под воздействием внешних факторов, в том числе трансатлантической работорговли [Кочакова 1995: 162]. Поэтому вполне естественно, что в них политогенез опережал классообразование и могли возникнуть государства без классов.

Как мне представляется, логичнее и методологически обоснованнее оставить за понятием «государство» его трактовку как политической организации экономически господствующего класса («зрелое государство», «государство в полном смысле слова») и не увлекаться терминотворчеством с применением уточняющих прилагательных типа «раннее», «зарождающееся», «административное», «политическое», «социально-экономическое» и т. п., а разрабатывать новые категории. Так, формирующиеся вторичные политические образования могут быть названы параполитейными[2] (парагосударственными, квазигосударствен-

[2]От древнегреческих слов «пара» («возле, рядом, мимо») и «полития» («государство»). Ср с категориями «синполитейность» и «апополитейность»

ными) в противоположность политейным организмам, имеющим сложившуюся государственность. Конкретные формы реализации параполитейности могут называться параполисами (парагосударствами). Следует подчеркнуть, что категория «параполис» особенно предпочтительна для тех синполитейных обществ, в которых политогенез так и не завершился образованием государства, но длительное время существовало особое — параполитейное — состояние социальных организмов (потенциально государственное) [Popov 1988: 3–11].

Ашантийцы, как и другие аканы Золотого Берега, развивались на протяжении почти трехсот последних лет доколониального периода в условиях опосредованного, но постоянного воздействия классовых обществ Западной Европы (преимущественно в форме торговых контактов), а Конфедерация Ашанти представляет собой один из вариантов становления вторичной государственности, чем и объясняется ускоренное формирование параполитейной надстройки, не соответствующей экономическому базису и вступающей с ним в противоречивые отношения. Торговые связи с более развитыми европейцами (особенно в период работорговли) способствовали преимущественному развитию военно- и торгово-организаторских функций и монополизации их в руках правителей и знати, поскольку именно им принадлежала привилегия на владение главными предметами обмена (рабы, золото, слоновая кость, орехи кола), а также право на перераспределение добычи, захваченной путем военных грабежей. Однако следует подчеркнуть, что процесс вторичного политогенеза в Конфедерации Ашанти так и не завершился возникновением государства, она так и осталась на стадии параполитейности.

В качестве одного из вариантов параполитейных обществ могут рассматриваться и так называемые работорговые города-государства Дельты Нигера (Варри, Брохеми, Бонни, Брасс, или Нембе, Овоме, Окрика, Опобо, Новый Калабар и др.). Они представляли собой относительно крупные поселения, состоявшие из кварталов, в каждом из которых локализовался хаус, или варри (букв. «дом, домохозяйство» на языке иджо), — своеобразная форма социальной организации, возникшая на базе большой семьи и имитировавшая большесемейные родственные отношения, ибо не все члены хауса были связаны реальным родством. Структура хаусов свидетельствует о том, что ее целостность в значительной степени обеспечивалась фиктивным родством, поскольку все социальные отношения строились по модели родственных и все чужаки, чтобы стать полноправными, должны были включаться в эту систему псевдородственных отношений.

Каждый хаус выполнял одновременно функции торгового дома и военного отряда (в некоторых городах иджо возникла особая система каноэ-хаусов). Во главе городов стояли советы из глав хаусов и верхов-

ный правитель, которому принадлежала монополия на торговые связи с европейцами. Общество подразделялось на две устойчивые группы: свободных, среди которых уже выделилась знать, и невольников, но они использовались, как правило, лишь в качестве товара, а не объекта эксплуатации. Надстройка была явно параполитейной, поскольку специализированных институтов принуждения еще не существовало.

Аналогичную структуру и специфику политической организации можно обнаружить и в ряде других «городов-государств» гвинейского побережья (Ардра, Вида и т. п.), а также на Золотом Берегу в некоторых фантийских ЭПО (Эльмина, Аномабу, Асебу, Виннеба и др.), где кварталы городов представляли собой локализацию военных отрядов асафо. Да и ашантийский оман Кумаси приобрел в процессе потестарно-политической эволюции многие специфические черты, не свойственные другим вождествам категории аманто, и, по сути, превратился в параполис, господствующий над данниками и протекторатами.

Таким образом, имеются достаточные основания для вывода о том, что на гвинейском побережье и в его внутренних районах в период работорговли сформировался особый тип раннеполитической организации — военно-торговый параполис. Появление такой формы параполиса вполне закономерно и исторически неизбежно, ибо ее возникновение вызвано не внутренними факторами развития, а потребностями трансатлантической торговли. Эти параполитейные общества не имели необходимых материальных ресурсов для дальнейшего саморазвития и регулярный прибавочный продукт стали получать только с активизацией торговых связей[3] с европейцами и особенно в период работорговли, в которой они участвовали в качестве посредников. Это обусловило ярко выраженный экспансионистский характер параполисов. Охота на рабов (и обложение соседей данью в виде рабов), борьба за контроль над торговыми путями от побережья во внутренние районы стимулировали постоянные войны. Поэтому война стала способом существования и превратилась в настоящий промысел, так как преобладали войны-грабежи.

Поскольку война и торговля стали основными источниками получения прибавочного продукта и социального престижа, в социально-экономическом отношении рассматриваемые параполисы фактически превратились в паразитарные военно-торговые организмы.

Параполитейные общества гвинейского побережья Западной Африки развивались под мощным воздействием экзогенного фактора, который способствовал ускорению процесса классообразования через

[3]В торговле прибавочный продукт, разумеется, не создается, но через нее он перераспределяется

монополизацию организационных функций в военной и торговой сферах. Но эта монополия не переросла в монополию на средства производства, как это произошло, например, в Западном Судане, где параполитейное общество древней Ганы превратилось в итоге в раннефеодальную Сонгайскую державу [Куббель 1974]. После запрещения работорговли исчезла сама основа существования военно-торговых парополисов Дельты Нигера, которые не смогли переориентироваться на торговлю другими товарами. Как стереотипно пишут многие исследователи, они распались или вернулись к исходному первобытному состоянию (наиболее доказательно этот процесс деградации показан О. С. Томановской на примере ЭПО Берега Лоанго [Томановская 1980: гл. IV]), хотя скорее они трансформировались в нечто третье, качественно иное. Однако этот вариант развития (?) практически не изучался, и проблема в таком ракурсе даже не ставилась.

Парополисы Золотого Берега тоже не смогли переориентироваться, что привело к упадку и неспособности противостоять вторжениям ашантийцев, обладавших к тому же и монополией на торговлю золотом и слоновой костью с европейцами. В итоге это усилило зависимость парополисов Золотого Берега от англичан.

Этот процесс деградации в значительной степени был обусловлен спецификой товара, торговлей которым занимались парополисы. Невольники как товар не являлись продуктом общественного производства, их получали в виде дани, в результате военного захвата или просто покупали. Поэтому работорговля не только, точнее, не столько стимулировала развитие производительных сил, сколько вела в тупик, укрепляя тенденцию к застойности экономики и неустойчивости и нежизнеспособности политических институтов. И только Кумаси удалось переориентироваться на торговлю орехами кола, а мощная военная организация Конфедерации Ашанти сыграла свою роль в борьбе с Великобританией (знаменитые англо-ашантийские войны в течение всего XIX в.). Однако и ашантийский вариант парополиса не привел к созданию государства — помешала колонизация.

Очевидная специфика военно-торговых ЭПО Тропической Африки доколониальной эпохи вполне закономерно привела к обоснованию гипотезы о существовании особого африканского способа производства, сочетающего общинную экономику натурального производства с монополией политической надстройки на экстравертный (внешне ориентированный) обмен [Coquery-Vidrovitch 1969]. Однако, как представляется, нет оснований возводить указанную специфику в ранг особого способа производства. Фактически это один из возможных путей вторичного развития политогенеза у синполитейных первобытных обществ в условиях специфического воздействия развитых классовых обществ в форме торговых контактов. Вторичность такого развития обусловле-

на тем, что оно возможно только при регулярных торговых связях с более развитыми обществами и экономическое развитие определяется не потребностями самого общества, а спросом на внешнем рынке, т. е. получают импульс извне. Другими словами, торговля с европейцами выступает как базовый параметр развития, основной признак африканского параполитейного общества.

Такой вариант развития, когда менее развитое общество переходит на более высокую ступень лишь отдельными элементами своей структуры (при сохранении абсолютно преобладающих предшествующих форм), уже получило название деформированного [Жуков, Барг, Черняк, Павлов 1979: 135]. Оно, как правило, ведет к форсированному формированию параполитейной надстройки, уже не соответствующей экономическому базису и вступающей с ним в противоречивые отношения. Деформированный вариант общественно-экономического развития вполне отвечает постулату о возможности временного несоответствия (вплоть до острого противоречия) и автономизации надстройки от базиса, а затем и обратного воздействия на базис — как ускоряющего, так и тормозящего в зависимости от конкретно-исторической ситуации.

В условиях вторичного формационного развития надстройка, судя по всему, всегда выступает в роли главного системообразующего фактора. Однако в паразитарных обществах она оказывала минимальное воздействие (если вообще как-то влияла) на первобытнообщинный базис, поскольку в таком влиянии просто не было необходимости.

Вторичность процессов классо- и государствообразования и перехода от первобытного общества к раннеклассовому весьма типична для Тропической Африки (как, вероятно, и для мировой истории в целом), большинство доколониальных обществ которой (особенно в прибрежных районах) развивалось в условиях прямого, но чаще опосредованного воздействия более прогрессивных, классовых, обществ. И если для познания общих закономерностей перехода от первичной формации ко вторичной, генезиса государства и классового общества важно опираться на материалы тех этносоциальных организмов, которые не были (а если были, то в минимальной степени) затронуты внешним влиянием более развитых соседей (следует заметить, что довольно часто для реконструкции процесса становления первичного государства привлекаются материалы вторичных государств)[4], то для понимания социальных и исторических процессов в предколониальной Тропической Африке необходимо сосредоточить внимание на исследовании

[4]Обращает на себя внимание отсутствие разграничения государств на первичные и вторичные и соответственно первичного и вторичного политогенеза в обобщающей статье Н. Н. Крадина (см. [Крадин 1991]). А в сводной статье Л. Е. Куббеля нет ни ранних, ни вторичных государств (см. [Куббель 1986]).

именно тех ЭПО, которые испытали серьезное воздействие европейских капиталистических обществ и особенно форсированно развивались в период работорговли. Среди наиболее назревших задач — разработка типологии вторичных раннеполитических образований. Военно-торговые парараполисы — одна из возможных таксономических единиц будущей исторической типологии.

В качестве конкретной реализации еще одного таксона может служить Конфедерация Фанти (1868– 1872), возникшая в результате совместной деятельности традиционной знати и вестернизированных аборигенов. Она представляла собой качественно иное по сравнению с военно-торговыми парараполисами раннеполитическое образование, ибо ее создатели попытались объединить в рамках одного политического организма традиционные институты власти фантийцев с надстроечными институтами буржуазного общества. Так, по британской модели были созданы правительство, конфедеральная армия и суд, введено налогообложение населения, но самое главное — выработана конституция, вобравшая в себя многие элементы европейского парламентаризма (выборный президент, ассамблея депутатов в качестве законодательного органа и др.). Среди задач Конфедерации Фанти в конституции указаны социальные реформы, строительство дорог, создание школ, развитие сельского хозяйства, торговли и ремесел (подробнее см. [Попов 1990а: 214–216]).

Однако прямое заимствование государственных институтов весьма развитого классового общества вряд ли могло привести к успеху, так как существовал огромный разрыв в уровнях социально-экономического развития. И если представители местной вестернизированной элиты были уже вполне подготовлены к восприятию ценностей европейской культуры и институтов буржуазного общества, то подавляющее большинство рядовых фантийцев и даже традиционные правители к этому явно не были готовы, что в значительной степени и обусловило неэффективность созданного политического механизма. К тому же новации затронули преимущественно конфедеральный уровень, в большинстве же оманов все оставалось по-прежнему.

Таким образом, Конфедерация Фанти — это предколониальный вариант становления вторичной государственности, разновидность деформированного развития под воздействием европейских держав (опосредованного — через местную европеизированную элиту).

Аналогичные раннеполитические образования, появившиеся в этот же исторический период у соседних га (Конфедерация, или Республика, Аккра) и у эгба (Объединенный совет по управлению, действовавший в Абеокуте в 1865–1872 гг.), также оказались весьма искусственными. Производность таких парараполисов обусловила их изначально зависимый характер, а механизм появления предколониальных вто-

ричных государств демонстрирует общность основных тенденций этого процесса с генезисом современных постколониальных вторичных государств Тропической Африки.

ЛИТЕРАТУРА

Бондаренко Д М Возникновение классов и государства и некоторые особенности их функционирования в докапиталистических обществах // Концепции общественного прогресса Точка зрения африканистов М , 1991

Венгеров А Б Значение археологии и этнографии для юридических наук // Советское государство и право М , 1983 №3

Годинер Э С Возникновение и эволюция государства в Буганде М , 1982

Жуков Е М , Барг М Ф , Черняк Е Б , Павлов В И Теоретические проблемы всемирно-исторического процесса М , 1979

Кочакова Н Б Размышления по поводу раннего государства // Ранние формы политической организации М , 1995

Крадин Н Н Политогенез // Архаическое общество узловые проблемы социологии развития Вып II М , 1991

Куббель Л Е К истории общественных отношений в Западном Судане в VII XVI вв // Африка в советских исследованиях Ежегодник Т 1 Вып 1 М , 1968

Куббель Л Е Сонгайская держава М , 1974

Куббель Л Е Потестарная и политическая этнография // Исследования по общей этнографии М , 1979

Куббель Л Е Государство // Свод этнографических понятий и терминов социально-экономические отношения и соционормативная культура М , 1986

Куббель Л Е «Формы, предшествующие капиталистическому производству» Карла Маркса и некоторые аспекты возникновения политической организации // Советская этнография М , 1987 №3

Ленин В И О государстве // Полное собрание сочинений Т 39 М , 1965

Никифоров В Н Восток и всемирная история М , 1975

Попов В А Ашантийцы в XIX в Опыт этносоциологического исследования М , 1982

Попов В А Параполисные общества Тропической Африки // История культуры народов Африки Ч II М , 1986

Попов В А Этносоциальная история аканов в XVI–XIX веках Проблемы генезиса и стадиально-формационного развития этнополитических организмов М 1990а

Попов В А Политогенетическая контроверза и вторичные формы раннеполитической организации // Африка культура и общество Этносоциальные процессы М , 1990б

Попов В А Историческая динамика общественного расслоения и тенденции классогенеза в параполитейных обществах // Ранние формы социальной стратификации М , 1993

Синицына И Е Традиционные институты в работах африканских ученых (Дж Сарба, Дж Данква, Н А Оленну) // Изучение истории Африки проблемы и достижения М , 1985

Томановская О С Изучение проблемы генезиса государства на африканском материале // Основные проблемы африканистики М , 1973

Томановская О С Лоанго, Каконго и Нгойо М , 1980

Черных Е Н , Венгеров А Б Структура нормативной системы в древних обществах // От доклассовых обществ к раннеклассовым М , 1987

Cohen R Warfare and State Formation // Development and Decline The Evolution of Sociopolitical Organization South Hadley, 1985

Coquery Vidrovitch K Recherches sur un de la production africaine // La Pensee Paris, 1969 N 144

The Early State The Hague, Paris, New York, 1978

Eisenstadt S N Primitive Political Systems A Preliminary Comparative Analysis // American Anthropologist Washington, 1959 Vol 61 N 2

Fried M H On the Evolution of Social Stratification and the State // Cultural in History New Jersy, 1960

Lloyd P C The Political Structure of African Kingdoms // Political Systems and the Distribution of Power London, 1968

Popov V A Secondary Forms of Political Organization in the Ethnosocial History of Sub-Saharan Africa M , 1988

Price B J Secondary State Formation An Explanatory Model // Origins of the State Philadelphia, 1978

Southall A Alur Society Cambridge, 1953

Vansina J Comparison of African Kingdoms // Cultural and Social Anthropology New York, London, 1964

М. Л. Бутовская в статье «Универсальные механизмы контроля социальной напряженности...» отстаивает точку зрения о том, что межэтнические и межгрупповые конфликты и их преодоление (примирение) обусловлены не только факторами культуры (воспитанием, культурными установками и стереотипами), но и этологическими причинами. Она детально показывает наличие фундаментальных этологических механизмов, обеспечивающих восстановление нарушенных социальных связей в группе у человека. Механизмы восстановления социального равновесия восходят своими корнями в давнее прошлое отряда приматов. По мнению автора, человек не только далеко превзошел своих животных родственников по изощренности способов уничтожения себе подобных, но и существенно преумножил способы примирения. Способность объединения на основе символического родства, общности религии или культурных ценностей позволяет человеку сделать новый шаг в сторону интеграции. Человек научился восстанавливать социальное равновесие не только в пределах группы, но и на межгрупповом уровне. Современные средства массовой информации, беспрецедентная мобильность, формирование сети социальных связей с людьми в разных частях света с помощью Интернета создают потенциальные возможности для идентификации человека с единым социумом (городом, страной, блоком стран и даже со всем человечеством) и способствуют облегчению процессов интеграции.

В. В. Бочаров в статье «Социально-возрастной конфликт и политические катаклизмы в российском обществе» рассматривает политические катаклизмы в России XIX–XX вв. как результат социально-возрастного конфликта, перманентно воспроизводящегося российским обществом. Данный конфликт является органической частью собственно социальности. Его истоки — в неравномерном распределении ресурсов между «правящим поколением» и «молодежью», идущему ему на смену. Конфликт актуализируется, когда происходит задержка передачи властных ресурсов «старшими» «младшим». В первичном социуме, функционировавшем на принципах «общечеловеческих ценностей», данный конфликт снимался традицией, жестко регулировавшей данный процесс. Актуализация социально-возрастного конфликта ха-

рактерна для стран с нерыночной экономикой, в которых обретение социальной полноценности гражданами целиком и полностью зависит от карьерного продвижения по государственно-бюрократической иерархии в течение жизненного пути. Задержка «стариков» во власти неизбежно порождает недовольство «молодежи», остро ощущающих свою социальную ущербность. Автор доказывает, что «перестройка» также была результатом разрешения данного конфликта.

В. А. Тишков в статье «Чечня как сцена и как роль», рассуждая о причинах чеченской войны, пришел к выводу об отсутствии истинной (общеразделяемой) точки зрения: «Если бы общеразделяемая версия прошлых и современных событий существовала вообще, то не было бы конфликта, ибо войны начинаются в головах людей...» По его мнению, в условиях вооруженного конфликта «установление истины» есть не просто признание точности фактов: «Это есть ритуал, легитимирующий не для себя, а для всех жертвенность в отношении одной из сторон и виновность для другой». Автор убеждает читателя в том, что объективной оценки конфликта не существует не только среди лиц, вовлеченных непосредственно в него (инсайдеров), но и среди аутсайдеров. Анализируя деятельность журналистов, освещавших конфликт с разных сторон, он приходит к выводу, что он «оказался узурпированным политизированным мифомедийным дискурсом» В условиях конфликта происходит конструирование новой чеченской идентичности на базе малодостоверного историко-этнографического материала, литературных и паранаучных фантазий и намеренных политических предписаний.

В. А. Тишков в статье «Межэтнические отношения и конфликты...» характеризует причины межэтнических конфликтов в странах СНГ. Одна из них — политика этнического исключения, проводимая в данных государствах от имени «титульных» этнических общностей. Причиной конфликтов является также языковая политика, при которой русский язык остается «наказанным языком». Интересы «титульного населения» все еще часто представляют воинствующие радикалы. Автор считает, что основной внутренний вызов Российскому государству заключается в отсутствии в необходимой степени общеразделяемой гражданской идентичности россиян, чувства гражданской ответственности и патриотизма. Задача государства и общества, по его мнению, — окончательно развенчать миф «национальных движений» и «национальных возрождений», который содержит в себе конфликтную компоненту. Представляет опасность и рост русского национализма. Необходимы также меры по радикальному улучшению обществоведческой экспертизы. Нужны срочные заказы на исследования, которые имели бы современную теоретическую базу, дисциплинарный профессионализм и практическую ориентацию.

В. А. Тишков в статье «Антропология НПО» высказывает свое мнение по поводу роли общественных организаций и движений в современном мире. В последнее время на территории постсоветских государств возникли разного рода «национальные», «демократические», «возрожденческие» и прочие движения. Их учредители, по мнению автора, узурпирует в свою пользу звучную категорию «движение», хотя на самом деле чаще всего таковыми не являются. Тем более это относится к НПО Автору представляются слабо мотивированными рассуждения об «улучшении мира» посредством деятельности НПО, так как до сих пор именно государство является самой важной и значимой формой людских коллективов. Поэтому отрицание государства — это саморазрушительная утопия. На конкретных примерах В А Тишков убедительно доказывает, что деятельность ряда НПО, финансируемых из-за рубежа, подрывало стабильность в государстве, способствовало росту их конфликтогенности

В. А. Тишков («Социально-культурный аспект терроризма») считает, что при анализе феномена терроризма продуктивно прибегнуть к методу социально-культурной антропологии, который ориентирован на культурный контекст и на своего рода низовую этнографию терроризма Терроризм — это не война миров («Север—Юг», «бедность—богатство»), а явление, которое пересекает границы и может существовать повсеместно По Тишкову, «мы имеем дело с новым по своему воздействию феноменом, который не укладывается ни в понятие государства, ни в понятие этнических общностей» Главную роль играют «неформальные сети» — диаспорные, радикально-фундаменталистские или наркокриминальные коалиции Они зачастую выстраиваются от имени «угнетаемых меньшинств» или «непризнанных наций», прибегая к насилию Необходимо, таким образом, озаботиться не в меньшей степени проблемами прав большинства и сохранения основ правопорядка.

В производстве террора особую роль играют различные несистемные активисты Имея денежные средства и набор постулатов, можно мобилизовать рекрутов из бедных и богатых, из ненавистников и авантюристов на любые действия Поэтому важно изучить, как люди становятся рекрутами массовых мобилизаций и радикальных проектов В. Тишков призывает в данной связи срочно возродить отечественную научную экспертизу внешнего мира.

М Л БУТОВСКАЯ

УНИВЕРСАЛЬНЫЕ МЕХАНИЗМЫ КОНТРОЛЯ СОЦИАЛЬНОЙ НАПРЯЖЕННОСТИ И ИХ ЭФФЕКТИВНОСТЬ В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ*

Групповой образ жизни сулит членам группы значительные выгоды, облегчая выживание (активная кооперация при поиске пищи, заботе о потомстве, защите от хищников и многое другое) Однако наряду с этим групповой образ жизни сопряжен и с конфликтом интересов членов группы (конкуренция за пищу и репродуктивного партнера, за место в групповой иерархии и пр.) (Бутовская, Файнберг, 1993) Трения и конфликты ведут к нарушениям социальных связей между сородичами и угрожают существованию социальной системы как таковой Неудивительно, что у социальных видов животных (включая человека) в процессе эволюции развиваются надежные механизмы снятия социальной напряженности и механизмы, обеспечивающие восстановление социальных отношений, нарушенных в процессе конфликта (Бутовская 1998, de Waal 1996, Cords, Aureli 2000).

Естественные основы разрешения конфликтов

Социальный образ жизни связан с необходимостью преодолевать разногласия и конфликты, независимо от того, идет ли речь о паре индивидов, группе или надгрупповом объединении Проблема гармонизации отношений и ослабления конкуренции во имя более значимых целей является универсальной для социальных объединений, поэтому неудивительно, если и процессы, лежащие в основе регуляции социальной напряженности, имеют универсальный характер.

---

* Агрессия и мирное сосуществование универсальные механизмы контроля социальной напряженности у человека / Под ред М Л Бутовской М Научный мир, 2004

© М Л Бутовская, 2007

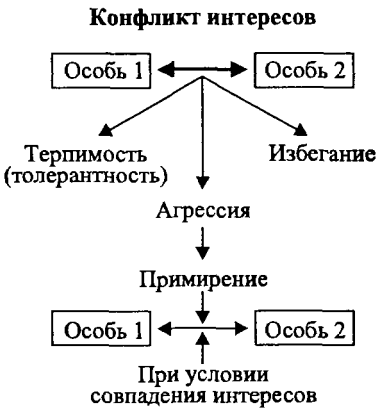
В повседневной жизни люди обмениваются рукопожатиями или приносят устные извинения, чтобы предотвратить конфликт или загладить его. Выработаны социальные нормы поведения, чтобы регулировать взаимоотношения в пределах сообщества, и разработаны юридические процедуры для разрешения конфликтов, когда индивиды, вовлеченные в конфликт, оказываются не в состоянии прийти к соглашению без посторонней помощи. Люди так беспокоятся о разрушительных последствиях конфликта, что испытывают настоящую бурную радость от примирения и празднуют это событие в семье, общине, на национальном и международном уровне. Примирение наравне с конфликтом и кооперацией является естественным явлением. Структурное и функциональное сходство этого явления прослеживается на кросскультурном и межвидовом уровнях.

Чтобы получать выгоды от группового образа жизни, члены группы должны уметь преодолевать конкуренцию и находить способы разрешения конфликтных ситуаций. По этой причине механизмы регуляции социальной напряженности являются фундаментальной основой образа жизни любого вида, ведущего групповой образ жизни.

Без агрессии не было бы примирения

Тема агрессии одна из наиболее популярных в этологии и психологии. Применительно к человеку, агрессивное поведение чаще всего исследовалось в рамках индивидуальной модели, т. е. анализировали его как индивидуальную реакцию, вызванную внешними и внутренними факторами (личный опыт, гены, гормоны, фрустрация). В рамках такого подхода социальным взаимоотношениям не уделялось должного внимания. Исследователи практически никогда не анализировали историю взаимоотношений между взаимодействующими сторонами, не интересовались, как развиваются эти взаимоотношения после агрессивного столкновения.

Исследования в области постконфликтного поведения сместили акцент с анализа агрессивного поведения как проявления внутреннего состояния индивида на анализ агрессии как производного конфликта интересов. На смену индивидуальной модели была предложена модель отношений (de Waal 2000) (рисунок). Со временем пришло понимание того, что конфликт интересов может разрешаться и мирным путем. Это случается тогда, когда партнер проявляет терпимость к зачинщику конфликта (готов поделиться ресурсами, сделать вид, что не заметил враждебной выходки, и пр.) или когда он предпочитает устраниться от дальнейших взаимодействий (впредь избегать контакта с обидчиком).



Модель отношений рассматривает социальных партнеров как своеобразный «товар», обладающий разной ценностью. Если два индивидуума конкурируют за единый ресурс, например пищу или полового партнера, они вынуждены сопоставлять ценность желаемого ресурса не только с риском получить ранение в ходе возможной драки, но оценить баланс между риском разрушить устоявшиеся связи с оппонентом и выгоды, которые данный индивид от этих взаимоотношений имел и может иметь в перспективе.

Модель отношений предсказывает, что тенденция к инициации агрессии возрастает с ростом возможностей для конкуренции, ценностной стоимости ресурса, возможности восстановления отношений после конфликта и снижается с повышением риска ранений и ценности взаимоотношений.

Восстанавливаемость отношений

В рамках этой модели агрессивных конфликт оценивается участниками с множества позиций: кратковременные преимущества от победы («за») взвешиваются в сопоставлении с риском эскалации враждебных отношений и долгосрочными социальными последствиям («против»). Как ни парадоксально, чем лучше развиты механизмы восстановления отношений после конфликта, тем меньше сомнений возникает у особи относительно развязывания конфликта. Яркий тому пример — бурые макаки — вид, характеризующийся высоким уровнем дружелюбия, взаимной терпимости, высоким уровнем груминга, высокой вероятности примирения и одновременно высоким уровнем агрессии (правда, агрессивные действия практически никогда не представляют угрозы для жизни соперников) (Butovskaya, Ladygina 1989; Butovskaya,

Kozintsev 1996; de Waal, Luttrell 1989). Способность поддерживать деловые отношения, невзирая на конфликт, и преодолеть разрушительные для партнеров последствия конфликта делает агрессию своеобразным «орудием торга».

Модель отношений позволяет затронуть и вопросы о причинах эскалации агрессии, и ее перерастания в насилие. Она представляет эту проблему в плоскости ценности взаимоотношений между партнерами и наличия социальной компетентности, необходимой для разрешения конфликта альтернативным способом (de Waal 2000). Если индивиды не заинтересованы друг в друге, общие интересы отсутствуют, или, когда противник «дегуманизируется» с помощью политической пропаганды, шансы сдерживания и прекращения агрессии оказываются действительно малы.

Модель отношений позволяет понять, что агрессия является интегративной частью внутригрупповых отношений и может встречаться в условиях хорошо отлаженных и прочных социальных взаимоотношений. Во многих случаях взаимоотношения, характеризующиеся высоким уровнем агрессии, в реальности могут оказаться близкими и кооперативными (Бутовская, Козинцев 1998).

Модель отношений: 1) позволяет полностью интегрировать конкуренцию и кооперацию в рамках одних и тех же взаимоотношений Агрессия часто выступает своеобразным тестом на прочность отношений; 2) показывает, что мотивационная и эмоциональная подноготная конфликта не отграничивается только агрессией и страхом. Составляющей конфликта могут являться и аффилиативные мотивации. Наиболее отчетливо это проявляется в конфликте матери и детеныша при отлучении от груди. Взаимоотношения взрослых особей так же часто несут в себе смесь страха и привлекательности.

Связь между агрессией и страхом при взаимодействии с соплеменником, с одной стороны, и желанием поддерживать с ним дружественные контакты — с другой, можно исследовать через призму эмоциональных отношений особей. Потенциальный риск получить ранение и потенциальная опасность разрушить устоявшиеся связи с партнером в равной мере вызывают у соперников стресс и чувство тревоги по окончании конфликта (Aureli, Schaffner 2002). Причем важно представлять себе, что тревогу испытывают не только проигравшие, но порой и победители (Aureli 1997). Чем ценнее были исходные взаимоотношения для недавних противников, тем больше тревоги оба они испытывают после конфликта. Не случайно поэтому инициаторами примирения выступают не только жертвы, но и нападающие — у животных и человека (Aureli, Smucny 2000; Butovskaya et al. 2000).

Бывшие агрессоры часто выступают инициаторами примирения у видов, для которых типичны жесткие, деспотические отношения меж-

ду членами группы (резусы, яванские, японские макаки). Это происходит потому, что недавние жертвы боятся сами приблизиться к агрессору, дабы не спровоцировать нового нападения. У видов с эгалитарными отношениями доминирования доля примирений по инициативе жертвы резко возрастает и превосходит в процентном отношении долю примирений по инициативе агрессора. У человекообразных обезьян (шимпанзе, и в первую очередь бонобо) и в детских коллективах, так же характеризующихся эгалитарностью стилей доминирования, процент примирений со стороны агрессора вновь отчетливо возрастает (de Waal 1993; Butovskaya et al. 2000; 2001a). Происходит это потому, что в этом случае вследствие развития рассудочной деятельности и эмпатии агрессоры начинают испытывать «чувство вины» и стараются поскорее извиниться за содеянное (Butovskaya 2001b).

Таким образом, эмоции играют первостепенную роль в социальной жизни животных. Они стимулируют индивида к быстрому принятию решений и представляют собой соматические маркеры, ограничивающие этот процесс. Медиация социальных решений на эмоциональном уровне — новое направление в исследованиях по постконфликтному поведению. Предполагается, что оно позволит изучить проксемальные механизмы процессов индивидуального принятия решений о взаимоотношениях с социальными партнерами (Aureli, Schaffner, 2002).

Контроль социальной стабильности в сообществах ранних гоминид

Вся история человеческого рода есть история диалектического развития кооперации и конкуренции· альтруизма по отношению к своим (родственникам, друзьям, знакомым) и эгоизма по отношению к чужим (не-членам группы, потенциальным врагам).

На характер постконфликтного поведения в эволюции гоминин существенное влияние могли оказывать экологические факторы и особенности социальной структуры группы. Предположительно роль механизмов примирения возросла на этом этапе эволюции. Формирование тесных устойчивых связей между самками усиление кооперации между самцами, и формирование долговременных пар самец—самка обеспечили благоприятный климат для развития механизмов контроля социальной напряженности на уровне всей группы. Высокий уровень примирения весьма вероятен на этом этапе развития гоминининых сообществ, поскольку есть все основания предполагать, что отношения в группах ранних гоминин носили эгалитарный характер (Butovskaya 1999).

Примирение у детей

До недавнего времени лишь в немногих исследованиях по социальному поведению детей рассматривалась проблема спонтанного примирения в постконфликтных ситуациях. Положение изменилось, когда этологи применили методики, использованные ранее для изучения постконфликтного поведения у приматов к анализу поведения в детских коллективах (Бутовская, Козинцев 1998; Butovskaya et al. 2000; Verbeek et al. 2000).

Результаты показывают, что мальчики склонны применять контактную агрессию почти втрое чаще, чем девочки (Butovskaya, Kozintsev 1999a, b; Butovskaya 2001a). Частота произведенной контактной агрессии в группе калмыцких детей, приходящаяся на одного мальчика, была примерно в три раза выше, чем на одну девочку. Мальчики достоверно чаще направляли контактную агрессию на детей своего пола. Половые различия по частоте неконтактной агрессии были недостоверны. Однако и в этом случае получены достоверные отличия по количеству направленной неконтактной агрессии со стороны мальчиков в направлении представителей своего и противоположного пола: частота неконтактной агрессии при общении мальчиков с девочками была существенно ниже, чем во взаимодействиях мальчиков друг с другом. Грубая игра практически полностью являлась прерогативой общения мальчиков. Мальчики и девочки были склонны достоверно чаще проявлять доминирование по направлению к детям своего пола, а подчинение — к детям противоположного пола. То же было верно и в отношении дружелюбного поведения.

Выявлена была также достоверная положительная связь между агрессивным и дружественным поведением. Такое, на первый взгляд, парадоксальное явление имеет под собой реальный смысл, если мы вспомним о модели отношений, упомянутой выше. Друзья чаще других находятся рядом друг с другом, хорошо осведомлены о характере партнера и на основе предшествующего опыта уже знают, что помириться с другом проще, чем с нейтральным ребенком из собственной группы. Вероятность примирения показана для русских, калмыцких и американских детей (соотношение пар разных типов дано в зависимости от уровня дружественных отношений) (табл. 1) (Butovskaya et al. 2000).

Можно считать установленным, что феномен примирения связан с качеством отношений между партнерами по конфликту. Наши данные свидетельствуют о том, что у человека (по крайней мере, в детском возрасте) агрессор примиряется достоверно чаще жертвы (Butovskaya 2001a, b). Это особенно четко проявляется в постконфликтных взаимодействиях партнеров с высоким социальным статусом. В парах низ-

Таблица 1. **Частота аффилиативного поведения в постконфликтном периоде и в сопряженном контроле, полученная для детей из трех культур (калмыцкой, русской и американской) (Бутовская, Козинцев, 1998; Butovskaya & Sukhova, 2000; Butovskaya et al. 2000)**

Исследованные группы	ПК-СК пары						
	Состав пары	А	Д	Н	Всего	V	R
Калмыки (6–7 лет)	Недрузья	30	1	14	45	64	93 5
	Приятели	19	3	1	23	70	72 7
	Друзья	67	7	9	83	72	81 1
	Всего	116	11	24	151	69 5	82 7
Русские группа 1 (6–7 лет)	Недрузья	33	1	50	84	38 1	94 1
	Приятели	19	0	14	33	57 6	100
	Друзья	23	10	9	42	31 0	39 4
	Всего	75	11	73	159	40 3	74 4
Русские группа 2 (6–7 лет)	Недрузья	6	2	8	16	25	50
	Приятели	11	9	9	29	6.9	10
	Друзья	33	11	17	61	36 1	50
	Всего	50	22	34	106	26 4	38 9
Американцы (3–5 лет)	Недрузья	105	14	84	203	44 8	76 5
	Приятели	31	7	10	48	50	63 2
	Друзья	17	3	2	22	63 6	70
	Всего	153	24	96	273	47 3	72 9

Условные обозначения V и R — абсолютный и относительный индексы примирения (Veenema et al 1994, Butovskaya & Kozintsev, 1999a)

коранговых детей, и детей с большой разницей по статусу инициатива примирения в равной мере могла исходить как от агрессора, так и от жертвы.

Причина активной позиции агрессора по урегулированию конфликта, на наш взгляд, кроется в хорошо развитом социальном интеллекте человека, умении представлять последствия своих действий на перспективу. В 6–7-летнем возрасте агрессоры уже ощущают себя виноватыми в содеянном и активно заинтересованы в восстановлении утраченных социальных контактов с одноклассниками. Возможно, речь идет о культурном стереотипе, уже прочно зафиксированном в 6–7-летнем возрасте. От успешного усвоения правил постконфликтного поведения может во многом зависеть социальный успех ребенка и его социальный статус. Не случайно, что лидерами в группе, как правило, оказываются дети, которые умеют не только активно конкурировать и выигрывать в конфликтах, но и примиряться и восстанавливать нарушенные социальные связи.

Анализ частоты вмешательства третьего ребенка на стороне агрессора и жертвы был проведен нами для калмыцких школьников (Butovskaya 2001a). Похоже, что мальчики в целом больше склонны помогать агрессору, чем девочки.

Детская субкультура и примирение

Индивидуальные интервью, с русскими и калмыцкими детьми позволили выявить их установки относительно правил поведения после конфликта (табл. 2). Было показано, что дети к 7 годами имеют уже достаточно четкие представления о том, как следует себя вести после конфликта с другими, в зависимости от степени близости отношений с конкретными партнером. Их представления четко следуют нормам поведения, принятым в данной культуре. Это касается вопросов о том, кто должен мириться первым (агрессор). Ответ соответствует результатам этологических наблюдений. Дети отмечают, что с друзьями мириться легче. Если вспомним, выше мы говорили о том, что в рамках представлений о «дозволенности» агрессивных взаимодействий с конкретным партнером ожидается, что конфликты будут происходить чаще с теми, с кем легче мириться в дальнейшем. И именно с друзьями дети чаще конфликтовали (по этологическим наблюдениям). Дети также говорили, что при примирении с друзьями следует применять более интимные и выразительные способы интеграции (подарки, поцелуи), тогда как при примирении с нейтральными лицами формальных извинений бывает достаточно.

Определенные правила поведения третьих лиц также присутствуют в поведении 6–7-летних школьников: нужно защищать жертву, защищать друга против более сильных детей. Дети также верят, что друзья всегда заступятся за них и придут на помощь (реципрокный альтруизм в действии). Действительно, если вспомнить этологические данные, друзья часто приходят на помощь. Однако мальчики помогают нападающему, а девочки чаще помогают жертве.

Вместе с тем некоторые детские ответы выявили определенное расхождение между желаемым (описываемым поведением) и действительно наблюдаемым поведением: дети говорили, что, прежде чем помириться, стараются выдержать паузу (10 и более минут), в реальности, как было показано в наших наблюдениях, большинство примирялось в первые 2 минуты после окончания ссоры (Бутовская, Козинцев 1998; Butovskaya 2001a).

В 6–7-летнем возрасте мальчики и девочки давали примерно сходные ответы на все вопросы. Единственное исключение составил вопрос о том, сколько времени должно пройти, прежде чем дети пойдут на мировую. Существенно больше девочек настаивали на том, что будут соблюдать паузу в отношениях 10 и более минут. Подобные установки были более типичны для русских школьников.

Таким образом, особая культура примирения возникает в пределах детской субкультуры и передается в процессе общения от старших детей к младшим. Эта культура объединяет в себе переходные элемен-

Таблица 2. **Отношение русских и калмыцких детей к примирению (Butovskaya, 2001b)**

Положительные утверждения	Русские			Калмыки			Всего		
	мальчики, n=24	девочки, n=18	всего, n=42	мальчики, n=19	девочки, n=15	всего, n=34	мальчики, n=43	девочки, n=33	всего, n=76
Мириться первым должен тот, кто начал ссору	23 96%	16 89%	39 93%	18 95%	13 88%	31 91%	41 95%	29 88%	70 92%
Лучший способ помириться с другом — подарить подарок	17 71%	15 83%	32 76%	12 65%	9 59%	21 62%	29 67%	24 72%	53 70%
Лучший способ помириться с нейтральным лицом — извиниться	15 63%	16 89%	31 74%	12 65%	9 59%	21 62%	27 63%	25 76%	52 68%
Нужно прежде всего защищать жертву	21 88%	15 83%	36 86%	18 95%	15 100	33 97%	39 91%	30 91%	69 91%
Я буду защищать друга, даже если агрессор сильнее меня	24 100%	18 100%	42 100%	19 100%	15 100%	34 100%	43 100%	33 100%	76 100%
Если на меня нападут, друзья всегда утешат меня и заставят обидчика извиниться	22 92%	16 89%	38 90%	15 79%	12 80%	27 79%	37 86%	28 85%	65 86%
Легче мириться после словесной ссоры, чем после драки	24 100%	18 100%	42 100%	19 100%	14 93%	33 97%	43 100%	32 97%	75 99%
Легче мириться с друзьями, чем с остальными детьми	24 100%	18 100%	42 100%	19 100%	15 100%	34 100%	43 100%	33 100%	76 100%
Обычно я выжидаю (10 и более минут), прежде чем помириться	16 67%	16 89%	32 76%	9 45%	11 76%	20 59%	25 58%	25 76%	50 66%

ты от мира животных к миру взрослых людей. Феномен примирения достоверно прослеживается уже у детей 2-летнего возраста, что дает некоторые основания говорить о врожденной предрасположенности к примирению у человека. В группах у детей наблюдается более четкое развитие тенденций, наметившихся в эволюции приматов (Butovskaya 2001a, b): 1) повышается уровень примирения по инициативе агрессора (дети говорили нам о чувстве вины, испытываемого виновником ссоры); 2) важную роль в урегулировании конфликта начинают играть посредники — индивиды, не принимавшие непосредственного участия в конфликте, но заинтересованные в его прекращении; чаще всего — это лидеры группы, но могут встречаться и дети, специализирующиеся на роли мирителя; 3) процесс примирения четко дифференцирован на две стадии — первая фаза обозначения конца агрессии («прости меня», «я больше не буду»), вторая фаза — собственно примирение (мирилки, подарки, объятия, поцелуи).

Восстановление мира в человеческих обществах

Данные о моделях примирения в человеческих сообществах указывают на возможную эволюционную преемственность этого феномена и общее сходство его основополагающих механизмов с высшими обезьянами. Налицо дальнейшее развитие и усовершенствование моделей примирения, отчетливое дифференцирование этого процесса на отдельные фазы. В первую очередь речь идет о выработке культурных механизмов, сигнализирующих намерения конфликтующих прекратить агрессию. По мнению некоторых исследователей, феномен примирения у обезьян гомологичен именно этой фазе примирения (Silk 1997).

Д. Фрей приводит в своей работе следующую классификацию основных способы восстановления мира в человеческих обществах (Fry 2000):

дарение подарков или обмен подарками (зинаконтеки — обмениваются ликером местного изготовления; фиджийцы дарят символические подарки, например китовые зубы);

выплата реституций (дживаро используют для этого свиней и оружие);

совместная трапеза и выпивка (гавайцы организуют совместные застолья; итальянские крестьяне выпивают вместе);

физические контакты типа поцелуев и рукопожатий (фиджийцы поживают руки, арабские и иранские женщины целуются);

умиротворяющие позы и жесты (извиняясь, фиджийцы склоняют-

ся, смотрят под ноги, дрожат, простираются на земле, прося прощения);

устное извинение (мбути, сапотеки, фиджийцы, гавайцы произносят слова извинения);

участие третьих лиц в ритуалах примирения (у мбути участвуют члены локальной группы, у йале — родственники и соседи).

Взаимосвязь ритуалов примирения в детских коллективах и традиционных обществах

Как было показано выше, примирение в группах у детей по многим параметрам сходно с процессом примирения у обезьян (время первого контакта, дискомфорт бывших участников конфликта, элементы поведения, используемые для примирения, поддержка и помощь со стороны третьих лиц участникам конфликта). Вместе с тем по целому ряду параметров примирение у детей и подростков — феномен сугубо человеческий. Прежде всего, это касается особых ритуальных форм примирения, связанных с языком и символикой. Культура детских мирилок, формул примирения и ритуализованных движений поразительно напоминает танцевально-песенные обряды формального замирения у охотников-собирателей или ранних земледельцев. В последнем случае мы становимся свидетелями наличия у человека механизмов контроля агрессии на более высоком уровне интеграции — межгрупповом. Это неудивительно, ибо по мере роста потребности в общении с представителями соседних сообществ должна была произойти выработка разнообразных ритуалов замирения. Так, яломе, одно из племен Западного Ириана, оповещает врагов о намерении прекратить конфликт специальной песней (Koch 1974). Другое племя — папуасы кивай — сообщают о желании заключить мир, кладя ветку через дорогу, ведущую к его деревне. Типичными атрибутами примирения выступают обмен подарками, совместные трапезы, обмен брачными партнерами (Eibl-Eibesfeldt 1979).

Межгрупповые конфликты и восстановление мирных отношений между воюющими сторонами

Межгрупповые конфликты, сопряженные с насилием, существенным образом отличаются от столкновений между отдельными людьми. По данным Нея (Neu 2000), основные различия могут быть сведены к следующим:

решение о начале столкновения принимается лидерами группы. Тогда как на индивидуальном уровне не требуется длительного периода принятия решений того, чтобы начать агрессивные действия;

ведение войны требует хорошей организации (призыв новобранцев, мобилизация армии, приведение оружия в боевую готовность, разработка планов ведения войны). Индивид может ввязываться в агрессию без какого-либо предварительного планирования своих действий;

во время боевых действий необходимо оценивать боевой дух армии и убеждаться, что войска поддерживают действия, предпринятые лидерами. Индивиды, вовлеченные в агрессивное столкновение, редко действуют скоординированно с большим количеством сторонников;

в условиях крупных межгрупповых конфликтов усилия по восстановлению мира — дело опасное. В ситуациях, когда большую группу людей ориентировали на войну, может потребоваться значительное время для переориентации мнения большинства в сторону мира. Убийства Анвара Садата и Ицхака Рабина, единолично принявших решения о развитии мира на Ближнем Востоке, по мнению Нея, подтверждают это положение. Оба были убиты членами собственной группы как предатели национальной идеи. Хотя решение о примирении, принимаемое между партнерами на индивидуальном уровне, также требует определенного мужества, оно редко бывает сопряжено с угрозой для жизни.

В межгрупповых конфликтах, где враждующие стороны хорошо знакомы друг с другом и имеют общую историю (и, возможно, воевали в прошлом как союзники против общего врага), восстановление мира — дело особенно сложное. Как и в случае межиндивидуальных конфликтов, враждующие стороны хорошо знают сильные и слабые стороны друг друга и используют эти знания в борьбе с врагом. В таких ситуациях вмешательство третьей стороны особенно необходимо.

Как было показано выше, медиация является базовой характеристикой человеческого поведения на внутригрупповом уровне и имеет древние эволюционные корни. Оно типично в первую очередь для обезьян, практикующих эгалитарные групповые отношения (шимпанзе, бонобо: [de Waal 1996]; бурые макаки: [Butovskaya, Ladugina 1989]; тонкинские макаки: [Бутовская, неопубликованные данные]). Помощь медиаторов на групповом уровне (третья группа, не вовлеченная в конфликт), по всей вероятности, — явление более позднее в человеческой истории. Она зафиксирована уже в 5 в. до н. э. в Китае (Motzu), недавний пример такого рода — Гаагская конвенция по мирному урегулированию международных конфликтов, основанная в 1999 г.

Когда происходит вмешательство в конфликт медиатора-посредника, к отношениям между конфликтующими сторонами добавляются отношения медиатора с каждой из сторон. В идеале медиатор должен восприниматься конфликтующими как нейтральная сторона. В международных конфликтах медиатор должен обладать достаточным

международным авторитетом и правами, чтобы получить международную поддержку и одобрение со стороны собственной группы.

Вместе с тем при анализе международных конфликтов, как правило, игнорируется роль такого фактора, как непосредственное межличностное общение. Как показывает реальная жизнь, важным моментом, определяющим успех посредничества, является доверие сторон в отношениях с медиатором. Оптимальным является наличие предшествующих личностных доверительных отношений между медиатором и лидерами враждующих сторон. Если таковые отсутствуют, то их необходимо сформировать в процессе общения (Neu 2000).

Агрессия и миролюбие: по ту сторону добра и зла

Едва ли будет преувеличением сказать, что изучение механизмов регуляции социальной напряженности у человека в наши дни является одной из наиболее актуальных проблем современной науки. Ежегодно в мире публикуются сотни статей, освещающих феномен агрессии на индивидуальном, групповом и межгрупповом уровнях. Несомненно, что основным стимулом этих явлений служат события политического и экономического характера, однако было бы крайне ошибочным думать, что эволюционные факторы никоим образом не причастны к тому, в какой форме была реализована агрессия, какие последствия в данных условиях имели вспышки насилия и какие последующие действия были предприняты для урегулирования социальной напряженности в конкретном регионе.

Тот факт, что агрессия (в различных формах) продолжает оставаться атрибутом социальной жизни любого человеческого общества (хотя частота и формы агрессивного поведения могут значительно варьировать), отчетливо предостерегает исследователей, современных и будущих, против игнорирования эволюционных корней данного явления.

Агрессия у других видов приматов служит одним из механизмов дисперсии в пространстве, стимулирующих процессы расселения вида на более обширной территории, и, по всей видимости, выполняла аналогичную функцию в процессе заселения человеком Ойкумены. Она являлась инструментом установления социальной иерархии на групповом уровне и в каком-то смысле залогом последующей групповой стабильности. Благодаря интенсивному действию отбора в человеческих популяциях возник существенный генетический полиморфизм по характеристикам, связанным с готовностью демонстрировать физическую агрессию и насилие, со склонностью к проявлению гнева, готовности к риску и целому ряду других характеристик, в том или виде ассоциирующихся с проявлением агрессивного поведения.

Многочисленные недавние работы генетиков, эндокринологов, нефойрофизиологов и этологов указывают на наличие генов, связанных с агрессией, импульсивным поведением (Brunner et al. 1993; Schih et al. 1999; Lowson et al. 2003; Manuck et al. 1999). В ряде работ по психогенетике отмечается повышенная частота вероятности практики физической агрессии и насилия среди однояйцевых близнецов в сравнении с разнояйцевыми близнецами и родными братьями и сестрами (Бэрон, Ричардсон 1997; Равич-Щербо и др. 1999).

Как свидетельствуют данные различных авторов, агрессивное поведение принципиально различается по эмоциональной составляющей. Выделяют инструментальную и враждебную агрессию (Бэрон, Ричардсон 1997), или проактивную и реактивную (Dodge 1991). Проактивная (инструментальная) агрессия часто служит инструментом для достижения социального успеха или какой-либо другой цели, и человек, практикующий подобные действия, совершает их продуманно и хладнокровно. Напротив, реактивная (враждебная) агрессии совершается лицами, находящимися в возбужденном состоянии и испытывающими чувство гнева и раздражения. Стоит ли говорить, что второй вариант агрессии связан с потерей контроля над собственным поведением и зачастую ничего, кроме проблем, носителю данного поведения не приносит. Правда, вспышки гнева, вылившиеся в бурные скандалы, ругань и выяснения отношений между супругами, друзьями и партнерами по работе, могут послужить катализатором последующей интеграции. Этологи, изучающие постконфликтное поведение, отмечают, что выяснение отношений может не только служить положительной эмоциональной разрядкой для участников перепалки, но и приводить к более тесной социальной интеграции, последующему укреплению социальных связей в паре.

Агрессия и способность к ее контролю определяются множественными факторами: врожденными характеристиками, определяющими черты личности или индивидуальные особенности нервной системы человека (Manuck et al. 2002), гормональным статусом (Grant, France 2001; Mazur, Booth 1998), специфическими условиями социализации в сочетании с генетической составляющей (Caspi et al. 2002; Foley et al. 2004), культурными нормами поведения (Fry 2001), наконец, правилами поведения, насаждаемыми в условиях экстремальных групп (Ireland, Archer 2004; Lawrence, Andrews 2004).

Накопленные к настоящему моменту данные указывают на то, что агрессия и примирение должны анализироваться в едином блоке, только таким образом можно составить объективную картину о способах контроля социальной напряженности в рамках данного общества, субкультуры или конкретной группы. В основе феномена примирения у человека лежат гормональные механизмы. А устойчивость практи

ки примирения в экстремальных условиях (воспитательная колония) и у детей с психическими отклонениями, несомненно, подтверждает огромную значимость естественных механизмов, обеспечивающих восстановление социальных связей, нарушенных в результате агрессивных столкновений у человека, и свидетельствует об эволюционной древности такого поведения.

Краткие выводы

Чем сложнее социальная организация, тем сильнее развиты механизмы примирения и тем они более разнообразны.

С повышением уровня филогенетического развития прослеживается возникновение специальных элементов поведения, используемых избирательно в контексте примирения (для бурых макаков это фиксация крупа двумя руками, сопровождаемое характерным клацаньем, для шимпанзе — поцелуи, для бонобо — элементы сексуального поведения).

Замечено, что уровень примирения много выше у видов с гибкими, эгалитарными, социальными отношениями.

С развитием когнитивных способностей (усовершенствованием механизмов долговременной памяти, индивидуального опознавания, долговременного планирования и пр.) происходит расширение круга индивидов, участвующих в урегулировании конфликта. Помимо «утешителей» и «защитников» появляются индивиды «мирители», поведение которых однозначно направляется на стимулирование бывших соперников к восстановлению мирных отношений.

Аналогично тому, как уровень агрессивности может варьировать в зависимости от условий воспитания, уровень примирения также является величиной изменчивой.

В репертуаре человека имеются глубинные этологические механизмы контроля агрессии и восстановления социальных связей.

Качественно новый для человеческого общества феномен — распространение действия механизмов примирения на межгрупповые отношения. Возникновение такого рода законов знаменует собой тенденцию к плотному общению на межгрупповом уровне, потребность в объединении с соседними социумами.

Культура придает ритуалам примирения фундаментально новые свойства, делая их глубоко символичными и осмысленными. Культурные стереотипы в процессе онтогенеза накладываются на эволюционно более древние биологические механизмы, но не вытесняют последние, а действуют в дальнейшем в тесном единстве.

ЛИТЕРАТУРА

Бутовская М Л. Агрессия и примирение как проявление социальности у приматов и человека // Общественные науки и современность 1998 №6 С 149–160

Бутовская М Л , Козинцев А Г Агрессия и примирение у школьников младшего школьного возраста (этологический анализ механизмов контроля социальной напряженности в человеческих коллективах) // Этнографическое обозрение 1998 №4 С 122–139

Бутовская М Л , Файнберг Л А У истоков человеческого общества М Наука, 1993 256 с

Бэрон Р , Ричардсон Д Агрессия СПб Питер 1997 330 с

Лоренц К Агрессия СПб Амфора 2001

Равич-Щербо И В , Марютина Т М , Григоренко Е Л Психогенетика М Аспект Пресс, 1999 448 с

Aureli F Post-conflict anxiety in non-human primates The mediating role of emotion in conflict resolution //Aggressive Behavior, 1997 23 P 315–328

Aureli F , Smucny D The role of emotion in conflict and conflict resolution // Natural Conflict Resolution (F Aureli, F and de Waal, eds) Princeton University Press Princeton, 2000 P 199–224

Aureli F , Schaffner C M Relationship assessment through emotional mediation Behavior, 2002 139 P 393–420

Brunner H G , Nelen M , Breakefield X O , Roper H H , von Ooost B A 1993 Abnormal behavior associated with a point mutation in the structural gene for monoamin oxidase A //Science 262 578–580

Butovskaya M L Coping with social tension in primate societies Strategic modelling of early hominid lifestyles In Hominid Evolution Lifestyles and Survival Strategies H Ullrich (ed) Schwelm Edition Archea, 1999 P 44–54

Butovskaya M L Reconciliation after conflicts ethological analysis of post conflict interactions in Kalmyk children // Cross-Cultural approaches to Aggression and reconciliation / J M Ramirez, D R Richardson (eds) Huntington, New York Nova Science , 2001a P 167–190

Butovskaya M L Aggression, friendship and reconciliation in primary school-children // Prevention and Control of Aggression and the Impact on Its Victims (M Martinez ed), New York Kluwer Academic/Plenum Publishers, 2001b P 147–154

Butovskaya M L and Kozintsev A G Gender-related factors affecting primate social behavior grooming, rank, age, and kinship in heterosexual and all male groups of stumptail macaques // Amer J Phys Anthropol 1996 101 P 39–54

Butovskaya M L and Kozintsev A G Aggression, friendship, and reconciliation in Russian primary schoolchildren // Aggressive Behavior 1999a 25 P 125–139

Butovskaya M L and Kozintsev A G Sexual dimorphism and the evolution of gender stereotypes in man a sociobiological perspective In The Darwinian heritage and sociobiology (J M G van der Dennen D Smile, and D R Wilson, eds) Praeger Westpoint, Connecticut, London, 1999b P 261–272

Butovskaya M L , Ladygina O N Support and cooperation in agonistic encounters of stumptail macaques // Anthropologie 1989 27 P 73–81

Butovskaya M L , Verbeek P , Ljungberg T and Lunardini A Multicultural view of peacemaking among young children // Natural Conflict Resolution (F Aureli F and de Waal, eds) Princeton University Press Princeton, 2000 P 423–450

Caspi A , Sugden K , Moffitt T E , Taylor A , Craig I W 2002 Role of genotype in the cicle of violence in maltreated children // Science 297 851–854

Cords M and Aureli F Reconciliation and relationship qualities In Natural Conflict Resolution (F Aureli, F and de Waal, eds) Princeton University Press Princeton, 2000 P 177–198

Dodge K A The structure and function of reactive and proactive aggression// The development and treatment of childhood aggression / D J Pepler, K H Rubin eds Hillsdale, New Jersey Erlbaum, 1991

Eibl-Eibesfeldt I The biology of peace and war Thames and Hudson London, 1979

Fry D P Conflict management in cross-cultural perspective // Natural Conflict Resolution (F Aureli, F and de Waal eds) Princeton University Press Princeton, 2000 P 334–351

Fry D P Is violence getting too mach attention? Cross-cultural findings on the ways people deal with conflict // Cross-cultural approaches to research on aggression and reconciliation / J M Ramirez, D S Richardson eds P 123–149 Huntington Nova Science Publishers Inc, 2001

Grant V , France J T 2001 Dominance and testosterone in women // Biological Psychology 58 41–47

Ireland J L , Archer J 2004 Association between measures of aggression and bulling among juvenile and young offenders // Aggres Behav 30 29–42

Koch K F War and peace in Jalemo The management of conflict in Highland New Guinea Harvard University Press Cambridge MA, 1974

Lawrence C , Andrews K 2004 The influence of perceived prison crowding on male inmates perception of aggressive events // Aggres Behav 30 273 283

Lowson D C , Turic D , Langley K , Pay H M , Govan C F , Norton N 2003 Association analysis of monoamine oxidase A and attention deficit hyperactivity disorder // Am J Med Genet 116B 84–89

Manuck S B , Flory J D , Ferrell R E , Dent K M , Mann J , Muldoon M F 1999 Aggression and anger-related traits associated with a polymorphism of the tryptophan hydroxylase gene// Biol Psychiatry 45 603–614

Manuck S B , Flory J D , Muldoon M F , Ferrell R E 2002 Central nervous system serotonergic responsivity and aggressive disposition in men // Physiol Behav 77 705–709

Mazur A , Booth A 1998 Testosterone and dominance in men // Behav and Brain Sci 21 353–397

Neu J Interpersonal dynamics in international conflict mediation // Natural Conflict Resolution (F Aureli, F and de Waal, eds) Princeton University Press Princeton, 2000 P 65–67

Schih J C , Chen K , Ridd M J 1999 Role of MAO A and B in neurotransmitter metabolism and behavior // Annu Rev Neurosci 22 197–217

Silk J B The function of peaceful post-conflict contacts among primates // Primates 1997 38 P 265–279

Verbeek P , Hartup W W and Collins W A Conflict resolution in children and adolescents In Natural Conflict Resolution (F Aureli, F and de Waal, eds) Princeton University Press Princeton, 2000 P 34–54

de Waal F B M Reconciliation among primates A review of empirical evidence and unresolved issues// Primate social conflict (W Mason and S P Mendoza, eds) Albany State Univ of New York Press, 1993 P 111–144

de Waal F B M The origins of right and wrong in humans and other animals Harvard University Press Cambridge, Massachusetts, 1996

de Waal F B M The first kiss foundations of conflict resolution research in animals// Natural Conflict Resolution (F Aureli, F and de Waal, eds) Princeton University Press Princeton, 2000 P 15–33

de Waal F B M and Luttrell L M Toward a comparative socioecology of genus Macaca Different dominance styles in rhesus and stumptail macaques // Amer Journal of Primatol 1989 19 P 83–109

В В БОЧАРОВ

СОЦИАЛЬНО-ВОЗРАСТНОЙ КОНФЛИКТ И ПОЛИТИЧЕСКИЕ КАТАКЛИЗМЫ В РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ*

Есть все основания предполагать, что социально-возрастной конфликт имеет для России особое значение и что именно он лежит в основании тех политических катаклизмов, которые характеризуют все XX столетие Обращают на себя внимание данные, свидетельствующие о наличии очень напряженных взаимоотношений между поколениями в традиционной русской общине, которая определяла образ жизни основной массы населения еще в 20 х гг XX столетия

Похоже, что вопреки устоявшемуся мнению о гармонии отношений между поколениями в традиционной русской общине их отношения характеризовались довольно сильной напряженностью, а иногда переходили в откровенный конфликт Это особенно отчетливо проявлялось, по наблюдениям русского этнографа С Максимова во время праздников В период Святок, например, юноши нередко нападали на взрослых, причем их агрессия носила характер жестокости «Самой излюбленной шалостью деревенской молодежи следует признать заваливание ворот и дверей изб всяким деревенским хламом, дровами бревнами, сохами, боронами и проч Взявшись за это дело целой гурьбой, озорники так завалят выходы из изб, что утром все хозяева очутятся в плену Иногда для большей потехи парни взбираются на крыши заваленных изб и выливают в трубу ведро воды, после чего хозяева, как очумелые, носятся по избе и даже взывают о помощи к соседям» О нешуточности подобных проделок свидетельствует то, например, что во время нападения на старших молодежь нередко считала должным вымазать их лица фекалиями [Максимов 1893 307–309]

В традиционной русской культуре сформировались механизмы, призванные канализировать агрессию молодежи, отвести ее за пределы социума Иностранец, побывавший в Русском государстве в XV в ,

---

* *Бочаров В В* Антропология возраста СПб Изд-во СПбГУ, 2001

© В В Бочаров, 2007

описывает молодежные драки, организаторами которых были старшие При этом обращает на себя внимание высокая степень использования насилия во время этих драк «Юноши, наравне с подростками, сходятся обычно по праздничным дням в городе на обширном и известном всем месте, так что большинство может их там видеть и слышать, они созываются вместе неким свистом, который является как бы условным знаком Созванные, они тотчас же сбегаются вместе и вступают в рукопашный бой начинают они борьбу кулаками, а вскоре без разбору и с великой яростью бьют ногами по лицу, шее, груди, животу, детородным частям и вообще каким только можно способом одни поражают других, состязаясь взаимно в победе, так что часто уносят их оттуда бездыханными Всякий, кто победит больше народу, дольше других останется на месте сражения и весьма храбро выносит удары, получает особую похвалу в сравнении с прочими и считается главным победителем» [Россия глазами 1987 72–73] С Максимов уже в XIX в также описывает спортивные состязания между молодыми людьми из соседних деревень Азарт, с которым проходили соревнования, он объясняет ожидавшим победителей угощением водкой, которую «на пари выставляли местные богатеи» [Максимов 1983 365–366] Институт деревенских драк, в которых принимала участие неженатая молодежь, фиксируется в нашей культуре вплоть до настоящего времени [Щепанская 1998]

Есть интересные сведения о доминировании молодежи в русской традиционной культуре, в частности при решении важных «мирских» дел Например, в середине XIX в молодые крестьяне более решительно боролись за общекрестьянские интересы В предреформенный период «старые крестьяне могли бы дожить век крепостными, но для молодых это совершенно невозможно, и нетерпение их возрастало» Исследователь ссылается, в частности, на фрагмент материалов военного суда Рузского уезда Московской губернии, в которых имеются следующие любопытнейшие данные «Старшие по возрасту крестьяне, которые хотя видят глупость молодых крестьян, но не отступят от мира и боятся их уговаривать к повиновению, чтобы не пострадать от них» [Рахматуллин 1991 101–102]

Вес, который имела молодежь в традиционной общине, объясняется, по-видимому, военизированным характером Русского государства, в котором верховная власть всегда опиралась прежде всего на армию, состоявшую из молодежи Иными словами, власть издавна старалась вырвать молодежь из-под влияния традиционного сектора, привлечь на свою сторону и с помощью этой военной молодежи воздействовать на народные массы (население) Во всяком случае имеющиеся данные свидетельствуют о том, что молодежь, призванная на военную службу, игнорировала традиционные нормы поведения, предписывающие под-

чинение старшим: «Заметное влияние на изменение обыденного сознания и социальное поведение крестьян во второй половине 50-х годов XIX в. оказывали освобожденные от службы ополченцы... Ратник, разговаривая с вотчинным начальством или даже помещиком, шапки не снимает, говоря, что не приказано ее снимать. Прочие крестьяне смотрят на это, как на чудо, выходящее из обыкновенного круга своей подчиненности» [Рахматуллин 1991: 103].

Нарушение естественных механизмов передачи социальной информации от старших к младшим на уровне всего российского общества, при котором последние игнорировали волю первых, отчетливо фиксировалось крупнейшими писателями этого периода. П. Верховенский, герой «Бесов» Ф. Достоевского, так трактует причины общественных беспорядков, имевших место в небольшом провинциальном городке, в котором разворачивается действие романа: «Не виноваты ли в них ваши старцы, ваши отцы семейств? Они должны были негодяев и шалопаев сдержать, — потому что тут ведь одни негодяи и шалопаи.. Ни в каком обществе одной полицией не управишься... общество оберегает себя само... чтобы шалунов сдержать, общественной инициативы недостает». Иными словами, в этом суждении устами своего героя классик констатирует отсутствие в обществе гармонии в отношениях между поколениями, при которой старшие должны доминировать над младшими [Достоевский 1990: 435].

Конфликт между поколениями характеризует отношения во всех слоях российского общества. Не являются исключением и семьи интеллигенции: «При опросе по меньшей мере половина студентов удостоверили отсутствие всякой духовной связи с семьей, в прогрессивных семьях и дети талантливейших наших прогрессивных писателей, сатириков, публицистов, начинали с того, что отвертывались от своих отцов» [Бердяев 1993: 187].

Представляется, что причины возрастного конфликта, поразившего все слои российского общества, могут быть объяснены также политикой власти на создание себе опоры в среде образованной (по западным стандартам) молодежи. Начиная с Петра Великого государственная власть стремилась, как известно, активно заимствовать западные культурные стандарты, стремясь преодолеть социально-экономическую отсталость страны. Одновременно молодежь должна была пополнять ряды государственной бюрократической машины, посредством которой в российское общество внедрялись западные культурные инновации. Получение западного образования формировало у молодежи социальные ожидания и мотивации, характерные для западной культуры. Такие ожидания, со своей стороны, вступали в противоречия с объективной реальностью, которая не отвечала ожиданиям молодежи, в результате это приводило к разочарованию в окружавших

ее социально-культурных реалиях, воспитывало высокомерное отношение к собственной культуре.

Известный русский публицист В. Печерин хорошо описывает переживания молодого человека, получившего образование и не видящего никаких перспектив для реализации своей личности: «В Англии, в Америке — молодой человек 18 лет, преждевременно возмужавший под закалом свободы, уже занимает значительное место среди сограждан... Все пути ему открыты: наука, искусство, промышленность, торговля, земледелие и, наконец, политическая жизнь с ее славными борьбами и высокими наградами, — выбирай, что хочешь! Нет преграды... Он начинает дровосеком в своей деревушке и кончает президентом в Вашингтоне! А я в 18 лет едва-едва прозябал как былинка, — кое-как пробивался из тьмы на божий свет: но и тут, едва я подымал голову, меня ошеломливали русскою дубиною» [Печерин 1989: 161–162].

Особенно заметно увеличивается численность интеллигенции со второй половины 50-х гг. XIX в., а реформы 60-х открывают доступ к образованию всем слоям населения, и начинается массовый наплыв молодежи в вузы. В обществе появляется много образованной молодежи, которая при общей отсталости социально-экономического развития инфраструктуры не могла найти себе сфер применения. Одним словом, государство, с одной стороны, само наращивало численность интеллигенции, с другой же — не могло обеспечить использование ее потенциала обществом. Ученый Р. Фадеев писал о России 70-х гг. XIX в.: «Если бы у нас каждый образовывался за свой счет, как в Англии, то нечего было бы и говорить о пособии. Но это пособие существует в России в виде многочисленных стипендий, распределяемых в настоящее время совершенно произвольно, преимущественно самым бедным молодым людям низших сословий, которые бы без приманки такого оранжерейного выращения искали бы других хлебных занятий и не выбивались бы непомерными усилиями в господа, чтобы потом за немногим исключением голодать всю жизнь, вопить против первенства общественных условий и сочувствовать всею душою парижским бунтам. Выпускаемые в общество, чуждое им, в котором у них нет ни связей, ни точки опоры, эти искусственно высаженные культурные подростки начинают свою жизнь годами бедствия, наполняющими их желчью навсегда, даже в случае позднейшего успеха... Мы построили множество заведений для классической науки и толкаем всю Россию в университеты, которая не скопляется в какую-нибудь промышленную буржуазию: она почти поголовно идет в чиновники» [Фадеев 1874: 63, 120].

Увеличение численности интеллигенции происходило за счет не только русских, но и других народов, входивших в состав государ-

ства. Роль национальных окраин в этом процессе отмечал Л. Троцкий на примере Грузии: «Молодое поколение дворян стучалось в двери университетов и, порывая с тощей сословной традицией, которую не очень брали всерьез в центральной России, примыкало к радикальным группировкам русского студенчества. За дворянскими семьями тянулись более зажиточные крестьяне и мещане, сгоравшие честолюбием сделать из своего сына либо чиновника, либо офицера, либо адвоката, либо священника» [Троцкий 1990б: 20].

Действительно, едва ли не единственным местом трудоустройства была государственная служба (которая, однако, обладала весьма ограниченными возможностями по адаптации многочисленных претендентов): во-первых, для России было характерно общее слабое развитие инфраструктур общества, а во-вторых, государственная служба традиционно наделялась высочайшим престижем. Мы и сегодня можем наблюдать, как наши известные политики (которые, прежде чем стать государственными чиновниками, трудились — порой успешно — в различных областях народного хозяйства) после отставки не спешат возвращаться к своим обычным обязанностям, а уходят, как правило, в сферу публичной политики, не переставая мечтать о возвращении на государственную службу.

Место и роль государственной службы в жизни российского образованного человека отчетливо выражались в расхожем выражении, бытовавшем в XIX в.: «В России не служить — значит не родиться, перестать служить — значит умереть». Именно невозможность найти себе применение после получения образования толкала интеллигенцию на революционный путь. Причем в послереформенный период интеллигенция представляла собой уже достаточно мощную социальную силу. По словам философа П. Б. Струве, в это время интеллигенция «явственно отделяется от образованного класса как нечто духовно особенное» [Струве 1991: 142]. В России «с первого пробуждения сознательной мысли интеллект становится рабом политики» [Гершензон 1991: 96].

Одним словом, в нашей городской культуре постоянно имело место «перепроизводство» интеллигенции. Поэтому возрастные особенности юношеского возраста ложились здесь на благодатную почву, и **возрастной конфликт** (как психобиологическое явление) **трансформировался в социально-возрастной**, ориентированный против «социальных отцов», т. е. против власти.

Эту особенность процесса взросления в нашей культуре подметил П. Б. Струве: «Бурш (немецкий студент. — *В. Б.*) пьянствует, глупо острит, безобразничает, но он не рядит своего пьяного веселья в яркие одежды мировой скорби. Перевертывая вывески и разбивая фонари, он и сознает, что буянит, а не думает, что протестует против современ-

ного строя. У нас же в кабаках и в местах похуже передовые студенты с особой любовью поют "Дубинушку" и "Укажи мне такую обитель"» [Струве 1991: 195].

В результате наша городская культура попала под мощное влияние революционной интеллигенции, деятельность которой мотивировалась как социальными, так и возрастными причинами. Это дает основания говорить о доминировании именно молодежных ценностей в городской культуре данного времени. «Соответственно юному возрасту нашего народа, просто юность шире раскинулась у нас, она более широкой полосой проходит в жизни каждого русского, большее число лет себе подчиняет и вообще ярче, деятельнее, значительнее, чем где-либо... Для русского интеллигента высшая похвала "старый (вечный) студент"» [Струве 1991: 192, 197].

Агрессия со стороны «тысяч молодых полуобразованных людей, стучащих в двери культурного общества» и «издававших главные вопли о демократическом равенстве и всесословности» [Фадеев 1874: 63], адресованные социальным верхам, получила в эти годы и свое идеологическое выражение в работах П. Лаврова, который вменил борьбу политическую и социальную в обязательный мотив творческого процесса. Именно из подобного рода молодых людей сформировался в России класс профессиональных революционеров, не щадивших ни своих жизней, ни чужих для достижения социальных идеалов. Как отметил П. Б. Струве, «среди христианских мучеников немало людей зрелого и пожилого возраста, тогда как среди современных активных русских революционеров, кончающих жизнь на эшафоте, люди, перешагнувшие за тридцать пять — сорок лет, встречаются очень редко» [Струве 1991: 204].

В городских слоях российского общества социально-возрастной по своей сути конфликт приобретал форму **культурного конфликта**. Впитывая с образованием западные культурные ценности, молодежь начинала свысока смотреть на ту культуру, носителями которой являлось старшее поколение. Из воспоминаний В. С. Печерина следует, что после изучения Кесемана, которое его «совершенно преобразило», и, испытав «упоение философского мышления» от сочинений Канта, он по-иному посмотрел на культуру собственного общества: «Когда я увидел эту грубо-животную жизнь, эти униженные существа, этих людей без верований, без бога, живущих лишь для того, чтобы копить деньги и откармливаться, как животные, этих людей, на челе которых напрасно было искать отпечатка их создателя, когда я увидел все это, я погиб! Я увидел себя обреченным на то, чтобы провести с этими людьми всю мою жизнь... я поклялся в ненависти вечной, непримиримой ко всему, меня окружающему» [Печерин 1989: 155].

О существовании острого межпоколенного конфликта в россий-

ском обществе, переживаемого молодежью прежде всего как конфликт культурный, писал И. П. Кропоткин, он и его современники «страдали от того, что их отцы, почитатели Вольтера и Дидро, спокойно приказывали пороть на конюшнях крепостных... дворянская молодежь шла в революцию от невозможности, как в идейном, так и бытовом отношении, жить одновременно в двух столетиях» [цит. по: Степун 1991: 293].

Еще более острым был конфликт между носителями западной культуры (сыновьями) и представителями народной культуры (отцами). Его хорошо проиллюстрировал публицист конца XIX — начала XX в. В. Дорошевич. Емко очертив социальный портрет русского интеллигента этого времени как «сына сапожника, закончившего университет», он со всей наглядностью описал характер такого конфликта в семье. Например, попытка сына перестроить по европейскому образцу этику взаимоотношений, сложившуюся между отцом-сапожником и заказчиком-купцом, привела к тому, что отец потерял работу (т. е. заказчика), а значит, и гарантированный заработок. Автор тонко раскрывает то амбивалентное отношение, которое испытывало старшее поколение подобных семей к своим образованным сыновьям. Когда сын, приехавший погостить к отцу, хочет помочь ему наколоть дров, отец улыбается с неудовольствием: «Пусти уж! Ученое ли это дело». Но в то же время «начала в семью прокрадываться ненависть какая-то». Отец велит «сыночка к обеду звать, непременно скажет: "Зовите образованного-то"». Подобные чувства испытывает и сын по отношению к отцу: «Не годится так! Верно это! Свои они мне! Должен я их жизнью жить! Их жизнью волноваться». Но тут же прорывается его отношение к «культуре отцов»: «Да неужели, неужели самые близкие мне люди: отец, который радуется, что его псом зовут, значит, заказами не забывают, мать, которая ревет, потому что в "гармонии" погибель мира видит... Неужели они, они могут быть мне близкими?!... Да и вообще убирайтесь вы от меня к черту! Ничего у меня общего с вами нету. Никто вы мне. Вот что! Не вы мне близкие, не вы, а чужие. Там я всех понимаю. А вы? Презираю вас, презираю!» [Дорошевич 1986].

Отечественные мыслители этого времени отчетливо фиксировали, что главный конфликт российского общества — это конфликт между поколениями. Как писал Р. Фадеев, характеризуя революционную активность интеллигенции, «нынешние русские нигилисты составляют не какую-нибудь группу людей, связанную общими убеждениями, а только известный возраст. Как Афины под управлением геронтократии, Россия поделилась на партию людей брадатых и партию безбородых» [Фадеев 1874: 18].

По сути дела тот же конфликт усматривает и Л. Троцкий, характеризуя рабочее движение в России: «Молодость революционного по-

коления совпадала с молодостью революционного рабочего движения. Это было время людей от 18 до 30 лет. Революционеры свыше этого возраста насчитывались единицами и считались стариками» [Троцкий 1990а: 86].

Возрастной конфликт касался всех слоев общества. Молодежная субкультура становилась одним из важных факторов социального престижа, заставляя старшее поколение заимствовать ее символику. А. Герцен замечал в этой связи: «В современной Европе нет юности и юношей. Юность и юноши были в России... у которых волосы седеют, а стремления вечно юны» [цит. по: Бердяев 1990: 111].

Особенно ярко в этом смысле характеризовал российское общество русский мыслитель С. И. Булгаков: «...наша молодежь выражает с максимальной простотой тип героического максимализма. Если в христианстве старчество является естественным воплощением духовного опыта и руководительства, то среди нашей интеллигенции такую роль естественно заняла молодежь. Духовная педократия есть величайшее зло нашего общества, а вместе с тем симптоматическое проявление интеллигентского героизма, его основных черт, но в подчеркнутом и утрированном виде. Это уродливое соотношение, при котором оценки и мнения "учащейся молодежи" оказываются руководящими для старейших, перевертывает вверх ногами естественный порядок вещей и в одинаковой степени пагубно и для старших, и для младших. Исторически эта духовная гегемония стоит в связи с той действительно передовой ролью, которую играла учащаяся молодежь своими порывами в русской истории, психологически же это объясняется духовными силами интеллигенции, оставшейся на всю жизнь — в наиболее живучих и ярких своих представлениях — той же учащейся молодежью в своем воображении... Едва ли в достаточной мере обратил на себя внимание и оценен факт весьма низкого возрастного состава групп с наиболее максималистскими действиями и программами... "Студент" стало нарицательным именем интеллигентов в дни революции... Кто радеет о будущем, тот больше всего озабочен молодым поколением. Но находиться от него в духовной зависимости, заискивать перед ним, прислушиваться к его мнению, брать его за критерий — это свидетельствует о духовной слабости общества... идеал христианского святого подвижника здесь сменился образом революционного студента» [Булгаков 1991: 51–52].

Молодежная политическая культура ориентирована прежде всего на харизматического лидера, отрицающего прежние идеологические установки, весь строй старой жизни и проповедующего насилие в качестве главного метода для осуществления перемен. Другой выдающийся философ — Н. Бердяев следующим образом характеризовал социально-психологические установки молодежи этого периода: «Массы

молодежи требуют во чтобы то ни стало быстрой организации общества, единства, хотя бы принудительно... Вкус современной молодежи к насилию есть выражение духовной слабости» [Бердяев 1993: 283].

Стремление харизматических лидеров возглавить молодежь в борьбе против старшего поколения хорошо видно на примере двух русских царей-харизматиков — Ивана Грозного и Петра Великого (см. [Антропология возраста. Харизматическая власть и молодежь; наст. хрест., т. 1]).

Отчетливо прослеживается мотив харизматического лидера и молодежи в литературных произведениях XIX в. Причем на роль харизматических лидеров теперь претендуют представители творческой интеллигенции — писатели и публицисты, значимость которых в русской политической культуре всегда была чрезвычайно большой.

В своих революционных воззваниях такие писатели и публицисты обращались именно к молодежи. Анализируя деятельность «нигилистического» журнала, издававшегося в Цюрихе, Р. Фадеев отмечал: «Не нужно говорить, что цюрихские обновители обращают свою речь почти исключительно к молодежи: это слово — молодежь — повторяется на их страницах несколько сот раз: они верят только ей одной», и далее: «Надо полагать, что, достигнув величия, они последуют примеру упомянутого нами нигилистского журнала и станут увольнять в отставку из государственных должностей всех, кому стукнуло 21, возраст консерватизма» [Фадеев 1874: 33].

Ф. Достоевский, характеризуя своего героя в «Бесах», пишет: «Великий писатель (Карамзинов. — *В. Б.*) болезненно трепетал перед новейшею революционною молодежью и, воображая по незнанию дела, что в руках ее ключи русской будущности, унизительно к ним подлизывался» [Достоевский 1990: 187]. Одна из героинь этого романа говорит о том же Карамзинове: «Карамзинов уверял меня, что имеет связи почти везде и чрезвычайное влияние на молодежь. А я, если через него привлеку их всех и сгруппирую около себя, то отвлеку их от погибели, указав новую дорогу их честолюбию» [Достоевский 1990: 272]. Ф. Достоевский в этом эпизоде отразил, вероятно, озабоченность старшего поколения возросшей агрессией молодежи и стремление старших найти иной канал отвода этой агрессии, «указав новую дорогу их честолюбию».

Герой другого произведения той же эпохи рассматривает общественно-политические процессы в России в рамках такой же схемы (в которой писатель, публицист или литературный критик выступают в роли лидера молодежи): «Не вина Гоголя в том, что к тридцатым годам, после бурного возбуждения молодежи возвышенными идеями наступала реакция, столь обычная в русской жизни...» [Достоевский 1990: 379]. «Общество дало вовлечь себя всеми этими скороспелыми

учениями Добролюбова, Чернышевского, Писарева. Эти титаны потянули за собой этих маленьких пигмеев (подростков. — *В. Б.*) ... и сами не справились, и этих изуродовали» [Гарин-Михайловский 1981: 42].

На молодежь опирался и В. И. Ленин. Л. Троцкий отмечал в своих воспоминаниях: «У Ленина только мальчики — презрительно говорили ликвидаторы. Но Ленин видел в этом преимущество своей партии: революция, как и война, неизбежно ложится главной своей тяжестью на спину молодежи. Безнадежна та социалистическая партия, которая неспособна вести за собой мальчишек» [Троцкий 1990а: 225]. По-видимому, возрастной эгалитаризм, который свойственен прежде всего молодежи, сделал возможным использование интернациональной идеи в революционной борьбе российской интеллигенции.

Особенно отчетливо тандем харизматический лидер — молодежь проявлялся во времена И. В. Сталина. Анализ политического поведения вождя свидетельствует о том, что он, как никто другой, осознавал или чувствовал необходимость такой связи. Он всегда стремился встать во главе молодежи, искал авторитета у нее, каждый раз жертвуя для этого старшим поколением. В мемуарах Л. Троцкого читаем: «То исключительное внимание, которое Ленин проявлял к здоровью и жизненным условиям каждого старого большевика, диктовалось не только чувствами товарищества по отношению к старшим товарищам, но и чисто политической заботой по сохранению важнейшего политического капитала. Он многое предвидел. Но ему не могло прийти в голову, что этот капитал будет планомерно разрушен Сталиным, одним из его соратников» [Троцкий 1990б: 198]. Сталин боролся против представителей своего поколения, в частности таких, как Рыков, Зиновьев, Каменев, Троцкий. Он относился к ним, «пожалуй, с большей враждою, с большей неприязнью, чем к открытым врагам. Ему нужны были люди без прошлого, молодежь, которая не знала вчерашнего дня, или перебежчики из другого лагеря, которые с первых дней смотрели на него снизу вверх, ему необходимо было полное обновление всего партийного и советского аппарата» [Троцкий 1990б: 214].

Поведение Сталина полностью соответствовало поведению лидера, стремившего любой ценой заполучить авторитет у молодежи. Такой лидер всегда нарушал нормы, освященные старшим поколением, к которому, кстати, принадлежал сам. Таким образом он как бы дистанцировался от своего поколения, отождествляя себя с молодежью. «В конце 1925 г. Сталин говорил уже о вождях в третьем лице и восстанавливал против них партию. Он вызывал аплодисменты среднего слоя бюрократии (т. е. следующего социально-возрастного поколения в структуре правящего класса), отказывая вождям в поклонах» [Троцкий 1990б: 153].

Политику Сталина опираться прежде всего на молодежь подме-

тил и известный американский советолог О. Коэн: «Сталин говорил молодым коммунистам: решение вопроса о трудоустройстве молодежи будет зависеть от того, положит ли Бухарин конец своей порочной политике. Сталин искал поддержки у молодых коммунистов, утверждая, что политика Бухарина и Томского в области промышленности и профсоюзов лишает молодежь возможности трудоустройства» [Коэн 1990: 116].

В то же время сталинский режим пристально следил за настроениями именно среди молодежи, решительно подавляя появлявшиеся оппозиционные настроения: «Ему (Сталину. — *В. Б.*) было хорошо известно, что в царское время революционные партии вербовали в свои подпольные организации главным образом молодежь... Сталин опасался молодежи, в некотором смысле боялся больше, чем старых членов партии. Этих он почти всех знал лично... Напротив, в подрастающей молодежи нелегко было разобраться, рассортировать ее и исключить революционизирующие элементы. Поэтому Сталин вновь и вновь требовал от ОГПУ расширения сети осведомителей среди молодежи, особенно на промышленных предприятиях и в вузах» [Троцкий 1990б: 20].

Харизматические лидеры и нашего времени, стремясь к захвату власти, также ищут опору прежде всего в среде молодежи. В. Жириновский, выступая на митинге в Москве 19 марта 1994 г., утверждал, что коммунисты и демократы не имеют политического будущего, так как их не поддерживает молодежь. Его политическое поведение, включающее нарушения всевозможных табу, ориентировано на завоевание авторитета в первую очередь у этой части общества.

Похоже, что революцию в России вполне можно рассматривать как разрешение того социально-возрастного конфликта, который был характерен для российского общества XIX–XX вв. В результате молодежь, руководимая харизматической властью, заняла в обществе командное положение. Молодежная субкультура определяла политическую практику в стране. Н. Зараев, изучая архивные материалы, касающиеся периода коллективизации в Смоленской области, так определил главного героя революционных преобразований в деревне: «Перед нами здоровый деревенский парень, отставший от сельской работы, развращенный водкой, властью, бездельем, безнаказанностью. В районе у него слава хулигана и пьяницы. Презрение к крестьянскому труду, желание избежать его — первая типовая черта этого слоя. Вторая — относительная молодость... большинству усмынских коммунистов меньше тридцати лет». Далее он пишет: «Альтернатива выглядела так. С одной стороны — авторитет семьи, общины, в немалой степени и церкви, освященные реалии крестьянского существования с его однообразием, изнурительной работой, ритуалами праздников и

будней. С другой — легкая, сытая, разгульная жизнь с собраниями, митингами, разрыв с прошлым и власть над односельчанами, утверждаемая должностью, стоящим за твоей спиной районным начальством и даже револьвером... Как они играли с оружием, эти здоровенные деревенские парни, пугали девчонок, угрожали соседям, спьяну палили в белый свет — документы архива полны подобными историями» [Зараев 1989: 5–6].

Видно, что напряженность, которая фиксировалась между поколениями еще в традиционной русской деревне и которая, как мы помним, приобретала порой формы самых острых конфликтов, здесь получила свое логическое развитие. Поддержанная и адаптированная к новым условиям официальной властью, молодежь активно выступала против традиционных ценностей, т. е. ценностей своих «отцов».

Эта же молодежная политическая культура, зиждившаяся на агрессии, отрицании авторитетов, возобладала и в обществе в целом. По мнению А. Мещерякова, «в двадцатые годы противоречия между старшим и младшим поколениями приняли форму безудержного культа молодости и официального воспитания ненависти к старости». В частности, А. Мещерякова ссылается на известного этнографа В. Г. Тан-Богораза, который утверждал, что «Россия не для старых. Старым уже нечего учиться, Россия — для молодых» [Мещеряков 1991: 66].

После революции начинается усиленное формирование новых слоев образованной молодежи (преимущественно из выходцев низших сословий), призванной верно служить режиму. В результате политики Советской власти среди людей с дипломами не было открытой безработицы, но работали такие люди зачастую на неквалифицированных, малопрестижных и низкооплачиваемых работах. Особенно их число возросло к 70-м гг., когда интеллигент-дворник, а еще чаще кочегар стали обычным явлением в жизни крупных советских городов. Именно эти люди были теми дрожжами, на которых выросло диссидентское движение. По сути дела, подобно тому, как это было в 70-е гг. прошлого столетия, имели место «перепроизводство» интеллигенции, а также неспособность государства обеспечить социальные ожидания людей с высшим образованием.

Отметим также, что возрастной принцип во многом определял всю структуру советского общества. Принцип биологического (хронологического) возраста стратифицировал все население страны вплоть до 30-летнего возраста. Мы уже упоминали, что через октябрятскую, пионерскую и комсомольскую организации проходили практически все члены общества. Вступление и выход из них определялись биологическим (хронологическим) возрастом.

Основные социально-политические институты также структуриро-

вались по принципу прежде всего социального возраста. Сталин, например, считал, что партия состоит из генералитета, т. е. руководителей высшего звена, офицерства, т. е. среднего звена, и унтер-офицерства, младшего звена [Троцкий 1990а: 67]. Итак, после прохождения первичной социализации (комсомол включительно) дальнейший социально-политический рост индивида жестко определялся его членством в КПСС, а также его связями в правящих партийно-бюрократических структурах.

Подобная система, основанная на возрасте как определяющем ее принципе, **имела механизмы, которые снимали внутренние конфликты и были призваны обеспечить ее устойчивость**. К этим механизмам относятся: идейно-психологическое принуждение, которое начиналось с раннего детства и воспитывало почтение к власти, в частности посредством использования родственно-возрастной терминологии («дедушка Ленин», «отеческая забота партии и правительства» и т. п.). Большая роль отводилась ритуалам и символике, сопровождавшим переход из одной страты в другую. Литература и искусство также преследовали цель воспитывать у подрастающего поколения преданность существовавшему порядку вещей.

Советская система располагала также каналами отвода молодежной агрессии, которая всегда таит в себе угрозу социально-политической структуре, основанной на возрастном принципе. Одним из таких каналов был символ внешнего врага, который формировался средствами идейно-политической пропаганды. Он легитимировал внедрение в общество порядка военно-бюрократического типа, основанного на жестком подчинении низов правящим верхам. Кроме того, молодежь получала возможность отличиться в различных «школах мужества», начиная от «ударных строек» и кончая войной в Афганистане.

Важным каналом отвода агрессии в советском обществе был спорт Заметим, что развитие массового спорта особенно характерно для стран с тоталитарными режимами. О том, что «политическая энергия» может сниматься за счет физических упражнений, говорят примеры анализа своего жизненного пути самими политиками. Например, А. Бразаускас на вопрос корреспондента о том, был ли он политически активен в юношеские годы, ответил: «Пожалуй, нет, тогда я спортом активно занимался. Сначала легкой атлетикой, затем парусным спортом» [Развяжем узлы... 1989: 4]. Физические упражнения входили в процесс политической социализации молодежи в качестве комплекса ГТО («Готов к труду и обороне»). Большую роль здесь играли военно-политические игры типа «Зарница» и т. п.

Международный спорт также служил подобным каналом. И здесь успехи послевоенных государств с тоталитарными режимами очевидны (СССР, ГДР, Китай, Куба и т. д.), несмотря на скромные, казалось

бы, материальные ресурсы этих стран. Именно здесь спорт обретает ярко выраженное политическое содержание.

В верхних эшелонах социально-политической иерархии конфликт поколений достаточно эффективно регулировался за счет механизма политических репрессий, когда старшее поколение (коммунисты) попросту уничтожалось, а их место занимала «молодежь», т. е. выходцы из среднего звена (по терминологии Сталина — «офицерство»). Л. Троцкий писал в этой связи: «В первый период Советской власти старая революционная партия очищалась от карьеристов; сообразно с этим комитеты создавались из старых революционных рабочих... Чистки последних лет, наоборот, направлены полностью и целиком против старой революционной партии. Жертвами чистки являются наиболее верные и преданные революционным традициям элементы, и прежде всего старшие революционные поколения... Даже эти банды золотой молодежи включены ныне в партию или комсомол» [Троцкий 1990б: 214–215]. Л. Троцкий проводит интересную аналогию с Великой Французской революцией, которая также иллюстрирует стремление революционной харизматической власти искать опору именно в молодежи: «Термидорианцы, т. е. перебежчики-якобинцы, стремились к тому же методу... Они начали организовывать хорошо одетых сынков буржуазии. Эта золотая молодежь или просто молодые люди, как благосклонно их называла консервативная пресса, стали важным фактором в национальной политике. По мере того, как якобинцы изгонялись со всех административных постов, молодые люди занимали их места» [Троцкий 1990б: 216].

Социально-возрастной конфликт снимался также за счет ограничений приема в правящую партию в первую очередь представителей интеллигенции, которая между тем традиционно (для нашей культуры) стремилась пополнить прежде всего ряды государственных структур, в результате сокращался приток в партию молодежи, имевшей основания легально бороться со старшим поколением за власть внутри правящего класса. Неудивительно поэтому, что начальные этапы перестройки сопровождались требованием интеллигенции упразднить квоты на прием ее представителей в КПСС. Когда же эти квоты были отменены, в КПСС хлынули многие представители «служилой» интеллигенции, которые впоследствии стали известными политическими деятелями.

Именно внутри партии эффективная регуляция социально-возрастного конфликта в «застойные годы» была нарушена. Это прежде всего касалось взаимоотношений между старшим и средним звеном («генералитетом» и «офицерством»). К 80-м гг., по наблюдениям автора (к сожалению, научные исследования в этой области автору неизвестны), высшие командные посты в обществе занимали старые люди, в то вре-

мя как мужчины в возрасте примерно 40 лет продолжали ходить «в мальчиках»

Советские элиты во всех сферах деятельности («номенклатура») практически не обновлялись Приведем, к примеру, текст анонимного письма, подписанного «бюрократ областного масштаба, 40 лет», опубликованного в журнале «Огонек» в 1990 г Этот «бюрократ» объясняет развал такой, казалось, мощной организации, как КПСС, имевшимися в ней социально-возрастными противоречиями «Почему бюрократы санкционировали перестройку? Когда перестройка началась, мне было 36 лет И я был, заметьте, по нашему счету вторым Надо мной, как водится, был первый И было моему первому шестьдесят Учитывая тот неоспоримый факт, что медицинское обслуживание на уровне первых — отличное, а условия хоть куда, можно было почти безошибочно предположить, что сидеть моему первому на своем месте еще лет пятнадцать И, заметьте, ровно столько же сидел бы и я, второй, на своем втором месте А по всей стране аналогичная картина, ибо основная масса первых стала таковой после последнего катаклизма 1964 г За это время первые получили все, что могли, и отдавать это в наши вторые руки отнюдь не собирались А тут — перестройка! Для кого — оздоровление экономики, для кого правовое государство, для кого гласность и плюрализм А для нас — возможность безопасно безболезненно переделить пирог власти не в индивидуальном порядке, но в масштабе всей страны, т е на законных основаниях, т е в свете решений» [Нуйкин 1990 6]

Заметим, что подобного рода конфликт был характерен для большинства сфер общественной деятельности Например, главным «перестроечным» героем в армии был офицер в звании полковника, который при отсутствии мощных связей в военно-бюрократической элите СССР не имел практически никаких шансов стать генералом

Интересно, что именно люди в возрасте 40–45 лет приняли наиболее активное участие в «перестройке», которая впоследствии получила вполне справедливое определение как «революция сорокалетних» Именно это поколение, по всей видимости, наиболее остро в данный период ощущало свою отчужденность от власти Оно практически было лишено (в тех конкретных условиях) возможности занять командные посты в обществе, поскольку более старшее поколение продолжало находиться на вершине власти Одним словом, была нарушена **социально-возрастная регуляция в системе**, которая обеспечивала мужчинам именно этого возраста доминирующее положение В примитивных обществах в качестве подобного механизма выступала традиция, обеспечивавшая периодичность передачи власти от поколения к поколению В обществах с тоталитарными режимами, где также возрастной принцип определяет характер социально-политической

структуры, роль этого механизма выполняет верховная власть Именно последняя, как правило, принудительно отстраняет от власти старшее поколение, давая, таким образом, молодежи возможность обрести социальную полноценность Это осуществляется верховной властью при опоре на молодежь, а иногда и ее руками Иллюстрацией последнего примера может служить Китай эпохи «культурной революции», когда по призыву Мао Цзэдуна молодежь расправилась со старшим поколением партийно-бюрократического аппарата

ЛИТЕРАТУРА

Бердяев Н А Русская идея // Русская литература Литературное обозрение 1990 №2

Бердяев Н А Кризис интеллекта и миссия интеллигенции// Интеллигенция Власть Народ М 1993

Булгаков С И Героизм и подвижничество // Вехи М , 1991

Гарин Михайловский Н Г Гимназисты М , 1981

Гершензон М О Творческое самосознание // Вехи М , 1991

Дорошевич В М Интеллигенция // Дорошевич В М Избранные страницы М 1986

Достоевский Ф Бесы Л , 1990

Зараев М Тяжелая ноша // Огонек 1989 №26

Коэн О Предчувствие сталинизма // Огонек 1990 №28

Максимов С Нечистая, неведомая и крестная сила СПб 1893

Мещеряков А Читая старые огоньки // Знание — сила 1991 №8

Нуйкин А Внимание! Вторые выходят из тени // Огонек 1990 №25

Печерин В С Замогильные записки // Русское общество 30-х годов XIX в М , 1989

Развяжем узлы недоверия Интервью с А Бразаускасом // Огонек 1989 №24

Рахматуллин М А Крестьянское движение в великорусских губерниях 1826–1857 М , 1991

Россия глазами иностранцев в XV XVIII вв Л , 1987

Степун Ф А Пролетарская революция и революционный орден русской интеллигенции // Вехи М 1991

Струве П Б Интеллигенция и революция // Вехи М 1991

Троцкий Л Сталин В 2 т Т 1 М , 1990а

Троцкий Л Сталин В 2 т Т 2 М , 1990б

Фадеев Р Русское общество в настоящем и будущем СПб , 1874

Флетчер Дж О государстве Русском СПб 1911

Щепанская Т Е Браки и драки // Полевые исследования Музей антропологии и этнографии РАН СПб , 1998

В А ТИШКОВ

ЧЕЧНЯ КАК СЦЕНА И КАК РОЛЬ*

Истина и мораль в конфликте

По поводу войны в Чечне сказано и написано столько умных и глупых, а главное — вторичных слов, что за ними невозможно услышать, а тем более понять происходящее в Чечне в действительности с точки зрения *этнографии насильственного конфликта*

Встает фундаментальный, если иметь в виду теорию и повседневность, вопрос об истине, т е о возможности существования точной и общеразделяемой версии чеченской войны Ответ на него — задача не только для будущих историков, которым необходима временная дистанция для полноценного анализа, но и для участников современных дебатов, ибо драма войны и незаконченного конфликта диктует необходимость разговора о том, почему и как все произошло Именно поэтому больше о прошлом, а не о будущем размышляет и современное чеченское общество В такой ситуации этнологический анализ не может обойти проблему исторической оценки

20 августа 2000 г в Чечне проходили выборы депутата в Государственную Думу России Все обещали «положить конец войне», «начать платить заработную плату», «объединить народ» и т п В программе наиболее вероятного претендента на парламентское место, чеченского генерала в отставке Асламбека Аслаханова один из основных пунктов звучал так «Мобилизовать весь интеллектуальный потенциал на разъяснение подлинных причин войны в Чечне»

Аслаханов выиграл выборы, но он не сможет выполнить данного избирателям обещания И не только потому, что этих «подлинных причин» в их единственном варианте не существует, но и потому, что он сам никогда не осознает и не признает, что, будучи членом Верховного

---

* *Тишков В А* Общество в вооруженном конфликте Этнография чеченской войны М Наука, 2001 (печатается с сокращениями)

© В А Тишков, 2007

Совета РСФСР еще при Хасбулатове, он активно вмешался в демонтаж действовавших в республике государственных институтов. Именно Аслаханов вместе с Дудаевым «держал митинг» и вел толпу на здание Верховного Совета республики После того как совет был разогнан и Завгаев смещен с должности, он, Асламбек Аслаханов, генерал и председатель парламентского комитета, обратился к Дудаеву «Я твои условия выполнил Теперь ты убери митинг с площади» На что Дудаев ответил «Я им сказал, но они меня не слушают»

Так Дудаев переиграл московских политиков, которые планировали на выборах в Чечне, намеченных на 26 ноября 1991 г, сделать главой республики Саламбека Хаджиева Дудаев и его сторонники переиграли Аслаханова и Хасбулатова, проведя выборы на один месяц раньше и избрав президентом Чечни Дудаева [Гакаев 1997] Для многих последующих аналитиков и искателей причин войны этот состоявшийся вариант событий станет «подлинным национальным восстанием против иностранной оккупации» [Ignatieff 1999] Невольные соавторы «национального восстания», конечно, так не думают, ибо сами были свидетелями и участниками происходивших событий, зачастую не подозревая о своей роли в конфликте Некоторые, наоборот, убеждены в своей исключительно миротворческой миссии и считают, что им «не дали предотвратить войну в Чечне» [Хасбулатов 1996]

При всем старании сохранять исследовательскую дистанцию и собирать только надежную информацию я пришел к выводу, что конфликт в форме войны, когда задействовано безумие партикулярного национализма и машины пропаганды западных и российских СМИ, не оставляет места для истины в смысле единой и общеразделяемой версии происходящего И вопрос здесь даже не в степени информированности или в уровне профессионализма пишущих о войне в Чечне Вопрос в другом что есть истина, когда речь идет о насильственном конфликте, невозможном без политических и эмоциональных разночтений? Если бы общеразделяемая версия прошлых и современных событий существовала вообще, то не было бы конфликта, ибо войны начинаются в головах людей и часто — с исторических аргументов и с разного понимания современных ситуаций

В связи с первой войной в Чечне действовали две комиссии по расследованию ее причин одна — комиссия Говорухина при Государственной Думе, вторая — комиссия Совета безопасности при президенте России Как известно, после Второй мировой войны и после войны в Югославии были созданы международные суды-трибуналы, чтобы установить истину, а точнее — виновных в войне на уровне конкретных людей, и наказать их Наказать, чтобы наступил мир в смысле примирения, а не просто окончание военных действий

Если такого внешнего (третейского) или внутреннего (между быв-

шими врагами) акта установления истины не происходит, то потребность в этой процедуре может стать всепоглощающей, как это имеет место, например, с признанием армянского геноцида... В чем смысл этой настойчивости и этой потребности? Видимо, в том, что «установление истины» есть не просто признание точности фактов или подлинной роли исторических акторов. Это есть ритуал, легитимирующий не для себя, а для всех жертвенность в отношении одной из сторон и виновность для другой. Причем опять же — не на индивидуальном, а на коллективном уровне («армяне и Турция», «евреи и Германия», «прибалты и русские», «чеченцы и Россия»). Коллективность, как важный элемент идентичности и солидарности или как аргумент в профессиональных карьере и дебатах, нужна, чтобы ею могли пользоваться все члены пострадавшей группы...

Признание или легитимация, в том числе даже на юридическом уровне (подвергать сомнению холокост является преступлением по некоторым национальным законам), коллективной жертвы дает особые права на эмоции и действия всем членам группы по сравнению с другими...

Именно поэтому попадание в категорию коллективной жертвы, т. е. жертвы «всегда и для всех» («профессиональной жертвы» ради всей нации) имеет особое моральное и политическое значение в ходе глубоких этнических конфликтов, когда хотя бы одна из вовлеченных сторон мобилизована и действует (или страдает) по этнокультурному принципу. Германский этнолог Ина-Мария Греверус, критикуя хорватских этнологов за ангажированные усилия по конструированию комплекса виктимизации среди хорватов в период распада Югославии, справедливо заметила, что путь от состояния жертвы определенного врага до превращения в «профессиональную жертву» ради национального образа и национальных претензий может быть очень коротким. Последовавший ответ хорватских коллег стал попыткой доказать, что их целью были «параллельные действия: с одной стороны, представить лишения, борьбу и сопротивление, а с другой — оставаться на современных теоретических позициях». Однако выводы, основанные на этом опыте инсайдеров, пребывавших внутри пораженного войной общества, не выглядели достаточно убедительными... ...

В равной мере и для части чеченцев конструирование мемориала страданий и принесенных жертв ради взывающего к сочувствию группового образа также было крайне важно еще до начала войны. И не столько для установления истины, ибо в преступности сталинской депортации никто не сомневается — это признанный исторический факт. Образ жертвы был необходим как аргумент для выхода из правового пространства и для оправдания вооруженной борьбы тех, кто лично депортацию не переживал. Образ жертвы был нужен, чтобы освобо-

диться от моральных и гражданских обязательств во имя исторического реванша, а на самом деле — утвердить власть вооруженных групп, право на криминальное поведение. Желающие подсказать чеченцам эту позицию и найти в ней обоснование для внешнего мира нашлись не только среди чеченских идеологов, но и среди внешних экспертов:

«Чеченцы обычно удивительно искренни и открыты с посторонними в рассказах о своей криминальной деятельности, и "признание" здесь было бы неподходящим словом, ибо в этих рассказах не содержится чувство вины и извинения... имеются три причины такого отношения: прежде всего, как отмечалось, это соответствующая часть их традиции (?! — *В. Т.*); во-вторых, чеченцам действительно все равно, что думает о них кто-то или какой-то другой народ (?! — *В. Т.*); и, в-третьих, самое важное, после их опыта двух последних столетий у них присутствует глубинное чувство, что они не имеют моральных обязательств перед каким-либо другим народом, государством или законами (?! — *В. Т.*). А к русским, конечно, у них, наоборот, имеется длинный счет, по которому необходимо поквитаться» [Lieven 1998: 353].

На наш взгляд, наивно и с любой точки зрения неприемлемо обсуждать, в какой мере история последних двух веков может освобождать современных людей от моральных и других обязательств перед людьми, законом и государством...

Сказанное не означает, что у них не было оснований для конструирования образа «наказанного народа» и народа-жертвы, причем более современных, чем 200-летняя история. Это в первую очередь касается периода сталинизма: депортация, осуществленная, кстати, под руководством грузинов Сталина и Берия, и последующие дискриминационные унижения были преступны и аморальны. Но столь же аморальным стало использование мифов о «народоубийстве», «колониальном порядке» и «досовременном традиционализме» в целях разрушения государственности, основ (пост)советского общественного порядка и для осуществления насилия в отношении нечеченского населения, а точнее изгнания русских, которого удивительным образом никто не увидел. Дебаты по поводу поиска подлинной правды о чеченской войне — это слабая исследовательская стратегия, которую мне бы хотелось избежать. Как справедливо отметил Майкл Игнатьефф, «правда, которая имеет значение для людей, — это не фактическая или нарративная правда, а правда моральная или интерпретивная. И это всегда будет предметом споров на Балканах» [Ignatieff 1999: 175]. Точно такая же судьба ожидает и конфликт в Чечне. Здесь есть и будет несколько моральных и интерпретивных правд и никогда не будет одной, как до сих пор ее нет о Кавказской войне прошлого столетия. Поэтому для меня было важно дать возможность изложить свою версию правды тем, у кого нет собственного интернетовского сайта, как у чечен-

ского идеолога Мовлади Удугова, или телекамер и газетных полос, как у профессиональных «глашатаев правды» — ресурсов, которыми больше располагают конфликтующие элиты и внешние акторы, чем те простые люди, которые ввергнуты в конфликт в качестве бойцов или жертв...

Я также воспринимаю как иллюзию мысль о том, что может существовать *беспристрастный и объективный взгляд аутсайдера на конфликт* в Чечне. Носитель такого взгляда не способен предложить морального и интерпретивного заключения о конфликте, который может быть принят конфликтующими сторонами. Ибо сам факт аутсайдерства скорее подрывает, а не усиливает легитимность подобного взгляда со стороны. Поэтому я не верю, что с моей версией согласятся по обе стороны боевых линий в Чечне, даже если я смогу получить позитивные отзывы от участников событий или от коллег... О насильственном конфликте не может быть равноудаленной, промежуточной версии, ибо крайне трудно и даже невозможно достичь компромисса между двумя противоположными версиями. И едва ли когда-нибудь будет существовать единая историческая версия войны в Чечне, как ее никогда не было в отношении завоевания или вхождения Чечни в состав России или в оценке Кавказской войны и роли имама Шамиля. Одна версия одерживает верх над другой в зависимости от политической позиции или исследовательского ракурса того или иного автора...

Но и здесь есть проблема: чем больше ответственность тех, кто планировал и совершал насилие, тем слабее среди них желание признавать эту ответственность. Только однажды я услышал во время выступления Бориса Ельцина во время выборной президентской кампании 1996 г. (это было в Екатеринбурге и произнесено с какого-то грузовика), что он считает своей главной ошибкой войну в Чечне... Ничего подобного тем более не было высказано со стороны Дудаева, Яндарбиева или Масхадова. Опять приведу слова Майкла Игнатьеффа:

«Людям, которые считают себя жертвами агрессии, свойственна вполне понятная неспособность думать, что они тоже совершили жестокости. Мифы о невинности и жертвенности представляют собою серьезные препятствия на пути осознания ответственности, в равной мере как и мифы о жестокостях противоположной стороны» [Ignatieff 1999: 176].

Именно поэтому главной задачей моего исследования было в конечном итоге *наделение властью через выражение* индивидуальных видений со стороны тех, кто меньше всего слышен в конфликте, кто меньше всего в нем виновен и кто больше всего в нем страдает, но от имени кого больше всего говорят лидеры или специалисты... Пространные, хотя тоже неизбежно выборочные свидетельства моих ин-

формантов сохраняют возможность добывать «истину» и «теорию» из первичных текстов, даже если мне лично не удалось объяснить все, что за ними скрывается.

Тексты и образы возлюбивших войну

К понятию «тексты» я отношу и визуальные образы, на которые мне пришлось обратить особое внимание на заключительной стадии работы, при отборе фотоматериалов для книги. На фотографиях, сделанных... в октябре 1995 г., отображены только разрушенный Грозный, мои партнеры по исследованию и информанты. Несколько снимков довоенной Чечни и чеченцев мне удалось извлечь из архивов и семейных альбомов. Я был поражен тем обстоятельством, что многие чеченцы не имели семейных альбомов или фотографий вообще: они были утрачены в результате войны! Это свидетельствует о том, что война и разрушения уничтожают вертикальную (временную) целостность общества на семейно-личностном уровне, лишают его запечатленной памяти. Отсутствие этих прошлых картинок создает пространство для воображаемого прошлого.

В то же самое время чеченский конфликт был и остается одним из наиболее «визуальных» с точки зрения объема и разнообразия фото- и видеоматериалов...

Познакомившись с тем, что фотографы-профессионалы называют «образами» (images), а не фотографиями, я столкнулся с двумя проблемами. Первая — довольно типичная коллизия визуальной антропологии: преобладание или первичность художественного начала над необходимой мне этнографичностью. Тематический кругозор фотомастеров (большинство приезжали снимать в Чечню впервые в жизни) оказался узким и идеологически запрограммированным. Почти все они снимали «джентльменский набор» доминирующих в «международном сообществе» политических клише: чеченских стариков в папахах (конечно, *старейшин)*, танец *зикр* на площади в Грозном (он и держался благодаря многолетней череде снимающих на видео- и фотокамеры), молящихся или улыбчиво-позирующих красивых чеченцев-мужчин в «боевой окраске», страдания беженцев — женщин и детей, и, наконец, грязных и жестоких российских солдат...

Фотографии о Чечне — это прежде всего авторизованные послания, и без политики их авторы не обходятся. То, что чаще всего преподносится как правда или реальность, заключает в себе безусловную одиозность и даже нечестные фальсификации...

В целом мой общий вывод о чеченских «имиджах» следующий: можно получать удовлетворение от искусства фотографии, но нельзя

верить визуальным образам войны, ибо они крайне селективны, политически мотивированы, а иногда просто лживы!

Но данный вывод не решает проблему «имиджей» войны, ибо последние уже стали ее неотъемлемой частью и более того — без них война может просто не состояться или же получать перерыв в ожидании, когда подоспеет камера к очередному насильственному действию. По сведениям самих же журналистов, чеченские командиры не начинали некоторые операции, пока рядом с ними не появится телекамера, которая могла бы зафиксировать их силу и дух, а заодно создать своего рода послание тем, кто поддерживает или даже оплачивает их борьбу и конкретные операции... Известнейшие профессионалы, как, например, защитница мусульманских меньшинств Кристиан Аманпур из CNN, активно использовали эти картинки (часто месячной давности) как сценические задники для произнесения своих политических заявлений в форме последних новостей.

Интересен пример французской журналистки Анн Нива... Она сочиняла драматические версии хода событий, проживая в ингушском доме и пользуясь гостеприимством тех, кого фактически призывала к войне (на политически корректном языке — к «сопротивлению»). Небольшая коллизия с российскими властями по поводу документов и аккредитации журналистки превратилась в громкий публичный скандал об ее исчезновении и о причастности к нему российских властей. Многие другие журналисты использовали подобные намеренные коллизии, чтобы получить паблисити и решить свои идеологические задачи. Если российские военные допускали неадекватно жестокие действия по отношению к мирному населению, а часто и к журналистам, то профессиональные создатели «имиджей» войны терроризировали военных, российские власти и общество в целом. Возможно, что эта коллизия неразрешима, но трудно не согласиться с тем, что современные конфликты, включая чеченский, оказались узурпированы политизированным мифомедийным дискурсом.

«Либеральный интервенционизм»

В процессе эволюции конфликта от одной войны к другой был еще один момент, связанный с инерцией прочеченских симпатий, сложившихся в самом начале войны (и даже раньше) как часть антироссийской позиции, которая, в свою очередь, была рудиментом старого менталитета «холодной войны». Западу не удалось демонтировать обеспечивавший долгую солидарность образ «главного» внешнего врага, поскольку его нечем было заменить: исламская угроза, коммунистический Китай или Северная Корея не дотягивали до этой заместительной роли — большого государства с мощным ядерным арсеналом.

К инерции страха как средства консолидации западного сообщества и обеспечения ресурсов налогоплательщиков для военного бизнеса добавились новые соперничества и геополитические спешки. Они обусловлены стремлением западных и других государств (Турция, Саудовская Аравия) утвердить свои влияния в образовавшейся своего рода «ничейной территории» (terra nullis) — новых государствах бывшего СССР по периметру России. За соперничествами стоит также мировой, особенно нефтегазовый и военно-промышленный бизнес.

Капитализация «ближнего зарубежья» и выталкивание России из этого пространства были столь интригующими и, казалось, легко осуществимыми, что радикальный национализм на Северном Кавказе, тем более вооруженная сецессия в Чечне, показались верным сигналом и возможностью объявить Россию «распадающимся государством» (staggering nation). Именно так обозначил Россию редактор журнала «Форейн афферс» Э. Теппельман в своей статье по поводу окончания натовской операции в Косово. Смысл статьи сводился к тому, что независимость Косово — это уже не столь опасный прецедент, а следующим легитимным клиентом на образование независимого государства является Чечня [International Herald Tribune 1999]...

Вера в состоявшуюся чеченскую независимость стала причиной во многом более жесткого тона со стороны «международного сообщества» во время второй войны. Что касается внешнего мира исламских радикалов, то ими был взят курс на прямую поддержку вооруженной борьбы против России поставками в Чечню оружия, денег и готовностью воевать за плату или за фанатичную идею «воинов джихада».

Интеллектуальный «антивоенный террор», который Игнатьефф называет более деликатно «либеральным интервенционизмом», возглавили даже не журналисты, а писатели, философы и другие культурные герои современности. Международный ПЕН-клуб собрал в мае 2000 г. в Москве свой 67-й конгресс, на котором принял резолюцию о «последнем массовом преступлении XX века». В ней содержится весь набор мобилизационной повестки для продолжения войны со стороны вооруженных формирований в Чечне. Есть жесткая квалификация воюющих сторон: Чеченской республики и России (последняя ведет «необъявленную войну на чужой территории»)...

«Либеральные интервенционисты» не приемлют войну и насилие вообще как однозначное зло, представляя государство в духе западной антивоенной традиции как главного агента насилия и инициатора войны. Они дегуманизируют эту сторону, не видя за ней людей, а только «власти», и гуманизируют «этнос», не замечая в нем бандитов или лидеров, выбравших ошибочную и действительно трагичную стратегию «развития» того же самого этноса. Майкл Игнатьефф прав, когда пишет:

«Как бы это ни звучало парадоксально, полиция и армия национального государства остаются единственными доступными институтами, которые когда-либо нами были созданы, чтобы контролировать и противостоять крупномасштабному насилию» [Ignatieff 1999: 160].

В этой связи встает вопрос: насколько те, кто пребывают в условиях относительной безопасности, содействуют тем, кто попал в зону насилия, чтобы они могли воссоздать жизнеспособные и эффективные государства? Не приводит ли наше внешнее вмешательство к ухудшению ситуации, когда в эти зоны поступает новое оружие или, проще говоря, когда оказывается содействие втянутым в конфликт силам продолжать его? Один из возможных ответов звучит следующим образом:

«Иногда, как бы ни было трудно, наилучшей является позиция невмешательства, чтобы дать проявиться победителю и затем оказать ему содействие в установлении и поддержании монополии на насилие, от чего зависит сохранение порядка. В другом случае, когда силы противников примерно равны и решающий исход недостижим, мы можем позволить вмешательство на стороне, которая выглядит как более правая, и оказать ей содействие в консолидации власти. Конечно, это означает исходное положение, что война может быть неизбежным решением этнического конфликта. Это означает своего рода заключение морального пакта с дьяволом войны с намерением с помощью его огня выжечь дорогу к миру» [Ignatieff 1999: 160].

Эта позиция отличается от западной версии «миронавязывания», но и она не затрагивает важную проблему внешнего вмешательства на стадии мобилизации вокруг разного рода политических проектов, которые нарушают существующий местный баланс сил в обществе или разрушают проблемный государственный порядок, который может быть улучшен через мирные процедуры, переговоры и уступки в качестве всегда наличествующей альтернативы насильственному варианту.

Внешнее вмешательство, будь это ученые, политики или военные, не должно строиться на изначальном определении «сторон в конфликте» и делать выбор в чью-то пользу. Гораздо продуктивнее видеть в любом обществе прежде всего его современную сложность и меняющуюся динамику диспозиций, прежде чем навязывать свои симпатии или осуждение, а тем более прямое вмешательство. Один из принципов профессиональной ответственности, одобренных Американской антропологической ассоциацией еще в 1971 г., гласит, что первичная ответственность ученого-антрополога — предвидеть в своей работе возможный конфликт ценностей и подходов и решать этическую дилемму таким образом, чтобы не нанести ущерба тем, кто является предметом исследования. А в целом «все эти принципы должны строиться

на полном признании социального и культурного плюрализма изучаемого общества и соответственно плюрализма ценностей, интересов и требований, существующих в этом обществе» [Professional ethics 1973].

Мораль сдержанности, уважения сложности обществ и возможных ситуаций вполне может распространяться и на другие категории аутсайдеров, осуществляющих вмешательство как через исследования, так и через общественно-политические акции. За последние годы своей вовлеченности в чеченские события я обратил внимание на одно обстоятельство психологического характера, которое присутствовало в поведении чеченцев, — участников многих конференций и «круглых столов», состоявшихся в Москве, на Северном Кавказе или за пределами России. Сталкиваясь с позицией, подобной той, которая выражена в резолюции ПЕН-клуба или на организованной газетой «Московские новости» международной конференции по Чечне в декабре 1999 г., они оказываются в смятении перед выражениями осуждения России и апологетикой вооруженного сепаратизма. В результате чеченцам трудно позволить себе выразить другие позиции и слова, чем те, которые звучат с московских трибун от главных ораторов. Хотя в большинстве своем известные мне чеченцы осуждают режим Масхадова и войну за отделение от России, но сказать об этом в экзальтированных аудиториях у них часто нет сил. Они не способны преодолеть этот внутренний разлад и вынуждены повторять слова международных или московских «авторитетов». Никто из них ни разу не сказал: «Прекратите говорить за нас или хотя бы дайте нам говорить в начале повестки ваших собраний, а не в конце, когда уже трудно говорить в несогласном ключе».

Я заметил этот разительный контраст также и в книгах, изданных Фондом Сахарова, о которых уже шла речь ранее. Поразительно, но именно чеченские, а не московские и зарубежные авторы проявляют терпимость и сдержанность в отношении происходящего, включая и вопрос об отношениях Чечни и России. Более того, эти авторы — единственные, кто рассматривает Россию как свою собственную страну и себя как часть российского сообщества, хотя редакторы и авторы предисловий книг жестко предписывают, что речь идет о двух государствах и о двух обществах. Осуждение войны и жестокости со стороны федеральных вооруженных сил не означает для них отчуждение от общего государства или отказ от чеченской идентичности и от местного патриотизма. Однако эти робкие демонстрации просто не замечаются, а в ряде случаев подвергаются цензуре московских «гуманистов» и «правозащитников», чтобы не звучать диссонансом с работами зарубежных и российских авторов, пишущих свои версии чеченской войны.

Мне представляется, что принцип этического кодекса антрополога — не нарушай спокойствие и общественный баланс в местном со-

обществе, которое изучаешь или о котором пишешь, — был жестоко нарушен в Чечне. Первичная вина лежит на тех, кто до этого ни разу в жизни не слышал слово «Чечня» и тем более не знал ее общества, но взял на себя миссию вмешательства и подстрекательства. Их просепаратистские симпатии были вызваны на самом деле застарелым и обновленным синдромом антироссийскости или же либеральной утопией этнического самоопределения «угнетаемых меньшинств»...

Почему, где и когда появляются подобные сцены для насильственных конфликтов и жестоких войн? Было бы наивно утверждать, что для них нет внутренних обстоятельств и местных инициаторов. В мире очень много ситуаций, которые можно было бы охарактеризовать облегченной формулой «меньшинства в состоянии риска» (minorities at risk). Под риском имеются в виду разные факторы, но прежде всего неспособность государства обеспечить благоприятные условия жизни, сохранение культурной отличительности и групповой целостности части собственного населения, безопасность индивидов и местных сообществ. Тогда, как полагают сторонники этой концепции, появляются страх, озабоченность и даже желание выйти из общего политического пространства, которые чаще всего выражают политические активисты этих групп или сторонники непримиримой, в том числе вооруженной, оппозиции из числа радикальных элементов.

В какой мере эти воинствующие радикалы аккумулируют мнение или «волю народа», является большим вопросом. Ибо ответ на него формирует мнение о «справедливости» или «несправедливости» избранной борьбы. Этот эвфемизм стал подлинным проклятием современного мира, включая и пространство бывшего СССР...

В большинстве случаев с этнокультурными и этнополитическими проблемами справляются сами государства, используя разный политический арсенал: интеграцию, ассимиляцию, мультикультурализм, индивидуальную и коллективную автономию, аффирмативные акции, уступки и переговоры, общие и специальные законы и даже вооруженную силу. Этнический радикализм и этнические войны появляются не там, где их вызывает групповой страх, который некоторые ученые называет среди главных причин этнических войн, а там, где или само государство поощряет этнический партикуляризм и строит на нем систему управления, как это было в СССР и как это продолжает быть в постсоветских государствах, или где государство утрачивает способность поддерживать порядок и обеспечивать контроль над военными арсеналами, позволяя появление нерегулярных вооруженных групп во главе с этническими предпринимателями или безответственными авантюристами. Именно там и тогда внутренними и внешними усилиями конструируется образ «порабощенного народа», борющегося за свободу и независимость.

Чтобы этот образ был радикально другим по отношению к остальному населению страны, на службу заступают наивно-романтическая этнография и мифологизированная история, превращающие носителей определенной этничности в «мусульманский народ» или в «гордых дикарей» — воинов наподобие древнего Антея, но только с гранатометами. Так помимо избранной сцены появляется и предписанная роль. Какую роль обрели чеченцы под воздействием собственных и внешних сценаристов, многие из которых никогда не согласятся или даже не подозревают, что были среди постановщиков драмы войны?

Конструирование чеченцев из этнографического мусора

Это может показаться парадоксом, но не столько чеченцы (с участием собственного, Российского государства и его армии!) породили глубокий конфликт в стране, сколько война породила чеченцев в том их образе и роли, в которых они предстали (точнее говоря, их представили) перед внешним миром, до этого никогда не слышавшим само слово «Чечня»... Чеченцы были до 1991 г. советскими людьми, коммунистами и беспартийными, верующими мусульманами и неверующими атеистами, профессорами и инженерами, студентами и учителями, членами семей и родственных коалиций. Даже их тайное и болезненное отличие как «бывших депортированных», часто напоминавшее о *чеченстве* как одной из форм личной и групповой идентификации, не было столь довлеющим и чем-то исключительным... [Ignatyeff 1999: 125].

Имеющиеся у меня данные говорят, что для современного (довоенного) поколения чеченцев их этническая идентичность и принадлежность к депортированому народу не являлись главной формой их социальной идентификации и личностного поведения в повседневной жизни. Довоенная Чечено-Ингушетия была динамичным обществом, в котором люди были прежде всего озабочены материальным преуспеванием, получением образования и карьерным продвижением, профессиональными службами, включая военную и государственную. Они больше идентифицировали себя по профессиональным и поколенческим группам, по семейным и дружеским связям, а уже потом по этническим, религиозным, а тем более по клановым (тейповым) коалициям, о которых мало кто слышал. Они были прежде всего людьми, потом советскими людьми, потом членами профессиональных коллективов, потом членами местных общин и родственного круга и только потом чеченцами. Подобная иерархия социальных идентификаций личности

была схожей для всего населения страны... [Социальная идентификация личности 1993].

Реификация *чеченства* произошла в условиях конфликта и глубоких общественных трансформаций эпохи Горбачева—Ельцина. Она произошла в драматической и фантастической (мифологизированной) форме, сконструированной из доступного историко-этнографического материала (чаще всего малодостоверного), литературных и паранаучных фантазий и намеренных политических предписаний. *Чеченство* стало не просто первичной (примордиальной) идентичностью, но и особой ролью, замешанной на нескольких элементах: а) националистическом нарциссизме, б) комплексе жертвенности (виктимизации) и с) мессианской идее «гробовщиков империи», «освободителей Кавказа» и «авангарда исламизма».

Я допускаю, что в столь жестких суждениях возможны ошибки, продиктованные недостаточным знанием внутреннего мира чеченцев, если таковой вообще существует как некая целостность... В чем я достаточно уверен, так это в том, что мой анализ, построенный на современной рациональности или иррациональности, не слабее конструкций ученых и журналистов, исходящих из абсолютизации историко-этнографических аргументов как необходимых профессиональных стандартов... Как свидетельствует моя коллега, исследовательница из Калмыкии, Эльза Гучинова, ее родители и родственники никогда об этом ей не рассказывали, и она о депортации не знала долгое время.

Почему чеченские старики оказались более воинственны? Данный тезис также требует тонкого рассмотрения не только с точки зрения «реванша», но и с позиции современной верификации. Как много в действительности было таких стариков — сторонников войны и насколько это был их собственный выбор? И если да, тогда нет ли за ним больше мотива укрепления слабеющего статуса старших?

Выдающийся российский этнолог С. А. Арутюнов также склонен принимать миф о традиционной вайнахской военной демократии и определяющей роли «исторической памяти» для объяснения высокой степени мобилизации чеченцев в конфликте (обратный перевод с английского):

«Чечня была и остается обществом военной демократии. В Чечне никогда не было королей, эмиров, князей или баронов. В отличие от других кавказских наций в Чечне никогда не было феодализма. Традиционно она управлялась советом старейшин на основе консенсуса, но подобно всем другим военным демократиям (как, например, ирокезы в Америке или зулу в южной Африке) чеченцы сохраняют институт военного вождя. В мирное время они не признают верховной власти и могут распадаться на сотню враждующих кланов. Однако в период

опасности перед лицом агрессии враждующие кланы объединяются и избирают военного лидера. Этот лидер может быть известен каждому как не самый приятный человек, но он избирается за то, что является хорошим генералом. Когда идет война, этому лидеру подчиняются все» [Arutiunov 1995: 17].

Научный авторитет Чеснова и Арутюнова и привлекательность самих объяснительных конструкций способствуют их некритическому восприятию другими (аналогичные вещи произошли с работами С. Старостина и И. Дьконова). Интересно, что западные специалисты по этническим проблемам и конфликтам в своих исследованиях вооруженных движений в зонах проживания аборигенных народов, их борьбы за суверенитет или сецессию никогда не пользуются аналогичными историко-этнографическими конструкциями времен Г. Моргана и Ф. Энгельса относительно обществ военной демократии...

Однако с Чечней оказалось возможным то, чего не позволяют себе профессиональные исследователи применительно к другим регионам и общностям. Высказывания и оценки российских обществоведов (включая чеченских авторов) были не просто заимствованы, но и развернуты в более детальные рассуждения о характере чеченского общества и о природе конфликта.

«Чеченцы представляют собою национальность, не идентифицирующую себя с государством и обществом, в котором они живут. У них вообще отсутствует мотивация подчиняться законам этого государства и общества. Они имеют свои древние традиции, которые противостоят "просвещенному", "плюралистическому" и "прогрессивному" либерализму, и свои социальные нормы, которые делают чеченское общество непрозрачным для внешнего исследования. В стране, где существует смесь плохо институализированной "демократии", социальной дезинтеграции, слабости государства и государственной коррупции, для них, внутренне сплоченных и исключительно эффективных и беспощадных в достижении своих целей, открылись невероятные возможности и пространство для организованной криминальной деятельности. Можно сказать, перефразируя фразу Роберта Мусила, что если бы западная буржуазия могла мечтать, это была бы мечта о чеченцах» [Lieven 1998: 354].

Таким образом, «неколониальная» этнография, которая построена на знании «чеченской клановой системы», предлагает нам образ чеченского общества как «традиционного, иррационального, разделенного, статичного и непоколебимого». На самом деле есть противоположное ощущение: мы имеем дело с феноменом антропологического и неоколониального по своей глубокой сути редукционизма, когда по разным причинам культурно отличный, но современный народ квалифицируется как «древний племенной этнос», или как «досовременная

этническая нация». Логика такого изощренного академического неоколониализма ведет к заключению, что по причине фундаментальной отличительности от остального общества данная группа заслуживает безоговорочной симпатии, патронажа, поддержки и защиты. Ссылаясь на плохо доказуемые или воображаемые данные об этих фундаментальных культурных различиях и отторгая или игнорируя общие характеристики и схожести, такого рода антропология полагает, что тем самым она демонстрирует высокие дисциплинарные стандарты вместе с политической корректностью. «Я очень даже доволен, что Вы критикуете мою "симпатизирующую этнографию"», — сказал мне Я. В. Чеснов. За этим как бы стоит непоколебимый постулат, что иной этнография и быть не может. «Я полюбил чеченский народ», — пишет Анатоль Ливен... [Lieven 1998: 335–339].

Можно понять заявление о любви к определенной культуре, но что такое «любовь к народу» как категория анализа, а не как бытовая эмоция, понять достаточно сложно. Проживая в доме Басаева и выражая признательность некоторым известным лидерам чеченского вооруженного сопротивления, Анатоль Ливен демонстрирует свою любовь именно к этой части чеченского населения или к тому образу чеченцев, который им самим и создан. Работая над книгой, я также узнал и установил теплые отношения со многими десятками достойных и глубоко мне симпатичных чеченцев, но едва ли это дает мне основания на претенциозное заявление о любви к чеченцам. Подобная позиция предполагает возможность обратного варианта, т. е. «нелюбви к народу». Едва ли нормальный человек, а тем более ученый-этнограф может занять такую позицию. Тогда остается «всеобщая любовь ко всем народам», но это абсурдная и даже лицемерная позиция.

Неоколониальная по своей патерналистской сути симпатизирующая этнография помещает чеченцев как коллективное тело под названием «этнос», или «нация» (а значит, и всех членов группы), в железные этнографические клетки, предоставляя им карт-бланш на презрение закона, совершение преступления и безжалостную борьбу. Это на самом деле плохая услуга народу, который становится предметом демонстративной любви аутсайдеров...

Какой смысл заключался в призывах прибывших еще в 1990 г. на конференцию в Грозный некоторых ученых «продолжить дело шейха Мансура и имама Шамиля», кроме как в подстрекательстве чеченцев к нереализуемому проекту вооруженного вызова государству и существовавшему порядку? Может быть, есть смысл говорить об ответственности создателей образа «гордых дикарей», когда никто из них, не пострадавших, остается в своей уверенности, что делал правое дело, выбирая «любимый народ» на роль разрушителя «новой империи»

Российской Федерации? У меня тоже есть мечта — мечта, чтобы чеченцы смогли избежать «мечтаний западной буржуазии о чеченцах». Ибо это тяжелая миссия — играть роль, навязанную внешними мечтателями. Тем более, что уже можно заметить, как та же самая неоколониальная этнография, восхвалявшая эффективность борцов за свободу, сейчас используется, чтобы объяснить провальные итоги войны за независимость.

«Принцип крови — это все в Чечне... В 1994 г. все чеченцы были объединены по принципу (весь чеченский народ. — *В. Т.*) в своей борьбе против России. Однако в ходе войны и последующих лет чеченские военные и социальные структуры постепенно вернулись к их племенным основаниям. Член одного тейпа отвергал подчинение командиру из другого тейпа, и в итоге все чеченские полевые командиры стали старшими своих тейпов. После войны эта особенность стала главным препятствием созданию национальных политических институтов и государственной дисциплины. Поскольку только ислам стоял выше тейповых границ, религиозные призывы усилились по мере укоренения основанных на племенном принципе политических группировок... Чеченцам просто не хватает традиции надродственной политической организации, и в этом отношении их можно считать, как бы неприятно это ни звучало, досовременным обществом. Результатом стал катастрофический социальный имплозив (направленный внутрь взрыв. — *В. Т.*), который охватил всю Чечню и в котором новая война есть просто его последняя стадия» [Kisriev 1999: 6–7].

Процитированные авторы Энвер Кисриев и Роберт Уэр называют несколько причин, почему не состоялся проект чеченской независимости, среди которых не только политика России и крах экономического, социального и политического развития Чечни, но и «чеченская беззаконность», которая восходит к «традиционной социальной структуре чеченцев».

Как можно заключить из наших данных, чеченцы не были едины в борьбе против Москвы, а российское общество также разделилось в своем отношении к этой разрушительной войне. Через три года после первой войны в Чечне еще больше обострилось соперничество политических и военных группировок. Оппозиция Масхадову обратилась к воинственному экспансионизму и к политическому исламу в попытке обрести собственную легитимность. Раскол затронул только вооруженную часть общества. Все больше и больше чеченцев вставало в оппозицию к обоим вооруженным лагерям (правительству и ваххабитам). Конфликт в Чечне начался и продолжился как внутричеченский. Именно это стало основным водоразделом чеченского общества, члены которого отвергали экономический и политический хаос и отсутствие личной безопасности. Проблема была в том, что большинство

без автомата Калашникова было неспособно возвысить свой голос без неминуемого наказания.

Простые чеченцы стали заложниками экстремистской идеологии и блюстителей законов шариата. Чеченское общество действительно потерпело неудачу в строительстве «своего» государства, но не из-за отсутствия традиции неродовой политической организации и некой прирожденной чуждости закону и праву. В конце концов, чеченцы жили много десятилетий по советским законам, которые при всех их деформациях являлись европейскими правовыми нормами и ценностями. Наконец, чеченцы в Чечне и за ее пределами приняли российские законы и жили по ним, занимаясь многими мирными делами, в том числе и честным бизнесом. .

Причины краха чеченской независимости и возникновения хаоса разорванного войной общества кроются не в этнографии и истории, а прежде всего в современных факторах Во-первых, слишком много чеченцев оказалось подвержено националистической идеологии, к которой добавились романтика и логика вооруженной борьбы, а затем и «великой победы». Героическая мифология сослужила свою мобилизационную службу в период военных действий, но оказалась беспомощной во время послевоенной реконструкции и бесполезной для налаживания отношений с конфликтующей стороной. По справедливому замечанию Кисриева и Уэра, «эта воинская мифология является саморазрушительной особенно потому, что она носит самовозвеличивающий характер» [Kisriev, Ware 1999: 36]

Во-вторых, попытка построить как бы заново концепцию чеченской идентичности на религиозной основе ислама столкнулась с непреодолимыми препятствиями. Активизация в Чечне традиционного ислама суфийских братств происходила среди населения, которое в итоге советского наследия стало в значительной мере атеистичным или, точнее, плохо образованным в религиозном плане. Заключающий в себе общегуманистическое и миротворческое начала тарикатистский ислам не смог проявить себя в должной мере Воинская мифология и враждующие вооруженные группы подмяли под себя слабый и разрозненный муфтият Лидеры вооруженных групп взывали к исламу в целях обрести политическую легитимность и верховенство Особый ущерб возвращению ислама в чеченское общество был нанесен исламским радикализмом, получившим название «ваххабизм». На стороне последнего оказались существенные внешние ресурсы, поступавшие из стран Персидского залива, Пакистана и Афганистана.

Ваххабизм, пытавшийся взять на себя роль «чистого» или «пуританского ислама», был чужд чеченскому обществу Но он внес сумятицу и еще одну линию раскола в разрушенное войной общество Именно радикальный исламизм, а не только экономический хаос и изоляция не

позволили установить в послевоенной Чечне какие-либо основы гражданского правления, законности и порядка

Немаловажно и часто не замечается аналитиками то, что «чеченская революция» стала революцией двойного отрицания. Разрушив советскую систему управления и ее идеологию, общество отторгло порядок и сложившиеся основы жизни вообще и начало строить нереализуемые проекты воссоздания воображаемого порядка на основе клановых структур или религии Такого порядка скорее всего в Чечне никогда и не существовало, по меньшей мере с момента пребывания ее в составе Российского государства. Вероятно, наиболее реалистичным сценарием было бы восстановление ситуации до 1991 г Однако существовавший тогда порядок рухнул на всем остальном пространстве бывшего СССР. В окружающем Чечню мире также произошло двойное отрицание, но только с меньшими последствиями. Вернуться в этот мир стало уже невозможно и по причине его тотального осуждения внутренними и внешними силами. Ввергнутое в войну общество оказалось в драматической ситуации поиска формулы общественной жизни на основе выдуманных образов прошлого или же согласно предписанным внешними силами рецептам, чуждым для Чечни и ее жителей

ЛИТЕРАТУРА

Гакаев Дж Очерки политической истории Чечни (XX век) М , 1997

Социальная идентификация личности / Отв ред В А Ядов М , 1993

Хасбулатов Р И Мне не дали предотвратить войну в Чечне М , 1996

Arutiunov S Ethnicity and Conflict in the Caucasus // Ethnic Conflict and Russian Intervention in the Caucasus / Ed F Wehling Policy Paper N 16 August Institute on Global Conflict and Cooperation University of California San Diego, 1995

Ignatieff M The Warrior s Honor Ethnic war and the modern conscience London, 1999

Lieven A Chechnya Tomstone of Russian Power New Haven, London, 1998

International Herald Tribune 1999 2 July

Kisriev E , Ware R Social Tradition and Political Stability in Dagestan and Chechnya Developments since September 1999 March 2000 P 6–7 (manuscript)

Professional ethics Statements and procedures of the American Anthropological Association Washington DC, 1973

В. А. ТИШКОВ

МЕЖЭТНИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ И КОНФЛИКТЫ: ПЕРСПЕКТИВЫ НОВОГО ТЫСЯЧЕЛЕТИЯ»*

О некоторых тенденциях в странах СНГ и Балтии

В сложных по этническому составу населения государствах бывшего СССР проблемы межэтнических взаимодействий и конфликтов всегда будут одними из наиболее трудных, причем не по причине изначальных антагонизмов между проживающими в общих государствах различными этническими общностями, а из-за неадекватного государственного устройства, плохого управления или намеренной мобилизации этнического фактора в политических, конфликтных целях. Наш анализ показывает, что в постсоветских странах сохраняется высокий уровень взаимодействия и сотрудничества представителей разных народов, а также интенсивные контакты и духовные связи бывших граждан СССР. Конечно, культурная дистанция и политико-идеологические расхождения между государствами бывшего СССР все более возрастают, а прямые человеческие отношения сокращаются по причине границ и верхушечной пропаганды отчуждения. Этому способствуют экономические трудности и политическая нестабильность в ряде стран, а также внешние воздействия в рамках геополитических соперничеств, когда огромные ресурсы вкладываются в недопущение какой-либо реинтеграции в рамках бывшего СССР, особенно если в этом процессе проявляется ведущая роль России. Наиболее примечательным в этом плане является трудный процесс государственного объединения России и Беларуси, когда на, казалось бы, безусловные преимущества такого объединения находятся контраргументы и силы противодействия.

---

* *Тишков В. А.* Этнология и политология. М.: Наука, 2005.

© В. А. Тишков, 2007

В наши задачи не входит анализ политических и экономических процессов в постсоветских странах, но хотелось бы отметить, что особенно после прихода к руководству в России В. В. Путина произошли позитивные переоценки, в том числе и роли самого СНГ за годы существования Содружества и его будущих перспектив. Однако нас прежде всего интересуют социально-культурные тенденции и массовые установки людей, а также проблемы так называемых национальных меньшинств и новых диаспор. В этой сфере не произошло радикальных изменений. Все страны продолжают строить национальные государства от имени «титульных» этнических общностей и держать остальное население в статусе не членов нации или даже не граждан этих государств. Эта политика этнического исключения, даже если она официально в некоторых странах называется «политикой интеграции» (а фактически ассимиляции или непризнания особого группового статуса), стала основным внутренним вызовом существующих новых гражданско-политических сообществ. Она препятствует разрешению ранее случившихся насильственных конфликтов, хотя у таких конфликтов уже накопилась своя логика трудных противоречий и антагонизмов, поскольку это связано с гибелью людей, разрушениями и изгнанием населения из мест своего проживания.

Ни одно из новых государств за пределами России не смогло пока одержать верх над силами радикального этнического национализма, противопоставив ему формулы общественного устройства, которые обеспечивали бы гражданское равенство независимо от этнической принадлежности, а культурно отличительным общностям давали бы гарантии сохранения их культуры и справедливого участия во всех сферах общественной жизни. Ни одно из государств не пересмотрело в спешке принятые в начале 1990-х гг. основные законы и другие положения в сторону признания хотя бы официального двуязычия, и русский язык остается «наказанным языком», хотя на нем продолжают говорить дома и на работе не только большинство политических лидеров новых стран, но и огромные массы населения.

Степень политической организованности и знания своих основополагающих прав среди постсоветского населения остается низкой, а его способности повлиять на изменение положения — ограниченными в силу или авторитарных режимов, или коллективной авторитарности так называемого титульного населения, интересы которого все еще часто представляют воинствующие радикалы. За последнее время мы наблюдаем новые формы ответного поведения «иноэтничного» населения в постсоветских государствах. Одна из них наметилась в Латвии и Эстонии, когда часть так называемых русскоязычных вполне определенно взяла курс на изучение официальных языков и намерена ин-

тегрироваться в местные гражданские сообщества, включая обретение гражданства, несмотря на имеющиеся препятствия.

Будет ли это означать ассимиляцию русских, украинцев, белорусов, евреев и других с превращением их в латышей и эстонцев, сказать трудно. По крайней мере для нынешнего поколения скорее возможен вариант *неассимилированного двуязычия и сохранения собственной культурной идентичности наряду с гражданской лояльностью.* Ассимилировать такое большое число представителей таких больших культур, как, например, русская или украинская, латышам и эстонцам едва ли удастся, учитывая к тому же соседское существование основных массивов носителей этих культур в России и на Украине. А это означает, что рано или поздно нанесенные обиды и нынешние унижения могут стать причиной более радикальных действий и требований, включая открытые конфликты. Виной тому будут недальновидная политика и надменность тех, кто сегодня безраздельно правит в «своих» государствах, и тех, кто в стремлении быстрее дистанцировать страны Балтии от России закрывает глаза или просто нежно журит за нарушения прав больших групп населения. Только в страшном сне можно представить себе ситуацию, что по улицам Риги молодые латыши будут гулять в натовских формах, а большинство таких же молодых рижан по причине «русскоязычности» не будут даже иметь паспортов государства, где они родились и выросли. А если они и будут иметь такие паспорта, то захотят ли они служить в такой армии? Будущие конфликты нужно уметь видеть и избавляться от мышления и поведения бывших советских меньшинств, неустанно разоблачая мифические угрозы со стороны России.

Другая тенденция с новыми диаспорами наметилась в таких странах, как Казахстан, где русские, утратив представительство в органах власти и подвергаясь бытовым унижениям, избирают вариант исхода, ибо ассимилироваться в казахов они при всем желании не могут по причине больших культурных и расовых различий. Руководство страны вяло внедряет идею казахстанскости и общего государства для всех граждан, вынуждая людей уезжать (особенно из южных областей) в Россию или в Германию. Страна все больше оказывается расколотой по этническому принципу и в географическом плане. Перенос столицы никак не помог, а только обнажил проблему. Если в северных промышленных городах случается забастовка русских казахстанцев, а ей противостоит пикет из одних милиционеров-казахов, то рано или поздно открытый конфликт неизбежен.

Русское население севера Казахстана (как и северо-востока Эстонии) вполне может сформулировать политический проект внутренней автономии или даже сецессии, особенно если в России поправится экономическое положение и молодым призывникам не будет грозить

служба на войне в Чечне. Об этой возможной ситуации также следует думать заранее, и исправлять положение необходимо как можно быстрее прежде всего в национальных (казахстанских, а не казахских!) интересах страны. Официальное двуязычие и элементы федерализма здесь смогут сыграть огромную позитивную роль, и никакой угрозы суверенитету Казахстана и казахской культуре они не несут.

Непростая ситуация складывается и на Украине. С одной стороны, в этом государстве имеется одна из наиболее компетентных правящих элит (если не считать общей беды — коррупции), которая в целом справляется с управлением сложной страны, имея в виду ее огромные этнические, религиозные и региональные различия и противоречия. С другой — антироссийский синдром и проблема русскоязычного Крыма направили почти всю энергию этнической политики и получаемые внешние ресурсы по линии миграционных организаций на проблему собирания крымских татар в Крыму. Последние и без того недостаточно устроены, и только недавно значительная их часть получила украинское гражданство, но уже выполняются проекты по стимулированию новых переселенцев из Узбекистана, где крымские татары достаточно неплохо интегрировались в течение уже нескольких послевоенных поколений. Фактически в Крыму закладывается этническая бомба тройного противостояния при новом внешнем игроке — Турции, и этого не могут не видеть ответственные политики.

Украинская гражданская нация может состояться (собственно говоря, она реально существует) только на основе украинско-русского культурно-языкового симбиоза, а не этнической «украинизации». Такова уж историческая ситуация, что украинцы в России ассимилируются в русскую, точнее в российскую русскоязычную культуру, а русские на Украине (так, кстати, происходит с носителями всех мировых языковых систем) не ассимилируются с украинцами, хотя более широкое распространение двуязычия среди русских в этой стране не только возможно, но и необходимо. Только с утопией насчет культурно-языковой паритетности между двумя странами («сколько у вас детских садиков на украинском, столько и у нас на русском»?!) следует расстаться. Это — пустая трата интеллектуальных и других ресурсов обеих стран, что, однако, совсем не означает отказ в поддержке украинской культуры и украинской культурной автономии в России, начиная от Белгорода и кончая Дальним Востоком.

Если говорить о мерах улучшения государствоустройства Украины, то, видимо, это прежде всего отказ от категоризации русских как «национального меньшинства» (это же полезно сделать в Казахстане и Латвии) и переход к формуле равнообщинного государства. Опять

же неизбежно официальное двуязычие и даже федерализация, чтобы сохранить единство страны и избежать будущих конфликтов.

В Закавказье (на южном Кавказе), если не касаться сложнейших ситуаций карабахского и абхазского конфликтов, складывается странная ситуация. Верхи продолжают упорную линию на западную ориентацию, а также включая члена НАТО — Турцию. К их пользе состоялись важнейшие международные решения по нефтяным и военным проектам и на Стамбульском саммите в 2000 г. Но гуманитарно-культурная ситуация развивается в обратном направлении. Массовая трудовая миграция из всех трех стран в Россию (до трети самодеятельного населения) делает заработки мигрантов основным источником жизни значительной части населения этих стран, и таковым положение останется в будущем, ибо доходы от нефтяных проектов достанутся только малой верхушке этих обществ. Грузинское, армянское и азербайджанское культурное производство также в значительной мере осуществляется на территории России. Наметилась тенденция к восстановлению научных и других гуманитарных связей интеллигенции. Англоговорящие и работающие на западных грантах по антироссийской повестке интеллектуалы составляют ничтожное меньшинство, но и многие из них сегодня готовы к более широкому сотрудничеству, включая и Россию. *Возможно, наступил момент серьезных коррективов в политике верхов, чтобы не углублять сложившийся в последнее десятилетие разрыв с Россией и не отказываться от полезных новых связей в более широком мире.* Здесь есть над чем потрудиться и в самой России по части демонтажа уже укоренившегося комплекса антикавказских фобий.

Основной внутренний вызов России

Основной внутренний вызов Российскому государству заключается в вялом утверждении нового образа страны среди населения, в отсутствии в нёобходимой степени общеразделяемой гражданской идентичности россиян, чувства гражданской ответственности и патриотизма. В стране на уровне политиков, этнических активистов и экспертов до сих отвергается существование многоэтничной гражданской нации, несмотря на высокий уровень социально-культурной гомогенности населения страны и повседневно демонстрируемую российскость рядовыми гражданами. Вместо этого сохраняется доктрина «многонационального народа России», а не «многонародной нации», что было бы гораздо точнее. Государство до сих пор не оформило свои правовые отношения с гражданами через систему паспортов по причине конфликта вокруг предшествовавшей практики фиксации государством этнической идентификации граждан (так называемой национально-

сти). Новый президент должен завершить эту неприличную канитель, предусмотрев возможность исполнения текста паспорта на нескольких языках наряду с русским.

Авторам законов о гражданстве в отдельных республиках следует поумерить свой задор и подумать лучше об интересах российских граждан в республиках. В Татарстане вообще заготовлен законопроект о 10-летнем центре оседлости для приобретения республиканского гражданства. И это в рамках одного государства, когда в республику могут приезжать и уезжать специалисты разных национальностей — производители высококлассной и высокодоходной техники, а право на землю и на голосование будет записано прежде всего за сельским татарином. Откровенно говоря, эта периферийная националистическая суета уже начинает надоедать уставшей стране, и следует хорошенько задуматься о более общих и земных интересах граждан, чем перевод языковой графики на латиницу, когда большинство татар говорит на русском языке.

В этой связи важнейшим направлением государствостроительства на ближайшее десятилетие представляется утверждение доктрины России как национального государства с многоэтничным составом населения и гражданской общностью россиян. Это единственно возможная доктрина государствоустройства, которой следуют все страны мира от Англии и Испании до Индии и Китая. Вернее. ей следуют все страны Организации Объединенных Наций, из которых, пожалуй, только Россия представляет собой саморазрушительное исключение. Несостоятельная доктрина сути самого государства как некой не до конца самоопределившейся общности активно используется против России во внешних соперничествах.

Конституционно-правовая основа и административное устройство

Конституционно-правовая основа новой России и устройство власти подверглись радикальным изменениям и продолжают находиться в процессе становления. Хотя административно-государственное устройство и его идеология были заимствованы от РСФСР, в России впервые утверждается наиболее оптимальный для крупного и со сложным составом населения государства принцип — федеративное устройство с наличием этнотерриториальных автономных образований в рамках федерации. Это есть одна из форм внутреннего самоопределения населения части регионов страны, где сосредоточены основные культурно отличительные группы населения.

Федерализм в его гибких и несимметричных формах должен со-

храняться и может послужить укреплению государственности в ближайшее десятилетие при выполнении ряда условий доктринального, правового и политического характера. Среди этих условий такие, как коррекция местных конституционных и других правовых текстов в пользу общегражданского равноправия, отход от этнического национализма и признание федеральной властной вертикали. В свою очередь, необходимы реформы федеральных органов власти и коррекция федеральной конституции, которая вобрала бы в себя возможный общий минимум из практики договоров с субъектами Федерации при одновременной элиминации самих этих договоров.

Принципиальным вопросом конституционных основ федерализма применительно к центральной власти является характер высшей палаты парламента. Наличие параллельного губернаторскому корпусу выборного корпуса представителей субъектов Федерации — вполне осуществимая задача, которая укрепляет общую систему и взаимозависимость федеративного устройства страны. Как осуществить эту сложную процедуру, не ослабляя высшую власть и не удорожая ее дополнительным отрядом высших управленцев, может быть предложено экспертами и самими политиками.

Самостоятельный вопрос — это административное устройство. Если федеративный принцип является оптимальным и требует только коррекции и развития, то само деление страны на субъекты Федерации отражает частично историческую традицию, частично хронику партийных решений в связи с осуществлением хозяйственных или идеологических проектов или результат лоббирования старых и новых лидеров (пример первого — Липецкая область, второго — Еврейская Автономная область, третьего — Санкт-Петербург). Часть административной структуры досталась от советских времен «национального строительства», а именно автономные округа для народов Севера и Сибири, которые в период хаотического переустройства и кризиса центральной власти в начале 1990-х гг. обрели статус равноправных субъектов Федерации, одновременно утратив свою подлинную суть как форма представительства коренных малочисленных народов. Последние выборы в Государственную Думу еще больше сузили представительство не только коренных народов, но даже местного населения в целом по причине делегирования столичных политиков.

Необходимо провести административную реформу в направлении оптимизации управления страной за счет сокращения числа субъектов и других мер, но осуществить ее будет крайне сложно по причине существования мощных местных бюрократий с огромными личными и групповыми интересами. При низком уровне гражданского сознания и слабой подконтрольности бюрократии власти субъектов могут мобилизовать ложные формы местного патриотизма и солидар-

ности и не позволить упразднение или реконфигурацию субъектов Федерации. Однако реформа возможна через демократические процедуры, удовлетворение частных и групповых интересов, и к общей пользе государство будет иметь эффективное и не столь мозаичное управление страной. В любом случае в отношении малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока необходимо поменять принцип «национальных автономных округов» на создание и поддержку самоуправляемых местных общин, ведущих традиционное хозяйство аборигенов, с предоставлением особых прав пользования ресурсами и особой государственной поддержкой (опыт других Северных стран). Все остальная деятельность на территории округов ничем не отличается от общих правил и должна составлять часть соответствующих, более крупных образований (краев и областей).

Имеет значение вопрос о границах и о возможных реконфигурациях российских республик, особенно на Северном Кавказе, который лоббируется этническими активистами и некоторыми экспертами. Устройство республик (оформление в 1991–1992 гг. статусов новых республик из автономных областей с меньшинством «титульного» населения уже назад не вернуть) на сегодняшний день оптимальное, и резких изменений, кроме корректировки их конституционных и других правовых текстов, быть не должно. *Главная задача — улучшение системы и качества правления, а не изменение границ и статусов.* Здесь ключевой вопрос заключается в обеспечении равного доступа к ресурсам и к власти представителей всех групп населения и мерах по приостановлению оттока русского населения из республик. Вопрос об особом статусе или режиме управления может стоять только для Чеченской Республики.

Этнокультурный фактор, национализм и сепаратизм

Общее состояние этнических культур в России достаточно благоприятное, а климат межэтнических отношений на уровне населения характеризуется толерантностью, несмотря на раскол элит по этническому принципу и рост настроений ксенофобии и некоторых экстремистских идеологий и деятельности. В России сохраняются языки и другое культурное своеобразие представителей около ста этнических общностей и в то же время имеется высокий уровень интегрированности в доминирующую российскую культуру на основе русского языка. Положительным явлением стало развитие экстерриториальных национально-культурных автономий (после принятия соответствующего закона 1996 г.) как одной из форм внутреннего самоопределения народов. Эта деятельность должна развиваться при некоторой поддержке государства, но в основном за счет ресурсов самих этнических общин и их

самоорганизации. Закон 1996 г. требует некоторой коррекции именно в эту сторону и в сторону дебюрократизации системы национально-культурных автономий (убрать деление автономий на федеральный, региональный и местный уровни, допустить множественность образований от имени одной этнической общности, четче определить формы государственной поддержки.

В перспективе главными представляются усилия по поддержке культурного многообразия населения страны при должном уровне интеграции в общероссийскую социально-культурную общность на основе русского языка. Развитие двуязычия и многокультурности — наиболее оптимальная стратегия для нерусского населения страны и для части русских, проживающих в этнотерриториальных автономиях. Это культурное многообразие будет увеличиваться за счет иммиграции в Россию представителей нерусских народов из других стран бывшего СССР и за счет более высокой рождаемости среди части нерусского населения страны (Северный Кавказ, выходцы из стран Средней Азии и Закавказья). Одновременно будет уменьшаться доля русского и некоторых других народов страны. Демографически эти процессы регулируются очень трудно, и едва ли эту тенденцию можно и нужно менять (до 1991 г. в российской истории этнические русские никогда не составляли более 51% населения страны), ибо к прочности государства и к его благополучию это не имеет прямого отношения.

Оптимальная стратегия — избегать резких перемен в привычных пропорциях населения на уровне местных сообществ и крупных мегаполисов, а также пространственной этнической сегрегации (этнических кварталов), осуществлять политику культурной и социально-политической интеграции населения, снижать значимость этнической принадлежности граждан, признать реальность существования множественной идентичности («многонациональное» на уровне личности), отказаться от государственного вмешательства в вопросы этнической идентификации. Перепись населения должна проводиться по более современным критериям, с фиксацией сложной этнической принадлежности.

В России сохраняется старое советское отношение к так называемому национальному вопросу, суть которого в жесткой государственной институализации этничности граждан и придании неоправданной значимости этническим общностям как неким базовым социальным группировкам («народам» или «этносам»), из суммы которых состоит российская гражданская и социально-культурная общность. На этой базе формируется периферийный национализм (национализм нерусских народов), который обретает крайние формы, вплоть до вооруженного сепаратизма. Именно этот фактор составляет одну из наиболее серьезных угроз национальной безопасности России. Главным

инициатором этого национализма является многочисленная, особенно гуманитарная, интеллигенция нерусских народов. Радикальный национализм меньшинств поддерживается некоторыми представителями российской радикальной демократии как ложно понимаемая форма правозащитной политики. «Этнические предприниматели» из числа местных активистов осуществляют успешную массовую мобилизацию и способны создавать экстремистские группировки, особенно если добавляются лозунги политического ислама или другие экстремистские идеологии. Эта форма национализма получает внешнюю поддержку и симпатии.

Задача государства и общества — окончательно развенчать миф «национальных движений» и «национальных возрождений», который содержит в себе конфликтную мифологию и на самом деле представляет собой способ мобилизации этнического фактора в ситуации борьбы за власть и приватизируемые ресурсы. Особые меры необходимы в отношении гуманитарной интеллигенции республик и части нерусской интеллигенции в Центре, которые выступают главными «разоблачителями имперской политики» собственного государства на территории собственной страны. Одна из таких срочных мер — переориентация подготовки нерусской молодежи в сторону более полезных для общества и его модернизации профессий (меньше филологов, историков, археологов, этнографов и философов и больше менеджеров, социальных работников, психологов, юристов, управленцев и прочих).

Другое важнейшее направление — это инкорпорация нерусских элит в Центре и придание центру государства (от власти до СМИ) многокультурного облика, чтобы уменьшить степень отчужденности этнической периферии от остального государства и основного населения страны. Здесь огромное поле деятельности, начиная от текстов учебников вплоть до визуальных телеобразов и языков вещания.

В сфере межэтнических отношений особым вопросом является рост русского национализма и в целом ксенофобии среди населения, особенно в отношении выходцев с Кавказа и из Средней Азии. Доктринально неверные установки о некой «государствообразующей нации», а также дебаты о «русскости» (вымирание, уникальность, величие и прочие) способствуют эмоциональной и политической солидарности некоторой части населения, которое считает себя русскими, но радикально раскалывает страну по основному этнокультурному разделу. Это блокирует развитие общероссийского (гражданского) патриотизма и консолидацию населения во имя задач социального преуспевания и демократического обустройства страны. Как ханьцы — основной народ Китая уступают приоритет в пользу многоэтничной китайской нации, кастильцы — в пользу многоэтничной испанской нации, англичане — в пользу британской нации, так и этнические *русские должны будут*

(это фактически и существует на уровне обычного сознания) отдать предпочтение российской общности и российскому патриотизму, в котором русский язык и русская культура и без того имеют доминирующий статус. Именно так обстояло дело в дореволюционной России, когда понятие *«великоросс»* не имело узкоэтнического смысла, а к русским относились все, кто принял православие. Эта важнейшая доктринальная переоценка в пользу российскости явно затянулась и даже переживает рецидивы движения вспять по части разного рода «русских проектов» русской нации, но она должна быть срочно осуществлена, пока не сформировалось новое поколение на основе формулы «многих наций», отторгающих российскость как высшую коллективную ценность.

Оценка обществоведческой экспертизы

От оценок реального состояния дел в стране, как и от более общего вопроса образа страны в мире, зависит исключительно многое, в том числе и само положение дел, крепость государства и авторитет власти. В стране имеет место провал обществоведческой экспертизы в отношении содержания и результатов российских трансформаций. Это произошло по причине недостаточного профессионального уровня постсоветского обществознания, деформации его дисциплинарной и организационной структуры, засилья среди ученых бывших служителей пропагандистско-идеологического корпуса, который продолжает во многом задавать тон вместе с новой когортой попавших в разряд «ученых» действующих политиков и администраторов. В стране нет нормального процесса выработки и принятия решений на основе экспертной проработки. Каждая новая команда в политике разрушает наработки и отрицает результаты деятельности предыдущих, не говоря об оппозиционных силах.

В итоге мы имеем катастрофическое положение с негативной оценкой реальной ситуации, которая на самом деле достаточно иная. Более внимательный анализ итогов российских трансформаций показывает огромные позитивные перемены, которые не осознаются, замалчиваются или сознательно искажаются. Эти более объективные оценки необходимо срочно использовать в общественно-политических целях, в том числе и для внешнего мира. Российское правительство нуждается в мировой и всесторонней пиаркампании по исправлению собственного образа и образа страны. В современном мире без этого не обойтись.

Необходимы меры по радикальному улучшению обществоведческой экспертизы и экспертного обеспечения государственных органов. Шаманистский стиль экспертов, окружавших некогда Совет безопасности, построенный на разоблачении разных заговоров, нанес огром-

ный вред. Не меньший вред наносит нечуткое отношение экспертного сообщества к внешним и внутренним разработкам, которые имеют явную политико-идеологическую заангажированность, продиктованную спонсорами. Определенный вред наносит деятельность части отечественных специалистов-гуманитариев, выехавших за рубеж, где они занимают наиболее резкие позиции в оценке политики собственной страны и положения дел.

Нужны срочные заказы на исследования, которые имели бы современную теоретическую базу, дисциплинарный профессионализм и практическую ориентацию. Следует заменить стиль анонимных докладных записок ответственными независимыми экспертизами, которые дополняли бы друг друга, а не занимались взаимоуничтожением. Важно вырабатывать политическую и управленческую культуру использования экспертизы в государственном управлении

В. А. ТИШКОВ

АНТРОПОЛОГИЯ НПО*

«Движение» как постфактическая рационализация

Эта статья написана мною как реакция на статью Клауса Леггеви, которая отмечена свежим взглядом на роль общественных организаций и движений в современном мире. В какой-то мере позиция автора — это апология «оказывающих демократизирующее воздействие» неправительственных организаций и массовых общественных движений, которые автор возводит к однозначно позитивному для него историческому факту «взятия Бастилии народными массами». Не будем вдаваться в дискуссию, что в действительности произошло в Париже 14 июля 1789 г., и доверимся, как и автор статьи, созданным историками (с помощью живописцев) революционизирующим метафорам «свободы на баррикадах». Но все же отметим, что вопрос о «движениях» не так прост, хотя эта категория усвоена нами с первых школьных учебников по истории. В последние полтора десятка лет территория СССР и постсоветских государств была свидетелем конструирования различных «национальных», «демократических», «возрожденческих» и прочих движений, хотя во всех известных мне случаях ничего особенно не двигалось. Зато имели место активная элитная публицистика, политико-идеологическая индоктринация значительной части населения и публичные манифестации разной степени массовости, порою не уступающие массовкам (под этим я имею в виду добровольные и целевые собрания людей в одном месте) спортивных болельщиков или любителей бардовской песни.

Болельщиков и певунов «движениями» называют редко, хотя у них тоже есть свои лозунги и цели («Спартак — чемпион!»), а вот собрания вокруг политических, этнических или религиозных призывов сами активисты массовок и эксперты почти всегда обзывают «движениями».

---

* Неприкосновенный запас 2005 №1 (39).

© В А Тишков, 2007

Видимо, это необходимо для укрепления легитимности и для повышения значимости дорогостоящих и трудно организуемых коллективных акций. Но часто в «движения» оказываются зачисленными случайные или спорадические действия одиночек или малых групп, которым придают национальный или глобальный смысл уже позднейшие интерпретаторы «исторических событий». Так, например, если в конце 1980-х — начале 1990-х гг. в Латвии, Литве и Эстонии, в российских республиках Башкирии, Татарстане, Чечне, Якутии местные этнонационализмы через свои программы и действия обрели лейбл национально-освободительных или национальных движений, то для энтузиастов феномена «этнического возрождения» это означало, что для «полной симметрии» таковые должны были быть и в других этнотерриториальных автономиях. Именно таким образом в 1990-е гг. ученые и публицисты восприняли фактически все проявления этнонационализма и этнополитической мобилизации в бывших союзных, затем в новых государствах, а также в российских республиках. В итоге жестокий разгон властями с применением армии митингов и демонстраций в Тбилиси и в Баку превратился постфактум в национальные движения и революции. Этому ныне посвящены страницы учебников и возведены памятники, установлены календарные дни — все, чтобы свои «бастилии» остались навечно в народной памяти. В Институте этнологии и антропологии Российской Академии наук, например, для осуществления серийного издания документов национальных (гражданских) движений потребовалось более ста томов, и наличие таковых стало обязательно обнаруживаться во всех этнотерриториальных автономиях того времени. Для создания образа таких движений нужны были только ресурсы (люди и деньги). Так, участие в проекте влиятельного политика, готовившего к защите докторскую диссертацию по этнополитике, имело результатом 10-томную подборку документов в этой серии только по одной Республике Удмуртии, в которой этнический национализм был минимальным, а гражданских движений вообще не было [Феномен Удмуртии 2002–2003].

Учредители общественных организаций (иногда уже само их название узурпирует в свою пользу звучную категорию «движение»), сочинители разных манифестов и организаторы собраний чаще всего никакими движениями не являются, если под последними иметь в виду *массовые программно-политические, структурированные и организованные коллективные действия на определенном временном отрезке.* Именно по причине метафорической условности и постфактической рационализации следует осторожно относиться к таким большим категориям, как «революция» или «движение». Тем более нельзя рассматривать последние как синонимичные неправительственным общественным организациям (НПО), даже если последние пользуются

программатикой и механизмами «движений» (правозащитных, антиглобалистских, экологических, национальных и т. п.). Такое слишком расширительное определение неправительственных организаций мало что дает для лучшего понимания природы общественных коалиций вне государственно-административных структур.

Полезно также отделить неправительственные организации от более широкого спектра общественных объединений и ассоциаций, которые не считают себя принадлежащими к НПО или которые настолько специфичны, что было бы неправильно включать их в данную категорию. Например, многочисленные научные ассоциации и общества не относят себя к НПО, но таковыми являются по своей сути, ибо они есть негосударственные и неформальные объединения. Более того, некоторые научные (экспертные) сообщества могут выполнять роль НПО по части адвокативной деятельности в пользу тех или иных клиентов (защита меньшинств и мигрантов, получение и трансляция информации о проблемах и кризисах, участие в общественных кампаниях, предотвращение и разрешение конфликтов, выражение отношения к политике правительств и т. п.). Так, известный Летний институт лингвистики (ныне это НПО при ЮНЕСКО под названием SIL International) объединяет около 5000 специалистов по малым языкам, на которых говорят меньшинства и аборигенные народы примерно в 60 странах. Среди задач этой научно-общественной организации, помимо лингвистических штудий и переводческой деятельности (главным образом перевода Библии на малые языки), есть задача содействия распространению грамотности среди изолированно живущих народов. Кстати, одно время деятельность этой организации была запрещена в ряде стран Латинской Америки по причине связи части активистов института со спецслужбами США. В защиту малых групп и культур в свое время внесли большой вклад созданные преимущественно учеными-антропологами международные НПО «Группа по правам меньшинств», «Международное выживание», «Международная рабочая группа по аборигенным народам».

Однако адвокативная практика экспертных сообществ вызвана не только профессионально-этическими установками. Она чаще всего имеет политико-идеологическую направленность и связана с запросами государственных бюрократий. Научные ассоциации обществоведческого характера таковыми были с момента своего зарождения. Российское императорское географическое общество, куда первоначально входили этнографы, помогало устанавливать племенной состав Российской империи для лучшего управления инородческими окраинами, а затем КИПС (Комиссия по изучению племенного состава) помогала через разработку методологии переписи населения 1926 г. конструировать из доступного этнографического материала «советские соци-

алистические нации». Многие научные организации Запада в 1960–1980 гг. активно участвовали в «сдерживании коммунизма», а ныне — в «обустройстве» постсоветского пространства прежде всего в целях бесповоротного демонтажа имперской России. Так, например, научное Общество по изучению Центральной Евразии (Central Eurasian Studies Society), созданное всего несколько лет тому назад молодым ученым из Гарвардского университета Джоном Шоберлейном, всей своей программатикой и организационной деятельностью реконструирует новую геополитическую категорию «Центральной Евразии» от Якутии до Крыма, но фактически без славянского компонента. Сегодня ежегодные конгрессы этого объединения уже собирают до тысячи ученых. Аналогичные экспертные сообщества и миротворческие НПО существуют по Кавказу, под которым подразумевается территория трех государств — Азербайджана, Армении и Грузии, и некая серая зона под названием «Северный Кавказ».

Непросто обстоит дело и с организациями этнокультурного и этнополитического характера. Их также чаще всего не устраивает статус НПО или общественных ассоциаций, ибо они хотят быть «национальными организациями», т. е. представлять определенные этнонации и по этой причине иметь другие полномочия и статус по сравнению с обычными НПО. Так, например, в 1992 г. на российско-германских правительственных встречах, посвященных проблемам российских немцев (переселение в Германию, создание автономий в России, сохранение и поддержка культуры российских немцев), мною как министром приглашались участвовать тогдашние лидеры общественных организаций российских немцев. Эти лидеры, в частности президент Союза российских немцев Генрих Гроут, старались вести себя как «представители народа» и как равностатусные акторы в межгосударственных отношениях. Сходные претензии на политическое и другое представительство исходили неоднократно от общественных объединений башкир, татар, чеченцев, черкесов и десятков других объединений. Так, во время переговоров, которые я вел в качестве представителя федерального правительства с представителями Республики Татарстан в 1992 г., с татарстанской стороны постоянно присутствовали руководители Всемирного конгресса татар. Его президент Индус Тагиров как-то мне сказал: «Теперь вы — представители власти — без нас ничего не сможете решить, и нас уже назад загнать не удастся». Где теперь Генрих Гроут и Индус Тагиров, я не знаю, но знаю, что они оказались не правы в своих завышенных претензиях в диалоге с государством. Хотя следует признать, что своими действиями они подталкивали власть к более активной и позитивной политике по вопросам, которые до этого не решались десятилетиями.

Государство и НПО

Помимо отмеченных Клаусом Леггеви слабостей НПО (недостаточная демократичность, отсутствие внешнего контроля и обратной связи), существует целый ряд других проблем, заслуживающих внимания в столь важном обсуждении. Прежде всего, это вопрос о взаимоотношениях общественных организаций и «движений» с государством. Несмотря на меняющуюся динамику в соотношении создаваемых людьми различных социальных коалиций (от семьи и спортивного клуба до государств и мировых информационных систем), *государство до сих пор является самой важной и значимой формой людских коллективов.* Государства контролируют всю территорию Земли, имеют жесткое членство и пространственные границы, обеспечивают и поддерживают системы жизнеобеспечения, общественный порядок и безопасность проживающим в их границах сообществам. Только государства имеют исключительное право на ресурсы, на сбор налогов, на отправление правосудия и использование насилия в отношении людей вплоть до лишения их жизни. Часть этих функций может быть делегирована по согласию или узурпирована другими коалициями, например ООН или НАТО. Часть государств исполняют или используют далеко не все из обозначенных функций и полномочий, особенно по части обеспечения развития и безопасности своих граждан. Но от этого суть дела не меняется. Смысл остается таковым, как его определил в названии одной из своих конференций Аспеновский институт, занимающийся просвещением высших американских управленцев: «Сильное государство — сильные надежды» [Strong States, Strong Hopes 1997]. Только сильные и эффективные политии в форме национальных бюрократий и солидарных с ними гражданских сообществ способны решать наиболее сложные и наиболее важные вопросы общественного развития. Альтернатива этому — деградация людских коллективов по причине несоблюдения общих норм, неконтролируемого соперничества и доминирования, хаоса силовых воздействий на мировой арене.

В последние десятилетия государства демократизируются и больше сотрудничают между собой, хотя их родовая склонность к опасному соперничеству с исторической арены не исчезла. Ныне государства не могут себе позволить беспредел в отношении «своих» сограждан или «своего» населения, иначе их лидеры и исполнители террора могут оказаться в тюрьме. Государства утрачивают многие из присущих им функций в сфере экономических и финансовых дел. Появляются мощные объединения и институты, которые забирают у государства некоторые его полномочия и даже подчиняют себе бюрократии. Особенно это касается масс-медийных и бизнес-сообществ, а также некоторых трансгосударственных общественных коалиций (диаспор-

ные сети, защитные общественные движения и т. п.). В этой ситуации вполне понятными стали рассуждения о «несостоявшихся государствах» (failedstates) или государствах-изгоях (roguestates), о конце эпохи национальных государств, о приходе эры мирового правления и мирового гражданства и т. д. Однако обратим внимание, что чаще всего инициаторами подобных рассуждений выступают представители сильных («состоявшихся») государств, которые совсем не собираются упраздняться в пользу мирового правления или распадаться в пользу этнокультурного или регионального самоопределения. Остальные ведут себя гораздо более сдержанно. Мне, например, неизвестны представители академического или политического цеха из таких стран, как Индия или Китай, страны Латинской Америки и бывшего СССР, которые были бы активными проводниками идей мирового правления через трансгосударственные структуры и ограничения суверенитета национальных государств. В этом случае Индия и Китай могут подвергнуться скорой дезинтеграции по этнотерриториальному или религиозному принципу. И тогда задним числом, как и СССР, они будут «объяснены» как последние многонациональные империи, существовавшие в мире и распавшиеся под воздействием национально-освободительных движений.

Для большинства населения мира и для большинства государств более актуальной остается задача обеспечения эффективного государственного управления, сохранения гражданского согласия и предотвращения конфликтов. Известный западный журналист и философ Майкл Игнатьефф был прав, когда в своей последней книге об этнических конфликтах писал: «Как бы это ни звучало парадоксально, полиция и армия национального государства остаются единственными доступными институтами, которые когда-либо нами были созданы, чтобы контролировать и противостоять крупномасштабному насилию»[Ignatieff 1999: 160]. Итак, как бы это ни казалось неудобным, но следует согласиться, что *порядок первичен по отношению к форме, в которой он осуществляется*, т. е. сначала должна быть какая-либо власть в человеческом сообществе (иначе люди просто перебьют друг друга), а уже затем речь может идти о разной степени ее легитимности, справедливости и эффективности. *Антиэтатизм, т. е. отрицание государства, — это саморазрушительная утопия, привлекательная для части активистов, но нереализуемая по ряду фундаментальных обстоятельств.*

Одним из направлений по «улучшению мира» являются рассуждения о пользе и действия в пользу неправительственных организаций. Считается, что такие организации, особенно в странах несовершенных демократий или авторитарных режимов, помогают совершенствовать правление, избегать недостатков обычной представительной демокра-

тии и через принципы консосиальности (демократии согласия) и общественного диалога обеспечивать более чувствительное управление в культурно сложных обществах, каковыми являются практически все современные государства. В принципе возразить против этих положений достаточно трудно. Они есть некий идеальный вариант, о котором нужно думать и к которому можно стремиться. Но на пути к этому новому миру, где будут править союзы бюрократии и НПО, а вместо ООН будет «организация объединенных этнонаций» (утопический проект известного норвежского ученого Йохана Галтунга «Мир через мирные средства»[Galtung 1996], есть ряд серьезных препятствий.

И первое из этих препятствий — это сами НПО.

Сила и слабость НПО

В мире уже существует целая культура неправительственных организаций с характерной символикой (цветовой, графической, музыкальной, но никак не реалистской в виде орлов, львов и скипетров, чтобы не напоминать государственные символы), поведенческими паттернами (неформальный стиль общения, особые атрибуты перформанса, пренебрежение этикетом и протоколом для отличия от бизнесполитгосбюрократии), особым лидерским типом (бунтарский дух и фандрейзерский дар, без чего обходятся лидеры других сообществ). У НПО складываются кустовые сети (см. градацию НПО: www.ngo.org), и внутри них существуют иерархия и соперничество, особенно за источники финансирования. Из наиболее крупных мировых сетей НПО наиболее известны социально-волонтерские, в защиту детей, правозащитные, экологические, этнокультурные и миротворческие, хотя в каждой стране и в каждом регионе мира имеется своя специфика.

Последние 15–20 лет мне больше всего приходилось иметь дело с двумя последними категориями НПО, а две общественные организации были созданы мною лично и продолжают действовать до сих пор. Это — Сеть этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов (с 1993 г.) и Фонд гуманитарного содействия Чеченской Республике (с 1998 г.) (о них см.: www.eawarn.ru; и www.chechenfund.ru). Что касается общественных организаций, созданных на этнической основе или в сфере этнокультурной политики, то здесь мои наблюдения не менее богатые. Они восходят еще к временам 1970-х гг., когда я изучал общественные движения североамериканских индейцев, не говоря уже о более позднем опыте федерального министра по делам национальностей и 15-летнем стаже работы в профильном академическом институте.

Что мне представляется важным в предлагаемых проектах «хорошего правления» (goodgovernance), которое немыслимо без активных

и влиятельных общественных объединений, но идеализация которых в свою очередь столь же ущербна, как и идеализация государства? Прежде всего, *в какой области, о чем или по какому поводу существуют те или иные НПО?* Это совсем не праздный вопрос, ибо компетенция, эмоции и политико-идеологическая заангажированность создателей НПО могут порождать как просто глупые и наивные проекты-причуды, так и саморазрушительные, опасные монстры, которые совсем не заслуживают легитимации и поддержки, тем более со стороны государства и за счет налогоплательщиков. Оставим в стороне многочисленные хоббистские, культовые, сектантские, эзотерические и прочие организации и «движения», включая ассоциации типа «Народных целителей России» и им подобных. Возьмем организации более серьезные и даже номинировавшиеся на Нобелевскую премию мира. И среди них можно встретить то, что я называю *общественными конструкциями вокруг неверной идеи.* Так, например, в 1970-е гг. сначала среди аборигенных народов (так обычно называют коренное население государств, сложившихся на переселенческой, колонизационной основе) возникло ставшее международным движение «непредставленных народов и наций», которое обрело ассоциированный статус при ООН и затем собственную штаб-квартиру в Гааге (Организация не представленных в ООН народов и наций — ОННН). Изначально позитивные цели расширения представительства и устранения исторической дискриминации малых групп с уязвимыми культурными системами принесли много положительных результатов. Активисты аборигенных организаций в Гватемале и Индонезии получили Нобелевские премии мира.

Наиболее успешным примером таких нэйтивистских движений можно назвать национальные организации аборигенных народов, проживающих в арктических регионах мира, и их международное объединение «Международная циркумполярная конференция» (ICC). С участием последней был создан ныне влиятельный Арктический форум, в котором для достижения общих целей сотрудничают аборигенные организации, правительства Северных стран, деловые круги и ученые. Вхождение в эту мощную общественно-государственную сеть представителей коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока, прежде всего Российской ассоциации коренных малочисленных народов Севера (РАИПОН), оказало большое позитивное влияние на деятельность отечественных НПО в этой области. Путь, который прошли эти организации с момента первого Съезда народов Севера в Кремле в 1990 г. с участием Михаила Сергеевича Горбачева, поистине поразителен. Вместо двух-трех «больших вождей» типа Владимира Санги, Еремея Айпина и Евдокии Гайер ныне сформировался отряд компетентных и активных региональных и общинных лидеров, вместо

громких заявлений «Вся северная земля — наша!» приняты законы и местные правовые акты, обговорена поддержка со стороны компаний, имеется политическое представительство. Многие реальные проблемы аборигенов Севера сохраняются, как сохраняются стратегия жалоб и традиционалистская романтика в деятельности НПО, но ситуация изменилась радикально, причем в лучшую сторону. Аборигенные НПО совместно с государством и бизнесом имеют перспективу разработки культурно ориентированной модернизации и устойчивого саморазвития [Современное положение и перспективы... 2004].

В другую сторону пошла деятельность ОННН в Гааге, когда над штаб-квартирой водрузили флаги сепаратистских режимов и организаций. возникших после распада СССР и Югославии. В ситуации новых геополитических соперничеств и западной эйфории по поводу обустройства посткоммунистического мира «непредставленность» стала трактоваться как разрушение порядка, а не его улучшение, как выход из системы, а не как обретение в ней голоса. Флаг сепаратистской Чечни в Гааге президент Джохар Дудаев представил местному населению как доказательство международного признания самопровозглашенного государства. Там же повисло еще с десяток флагов «не представленных народов и наций», преимущественно из региона бывшего СССР. Абхазские, чеченские, карачаевские и прочие флаги были прямым приглашением к вооруженной борьбе. Упразднить такую общественную организацию фактически невозможно, а ущерб от нее большой. Эту проблему Клаус Леггеви обозначил как проблему «упорядоченного и постоянного контроля со стороны тех, кого затрагивают эти решения». Заметим, что одним из руководителей ОННН в начале 1990-х гг. была гавайская активистка Хуанани Траск, но только борьбу она вела не за восстановление утраченного в конце XIX в. суверенитета Гавайского государства во главе с последней королевой Лилиокалане, а за восстановление статуса-кво на российском Кавказе, который существовал до присоединения региона к России в конце XVIII в. Есть ли повод для существования такой НПО, даже если она получала в 1990-е гг. поддержку от Конгресса США?

Нереализуемые проекты партикулярного самоопределения сделали своим основным приоритетом и некоторые российские НПО этнополитического толка, балансируя на грани открытого конфликта с государственной властью. Если многие экстремистские НПО типа Конфедерации народов Кавказа или Татарского общественного центра фактически сошли с арены, то более спокойные и последовательные до сих пор строят деятельность вокруг основной цели — достижения «своей государственности». Так. лидер национально-культурной автономии российских немцев Иван Келлер на встрече в Государственной Думе в декабре 2004 г. изложил проект создания государственности российских

немцев в форме этнотерриториального образования, хотя вычертить территорию на карте России для такого образования очень трудно, а найти людей для жизни в такой автономии невозможно. Российские немцы более чем достойно самоопределились в рамках Российской Федерации, а их представительство во всех общественных сферах обеспечено (достаточно назвать имена «федерального уровня» Альфреда Коха, Германа Грефа, Владимира Бауэра). Опять же вопрос: если НПО ставит нереализуемую цель, тогда зачем такое НПО? И такой вопрос можно задать в адрес многих общественных организаций, не говоря уже о тех, деятельность которых носит противозаконный и разрушительный для общества характер и в отношении которых государство обязано применять защитные меры. Клаус Леггеви считает, что будирующая роль НПО в любом случае полезна для общества. Однако не следует забывать, что ресурсы и компетенция бюрократий также ограничены и публичное давление может приводить к принятию ущербных законов или к подписанию невыполнимых межгосударственных соглашений, как это произошло с подписанным в 1991 г. Гельмутом Колем и Борисом Ельциным документом о создании Республики Немцев Поволжья (именно так, с большой буквы, и было записано).

Следующий вопрос — *источники средств и заказчики создания НПО*. Вопрос более чем больной и действительно сложный. О том, что большинство НПО существуют далеко не на взносы собственных участников, это хорошо известно и вполне объяснимо. Даже если это добровольные взносы, то, как правило, это взносы не рядовых членов организации и участников движения, а богатых покровителей, как, например, в Фонде защиты живой природы (WWF). В отличие от государственных институтов, в НПО никто не платит налогов, и у НПО нет собственности на ресурсы, доходов с госпредприятий и природной ренты. Так будет и в будущем, и уже это само по себе делает вопрос о придании общественным организациям места, равного тому, которое занимают государства, бессмысленным. Так, Фонд защиты живой природы ведет мужественную борьбу за сохранение амурского тигра, но сама эта популяция едва ли когда-нибудь перейдет в собственность этой НПО.

Это означает, что обеспечение средств из внешних источников, включая государственные и полугосударственные институты, будет сохраняться, а значит, будет сохраняться проблема «заказа» со стороны того, кто дает деньги, и проблема независимости в деятельности НПО. Более того, некоторые НПО и создаются под заказ, т. е. для выполнения определенной миссии, которую государству напрямую невозможно или неудобно выполнять. Так, например, для обеспечения «досамоопределения» Федерации Югославии после первого распада, на этот раз за счет Косово и, возможно, Черногории, американцами бы-

ла создана НПО, которая консультировала косовских сепаратистов, как создавать параллельные структуры власти (shadowgovernment) и как вести дело к неизбежности выхода из общего пространства. Координировал деятельность этого НПО бывший президент Корпорации Карнеги за международный мир, отставной дипломат Морт Абрамовиц. Свою миссию эта НПО выполнила, превратив разрозненные группы албанских экстремистов и криминальных боевиков в мощную политическую и вооруженную силу, а югославскую провинцию Косово-Метохия в де-факто независимый регион с крайне неясным будущим

Что-то похожее из категории «целевых» НПО было создано в США в 1999 г. под названием «Американский комитет за мир в Чечне», в который вошли более ста известных американцев из числа ученых, бывших политиков и дипломатов. Хотя внешние цели комитета объявлены как содействие миру и стабильности в регионе, а также забота о правах человека, но практическая деятельность этой организации направлена на противодействие восстановлению российскими властями контроля над регионом вооруженного сепаратизма и доведение до конца сецессии Чечни, которое уже казалось завершенным после Хасавюртовского соглашения в 1996 г. Вся исходящая от этой общественной организации информация по Чечне носит односторонний и даже намеренно искаженный характер, начиная с утверждений цифры о якобы, более чем 200 тысячах погибших чеченцевах из числа гражданских лиц, о демографической катастрофе и 80% безработных в Чечне. Легитимные власти в республике намеренно не признаются, а федеральная программа постконфликтной реконструкции в республике замалчивается или третируется.

При всей неадекватности восприятия существующей в Чечне ситуации данная НПО обладает огромной мобилизующей силой и как бы корректирует официальную позицию администрации США по поддержке борьбы против терроризма на Северном Кавказе. Влиятельные члены комитета Ричард Пайпс и Збигнев Бжезинский после событий в Беслане выступили в самых влиятельных газетах мира с призывами предоставить немедленную свободу «этому крохотному колониальному владению России». Руководитель комитета Гленн Говард обнародовал в середине декабря 2004 г. призыв: «Соединенные Штаты и Европейский Союз должны поддержать диалог по Чечне точно так же, как они объединились вместе в поддержку демократии в Украине» (под последним имеется в виду поддержка одного из кандидатов на президентских выборах).

Противостоять таким призывам и другим средствам давления очень трудно не только правительствам США и стран ЕС. Это оказывает сильное воодушевляющее влияние и на тех, кто ведет *джихад* против России на ее собственной территории. Если такого рода обще-

ственные организации будут и в будущем рассматриваться как ресурсы демократизации, хорошего правления и укрепления миропорядка, тогда действительно возникает проблема нейтрализации такого активно воюющего актора в целях «упорядоченного контроля» в регионах открытых конфликтов, где население становится заложником больших геополитических игр и межгосударственных соперничеств. Такого рода НПО невозможно рассматривать в роли проводников гражданского общества. Но как нейтрализовать вышеупомянутый американский комитет? Никакого другого варианта, кроме самороспуска под воздействием фактических и моральных аргументов, не существует. Но самороспуск означает признание провала проекта «досамоопределения» России за счет Чечни, а это сделать очень трудно. Так и будет продолжаться ментальная «война в Чечне», где уже несколько лет нет военных действий. В Ираке то же самое экспертное сообщество уже ведет речь об «операциях постконфликтной стабилизации» в ситуации продолжающихся военных действий, больших жертв и разрушений.

Наконец, есть проблема навязывания модельных НПО обществам, где якобы нет низовых (grass-root) гражданских институтов и где через особые проекты партнерства и помощи нужно создавать «третий сектор». Для этих целей Запад в лице государственных структур и частных доноров выделял в последние годы большие средства и создавал многочисленные неправительственные организации. Следует сказать, что эти усилия принесли очевидные позитивные результаты в ряде нестабильных регионов Африки, Азии и Европы. Богатый опыт НПО в области по разрешению конфликтов был недавно обобщен в специальном пособии по трансформации этнополитических конфликтов, которые подготовил Бергхофский исследовательский центр по конструктивному урегулированию конфликтов (Berghof Forschungszentrum für konstruktive Konfliktbearbeitung) [Austin, Fischer, Ropers 2004] в Германии, и в книге еще одного немецкого специалиста по конфликтам — Гюнтера Шлее, изданной на русском языке в рамках проекта ТАСИС «Улучшение межэтнических отношений в Российской Федерации» [Шлее 2004].

Однако в этом опыте далеко не все столь однозначно. Так, деятельность западных НПО на Балканах была проанализирована шведским антропологом Стивеном Сэмпсоном, который пришел к выводу, что массивное вторжение в регион западных неправительственных активистов с целью создания там «третьего сектора» привело к противоречивым результатам. Наряду с успешными проектами и некоторыми позитивными переменами, в целом «экспорт западной демократии на Балканы стал формой благотворительного колониализма» [Sampson 2002].

Местные сообщества имели структуры гражданского общества и до

конфликтов, но это не были НПО в их западном понимании Навязывание через финансируемые проекты НПО по модели западных привело к возникновению своего рода «проектных элит», «компрадорской буржуазии», ориентированной на Запад и мало озабоченной развитием собственных государств Реакцией на это стало отторжение западной помощи и активизация местных националистов, а также ослабление новых государств после распада бывшей Югославии

Этот вывод о культурной нечувствительности всеобщей установки на «третий сектор» по западным образцам в отношении обществ, где имеются давние, но культурно отличительные традиции гражданских коалиций, имеет более широкое значение Здесь действительно есть большая дилемма Если джамаатская община в Дагестане, родственно-местническая или побратимская сети в Чечне и Ингушетии, религиозная группа вокруг мечети не являются НПО по западной модели, то нужно ли их игнорировать в качестве структур гражданского общества? И нужно ли создавать обязательно регистрируемые с писаными уставами, президентами и вице-президентами и бухгалтерами «типичные» НПО, чтобы принести в эти общества демократию? Стивен Сэмпсон считает, что нужно, поскольку Запад взял на себя роль «добровольного колонизатора» и должен играть ее до конца, как когда-то во времена классического колониализма последний также нес определенную цивилизаторскую миссию Мне это представляется слишком жестким подходом, ибо модели и ресурсы общественной самоорганизации далеко не сводятся к тем, которые накоплены устоявшимися демократиями западного мира Культура НПО, хотя и распространяется по миру все шире, еще далеко не завоевала этот мир

ЛИТЕРАТУРА

Современное положение и перспективы развития малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Независимый экспертный доклад / Под ред В А Тишкова М , 2004

Шлее Г Управление конфликтами теория и практика М , 2004

Феномен Удмуртии В 10 т / Под ред М Н Губогло и С К Смирновой М 2002–2003

Austin A , Fischer M , Ropers N (eds) Transforming Ethnopolitical Conflict The Berghof Handbook Wiesbaden, 2004

Galtung J Peace by Peaceful Means Peace and Conflict, Development and Civilization London, 1996

Ignatieff M The Warrior's Honour Ethnic war and the modern conscience London 1999 P 160

Sampson S Weak States, Uncivil Societies and Thousands of NGOs Western Democracy Export as Benevolent Colonialism in the Balkans // Recsic S (ed) Cultural Boundaries of the Balkans Lund University Press 2002

Strong States, Strong Hopes Guidelines for Post-Cold War United States Foreign Policy and the Role of Foreign Assistance Washington The Aspen Institute, 1997

В А ТИШКОВ

СОЦИАЛЬНО-КУЛЬТУРНЫЙ АСПЕКТ ТЕРРОРИЗМА*

Представители самых разных общественных дисциплин пытаются осмыслить феномен терроризма Складываются разные подходы к данному анализу и сама методология анализа Чтобы избежать поверхностных суждений или схоластических дебатов, важно понять, в каком дисциплинарном контексте и какими методами изучается проблема терроризма. С дисциплинарной точки зрения заслуживает внимания ракурс политической — и шире — социально-культурной антропологии, который предостерегает от системного фетишизма и обращает внимание на культурный контекст и на своего рода низовую этнографию терроризма Этот подход полезен, ибо помогает уйти от устойчивых образов неких коллективных тел, движений и институтов, которые якобы и определяют «большие события» На самом деле проблема сложнее и тоньше, и далеко не все определено историей, социально-экономическими факторами или религиозной доктриной

О терроризме часто говорят в контексте конфликта цивилизаций и других глобальных категорий («Север—Юг», «бедность—богатство»). *Однако современный обществоведческий анализ предполагает больше внимания к элементам, связанным с неопределенностью, с иррациональными факторами и с несистемными взаимосвязями и воздействиями* Различные метаконструкции, используемые при объяснении терроризма, как, например, *глобализация, колониализм* или *цивилизация*, не очень понятны как категории анализа или конкретной политики В случае с терроризмом явно предпочтительнее говорить о симбиозе локализма и глобализма В этом контексте становится гораздо понятнее ситуация, когда человек, сидя в афганских горах, имея счета в банках и спутниковую связь, может определять и влиять на то, что называется «глобальными процессами», т. е осуществлять широкие воздействия с огромными реальными последствиями, чего до этого не было.

---

* *Тишков В А* Этнология и политология М Наука, 2005

© В А Тишков, 2007

Так же уязвимы жесткие дихотомии в объяснении того, что произошло 11 сентября 2001 г. Пока прозвучали два основных подхода — это конфликт бедности и богатства и конфликт больших догм на уровне мировых религий. В какой-то мере эти две оценки адекватны реальности, но они явно недостаточны. В них присутствует культурный детерминизм, т. е. абсолютизация социокультурных различий. Если до этого мы занимались абсолютизацией идеологических, классовых, социальных различий, то теперь наблюдается своего рода этнографизация действительности и одержимость установлением культурных различий там, где на самом деле общность на порядок больше, чем различие.

При анализе феномена терроризма такое глобальное деление, как Север–Юг, должно быть достроено представлением о том, что есть единый мир и есть множество миров. И если мы хотим понять, кто против кого воюет, то даже элементарная этнография, где провели большую часть своего жизненного времени те несколько десятков человек, подозреваемых в причастности к осуществлению сентябрьских террористических актов, окажется, что это территория Великобритании и Соединенных Штатов Америки. Там же были обретены и все необходимые навыки осуществления террористического акта и там же были произведены орудия террора. То есть это в рамках одного мира порождаются жестокость, фанатизм и готовность осуществлять насилие. Оклахомский взрыв и его главный герой Тимоти Маквейн — это целиком американское порождение, как и американский гражданин, готовивший террористический акт с применением радиоактивного вещества. В равной мере Дудаев, Масхадов, Басаев с их вариантом вооруженного сепаратизма и тактикой террора были порождены в российской среде, а не в среде бедности и фанатизма.

Таким образом, *терроризм — это не война миров, а явление, которое пересекает границы и может существовать повсеместно. Что же до глобального (масштабного) терроризма, требующего знаний, умений и средств, то он вообще не может существовать без богатого мира.*

Если посмотреть, из каких источников в течение последнего десятилетия черпали основные финансовые и идеологические ресурсы все системные активисты, различные группы и силы, которые подвергают сомнению статус-кво в виде современных государств, то обнаружится, что именно с территории США поступают основные финансовые и идеологические ресурсы террористической деятельности. Хотя там и был принят закон против терроризма, но именно с этой территории поступали аргументы и деньги для закупок оружия для вооруженных сепаратистов во многих регионах мира: от Ольстера до Косово, включая Чечню и Афганистан.

Одно дело — позиции по отношению к терроризму правительства или высшего руководства, но нужно анализировать воздействие действующих лиц уровнем ниже — экспертов, бюрократии, лидеров-активистов, роль которых огромна. Например, при объявленной позиции США о признании территориальной целостности России достаточно высокопоставленные чиновники Государственного департамента, члены Конгресса и другие влиятельные политические акторы могут занимать по Чечне совсем иную позицию, держать в своем кабинете портрет Джохара Дудаева и приглашать того же Масхадова или его «министра иностранных дел» на встречу в Фонд Карнеги за международный мир или даже в Госдепартамент. Тем самым осуществляется акция поддержки и признания «полезных террористов» в рамках политики геополитического соперничества, достаточно близорукого, но в то же время приносящего свои результаты.

Сложность социально-политической материи, с которой мы имеем дело, требует более чувствительного анализа и соответствующих реакций. В частности, мы имеем дело с новым по своему воздействию феноменом, который не укладывается ни в понятие государства, ни в понятие этнических общностей. Речь идет о «неформальных сетях» — диаспорных, радикально-фундаменталистских или наркокриминальных коалициях, которые сегодня играют огромную роль. При этом они не обязательно привязаны к какой-то одной этнической группе, скажем, китайской или албанской, сейчас появляются транснациональные и «псевдоцивилизационные» общности — исламская, арабская, тюркская, магрибская. Солидарность здесь выстраивается по причудливым принципам. Неформальные сети очень подвижны, их программатика и действия зависят от определенного контекста. Но роль их очень велика, особенно для осуществления скрытых разрушительных действий. Именно поэтому необходимо проводить постоянный мониторинг подобных организаций и коалиций, чтобы секретари Совета безопасности РФ и другие самые высокие чиновники знали, что нельзя иметь дело с экстремистскими сектами типа японской Аум Сенрике, а МИД не должен выдавать въездные визы деятелям американской организации «Исламская нация», чтобы они приезжали взрывать обстановку в Дагестане.

Многое поменялось в мире в смысле ролей и статусов. До этого государства и культурно доминирующие демографические большинства представлялись как источник проблем и насилия, а меньшинства и внегосударственный сектор, в том числе разные «освободительные» движения, как страдающие, требующие защиты и международной поддержки. Даже часть Нобелевских премий мира ушла на эти цели. Сегодня *местные активисты, представители меньшинств в союзе с другими сообществами, неправительственными организаци-*

ями и международными структурами могут осуществлять гораздо более мощные акции и силовые воздействия, в том числе и быть инициаторами насилия. С одной стороны, большие игроки (великие и региональные державы) знают, как использовать их против геополитических соперников, с другой стороны, местные радикалы где-нибудь в Чечне, Дагестане или Карачаево-Черкесии уже знают, как использовать в своих собственных интересах геополитическое соперничество, начиная с трибуны ООН, международных джунглей Брюсселя и Страсбурга и кончая Государственным департаментом США.

Эти новые коалиции, которые выстраиваются от имени «угнетаемых меньшинств» или «непризнанных наций», в последнее время сильно скомпрометировали себя готовностью прибегать к насилию и включаться в геополитические баталии. Поэтому *сегодняшний мир должен быть не меньше озабочен проблемами прав большинства и сохранения основ правопорядка, которые становятся жертвами действий от имени меньшинства и тех, кто не признает статус-кво и желает изменить его силовым образом чаще всего вопреки воле большинства и даже не спрашивая представителей групп меньшинств, от имени которых действуют радикальные элементы.*

С этими новыми условиями и факторами мы мало имели дело и не выработали определенные стратегии ответов. По-прежнему что-то мямлим относительно «национального самоопределения» в этническом смысле, по-прежнему ищем или строим «национальные государства» на месте «многонациональных империй», вместо того, чтобы просто укреплять государства как самую эффективную форму коллективной человеческой организации и обеспечивать согласие проживающего во всех государствах культурно разнородного населения.

В ближайшей исторической перспективе ничто не сможет заменить нынешнее основное деление мира на государственные образования, так называемые «национальные государства», хотя это добавление к термину «государство» абсолютно бессмысленно. Государства останутся основными формами легитимной коалиции людей, которые будут иметь исключительное право на исполнение насилия, право на жесткое определение членства этих коалиций. Они будут охранять свои ресурсы, свои территории, свои границы. Никакие диаспоры, этносы, исламские уммы, «международные сообщества» — никто другой не должен получать это право. Кроме случаев, когда сами государства делегируют часть своих функций международным структурам или вооруженным союзам. Вот почему вызывает опасение, что появление нового претендента на воленавязывание в форме «международной антитеррористической коалиции» может вызвать обострение отношений между государствами региона вмешательства и цепную реакцию отмщения в форме террористических актов как

единственного средства борьбы против сверхмощных вооруженных коалиций.

Сентябрьские события повлияют в глобальном масштабе на то, что в свое время хорошо отразило название отчета об одном из семинаров Аспеновского института (США): «Сильные государства — это сильные надежды». То есть сильное государство прежде всего обеспечивает порядок и развитие. Всякие разговоры тех же, кстати говоря, американских ученых-экспертов о том, что современное государство в кризисе, что половина или две трети членов ООН — это квази-государства или «недосамоопределившиеся» государства, или «государства в состоянии риска», являются политизированной безответственностью.

Многие глобальные проекты, которые выполняли зарубежные коллеги в последние десятилетия, заложив политизированный мусор в компьютер, получили такой же мусор в виде списков «меньшинств в состоянии риска» или «государств в состоянии распада». Тем самым само обществознание, в том числе и отечественное с его дебатами о «национальных движениях» и «религиозных возрождениях», способствовало появлению нереализуемых проектов и косвенному оправданию насилия. Например, теория базовых человеческих потребностей в современных учебниках по конфликтологии, которая трактует дело так, что якобы при нарушении или угрозе таким потребностям, как сохранение групповой целостности и культурное самовыражение, люди готовы идти на все, невзирая на то, что их будут считать террористами.

Эти предписания на уровне академических конструкций имеют огромное значение, так же как и визуальная трансляция образов террора (от горящего небоскреба до портрета Бен Ладена). Не будь в Нью-Йорке телекамеры, которая сняла самолеты, врезавшиеся в башни, мы бы не называли произошедшее поворотной датой в мировой истории. Иными словами, сегодня конструирование образов и превращение с их помощью событий в «эпохальные» тоже имеют огромное значение.

В производстве террора особую роль играют различные несистемные активисты. Думая, что какие-то цивилизационные или религиозные метаструктуры воюют против «золотого миллиарда», мы тем самым совсем не обращаем внимание на то, что я называю «несистемными активистами». Сегодня, имея денежные средства и набор постулатов, можно мобилизовать рекрутов из бедных и богатых, из ненавистников и авантюристов, на любые действия. Поэтому *начало терроризма не там, где «реальная» бедность, а там, где создают ощущение бедности, несправедливости и безысходности.* Нужно сначала бедность объяснить, а ненависти — научить. Нет абсолютной бедности, люди живут в гораздо более бедных условиях во многих других государств мира, чем арабские страны, но им не объяснили или не по-

казали по телевизору, что «вас эксплуатирует "золотой миллиард", вы бедные, вы заслуживаете лучшей жизни». Должно быть предписание: ты беден, тебя угнетают. Сторонники террористических действий рождаются на основе именно этих предписаний и совсем необязательно в условиях реальной нищеты.

Надо избегать абсолютистского понимания уровня и условий жизни: у вас ВНП на душу такой-то — значит, вы в состоянии риска, и общество или меньшинство пойдет на все для того, чтобы достичь своего лучшего состояния. Это не так. Без внешних предписаний (их авторами могут быть этнографы, социологи, правозащитники, журналисты и прочие) бедность и отчаяние не могут актуализироваться, а дьявольский замысел и фанатичная жертвенность невозможны. Пришла пора объяснять эти тонкие и не очень приятные истины, чтобы московские и другие ученые проявляли больше осторожности в обучении Корану тех, кто это обучение использует как суррогат для насилия.

Самоосвоение образа о том, что ты беден, обездолен, что должен взять реванш, появляется тогда, когда есть агитаторы и телеэкраны для сравнения. Даже исторические драмы и то объясняются специальными интерпретаторами, ибо современный человек, в том числе боевик и террорист, сам не проживал ни депортацию, ни геноцид прошлых десятилетий или тем более столетий. Воюющие непримиримые чеченцы сами в депортации не были, там были их родители. Надо было прочитать книгу Абдурахмана Автурханова «О народоубийстве» и трехтомник под редакцией Светланы Алиевой «Так это было» или послушать митинги в Грозном, или прочитать закон 1991 г. о реабилитации депортированных народов, чтобы уверовать в «справедливость дела».

Важно изучить, как люди становятся рекрутами массовых мобилизаций и радикальных проектов, инициировать которые могут внесистемные активисты или люди, располагающие большими средствами и зловещими талантами (не обязательно, что за ними стоит некая коалиция или вся арабская элита). Этот феномен нужно отныне особо отслеживать. Это также применимо к России: важно установить момент, когда простой паренек из башкирской деревни (юноша, которого сейчас судят как участника теракта, а родители говорят, что «он хороший, его все уважали, он никого не обидел») вдруг стал таким, что назад пути нет. Когда наступил тот момент, начиная с которого он готов собой пожертвовать? Это же сложный феномен, и он не связан ни с цивилизацией, ни с политикой, а скорее с генетическим здоровьем, образованием и психологией.

Отслеживание этого феномена связано с необходимостью распознать, как отдельные люди при их решении покончить жизнь самоубийством в течение нескольких лет проходили сложнейшее обучение

вождению самолета — современного «Боинга», совершали другие длительные и сложные подготовительные действия и даже заводили семьи. То есть — это феномен, который одними глобальными категориями государства, этноса, религии, элиты не поймешь. Поэтому важно установить, когда молодой человек из деревни воспринимает опасные заблуждения, которые потом невозможно демонтировать. *Необходимо отслеживать эти примитивные, упрощенные конструкции, призывы, лозунги, вплоть до интерпретации религиозной догматики, пока их воздействие не стало опасным для общества. Именно здесь нужно вести работу, чтобы выставить превентивные меры, помимо мер, о которых уже говорилось и которые уже приняты.*

В контексте проблемы терроризма важно сделать некоторые выводы. Кому мы принадлежим, к какому миру и какой выбор мы сделали? Ответ на эти вопросы зависит от того, как мы сами себя квалифицируем, т. е. как мы себя назовем. Мы явно принадлежим к «золотому миллиарду». Пусть внизу, но мы принадлежим к нему. И поэтому не следует Президенту Путину произносить во время встречи с финским президентом слова: «Мы пока еще очень бедная страна». Стоит взглянуть с экранов на Афганистан, чтобы понять, что такое бедная страна. Наши бывшие страны Средней Азии, т. е. часть наших бывших соотечественников, — это совсем другой мир по сравнению с Афганистаном. Поэтому самокатегоризация нас как бедных, построивших «криминальное государство под пиратским флагом», как заявил «совесть нации» Александр Солженицын на общем собрании Российской Академии наук, означает приглашение желающих это государство изменить или из него выйти силой (терроризм).

И последнее — о научной экспертизе. Здесь также должны быть предприняты очень серьезные усилия. Мы в последние годы утратили добротные, хорошие знания (я имею в виду комплекс близких мне дисциплин) о том же Афганистане, о Средней Азии, о других регионах, в том числе и о США. Мы хороши на уровне политологических дебатов, умных и просвещенных суждений, но эмпирического, полевого материала сегодня нет. Сейчас в Средней Азии в десятки раз больше, чем российских специалистов, сидит американских антропологов. Они там не только в каждой стране, но и в каждом районе. Они отслеживают современные процессы, и не только отслеживают, но и выполняют более сложную задачу — формируют свое видение вещей в отношении Ферганской долины, в отношении в целом этого региона. Следует срочно возродить отечественную экспертизу внешнего мира, включая экспертизу Соединенных Штатов Америки. У нас практически в Америке никто не работает, не ведет полевые исследования. Те же из соотечественников, кто это делают в качестве американских сти-

пендиатов, занимают часто более антироссийскую позицию, чем сами американцы

Главный вывод *глобальная стратегия противодействия терроризму — это укрепление государства как источник порядка и легитимного насилия через соблюдение интересов большинства, через воленавязывание со стороны большинства, через ограничения внесистемных активистов и политики меньшинств и через отторжение радикальных проектов и призывов*

СОДЕРЖАНИЕ

ЧАСТЬ I ПОЛИТИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА

Традиционная политическая культура (ТПК) 5
Щепанская Т Б Странные лидеры О некоторых традициях социального управления у русских 7
I Тайна и власть 7
II Лидеры-странники 10
III Управляющие символы 15
IV Символы неопределенности 20
V Власть дороги 22
IV Ядерные структуры 25
Гиренко Н М Вождь — охотник и земледелец 33
Дмитриев С В Политическая культура тюрко-монгольских кочевников в историко-этнографической перспективе 45
Сульде к проблеме истории формирования политической терминологии кочевников Центральной Азии 45
К семантике некоторых конкретных форм ритуально-политического насилия у кочевников Центральной Азии 48
Интерпретация универсалии единства живых и мертвых в этнополитическом пространстве (практика разорения могил) 53
Знаменный комплекс в военно-политической культуре и вопросы его семантики 56

ЧАСТЬ II ПЛЕМЯ И ГОСУДАРСТВО

Колониализм как взаимодействие политических культур 65
Бочаров В В Колониализм общественный и культурный процессы 67
Раскин Д И Российская империя как специфический тип полиэтнического государства 86
Васильев Д В Управление коренным населением Туркестанского края в Российской империи 99

Традиционная политическая культура и современное государство. Африканский опыт 105
Бочаров В В Индивид и власть в Тропической Африке (К проблеме иррационального в политике) 107
Арсеньев В Р Охотничьи союзы и государственное управление Мали 122
Попов В А К проблеме становления политических культур освободившихся стран Африки аканский потестарно-культурный регион в политической системе Ганы 127

Традиционная политическая культура в республиках бывшего СССР «Советская цивилизация» 135
Ботяков Ю М К вопросу о традиционной политической культуре туркмен (XIX–XX вв) 135
Панеш Э Х Традиции в политической культуре народов Северо-Западного Кавказа 154
Рассудова Р Я Традиционная потестарность в этноисторической динамике (На примере Средней Азии) 170
Рахимов Р Р «Согласен отец — согласен Бог» (К проблеме власти и управления в культуре народов Центральной Азии) 184

Традиционная политическая культура русских и политический режим в Российском государстве 201
Бочаров В В Иррациональность и власть в политической культуре России 203
Бочаров В В Культурно-психологические истоки русского тоталитаризма 218
Щепанская Т Б Феномен «команды» в российской политической культуре советского и постсоветского периодов 243
Политическая «команда» как организация повседневности 246
«Команда» дискурсивные образы в прессе 246
Репутации и роли 250
Нормативный комплекс «команды» (по мемуарной литературе) 254
Повседневные практики 259
Силовое сообщество 260
Метафоры «боя» 265
Пир победителей 266
Консолидация 267
Проекция (модель) сообщества 271
Вербальная проекция сообщества 275
Силовой и питейный коды 278
Символика напитков мера «крепости» 281
Пир и победа 284
Дискурсивные табу 288
Бочаров В В Российская власть в ракурсе празднично питейной культуры 293

ЧАСТЬ III ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ

Политогенез 299
Васильев Л С Восток и Запад в истории (Основные параметры проблематики) 302
Кочакова Н Б Понятие «раннее государство» Раннее государство (РГ) и вождество 321
Специфика африканских РГ 324
РГ и вопросы эволюции Модель комплексного взаимодействия (МКВ) 334
Африканские РГ в томе «Идеология и формирование ранних государств» 339
Саутхолл Э О возникновении государств 345
Попов В А Потестарные отношения и политогенетические процессы (К проблеме становления политической организации постпервобытного общества) 352

Карнейро Р Процесс или стадии ложная дихотомия в исследовании истории возникновения государства 354
Классен Х Дж М Проблемы, парадоксы и перспективы эволюционизма 366
Введение 366
Переформулированные основные понятия 367
Традиционная дилемма однолинейность или многолинейность? 371
Множественность направлений эволюции 373
Похожие типы организации в разных потоках эволюции 375
Резюме 379
Бондаренко Д М , Коротаев А В , Крадин Н Н Социальная эволюция, альтернативы и номадизм 383
Альтернативность в эволюции 383
Кочевая альтернатива 387
Крадин Н Н Вождество по данным археологии и этнологии 393
Попов В А Политогенетическая контроверза, параполитейность и феномен вторичной государственности 412

Антропология конфликта 428
Бутовская М Л Универсальные механизмы контроля социальной напряженности и их эффективность в современном обществе 431
Естественные основы разрешения конфликтов 431
Без агрессии не было бы примирения 432
Восстанавливаемость отношений 433
Контроль социальной стабильности в сообществах ранних гоминид 435
Примирение у детей 436
Детская субкультура и примирение 438
Восстановление мира в человеческих обществах 440
Взаимосвязь ритуалов примирения в детских коллективах и традиционных обществах 441
Межгрупповые конфликты и восстановление мирных отношений между воюющими сторонами 441
Агрессия и миролюбие по ту сторону добра и зла 443
Краткие выводы 445
Бочаров В В Социально возрастной конфликт и политические катаклизмы в российском обществе 448
Тишков В А Чечня как сцена и как роль 464
Истина и мораль в конфликте 464
Тезисы и образы возлюбивших войну 469
«Либеральный интервенционизм» 470
Конструирование чеченцев из этнографического мусора 475
Тишков В А Межэтнические отношения и конфликты перспективы нового тысячелетия 482
О некоторых тенденциях в странах СНГ и Балтии 482
Основной внутренний вызов России 486
Конституционно правовая основа и административное устройство 487
Этнокультурный фактонр, национализм и сепаратизм 489
Оценка обществоведческой экспертизы 492
Тишков В А Антропология НПО 494
«Движение» как постфактическая рационализация 494
Государство и НПО 498
Слабость и сила НПО 500
Тишков В А Социально-культурный аспект терроризма 507

Научное издание

АНТРОПОЛОГИЯ ВЛАСТИ
Хрестоматия по политической антропологии
Том 2
ПОЛИТИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА И ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ

Печатается без издательского редактирования

Корректор *Н В Ермолаева*

Обложка художника *Е А Соловьевой*

Верстка *Е М Воронковой*

Подписано в печать 15 12 2006 Формат $60\times90\,^{1}/_{16}$
Бумага офсетная Печать офсетная
Усл печ л 32,5 Тираж 800 экз Заказ № 646

Издательство СПбГУ
199004, С -Петербург, В О , 6-я линия, 11/21

Тел (812) 328-96-17, факс (812) 328-44-22
E-mail editor@unipress ru
www unipress ru

По вопросам реализации обращаться по адресу
С -Петербург, В О , 6 я линия, д 11/21, к 21
Телефоны 328-77-63, 325-31-76
E-mail post@unipress ru

Типография Издательства СПбГУ
199061, С -Петербург, Средний пр , 41

ИЗДАТЕЛЬСТВО С.-ПЕТЕРБУРГСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

предлагает учебники, учебные пособия, научную и научно-популярную литературу по

истории,
экономике,
психологии,
философии,
филологии,
языкознанию,
естественным и точным наукам

студентам, преподавателям, научным сотрудникам, а также учителям, школьникам — всем, кому интересен мир книги.

Книги можно приобрести в магазинах Издательства, а также через отдел реализации:

199034, С -Петербург, 6-я линия В. О., д 11/21, к. 21
Телефоны· 328-77-63, 325-31-76
E-mail post@unipress ru

Широкий выбор научной, образовательной, справочной литературы в объединенной книготорговой сети «Книги университетских издательств»

в Санкт-Петербурге:

Книготорговая сеть Издательства СПбГУ

Магазин № 1 «Vita Nova»:

Университетская наб., 7/9
Тел. 328-96-91;
E-mail: vitanova@it13850.spb.edu

Филиал № 2:

Петродворец, Университетский пр., 28
Тел. 428-45-91

Филиал № 3:

В. О., 1-я линия, 26
Тел. 328-80-40

Филиал № 5:

Петродворец, Ульяновская ул., 1
(физический факультет)

Филиал № 6 «АКМЭ»:

В.О., Менделеевская линия, дом. 5
(здание исторического и философского факультетов)

Филиал № 7:

В. О., наб. Макарова, 6
(факультет психологии)

Филиал № 8:

Университетская наб., 11
(в холле филологического факультета)

Книжный магазин «Александрийская библиотека»

Наб. р. Фонтанки, 15 (здание РХГА)

в Москве:

Книжные ассортиментные кабинеты Издательств МГУ и СПбГУ

Воробьевы горы, ул. Хохлова, 11
(здание типографии МГУ)

Б. Никитская, 5/7
(здание Издательства МГУ)